

32834

ПЛАТФОРМА

ЕЯ ВОЗНИКНОВЕНІЕ и РАЗВИТІЕ.

(Исторія публичныхъ митинговъ въ
Англии).

~~41506~~

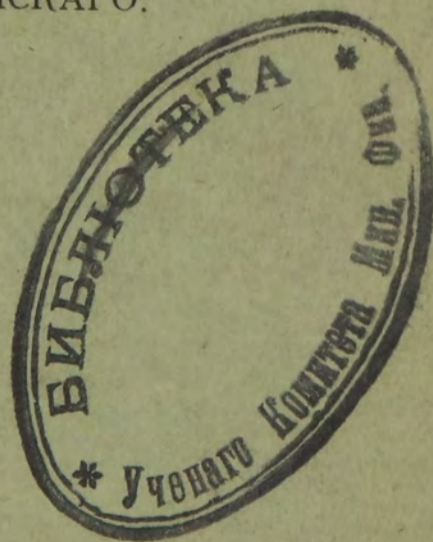
СОЧ. ГЕНРИ ДЖЕФСОНА.

Перев. съ англ. Н. Н. Мордвиновой,

подъ редакціей

проф. В. О. ДЕРЮЖИНСКАГО.

Томъ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

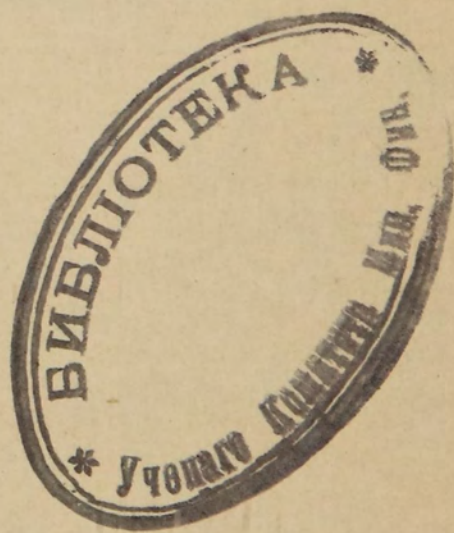
Типографія М. Акинфіева и И. Леонтьева, Бассейная ул., № 14.

1901.

ПЛАТФОРМА

ЕЯ ВОЗНИКНОВЕНІЕ и РАЗВИТІЕ.

五

32834

ПЛАТФОРМА

ЕЯ ВОЗНИКНОВЕНІЕ и РАЗВИТІЕ.

~~Исторія~~ (Исторія публичныхъ митинговъ въ
Англии).

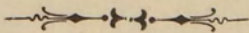
СОЧ. ГЕНРИ ДЖЕФСОНА.

—
Перев. съ англ. Н. Н. Мордвиновой,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

проф. В. Ѳ. ДЕРЮЖИНСКАГО.

—
Томъ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Акинфіева и И. Леонтьева, Бассейная ул., № 14.

1901.

39

Ч. К. 31

✓

THEATOPMA

DR. JOHANNES W. H. BOUTER

DEPARTMENT OF MATHEMATICS

UNIVERSITY OF TORONTO

87611

11

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(1826—1837).

PAGE THREE

1944-1945

ГЛАВА XIV.

АГИТАЦІЯ ПО ВОПРОСУ ОБЪ ЭМАНСИПАЦИИ КАТОЛИКОВЪ.

Въ то время, какъ подъ вліяніемъ установившагося въ странѣ матеріальнаго благосостоянія платформа замолкла, и еще прежде чѣмъ была сдѣлана попытка воспользоваться отвоеванной свободой, англійскому народу пришлось увидѣть наглядное свидѣтельство того, какою большою политической силою можетъ явиться платформа, — какъ много можетъ быть сдѣлано съ помощью свободнаго права собраній и свободы слова.

До сихъ поръ дѣятели платформы, стѣсняемые ограниченіями права собраній и свободнаго выраженія мнѣній, были слабы еще и по другой причинѣ, независимой отъ правительственнаго гнета. До этого времени платформа была совершенно лишена такой организаціи, которая давала бы ей надлежащую силу, и этотъ недостатокъ было необходимо восполнить. Ни организація, принятая вождями экономической агитаціи, ни организація лондонскаго *Corresponding Society*, ни та, которая была создана маіоромъ Картрайтомъ съ его *Hampden Club*'ами, не давали ей возможности развивать свою дѣятельность. Не было общей организаціи, центрального руководящаго органа, контролирующей власти.

Во время агитацій послѣдняго времени люди, пріобрѣвшіе извѣстность въ качествѣ выдающихся публичныхъ ораторовъ, не имѣли ни средствъ, ни умѣнья создать такую организацію или связать отдѣльныя случайныя дѣй-

ствія въ нѣчто цѣльное. Между ними не было единодушія, каждый изъ нихъ шелъ своимъ путемъ и они какъ бы совсѣмъ не хотѣли или не умѣли объединить свои дѣйствія или создать извѣстную организацію. Такимъ людямъ не трудно было собирать большіе митинги и привлекать слушателей. Какъ вѣрно замѣтилъ Гукеръ еще задолго до этого, «кто задался мыслью убѣдить толпу людей въ томъ, что ими управляютъ не такъ, какъ бы слѣдовало, тотъ никогда не будетъ имѣть недостатка во внимательныхъ и благосклонныхъ слушателяхъ». Но они повидимому не были способны идти дальше ораторствованія на митингахъ. Они являлись въ какое нибудь мѣсто, произносили рѣчи и снова уѣзжали, но кромѣ этого, кромѣ возбужденія, поученія народа, поддержанія въ немъ бодрости или громкаго выраженія его мыслей, они не дѣлали почти ничего.

Трудно сказать, скоро ли сознаніе всѣхъ выгодъ и преимуществъ организаціи проникло бы въ англійскій народъ, еслибы ему не былъ данъ въ этомъ отношеніи, и совершенно неожиданно, урокъ Ирландіей, которая поучительнымъ, нагляднымъ примѣромъ показала огромное значеніе платформы, опирающейся на стройную и крѣпкую организацію. Такъ какъ урокъ этотъ не пропалъ для Англій даромъ, то не лишнимъ будетъ остановиться подробнѣе на этой знаменитой ирландской организаціи, которой удалось отвоевать у англійскаго правительства эмансипацію католиковъ, несмотря на упорное его сопротивленіе. Исторія этихъ событій служитъ къ тому же яркою иллюстраціею многихъ наиболѣе интересныхъ сторонъ общественной жизни, связанныхъ съ платформою.

До сихъ поръ не было повода говорить о платформѣ въ Ирландіи. Эта страна не принимала никакого участія ни въ одномъ изъ тѣхъ движеній, которыя я описывалъ раньше. До конца восемнадцатаго столѣтія она имѣла свой отдѣльный парламентъ, переживала свои собствен-

ныя волненія, во время которыхъ платформа играла большую роль, но ни ея успѣхи, ни ея неудачи не имѣли отношенія къ платформѣ въ Англіи. Не участвовала она и послѣ присоединенія ея къ Англіи въ агитаціяхъ, которыя велись въ послѣдней при посредствѣ платформы. Городское промышленное населеніе Великобританіи имѣло свои особыя цѣли и стремленія; громадное большинство ирландскаго населенія имѣло свои, и не было между ними ничего, что могло бы соединить ихъ въ одномъ общемъ движеніи.

М-ръ Уайзъ въ своей Исторіи Католической Ассоціаціи, составленной вскорѣ послѣ описываемыхъ имъ событій, прекрасно характеризуетъ различіе значенія общественнаго мнѣнія въ обѣихъ странахъ.

«Общественное мнѣніе Ирландіи, говоритъ онъ, и общественное мнѣніе Англіи нельзя мѣрить одною мѣркою. Въ Англіи оно, подобно ея цивилизаціи, представляетъ собою результатъ медленнаго, но постояннаго развитія въ теченіе многихъ вѣковъ; оно возникло на почвѣ спокойнаго изученія великихъ политическихъ и экономическихъ вопросовъ, путемъ долготѣняго внимательнаго сравненія лежащихъ въ ихъ основѣ принциповъ съ тѣмъ, какъ они осуществляются въ различныхъ формахъ правленія, путемъ спокойнаго и неустаннаго наблюденія вліянія этихъ принциповъ на всѣ общественные классы въ сосѣднихъ странахъ, главнымъ образомъ во Франціи и въ Америкѣ, и путемъ быстрого, смѣлаго, а часто и произвольнаго примѣненія у себя тѣхъ выводовъ, которые здравый смыслъ извлекалъ изъ такого сравненія. Въ Ирландіи — все исходитъ изъ минутнаго увлеченія, все носитъ характеръ порыва; — знамя, выставленное этимъ народомъ, можетъ мѣняться каждый день. Все переживаемое Англіей оставляетъ въ ея главныхъ среднихъ общественныхъ слояхъ неизгладимое впечатлѣніе. Въ Ирландіи же отъ соотвѣтствующаго, но далеко не подобнаго ему класса, возможно ожидать лишь силь-

наго, но преходящаго подъема чувства, который всколыхнетъ на время одну поверхность, не нарушая мертваго застоя болѣе глубокихъ слоевъ.

«Однимъ словомъ, ирландцами руководить въ ихъ дѣйствіяхъ вѣра, англичанами — убѣжденіе; ирландецъ чувствуетъ, англичанинъ сознаетъ; однимъ народомъ двигаетъ разумъ, другимъ—страсти; въ одномъ переживаемое оставляетъ глубокой слѣдъ, въ другомъ—оно исчезаетъ какъ дымъ ¹».

Въ этихъ словахъ много справедливаго; но были и у ирландскаго народа нѣкоторые запросы, носившіе постоянный характеръ. Временами они оживлялись, временами затихали, но всегда ощущались съ тою неизмѣнною твердостью, съ какою мученикъ исповѣдуетъ свою вѣру; однимъ изъ такихъ запросовъ былъ предметъ той ирландской агитаціи, которая дала столь поучительный примѣръ англійскому народу, именно—вопросъ о положеніи въ государствѣ римскихъ католиковъ. Вопросъ этотъ уже давно волновалъ Ирландію и много было потрачено усилій на то, чтобы добиться отмѣны ограниченій, налагаемыхъ закономъ на католиковъ. Намъ нѣтъ нужды вдаваться въ исторію этой борьбы ранѣе 1823 года. Шейль, одинъ изъ выдающихся борцовъ въ дѣлѣ эмансипаціи католиковъ и одинъ изъ наиболѣе блестящихъ ораторовъ, такъ характеризуетъ положеніе этого вопроса въ 1823 году. «Католическіе митинги совершенно прекратились, пишетъ онъ. Повидимому мы перестали заниматься этимъ вопросомъ. Онъ не только не возбуждался въ парламентѣ, но и въ самой Ирландіи для направленія его не существовало никакого комитета или бюро, никакой ассоціаціи. Результатомъ этого было полное равнодушіе общества и я безъ преувеличенія могу сказать, что католическій вопросъ подвергся почти полному забвенію. Всякія публичныя собранія прекратились; не раздавалось болѣе

¹. См. Historical Sketch of the Catholic Association of Ireland, by Thomas Wyse, т. I, стр. 189.

негодующихъ резолюцій какихъ либо общественныхъ корпорацій; въ газетахъ не появлялось пламенныхъ рѣчей... Наступило полное затишье. Пульсъ общественной жизни пересталъ биться, замерли всякіе благородные порывы и вся страна находилась въ состояніи мертваго застоя ¹».

Среди этого затишья въ Ирландіи возникла «Католическая Ассоціація», поставившая себѣ задачей добиться отъ англійскаго парламента отмѣны ограниченій римскихъ католиковъ. Уайзъ такъ описываетъ возникновеніе этой Ассоціаціи. «Въ 1823 г. О'Коннелль и Шейль встрѣтились случайно въ домѣ одного общаго друга въ горахъ Уиклоу и послѣ взаимнаго обмѣна горькихъ чувствъ, вызывавшихся въ нихъ приниженностью ихъ согражданъ католиковъ, рѣшили составить адресъ и разослать его немедленно къ наиболѣе вліятельнымъ въ ихъ средѣ лицамъ. Этимъ и было положено первое основаніе Ассоціаціи. Сначала ихъ призывъ встрѣтилъ у нѣкоторыхъ неудовольствіе, у другихъ негодованіе, у большинства полное пренебреженіе.. Но въ нѣкоторыхъ газетахъ заговорили объ этомъ; поднялись вѣчныя пререканія, это привлекло вниманіе общества, возбудило его интересъ, и съ этой минуты успѣхъ былъ обезпеченъ ²». Далѣе онъ описываетъ образованіе самой Ассоціаціи: «Первоначальное зарожденіе Католической Ассоціаціи совершилось почти незамѣтно; десять, двѣнадцать человекъ собрались въ задней комнатѣ одной таверны въ улицѣ Сақвилъ и смѣло рѣшили начать дѣло ³. Такимъ образомъ создано ядро; оно стало разрастаться, съ каждымъ днемъ примыкали новые члены, вносившіе новое одушевленіе.. Былъ принятъ новый планъ организаціи—учреж-

¹. Memoirs of the Right Hon. R. L. Sheil, by W. T. M'Callagh, т. I, стр. 183.

². Wyse, т. I, стр. 198.

³. 10 мая 1823 г. состоялось собраніе, на которомъ было принято рѣшеніе основать Католическую Ассоціацію.—См. Select Speeches of Daniel O'Connell, Esq., M. P., by his son.

деніе открытаго клуба, въ который члены принимались бы безъ баллотировки, по устному предложенію знающаго ихъ лица и съ уплатою взноса въ размѣрѣ 1 фун. ст... Ассоціація съ каждымъ днемъ становилась многочисленнѣе и вскорѣ въ составѣ ея членовъ находились представители всѣхъ классовъ. Аристократія также присоединилась.... За нею стояло почти все сословіе джентри.. Отъ времени до времени примыкали къ ней и лица изъ духовенства (католическаго), при чемъ особенно много было членовъ изъ низшаго духовенства; они усердно распространяли и отстаивали принципы Ассоціаціи и выполняли ея предначертанія не только съ преданностью испытанныхъ друзей, но со всѣмъ рвеніемъ и одушевленіемъ прозелитовъ.»

Центральная Ассоціація находилась въ Дублинѣ. Она состояла изъ наиболѣе выдающихся лицъ католическаго вѣроисповѣданія, среди которыхъ первое мѣсто занимали самые крупные ирландскіе народные ораторы—Даніэль О'Коннелль и Ричардъ Лалоръ Шейль. Ассоціація имѣла еженедѣльные собранія, на которыхъ говорились пламенные рѣчи въ защиту правъ католиковъ. Рѣчи эти печатались цѣликомъ въ газетахъ и такимъ образомъ получали широкое распространіе. Ассоціація, однакоже, не ограничивала своей дѣятельности столицею и этими рѣчами. Всѣ способы, какіе только могъ подсказать самый изобрѣтательный умъ, были пущены ею въ дѣло для того, чтобы пробудить въ народѣ сочувствіе и заручиться его активнымъ содѣйствіемъ. Въ видахъ пріобрѣтенія необходимыхъ для веденія агитаціи средствъ, а также для того, чтобы постоянно поддерживать интересъ народа къ этому дѣлу, былъ установленъ особый «католическій сборъ» (Catholic Rent),—ежемесячный взносъ въ размѣрѣ одного пенса. Эта мѣра сама по себѣ чрезвычайно содѣйствовала развитію платформы, такъ какъ всякій разъ, когда жители какого нибудь прихода хотѣли ввести у себя этотъ сборъ, созывался приходскій

митингъ, предсѣдателемъ котораго назначался «весьма часто, хотя и не всегда, священникъ». Митингъ постановлялъ резолюціи объ установленіи сбора, для завѣдыванія которымъ избирался комитетъ съ секретаремъ и казначеемъ. Затѣмъ назначались сборщики и открывалась переписка съ центральной Ассоціаціей. Такимъ образомъ, въ распоряженіи центрального органа оказывалась могущественная мѣстная организація приходовъ по всей Ирландіи. «Сборъ католической ренты вскорѣ превратился въ стройную систему и сборщики сдѣлались регулярнымъ войскомъ Ассоціаціи, какъ плательщики были иррегулярными силами ея». По словамъ Уайза, «Ассоціація всецѣло овладѣла умами населенія. Вся страна представляла собою одну Ассоціацію».

Дебаты въ палатѣ общинъ также свидѣтельствуютъ о все возраставшей силѣ Ассоціаціи. Въ этихъ дебатахъ указывалось на то, что Ассоціація, «будучи общественнымъ органомъ, отличается отъ большинства подобнаго рода обществъ тѣмъ, что въ ней господствуетъ полное единомысліе. Тамъ нѣтъ борьбы различныхъ мнѣній, нѣтъ оппозиціи. Каждая рѣчь есть результатъ предварительнаго соглашенія, каждое рѣшеніе единодушно... Ассоціація учредила комитеты жалобъ, просвѣщенія и финансовъ. Она до мелочей копируетъ порядокъ своихъ занятій у палаты ¹. Она свободна собираться, когда хочетъ и въ сущности, засѣданія ея продолжаются съ января до декабря и власть, которою она пользуется, столь же безпрекословна и сурова, какъ власть любого неограниченнаго монарха ²».

Другое выразительное описаніе Ассоціаціи сдѣлалъ Каннингъ. Онъ говорилъ о ней, какъ о «самопроизвольно избранной, организованной, собирающейся и расходящейся по своему усмотрѣнію, не признающей надъ собою ничьей

¹. Рѣчь м-ра Гольбурна, 10 февраля 1825 г.—Hansard, Parliamentary Debates, т. XII, стр. 168.

². Plunket's Speech, стр. 317.

власти и ничего равнаго себѣ, вмѣшивающейся въ отправление правосудія во всѣхъ его видахъ; публично обличающей до суда тѣхъ лицъ, противъ кого она начала преслѣдованіе и подвергающей собственному суду и обвиненію тѣхъ, кто оправданъ судомъ; угрожающей карами свободной печати, открыто заявляющей о своемъ намѣреніи подкупать тѣ органы ея, которыхъ она не можетъ утратить и, наконецъ, облагающей ирландскій народъ для тѣхъ или иныхъ цѣлей ¹».

Могущество Ассоціаціи сдѣлалось наконецъ настолько велико, что вызвало негодующій протестъ значительной части общества Великобританіи и правительство почувствовало себя обязаннымъ принять какія либо мѣры для того, чтобы положить предѣлъ ея разрастающемуся вліянію.

Король, въ своей рѣчи при открытіи парламентской сессіи въ февралѣ 1825 г., выразилъ свое неодобреніе Ассоціаціи слѣдующими словами: «Еще ни разу не было во всей исторіи нашей страны, чтобы всѣ самые крупные интересы ея такъ преуспѣвали.. Тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что въ Ирландіи образсвались ассоціаціи, предпринявшія дѣятельность, несомѣстимую съ духомъ конституціи и рассчитанную на то, чтобы, возбуждая въ народѣ тревогу и разжигая въ немъ вражду, нарушить общественный миръ и воспрепятствовать спокойному ходу дальнѣйшаго развитія націи ²».

Немедленно же по открытіи сессіи, въ палату былъ внесенъ билль о закрытіи противозаконныхъ обществъ въ Ирландіи, къ которымъ причислялась и Католическая Ассоціація.

Пиль, бывшій въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ, заявилъ, что на основаніи конституціи онъ считаетъ «парламентъ единственнымъ судьей въ такихъ вопросахъ (какъ ограниченіе правъ католиковъ) и если

¹. Hansard, т. XII, стр. 465.

². Hansard, т. XII, стр. 1.

парламентъ находитъ нужнымъ сохранять какойнибудь законъ, то тѣ, кто по ихъ словамъ страдаетъ отъ него, не должны прибѣгать къ противоконституціоннымъ способамъ для достиженія его отмѣны. Они могутъ подавать петиціи, могутъ заявлять о своемъ недовольствѣ парламенту, и ихъ петиціи и заявленія будутъ подвергнуты обсужденію. Но парламентъ измѣнилъ бы своему долгу, еслибы онъ допустилъ, чтобы какая бы то ни была группа людей дѣйствовала независимо отъ его власти и руководясь лишь собственнымъ усмотрѣніемъ. Онъ настаивалъ на правѣ парламента поступать согласно тому, какъ онъ найдетъ нужнымъ, если признаетъ Католическую Ассоціацию или другое подобное общество несогласнымъ съ основными началами конституціи¹». Этимъ актомъ признавалось противозаконнымъ всякое учрежденное съ цѣлями искорененія недостатковъ въ сферѣ государственнаго или церковнаго управленія общество, которое устраиваетъ свои собранія болѣе двухъ недѣль подрядъ и которое взимаетъ или получаетъ деньги.

Во время этихъ преній о биллѣ, Каннингъ поднималъ даже еще болѣе крупный вопросъ, касающійся уже всего королевства, а не только одной части его,—вопросъ о возможности существованія подобнаго общественнаго органа рядомъ съ парламентомъ. Это составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ, находящихся въ связи съ платформою, и намъ еще придется вернуться къ нему позднѣе. Каннингъ сказалъ: «Говоря о представительномъ характерѣ Католической Ассоціации, я совсѣмъ не хочу этимъ сказать, чтобы она выставляла себя когданибудь представительницею ирландскаго народа. Нѣтъ, нынѣшніе члены ея слишкомъ умны, чтобы рѣшиться дѣлать подобное рискованное заявленіе. Еслибы они сдѣлали это, то не было бы нужды возбуждать вопросъ, такъ какъ для принятія на основаніи закона мѣръ противъ Ассоціации не потребовалось бы никакого новаго парла-

¹. Hansard, т. XII, стр. 248, 1825 г.

ментскаго акта... Но представительное значеніе приписывается Ассоціаціи другими. Не разъ повторившееся въ теченіе этихъ преній утвержденіе, что Ассоціація является и признается дѣйствительною представительницею ирландскаго народа, вынуждаетъ палату поставить и обсудить вопросъ, совмѣстимо ли самое существованіе подобной Ассоціаціи съ существованіемъ палаты общинъ. Возможно ли, спрашиваю я, существованіе въ нашемъ королевствѣ, безъ опасности для его внутренняго спокойствія, такого собранія, какъ наша палата общинъ, съ другимъ собраніемъ, имѣющимъ одинаковый съ нею характеръ представительства, получаемаго, хотя бы и иными способами? Не служитъ ли уже одно предположеніе подобнаго характера и атрибутовъ у Католической Ассоціаціи, еслибы даже оно и было невѣрно для настоящаго времени, во всякомъ случаѣ предостереженіемъ относительно того, во что Ассоціація можетъ превратиться, если ей будетъ предоставлена полная свобода? И если Католическая Ассоціація съ достиженіемъ ею полнаго развитія и силы представительнаго учрежденія несовмѣстима (а это не подлежитъ сомнѣнію) съ палатою общинъ, то не должны ли мы положить ей конецъ во время, прежде чѣмъ она достигнетъ полнаго развитія и силы? ¹»

Очень скоро оказалось, что актъ остался мертвою буквою. Ассоціація, правда, прекратила свое существованіе, но немедленно же образовалась новая Католическая Ассоціація, которая искусно обошла запрещеніе акта и съ усиленной энергіей приступила къ усовершенствованію организаціи, вызывая еще болѣе громкія манифестаціи народныхъ чувствъ, чѣмъ когда либо.

По всей провинціи собирались митинги попеременно то въ томъ, то въ другомъ графствѣ, и вожди Ассоціаціи являлись на нихъ и произносили рѣчи. Слава О'Коннелля, какъ оратора, настолько извѣстна, что нѣтъ надобности здѣсь приводить эти рѣчи или описывать тѣ

¹. Hansard, т. XII, стр. 470, 1825 г.

обстоятельства, при которыхъ онъ ихъ говорилъ. Платформа была его настоящею сферою; именно здѣсь всего лучше развертывалась вся сила его краснорѣчія и блестящіе успѣхи его ораторскаго искусства слѣдовали одинъ за другимъ. Ему помогали многіе другіе замѣчательные ораторы, среди которыхъ первое мѣсто принадлежало Шейлю.

Дювержье въ своихъ *Lettres sur les Elections Anglaises*, писанныхъ въ 1838 г., говоритъ о томъ очарованіи, которое производили рѣчи Шейля на слушателей. «Однимъ словомъ, я былъ очарованъ, потрясенъ, какъ и все собраніе. Въ теченіе цѣлаго часа во всей массѣ людей какъ будто жила одна душа,—душа оратора; отъ времени до времени по нимъ какъ бы пробѣгала электрическая искра, потрясавшая ихъ до самой глубины. Никогда еще не былъ я свидѣтелемъ такого полнаго триумфа ¹».

Въ цѣляхъ возможно большаго воздѣйствія на общественное мнѣніе, Ассоціаціей между прочимъ намѣчено было устройство одновременно большаго числа митинговъ.

«Пусть въ одинъ и тотъ же день, говорилъ Шейль, соберутся одновременно митинги въ каждомъ приходѣ Ирландіи. Будетъ 2500 митинговъ въ одинъ день,—это вызоветъ громадное движеніе среди населенія. До сихъ поръ великанъ двигалъ только одною какою нибудь частью своего тѣла, теперь же онъ двигается весь. Бриарей * долженъ встать и поднять заразъ всѣ свои сто рукъ ²».

Кромѣ того, Ассоціація имѣла намѣреніе сдѣлать перепись всего римско католическаго населенія Ирландіи и составить списокъ именъ и адресовъ всѣхъ приходскихъ священниковъ.

¹ См. Sheil, by M'Cullagh, т. I, стр. 311.

* Одинъ изъ мифическихъ великановъ, нападавшихъ на небо. У него было сто рукъ и пятьдесятъ головъ. Онъ былъ низверженъ Нептуномъ и заключенъ подъ Этною.

². Sheil, by M'Cullagh, т. I, стр. 253.

Полезьа подобной мѣры была указана Шейлемъ ¹, который говорилъ: «Такимъ образомъ будутъ установлены непосредственныя личныя сношенія съ каждымъ приходскимъ священникомъ и Ассоціація приобрѣтетъ руководителей въ народной средѣ, чрезъ которыхъ ей легко будетъ проводить идеи и стремленія, которыя она желаетъ распространять. По всей странѣ, изъ края въ край ея, создастся правильное и единообразное сообщеніе и самая широкая народная агентура. Когда это будетъ устроено, общая перепись можетъ быть сдѣлана въ одну недѣлю и, что всего важнѣе, все это населеніе будетъ вполне организовано для ходатайствъ и дисциплинировано въ томъ, что можетъ быть названо тактикою подачи петицій».

Этими провинціальными митингами или съѣздами платформа дала наиболѣе могущественный толчокъ агитаціи ². Уайзъ описываетъ, какъ они дѣйствовали на народъ. «Созывъ этихъ собраній, говоритъ онъ, былъ въ дѣйствительности рядомъ самыхъ внушительныхъ политическихъ поученій народа о его правахъ и претерпѣваемыхъ имъ несправедливостяхъ, оставлявшихъ за собою запасъ мыслей, которыя долгіе мѣсяцы послѣ того еще продолжали волновать умы крестьянъ, давали имъ сознаніе видимой и осязательной связи своей съ передовыми классами своихъ соотечественниковъ и приводили ихъ къ пониманію того, что дружное содѣйствіе и единеніе всѣхъ классовъ является лучшимъ залогомъ успѣха въ дѣлѣ возстановленія ихъ правъ. Въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ эти митинги послѣдовательно обошли всѣ города провинцій и каждый городъ съ каждымъ разомъ старался превзойти

¹. Ibid., стр. 262.

². Шейль однажды сказалъ Муру: «Духъ общественности развитъ въ Ирландіи чрезвычайно слабо и нуждается въ постоянномъ возбужденіи. Духовенство является единственнымъ орудіемъ, съ помощью котораго можно дѣйствовать на народъ; теперь имъ удалось привести его въ дѣйствіе и работа его въ полномъ ходу». Sheil, by M' Cullagh, т. I, стр. 275.

остальные и по количеству стекавшагося на митинги народа, и по одушевленію, и по смѣлости постановляемыхъ резолюцій. Все окрестное духовенство всегда присутствовало на этихъ митингахъ, дополняя краснорѣчіе демагоговъ и придавая ему еще большую убѣдительность въ глазахъ жадно внимавшаго ему народа. Такимъ образомъ дѣлу, которое тѣмъ, кто не участвовалъ въ немъ непосредственно, казалось всецѣло и исключительно только политическимъ, придавалась, какъ бы религіозная санкція¹».

«Въ жизни сельскаго населенія подобное событіе составляетъ цѣлую эпоху; вся семья крестьянина за много мѣсяцевъ съ волненіемъ ожидаетъ его и съ гордостью вспоминаетъ о немъ еще въ теченіе долгаго времени; рѣчи прилежно читаются и перечитываются, заучиваются наизусть, обсуждаются и цитируются съ непонятною для городского жителя серьезностью и горячностью²».

Описаніе одного изъ этихъ провинціальныхъ митинговъ живо рисуетъ намъ ихъ характеръ. Это былъ митингъ, собранный непосредственно послѣ побѣды на выборахъ въ Уотерфордъ, гдѣ впервые былъ выбранъ кандидатъ католической партіи.

Онъ былъ собранъ въ августъ «въ то время, какъ говоритъ Уайзъ, когда въ народѣ еще не остыло воодушевленіе послѣ одержанной недавно небывалой побѣды.

«Митингъ собрался въ католической церкви города. Вся огромная церковь была переполнена густою толпою собравшагося изъ окрестныхъ деревень народа. Прямо передъ алтаремъ была устроена платформа, на которой католики и протестанты вмѣстѣ толпились вокругъ каѳедры.

«Было превосходное утро и настроеніе народа, еще переполненнаго радостью недавней побѣды, вполне гармонировало съ сіяющею природою и выливалось съ такимъ шумнымъ энтузіазмомъ, который охватилъ вскорѣ даже и наиболѣе равнодушныя сердца этого многолюднаго собранія.

¹. Wyse, т. I, стр. 226.

². Ibid., стр. 241.

«Уже нѣсколько рѣчей было выслушано и встрѣчено болѣе сильными, чѣмъ обыкновенно, выраженіями одобренія, когда м-ръ О'Коннелль взошелъ на подмости. Краснорѣчіе О'Коннелля именно въ такихъ случаяхъ проявляется съ особенною силою, но на этотъ разъ онъ превзошелъ самого себя. Вся громадная толпа, стоявшая внизу, разразилась неистовыми криками восторга, не находившаго себѣ выраженія въ словахъ, когда онъ въ энергичныхъ, потрясающихъ душу выраженіяхъ обратился, съ одной стороны, къ молодой Ирландіи, а съ другой къ преисполненному самоувѣренностью правительству, умоляя ихъ не терять времени и не дожидаться, пока явится на сцену новое поколѣніе, которое съ горячностью вмѣшается въ дѣло и сдѣлаетъ, какъ это было въ Америкѣ, всякое соглашеніе невозможнымъ,—но теперь же, скорѣе, пробудиться, выйти изъ бездѣйствія, протянуть руку и спасти ихъ общую родину, пока еще не поздно и есть возможность избѣжать рѣзни и кровавыхъ переворотовъ¹».

Эти выборы въ Уотерфордѣ представляютъ собою событіе большой важности въ лѣтописяхъ всего движенія. Они явились результатомъ того, что вожаки движенія поняли или сознали, что наиболѣе дѣйствительное средство для воздѣйствія на правительство со стороны платформы есть воздѣйствіе ея на палату общинъ, и общіе выборы 1826 г. представили очень заманчивый случай для Ассоціаціи вырвать во многихъ графствахъ Ирландіи представительство изъ рукъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ. Въ Ирландіи избирательный цензъ былъ очень низокъ: избирателемъ являлся каждый обладавшій 40 шилл. дохода, такъ что въ дѣйствительности избирательными правами обладало каждое сельское домохозяйство, и потому избирателей было очень много. Надѣялись, что, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, религіозное чувство заставитъ ихъ подавать голоса противъ ихъ лэндлордовъ, до сихъ поръ пользовавшихся

¹ W y s e, т. I, стр. 242.

неограниченною властью надъ ними. Первая побѣда была одержана въ графствѣ Уотерфордъ, гдѣ возстали всѣ сорока - шиллинговые фригольдеры. Затѣмъ Ассоціация восторжествовала и въ Лутъ. Это были очень крупныя побѣды и онѣ сильно подняли духъ руководителей движенія.

Между тѣмъ время шло и въ составѣ англійскаго правительства произошли перемѣны. Здоровье лорда Ливерпуля становилось все хуже и онъ принужденъ былъ наконецъ оставить свой постъ. На мѣсто его первымъ министромъ былъ назначенъ Каннингъ, который черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ; послѣ него первымъ министромъ былъ лордъ Годерикъ, а затѣмъ герцогъ Веллингтонъ. Но эти перемѣны очень мало вліяли на ходъ движенія; оно продолжало идти своимъ путемъ и энергія его вожаковъ не ослабѣвала. Рѣчь, сказанная Шейлемъ 14 іюня 1828 г., даетъ понятіе о томъ, чего достигла агитация къ этому времени ¹. «Не только не отрицая того, что эта Ассоціация (которая въ сущности представляетъ собою Ирландію) управляетъ народомъ силою общественнаго мнѣнія, я, напротивъ того, утверждаю это. Мы обладаемъ огромнымъ авторитетомъ. Стоитъ намъ только подать сигналъ, и къ нашимъ услугамъ, какъ по мановенію волшебства, поднимутся 7.000.000 ². Если сдѣлано уже такъ много, развѣ не найдется возможности сдѣлать еще больше? Неужели они думаютъ, что болѣе нельзя ничего сдѣлать, что нельзя укрѣпить свое положеніе еще больше? Неужели они думаютъ, что всѣ средства возбужденія народа уже истощены и что вул-

¹. M'Cullagh, Sheil, т. II, стр. 10.

². Эти слова его являются значительнымъ преувеличеніемъ. Въ то время все населеніе Ирландіи было менѣе 7.750.000; изъ нихъ вѣроятно около 1.700.000 были протестанты; изъ остающихся 6.000.000 3.000.000 составляли женщины; а изъ остальныхъ 3.000.000 одна треть еще не достигла пятнадцатилѣтняго возраста. См. относительно этого рѣчь сэра Роберта Пиля отъ 5 марта 1829 г. въ Parliamentary Debates, т. XII, стр. 747.

канъ поднявшихся народныхъ страстей не можетъ извергнуть еще больше лавы?»

Казалось, что дѣйствительно пущены въ ходъ уже всѣ организаціонныя средства, но по инициативѣ О'Коннелля были учреждены еще въ каждомъ приходѣ «церковныя старосты», которые должны были представлять ежемѣсячные отчеты по переписи и денежнымъ сборамъ и чрезъ посредство которыхъ распространялись въ народѣ печатавшіеся отчеты о рѣчахъ и митингахъ Ассоціаціи въ Дублинѣ.

Все еще не считая своей организаціи вполне удовлетворительной, Ассоціація употребляла всѣ мѣры для ея улучшенія и было рѣшено, что Ассоціація сохранить существованіе главнаго клуба, комитета или ассоціаціи, что въ каждомъ графствѣ будетъ учреждена подобная же ассоціація или клубъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ главной Ассоціаціи; подобные же клубы или ассоціаціи будутъ учреждены въ каждомъ приходѣ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ клуба графства». Этотъ планъ былъ выполненъ почти повсемѣстно и въ концѣ концовъ вся «нація превратилась въ націю политикановъ; не было ни одной часовни, которая не имѣла бы своего политическаго оратора и ни одного оратора, который не имѣлъ бы нѣсколькихъ тысячъ слушателей ¹».

Въ то самое время, какъ Ирландія достигла этой высокой степени политической организаціи, нѣкоторыя перемѣны въ составѣ кабинета имѣли своимъ послѣдствіемъ, что представительство отъ графства Клэръ сдѣлалось вакантнымъ. Ассоціація рѣшила отвоевать его. Кандидатомъ выступилъ О'Коннелль, хотя онъ, будучи католическаго вѣроисповѣданія, и не имѣлъ права быть членомъ парламента. Выборы имѣли мѣсто въ концѣ іюня и началѣ іюля 1828 г. и были много разъ описаны въ подробностяхъ, такъ какъ они представляютъ собою рѣшающую битву въ этой долгой борьбѣ за эмансипацію.

¹. W y s e, т. I, стр. 340.

Мы коснемся ихъ лишь постольку, поскольку въ нихъ дѣйствовала платформа, которая во всей своей исторіи ни разу не играла такой видной роли и при столь поразительныхъ обстоятельствахъ. Талантливѣйшіе ораторы подняли въ пылкомъ и легко возбудимомъ народѣ всѣ религіозныя и патріотическія страсти, и дѣйствіе получилось поразительное.

«Какъ только намѣреніе м-ра О'Коннелля выступить противъ м-ра Фицджеральда было объявлено, такъ тотчасъ же по всему графству Клэръ начали разѣзжать ораторы Ассоціаціи и приходскіе священники. Съ неустанной энергіей переѣзжали они изъ прихода въ приходъ, созывая въ каждомъ избирателей и обращаясь къ нимъ съ рѣчами. Мѣстомъ своихъ собраній они выбирали католическія часовни, отчасти ради удобства, отчасти ради того религіознаго характера, который это придавало ихъ миссіи. Какъ выразился впоследствии Шейль, «каждый алтарь превратился въ трибуну¹».

Виси Фицджеральдъ, кандидатъ министерства, писалъ въ письмѣ къ Пилю отъ 17 ікня: «Мнѣ сообщили, что въ воскресенье во всѣхъ приходахъ произносились воззванія съ кафедръ, а въ слѣдующее воскресенье во всѣхъ церквахъ будетъ читаться письменное воззваніе отъ Ассоціаціи²».

Но эти воззванія должны были казаться народу холодными и шаблонными въ сравненіи съ произносимыми предъ нимъ рѣчами.

«Когда мы подняли ихъ въ полночь», говорилъ Стилъ, одинъ изъ дѣятельныхъ агентовъ Ассоціаціи, «и созвали въ ярко освѣщенныя церкви, гдѣ, ставъ рядомъ съ ихъ священниками, призывали ихъ подавать голоса за О'Коннелля, за свою вѣру и свою родину, то произошла сцена, не поддающаяся никакому описанію».

Макневинъ также описываетъ одинъ изъ митинговъ

¹. Annual Register, 1828 г., стр. 124.

². Peel's Memoirs, т. I, стр. 107.

во время этихъ выборовъ. Какъ только обѣдня окончилась, о. Мурфи снялъ съ себя облаченіе и, не переставая быть священникомъ, превратился въ политическаго агитатора. Онъ обратился къ собравшимся на ирландскомъ языкѣ и призывалъ ихъ, во имя ихъ родины и вѣры, подавать голоса за О'Коннелля... Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ онъ въ концѣ рѣчи. Волновавшія его чувства придавали его словамъ необычайный жаръ; выпрямившись во весь свой ростъ, положивъ одну руку на алтарь и потрясая другою въ воздухѣ, онъ имѣлъ видъ пророка; глаза его горѣли и, казалось, готовы были выско-чить изъ орбитъ, крупныя капли пота текли со лба, губы, испускавшія эти громовые звуки, были блѣдны и покрыты пѣной. Нечего и говорить, что противъ подобнаго при- зыва устоять не было возможности. Толпа разразилась восторженными криками и была готова по одному его слову броситься хоть на батарею пушекъ ¹».

О'Коннелль былъ выбранъ подавляющимъ большин-ствомъ. «Ораторы могутъ въ теченіе цѣлаго вѣка расто-чать свое краснорѣчіе, сказалъ Шейль тутъ же на вы-борахъ, но если рѣчи эти не имѣютъ подъ собою на-стоящаго основанія, то все ихъ краснорѣчіе останется пустымъ звукомъ; если же въ этихъ рѣчахъ говорятъ народу о томъ, что существуетъ на самомъ дѣлѣ, что подтверждается фактами, то это вызоветъ такое дѣй-ствіе, примѣромъ котораго служить то, что произошло на этихъ выборахъ».

Тотчасъ же послѣ выборовъ О'Коннелля наступило «окончаніе срока, на который былъ изданъ злополучный актъ 1825 г.». Старая Католическая Ассоціація немедленно была восстановлена и члены ея снова дали обязатель-ство «бороться противъ избранія въ парламентъ всякаго, кто не заявитъ себя противникомъ кабинета герцога Веллингтона».

¹. The Speeches of the Right Honourable Richard Lalor Sheil M. P., by Thomas Macnevin, стр. 53.

Положеніе, которое теперь занимала Ассоціація, характеризуется однимъ письмомъ лорда намѣстника Ирландіи отъ 2-го іюля 1828 г. «Могущество Ассоціаціи, или, вѣрнѣе, агитаторовъ, среди которыхъ много очень даровитыхъ, смѣлыхъ и умныхъ людей, достигло столь необыкновенной силы, что они безъ всякаго сомнѣнія могутъ во всякое время вызвать всеобщее возстаніе народа ¹».

Такою силою и твердостью обладалъ порывъ, вызванный платформою въ этомъ пылкомъ и впечатлительномъ народѣ въ лицѣ крупныхъ народныхъ ораторовъ, опиравшихся на могущественную широкую организацію.

Намъ остается теперь сказать о томъ дѣйствіи, которое производила вся эта агитація на правительство и благодаря полнотѣ свѣдѣній, имѣющихся въ Мемуарахъ ² Пилля, мы можемъ преслѣдить его съ большою подробностью. Пиль, главное лицо въ министерствѣ, сразу понялъ, что вопросъ вступилъ въ новый фазисъ благодаря результату выборовъ въ Клэрѣ. «Въ чемъ заключается, пишетъ онъ, опасность этихъ выборовъ и ихъ естественныхъ послѣдствій? Совсѣмъ не въ возможности какихъ бы то ни было взрывовъ насилія или чего либо, что можетъ подлежать дѣйствію закона. Настоящая опасность заключается въ самомъ этомъ мирномъ и законномъ пользованіи избирательными правами согласно волѣ и совѣсти избирателя. Въ такомъ пользованіи этими правами, которое конституціонные законы не только допускаютъ, но поощряютъ и одобряютъ, заключается зародышъ полного преобразованія избирательной системы Ирландіи, переходъ политической власти, насколько она связана съ представительствомъ, отъ одной партіи къ другой».

Лѣто 1828 г. застало министерство передъ еще не-

¹. Peel's Memoirs, т. I, стр. 147.

². Memoirs of Sir Robert Peel, Bart., M. P., стр. 117, изданные его душеприказчикомъ лордомъ Магономъ и сэромъ Эдуардомъ Кардуэлль.

разрѣшеннымъ католическимъ вопросомъ. Пиль, однако, уже пришелъ къ сознанию необходимости разсудить, «не лучше ли пойти на уступки, чѣмъ оставаться въ ожиданіи несомнѣннаго продленія или, быть можетъ, столь же несомнѣннаго осложненія и безъ того опаснаго положенія вещей ¹». 11-го августа онъ писалъ герцогу Веллингтону: «Какъ бы мы ни смотрѣли на католическій вопросъ, мы должны признать, что настоящее положеніе дѣлъ въ Ирландіи въ высшей степени затруднительно и сложно и что мнѣнія протестантовъ по самому главному вопросу относительно Ирландіи раздѣлились почти поровну. Мы не можемъ избѣжать обсужденія этого вопроса и вмѣстѣ съ тѣмъ мы знаемъ, что при этомъ обсужденіи окажемся въ меньшинствѣ въ одной изъ законодательныхъ палатъ. Въ 1827 г. въ палатѣ общинъ противъ дарованія правъ католикамъ высказалось большинство четырехъ голосовъ; въ 1828 г. въ пользу дарованія этихъ правъ было уже большинство шести голосовъ. Эта перемѣна была конечно вызвана не чѣмъ инымъ, какъ прогрессомъ независимаго общественнаго мнѣнія. Такимъ образомъ большинство, стоящее за эту мѣру, растетъ въ палатѣ общинъ. Палата общинъ прошлаго парламентскаго состава и палата общинъ нынѣшняго состава обѣ высказались въ принципѣ въ пользу дарованія католикамъ правъ. Большинство въ палатѣ лордовъ, высказавшееся противъ, очень незначительно, но еслибы оно было и гораздо больше, то постоянное разногласіе между обѣими вѣтвями законодательной власти по подобному вопросу имѣло бы весьма дурныя послѣдствія».

На другой день послѣ того, какъ Пиль писалъ это письмо, а именно 11 августа, въ Дерри протестантами или оранжистами торжественно праздновалась годовщина освобожденія этого города. На обѣдѣ, который давало оранжистское джентри городу, присутствовалъ между прочимъ м-ръ Джорджъ Даусонъ, одинъ изъ членовъ

¹. Peel's Memoirs, т. I, стр. 182.

парламента отъ этого графства, секретарь казначейства и зять Пиля. Онъ произнесъ рѣчь, послужившую первымъ признакомъ переменъ политики министерства и произведшую сильнѣйшее впечатлѣніе.

«Положеніе Ирландіи, сказалъ онъ, представляетъ собою аномалію въ исторіи цивилизованныхъ народовъ. Правда, мы видимъ, что правительству выказывается наружное повиновеніе, тому правительству, которое отвѣтственно и передъ парламентомъ и передъ Богомъ за то, какъ оно управляетъ; но не подлежитъ также сомнѣнію и то, что громадное большинство народа обращаетъ свои взоры не къ законному правительству, а къ безотвѣтственной и самозванной ассоціаціи. Спокойствіе и миръ въ Ирландіи зависятъ не отъ королевскаго правительства, а отъ велѣнія Католической Ассоціаціи. Она бросаетъ вызовъ правительству и попираетъ законы страны, и не подлежитъ сомнѣнію, что та сила, которая отняла у министра представительство его графства (Клэръ) на томъ основаніи, что онъ членъ королевскаго правительства, имѣетъ полную возможность сохранять въ странѣ миръ и порядокъ, или нарушить его, сообразно лишь тому, что подскажутъ капризь или честолюбіе тѣхъ, у кого она находится въ рукахъ. Та же самая опасность грозитъ и всякому другому учрежденію, установленному закономъ. Церковь пользуется своею духовною властью, а духовенство своими доходами на основаніи законовъ, но мы не знаемъ, когда вздумается Католической Ассоціаціи прекратить собственною властью уплату десятиннаго сбора... Отъ нея—этого никто не станетъ отвергать—зависитъ, будетъ ли духовенство получать свои доходы, или нѣтъ... Отъ одного слова ея зависитъ, будутъ ли лишены землевладѣльцы своихъ рентъ или нѣтъ. Такой совершенной организаціи еще не достигало ни одно учрежденіе, не облеченное законными полномочіями правительства...

«И вотъ, господа, въ виду такого положенія вещей передъ нами возникаетъ вопросъ:—что дѣлать? Можемъ

ли мы снова вернуться къ карательнымъ законамъ? Сохрани Богъ отъ повторенія подобнаго опыта; онъ противенъ здравому смыслу, несовмѣстимъ съ чело-вѣческимъ достоинствомъ. Можемъ ли мы продолжать оставаться при теперешней системѣ? Серьезно и внимательно вглядываясь въ совершающіяся событія, я прихожу къ твердому убѣжденію, что мы не можемъ оставаться въ этомъ положеніи. Что нибудь надо сдѣлать. Альтернатива только одна—либо уничтожить Католическую Ассоціацію, либо же постараться разрѣшить этотъ вопросъ. Приложимъ къ этому всѣ силы нашего ума, обсудимъ дѣло во всей его сложности—другого выхода нѣтъ. Придя къ такому убѣжденію, я считаю себя обязаннымъ обратиться къ моимъ согражданамъ,—представителемъ которыхъ я имѣю честь быть,—съ горячимъ призывомъ воздержаться отъ раздражающихъ рѣчей и хорошенько взвѣсить всю силу грозящихъ странѣ опасностей, отречься отъ всякихъ личныхъ чувствъ, имѣть въ виду одно лишь благо страны и серьезно размыслить о томъ, что нужно сдѣлать, чтобы, удовлетворивъ всѣ партіи, возстановить законную власть и оградить неприкосновенность признанныхъ, законныхъ, конституціонныхъ учреждений. Я говорю все это, какъ членъ парламента, какъ членъ правительства и какъ гражданинъ».

Рѣчь эта произвела потрясающее впечатлѣніе не только на слушателей, которые увидали несомнѣнно, что одинъ изъ самыхъ надежныхъ и пользующихся ихъ наибольшимъ довѣріемъ защитниковъ слагаетъ оружіе, но и во всей странѣ, такъ какъ эта рѣчь разнеслась до самыхъ отдаленныхъ мѣстностей. Она явилась тѣмъ большею не-ожиданностью, что это былъ первый случай, когда видный членъ правительства воспользовался платформою для заявленія о перемѣнѣ политики по вопросу самой большой важности.

Много говорили о томъ, была ли эта рѣчь сказана съ вѣдома или безъ вѣдома сэра Роберта Пиля и выражала

ли она его мнѣніе. Вышеупомянутое письмо Пилия отъ 11 августа, если и не подтверждаетъ того, что м-ръ Даусонъ высказывалъ мнѣніе своего зятя, во всякомъ случаѣ показываетъ, что взгляды сэра Роберта Пилия въ это время были очень близки къ тому, что такъ поразило всю страну въ рѣчи м-ра Даусона. Къ тому же изъ одного того, что м-ръ Даусонъ не получилъ тотчасъ приглашенія подать въ отставку за то, что онъ компрометировалъ правительство, ясно, что высказанные имъ взгляды были взглядами и всего министерства ¹.

Въ то время, какъ министерство соображало, уступить ли ему или продолжать держаться своего, Ассоціація не переставала дѣйствовать. «Массѣ стало очевидно», пишетъ лордъ Клонкёрри въ своихъ *Воспоминаніяхъ* ², «что наглядное доказательство ея физической силы дѣлало свое дѣло. Министры видимо колебались и, какъ самъ народъ, такъ и его вожаки, ясно сознавали, что нужно, не теряя времени, воздѣйствовать на утратившаго свою твердость врага».

Провинціальныя митинги приняли иной характеръ, чѣмъ тотъ, который они имѣли до сихъ поръ. Такъ, въ Клонмелѣ «весь городъ имѣлъ видъ торжествующаго большую побѣду. Въ немъ собралось до 50.000 крестьянъ».

¹. Въ 1829 г. (январѣ или февралѣ) Пиль писалъ Даусону по поводу одной только что произнесенной имъ рѣчи: «Я никогда не считалъ себя въ правѣ препятствовать другимъ высказывать свои мнѣнія, но я очень бы желалъ, чтобы, въ виду вашихъ официальныхъ отношеній, высказывая свои мнѣнія объ ирландскихъ дѣлахъ, вы ясно давали понять, что высказываете исключительно ваши личные мнѣнія. Когда я прочелъ ваши рѣчи въ Дерри, то я нимало не сомнѣвался въ томъ, что онѣ оставили впечатлѣніе, будто онѣ говорились по предварительному соглашенію со мной». *Sir Robert Peel from his Private Correspondence, ed. by G. S. Parler, стр. 392.*

Въ своей рѣчи 1828 г., м-ръ Даусонъ не только не «далъ ясно понять», что онъ говоритъ только лично отъ себя, но прямо заявилъ, что онъ говоритъ «какъ членъ правительства».

². *Personal Recollections of the Life and Times of Lord Cloncurry, стр. 333.*

янь изъ сосѣднихъ графствъ, которые держали себя не какъ распушенная и мятежная чернь, а представляли изъ себя вполне дисциплинированное и стройное войско изъ всего населенія окрестныхъ горъ. Во время митинга, который продолжался въ теченіе трехъ дней, они до поздней ночи, въ стройномъ порядкѣ, ходили по городу вооруженные по военному, имѣя впереди себя своихъ офицеровъ и оркестры музыки».

Въ продолженіе осени правительство испытывало большія опасенія относительно послѣдствій, которыя могутъ повлечь за собою подобные митинги въ широкихъ размѣрахъ. Вице-король обратился къ м-ру Шейлю съ заявленіемъ, въ которомъ указалъ, что всякая новая вспышка неизбѣжно отдалитъ разрѣшеніе вопроса объ эмансипаціи католиковъ. «Шейль заявилъ, что поскольку это будетъ отъ него зависѣть, всѣмъ подобнымъ процессіямъ будетъ положенъ конецъ ¹». Онъ убѣдительно настаивалъ на этомъ на митингѣ Католической Ассоціаціи 25 сентября. «Я положительно не вижу, говорилъ онъ, какая польза отъ этихъ митинговъ и процессій, которые обращаютъ на себя въ послѣднее время такое большое вниманіе, кромѣ нагляднаго свидѣтельства колоссальной силы народа, готоваго къ бою. По моему мнѣнію, было бы гораздо полезнѣе показать правительству, каковъ этотъ гигантъ въ спокойномъ состояніи. Прекрасно обладать гигантскою силою, но неосторожно проявлять эту силу во всякое время. Настроеніе народа миролюбиво. Правительство должно прекрасно понимать, на что онъ способенъ по первому сигналу (сохрани Богъ, чтобы этотъ сигналъ былъ когда нибудь данъ); для этого сдѣлано уже достаточно и я нахожу много неудобствъ въ этихъ собраніяхъ... Прекратимъ ихъ помощью самыхъ мягкихъ убѣжденій и покажемъ, какъ легко управлять ирландцами».

30 сентября ирландская администрація пошла еще

¹. M'Cullagh's Sheil, стр. 24.

дальше и издала прокламацію, указывающую на противозаконность такихъ многолюдныхъ митинговъ, какіе собирались въ послѣднее время, такъ какъ они «являются явнымъ пренебреженіемъ и нарушеніемъ закона» и предупреждающую народъ, чтобы онъ воздерживался отъ собранія ихъ и участія въ нихъ. Вожаки Ассоціаціи съ своей стороны также приняли мѣры для успокоенія возбужденія и въ самый день изданія правительственной прокламаціи О'Коннелль обратился къ жителямъ Типперари, приглашая ихъ къ «соблюденію строгаго порядка и тишины и прекращенію демонстрацій, рассчитанныхъ на возбужденіе тревоги». Ассоціація въ своихъ резолюціяхъ также высказывалась противъ подобныхъ собраній.

Несмотря на публичное признаніе Даусономъ необходимости согласиться на уступки, самъ Пиль еще ничѣмъ не проявилъ этого намѣренія. 6 октября онъ произнесъ на одномъ публичномъ обѣдѣ въ Манчестерѣ рѣчь, въ которой однако ни однимъ словомъ не упомянулъ о католическомъ вопросѣ и вообще не сказалъ ничего, что имѣло бы какой нибудь политическій интересъ, какъ ни старались его вынудить къ этому.

Въ Англии платформа не оказала никакого содѣйствія дѣлу эмансипаціи католиковъ; напротивъ того, она скорѣе дѣйствовала противъ. Такъ, въ концѣ 1828 г., состоялось нѣсколько митинговъ противъ эмансипаціи.

Наиболѣе выдающійся изъ нихъ былъ митингъ «землевладѣльцевъ, духовенства и фригольдеровъ Кентскаго графства, собравшійся 8 октября въ Penenden Heath. Онъ отличался большимъ оживленіемъ. На немъ присутствовало свыше 20.000 человекъ. Одинъ изъ очевидцевъ описываетъ его слѣдующимъ образомъ: «Густая масса народа, стоявшаго по лѣвую сторону, сразу давала понятіе о силѣ протестантской партіи. На правой сторонѣ собралась громадная толпа противниковъ цѣли предстоящаго митинга. Рядомъ съ шерифомъ, на правой же сторонѣ, стоялъ на своемъ экипажѣ герцогъ Радноръ съ нѣсколь-

кими друзьями... Тутъ же стояло еще нѣсколько экипажей... Между обоими крылами помѣщались конные фермеры, имѣвшіе видъ кавалерійскаго полка. Позади ихъ находилось множество всевозможныхъ экипажей и частныхъ и общественныхъ, на которыхъ и вокругъ которыхъ толпились фригольдеры. Въ серединѣ круга, образуемаго экипажами, стояла густая толпа крестьянъ, также раздѣлившаяся на правую и лѣвую сторону, сообразно своимъ политическимъ симпатіямъ. Вся сцена представляла необычайную и чрезвычайно внушительную картину ¹».

Нѣкто м-ръ Джипсъ предложилъ представить петицію парламенту, въ которой говорилось о тревогѣ, возбуждаемой среди протестантскихъ фригольдеровъ Кента дѣйствіями Католической Ассоціаціи и высказывалась просьба, чтобы законодательная власть приняла мѣры къ охраненію неприкосновенности того положенія протестантской религіи, которая установлена революціей. При нѣкоторыхъ его замѣчаніяхъ въ толпѣ подымался такой «ревъ», что онъ долженъ былъ останавливаться и переходить къ другимъ вопросамъ. Лордъ Кэмпденъ говорилъ въ пользу католиковъ и былъ освистанъ. Рѣчь лорда Дарнлея очень часто прерывалась криками въ родѣ: «Старый болятунъ!» «Вздоръ,—глупости!» «Довольно вздоръ нести!» Говорилъ еще нѣкто м-ръ Ши, но постоянные перерывы и крики «долой», не дали возможности ничего услышать изъ его рѣчи. Лордъ Тейнгамъ выразилъ «надежду, что фригольдеры Кента поймутъ, что подобный ревъ и безпорядокъ роняютъ ихъ достоинство»,—эти слова вызвали также шумные возгласы.—«Подобный вопросъ, говорилъ онъ, долженъ быть обсужденъ спокойно». Послѣ нѣсколькихъ дальнѣйшихъ замѣчаній съ его стороны, ему стали кричать, что онъ

¹. Sheil's Speeches, by Macnevin, стр. XXX. См. также The Examiner, ноябрь 1828 г.

«старый дуракъ», и онъ долженъ былъ прекратить свою рѣчь среди шумныхъ криковъ.

Шейль, знавшій заранѣе объ этомъ митингѣ, рѣшилъ присутствовать на немъ. И онъ дѣйствительно былъ тамъ и говорилъ или, вѣрнѣе, пытался говорить, но его столько прерывали, что почти ничего нельзя было услышать. Коббеттъ также пытался говорить, но это лишь вызвало «непрерывный оглушающій крикъ», точно также, какъ и попытка Гента. Въ концѣ концовъ петиція была принята громаднымъ большинствомъ.

Хотя все это происходило на митингѣ графства, но тѣмъ не менѣе это не обѣщало ничего хорошаго относительно того, что можетъ быть сдѣлано платформою по вопросу, въ которомъ замѣшаны религіозныя убѣжденія или страсти.

Нѣсколько времени спустя, митингъ графства противъ дарованія правъ католикамъ, на которомъ присутствовало 16.000 или 17.000 человекъ, имѣлъ мѣсто въ Девонширѣ. И здѣсь также было нѣсколько ораторовъ, говорившихъ за католиковъ, но ихъ такъ же прерывали и не давали имъ говорить.

Время шло, а правительство все еще не дѣлало ничего. 9 ноября первый министръ участвовалъ на обѣдѣ въ городской ратушѣ въ Лондонѣ и произнесъ рѣчь, но эта рѣчь не имѣла политическаго характера.

Для Пилля теперь во всякомъ случаѣ уже было совершенно ясно, что лучше уступить Ирландіи, чѣмъ возбуждать гражданскую войну; являлось затрудненіе въ лицѣ короля. «Во всѣхъ разговорахъ, которые я имѣлъ по этому поводу съ его величествомъ», писалъ Пиль въ своихъ Мемуарахъ, «онъ всякій разъ высказывалъ самое рѣшительное намѣреніе оставить эти законы въ силѣ ¹».

«Въ одномъ изъ писемъ, которыя мнѣ писалъ король въ 1824 г., онъ выражается слѣдующимъ образомъ:

¹. Мемуары Пилля, т. I, стр. 276.

«Отношеніе короля къ вопросу объ эмансипаціи католиковъ то же, что было и у его высокочтимого и несравненнаго родителя, и отъ этихъ взглядовъ король никогда не отступитъ».

«Всякій разъ, что король высказывалъ свое мнѣніе, оно всегда сводилось къ тому же и все происходившее въ Ирландіи.. раздражало его величество и дѣлало его тѣмъ менѣе склоннымъ отказаться отъ открыто заявляемаго имъ намѣренія оставить существующіе законы въ силѣ».

Такъ прошелъ декабрь и «въ началѣ января 1829 г. его величество все еще не далъ своего согласія на то, чтобы всѣ вопросы, касающіеся ирландскихъ дѣлъ, включая и католическій вопросъ, были разсмотрѣны его довѣренными слугами... ¹».

«Я началъ бояться, пишетъ Пиль (2 или 3 января), что передъ нами почти непреодолимая препятствія: противъ мѣръ, которыя мы хотѣли бы предложить, высказывались самымъ рѣшительнымъ образомъ и король, и палата лордовъ, и церковь ²».

Наконецъ, ровно за три недѣли до открытія парламента, король далъ свое согласіе на то, чтобы кабинетъ въ полномъ составѣ обсудилъ положеніе дѣлъ въ Ирландіи, но и это еще ничего не предрѣшало, такъ какъ «это данное (королемъ) согласіе строго ограничено условіемъ представленія на утвержденіе короля всѣхъ рѣшеній кабинета относительно Ирландіи, безъ всякаго обязательства въ томъ, что они получаютъ утвержденіе его величества ³».

5 февраля состоялось открытіе парламента и была прочтена тронная рѣчь. «Хотя рѣчь эта, пишетъ Пиль, и отличается, подобно всѣмъ троннымъ рѣчамъ, большою осторожностью и сдержанностью выраженій, но смыслъ

¹. Мемуары Пилля, т. I, стр. 274.

². Ibid., стр. 278.

³. Ibid., т. I, стр. 299.

ея для всѣхъ ясенъ. Она не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что правительство намѣрено принять рѣшительныя мѣры къ улаженію католическаго вопроса ¹».

Смыслъ тронной рѣчи сводился къ тому, что въ виду того, что Католическая Ассоціація продолжаетъ существовать, король проситъ парламентъ дать ему полномочіе на принятіе мѣръ, необходимыхъ для поддержанія его власти, послѣ чего уже парламентъ можетъ заняться обсужденіемъ общаго положенія Ирландіи и пересмотромъ законовъ, ограничивающихъ гражданскія права католическихъ подданныхъ его величества. Послѣдствіемъ этого было внесеніе въ парламентъ 10 февраля билля, которымъ лордъ намѣстникъ Ирландіи уполномочивался запрещать всякіе ассоціаціи и митинги, которые онъ сочтетъ опасными для общественнаго спокойствія или несоотвѣтствующими требованіямъ закона.

Пиль, внося 10 февраля этотъ билль, сказалъ: «Правительство намѣрено прекратить существованіе римско-католической Ассоціаціи и онъ ставитъ вопросъ, можетъ ли быть сомнѣніе въ томъ, что существованіе подобнаго учрежденія несогласно съ духомъ конституціи? Можетъ ли быть терпимо, чтобы общество подобнаго рода, преслѣдуемое совершенно неопредѣленными цѣлями, которыя оно можетъ во всякое время измѣнить, свободно развивало свою дѣятельность? Возможно ли отрицать, что существованіе его несовмѣстимо съ общественнымъ порядкомъ и грозитъ опасностью общественному спокойствію? ²».

Дѣло однакоже не дошло до открытой борьбы между правительствомъ и Ассоціаціей. Прежде чѣмъ билль прошелъ, уже было совершенно ясно, что ограниченія правъ католиковъ будутъ уничтожены; дальнѣйшая борьба была не только бесполезна, но могла быть только вредна для осуществленія цѣлей Ассоціаціи и она рѣшила сама прекратить свое существованіе. На собраніи Ассоціаціи

¹. Мемуары Пила, т. I, стр. 310.

². Parliamentary Debates, т. XX, стр. 179.

12 февраля Шейль предложилъ закрыть ее. «Цѣлью этой организаціи,—сказалъ онъ,—была эмансипація католиковъ; эта цѣль, по моему мнѣнію, теперь достигнута. Ничто, кромѣ нашего собственнаго неблагоразумія, теперь уже не помѣшаетъ этому. А разъ наша цѣль достигнута, для чего намъ продолжать наше существованіе? Что мы будемъ дѣлать? Черезъ нѣсколько дней наша Ассоціація будетъ закрыта парламентскимъ актомъ. На что употребимъ мы остающееся намъ время? На громкія рѣчи, на риторическое краснорѣчіе на тему о нашемъ значеніи и нашей силѣ? Если министерство обманетъ насъ, намъ не трудно немедленно же собраться вновь. Но если вопросъ получить справедливое и надлежащее разрѣшеніе, то желать продолженія раздоровъ въ странѣ могутъ только враги своей родины. Я предлагаю поступить слѣдующимъ образомъ: постановимъ разойтись, прибавивъ къ этому рядъ резолюцій съ разъясненіемъ нашихъ мотивовъ, съ выраженіемъ протеста противъ ненужнаго ограниченія правъ гражданъ; прекратимъ сборъ денегъ, но сохранимъ комитетъ финансовъ Ассоціаціи для того, чтобы выплатить наши долги и свести наши денежные счета; пусть наши собранія носятъ частный характеръ, такъ чтобы не давать никакого повода говорить, что мы сохраняемъ хоть тѣнь Ассоціаціи и пусть рѣшенія, принятые на этихъ собраніяхъ, будутъ представляемы соединенному собранію».

«Послѣ довольно долгихъ преній предложеніе Шейля было принято и эта достопамятная организація, просуществовавшая въ различныхъ формахъ почти шесть лѣтъ, была распущена и болѣе не собиралась ¹».

Такимъ образомъ первая часть правительственной программы была выполнена. Въ началѣ марта Пиль приступилъ къ исполненію второй ея части и внесъ билль объ отменѣ ограниченія правъ католиковъ. Онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы подтвердить верховную

¹. M'Cullagh's Sheil, т. II, стр. 59.

власть парламента, исключительно ему одному принадлежащее право рѣшить этотъ вопросъ.

«За парламентомъ, и только за нимъ однимъ, признаю я право быть судьей въ этомъ вопросѣ. Народъ можетъ выражать свои желанія и мнѣнія, къ которымъ парламентъ всегда отнесется съ должнымъ уваженіемъ; но мы не обязаны принимать этихъ мнѣній или ставить въ зависимость наши рѣшенія по вопросамъ, касающимся общихъ интересовъ страны, вѣдѣніе которыхъ лежитъ исключительно на парламентѣ, отъ выражаемыхъ народомъ желаній ¹».

Сущность билля заключалась въ отмѣнѣ ограниченія гражданскихъ правъ католиковъ и въ уравненіи ихъ политическихъ правъ съ протестантами. Католики должны были быть допущены въ парламентъ и за двумя-тремя исключеніями, во всѣ, какъ коронныя, такъ и общественныя учрежденія.

Но въ видѣ противовѣса этой уступкѣ и съ цѣлью избавиться отъ избирателей, которые находились бы подъ вліяніемъ римско католическаго духовенства, въ Ирландіи отмѣнялся ² 40 шиллинговый избирательный цензъ и устанавливался цензъ въ 10 ф. ст. Предложенія министерства были приняты обѣими палатами парламента и утверждены такъ долго упорствовавшимъ монархомъ. Такимъ образомъ этотъ вопросъ, служившій предметомъ столькихъ несогласій и споровъ и причиною паденія не одного министерства, былъ наконецъ разрѣшенъ и улаженъ. Это разрѣшеніе вопроса, и именно въ то время, совершилось исключительно благодаря вліянію и силѣ платформы, опиравшейся на крѣпкую организацію. Она поставила вопросъ такъ, что съ нимъ пришлось считаться, необходимыя же для этого силы ей дала организація. Это вполне признается и Гревиллемъ. «Эман-

¹. Parliamentary Debates, т. XX, стр. 738.

². Этимъ путемъ избирательнаго права лишались двѣ трети всѣхъ избирателей въ Ирландіи.

сипація католиковъ есть всецѣло заслуга О'Коннелля и Ассоціаціи и тѣхъ, кто боролся за это дѣло въ Ирландіи и въ Англіи. Пиль это прямо заявилъ, сказавъ, что въ необходимости заняться разрѣшеніемъ этого вопроса и его и герцога убѣдили выборы въ Клэръ, и съ этого времени весь вопросъ заключался въ томъ, какую сторону онъ приметъ. Еслибы ирландскіе католики своимъ дружнымъ единеніемъ и своею агитаціею не довели положенія до такой остроты, то оно и донинѣ оставалось бы тѣмъ же и всѣ эти торіи до самой своей смерти подавали бы свои голоса противъ реформы ¹».

Можно привести еще нѣкоторые отзывы объ удивительномъ совершенствѣ этой ирландской организаціи. Уайзъ въ введеніи къ своей Исторіи Ассоціаціи, написанной имъ въ 1829 г. еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ всѣхъ событій, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, говоритъ ²: «Я думаю, что въ исторіи Англіи и другихъ государствъ не было примѣра столь широкой и столь совершенной организаціи, какъ Католическая Ассоціація».

«Ея развѣтвленія были такъ же многочисленны и такъ же тѣсно переплетены между собою, какъ самыя сложныя части мускульной системы... На Ассоціацію смотрѣли, какъ на мятежное сообщество, въ составъ котораго вошли всѣ самыя беспорядочныя и бурныя элементы общества, какъ на порожденіе смуты, преслѣдовавшей цѣли, несовмѣстимыя съ конституціонной свободой и въ особенности съ сохраненіемъ порядка и безопасности великобританской конституціи, какъ на тѣ скопища католиковъ и ковенантовъ, которыя появились въ обѣихъ странахъ въ періодъ нашихъ яростныхъ религіозныхъ раздоровъ въ началѣ междоусобныхъ войнъ.

«Но такое сужденіе было бы слишкомъ поспѣшно. Католическая Ассоціація была союзомъ совершенно иного рода, въ ея отчаянныхъ дѣйствіяхъ былъ методъ и въ

1. Greville, т. I, стр. 168, 6 февраля 1829 г.

2. Wuse (Introduction, стр. 3; писано въ 1829 г.).

поднимаемомъ ею волненіи—опредѣленная цѣль, замѣтные только для внимательнаго наблюдателя. Невозможно было соединить въ одномъ центрѣ большую власть надъ народными массами съ большими средствами для возбужденія ихъ и болѣе строгое наблюденіе за всѣми подробностями того сложнаго организаціоннаго механизма, безъ котораго веденіе общественнаго дѣла невозможно. Нельзя также смотрѣть на нее, какъ на простое броженіе ненаходившихъ себѣ выхода страстей и безпокойнаго честолюбія, характеризующихъ нынѣшнее время; она создавалась путемъ долгаго, медленнаго, непрерывнаго роста. Сила ея оставалась неизвѣстною вплоть до перваго ея непосредственнаго столкновенія съ правительствомъ; она не сознавалась въ полной мѣрѣ даже и тѣми, кто стоялъ во главѣ ея, пока она не была вызвана на свѣтъ вражескимъ нападеніемъ. Тогда сразу обнаружилось, что внѣ и помимо конституціи незамѣтно образовалось цѣлое учрежденіе, за которымъ стоитъ громадное большинство населенія, которое воплощаетъ въ себѣ всю силу народныхъ стремленій и которое во всякую минуту можетъ разрушить до основанія самую конституцію».

Не менѣе интересно также и мнѣніе Шейля, близко знакомаго со всѣмъ механизмомъ Ассоціаци.

Въ своей рѣчи въ собраніи Католической Ассоціаци 12 іюля 1828 г. онъ между прочимъ сказалъ: «Ни одна страница всемірной исторіи не являетъ примѣра такой сплоченности духовныхъ и матеріальныхъ силъ и такой систематичности въ дѣйствіяхъ, какія обнаружены въ настоящее время Ирландіей... Ирландскій народъ не только организованъ, но его организація представляетъ собою верхъ совершенства во всѣхъ своихъ подробностяхъ».

Нѣсколько времени спустя онъ говорилъ: «Католики достигли совершенства въ дѣлѣ національной организаціи и дисциплинированія народныхъ массъ. Въ этомъ

отношеніи они почти дошли до совершенства военной организаци. Но самый фактъ существованія такой объединенной, сплоченной, такъ превосходно дисциплинированной и такъ искусно управляемой громадной народной массы наводитъ на самыя серьезныя размышленія».

Сэръ Генри Парнелль въ одной изъ своихъ рѣчей въ палатѣ общинъ въ 1825 г. даетъ прекрасную характеристику того матеріала, съ которымъ ирландскимъ ораторамъ приходилось имѣть дѣло и которымъ объясняется сравнительная легкость достиженія подобныхъ результатовъ. «Населеніе Ирландіи, говоритъ онъ, по переписи 1821 года составляетъ приблизительно 7.000.000. Эти милліоны не живутъ въ деревняхъ подобно населенію Англіи въ полномъ подчиненіи закону, почти безъ вмѣшательства какой бы то ни было власти, кромѣ приходскаго констэбля; они живутъ въ отдѣльныхъ хижинахъ, разбросанные по всей странѣ, свободные отъ всякаго вмѣшательства и наблюденія властей. За послѣднія тридцать лѣтъ эти милліоны въ разное время и попеременно въ различныхъ графствахъ имѣли случай пройти хорошую школу устройства тайныхъ обществъ и открытыхъ возстаній. Общность претерпѣваемыхъ страданій и религіозныхъ вѣрованій даетъ твердый базисъ для успѣшнаго осуществленія самыхъ широкихъ плановъ народной организаци. Еслибы они пришли къ опредѣленному рѣшенію поднять всеобщее возстаніе, то, что бы ни дѣлали католическое дворянство, католическіе судьи и даже католическое духовенство, имъ никогда не удастся остановить такого движенія, послѣдствіемъ котораго неизбежно была бы всеобщая гибель и разрушеніе ¹».

Подобнаго матеріала для возбужденія волненія Англія не имѣла; вліяніе, которымъ пользовалось въ Ирландіи католическое духовенство, не имѣло себѣ въ Англіи ничего равнаго и, тѣмъ не менѣе, англійскій народъ вы-

¹. Hansard, т. XII, стр. 231.

несъ изъ этого примѣра Ирландіи много поучительныхъ для себя уроковъ.

Уайзъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ изъ исторіи этого ирландскаго движенія ¹: «Эмансипація католиковъ была достигнута, какъ мы увидимъ, не внезапно; свобода досталась католикамъ не случайно и, вопреки всему, что говорилось, не волею нѣсколькихъ вожаковъ движенія; годъ за годомъ въ теченіе долгаго времени сѣялись сѣмена ея въ душу народа, пока они не дали обильныхъ всходовъ и не наступило время богатой жатвы.

«Громадная духовная сила терпѣливаго и неустаннаго труда на пользу справедливаго дѣла, съ неуклонной вѣрою въ Бога и свою собственную правоту, проявилась въ полной мѣрѣ; не можетъ быть сомнѣнія въ конечномъ успѣхѣ дѣла, на сторонѣ котораго истина и разумъ; и уже одинъ этотъ урокъ, данный исторіею этой борьбы, дѣлаетъ ее стоющею всѣхъ понесенныхъ жертвъ и тяжелаго долготерпѣнія».

Этотъ урокъ не могъ не оказаться поучительнымъ и для англійскаго народа, которому также приходилось бороться за свою эмансипацію, не религіозную, а политическую эмансипацію, которой онъ такъ долго добивался, сѣмена которой давно были посѣяны въ средѣ народа, убѣжденнаго въ истинности, разумности и правотѣ своего дѣла. До сихъ поръ затрудненіе лежало въ приисканіи средствъ для достиженія цѣли. Теперь ему были открыты средства: англійскій народъ увидѣлъ, что можетъ сдѣлать платформа при помощи хорошей организаціи, какую борьбу можетъ она вынести и, въ концѣ концовъ, остаться побѣдительницей. Таковъ былъ великій урокъ, данный движеніемъ въ Ирландіи, а что онъ былъ понятъ вполне, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми, ясно видно изъ передовой статьи въ Examiner отъ 31 августа 1828 г., въ которой говорится: «настроеніе общества въ настоящее время благопріятно обсужденію парламентской ре-

¹. Введеніе, стр. 7.

формы и нельзя не пожелать, чтобы агитація и организація, свершившія такія чудеса въ Ирландіи, были примѣнены и къ этому великому для всей имперіи дѣлу».

Что урокъ былъ понятъ, хотя нѣсколько позднѣе, всѣми, это доказали событія ближайшихъ послѣдующихъ годовъ, когда принципы, лежавшіе въ основѣ ирландскаго движенія, были такъ побѣдоносно примѣнены на дѣлѣ.

ГЛАВА XV.

АГИТАЦІЯ ВЪ ПОЛЬЗУ ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕФОРМЫ.

Изъ разсмотрѣнной уже нами исторіи платформы можно вывести одинъ весьма важный политическій принципъ, а именно: вслѣдъ за всякимъ экономическимъ кризисомъ въ странѣ, а также послѣ революціи или народнаго движенія въ сосѣднихъ странахъ, дѣятельность платформы начинается проявляться съ большей энергіей. Въ первомъ случаѣ, т. е. при экономическомъ кризисѣ, неудовольствія и жалобы вызываются голодомъ и нищетою, и платформа даетъ лишь возможность доводить объ этихъ страданіяхъ до всеобщаго свѣдѣнія и указывать средства для ихъ облегченія. Во второмъ случаѣ, заразительность возбужденія передается массамъ, побуждаетъ ихъ къ извѣстнымъ дѣйствіямъ, и естественнымъ исходомъ для такого народнаго движенія является опять та же платформа.

Когда подъ давленіемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ необходимость давно ожидаемой реформы давала себя особенно чувствовать, или когда народное движеніе въ сосѣднемъ государствѣ имѣло хоть малѣйшую связь съ вопросомъ, волнующимъ народныя массы въ Англіи, то дѣятельность платформы въ такихъ случаяхъ всегда проявлялась сильнѣе и отличалась болѣе рѣзкимъ и рѣшительнымъ характеромъ. Непреложность этого принципа должна была получить новое подтвержденіе: сперва нужда, а затѣмъ революціи заграницей

вызвали особенное оживленіе въ дѣятельности платформы.

Бездѣйствіе платформы, сказавшееся, какъ мы видѣли, въ 1825 г., продолжалось еще нѣсколько лѣтъ. За это время не произошло ни одного крупнаго, потрясающаго событія, которое бы могло вывести ее изъ этого состоянія. Католическій вопросъ, животрепещущій для Ирландіи, почти не коснулся платформы въ Англіи. Даже столь серьезный вопросъ, какъ вопросъ о парламентской реформѣ, уже не возбуждался въ странѣ, и въ шестилѣтній промежутокъ отъ 1824 до 1829 г. въ парламентъ не было представлено ни одной петиціи по этому вопросу ¹. Лордъ Джонъ Росселль, самый горячій поборникъ реформы, въ рѣчи, произнесенной въ палатѣ общинъ 3 мая 1827 г., призналъ, что къ вопросу о реформѣ замѣчается большое равнодушіе. Очень скоро, однако, это равнодушіе смѣнилось кипучею страстностью; молчаніе и бездѣйствіе оказались чисто случайными и сразу были нарушены единодушнымъ воплемъ всего народа, или, говоря словами Крокера, «вопросъ о реформѣ какъ будто замеръ, но онъ имѣлъ въ себѣ такія воспламеняющія свойства, что стоило поднести къ нему зажженный фитиль, какъ онъ тотчасъ вспыхнулъ яркимъ пламенемъ и происшедшій вслѣдъ за этимъ взрывъ ошеломилъ и испугалъ своею неожиданностью даже тѣхъ, которые подносили фитиль, какъ откровенно сознались мнѣ нѣкоторые изъ выдающихся членовъ кабинета виговъ ²».

Приступая къ изложенію исторіи этого движенія, необходимо вкратцѣ напомнить, чему въ теченіе многихъ лѣтъ учила платформа и что именно могло вызвать въ народѣ непоколебимое и единодушное рѣшеніе провести парламентскую реформу,—создать то настроеніе умовъ,

¹. См. Croker Papers. т. II, стр. 94.

². См. Письма Крокера къ Гизо отъ 14 іюля 1857 г.—Croker Papers, т. III, стр. 374.

которому суждено было достигнуть такихъ поразительныхъ результатовъ. Мы достаточно знакомы съ вопросами, занимавшими платформу до 1793 г. Она и послѣ того не переставала, насколько то позволяли обстоятельства и правительство, убѣждать въ необходимости реформы, какъ перваго шага къ улучшенію положенія народной массы. Народу постоянно напоминали, что на выборахъ 1793 г. кучкѣ людей, состоящей изъ 154 пэровъ и коммонеровъ вмѣстѣ съ министрами, или, другими словами, предствителями короны, удалось составить согласно своему желанію большинство въ палатѣ общинъ и что такой порядокъ вещей продолжалъ существовать и по сіе время ¹.

Платформа все время настойчиво повторяла, что всѣ бѣдствія страны происходятъ отъ неосмотрительнаго расходованія народныхъ денегъ; она указывала на подкупность парламента, на неправильную раздачу имъ пенсій и созданіе дорого стоящихъ синекуръ въ видахъ подкупа; обращала вниманіе на непосильный долгъ государства, на ничѣмъ неоправдываемые расходы и на существованіе совершенно ненужныхъ учрежденій. Она не переставала говорить, что всѣ эти злоупотребленія возникли и достигли ужасающихъ размѣровъ, благодаря отсутствію того контроля, который можетъ существовать только при дѣйствительномъ представительствѣ народа.

Хуже всего было то, что парламентъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на желанія и мнѣнія народа.

1. Въ 1827 г. Крокеръ прислалъ Каннингу списокъ членовъ палаты общинъ, избранныхъ въ нее подъ давленіемъ пэровъ.

Торіи:—лордъ Лондэль, 9; лордъ Гертфордъ, 8; герцогъ Рутландскій, 6; герц. Ньюкестльскій, 5; лордъ Ярбро, 5 и т. д., всего 27 пэровъ изъ торіевъ выбрали 96 членовъ парламента.

Виги:—лордъ Фицвильямъ, 8; лордъ Дарлингтонъ, 7; герцогъ Девонскій, 7; герцогъ Норфолькскій, 6; лордъ Гровеноръ, 6; и т. д. Около 19 пэровъ изъ виговъ выбрали 54 члена парламента. См. The Croker Papers, т. I, стр. 368.

Члены парламента, считавшіеся, по поддерживаемой торіями фикціи, представителями народа, игнорировали этотъ самый народъ или шли прямо и открыто противъ него: петиціи его отклонялись, или, если и принимались, то въ большинствѣ случаевъ предавались забвенію, такъ что народъ, утративъ всякую надежду, пересталъ даже прибѣгать къ подачѣ петицій, сдѣлавшихся, повидимому, совершенно бесполезными.

Нѣтъ никакой возможности, хотя бы даже приблизительно, перечислить всѣ тѣ митинги, на которыхъ платформа высказывала и развивала эти положенія и гдѣ они были формулированы въ видѣ резолюцій или петицій. Въ средѣ самихъ избирателей, въ теченіе многихъ лѣтъ послѣдовательно на всѣхъ парламентскихъ выборахъ, эти положенія неустанно пропагандировались съ все возрастающею настойчивостью. Правда, эти положенія тутъ же встрѣчали и возраженія со стороны тѣхъ, кто былъ заинтересованъ въ сохраненіи существующей системы злоупотребленій, но обсужденіе этихъ вопросовъ съ платформы служило лишь къ тому, чтобы закрѣпить въ массѣ сознаніе правоты и справедливости народныхъ требованій, тѣмъ болѣе, что вся сила аргументаціи была на сторонѣ народнаго дѣла.

Еще и другую, несомнѣнно болѣе важную истину, путемъ постояннаго напоминанія о ней, внесла платформа въ сознаніе народа,—истину, по самой своей простотѣ и очевидности, сразу ставшую для массы основнымъ и кровнымъ принципомъ, а именно, что вполнѣ удовлетворить требованіямъ народа или дѣйствовать въ истинныхъ интересахъ народа можетъ только такое правительство, которое выбрано самимъ народомъ.

Хотя платформа уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не поднимала вопроса о парламентской реформѣ, но тѣмъ не менѣе вопросъ о ней назрѣвалъ. Подкупы на общихъ выборахъ 1826 г. были настолько вопіющи, что парламентъ былъ вынужденъ обратить вниманіе на два или

три наиболѣе выдающіеся случая. Изъ многихъ грѣшныхъ бурговъ козлами отпущенія были избраны два: Пенринъ и Истъ - Ретфордъ. Въ Истъ - Ретфордѣ за одинъ голосъ платили двадцать гиней, за два—сорокъ; начиная съ 1796 и до 1818 г. среди избирателей происходило, по тщательно обдуманному плану, систематическое движеніе въ пользу увеличенія этой таксы и парламентъ смотрѣлъ на все это сквозь пальцы. Въ 1827 г. внесены были два билля, въ силу которыхъ оба продажныхъ бурга лишались своихъ избирательныхъ правъ; но одинъ изъ биллей провалился въ палатѣ лордовъ, которые, оставляя эти бурги безнаказанными, видимо сочувствовали такимъ приемамъ, а другой билль такъ и застрялъ въ палатѣ общинъ. Такимъ образомъ язва была оставлена безъ лѣченія еще на одинъ годъ. Затѣмъ, въ 1828 г., оба билля были опять внесены съ предложеніемъ взамѣнъ Пенрина надѣлать правомъ представительства Манчестеръ, а взамѣнъ Истъ-Ретфорда Бирмингамъ. Оба билля потерпѣли и въ этотъ разъ неудачу, и избирательный подкупъ снова получилъ санкцію и одобреніе парламента. Въ слѣдующемъ году тотъ же вопросъ, но въ болѣе общей формѣ, былъ поднятъ лордомъ Бландфордомъ ¹, который предложилъ парламенту признать, что въ Англіи существуютъ такіе бурги, представительство которыхъ составляетъ предметъ торга и слишкомъ ограниченное число избирателей которыхъ создаетъ удобную почву для подкупа, и что такой порядокъ вещей «роняетъ достоинство палаты общинъ, лишаетъ ее довѣрія народа и оказывается пагубнымъ для важнѣйшихъ интересовъ страны».

Мотивы, побуждавшіе его внести это предложеніе, были не тѣ, которыми руководились прежніе сторонники парламентской реформы, но намъ интересны не его мотивы, а тотъ фактъ, что предложеніе это было сдѣлано. Оно потерпѣло участь прежнихъ и было отвергнуто.

¹. Parliamentary Debates, 1829 т. XXI, стр. 1672 г.

Еслибы окончательное разрѣшеніе этого вопроса было попрежнему предоставлено парламенту, то сторонники реформы могли бы до скончанія вѣка продолжать вносить безъ всякаго результата всевозможные билли и поправки къ биллямъ, но развитіе народнаго сознанія достигло уже такой степени, что подкупленный и расшатанный своею внутреннею слабостью парламентъ, съ своимъ фиктивнымъ представительствомъ, не могъ долѣе служить ему преградой. Разрѣшеніе вопроса должно было перейти въ другія руки: самъ народъ, который и есть послѣдній, ничѣмъ не ограниченный вершитель всѣхъ вопросовъ, долженъ былъ взяться за устройство своей конституціи, и здѣсь въ первый разъ парламентъ получилъ весьма чувствительное и памятное предостереженіе, напомнившее ему, что онъ слуга, а не властелинъ народа, и что парламентъ существуетъ для народа, а не народъ для парламента.

Плэсъ оставилъ намъ описаніе этого положенія вещей и его вредныхъ послѣдствій, выраженное въ слѣдующихъ словахъ, въ которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія: «Позорная подкупность парламента, сказавшаяся уже въ 1793 г., еще усилилась въ 1831 г. и народу пришлось вступить въ борьбу противъ недостойной власти и ея проявленій. Но и всѣ эти неизбежныя злоупотребленія властью, которыя происходили при безотвѣтственномъ королѣ, безотвѣтственной палатѣ лордовъ, при утопающемъ въ роскоши, ко всему равнодушномъ и все угнетающемъ духовенствѣ, при палатѣ общинъ, избираемой такимъ способомъ или лучше сказать просто назначаемой, и даже всѣ послѣдствія войны съ ея неисчислимыми страданіями и ужасами, человѣческими жертвами, невиданнымъ расточеніемъ народныхъ денегъ и громадными налогами, — все это еще не исчерпывало того зла, которое порождалось развращеннымъ и развращающимъ правительствомъ. Подкупъ, взяточничество, клятвопреступленіе, широко развитая преступность и пониженіе нрав-

ственного уровня, которыя правительство создавало, поощряло и поддерживало во всей странѣ, составляли зло гораздо болѣе ужасное, чѣмъ всѣ другія бѣдствія, какъ бы они ни были велики,—зло, которому съ трудомъ повѣрить наше потомство ¹».

Пробудить платформу отъ ея летаргическаго сна должна была народная нужда. Въ концѣ 1829 г. нужда охватила всю страну. Правда, промышленная жизнь страны достигла большого развитія. Цифры ввоза и вывоза повысились небывалымъ образомъ, торговые обороты расширились и въ общемъ богатство страны замѣтно увеличилось; но народныя массы оставались внѣ этого прогресса. Въ теченіе всего года цѣны на продукты падали, а вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе понижалась заработная плата и усиливалась безработица. Times въ статьѣ отъ 20 января 1830 г. писалъ: «крестьяне и ихъ несчастныя жены и дѣти дѣйствительно находятся въ страшной нищетѣ, вслѣдствіе чего подрываются ихъ физическія силы и понижается ихъ нравственный уровень. Съ исчезновеніемъ изъ ихъ скромныхъ жилищъ послѣднихъ слѣдовъ матеріальной независимости и благосостоянія пропали въ нихъ всякая жизнерадостность и простодушіе».

Городское промышленное населеніе тоже находилось въ крайней нуждѣ. Въ Престонѣ цѣлая треть населенія получала пособіе изъ фондовъ общественнаго призрѣнія; большую нужду испытывали и во многихъ другихъ мѣстахъ. Подъ гнетомъ ея ткачи и другіе рабочіе стали собираться въ разныхъ мѣстахъ на митинги для обсужденія своего тяжелаго положенія.

Гревилль, съ своей точки зрѣнія горожанина, писалъ въ своихъ Мемуарахъ отъ 17 января 1830 г. «землевладѣльцы начинаютъ сѣзжаться изъ своихъ деревень и всѣ въ одинъ голосъ говорятъ объ общей поголовной нуждѣ, которая грозитъ еще дальнѣйшимъ развитіемъ,

¹. Place, Рукописи. 27,789, стр. 387.

о плачевномъ состояніи ренты по всей Англiи и о необходимости рѣшительныхъ мѣръ для предотвращенiя общаго разоренiя ¹». Та самая партiя помѣстнаго дворянства, которая въ другое время всегда была готова нападать на платформу и обуздывать ее законодательными мѣрами въ тѣхъ случаяхъ, когда къ ней прибѣгали другіе, теперь сама воспользовалась ею и цѣлымъ потокомъ петицій взывала о своихъ невзгодахъ къ правительству. Въ первыхъ числахъ января 1830 г. «землевладѣльцы и арендаторы Илея собрали митингъ и вотировали петицію къ палатѣ общинъ о томъ, чтобы «палата обратила вниманіе на положеніе земледѣльческихъ рабочихъ и приняла для ихъ облегченiя тѣ мѣры, которыя почтенная палата сочтетъ наиболѣе полезными ²».

Во многихъ мѣстахъ были организованы митинги графствъ. 20-го января Times пишетъ: «Земледѣльческій или, вѣрнѣе сказать, землевладѣльческій вопросъ продолжаетъ стоять на очереди и привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе ³». На слѣдующій день та же газета писала: «Митинги учащаются и собираются всюду, и по всему видно, что они вызваны ужасными послѣдствіями дѣйствительной нужды, поразившей ту или другую часть сельскаго населенiя. Ни одинъ изъ этихъ митинговъ не проходитъ безъ указанiя на небывалое и изъ ряду выходящее бѣдствіе рабочихъ классовъ, о которомъ говорится съ глубокою скорбью и какъ о фактѣ, не подлежащемъ никакому сомнѣнiю ⁴». 22 января газета писала: «Митинги, постановленiя и петиціи землевладѣльцевъ продолжаются».

Помимо этого бѣдствiя, существовалъ еще другой крупный поводъ для неудовольствiя, исходившій изъ торiйской партiи. Образъ дѣйствiй кабинета въ дѣлѣ

1. Greville's Memoirs, т. I, ст. 269.

2. Times, 4 января 1830 г.

3. Ibid., 20 января 1830 г.

4. Ibid., 21 января 1830 г. (Передовая статья).

эмансипаціи католиковъ совершенно дезорганизоваль его сторонниковъ и многіе изъ нихъ считали, что министры измѣнили имъ.

Изъ статьи, напечатанной въ *The Examiner* въ январѣ 1830 г. и озаглавленной: «Ростъ общественнаго мнѣнія», мы видимъ, что у многихъ изъ прежнихъ приверженцевъ торійской партіи взгляды совершенно перемѣнились. «Митинги, которые происходятъ въ странѣ, служатъ указаніемъ на новое теченіе въ общественномъ мнѣніи и на упадокъ значенія и вліянія исполнительной власти въ странѣ. Люди, которые еще недавно выказывали рабскую покорность, теперь необыкновенно громко и смѣло говорятъ о правахъ народа и о притѣсненіяхъ, которымъ онъ подвергается, и прямо выступаютъ, какъ агитаторы. Землевладѣльцы, судьи и даже священники являются въ роли демагоговъ». Политика лидеровъ торійской партіи въ вопросѣ объ уравниніи правъ католиковъ фактически привела къ полной дезорганизаціи всей партіи.

Плэсъ, описывая событія того времени, между прочимъ, говоритъ: «Въ теченіе осени и зимы 1829 г. произошли крупныя безпорядки въ сельскихъ округахъ; во многихъ мѣстахъ крестьяне разрушали молотилки и поджигали сѣно въ стогахъ. Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ 1830 г. безпорядки все усиливались и съ ужасающей быстротой распространялись изъ одного графства въ другое, такъ что всюду царила паника, тѣмъ болѣе, что зачинщиковъ не находили...²»

«Всѣ признавали существованіе крайней и повсемѣстной нужды, а пренія въ парламентѣ только подкрѣпляли это убѣжденіе и усиливали тревогу среди общества.

«Если еще присоединить сюда впечатлѣніе, производимое шумнымъ ораторствованіемъ внѣ стѣнъ парла-

1. *The Examiner*. 24 янв. 1830. См. также *Croker Papers*, т. III, стр. 374.

2. *Plaşe*, Рукописи, т. I, 27,789, стр. 168.

мента,—то всего этого было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы въ глазахъ людей, привыкшихъ принимать все на вѣру, представить страну стоящею «не только на краю, но уже на самомъ днѣ пропасти ¹», чтобы нагнать страхъ на робкихъ людей, а также, чтобы вызвать возбужденіе среди рабочихъ классовъ, считавшихъ, что никакія перемѣны не могутъ ухудшить ихъ положеніе. Послѣдствіемъ всего этого было общее и крѣпко вкоренившееся убѣжденіе, что страна находится наканунѣ коренного переворота, хотя въ то же время многіе изъ высказывавшихъ это убѣжденіе сами не понимали истиннаго значенія своихъ словъ.

«Пренія, происходившія по этому поводу въ обѣихъ палатахъ, поддерживали внѣшнее возбужденіе, которое въ свою очередь вліяло на парламентъ и поддерживало возбужденіе въ немъ самомъ ²».

Митинги собирались повсемѣстно. «Народныя массы были до такой степени возбуждены, говоритъ дальше Плэсъ,—что онѣ были готовы на все и ни передъ чѣмъ бы не остановились, чтобы только достигнуть уничтоженія государственнаго долга и освободить страну отъ налоговъ, взимаемыхъ для его погашенія. Въ этомъ ихъ въ значительной степени поддерживало все то, что говорилось не только на провинціальныхъ митингахъ и другихъ общественныхъ собраніяхъ, но и нѣкоторыя рѣчи, произносимыя въ парламентѣ, а также газеты, разныя дешевыя брошюры и памфлеты».

Не имѣвшій представителей въ парламентѣ, Бирмингамъ снова энергично выдвинулъ платформу какъ средство агитаціи въ пользу парламентской реформы и на этотъ разъ она приняла такіе размѣры, что ее уже нельзя было остановить.

Начало движенія было весьма скромное. 14-го декабря 1829 г., въ Бирмингамѣ въ помѣщеніи Royal Hôtel'я «по

1. Place, Рукописи, т. I, 27,789, стр. 141.

2. Ibid., т. I, 27,787, стр. 144.

приглашенію, подписанному шестью мѣстными торговцами», собралось 16 человекъ, среди которыхъ былъ Томасъ Атвудъ. «Это немногочисленное собраніе тутъ же основало «Политическій Союзъ для защиты общественныхъ правъ» (The Political Union for the Protection of Public Rights), который послужилъ примѣромъ для позднѣйшихъ такихъ же организацій¹. Въ запискѣ, въ которой были изложены цѣли новаго Союза, говорилось: «Опытъ послѣднихъ пятнадцати лѣтъ долженъ былъ, безъ сомнѣнія, убѣдить самыхъ недоувѣрчивыхъ людей въ томъ, что права и интересы среднихъ и низшихъ классовъ народа недостаточно представлены въ палатѣ общинъ парламента...

«Куда бы мы ни взглянули, мы всюду наталкиваемся на вопросы самаго серьезнаго общественнаго значенія, требующіе вниманія общества и законнаго участія промышленныхъ классовъ въ ихъ разрѣшеніи. Такія стороны общественной жизни, какъ обезпеченіе правильнаго отправления правосудія, уравниеніе и пониженіе налоговъ, защита народныхъ правъ и преслѣдованіе всякаго нарушенія этихъ правъ, необходимость реформы самаго парламента и организація помощи въ дѣлѣ народной нужды, настойчиво требуютъ дѣятельнаго участія самого народа. Стремясь къ этой цѣли и въ виду такого положенія, мы рѣшили образовать въ Бирмингамѣ Общій Политическій Союзъ всѣхъ промышленныхъ классовъ для защиты общественныхъ правъ».

Главные цѣли Союза были формулированы слѣдующимъ образомъ: «Всѣми справедливыми и законными путями добиться такой реформы палаты общинъ, которая обезпечила бы за низшимъ и среднимъ классами народа дѣйствительное представительство въ этой палатѣ... Упро-

¹. См. Life of Thomas Attwood, стр. 129, by C. M. Wakefield 1885, L. Книга эта, хотя и издана исключительно для частнаго пользованія, имѣется въ Британскомъ Музеѣ, а потому и можетъ быть цитируема.

читать миръ, единеніе и согласіе между всѣми классами подданныхъ его величества и направить всѣ силы страны къ одной общей мирной и законной цѣли, вмѣсто того, чтобы предоставлять этимъ силамъ тратиться въ беспорядочныхъ, разрозненныхъ и бесплодныхъ усиліяхъ или пробивать самимъ себѣ путь безъ помощи и руководства, по собственному произволу. Организовать такое спокойное выраженіе общественнаго мнѣнія, чтобы оно могло оказывать на законодательную дѣятельность справедливое, законное и сильное вліяніе. Дѣйствовать всѣми законными средствами на парламентскіе выборы, чтобы обезпечить избраніе дѣйствительно честныхъ и способныхъ представителей народа».

Кругъ дѣятельности cadaго члена Союза точно опредѣлялся особыми правилами. Приведемъ выдержки изъ нихъ: «Надо всегда помнить, что вся сила нашего Союза будетъ заключаться въ единствѣ и законности нашихъ дѣйствій и въ стремленіи нашемъ къ спокойствію, миру и общественному порядку. Всѣхъ людей, готовыхъ сѣять раздоръ и несогласіе и прибѣгать къ беспорядкамъ и незаконнымъ или сомнительнымъ мѣрамъ, мы должны считать своими прямыми врагами. Мы не должны забывать, что только такимъ образомъ дѣйствій, а не инымъ, мы можемъ проявить ту громадную организованную нравственную силу, къ которой нельзя будетъ относиться ни съ презрѣніемъ, ни съ пренебреженіемъ».

«Такъ положены были основанія величайшей по замыслу, силѣ и достигнутому успѣху мирной организаци, которая когда либо существовала въ Англіи ¹».

Для ознакомленія публики съ цѣлями Союза былъ созванъ 25-го января большой митингъ. «Такого громаднаго митинга въ стѣнахъ одного зданія еще никогда не было»:—на немъ присутствовало отъ 12.000 до 15.000 человекъ. Начался онъ въ 10 часовъ утра и продолжался до 5 часовъ дня ². Произнесено было много рѣчей.

¹. Life of Attwood, стр. 137.

². The Times, 27 января 1830 г.

М-ръ Аттвудъ внесъ въ собраніе проектъ слѣдующей резолюціи: «Всеобщая крайняя нужда, тяготѣющая надъ страной теперь и, въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, въ разное время дававшая себя жестоко чувствовать, всецѣло должна быть приписана, по мнѣнію собранія, дурному государственному управленію. Управление это требуетъ коренного упорядоченія, достигнуть котораго можно только путемъ надлежащей реформы палаты общинъ. Кромѣ того собраніе полагаетъ, что для законнаго достиженія этой великой цѣли и для полного возстановленія нарушенныхъ народныхъ правъ необходимо образовать общій политическій союзъ для объединенія низшихъ и среднихъ классовъ нашего города». Постановлено было также учредить исполнительный органъ Союза въ видѣ Политическаго Совѣта (Political Council) и собирать деньги по подпискѣ. Собраніе взяло на себя обязательство употребить всѣ силы для достиженія намѣченной цѣли. Въ другой своей рѣчи на томъ же митингѣ, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній относительно характера Союза, Аттвудъ заявилъ, что ими предлагается не образованіе политическаго клуба—въ послѣдній онъ мало вѣритъ—а объединеніе всего англійскаго народа.

«Такого общественнаго возбужденія», писалъ репортеръ Times, «и повсемѣстно вызваннаго имъ интереса мы не zapomнимъ». Впрочемъ, тотъ же Times въ передовой статьѣ говорилъ: «Все это возбужденіе—совершенные пустяки и вѣроятно затихнетъ само собой». Однако послѣдующія событія показали, какъ ошибочно было это предсказаніе.

23 февраля 1830 г. собранъ былъ въ Mansion House въ Лондонѣ митингъ, на которомъ комерсанты и представители другихъ сословій потребовали разслѣдованія причинъ народной нужды и постановили резолюцію, что было бы ребячествомъ и ошибкою рассчитывать на то, что подобное бѣдствіе можетъ быть окончательно устранено безъ серьезной и радикальной реформы предста-

вительства палаты общинъ. Въ концѣ февраля былъ созванъ другой митингъ въ Эльсбюри ¹, на которомъ принята слѣдующая петиція: «Мы, уже не разъ подававшіе вамъ петиціи, давно и съ глубочайшей скорбью замѣчаемъ ту апатію и равнодушіе, съ которыми принимаются наши ходатайства, каковое отношеніе мы только можемъ приписать всѣмъ извѣстной продажности и несовершенству представительства общинъ въ вашей уважаемой палатѣ. Намъ приходится съ сожалѣніемъ добавить, что, прибѣгая еще разъ къ единственному, находящемуся въ нашемъ распоряженіи, конституціонному пути, чтобы довести до вашего свѣдѣнія о невыносимой тягости нашего положенія, мы питаемъ мало надежды на его улучшеніе, пока это представительство не подвергнется дѣйствительному и коренному преобразованію». Въ мартѣ 1830 г., по тому же вопросу объ избирательной реформѣ, собирались митинги въ Лидсѣ, Ворчестерширѣ и Кентѣ.

Платформа очевидно быстро оживала и забирала въ свои руки этотъ вопросъ. «Митинги собирались во многихъ мѣстахъ и въ результатѣ ихъ являлись резолюціи и петиціи, шедшія неизмѣримо дальше бирмингамскихъ. По всей Англійи при этомъ проявлено было такое краснорѣчіе и такое знаніе дѣла, о которыхъ раньше, казалось, нельзя было и думать ¹».

Бирмингамскій Политическій Союзъ снова собралъ 17 мая многолюдный и весьма удачный митингъ. Тѣмъ временемъ успѣло уже записаться въ Союзъ множество новыхъ членовъ. Задачи и взгляды его отнюдь не были крайними. На этомъ митингѣ Совѣтъ заявилъ, что по зрѣломъ размышленіи онъ рѣшилъ не требовать ни всеобщей подачи голосовъ, ни закрытой баллотировки, ни ежегодныхъ парламентовъ, а держаться исключительно старыхъ и уже испытанныхъ традицій англійской конституціи.

¹. The Times, 1 марта 1830 г.

². Place, Рукописи, 27,789, стр. 147.

Во время парламентской сессии 1830 г., при все возрастающем народном возбужденіи, вопросъ о существующемъ представительствѣ былъ поднимаемъ нѣсколько разъ и въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Давнишняя просьба города Бирмингама о передачѣ ему представительства мѣстечка Истъ-Ретфордъ еще раньше была отклонена палатою общинъ; такая же просьба Манчестера относительно гнилого и продажнаго бурга Пенрина потерпѣла ту же участь; теперь снова, когда внесено было предложеніе дать этимъ двумъ большимъ городамъ, а также и Лидсу, съ ихъ громаднымъ богатствомъ и просвѣщеннымъ населеніемъ, право имѣть своихъ представителей въ парламентѣ, палата общинъ отклонила его 188 голосами противъ 140. Удивительнѣе всего то, что парламентъ въ этомъ вопросѣ не шелъ слѣпо и безсознательно на встрѣчу роковой развязкѣ; такъ, въ самой палатѣ Гускинсонъ предостерегалъ ее и говорилъ, что для всѣхъ совершенно ясно, «какихъ послѣдствій можно ожидать отъ постоянныхъ отказовъ со стороны палаты вносить какія либо улучшенія, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда возможность сдѣлать это вполнѣ очевидна».

Можно наблюдать иногда, что, чѣмъ хуже положеніе и чѣмъ меньше оно имѣетъ за себя оправданій, тѣмъ упорнѣе оно отстаивается. То же самое происходило и въ борьбѣ, которую мы описываемъ и которая теперь быстро развивалась, приближаясь къ неизбѣжной развязкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что могло быть болѣе безнадежнымъ и лишеннымъ всякихъ логическихъ и разумныхъ оправданій, какъ существовавшая въ то время система представительства въ парламентѣ? Была ли хоть тѣнь разумнаго основанія утверждать, что городской голова и 30 альдерменовъ города Батъ настолько умнѣе, безупречнѣе и талантливѣе всѣхъ другихъ жителей города, что имъ однимъ надлежитъ выбирать предста-

вителей въ парламентъ, а всѣмъ остальнымъ нельзя? Или хотя бы тѣнь оправданія для такого порядка вещей, при которомъ 33 магистрата въ Единбургѣ избирали члена парламента, являвшагося мнимымъ представителемъ 130.000 жителей этого города, а сами жители не имѣли права участвовать въ его избраніи? Единбургъ и Батъ были далеко не единственными примѣрами, иллюстрирующими это нелѣпное положеніе вещей, и неужели народъ могъ хоть на минуту повѣрить разумности столь явной несправедливости, которая лишала такіе два большіе центра, какъ Манчестеръ и Бирмингамъ съ ихъ тысячами образованныхъ и способныхъ гражданъ, всякаго голоса и вліянія въ изданіи законовъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ ихъ жизни, занятіямъ и имуществу, въ то время, какъ это право предоставлялось ничтожнѣйшимъ маленькимъ бургамъ, находящимся всецѣло въ рукахъ какого нибудь торгаша, всѣ понятія котораго о государственномъ управленіи исчерпывались поддержкой выгодной для него системы, набивающей ему карманы или дющей ему значеніе въ обществѣ? Къ счастью, приближалось уже то время, когда всѣ эти дикія измышленія и нелѣпости, которыми такъ долго поддерживалась и защищалась эта пагубная система, должны были рухнуть. Въ то время, когда парламентъ былъ поглощенъ противодѣйствіемъ народнымъ желаніямъ, умеръ король Георгъ (26 іюня 1830 г.) и на престолъ вступилъ Вильгельмъ IV.

Плэсъ отмѣчаетъ одинъ интересный симптомъ, указывающій на перемѣну, происшедшую за это время въ народѣ. Онъ пишетъ: «Адресы по случаю воцаренія Вильгельма IV лились цѣлымъ потокомъ, но все таки, ни по своему количеству, ни по стилю не напоминали прежнихъ; въ большинствѣ изъ нихъ говорилось о такихъ реформахъ и выражались надежды и увѣренность въ такихъ перемѣнахъ, которыя были бы сочтены неприличными

при воцареніи любого изъ предшествующихъ королей ганноверскаго дома ¹».

По разсмотрѣніи парламентомъ нѣкоторыхъ текущихъ дѣлъ, стоявшихъ на неотложной очереди въ обѣихъ палатахъ, засѣданія его 23 іюля были отсрочены королемъ, а затѣмъ парламентъ былъ немедленно распущенъ.

Это распущеніе является событіемъ громадной важности: вмѣстѣ съ нимъ окончился старый порядокъ вещей и фактически начался новый. Въ ближайшіе за симъ годы, Англіи суждено было пережить такія событія и впечатлѣнія, какихъ никогда еще ей не приходилось испытывать.

Въ теченіе какихъ нибудь двухъ съ половиною лѣтъ общіе выборы въ парламентъ происходили три раза и по своему характеру эти выборы рѣзко отличались отъ всѣхъ предшествовавшихъ. Подготавливавшееся движеніе должно было превзойти, по своей интенсивности, всѣ предшествовавшія и по сравненію съ нимъ эти послѣднія кажутся ничтожными, эфемерными. Ему предстояло поднять и довести до разрѣшенія вопросы неизмѣримой важности, захватывавшіе не только интересы народныхъ массъ, до сихъ поръ совершенно не признававшихся государствомъ, но и интересы всей націи. Въ первый разъ за всю исторію Англіи вопросы такой важности должны были получить свое разрѣшеніе не отъ парламента, который скорѣе являлся въ данномъ случаѣ подсудимымъ, а отъ самого народа. Какъ бы ни былъ поразителенъ и неожиданъ такой фактъ, но онъ безспорно былъ на лицо, и это былъ фактъ громаднаго значенія, который долженъ былъ навсегда оставить свой неизгладимый слѣдъ на всемъ будущемъ англійскаго народа.

Въ виду такого небывалаго положенія, на первыхъ же порахъ народу пришлось искать, какъ для обсужденія и рѣшенія стоявшихъ на очереди вопросовъ, такъ и для выраженія своей воли, новаго способа и новыхъ путей.

¹. Place, Рукописи, 27,789, стр 153.

Парламентъ не могъ ему служить, такъ какъ дѣйствительное, серьезное обсужденіе вопроса происходило внѣ его стѣнъ; печать, хотя и могла оказать ему нѣкоторую помощь, но не представляла вполне пригоднаго для него орудія, такъ какъ вопросъ уже требовалъ болѣе живого и рѣшительнаго обмѣна мыслей, чѣмъ разсужденія на бумагѣ.

Оставалась одна платформа, къ которой онъ уже и раньше прибѣгалъ съ переменнымъ, но въ общемъ довольно значительнымъ, успѣхомъ. За нее и ухватился теперь народъ, найдя въ ней полный отвѣтъ на всѣ свои требованія, и въ открывающейся передъ нами великой борьбѣ платформа достигла невиданной и неслыханной силы.

Еще въ то время, когда болѣзнь и приближающаяся кончина Георга IV выдвинула вопросъ о скоромъ наступленіи общихъ выборовъ, т. е., уже въ теченіе всего іюля, избирательная агитація не дремала и кандидаты усердно дѣйствовали въ избирательныхъ округахъ. Замѣтимъ кстати, что при роспускѣ парламента правительству даже не пришло въ голову обратиться къ избирателямъ съ заявленіемъ, которое могло бы служить имъ программой при выборахъ, и ни одинъ изъ министровъ не подумалъ произнести рѣчь, въ которой были бы изложены взгляды правительства для руководства его сторонниковъ и защитниковъ ¹. Правительство вполне рассчитывало получить въ новой палатѣ еще большее количество голосовъ и при существованіи «гнилыхъ мѣстечекъ» могло относиться съ пренебреженіемъ къ такому излишнему воздѣйствію. Со стороны оппозиціи, рѣчь, сказанная Брумомъ въ Йоркширѣ, 26 іюля, ближе всего подходитъ къ типу партійной программы. Его рѣчи привлекали общее вниманіе, такъ

¹. Пилъ, хотя и произнесъ 30 іюля рѣчь въ Тамуортѣ, но она носила чисто личный характеръ и ни въ какомъ случаѣ не могла служить программой партіи. Отчетъ о ней находится въ *The Lichfield Mercury* отъ 13 августа.

какъ онъ былъ кандидатомъ крупнѣйшаго избирательнаго округа въ Англіи и весьма выдающимся членомъ своей партіи. Онъ сказалъ: «Мы эмансипировали католиковъ и умиротворили Ирландію; эмансипируемъ же всѣ средніе промышленные и низшіе классы нашихъ согражданъ и водворимъ въ Англіи миръ, спокойствіе и довольство. По вопросу о монополіи мои взгляды совершенно опредѣленны и ясны: я противъ монополіи, я положительно не допускаю никакой монополіи». Онъ говорилъ противъ хлѣбныхъ законовъ, а затѣмъ высказался за парламентскую реформу (хотя былъ противъ закрытой баллотировки) въ смыслѣ распространенія права представительства на большіе города и на домовладѣльцевъ, за сокращеніе парламентскихъ періодовъ. «Я не сомнѣваюсь, что предстоящіе выборы значительно двинутъ впередъ вопросъ о парламентской реформѣ. Я увѣренъ, что подобно тому, какъ выборы въ графствѣ Клэръ привели къ рѣшенію вопроса о католикахъ, ваши усилія на настоящихъ выборахъ приведутъ къ рѣшенію трехъ важныхъ вопросовъ: парламентской реформы, пересмотра хлѣбныхъ законовъ и уничтоженія невольничества въ колоніяхъ».

Положеніе Брума въ то время, хотя и было уже выдающимся, но едва ли таково, чтобы высказанные имъ взгляды были безпрекословно приняты всею народною партіей, да и сама партія эта не была еще достаточно тѣсно сплочена, чтобы подчиняться руководству одного какого нибудь лица. Тѣмъ не менѣе, многіе изъ партіи пошли по намѣченному имъ пути и во многихъ округахъ вопросъ о парламентской реформѣ былъ поставленъ первымъ въ избирательной борьбѣ.

Между тѣмъ какъ всеобщее вниманіе было сосредоточено на выборахъ, случилось совершенно неожиданное событіе, которое придало борьбѣ еще большую остроту.

Во Франціи правительство было ниспровергнуто и король былъ изгнанъ изъ страны, не въ силу парламентскаго рѣшенія, а силою оружія. Давно подготовлявшійся кри-

зись, слѣдствіе долгой борьбы между произволомъ и свободою, наконецъ разразился.

28 іюля на столбцахъ Times'a появились извѣстные ордонансы Карла X, обнародованные имъ во Франціи 25 іюля.

Первый изъ нихъ наносилъ ударъ свободѣ печати. «Такимъ образомъ для Франціи сразу уничтожались всѣ благія послѣдствія, вытекающія изъ свободы слова и обсужденія. Защита политическихъ правъ и обличеніе политическихъ злоупотребленій дѣлаются невозможными безъ разрѣшенія тѣхъ самыхъ лицъ, образъ дѣйствій которыхъ осуждается».

Второй ордонансъ былъ почти равносильнъ полному уничтоженію народной палаты французскаго парламента. Онъ сокращалъ число депутатовъ съ 430 до 258, отнималъ избирательныя права у трехъ четвертей избирателей и создавалъ такія ограниченія, которыя фактически отдавали весь составъ палаты безусловно и вполнѣ въ руки короля.

Ордонансы вызвали энергическое сопротивленіе. Парижъ взялся за оружіе и остался побѣдителемъ послѣ непродолжительной, но кровавой борьбы. Король и министры бѣжали; палата депутатовъ собралась и взяла въ свои руки бразды правленія.

Все это совершилось такъ быстро, что уже 2-го августа Times напечаталъ прокламацію палаты депутатовъ: «Французы, Франція свободна! Абсолютизмъ поднялъ свое знамя, но геройское населеніе Парижа низвергло его. Парижъ оружіемъ отстаивалъ святое дѣло, которое тщетно отстаивалось на выборахъ».

Декретомъ палаты депутатовъ Карль X и его потомки были навсегда лишены французскаго престола; число членовъ палаты пэровъ уменьшено на цѣлую треть и герцогъ Орлеанскій выбранъ главою государства.

Это великое и потрясающее событіе тотчасъ отразилось на положеніи дѣлъ въ Англіи.

«При общемъ возбужденномъ настроеніи, писалъ Плэсъ, выборы служили къ усиленію этого возбужденія и какъ разъ въ то время, когда напрягались всѣ общественныя силы, чтобы провести на выборахъ либеральныхъ депутатовъ въ палату, произошло событіе, которое вызвало повсемѣстный восторгъ. Извѣстіе о трехдневной революціи въ Парижѣ было принято съ неслыханнымъ энтузіазмомъ ¹.»

Сторонники реформы сочли эту удивительную революцію счастливымъ предзнаменованіемъ. Выборы въ Англіи начались еще съ 30 іюля и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они были уже окончены раньше, чѣмъ это потрясающее извѣстіе успѣло дойти изъ Франціи и оказать свое вліяніе на общественное настроеніе; но имъ не замедлили воспользоваться въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ еще предстояли выборы, и всѣ симпатіи англійскаго народа безусловно оказались на сторонѣ народнаго движенія во Франціи.

«Это извѣстіе, пишетъ Плэсъ, сильно встревожило министерство и всю аристократію... но народъ ликовалъ, узнавъ о результатахъ переворота, и его восторгъ не зналъ границъ... Впечатлѣніе, которое произвели парижскія событія среди простаго народа, врядъ ли можетъ когда либо изгладиться или забыться ²».

Уже 2 августа событія во Франціи были утилизированы въ избирательныхъ рѣчахъ. Сэръ Робертъ Вильсонъ сказалъ въ Соутворкѣ: «Мы видѣли, какъ во Франціи народъ вступилъ въ борьбу за свои права, за свою свободу и отстоялъ ее противъ одного изъ самыхъ отчаянныхъ и предательскихъ измѣнническихъ актовъ, которые когда либо совершались со стороны министровъ».

На выборахъ въ Серреѣ Денисонъ говорилъ: «Франція показала великій примѣръ всему міру. Тамъ народъ никогда бы не могъ такъ покорно подчиняться своимъ

¹. Place Рукописи, 27.789, стр. 158.

². Ibid., стр. 163.

министрамъ, какъ покорялась имъ наша палата общинъ».

Странно, что при такой серьезности положенія и когда отъ этихъ выборовъ зависѣло такъ много, результаты ихъ ожидались съ гораздо большимъ спокойствіемъ, чѣмъ то можно было предполагать.

По всеобщему признанію, политическое воспитаніе народа, хотя неровно и скачками, съ нѣкотораго времени значительно подвинулось впередъ. Народъ сталъ сознательнѣе относиться къ недостаткамъ управленія и либеральныя начала стали глубже проникать въ общество и захватывать новые слои; онъ уже не съ такою покорностью выносилъ злоупотребленія власти и, почувствовавъ больше увѣренности въ себѣ самомъ и въ своихъ силахъ, онъ все съ большимъ сознаниемъ своихъ правъ стремился принять участіе въ управленіи страной. Какъ это ни странно, но повидимому никому не приходило въ голову, что такой прогрессъ въ народномъ сознаниіи могъ имѣть серьезное вліяніе на выборы, и вотъ почему результаты ихъ явились полнѣйшей неожиданностью.

По этому поводу будетъ не лишнимъ привести мнѣнія нѣкоторыхъ писателей того времени, далеко не сходныхъ между собою во взглядахъ. «Выборы носятъ антиправительственный характеръ, писалъ Гревилль въ своихъ Мемуарахъ 31 іюля 1830 г.; на сторонѣ правительства не выступаетъ ни одного кандидата и нѣтъ никого, кто бы поддержалъ министерство герцога (Веллингтона); изъ этого можно заключить, что оно утратило свою популярность ¹». Двѣ недѣли спустя онъ снова писалъ: «Наши выборы неблагоприятны для правительства и отличительные признаки времени заключаются въ стремленіи къ реформамъ, экономіи въ расходахъ и уничтоженію рабства ²».

Annual Register писалъ: «Тамъ, гдѣ выборы хоть мало мальски клонились на сторону народа, ни одинъ кан-

¹. Greville, Memoirs, т. II, стр. 20.

². Ibid., стр. 29.

дидать не рѣшался выступить съ заявленіемъ, что онъ намѣревается поддерживать существующее правительство или что онъ когда либо поддерживалъ его ¹».

«Въ Норфолькѣ, писалъ Коббетъ, старыйтори Вудгаузъ оказался за флагомъ и замѣщенъ сторонникомъ реформы. Въ Кембриджширѣ братъ или родственникъ герцога Рутланда принужденъ былъ уступить свое мѣсто лицу, торжественно объявившему себя сторонникомъ коренной реформы. Въ другихъ графствахъ, хотя во взглядахъ населенія не произошло значительной перемѣны, но всѣмъ уже прокричали уши реформой и вы не найдете человека, который бы осмѣлился сказать, что парламентъ не нуждается въ преобразованіи».

Газета Examiner писала ²: «Либерализмъ одержалъ удивительныя побѣды; ему удалось выбросить многихъ вредныхъ и вліятельныхъ людей изъ насиженныхъ ими мѣстъ и добиться избранія желательныхъ для народнаго дѣла кандидатовъ, вопреки стараніямъ враждебно настроенной аристократіи».

Но краснорѣчивѣе всѣхъ былъ тотъ «еще небывалый въ исторіи англійскаго парламента фактъ, что ни одинъ изъ министровъ, входившихъ въ то время въ составъ кабинета, не попалъ въ парламентъ по выбору хотя бы незначительной части подданныхъ его величества. Между ними только сэръ Муррей составилъ исключеніе: онъ явился представителемъ одного изъ шотландскихъ графствъ, да и то потому, что это графство, какъ вообще всѣ шотландскія графства было еще болѣе пропитано «гнилью», чѣмъ большинство англійскихъ гнилыхъ бурговъ... ³. Тамъ, гдѣ общественное мнѣніе могло вліять и высказываться, ни одинъ изъ членовъ правительства не рѣшался выступить кандидатомъ: всѣ они обратились къ гнилымъ мѣстечкамъ».

¹. Annual Register, 1830, стр. 146.

². The Examiner, 22 августа, 1830.

³. См. The Result of the General Election, or What has the Duke of Wellington Gained by a Dissolution? London, 1830.

Результатъ выборовъ, прежде всего бросавшійся въ глаза, заключался въ томъ, что количество голосовъ, на которое могло рассчитывать министерство, сократилось на двадцать или тридцать; но выборы имѣли и другія, болѣе важныя, послѣдствія. Одинъ современникъ выразился о нихъ такъ: «Когда моряки замѣчаютъ, что на морѣ поднимается волненіе въ то время, какъ въ воздухѣ еще полное затишье, они принимаютъ мѣры въ ожиданіи наступающаго шквала: убираютъ паруса, спускаютъ марсели и готовятся ко всѣмъ случайностямъ бури... Во всей странѣ чувствуется наростаніе какой то силы, невидимой еще на поверхности. Эту силу, дающую уже себя чувствовать, нельзя еще различить въ отдѣльныхъ составныхъ ея частяхъ, но въ общемъ она уже громко заявляетъ о себѣ. Волна общественнаго мнѣнія уже поднимается, предвозвѣщая бурю: въ отдѣльности она какъ будто и состоитъ изъ ничтожныхъ капель, но какое могущество во всей этой соединенной массѣ ¹!»

Въ свою очередь другой современникъ писалъ: «Населеніе Англіи уже начало проявлять ту силу, которою вооружаются народныя массы съ успѣхами просвѣщенія и нѣтъ сомнѣнія, что въ концѣ концовъ онѣ получатъ въ управленіи своими интересами то значеніе, которымъ по праву должны пользоваться. Народъ уже вполне созналъ свою силу, и положеніе дѣлъ въ Йоркширѣ, Девонширѣ, Кембриджширѣ, Серреѣ, даже въ Лестерширѣ и несомнѣнно въ Суффолькѣ,—служить лучшимъ тому доказательствомъ ²».

Еще до созыва парламента народнымъ стремленіямъ въ Англіи былъ данъ новый толчокъ революціей въ Нидерландахъ. Въ силу Вѣнскаго договора Бельгія была присоединена къ Голландіи. «Жители Брюсселя начали съ того, что запротестовали противъ городского обложенія. Успѣвъ въ этомъ, они пошли еще дальше и рѣшили

¹. The Examiner, 22 августа 1830 г.

². The Result of the General Election, etc.

низвергнуть правительство и добиться отдѣленія отъ Голландіи. Когда королевскія войска подошли къ Брюсселю, горожанамъ удалось ихъ отбить; затѣмъ учреждено было временное правительство, созванъ національный конгрессъ и Бельгія объявлена независимымъ государствомъ. Оранскій домъ былъ отрѣшенъ отъ престола и населеніе приступило къ избранію новаго короля ¹ ».

Это событіе еще разъ показало англійскому народу, какъ легко дружно дѣйствующая масса можетъ опрокинуть правительство, не пользуясь любовью.

Французская революція продолжала оказывать вліяніе на Англію даже и по окончаніи выборовъ. Многочисленные митинги созывались спеціально для выраженія сочувствія французамъ. «Это великое событіе, говорилъ одинъ ораторъ на одномъ изъ такихъ митинговъ, можетъ служить урокомъ и для правительства, и для народа; первому оно какъ бы говорить: не надѣйся на свою собственную силу, когда идешь противъ воли страны, народу же оно говоритъ: никогда не допускайте нарушенія своихъ правъ; если же это нарушеніе уже совершилось, то защищайте ихъ, хотя бы даже цѣною жизни».

Брумъ, избранный депутатомъ отъ Йоркшира, извиняясь въ письмѣ, что онъ не можетъ участвовать на обѣдѣ, устроенномъ въ честь событій во Франціи, заканчиваетъ его слѣдующимъ образомъ: «Винювники тѣхъ славныхъ событій, которыя вы собрались чествовать, въ какіе нибудь три дня сдѣлали больше для подрыва деспотизма не только во Франціи, но и въ Англии, чѣмъ могли бы сдѣлать низкіе защитники его для его возстановленія въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ».

Въ Эдинбургѣ былъ созванъ митингъ съ цѣлью поздравить французовъ съ ихъ «трехдневною революціей»; такіе же митинги «происходили по всей Шотландіи, и на этихъ собраніяхъ открыто рукоплескали революціи, только что низвергнувшей монарха, при чемъ эти при-

¹. Annual Register.

вѣтствія не встрѣчали ни малѣйшаго протеста или неодобренія. Кто бы не увидѣлъ въ этомъ вѣрнаго показателя наступающаго у насъ положенія вещей? ¹».

«Политическій Союзъ» устроилъ въ Бирмингамѣ обѣдъ, на которомъ присутствовало около 3700 человекъ «для чествованія только что совершившейся славной революціи во Франціи». Гость въ «честь, благодарность и за преуспѣяніе благороднаго французскаго народа» былъ принятъ съ восторженными криками ².

На этомъ обѣдѣ Атвудъ сказалъ: «Будемъ по прежнему идти по нашему мирному и легальному пути, и съ Божьей помощью мы отвоеуемъ еще права и свободу страны, не насиліемъ, не анархіей, не грубою матеріальною силою, а черезъ посредство мирнаго, организованнаго, внушительнаго проявленія народной воли. Въ тѣ времена, когда бароны Рунимэда исторгнули вольности Англіи изъ рукъ тирана Іоанна, имъ пришлось взяться за лукъ, за копье, за стѣкиру и за мечъ, и они были въ своемъ правѣ. Слава Богу, намъ нѣтъ нужды приниматься за столь страшное и разрушительное оружіе; положеніе вещей измѣнилось подъ вліяніемъ воспитанія и просвѣщенія. Наше оружіе теперь—въ единствѣ, правдѣ, справедливости и разумѣ, нашъ мечъ—духовный мечъ, онъ и есть не что иное, какъ выраженіе воли народа, и этимъ великимъ нравственнымъ оружіемъ мы добьемся всего, что намъ нужно и что принадлежитъ намъ по всей справедливости».

Эти митинги, съ ихъ рѣчами, заслуживаютъ нашего вниманія не только потому, что мы можемъ на нихъ прослѣдить вліяніе, которое оказала иноземная революція на движеніе въ Англіи въ пользу реформы, но еще и потому, что они представляютъ матеріалъ для крайне интереснаго сравненія общаго тона и пріемовъ платформы и общественныхъ митинговъ въ описываемое на-

¹. Сockburn's Memorials, стр. 467.

². 11 октября 1830 г.

ми время съ таковыми же въ эпоху первой французской революціи въ 1792 году. Поводъ, вызвавшій то и другое движеніе, былъ одинъ и тотъ же,—сверженіе деспотическаго правительства народомъ. Во время первой революціи, въ подражаніе неистовствамъ французскихъ революціонеровъ, высказывалось много смѣшныхъ, хвастливыхъ и громкихъ фразъ и желаніе выразить французамъ сочувствіе было такъ преувеличено, что въ этомъ потокѣ хвалебныхъ фразъ потонули всѣ патріотическія чувства англичанъ. Теперь же выраженія, оставаясь вполне сочувственными, не теряли своей патріотической подкладки и подражаніе французамъ уже не имѣло того преувеличеннаго характера, которымъ оно отличалось въ концѣ прошлаго столѣтія. Нельзя не отмѣтить этого факта, какъ знаменательнаго и утѣшительнаго шага впередъ, ясно показывающаго ростъ политическаго воспитанія, сознательности и сдержанности англійскаго народа.

Независимо отъ политическаго толчка, даннаго событіями въ Европѣ демократическимъ стремленіямъ, все это время продолжала дѣйствовать и другая причина, поддерживавшая народное возбужденіе, а именно все болѣе и болѣе возрастающая нужда. Массы людей, страдающая отъ лишеній и нищеты и не видя исхода изъ своего отчаяннаго положенія, стали прибѣгать не къ платформѣ, а къ самому нежелательному средству,—насилію. Платформа уже не разъ предостерегала относительно грозящей опасности.

«Многочисленныя петиціи, представленныя многими графствами въ парламентъ еще до распущенія послѣдняго, съ описаніемъ бѣдственнаго положенія земледѣльческой части населенія, предсказывали, что если положеніе это не будетъ облегчено, то народъ неминуемо прибѣгнетъ къ самымъ крайнимъ насильственнымъ мѣрамъ и нарушенію общественнаго спокойствія ¹».

«Едва успѣли собрать хлѣбъ съ полей, какъ эти

1. Annual Register, стр. 149, 1830 г.

предсказанія сбылись». Беспорядки начались въ графствѣ Кентъ, перешли въ сосѣднія графства, а затѣмъ охватили почти половину всей Англїи. «Начались систематическіе ночные поджоги, производимые шайками поджигателей, горѣли скирды, амбары, фермы и живой инвентарь; сельскохозяиственные машины подвергались разрушенію; дерзкія шайки нападали на бумагопрядильни, разрушали ихъ и брали денежныя контрибуціи». Полуголодные, обнищавшіе земледѣльцы нѣсколько разъ собирались и пытались обсудить свое положеніе, но при своемъ невѣжествѣ и беспомощности не могли прійти къ другому выходу, какъ только къ насилію. Такимъ образомъ, въ силу тѣхъ или другихъ причинъ, настроеніе умовъ во всѣхъ слояхъ населенія было крайне тревожно.

26 октября собрался новый парламентъ, но официально онъ былъ открытъ королемъ только 2 ноября. При открытіи его первый министръ, герцогъ Веллингтонъ, произнесъ горячую рѣчь противъ парламентской реформы.

Онъ сказалъ: «Я прямо и безъ всякихъ колебаній выскажу свой взглядъ на этотъ вопросъ. Я глубоко убѣжденъ, что страна въ настоящее время пользуется такой формой правленія, которая отвѣчаетъ всѣмъ необходимымъ требованіямъ хорошаго управленія и даже въ неизмѣримо большей степени, чѣмъ форма правленія какой либо другой страны. Я скажу больше: наша форма правленія и наше представительство пользуются полнымъ довѣріемъ страны, довѣріемъ вполне заслуженнымъ, а дебаты, происходящіе въ нашихъ высшихъ законодательныхъ учрежденіяхъ, имѣютъ громадное вліяніе на общественное мнѣніе страны... Народное представительство обнимаетъ въ настоящее время значительнѣйшую часть собственности страны и интересы землевладѣнія имѣютъ въ немъ преобладающее значеніе. Въ виду этого я не намѣренъ выступать съ какимъ либо предложе-

ніемъ въ родѣ того, на которое намекнулъ почтенный лордъ (т. е. въ пользу реформы). Но я не только не намѣренъ самъ выступить съ такого рода предложеніемъ, но заявляю прямо, что, поскольку это будетъ зависѣть отъ меня и пока я буду участвовать въ управленіи, я всегда буду считать долгомъ противодѣйствовать такимъ мѣрамъ, когда онѣ будутъ предлагаться другими ¹».

Комментируя вскорѣ послѣ этого рѣчь герцога, Times говоритъ: «Заявленіе герцога (Веллингтона), направленное противъ всякой реформы, уже не предвѣщало, само по себѣ, ничего хорошаго, но къ этому еще присоединилось опасеніе, что оно послужитъ удобною ширмою для всякаго рода злоупотребленій и хищеній и подкрѣпить обломки той системы, которая была причиною столь тяжкихъ бѣдствій ²».

Англійскому обществу было отъ чего придти въ совершенное отчаяніе, если бы для всѣхъ не было ясно, что воинственная рѣчь перваго министра была приговоромъ для самого министерства. 15 ноября оно потерпѣло пораженіе по вопросу, касавшемуся «цивильнаго листа», и немедленно подало въ отставку. Лордъ Грей, старый сторонникъ реформы, былъ призванъ къ королю и получилъ порученіе составить министерство.

«Новому министерству предстоитъ нелегкая задача: у него будетъ много дѣла, требующаго большой разсудительности и искусства», писалъ Гревиль въ своемъ дневникѣ 21 ноября. «Положеніе страны ужасно; каждый день получаютъ новыя извѣстія о поджогахъ, разрушеніи машинъ, союзахъ между рабочими и искусственнымъ повышеніи заработной платы. Коббеттъ и Карляиль и въ печати и въ рѣчахъ воспаляютъ народъ, который и безъ того уже сильно возбужденъ заграничными событіями». 28 онъ пишетъ: «За эти три дня не произошло ничего новаго, но тревога еще велика и умы

¹. Parliamentary Debates, 1830, т. I, стр. 52.

². The Times, 16 ноября 1830.

такъ возбуждены, какъ я еще никогда не видалъ. Постоянные разговоры о реформѣ и экономіи, сомнѣнія, надежды и страхи, высказываемые тѣми, у которыхъ есть что терять, неувѣренность въ будущемъ, испытываемая каждымъ, важность возникшихъ вопросовъ, громадность и близость опасности,—все это вмѣстѣ создаетъ нервное и напряженное настроеніе во всѣхъ классахъ общества и почти въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ ¹».

Вступивъ въ должность, лордъ Грей немедленно объявилъ, что новое министерство займется вопросомъ о парламентской реформѣ.

«Рѣшеніе лорда Грея, говоритъ Плэсъ, было принято публикой, какъ рѣшеніе всего кабинета, и немедленно все пришло въ движеніе. Не только политическіе союзы, но всѣ сторонники реформы, во всѣхъ углахъ Англіи,— всѣ двинулись какъ бы по взаимному соглашенію и всѣ одновременно пришли къ одному и тому же рѣшенію—идти къ общей цѣли однимъ и тѣмъ же путемъ, хотя никакого общенія или соглашенія между ними не было. Существовало какое то общее убѣжденіе, что министровъ надо заставить выполнить даваемые ими обѣщанія, какъ бы туманны они ни были, и, по возможности, принудить дать гораздо больше того, что обѣщано, вообще дать имъ почувствовать ихъ зависимость отъ народа ²».

Въ передовой статьѣ отъ 27 ноября Times указывалъ, что могли бы сдѣлать, при измѣнившихся обстоятельствахъ даннаго времени, митинги и союзы, другими словами—платформа, для осуществленія реформы. «Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что необходимость парламентской реформы составляетъ первую и главную злобу дня въ странѣ. Эта истина хорошо признана всѣми просвѣщенными людьми, которые давно и съ большою

1. Greville's Memoirs, т. II, стр. 68.

2. Place, Рукописи, 27,789, стр. 252 и 253.

энергіею и настойчивостью писали и говорили о ней, но народъ лишь очень недавно сталъ вѣрить въ успѣхъ этого дѣла, вслѣдствіе того, что въ его средѣ еще не успѣло достаточно созрѣть представленіе о томъ содѣйствіи, какое оказываетъ печать въ дѣлѣ общенія между людьми, а также о значеніи дружныхъ совмѣстныхъ дѣйствій черезъ посредство митинговъ и союзовъ, и онъ не понималъ еще, что стоитъ ему соединиться, чтобы сдѣлаться всесильнымъ; но нынѣшній парламентъ уже избранъ народомъ, рѣшившимъ добиться парламентской реформы».

Однако народъ далеко не былъ склоненъ удовлетвориться однимъ только участіемъ въ выборахъ; онъ пришелъ къ твердому рѣшенію продолжать и впредь предъявлять свои требованія и держать своихъ представителей подъ своимъ постояннымъ контролемъ.

«Враги реформы, говоритъ Плэсъ, были поражены систематичностью, неутомимою настойчивостью, дѣятельностью и ловкостью, съ которыми ея сторонники всюду проводили свои идеи. Митинги, въ которыхъ участвовали представители всѣхъ слоевъ населенія, собирались повсемѣстно—въ столицѣ, городахъ и въ сельскихъ приходахъ; ихъ собирали комерсанты въ своихъ клубахъ; на нихъ сходились рабочіе, не имѣвшіе своихъ клубовъ или ассоціаций. Эти митинги собирались во всѣхъ большихъ городахъ и вездѣ на нихъ говорились рѣчи. При этомъ нельзя было не замѣтить, что рѣчи ораторовъ изъ рабочаго класса, въ общемъ, и по своему содержанію и по формѣ, были гораздо лучше тѣхъ, которыя могли бы сказать нѣсколько лѣтъ тому назадъ ихъ хозяева. Число митинговъ, на которыхъ было постановлено просить лорда Грея не отступать отъ намѣченнаго имъ пути и выражалась готовность всячески поддерживать его, было такъ велико, что утреннія газеты сплошь и рядомъ вынуждены были заявлять о физической невозможности не

только печатать отчеты о митингахъ, но даже просто сообщать о нихъ ¹».

Въ теченіе всей зимы, когда несчастные полуголодные крестьяне, доведенные нуждой до полного отчаянія, вмѣсто того, чтобы воззвать черезъ посредство платформы къ помощи общества, прибѣгали къ насиліямъ и преступленіямъ, которыя приводили ихъ на эшафотъ или каторгу,—интеллигенція, пользуясь платформою, старалась указать и выяснить истинную причину бѣдственнаго положенія страны. Шотландія тоже не отставала и высказалась за парламентскую реформу. Митинги состоялись въ Эдинбургѣ, Форфарѣ, Киркальди и во многихъ другихъ мѣстахъ, и всюду было постановлено требовать расширенія избирательныхъ правъ. Сознавая, что платформа являлась единственнымъ орудіемъ для проведенія такой мѣры, Times энергично побуждалъ народъ пользоваться ею ².

«Мы полагаемъ, что во всемъ Соединенномъ Королевствѣ не найдется такого графства, города или села, въ которомъ не было бы митинга или вотированія петиціи о реформѣ парламента». «Митинги созывались повсемѣстно»,— въ Кембриджѣ, Беркширѣ, Миддльсексѣ, Линкольнширѣ, Кентѣ, Нортумберландѣ, Манчестерѣ, Бристолѣ, Ридингѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Все чаще стали собираться многочленные митинги, устраиваемые политическими союзами. 13 декабря 1830 г. въ Бирмингамѣ созванъ былъ митингъ для выраженія сочувствія министерству. Аттвудъ присутствовалъ на немъ и произнесъ рѣчь, въ которой говорилъ: «Меня радуетъ, когда я вижу, что политическіе союзы возникаютъ у насъ всюду, отъ Девоншира до Кетнеса; можно сказать, они наводнили страну. На окраинахъ Файфшира и Форфара, въ Глазго и Песли, въ Лидсѣ, Манчестерѣ, Ливерпулѣ, Шеффилдѣ, Норвичѣ, Ковентри и во мно-

1. Рукописи П л э с а, 27,789, стр. 252 и 253.

2. См. The Times, 1 декабря 1830.

гихъ другихъ мѣстахъ, они уже пустили глубокіе корни и можно надѣяться на ихъ дальнѣйшее преуспѣяніе на благо народа». Собраніе постановило благодарить короля за удаленіе министерства Веллингтона и обратилось съ воззваніемъ къ народу, прося его оказать поддержку и своему королю-патріоту и новымъ министрамъ.

«Этотъ митингъ имѣлъ большое значеніе для всего движенія, пишетъ Плэсъ; и такъ какъ Бирмингамскій Союзъ теперь всѣми признается главнымъ политическимъ союзомъ, то его примѣру послѣдовали многія другія собранія ¹».

20 декабря засѣданія парламента были отсрочены до 3-го февраля 1831 г. и въ этотъ промежутокъ времени агитация продолжала усиленно развиваться въ странѣ.

Times 3-го февраля писалъ: «Митинги въ пользу реформы, происходящіе повсемѣстно по всей Англии, дѣлаются такъ многочисленны, что намъ трудно ихъ перечислять. Въ большинствѣ случаевъ, они отличаются полнымъ единодушіемъ по двумъ вопросамъ: во первыхъ, въ желаніи, чтобы министры усмотрѣли въ нихъ поддержку и поощреніе для себя, и во вторыхъ, во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ и петиціяхъ чувствуется ясно сознательное убѣжденіе, что лишь коренная реформа парламента можетъ предотвратить катастрофу».

Въ одномъ изъ графствъ, Корнваллисѣ, просьба собрать митингъ встрѣтила со стороны шерифа нѣкоторое противодѣйствіе и его отвѣтъ можетъ служить хорошей иллюстраціей тѣхъ взглядовъ на платформу, которые въ то время еще преобладали въ извѣстныхъ кругахъ. Онъ писалъ, «что собирать такую массу людей въ такое возбужденное, неспокойное время, ему кажется неблагоприятнымъ и что для обсужденія реформы онъ считаетъ единственно пригоднымъ мѣстомъ палату общинъ, въ которой собрано все, что есть разумнаго въ странѣ и что можетъ выразить ея настоящія желанія». Тѣмъ не

1. Рукописи Плэса, 27,789, стр. 211.

менѣе митингъ былъ созванъ и петиція о реформѣ была вотирована.

Плэсъ, говоря объ агитаціи, происходившей въ январѣ и февралѣ 1831 г., пишетъ: «Вопросъ о реформѣ очень скоро превратился въ громадное общенародное дѣло, которое всюду велось самымъ систематическимъ образомъ, какъ бы по опредѣленному предварительному соглашенію, а между тѣмъ никакого соглашенія, даже между жителями сосѣднихъ мѣстностей, часто вовсе не было. Повидимому, народъ въ каждой мѣстности вполне понималъ, что ему надо дѣлать, и дѣйствовалъ какъ бы по соглашенію со всѣмъ остальнымъ народомъ и какъ бы выполняя заранѣе намѣченную программу ¹».

Краткій перерывъ парламентской сессіи далъ время лорду Грею и его товарищамъ выяснитъ себѣ и начертать планъ реформы. Брумъ пишетъ въ своихъ мемуарахъ ²: «Положеніе, въ которомъ теперь находится вопросъ о реформѣ, такъ рѣзко отличается отъ того, что было раньше, что и основанія для реформы должны быть теперь совсѣмъ другія, совсѣмъ не тѣ, которыми руководствовались разумные и осторожные инициаторы этой реформы тридцать или двадцать лѣтъ тому назадъ. Въ тѣ времена партія реформы распадалась на два совершенно противоположныхъ лагеря». Теперь же, какъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ его, всѣ были такъ проникнуты необходимостью реформы и ея безотлагательностью, что всѣ разногласія были забыты и для кабинета являлась счастливая возможность выработать такую мѣру, которая соединила бы всѣ голоса ³.

¹. Place. Рукописи, 27,789, стр. 251.

². The Life and Times of Lord Brougham, by Himself, т. III, стр. 49.

³. Интересно совпаденіе въ объясненіи, которое даютъ Плэсъ и журналъ Quarterly Review мотивамъ, побудившимъ вождей партіи виговъ такъ неожиданно взяться за разрѣшеніе вопроса о реформѣ.

Плэсъ пишетъ: «Страхъ творить чудеса. Страхъ, и только страхъ, заставилъ виговъ принести нѣкоторыя жертвы и стать, до извѣстной

Переписка Вильгельма IV съ его первымъ министромъ за этотъ острый періодъ борьбы напечатана, благодаря чему мы имѣемъ возможность прослѣдить дѣйствіе каждаго шага платформы до самыхъ глубокихъ тайниковъ государственныхъ совѣщаній, при чемъ мнѣнія, высказанныя королемъ и премьеромъ о многихъ текущихъ событіяхъ дня, бросаютъ яркій свѣтъ на нѣкоторые изъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ вопросовъ и событій того времени.

Мы приведемъ изъ писемъ лорда Грея одно, которое было написано еще до внесенія билля о реформѣ въ палату общинъ. 15 января 1831 г. онъ писалъ сэру Герберту Тэйлору, личному секретарю короля: «По моему убѣжденію, общественное мнѣніе высказалось по этому вопросу съ такою силою и такимъ единодушіемъ, что пойти противъ него было бы невозможно безъ огромнаго риска поставить правительство въ положеніе, при которомъ оно будетъ лишено всякой силы и авторитета... Попытка отложить рѣшеніе вопроса будетъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія для правительства и приведетъ къ распаденію парламента, которое, при данныхъ обстоятельствахъ, представляло бы, пожалуй, еще болѣе опасности, чѣмъ если бы оно воспослѣдовало послѣ прямого несогласія его величества на мѣру, предлагаемую его министрами ¹».

Въ первыхъ числахъ февраля король написалъ письмо, въ которомъ онъ излагалъ свой взглядъ на предложеніе степени, на сторону народа». (Place, Рукописи, 27,789, стр. 391).

Quarterly Review въ то же время писало (1831, т. XLIV, стр. 561): «Какой можетъ быть мотивъ всѣхъ этихъ внезапныхъ поворотовъ въ пользу парламентской реформы?... Отвѣтъ нашъ будетъ кратокъ и долженъ быть одинаковъ у всѣхъ, кто не боится глядѣть правдѣ въ глаза. Мотивъ этотъ заключается въ страхѣ передъ физической силой; іюльскія событія въ Парижѣ придали такому фактору, какъ народное возстаніе, такое значеніе, какимъ раньше оно никогда не пользовалось въ исторіи человѣчества».

¹. Correspondence between William IV and Lord Grey, т. I, стр. 65.

министровъ относительно реформы. «Большое значеніе, говорилъ онъ, придается тому факту, что будто бы весь народъ высказался въ пользу самой широкой реформы, но его величество сильно сомнѣвается въ томъ, чтобы были достаточныя основанія для такого вывода. Нельзя считать народные митинги вѣрнымъ показателемъ желаній всего народа. Цѣли, преслѣдуемая этими митингами, сводились обыкновенно къ возбужденію въ странѣ неудовольствія и къ нарушенію общественнаго спокойствія ¹». Однако, по зрѣломъ обсужденіи, король далъ полное согласіе на предложенія министровъ.

Между тѣмъ митинги, которые король не считалъ вѣрнымъ показателемъ желаній народа, продолжали высказываться довольно опредѣленно. Стоитъ прочесть хотя нѣкоторыя изъ петицій, вотированныхъ этими митингами, чтобы получить совершенно ясное представленіе о томъ, чему собственно поучала тогда платформа, такъ какъ она ничего другого и не дѣлала, какъ только развивала, объясняла и поддерживала то, что заключалось въ этихъ петиціяхъ. Какъ образчикъ, приведемъ петицію митинга въ Норвичѣ.

«Когда какое нибудь бѣдствіе носить общественный характеръ и когда причины его кроются въ законодательствѣ, то общество начинаетъ относиться съ неуваженіемъ къ закону и въ своемъ противодѣйствіи ему готово идти на самый опасный рискъ... Причина нашего бѣдствія заключается въ непосильномъ обложеніи народа, идущемъ частью на уплату громаднаго государственнаго долга, частью на содержаніе безчисленнаго множества пенсій и синекуръ, а также и на оплату многихъ бесполезныхъ учрежденій, военныхъ, гражданскихъ и церковныхъ. Принять и провести въ жизнь надлежащія мѣры для устраненія всѣхъ этихъ и другихъ злоупотребленій

1. Correspondence between William IV and Lord Grey, м. стр. 98; 4 февраля.

можетъ только парламентъ, пользующійся полнымъ до-
вѣріемъ народа и имъ же избранный».

Вотъ и другая петиція изъ Ворчестершира, пред-
ставленная въ январѣ 1831 года:

«Ваша уважаемая палата вмѣсто того, чтобы являться
истинною представительницею мнѣній, чувствъ и инте-
ресовъ народныхъ массъ» и т. д., «цѣлымъ рядомъ биллей
создала и поддерживааетъ систему чудовищнѣйшихъ тратъ
общественныхъ денегъ, которыя главнымъ образомъ идутъ
на обогащеніе и усиленіе вліянія продажной аристократіи.

«Всѣ мы, подписавшіеся подъ этой петиціей, убѣж-
дены, что такое легкомысленное и безпорядочное обра-
щеніе съ государственными суммами и такая обремени-
тельная система обложенія не только вліяютъ на обѣд-
неніе и развращеніе среднихъ и рабочихъ классовъ, но
доводятъ этихъ подданныхъ его величества до послѣдней
степени нищеты и разоренія и, кромѣ того, возбуждаютъ
чувства крайняго недовольства среди всего населенія». Такое
заявленіе естественно сопровождалось ходатай-
ствомъ о коренной реформѣ.

Въ Annual Register того года сдѣлана сводка
заявленій вотированныхъ петицій, но при этомъ онъ
воспользовался случаемъ, чтобы выступить съ критикой,
или, вѣрнѣе, порицаніемъ платформы. Подобные же
взгляды высказывались часто и впоследствии, а потому
мы считаемъ не лишнимъ привести ихъ ¹. «Митинги
собирались рѣшительно всюду,—въ провинціи, въ горо-
дахъ, въ приходахъ,—для составленія такого рода петицій,
которыя должны были служить одновременно выраже-
ніемъ и тѣхъ цѣлей, къ которымъ стремилось само пра-
вительство, и того сочувствія и поддержки, которыя
оно встрѣчало въ этомъ дѣлѣ въ обществѣ. Такое выра-
женіе мнѣній и сочувствія всегда получить легко, оно
вліяетъ лишь постольку, поскольку служитъ доказатель-
ствомъ существующаго чувства неудовлетворенности въ

¹. Annual Register, стр. 2, 1831 г.

массѣ населенія по отношенію къ своему политическому положенію...

«Вопросъ о степени необходимаго усиленія народнаго элемента въ законодательствѣ допускалъ различныя рѣшенія и опредѣлить, насколько при данномъ положеніи вещей интересы хорошаго управленія требовали этого усиленія, можно было только путемъ здраваго обсужденія, а не на основаніи одного только факта, что извѣстныя группы населенія домогаются политической власти. Однако этотъ вопросъ, который одинъ только и былъ возможенъ, почти не выдвигался всей той массой петицій, которыя фабриковались повсюду. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ просили объ «уравненіи и расширеніи избирательнаго права», но что именно подразумѣвалось подъ этимъ,—такое ли уравненіе и расширеніе, которое создало бы въ Англіи демократическое правленіе или такое, которое внесло бы рѣзкія измѣненія въ существующій строй,—это оставалось неизвѣстнымъ, можетъ быть потому, что подписывавшіе петицію сами не понимали или боялись громко высказать то, что думали. Въ другихъ петиціяхъ заявлялось, что «ради сохраненія всего, что истинно дорого и цѣнно въ обществѣ, необходима дѣйствительная, коренная и цѣлесообразная реформа народнаго представительства», но какія именно измѣненія составляютъ эту «дѣйствительную, коренную и цѣлесообразную реформу» и будетъ ли такая реформа, заслуживающая въ ихъ глазахъ такой квалифікаціи, въ дѣйствительномъ соотвѣтствіи съ другими учрежденіями конституціи, такъ чтобы не парализовать ихъ и не колебать прочность ихъ дѣйствія,—все это не выяснялось и предоставлялось каждому толковать по своему. При переходѣ изъ туманной области такихъ общихъ мѣстъ къ болѣе опредѣленнымъ ходатайствамъ, въ петиціяхъ обыкновенно требовали: уничтоженія всякаго вліянія со стороны аристократіи на выборы членовъ палаты общинъ, болѣе короткихъ парламентскихъ періодовъ, а также расширенія и уравненія избирательнаго

права, но насколько именно слѣдуетъ расширить его, не указывалось, за исключеніемъ тѣхъ петицій, въ которыхъ требовалась всеобщая подача голосовъ. Кромѣ того, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, петиціи настаивали на томъ, что никакая реформа, какъ бы радикальны ни были ея нововведенія, не приведетъ къ желаннымъ результатамъ, если въ числѣ ихъ не будетъ введена закрытая баллотировка».

Эти замѣчанія вполне рисуютъ существовавшее въ то время непріязненное отношеніе къ платформѣ. Смѣшно было бы рассчитывать на послѣднюю для формулированія самаго билля о реформѣ, а тѣмъ не менѣе повидимому этого именно и требуетъ авторъ статьи¹. Въ тотъ періодъ времени, о которомъ мы говоримъ, платформа вполне выполняла свою роль, ограничиваясь простымъ требованіемъ реформы, и выполняла ее, можно сказать, совершенно удовлетворительно. Только благодаря ей, миллионы голосовъ, взывающихъ къ реформѣ, проникали въ стѣны законодательнаго собранія, и вся эта кипучая дѣятельность митинговъ и петицій поддерживалась до послѣдней минуты, до самаго кануна того дня, когда билль о реформѣ былъ наконецъ внесенъ въ парламентъ.

Наконецъ наступилъ день сообщенія предположеній министерства лорда Грея: давно ожидаемый билль былъ внесенъ въ палату общинъ 1-го марта 1831 г. По своему содержанію онъ оказался гораздо шире, чѣмъ могли ожидать самые крайніе оптимисты изъ сторонниковъ реформы. По проекту большинство «гнилыхъ мѣстечекъ» должно было исчезнуть: предполагалось лишить избирательнаго права тѣ изъ нихъ, въ которыхъ было менѣе 2000 жителей по послѣдней переписи; такихъ было 60

¹. Въ промежутокъ времени между 5 ноября 1830 г., т. е. съ момента созыва парламента, и до 4 марта 1831 г., когда билль былъ опубликованъ, въ палату общинъ было представлено 645 петицій за реформу, 280 за закрытую баллотировку и 182 за сокращеніе срока полномочій парламента.

и они до сихъ поръ выбирали 119 членовъ парламента. Далѣе проектъ предполагалъ предоставить бургамъ съ 4000 жителей право посылать не двухъ представителей, какъ было раньше, а только одного; такихъ было 46. На томъ же основаніи предполагалось ограничить право Веймауса выборомъ двухъ депутатовъ вмѣсто имѣвшихся четырехъ. Такимъ путемъ получалось 168 новыхъ депутатскихъ мѣстъ, но, такъ какъ въ то же время правительство полагало уменьшить число членовъ палаты общинъ съ 658 до 596, то въ дѣйствительности оставалось распредѣлить по новымъ округамъ или добавить къ существующимъ только 106 вакансій.

Предполагалось кромѣ того увеличить представительство Шотландіи пятью депутатами, Ирландіи—тремя и Валлиса—однимъ. Относительно городовъ предположено предоставить право семи крупнымъ городскимъ центрамъ выбирать по два депутата каждому, а 20 городамъ—по одному. Представительство отъ Лондона проектировалось увеличить 8 депутатами, а представительство англійскихъ графствъ—55. Этимъ исчерпывался вопросъ о составѣ парламента. Что же касается самаго избирательнаго права, то его предлагалось расширить, распространить его на арендаторовъ, платящихъ поземельную аренду въ 50 фунтовъ ст. (leascholders), на копигольдеровъ съ доходомъ въ 10 фунтовъ (copyholders); въ бургахъ—на домохозяевъ, уплачивающихъ за квартиру не менѣе 10 ф. ст. (householders). Для самаго производства выборовъ полагалось два дня и для этого въ каждомъ графствѣ вмѣсто одного назначалось нѣсколько пунктовъ.

Билль былъ встрѣченъ съ восторгомъ всѣми сторонниками реформы, безъ различія оттѣнковъ. Всеобщая радость «не поддается описанію»; всюду раздавался звонъ колоколовъ, развѣвались флаги и жглись иллюминаціи, словомъ вездѣ проявлялось народное ликованіе.

Платформа снова пришла на помощь правительству и помогла всей странѣ выразить ему свое единодушное

одобреніе. «Можно сказать, вся Англія пришла въ движеніе; всюду вотировались петиціи къ парламенту о принятіи билля. Всѣ приходы столицы, всѣ округа королевства—все это было одушевлено однимъ этимъ желаніемъ».

Бирмингамскій Политическій Союзъ тотчасъ же принялъ мѣры для оказанія поддержки министерству и 7 мая былъ созванъ съ этою цѣлью митингъ, на которомъ присутствовало 15000 человекъ. Предсѣдательствовалъ Атвудъ. Онъ сказалъ, что хотя правительственный проектъ и не вполне соответствуетъ его желаніямъ, но лучше поддерживать его цѣликомъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ составленъ, потому что болѣе радикальныя мѣры могли бы оттолкнуть средніе классы. Онъ выразилъ убѣжденіе, что проектъ можетъ вполне способствовать возстановленію свободы и счастья въ странѣ ¹.

Интересно при этомъ отмѣтить роль печати, которая снова призывала народъ къ дѣятельности путемъ платформы. 10-го марта читаемъ въ Times: «Необходимо, чтобы митинги повсемѣстно высказались самымъ энергическимъ образомъ въ пользу билля во всѣхъ его подробностяхъ; необходимо сдѣлать это немедленно и съ полнымъ единодушіемъ ²».

Этотъ призывъ былъ поддержанъ и другими органами печати. «Пока борьба не кончена, писала одна изъ провинціальныхъ газетъ, народъ долженъ сдѣлать все, чтобы поддержать билль,—чтобы его митинги, по числу участниковъ ихъ и по одушевленію, превзошли все, что дѣлалось имъ до сихъ поръ».

Народъ почти не нуждался въ такихъ призывахъ. Безповоротное рѣшеніе добиться цѣли охватило его цѣликомъ, и всюду, во всѣхъ графствахъ, городахъ и приходахъ, платформа давала ему возможность громко высказывать свои желанія. Даже Корнваллисъ, который по проекту

1. Life of Thomas Attwood, стр. 157.

2. The Times, 10 марта 1831 г.

министерства долженъ былъ лишиться до двадцати представителей, присоединился къ общему выраженію сочувствія биллю. «Англійскій народъ почти превзошелъ наши ожиданія, писалъ Times. Несмотря на всѣ наши старанія, мы остались далеко позади всеобщаго выраженія горячаго и все возрастающаго сочувствія къ вопросу о реформѣ. Наши же старанія заключались единственно въ томъ, чтобы дать читателямъ, хотя бы самое слабое представленіе о томъ, что происходитъ ежечасно на митингахъ, собирающихся во всѣхъ углахъ Англій. Никогда еще ни по одному политическому вопросу, даже въ самые бурные періоды англійской исторіи, не собиралось такого количества людей, которые своимъ положеніемъ, богатствомъ и извѣстностью придавали бы собраніямъ такую авторитетность ¹».

Плэсъ, въ краткихъ, но весьма вѣрныхъ словахъ, выразилъ, въ чемъ заключалась та помощь, которую оказалъ народъ успѣху билля, не представлявшему, собственно говоря, никакой непосредственной выгоды для него. «Народъ, писалъ онъ, уже въ значительной степени усвоилъ все то, чему учили его, какъ живые примѣры, такъ и теоретическія разсужденія, и знаетъ, что чѣмъ ближе учрежденія страны подходятъ къ формѣ самоуправленія, тѣмъ это лучше для народныхъ массъ. Въ данномъ случаѣ, онъ видѣлъ, что билль, имѣющій въ виду реформу палаты общинъ, составляетъ шагъ къ улучшенію всего управленія страны, и онъ рѣшилъ немедленно осуществить этотъ шагъ. Принудить подкупную палату общинъ принять этотъ билль только и могли такія дружныя дѣйствія всего народа, и при данныхъ обстоятельствахъ, ничего лучшаго онъ не могъ сдѣлать ²».

«Возбужденіе въ странѣ превосходитъ все, мною когда либо видѣнное», писалъ Гревиль 5 марта. 7-го марта

1. Рукописи Плэса, стр. 282.

2. The Times, 15 марта 1831 г.

онъ пишетъ: «Кругомъ только и говорятъ, только и думаютъ, только и мечтаютъ, что о реформѣ».

11 марта мы находимъ другую интересную замѣтку въ его Мемуарахъ ¹: «Любопытно видѣть, какая перемѣна произошла въ общественномъ мнѣніи относительно проведенія билля. Еще недавно оно казалось совершенно невысказаннымъ, а теперь всѣ думаютъ, что онъ будетъ принятъ. Тактика оппозиціи въ парламентѣ въ сущности была крайне неумѣла; мнѣ представляется, что если бы тотчасъ послѣдовало голосованіе, то правительство потерпѣло бы неудачу. Но было ясно, что, если народу будетъ дано время высказаться, то всѣ эти митинги и адреса должны повліять на нерѣшительныхъ и колеблющихся. Да и надо признаться, что никогда еще страна не выказывала такого единодушія, какъ по данному вопросу. Не думаю, чтобы произошло возстаніе въ случаѣ неудачи, но нельзя не видѣть, что народное чувство не примирится съ нею и не остановится на этомъ (принимая во вниманіе все, что будетъ сдѣлано, чтобы разжечь его)». 20 марта онъ писалъ: «Народъ требуетъ реформы и теперь уже никакая человѣческая сила, ни нравственная, ни физическая, не можетъ остановить этого дѣла».

День обсужденія билля во второмъ чтеніи вскорѣ наступилъ; 23 марта, въ 3 часа дня, палата приступила къ голосованію «при небываломъ составѣ палаты и билль былъ принятъ во второмъ чтеніи большинствомъ одного голоса». 303 голоса было подано за и 302 противъ, не смотря на всѣ «неописуемыя интриги, изворотливость и обманы, пущенные въ ходъ, чтобы произвести давленіе на голосованіе (во враждебномъ правительству направленіи) ²».

Можно себѣ представить, каково было воздѣйствіе общественнаго мнѣнія на членовъ парламента, если даже

¹. Greville, т. II, стр. 126.

². Correspondence of William IV and Earl Grey, т. I, стр. 201.

въ неререформированномъ парламентѣ оказался возможнымъ такой результатъ.

Еще до голосованія билля, министерство пришло къ убѣжденію, что сломить оппозицію нельзя будетъ безъ распущенія парламента и новыхъ выборовъ.

22 марта 1831 г., наканунѣ голосованія при второмъ чтеніи, лордъ Грей писалъ сэру Тэйлору: «Не мы вызвали возбужденіе въ странѣ по вопросу о реформѣ; вступая въ должность, мы нашли его въ полномъ ходу... Народное возбужденіе направлено въ данномъ случаѣ, какъ я думаю, къ достиженію совершенно безопасной и законной цѣли, и еслибы парламентъ былъ распущенъ, то оно стало бы дѣйствовать всецѣло согласно желаніямъ короля и правительства. Если же этому придадутъ иное направленіе, то мы вѣроятно будемъ присутствовать при организациі въ странѣ громаднаго количества союзовъ и обществъ, а когда послѣдніе сознаютъ свою силу, то изъ исторіи католическаго вопроса мы видимъ, какіе результаты можно ожидать отъ этого ¹».

Въ тотъ же день сэръ Тэйлоръ писалъ въ отвѣтъ лорду Грею: «Его величество считаетъ, что всегда и при всякихъ обстоятельствахъ общіе выборы вызываютъ броженіе и беспорядки и онъ не можетъ не опасаться, что даже безъ всякаго отношенія къ народному возбужденію по вопросу о реформѣ и ея неудачахъ, всѣ тѣ беспорядки, которые обыкновенно сопровождаютъ общіе выборы, будутъ доведены до послѣднихъ крайностей, вслѣдствіе особенно тлетворнаго вліянія духа времени, выразившагося нѣскольکو мѣсяцевъ тому назадъ въ цѣломъ рядѣ нарушеній закона и порядка и въ нелегальныхъ сообществахъ, хотя и пріостановившихъ свою дѣятельность, но все таки фактически существующихъ. Его величество, хотя и опасается возникновенія всякаго рода союзовъ, въ цѣляхъ побудить провести реформу, если даже парламентъ и не будетъ распущенъ, но не считаетъ, что эти

¹. Correspondence of William IV and Earl Grey, т. I, стр. 186.

союзы могли бы угрожать спокойствію и безопасности страны въ одинаковой мѣрѣ съ тѣми многочисленными собраніями низшихъ слоевъ населенія, которыя при общихъ выборахъ будутъ одновременно собираться по всей странѣ подъ верховной санкціей закона ¹».

Днемъ позже снова происходитъ довольно интересный обменъ писемъ.

Лордъ Грей писалъ лично секретарю короля: «Отношеніе народа къ проектированной реформѣ оцѣнивается различно различными лицами; но мнѣ кажется, что никогда еще народъ не былъ охваченъ такимъ полнымъ единодушіемъ, какъ теперь. Пусть всякій безпристрастный человѣкъ посмотритъ на митинги, происходящіе по всей странѣ, на количество и составъ участвующихъ въ нихъ людей, на единодушіе ихъ рѣшеній, противъ которыхъ едва ли хоть въ одномъ случаѣ сдѣлано было возраженіе,— и, по моему мнѣнію, не можетъ быть сомнѣнія въ заключеніи, къ какому слѣдуетъ придти ²». Сэръ Тэйлоръ 24 марта отвѣчалъ на это лорду Грею: «Относительно митинговъ позволительно сомнѣваться, чтобы они служили выраженіемъ убѣжденійнаиболѣе почтенныхъ или вліятельныхъ слоевъ населенія. На митинги собираются преимущественно сторонники того вопроса, ради котораго они созываются, и большинство на нихъ составляется главнымъ образомъ изъ представителей низшихъ слоевъ. Противники предлагаемыхъ петицій рѣдко принимаютъ участіе въ такихъ митингахъ, зная, что ихъ не допустятъ до выраженія ихъ мнѣній, и такимъ образомъ достигается единогласіе безъ борьбы ³».

Незначительность большинства, которымъ былъ принятъ билль во второмъ чтеніи, дѣлала для всѣхъ очевиднымъ, что не было никакой надежды провести его черезъ «комитетъ», а тѣмъ болѣе черезъ палату лор-

¹. Correspondence of William IV and Earl Grey, т. I, стр. 189

². Ibid., стр. 199.

³. Ibid., стр. 204.

довъ. Тѣмъ не менѣе, сомнительность успѣха не только не охладила рвенія платформы въ этомъ дѣлѣ, но скорѣе придала ей еще большую силу. «Митинги графствъ, а также и приходскіе, продолжаютъ съ возрастающей энергіей ¹».

14 апрѣля Гревилль ² писалъ: «Хотя общее сочувствіе населенія на сторонѣ билля, есть люди, которые думаютъ, что можно было бы отвергнуть его безъ тѣхъ ужасныхъ послѣдствій, которыя сначала казались неизбѣжными». «Не прошло и недѣли, какъ торійская партія рѣшилась пойти на этотъ рискъ и 19 апрѣля ей удалось провести отдѣльную резолюцію, шедшую въ разрѣзъ съ основными положеніями билля, и такимъ образомъ министры потерпѣли пораженіе и билль провалился. Министерство, при содѣйствіи самого короля, немедленно приступило къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ.

«22 апрѣля засѣданія парламента были отсрочены, пишетъ Джефри, при ужасающемъ гамѣ, ревѣ и скрежетѣ зубовъ со стороны противниковъ билля въ обѣихъ палатахъ», а на слѣдующій день онъ былъ распущенъ. На другой день послѣ этого король, видимо подавленный испытанными волненіями и трудами, писалъ: «Мы переживаемъ ужасное время ³».

Никогда еще Англія не переживала такого важнаго по своимъ послѣдствіямъ кризиса, для благополучнаго разрѣшенія котораго такъ настоятельно требовалось крайнее напряженіе всѣхъ силъ народа. Цѣль, изъ-за которой онъ такъ долго боролся, была уже совсѣмъ близка,—еще одно дружное усиліе и онъ достигнетъ ее,—и народъ собралъ всѣ свои силы для послѣдняго натиска. Билль о парламентской реформѣ былъ уже внесенъ въ парламентъ, на мгновеніе онъ даже одержалъ побѣду и затѣмъ потерпѣлъ пораженіе,—вотъ какъ далеко

1. The Times, 26 марта 1831 г.

2. Greville, Memoirs, т. II, стр. 134.

3. Correspondence of William IV and Earl Grey, т. I, стр. 245.

подвинулось дѣло, несомнѣнно гораздо далѣе, чѣмъ когда бы то ни было, и теперь, когда парламентъ былъ распущенъ, только отъ самого народа зависѣло довести его до полного торжества.

Въ тронной рѣчи короля положеніе дѣла констатировалось вполне ясно и опредѣленно, да оно и не могло оставлять ни въ комъ никакихъ сомнѣній. При этомъ надлежитъ отмѣтить, что министръ, бывшій въ то время и лидеромъ въ нижней палатѣ, счелъ нужнымъ произнести внѣ парламента рѣчь, имѣвшую характеръ лозунга для партіи на выборахъ. Это былъ, насколько я могъ прослѣдить, первый случай установившейся впоследствии практики, а именно, чтобы лидеръ, занимающій постъ министра, произносилъ передъ общими выборами рѣчь, служащую какъ бы программой партіи.

25 апрѣля состоялся митингъ сторонниковъ Брума (брата лорда Брума), кандидата отъ Соутворка. Лордъ Россель, поддерживая кандидатуру Брума, выступилъ съ рѣчью и, между прочимъ, сказалъ:

«Въ данномъ случаѣ избирателямъ предстоитъ совершить нѣчто большее, чѣмъ простое исполненіе обычнаго ихъ долга, ибо они призываются не только для того, чтобы избрать людей наиболѣе способныхъ къ защитѣ ихъ правъ и интересовъ, но и для того, чтобы своимъ образомъ дѣйствій отвѣтить на вопросъ, поставленный его величествомъ при распущеніи парламента избирателямъ страны, а именно: «одобряете вы, или нѣтъ, принципъ реформы представительства?»

И дѣйствительно, теперь, когда парламентъ былъ распущенъ и передъ всѣми опредѣленно сталъ вопросъ о реформѣ,—голосъ народа явственно раздался съ одного конца Англій до другого. Голосъ этотъ исходилъ изъ платформы, превратившейся теперь въ могущественнѣйшее политическое орудіе. Съ тысячей подмостковъ задавался одинъ и тотъ же вопросъ—«нужна ли реформа или нѣтъ», съ различными прибавленіями, въ за-

висимости отъ различія вкусовъ и способностей ораторовъ. И вопросъ этотъ повторялся не день, не два, а день за днемъ въ теченіе цѣлыхъ недѣль, пока длилась избирательная борьба. И на тысячахъ митинговъ раздавался одинъ и тотъ же отвѣтъ: «Намъ нуженъ билль о реформѣ, весь билль, какъ онъ есть, и ничего кромѣ билля!».

Въ то время въ разрѣшеніи этого вопроса заинтересованы были уже не одни только избиратели, какъ это было раньше, а вся масса, которая стояла за ними, такъ сказать, на порогѣ конституціи, въ ожиданіи, что и она попадетъ наконецъ въ число гражданъ имперіи¹,— масса, состоящая изъ жителей богатѣйшихъ сѣверныхъ городовъ и другихъ центровъ денежнаго и умственнаго богатства Англіи: они получили наконецъ возможность рассчитывать на признаніе ихъ несомнѣннаго права быть участниками въ управленіи, а тамъ, дальше, за ними, стояли еще большія массы, права которыхъ еще не скоро получили признаніе, но которые чувствовали, что, помогая товарищамъ, они подвигаютъ впередъ и свое дѣло.

Вся тяжесть борьбы пала на избирателей и она была вынесена ими геройски; они восторженно вотировали за сторонниковъ реформы, вопреки угрозамъ и попыткамъ подкупа, идя на встрѣчу всевозможнымъ преслѣдованіямъ и потерямъ. «Великіе кризисы выводятъ людей изъ обычнаго круга понятій и мотивовъ и возвышаютъ ихъ до геройскихъ поступковъ», а для многихъ избирателей подавать голосъ за реформу было почти геройствомъ.

За Дувромъ останется честь перваго шага въ этомъ направленіи: онъ первый далъ примѣръ, выбравъ двухъ реформистовъ. Затѣмъ Лондонъ выбралъ четырехъ;

¹. Лордъ Росселль считалъ, что билль распространялъ избирательное право въ Лондонѣ на 60.000 человекъ, во всей Англіи на 260.000, а въ Шотландіи на 63.000. См. Hansard, т. XI, 1831 г.

Миддльсексъ, оставаясь, какъ всегда, вѣрнымъ своимъ либеральнымъ традиціямъ, тоже избралъ двоихъ,—по числу бывшихъ въ его распоряженіи депутатскихъ мѣстъ.

Въ графствѣ Сомерсетъ, въ день выборовъ, съ пяти часовъ утра начала собираться большая толпа народа и избирателей. Толпа эта, направляясь къ главному городу графства, Уелльсу, по пути все росла и, дойдя до него, оказалась въ количествѣ 15.000 или 20.000 человѣкъ. Среди кандидатовъ были и сторонники и противники реформы, но подавляющая масса народа высказалась за обоихъ реформистовъ такъ рѣшительно и такъ демонстративно, что противникамъ реформы пришлось тутъ же отказаться отъ своихъ кандидатуръ. Однако въ нѣкоторыхъ мѣстахъ антиреформисты отступились только послѣ нѣкоторой борьбы, хотя и довольно безуспѣшной. Въ Нортумберландѣ, Кентѣ, Ланкаширѣ; Эссексѣ и Суссексѣ были выбраны по два реформиста въ каждомъ графствѣ. Въ Кумберландѣ, прежній многолѣтній кандидатъ Лоутерръ не могъ удержаться и потерпѣлъ полное пораженіе; партія Бофора тоже была разбита. Всѣ стародавнія, традиціонныя вліянія, много лѣтъ господствовавшія на своихъ мѣстахъ, разлетались передъ могущественнымъ народнымъ вѣяніемъ, какъ мякина отъ зерна подъ дуновеніемъ вѣтра. «Депутаты въ графствахъ валяются, какъ кегли», пишетъ Сефтонъ ¹.

Въ Ворчестерширѣ реформа пользовалась такимъ сочувствіемъ, что никакой подкупъ ничего не могъ сдѣлать, никто не рѣшился рискнуть потерей своего добраго имени въ глазахъ согражданъ и торійскій кандидатъ потерпѣлъ полное пораженіе, несмотря на усилія «восьмидесяти наемныхъ агентовъ». Въ Дорсетширѣ кандидатъ антиреформистовъ попробовалъ играть на эгоистическихъ чувствахъ своихъ слушателей, напомнивъ имъ, что они лишатся, вслѣдствіе билля, половины своихъ представителей, но вынужденъ былъ замолчать передъ

¹. Greville, Memoirs, 26 апрѣля 1831 г., т. II стр. 139.

криками присутствующихъ: «Мы не признаемъ ихъ своими», послѣ чего и самъ ораторъ вскорѣ очутился за флагомъ.

«Выборы идутъ какъ нельзя хуже», писалъ Гревилль 7 мая; «всюду выбраны реформисты, такъ что можно считать борьбу законченною и теперь только остается ждать дальнѣйшихъ событій и посмотрѣть, какъ поступитъ палата лордовъ¹». 11-го онъ писалъ: «Повсемѣстно выборы идутъ явно въ пользу реформы, при чемъ всѣ прежнія мѣстныя вліянія, имѣвшія дѣйствительный вѣсъ въ графствахъ, подорваны и всѣ старыя связи разрушены.. Новая волна все снесетъ предъ собою,—успѣшное проведеніе реформы стоитъ впереди всего и все приносится ей въ жертву». Общее воодушевленіе проникло даже въ одно изъ гнилыхъ мѣстечекъ, имъ заразился въ Банбери самъ владѣлецъ, который смѣнилъ своего ставленника, уже получившаго два голоса, когда узналъ, что противъ него собираются голосовать шесть независимыхъ людей изъ числа мѣстныхъ избирателей².

Только въ старомъ закоулкѣ мѣстечкѣ Сарумъ никакая буря, никакой энтузіазмъ, никакое краснорѣчіе платформы не могли ни тронуть, ни пошатнуть старыхъ традицій, и тамъ произошло слѣдующее: въ 9 часовъ утра, въ тѣни большого вяза, были разставлены столъ и два стула; вокругъ нихъ собралось счетомъ тринадцать человекъ, изъ нихъ два члена только что распущеннаго парламента, а остальные, вѣроятно, шерифъ со своими помощниками и нѣсколько зрителей. Все совершилось очень быстро, нѣсколько минутъ было удѣлено на нѣкоторыя формальности и затѣмъ оба бывшіе члена парламента были вновь избраны,—если только это можно назвать избраніемъ,—но избраны въ послѣдній разъ. Вскорѣ послѣ этого случая, какъ бы въ подтвержденіе того, что это было дѣйствительно въ послѣдній разъ, около

¹. Greville, Memoirs, т. II, стр. 141.

Ibid., стр. 142.

200 реформистовъ, не попавшихъ въ число избирателей, направились со знаменами, торжественной процессіей, къ знаменитому вязу, срубили его и раскололи на мелкія части въ воспоминаніе послѣднихъ выборовъ самаго гнилого изъ гнилыхъ мѣстечекъ Англіи.

Въ Англіи возбужденіе въ народѣ по поводу выборовъ достигло дѣйствительно небывалыхъ размѣровъ, но Шотландія въ этомъ отношеніи быть можетъ шла еще болѣе впереди. Въ ея положеніи такое рвеніе было вполне естественно, такъ какъ у нея, какъ мы уже говорили, не было даже тѣни народнаго или какого бы то ни было представительства. Избирательныхъ округовъ у нея не было, все состояло изъ гнилыхъ мѣстечекъ. Всѣхъ избирателей на всю Шотландію было отъ 2500 до 3000. «Объ избирательныхъ собраніяхъ нѣтъ и помину въ Шотландіи и народъ не имѣетъ доступа на митинги графствъ, такъ какъ правомъ голоса на нихъ пользуются только немногіе, платящіе извѣстные налоги. Такъ, въ Морейѣ состоялся митингъ, на которомъ присутствовало всего восемь человѣкъ, и такъ какъ пятеро изъ нихъ подали голосъ противъ реформы, то и все графство было объявлено противникомъ реформы. Въ Бьютѣ положеніе вещей было еще хуже. Въ этомъ графствѣ съ давнихъ поръ на выборахъ присутствовалъ одинъ единственный избиратель, такъ какъ только онъ одинъ имѣлъ право голоса,—то былъ шерифъ графства. Онъ торжественно занималъ мѣсто предсѣдателя, открывалъ митингъ, дѣлалъ по списку перекличку фригольдеровъ, самъ себѣ отвѣчалъ, выкликая свое собственное имя, вотировалъ и предлагалъ самого себя; наконецъ, предложивъ себя, онъ поддерживалъ свою кандидатуру, затѣмъ пускалъ ее на голоса и всегда избирался единогласно ¹».

¹. См. рѣчь шотландскаго лорда-адвоката при второмъ чтеніи билля о реформѣ въ Шотландіи.—Parliamentary Debates т. VII, стр. 529.

Однако, несмотря на такое положеніе вещей, Шотландія вовсе не была расположена молчать.

Распространеніе избирательныхъ правъ на 63.000 чело-вѣкъ вмѣсто прежнихъ 3.000 было перспективой слиш-комъ заманчивой, чтобы можно было отнестись къ ней спокойно и хладнокровно. Большіе города съ ихъ двад-цати пяти, пятидесяти и стотысячнымъ населеніемъ не могли при такихъ условіяхъ молчать, несмотря на всѣ старанія антиреформистовъ, и въ городахъ начался рядъ безчисленныхъ и восторженныхъ митинговъ, на которыхъ раздавался громкій голосъ платформы и вотировались петиціи въ пользу реформы. Въ Единбургѣ петиція, предложенная на публичномъ митингѣ, собрала 21.000 подписей, «состоящихъ изъ именъ почти всей той части городского общества, которая по своему общественному положенію имѣла въ немъ первенствующее значеніе». Въ двухъ или трехъ мѣстахъ, гдѣ формальности самаго процесса выборовъ особенно подчеркивали безправіе на-рода, оказалось труднымъ удержать народную массу отъ выраженія негодованія и тамъ произошли беспорядки. Но такіе случаи были исключеніемъ, такъ что Times, подводя итоги избирательной кампаніи, могъ вполне искренно сказать: «Никогда еще, какъ намъ кажется, не происходило ни въ одной изъ частей Соединеннаго Королевства такихъ выборовъ, какъ нынѣшніе, во время которыхъ было бы такъ мало беспорядковъ¹».

Правительство слѣдило съ величайшей тревогой за ходомъ выборовъ. Изъ письма лорда Грея къ сэру Тэй-лору, писаннаго 3 мая, видно, что само оно ошибочно судило о настроеніи общества по этому вопросу: его оцѣнка оказалась неизмѣримо ниже дѣйствительности. «Во всѣхъ мѣстахъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя со-отвѣтствуютъ параграфамъ билля А и В (бурги, у кото-рыхъ отнимались избирательныя права), выборы превзо-шли всѣ наши самыя оптимистическія ожиданія», а 6

¹. The Times, 24 мая 1831 г.

мая онъ писалъ: «Изъ нижеприлагаемаго списка вы увидите, что съ каждымъ днемъ выборы идутъ все лучше и лучше.

«Нортгамптонскіе фригольдеры настойчиво проводятъ лорда Мильтона вмѣстѣ съ лордомъ Альторпомъ, и заявляютъ, что готовы взять на себя всѣ расходы по ихъ кандидатурѣ ¹».

Тѣмъ не менѣе король въ душѣ не былъ спокоенъ. 17 мая секретарь его писалъ лорду Грею ²: «Дѣло въ томъ, что король съ болью и страхомъ замѣчаетъ быстрое дѣйствіе въ странѣ заразительнаго примѣра французской революціи. Вліяніе этихъ событій сказалось немедленно послѣ его восшествія на престолъ и не трудно замѣтить, что почти такой же короткій промежутокъ времени отдѣляетъ ихъ и отъ воспослѣдовавшей перемѣны министерства и внесенія билля о реформѣ. Всѣ эти факты достаточно выразительны сами по себѣ и, хотя внесеніе правительствомъ популярнаго билля подъ открытой санкціей короля несомнѣнно обезпечило за нимъ сочувствіе народныхъ массъ и вызвало выраженіе радости и привязанности со стороны послѣднихъ, тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть во многомъ, что происходило во время выборовъ, и во всѣхъ народныхъ демонстраціяхъ тѣхъ же самыхъ опасныхъ сѣмянъ революціи: тутъ было и враждебное настроеніе къ аристократіи, и стремленіе добиться чисто демократической формы правленія, и много другихъ симптомовъ, вполне оправдывающихъ опасеніе, что у тѣхъ лицъ, которыя въ данное время кажутся повидимому удовлетворенными предполагаемой реформой, есть еще какіе то дальнѣйшіе виды, для которыхъ данная мѣра служитъ только переходной ступенью».

Роль, которую съиграла платформа на этихъ выборахъ, послѣднихъ выборахъ дореформеннаго парламента, такъ громадна, что съ трудомъ поддается описанію.

¹. Correspondence of William IV and Earl Grey, т. I, стр. 253.

². Ibid., стр. 266.

Газеты того времени даютъ намъ самое слабое понятіе о томъ, что было тогда сдѣлано ею, такъ какъ часто въ нихъ лишь нѣсколькими строками отмѣчались даже наиболѣе вліятельныя рѣчи или грандіозные митинги. И все таки, по этимъ самымъ обрывкамъ, мы можемъ съ полною очевидностью убѣдиться, что еще никогда, ни на однихъ предшествовавшихъ выборахъ, платформою не пользовались въ такой широкой мѣрѣ и никогда еще не проявлялось такъ сильно все ея значеніе.

Возбужденіе въ народѣ не знало границъ, а въ такія времена сила и вліяніе краснорѣчія дѣйствуютъ неотразимо на массы, которыя къ тому же, путемъ многолѣтняго опыта, успѣли понять, что ихъ взгляды и чувства съ надлежащею вѣскостью выражала одна только платформа,—и народъ въ полной мѣрѣ воспользовался этимъ, для многихъ еще новымъ, орудіемъ политической силы.

Новый парламентъ былъ созванъ 14 іюня 1831 г., и правительство немедленно же опять внесло свой билль о реформѣ. Результаты выборовъ сказались съ полною ясностью при второмъ чтеніи билля 8 іюля, когда на сторонѣ билля оказалось большинство 136 голосовъ,—367 за билль и 231 противъ него. Проходя черезъ «комитетъ», билль былъ слегка задержанъ, но, несмотря на это, 21 сентября онъ былъ принятъ палатою общинъ съ нѣкоторыми измѣненіями, на которыхъ бесполезно было бы здѣсь останавливаться, большинствомъ 345 голосовъ противъ 236, и затѣмъ представленъ въ палату лордовъ.

Пока билль проходилъ всѣ обычныя стадіи въ палатѣ общинъ, страна спокойно и терпѣливо выжидала результата, но едва онъ перешелъ въ верхнюю палату, какъ все снова пришло въ волненіе. Носились слухи, что лорды готовятся отвергнуть билль, тѣмъ болѣе, что временное успокоеніе народнаго возбужденія было невѣрно истолковано въ смыслѣ наступленія реакціи противъ реформы или, во всякомъ случаѣ, полнаго охлажденія къ ней. Надо было опровергнуть эту злостную клевету, и народъ

сразу почувствовалъ необходимость показать лордамъ, что вопросъ былъ слишкомъ серьезенъ для него, чтобы можно было шутить имъ, и немедленно возобновилъ свои повсемѣстные и многочисленные митинги.

Гревилль по этому поводу презрительно замѣчаетъ въ своихъ Мемуарахъ ¹. «По всей странѣ, какъ грибы послѣ дождя, появились тысячи неизвѣстныхъ ораторовъ и политикановъ, которые всѣ преисполнены своею эфемерною важностью и воображаютъ себя призванными управлять страной».

Плэсъ, однако, говоритъ намъ совсѣмъ другое и онъ ближе къ истинѣ, когда пишетъ: «Всѣ эти митинги, происходившіе въ разныхъ графствахъ, городахъ и мѣстечкахъ, показываютъ, уже по тѣмъ рѣчамъ, которыя тамъ произносились, что большинство участвующихъ въ нихъ по своему развитію вполне могло судить о положеніи вещей въ странѣ и о достоинствахъ билля о реформѣ; эти митинги служили вѣрнѣйшимъ показателемъ того великаго прогресса, который совершился и совершается во всей странѣ, и показывали еще, кромѣ того, что великія перемѣны неизбежно должны произойти и въ средѣ самого правительства, если мы дѣйствительно признаемъ, что управленіе истинно цивилизованнаго народа должно отличаться отъ управленія варваровъ. Всѣ видѣли это и понимали совершенно ясно; не видѣли и не понимали этого только многіе лорды, на которыхъ жизненный опытъ не оказывалъ никакого дѣйствія».

«Народъ, по выраженію Плэса, опять пришелъ въ состояніе кипѣнія. Митинги по всѣмъ графствамъ, городамъ, мѣстечкамъ, приходамъ, снова всюду собирались въ такомъ количествѣ, что лондонскимъ газетамъ пришлось извиняться передъ читающей публикой и заявлять о невозможности поспѣвать съ отчетами о большинствѣ происходящихъ митинговъ. Было ясно, что для народа вопросъ

¹. Greville, Memoirs, т. II, стр. 208.

о проведеніи билля о реформѣ былъ вопросомъ предрѣшеннымъ ¹».

Платформа гремѣла предостереженіями и совѣтами по адресу пэровъ. Достаточно привести здѣсь двѣ, три выдержки, чтобы дать понятіе о томъ, чего именно она хотѣла достигнуть. На одномъ изъ митинговъ лондонской городской корпораціи (Livery of London), предсѣдателемъ котораго былъ лордъ-мэръ, одинъ изъ ораторовъ между прочимъ сказалъ: «Въ Англіи одинъ только народъ можетъ руководить своими правителями. Если бы, по какимъ нибудь непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, этотъ билль потерпѣлъ неудачу, то я бы желалъ знать, какимъ путемъ предполагали бы благородные покровители гнилыхъ мѣстечекъ поддержать въ своихъ соотечественникахъ сочувствіе ко всей этой уродливой политической системѣ? Если билль провалится, готовы ли его противники взять на себя всю отвѣтственность за дальнѣйшее существованіе торговли и преуспѣяніе страны? Неужели они льстятъ себя надеждою, что можно будетъ убѣдить народъ платить подати по повелѣнію тѣхъ пресмыкающихся, которые живутъ въ бургахъ, обозначенныхъ подъ литерою А (бурги, терявшіе по биллю свои избирательныя права) и по приказанію полумертвыхъ мѣстечекъ литеры В (лишавшихся половины своихъ правъ), только одна половина которыхъ еще сохранила признаки жизни, а другая совершенно мертва? Не можетъ быть, чтобы пэры королевства всѣ потеряли разсудокъ, и поэтому я полагаю, что они примутъ билль и не захотятъ поставить на карту свое существованіе, защищая такое несправедливое положеніе, которое столь же опасно для нихъ, сколь оно ненавистно народу».

Другой ораторъ говорилъ: «Если даже пэры рѣшатся на такой дерзкій шагъ и отклонятъ билль, если окажется, что они настолько безумны и сами рѣшаются навлечь

¹. Рукописи П л э с а, 27,789, стр. 421.

опасность на свою голову,—даже въ такомъ случаѣ народъ останется при своемъ рѣшеніи».

Еще одинъ изъ ораторовъ сказалъ: «Если лорды отвергнутъ билль, то неизбежные результаты такого рѣшенія не будутъ уже неожиданностью для нихъ. Послѣ этого,—мы предупреждаемъ лордовъ,—народъ не будетъ платить податей, для которыхъ, собственно говоря, и не будетъ никакихъ основаній, разъ уже вся страна произнесла свой приговоръ надъ конституціей».

Другой еще говорилъ: «Пусть только лорды осмѣлятся отвергнуть этотъ билль, и они дорого поплатятся за свое упорство... Если теперешній билль не пройдетъ, мы представимъ господамъ лордамъ другой билль съ нѣскольکو большими требованіями, и если, чего Боже упаси, они и тогда осмѣлятся идти противъ воли англійскаго народа и оскорблять его величіе, то, ручаюсь вамъ, мы всѣ какъ одинъ человекъ выступимъ съ такимъ биллемъ реформы, въ которомъ господа лорды очутятся всѣ занесенными подъ литеру А».

Въ Лондонѣ состоялся еще другой значительный митингъ, изъ комерсантовъ, банкировъ и фабрикантовъ лондонскаго Сити; онъ былъ созванъ лордомъ-мэромъ, который и предсѣдательствовалъ на немъ. На митингѣ была принята петиція къ палатѣ лордовъ, въ которой имъ напоминали, что вся страна единодушно участвовала въ демонстраціяхъ въ пользу билля, что неудача билля повергнетъ ее въ уныніе, отзовется неблагопріятно на торговлѣ, лишитъ рабочіе классы заработка и пошатнетъ кредитъ.

Въ Ливерпулѣ, въ Манчестерѣ, въ Честерѣ и въ безчисленномъ количествѣ другихъ мѣстъ собирались громадныя митинги для вотированія петицій въ палату лордовъ о принятіи билля. Шотландія почти вся цѣликомъ присоединилась къ этому движенію. Во многихъ графствахъ, въ Миддльсексѣ, Кентѣ, Серри, Юркширѣ, Беркширѣ, Гертфордширѣ и другихъ, тоже созывались ми-

тинги, и на каждомъ изъ нихъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ съ платформы раздавались рѣчи, призывавшія народныя массы къ новымъ усиліямъ, возбуждавшія въ нихъ все большія и большія оженія отъ послѣдствій реформы и укрѣплявшія въ нихъ рѣшимость добиться этихъ послѣдствій. Объ одномъ изъ такихъ митинговъ, — въ Дерби, — лордъ Брумъ, во время дебатовъ, послѣдовавшихъ за вторымъ чтеніемъ билля въ палатѣ лордовъ, прочелъ выдержки изъ описанія, сообщеннаго ему однимъ пріятелемъ.

«Очень недурныя рѣчи были произнесены въ Дерби и вы, можетъ быть, будете не мало удивлены, когда узнаете, что одна изъ лучшихъ рѣчей была сказана простымъ механикомъ. Онъ очень убѣдительно сумѣлъ представить всѣ выгоды, которыя получаютъ низшіе классы отъ билля о реформѣ и почему именно для нихъ хорошее управленіе является безусловной необходимостью. Ораторъ проявилъ въ своей рѣчи такую убѣжденность и столько такта, что большаго нельзя было бы ожидать и отъ члена парламента. Это несомнѣнно выдающійся по своимъ способностямъ человѣкъ, но тамъ были кромѣ того и другіе, мало уступавшіе ему».

Но самый замѣчательный изъ всѣхъ былъ митингъ, созванный 3-го октября въ Бирмингамѣ.

Бирмингамскій Политическій Союзъ, чувствуя, очевидно, нѣкоторыя опасенія относительно участи билля при прохожденіи его черезъ палату лордовъ, созвалъ митингъ въ тотъ самый день, когда должны были начаться дебаты по второму его чтенію, и рѣшилъ подать петицію лордамъ. Предшествовавшіе митинги происходили въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, но этотъ митингъ былъ созванъ подъ открытымъ небомъ. Въ половинѣ двѣнадцатаго начали собираться; появились сначала лидеры Союза, а за ними и члены Стафордширскаго Союза; мало по малу собралось на этомъ мѣстѣ отъ 100.000 до 150.000 человѣкъ, съ музыкой и знаменами. Митингъ этотъ замѣча-

теленъ во всѣхъ отношеніяхъ и ясно свидѣтельствуемъ о томъ, чего достигла платформа за это время; во всякомъ случаѣ, по численности его нельзя было и сравнивать даже съ знаменитымъ Манчестерскимъ митингомъ 16 августа 1819 г. Предсѣдательствовалъ Аттвудъ. Онъ съ самага начала поздравилъ присутствующихъ съ тѣмъ, что сошлось столько народа на призывъ Бирмингамскаго Политическаго Союза, этого могущественнаго и патріотическаго общественаго органа, вліяніе котораго сказывалось не только въ ближайшихъ городахъ округа, но и во всей Англии. Союзу удалось занять такое положеніе единственно благодаря энергіи, патріотизму и гражданскому мужеству, сдерживаемымъ осторожностью и тактомъ, на ряду съ подчиненіемъ закону, съ твердымъ, однако, рѣшеніемъ исправлять этотъ законъ когда нужно,—въ этомъ и заключаются всѣ тѣ нравственныя свойства, которыя помогли Союзу пріобрѣсть такое громадное значеніе, и съ ихъ же помощью онъ съумѣетъ направить свои силы на возстановленіе правъ народа и достиженіе его счастья и свободы...

«Одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ людей въ Европѣ, Лафайетъ, уже сорокъ лѣтъ тому назадъ сказалъ: «для того, чтобы сдѣлаться свободною, странѣ достаточно захотѣть этого».

«Посмотрите вокругъ себя на это великолѣпное и громадное сборище людей въ самомъ центрѣ Англии,— посмотрите на это невѣроятное количество честныхъ и смѣлыхъ людей, собравшихся вмѣстѣ для оказанія поддержки своему славному и патріотическому королю,—и кто можетъ сомнѣваться въ виду такого зрѣлища, что весь англійскій народъ хочетъ получить билль о реформѣ, и что, слѣдовательно, онъ его получитъ».

Одинъ изъ ораторовъ этого митинга, говоря о возможности отклоненія билля палатою лордовъ, сказалъ: «Когда всѣ конституціонныя средства къ тому, чтобы добиться осуществленія билля, будутъ исчерпаны, я впередъ торжественно заявляю, что первый откажусь отъ

уплаты податей, развѣ только въ видѣ насильственной контрибуціи съ моего имущества (оглушительные крики одобренія). А теперь я взываю ко всѣмъ, слушающимъ меня, и прошу тѣхъ, которые готовы слѣдовать моему примѣру, поднять руки кверху». (Цѣлый лѣсъ рукъ поднялся надъ головами присутствовавшихъ и вся толпа разразилась неистовыми криками).

«Возбужденіе, вызванное во всей странѣ этимъ грандіознымъ митингомъ, было по истинѣ удивительно и никогда раньше ничего подобнаго не происходило въ Англіи. И друзья и враги всѣ были одинаково поражены спокойствіемъ, порядкомъ и единодушіемъ, при которыхъ онъ прошелъ¹».

Times, говоря объ этомъ митингѣ, писалъ²: «На немъ не присутствовало ни военной, ни полицейской, ни судебной, никакой принудительной власти, но взамѣнъ этого царило глубокое сознаніе тѣхъ обязательствъ, которыя налагаютъ на человѣка чувства его правоты и долга, а также полнѣйшее пониманіе того, что цѣль, которую имѣлъ въ виду этотъ митингъ, совершенно не вяжется съ какимъ бы то ни было безчинствомъ, насиліемъ или неуваженіемъ къ общественному спокойствію. Такимъ образомъ и тѣни безпорядковъ или хотя бы неудовольствія не проявилось на этомъ ужасающемъ по своимъ размѣрамъ митингѣ».

Лордъ Брумъ, должно быть, находился подъ сильнымъ впечатлѣніемъ описываемаго нами митинга, когда онъ произнесъ свою прекрасную рѣчь въ палатѣ лордовъ, ратуя за второе чтеніе билля: «Говорятъ, что наше представительство вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ надлежащимъ требованіямъ!» воскликнулъ онъ. «Почему же въ такомъ случаѣ наши столы завалены петиціями, направленными противъ этой самой системы представительства. Оно удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ! Откуда

¹. Life of Thomas Attwood, стр. 178.

². Times, 5 октября 1831 г.

же въ такомъ случаѣ такое явленіе, какъ всѣ эти Политическіе Союзы, и почему у такого количества людей является потребность устраивать эти сообщества для борьбы съ системой, которая, по вашимъ словамъ, служитъ ихъ же интересамъ?... Всѣ эти зловѣщіе признаки, зародившіеся на нашихъ глазахъ, всѣ эти странныя, чудовищныя, невиданныя еще нами и непонятныя для насъ явленія,—эти союзы, несмѣтныя сборища,—откуда они и что имъ нужно и почему они у насъ? Какая сила породила эти страшилища и наводнила ими всю страну? Смѣю увѣрить васъ, это та самая сила, которая вызвала къ жизни и вооружила желѣзной волей ирландскихъ волонтеровъ 1782 года; та самая сила, которая оторвала цѣлую половину вашей имперіи и основала тринадцать республикъ; та самая сила, которая создала Католическій Союзъ и отдала въ его руки всю Ирландію... Что же это за сила? Попраніе справедливости, нарушеніе правъ, безграничный произволъ, чувство солидарности, соединяющее милліоны претерпѣвающихъ одинаковое зло; безсовѣстность, съ которой злоупотребляютъ властью, этимъ священнымъ залогомъ довѣрія, для удовлетворенія личной прихоти; безсмысліе, которое лежитъ въ основѣ желанія управлять англичанами, какъ управляли бы дикарями австралійскихъ острововъ; наконецъ, безуміе воображать, что съ нашимъ взрослымъ населеніемъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ можно обращаться, какъ съ дѣтьми или гнать передъ собою, какъ орду безсмысленныхъ варваровъ,—вотъ что произвело на свѣтъ эти чудовищныя явленія, передъ которыми мы стоимъ теперь безпомощные и пораженные ужасомъ ¹».

Тѣмъ не менѣе лорды не удостоили петицій своимъ вниманіемъ, а между тѣмъ этихъ петицій было такое множество, что однажды къ палатѣ подвезли цѣлый фургонъ, нагруженный ими ². Лорды готовились итти на

¹. Parliamentary Debates, т. VIII, стр. 263, 269.

². Рукописи П л э с а 27.789, стр. 437.

проломъ противъ платформы, противъ заявленія воли всей страны. Фактъ существованія такого внушительнаго большинства въ палатѣ общинъ, казалось, могъ бы служить имъ достаточнымъ предостереженіемъ, но они или не желали или были неспособны понять, что въ данномъ случаѣ они имѣли дѣло не съ одной только палатой общинъ, а со всей страной. Они не захотѣли безъ борьбы дать осуществиться мѣрѣ, которую большинство изъ нихъ считало неизбежно ведущей къ революціи и которая, во всякомъ случаѣ, по ихъ мнѣнію, низводила ихъ значеніе въ конституціи страны на степень, не соответствующую ни ихъ достоинству, ни ихъ правамъ,—и билль былъ отвергнутъ утромъ 8 октября 199 голосами противъ 158.

Тогда палата общинъ, съ цѣлью удержать министровъ и помѣшать ихъ отставкѣ, постановленіемъ, прошедшимъ 329 голосами противъ 198, выразила имъ свое сочувствіе и обѣщала оказать всяческую поддержку, при чемъ нѣкоторые члены парламента, не стѣсняясь, совершенно откровенно перешли къ угрозамъ. Но, какъ мы уже говорили раньше, страна взяла это дѣло въ свои собственныя руки и палата общинъ, хотя и способствовала дѣлу своимъ посредничествомъ, но въ сущности играла въ немъ только второстепенную роль. Фактъ этотъ безусловно вѣренъ и его слѣдуетъ разъ навсегда признать безъ всякихъ оговорокъ, тѣмъ болѣе, что даже въ популярныхъ изложеніяхъ исторіи этой великой борьбы рассказывается, будто все явилось результатомъ настойчиваго образа дѣйствій палаты общинъ. Между тѣмъ это совершенно невѣрно. Вся активная, вся двигающая сила шла непосредственно отъ самого народа. Извѣстіе о неудачѣ билля вызвало въ странѣ взрывъ негодованія и ярости. Несмотря на всѣ митинги, петиціи и заявленія, несмотря на открыто выраженное и единодушное рѣшеніе цѣлаго народа, несмотря даже на то, что палата общинъ принятіемъ билля о реформѣ сама признала неудовлетворительность своего устройства, которое не могло болѣе

оставаться въ такомъ видѣ,—несмотря на все это, лорды, благодаря поддержкѣ почти всего состава духовныхъ пэровъ, рѣшили дѣло по своему, наперекоръ желаніямъ всей страны. И народъ немедленно же снова обратился къ платформѣ, чтобы дать выраженіе своимъ чувствамъ.

10 октября Times писалъ: «Сегодняшній нумеръ нашей газеты весь посвященъ описанію справедливаго негодованія, проявляемаго всѣмъ англійскимъ народомъ по поводу непринятія билля о реформѣ. Все сразу пришло въ движеніе и намъ трудно было бы даже подвести итогъ тѣмъ различнымъ корпораціямъ и учрежденіямъ, которыя всюду созываютъ митинги, и надо видѣть, съ какой поражающею быстротой все это совершается!»

«По мѣрѣ того, какъ извѣстіе о непринятіи билля¹ распространялось по всей Англій, пишетъ Плэсъ, всюду снова начали созываться митинги во всѣхъ графствахъ, городахъ, мѣстечкахъ и приходсахъ, во всѣхъ союзахъ и клубахъ и вскорѣ они приняли поражающіе и невиданные дотолѣ размѣры. Настроеніе этихъ собраній повсюду было одно и то же. Весь народъ былъ готовъ всячески и съ полнымъ единодушіемъ поддержать короля и министровъ, не жалѣя ни денегъ, ни времени, ни жизни, и чувствовалось, что онъ не остановился бы ни предъ чѣмъ и пошелъ бы на всякую демонстрацію, которая могла бы поддержать министровъ и способствовать торжеству билля».

«Банкиры, комерсанты и фабриканты лондонскаго Сити» снова начали устраивать собранія, графства созывали митинги, въ большихъ новыхъ городскихъ центрахъ съ тысячами и десятками тысячъ населенія устраивались громадныя народныя собранія. 10 октября въ Мерильбонѣ собралось до 30.000 человѣкъ, но такъ какъ тамъ не оказалось мѣста для такого собранія, то вся эта толпа двинулась къ Гайдъ-парку, а оттуда къ Риджентсъ-парку, увеличившись по пути до 80.000 человѣкъ.

¹ Рукописи Плэса, 27.790, стр. 51.

Иосифъ Юмъ, членъ парламента, занялъ предсѣдательское мѣсто. Имъ и другими ораторами произнесены были рѣчи и затѣмъ было постановлено нѣсколько резолюцій достаточно рѣшительнаго характера, на примѣръ: «Мы узнали съ глубокимъ сожалѣніемъ и негодованіемъ, что большинство членовъ верхней палаты осмѣлилось отвергнуть билль, предложенный либеральнымъ министерствомъ, санкціонированный нашимъ патріотомъ-королемъ и принятый съ благодарностью и радостью всѣмъ народомъ. Мы не можемъ допустить такой наглой узурпаціи народныхъ правъ кучкой изъ 200 лицъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ лично заинтересованы въ сохраненіи нынѣ дѣйствующей негодной и продажной системы представительства и управленія».

Тутъ же была выражена настоятельная просьба, чтобы министры снова внесли билль на вторичное разсмотрѣніе парламента, высказана благодарность королю за его отеческую заботу о благополучіи народа и въ концѣ концовъ принято постановленіе, угрожавшее отказомъ въ уплатѣ податей въ томъ случаѣ, если министерство лорда Грея будетъ отставлено и замѣнено враждебными реформѣ министрами.

Приведемъ слова м-ра Сэвѣджа, «одного изъ самыхъ рьяныхъ представителей рабочей партіи, которая требовала распространенія реформы и на рабочіе классы посредствомъ введенія всеобщей подачи голосовъ и закрытой баллотировки ¹»: «Я бы совѣтовалъ народу исчерпать всѣ конституціонныя мѣры, находящіяся въ его власти, прежде чѣмъ прибѣгать къ физической силѣ для возстановленія его правъ...» и еще: «я позволю себѣ напомнить бунтующимъ лордамъ, что мы хотимъ имѣть представителей духовныхъ силъ націи, а не матеріальныхъ цѣнностей».

Всѣ ораторы въ одинъ голосъ зывали къ самообладанію и терпѣнію народа и убѣждали его поль-

1. Рукописи Плэса, 27,790, стр. 12.

зоваться конституционными средствами. «И всѣ эти рѣчи сильно способствовали успокоенію народа и сдерживали рабочихъ, не давая имъ уклоняться отъ правильнаго пути», пишетъ Плэсъ. Въ этотъ же день состоялся въ Гильдголлѣ громадный митингъ избирателей лондонскаго Сити. Въ то же время во всѣхъ приходахъ, какъ столицы, такъ и ея предмѣстій, собирались митинги, которые насчитывали почти милліонъ участниковъ. 12 октября произошла грандіозная манифестація: отъ 100,000 до 300,000 человѣкъ, большею частью лавочниковъ и наиболѣе обезпеченныхъ и образованныхъ ремесленниковъ и рабочихъ, устроили процессію для подачи королю адресовъ отъ различныхъ лондонскихъ приходовъ съ выраженіемъ своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ. «Пора было показать нашимъ врагамъ, писалъ одинъ изъ главныхъ инициаторовъ этой демонстраціи, что народъ серьезно взялся за это дѣло и что если онъ до сихъ поръ былъ спокоенъ, то это спокойствіе вытекало единственно изъ довѣрія къ правительству. Мы показали имъ, что мы можемъ и намъ рены не оставаться въ бездѣйствіи, если того потребуютъ обстоятельства ¹». Неудовольствіе и возбужденіе охватили всю Англію, можно сказать съ сѣвера и юга, съ востока и запада, и пожаръ съ каждымъ днемъ разгорался. Изъ Эдинбурга сообщали, что «уныніе и отчаяніе, произведенныя первымъ извѣстіемъ о неудачѣ билля, вскорѣ смѣнились рѣшеніемъ снова прибѣгнуть ко всѣмъ способамъ, чтобы заявить, не выходя изъ предѣловъ конституціи, о нарушеніи народныхъ правъ и добиться ихъ восстановленія. Движеніе охватило всю Шотландію; всюду собираются или готовятся митинги, и въ Гласто, и въ Денди, и въ Пертѣ, и во множествѣ другихъ мѣстъ».

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заявленія съ платформы носили довольно рѣзкій характеръ. Такъ, одинъ изъ ораторовъ сказалъ: «Нуженъ билль,—билль или баррикады!»

¹. Рукописи Плэса, 27,790, стр. 35.

Были и такія мѣста, гдѣ къ несчастью раздраженіе народа было такъ сильно, что платформа уже не могла удовлетворить его... Кое гдѣ произошли болѣе или менѣе серьезные безпорядки, на примѣръ въ Нотингамѣ, гдѣ толпа окружила и сожгла замокъ герцога Ньюкэстльскаго; то же было въ Дерби и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, но во всякомъ случаѣ это были исключительныя явленія. Въ общемъ, народъ держалъ себя съ поразительнымъ самообладаніемъ и сдержанностью; онъ довольствовался тѣмъ, что ясно показывалъ свое намѣреніе добиться во что бы то ни стало реформы и, будучи увѣренъ въ своей побѣдѣ, считалъ лишнимъ пятнать ее кровью и насиліемъ. Вождями партіи реформы всюду были приложены самыя напряженныя старанія съ цѣлью препятствовать безпорядкамъ, которые они считали пагубными для дѣла реформы, а совѣтъ Бирмингамскаго Политическаго Союза, стоявшій, можно сказать, во главѣ всѣхъ англійскихъ союзовъ, издалъ прокламацію къ своимъ соотечественникамъ, убѣждая ихъ стоять твердо за короля и лорда Грея. Воззваніе это заканчивалось слѣдующими словами: «Безъ пролитія крови, безъ анархіи, безъ всякаго нарушенія закона, мы совершимъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ реформъ, извѣстныхъ въ исторіи челоуѣчества».

Къ счастью, положеніе не осложнялось никакими затрудненіями со стороны министровъ, которые имѣли предъ собой совершенно ясный путь. Назначать новые выборы по данному вопросу, по которому страна еще такъ недавно и опредѣленно высказалась на послѣднихъ общихъ выборахъ, было бы совершенно излишне. Точно также было немыслимо выходить при такихъ обстоятельствахъ въ отставку,—это было бы позорнымъ бѣгствомъ и дезертирствомъ. Къ тому же отставка министерства была бы и бесполезна, такъ какъ партія торіевъ, имѣя противъ себя такое большинство въ палатѣ общинъ, ни въ какомъ случаѣ не могла бы стать во главѣ управленія.

Поэтому министры остановились на единственно возможномъ рѣшеніи, а именно—какъ можно скорѣе закончивъ все, что еще предстояло сдѣлать въ текущую сессию, отсрочить засѣданія парламента на короткое время и снова вернуть билль въ палату лордовъ.

Заявленіе о такомъ рѣшеніи министерства всѣми было встрѣчено съ большою радостью, но когда вслѣдъ затѣмъ распространился слухъ, что парламентъ не будетъ созванъ раньше января, снова всѣхъ охватила тревога. Оставаться такъ долго въ мучительномъ ожиданіи казалось невозможнымъ. 12 октября въ тавернѣ «Корона и Якорь» состоялось собраніе комитетовъ и делегатовъ разныхъ лондонскихъ приходовъ «для обсужденія наилучшихъ способовъ, которыми можно бы было оказать дѣйствительную поддержку королю и министерству, и мѣръ, необходимыхъ для охраненія мира и безопасности въ столицѣ¹».

Послѣ многихъ рѣчей была составлена и принята меморія на имя лорда Грея, въ которой выражалось глубокое убѣжденіе всѣхъ присутствующихъ въ томъ, что «если парламентъ не будетъ снова созванъ въ самомъ непродолжительномъ времени (не далѣе какъ въ семидневный срокъ), если билль о реформѣ не будетъ тотчасъ же внесенъ и не будутъ приняты всѣ необходимыя мѣры для проведенія его, то Англію неминуемо ожидаютъ всѣ ужасы революціи, окончательныхъ послѣдствій которой нельзя и предвидѣть».

Вслѣдъ за этимъ тутъ же была выбрана депутація, по одному представителю отъ каждаго прихода, которая и отправилась съ этой меморіей къ лорду Грею, чтобы, какъ о томъ говорили потомъ, «застать министра хотя бы ночью».

Лордъ Грей, возвратившись съ обѣда въ Доунингъ Стритъ, нашелъ ожидающую его тамъ депутацію, и тутъ же принялъ меморію, выслушалъ все, что имѣли сказать

1. Рукописи П л э с а, 27,790, стр. 54.

депутаты, и далъ имъ отвѣтъ, послѣ чего депутація удалилась.

«Весь разговоръ былъ очень кратокъ, пишетъ Плэсъ, участвовавшій въ депутаціи, и всѣ вынесли одно впечатлѣніе: 1-е, что парламентъ будетъ созванъ только послѣ Рождества; 2-е, что готовится билль, который придется больше по вкусу лордамъ; 3-е, что не будетъ назначенія новыхъ пэровъ и, наконецъ, 4-е, что въ случаѣ народнаго возмущенія, послѣднее будетъ подавлено военною силою» ¹.

Посылка депутаціи и условія, при которыхъ все это совершилось, произвели своею необычностью громадную сенсацію въ обѣихъ палатахъ парламента и во всемъ народѣ.

На безчисленныхъ митингахъ, собиравшихся въ теченіе слѣдующихъ дней, всюду «раздавались сильныя и краснорѣчивыя заявленія и вотировались рѣшительныя резолюціи и петиціи самаго опредѣленнаго характера. Всѣ они въ одинъ голосъ выражали протестъ противъ долгой отсрочки парламента, просьбу о скорѣйшемъ созывѣ его и о вторичномъ внесеніи билля лорда Росселля на обсужденіе парламента ²».

20 октября сессія парламента была отсрочена и созывъ его назначенъ на 22 ноября.

Въ тотъ же день состоялся громадный митингъ Сѣвернаго Политическаго Союза, на которомъ присутствовало до 50.000 человѣкъ. То же самое было въ Бирмингамѣ и Эдинбургѣ, гдѣ на митингъ собралось около 20.000 человѣкъ.

На эдинбургскомъ митингѣ было постановлено, «что при теперешнемъ возбужденномъ состояніи умовъ, при переживаемомъ нынѣ опасномъ кризисѣ, народъ, вмѣстѣ съ выраженіемъ преданнѣйшихъ вѣрноподданническихъ чувствъ его величеству, сознаетъ, что если министры его

¹. Рукописи Плэса, стр. 65.

². Ibid., стр. 96.

величества будутъ медлить внесеніемъ такого билля, который по своему содержанію и значенію ни въ чемъ бы не уступалъ недавно отклоненному, то довѣріе, которое оказывала имъ до сихъ поръ страна, неминуемо пошатнется. Въ виду этого народъ въ дѣлѣ осуществленія своихъ желаній и спасенія государства отъ угрожающихъ бѣдствій возлагаетъ всю свою надежду на престолъ».

Здѣсь мы должны упомянуть о серьезныхъ безпорядкахъ, присшедшихъ въ Бристолѣ 29 октября, чтобы насъ не могли заподозрить въ желаніи умолчать о такомъ событіи, которое какъ бы подтверждаетъ одно изъ самыхъ тяжкихъ обвиненій, взводимыхъ на платформу, а именно будто она возбуждаетъ въ народѣ всѣ худшіе его инстинкты и подстрекаетъ къ насилію и грабежу. Должность судьи въ Бристолѣ занималъ сэръ Чарльзъ Уэтерель. Въ то же время онъ былъ членомъ парламента и весьма рѣзко и враждебно высказывался противъ билля о реформѣ. Плэсъ говоритъ о немъ: «Его отношеніе къ народу отличалось крайнею грубостью; это былъ по природѣ злобный и мстительный человѣкъ, совершенно необузданный въ своемъ обращеніи съ людьми. Его необыкновенно дурной характеръ нисколько не сдерживался разсудкомъ и часто проявлялся въ такихъ безумныхъ выходкахъ, которыя заставляли сомнѣваться въ здравости его ума ¹». Онъ пріѣхалъ изъ деревни къ открытію сессіи уголовного суда и его появленіе въ городѣ вызвало враждебную демонстрацію со стороны населенія. Демонстрація постепенно приняла характеръ безпорядковъ, выразившихся въ нападеніи на дома и людей, истребленіи имущества, поджогахъ, столкновеніяхъ съ войсками, и въ теченіе нѣсколькихъ дней въ Бристолѣ царилъ бунтъ и происходили самыя ужасныя сцены. Благодаря бездѣйствию властей, очень долго не принималось ничего для обузданія черни, которая дѣлала, что хотѣла; наконецъ порядокъ былъ восстановленъ съ помощью во-

¹. Рукописи Плэса, стр. 125.

оруженной силы и цѣною нѣсколькихъ жизней. Я не думаю, чтобы это событіе, само по себѣ весьма печальное и предосудительное, могло по справедливости быть поставлено въ вину платформѣ.

Беспорядки въ Бристолѣ не были вызваны платформою; тамъ не предполагалось и не созывалось митинга съ цѣлью обсужденія поведенія сэра Ч. Уэтереля, не произносилось никакихъ зажигательныхъ рѣчей; все народное волненіе произошло помимо платформы и имѣло въ виду вовсе не гласное выраженіе народнаго неудовольствія, а просто кулачную расправу.

Торіи и антиреформисты не преминули, конечно, тотчасъ же воспользоваться этимъ случаемъ въ качествѣ довода противъ реформы. Даже Гревиль, обсуждая эти событія, писалъ: «Настроеніе, нашедшее себѣ выраженіе во всѣхъ этихъ безчинствахъ, есть результатъ реформы, и для нихъ не имѣлось никакихъ непосредственныхъ поводовъ. Все это не болѣе, какъ преждевременная вспышка того стремленія къ грабежу и той жажды разрушенія, которыя въ представленіи черни составляютъ всю суть реформы»¹.

Но и это не совсѣмъ вѣрно. Во всякомъ обществѣ, и въ особенности во всѣхъ большихъ городскихъ центрахъ, всегда найдется извѣстное количество преступныхъ или просто бѣдствующихъ людей, которые готовы воспользоваться всякимъ случаемъ, чтобы произвести или грабежъ или беспорядокъ. Случай же былъ прямо созданъ бездѣйствіемъ властей, такъ какъ не было принято никакихъ мѣръ для предупрежденія или подавленія беспорядковъ; преступные и непокойные элементы только воспользовались этимъ. Нѣтъ нужды искать какого либо иного объясненія для этихъ событій, которыя произвели сильнѣйшую сенсацію во всей Англіи.

Для короля и для министровъ главнымъ поводомъ тревоги служили не эти беспорядки; неизмѣримо опаснѣе

¹. Greville, т. II. стр. 209.

и важнѣе по тѣмъ послѣдствіямъ, которыми она угрожала, являлась для нихъ другая сторона движенія, а именно: ихъ пугала организація этого движенія, проявившаяся въ такъ называемыхъ Политическихъ Союзахъ.

Какъ мы видѣли, первый изъ нихъ, послужившій образцомъ для многихъ другихъ, былъ Бирмингамскій Политическій Союзъ. Подобные же союзы образовались въ другихъ мѣстностяхъ и нѣкоторые изъ нихъ насчитывали большое количество членовъ. Въ письмахъ лорда Мельбурна ¹ къ сэру Тэйлору мы можемъ прослѣдить ихъ развитіе: «Политическіе Союзы, насколько мнѣ извѣстно, постепенно распространяются, число ихъ членовъ увеличивается и дѣятельность ихъ пріобрѣтаетъ несомнѣнно все болѣе опредѣленный и законченный характеръ... ².

«Въ Бирмингамѣ Политическій Союзъ очень многолюденъ, но наиболѣе почтенная часть населенія относится къ нему несочувственно. Въ Манчестерѣ и промышленныхъ округахъ Йоркшира и Ланкашира политическіе союзы не имѣли такого успѣха и не достигли ни той сплоченности, ни той популярности, какъ въ Бирмингамѣ. Такой же Союзъ существуетъ и въ Лондонѣ, но онъ тамъ далеко не имѣетъ того значенія. Они появились также и во многихъ мѣстахъ въ Шотландіи, но мнѣ ничего о нихъ неизвѣстно и я не могу судить ни о ихъ численности, ни о ихъ составѣ... Я убѣжденъ, что всякая попытка уничтожить ихъ только приведетъ къ усиленію ихъ значенія и, быть можетъ, скорѣе всего превратитъ ихъ въ авторитетные органы выраженія общественнаго мнѣнія, тогда какъ до сихъ поръ они только служатъ показателемъ лишь извѣстныхъ мнѣній въ обществѣ.

¹. Lord Melbourne's Papers, edited by Lloyd C. Sanders, стр. 129, отъ 24 и 26 сентября 1831 г.

². Тамъ же, стр. 132.

Опасность кроется въ самомъ настроеніи общества, а никакъ не въ политическихъ союзахъ».

Неудача билля въ палатѣ лордовъ дала сильнѣйшій толчокъ къ распространенію этихъ союзовъ. Изъ того, что пишетъ Плэсъ объ этой эпохѣ, мы можемъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ дѣйствовали союзы. Онъ говоритъ: «Постоянныя опасенія, упорное молчаніе министровъ, сомнѣнія, которыя они возбуждали этимъ молчаніемъ и вѣчно испытываемый всѣми страхъ относительно короля и перемѣны въ его взглядахъ, все это оказывало свое вліяніе на общественное настроеніе и не давало прекращаться волненію въ народѣ. Союзы удивительнымъ образомъ отвѣчали требованіямъ, обусловливаемымъ обстоятельствами того времени. Они сдерживали стекавшійся къ нимъ толпами народъ, объединяли его, предотвращали отдѣльные мелкіе взрывы и создавали въ массахъ убѣжденіе, имѣвшее тогда громадное значеніе, а именно, увѣренность въ томъ, что вся страна съ полнымъ единодушіемъ дружно двинется въ тотъ моментъ, когда такое движеніе сдѣлается неизбежнымъ¹».

Times горячо поддерживалъ распространеніе союзовъ. 27 октября мы читаемъ въ этой газетѣ: «Даже рискуя подвергнуться упрекамъ въ излишнемъ повтореніи того, что мы уже не разъ высказывали, мы все же не можемъ не напоминать нашимъ согражданамъ, что мы переживаемъ нынѣ такой моментъ, когда для всего народа является самой настоятельной и святѣйшей обязанностью всюду организоваться въ политическіе союзы и выжидать, зорко слѣдя за ходомъ дѣлъ по вопросу о реформѣ... Въ Лондонѣ Политическій Союзъ только что образовался, и сэръ Бердеттъ, какъ и приличествуетъ такому выдающемуся патриоту, взялъ на себя предсѣдательство въ немъ. Это несомнѣнно окажетъ пользу дѣлу. Очевидно что для Союза, цѣлью котораго является защита политическихъ правъ, наилучшей организаціей будетъ

1. Рукописи Плэса, 27,790, стр. 238.

та, которая при извѣстной перемѣнѣ обстоятельствъ можетъ быть немедленно обращена не къ вызывающему, конечно, и наступательному образу дѣйствій, а къ самой простой и естественной защитѣ этихъ правъ силою оружія. Повторяемъ еще разъ, создавайте всюду политическіе союзы ¹».

Два дня спустя газета еще полнѣе и точнѣе формулировала свою мысль: «Такого рода союзы поддерживаютъ дѣло реформы; они являются не только защитой жизни и имущества гражданъ противъ незаконныхъ посягательствъ черни, но также и защитой другихъ, болѣе крупныхъ интересовъ страны противъ систематическихъ посягательствъ олигархіи, раздраженной оппозиціей».

31 октября состоялся въ *Lincolns Inn Fields* (въ Лондонѣ) очень выдающійся митингъ «жителей и домовладѣльцевъ столицы», имѣвшій цѣлью учрежденіе политическаго союза ². На немъ предсѣдательствовалъ сэръ Бердеттъ. «Цѣль настоящаго митинга, сказалъ онъ, заключается въ томъ, чтобы принять мѣры, которыя вѣрнѣе и лучше всего обезпечатъ намъ успѣхъ билля о реформѣ. Въ ряду такихъ мѣръ нѣтъ, кажется, болѣе доступной для насъ и болѣе дѣйствительной, какъ большой Національный Союзъ, который исключительно имѣлъ бы въ виду дать странѣ хорошее управленіе и обезпечить порядокъ всего общественнаго строя».

Этотъ митингъ отличался отъ другихъ однимъ очень интереснымъ явленіемъ. Тутъ выступили типичные представители трехъ поколѣній дѣятелей платформы,—прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ. Идя своими различными путями, они встрѣтились теперь на однихъ и тѣхъ же подмосткахъ и тутъ же снова разошлись на вѣки.

Прошедшее выступало въ лицѣ Телльваля, который одобрилъ предложеніе сформировать союзъ и взывалъ къ единодушію. «Мнѣ кажется, что я имѣю право такъ

¹. *Times*, 27 октября 1831 г.

². *Ibid.*, 1 ноября 1831 г.

говорить, сказалъ онъ, такъ какъ въ теченіе долгой жизни— что бы ни говорили обо мнѣ, хорошо или дурно—я всегда былъ защитникомъ правъ народа и съ гордостью скажу, что имѣлъ честь подвергнуться обвиненію въ государственной измѣнѣ въ 1794 г. въ добрыя старыя времена Питта, Эльдона и торизма». Онъ убѣждалъ слушателей не разбиваться на бесполезныя партіи, которыя могли только способствовать кознямъ враговъ порядка и хорошаго управленія.

Настоящее олицетворялось предсѣдателемъ, сэромъ Франсисомъ Бердеттомъ, который съ самаго пробужденія платформы, послѣ ея подавленія при Питтѣ, въ теченіе цѣлой четверти столѣтія, выполнялъ ту же полезную и плодотворную для народа роль, какую до него такъ блестяще исполнялъ Фоксъ.

Представителемъ будущаго былъ Ловеттъ, составитель знаменитой Народной Хартіи, выступившій здѣсь, въ качествѣ рабочаго, съ поправкой къ предложенію предсѣдателя: «Прежде всего онъ желалъ бы спросить у среднихъ классовъ, добиваются ли они чего нибудь кромѣ порабощенія рабочаго класса и превращенія его въ слѣпое орудіе своихъ цѣлей? Бесполезно проповѣдывать терпѣніе голодающему народу; если бы средніе классы были вполне искренни, то они прежде всего позаботились бы о томъ, чтобы одѣть и накормить рабочихъ». Онъ предложилъ митингу высказаться въ пользу всеобщей подачи голосовъ.

Это былъ первый возгласъ чартизма, того самаго чартизма, который позднѣе выставилъ и въ концѣ концовъ провелъ многія поправки, но не къ биллю о реформѣ, а къ Акту о реформѣ. Въ то время, однако, вся страна была поглощена биллемъ о реформѣ и ничѣмъ больше и напрягала всѣ свои силы, чтобы добиться именно этого билля, такъ что Ловеттъ, съ своими чартистскими идеями былъ встрѣченъ съ неудовольствіемъ и наконецъ заглушенъ криками.

Постановленіе этого митинга объ образованіи Союза гласило: «Это Союзъ не рабочихъ и не среднихъ классовъ, а всѣхъ сторонниковъ реформы, всей массы многомилліоннаго народа. Національный Политическій Союзъ прежде всего союзъ всего народа и представляетъ первый случай въ исторіи страны, когда вся нація соединилась воедино во имя защиты общаго дѣла».

Цѣли Союза были опредѣлены слѣдующимъ образомъ: «Союзъ учреждается для достиженія полного, свободнаго и дѣйствительнаго представительства среднихъ и рабочихъ классовъ въ палатѣ общинъ парламента; для поддержки короля и его министровъ противъ подкупной клики въ предпринятомъ ими великомъ дѣлѣ парламентской реформы; для единенія всѣхъ благожелателей нашего отечества, отъ самаго богатаго до самаго бѣднаго, въ дѣлѣ достиженія этой важной цѣли; для сохраненія спокойствія и порядка въ странѣ и для предотвращенія всякихъ потрясеній, которыя могли бы попытаться произвести враги народа; для охраненія интересовъ и улучшенія матеріальныхъ условій промышленныхъ и рабочихъ классовъ; наконецъ, для того, чтобы дать всѣмъ возможность, путемъ постояннаго обсужденія, выяснить себѣ, какими средствами наилучше достигнуть вышенамѣченной цѣли».

Плэсъ отмѣчаетъ немедленные благотворные результаты образованія этого Союза. Онъ говоритъ: «Мы были наканунѣ страшной катастрофы, такъ что была минута, когда народъ не зналъ, что дѣлать, но образованіе Національнаго Политическаго Союза вывело его изъ нерѣшительности и явилось такимъ образомъ фактомъ неопровержимой важности ¹».

Нѣкоторые изъ наиболѣе крайнихъ представителей рабочихъ классовъ не удовлетворились этой программой Національнаго Союза и образовали свой отдѣльный союзъ подъ именемъ Національнаго союза рабочихъ

1. Рукописи Плэса.

классовъ, программа котораго шла гораздо дальше и включала въ себя всеобщую подачу голосовъ, ежегодные парламенты, закрытую баллотировку и отмѣну всѣхъ наслѣдственныхъ привилегій. Они рѣшили собрать митингъ и по этому поводу послали депутацію къ министру внутреннихъ дѣлъ, лорду Мельбурну. Послѣдній сказалъ имъ, что предположенный митингъ имѣлъ бы характеръ мятежнаго сборища и весьма вѣроятно могъ бы подлежать дѣйствию закона о государственной измѣнѣ.

Ловеттъ, участвовавшій въ депутаціи, заявилъ лорду Мельбурну, что «онъ считаетъ величайшею несправедливостью, что среднему классу предоставляется имѣть свои союзы и собирать митинги подъ открытымъ небомъ, а рабочимъ классамъ, которые дѣйствительно принижены до самой крайней степени, этого не разрѣшается. Рабочіе классы находятся въ самомъ ужасномъ состояніи, и такіе митинги могли бы служить въ извѣстной мѣрѣ предохранительными клапанами для отвода постоянно накапливающагося раздраженія».

Однако совѣтъ лорда Мельбурна оказалъ свое вліяніе и мысль о митингѣ была оставлена. Между тѣмъ правительство, опасаясь какихъ нибудь беспорядковъ въ случаѣ, еслибы митингъ все таки состоялся, приняло нѣкоторыя мѣры предосторожности: войска получили приказъ быть на готовѣ и были назначены спеціальные констебли.

По поводу этого, предполагавшагося, митинга сэръ Тэйлоръ писалъ 4 ноября лорду Грею ¹: «Его величество отнюдь не выражаетъ неудовольствія относительно мѣръ, принятыхъ въ виду вышеозначеннаго митинга и, считая такого рода мѣры вообще нежелательными, полагаетъ, что въ данномъ случаѣ онѣ могутъ способствовать задержанію дальнѣйшаго развитія политическихъ союзовъ вообще, ибо возникновеніе и распространеніе послѣднихъ, какъ его величество поручилъ мнѣ передать вамъ, онъ

1. Correspondence of King William IV and Earl Grey, т. I, стр. 401.

считаетъ неизмѣримо болѣе опаснымъ и вреднымъ, чѣмъ всякія открыто насильственныя дѣйствія, незаконность и зловредность которыхъ для всѣхъ очевидна».

Политическіе союзы были предметомъ неусыпнаго и тревожнаго вниманія со стороны короля и лорда Грея и по поводу ихъ происходилъ живѣйшій обмѣнъ писемъ между ними. Такъ какъ союзы составляли ту организацію, которая придавала такую силу платформѣ, то мы должны хоть вкратцѣ передать взгляды, которые высказываются въ этой перепискѣ.

6 ноября 1831 г. лордъ Грей писалъ сэру Г. Тэйлору¹: «Въ высшей степени утѣшительнымъ слѣдуетъ признать то, что средніе классы проявляютъ столько рвенія и готовности стать на стражѣ общественнаго порядка, и я питаю большую надежду, что недавнія событія (очевидно рѣчь идетъ о бристольскихъ беспорядкахъ), какъ они ни печальны сами по себѣ, будутъ имѣть благія послѣдствія. Впрочемъ, все зависитъ отъ успѣшнаго разрѣшенія вопроса о реформѣ, и было бы величайшей ошибкой поддерживать въ ея противникахъ увѣренность, что всеобщее сочувствіе къ реформѣ можетъ быть подавлено.

«Одно только опасеніе противодѣйствія со стороны этихъ противниковъ вызвало дальнѣйшее распространеніе политическихъ союзовъ, которые возникли въ Бирмингамѣ и въ другихъ мѣстахъ еще до перемѣны министерства въ ноябрѣ прошлаго года. Я вполне присоединяюсь ко всему, что высказываетъ его величество относительно свойства и стремленій этихъ союзовъ, и нельзя не видѣть, какой опасностью угрожаютъ они, если получаютъ постоянный характеръ. Не давать имъ разрастаться и всячески мѣшать ихъ развитію является прямою обязанностью и прямою выгодою министровъ, но пока они остаются въ предѣлахъ закона, повидимому не представляется никакой возможности предпринять что-либо

1. Lord Grey to Sir H. Taylor, 1831, т. I, стр. 403.

для ихъ уничтоженія... Лучшимъ и самымъ вѣрнымъ искорененіемъ этого зла будетъ проведеніе билля о реформѣ, и къ достиженію этой цѣли теперь должно быть рѣшительно и энергично направлено все вліяніе правительства».

На слѣдующій день сэръ Тэйлоръ писалъ Грею: «Король надѣется, что успѣшное и удовлетворительное разрѣшеніе вопроса о реформѣ приведетъ наконецъ къ успокоенію страны, но онъ не допускаетъ, чтобы защита или протестъ противъ билля о реформѣ могли выражаться въ столь противозаконныхъ и насильственныхъ дѣйствіяхъ и, кромѣ того, онъ не вѣритъ, чтобы союзы преслѣдовали исключительно однѣ только эти цѣли». Упомянувъ о событіяхъ въ Бристолѣ и о предполагавшемся, но отмѣненномъ митингѣ, сэръ Тэйлоръ указываетъ на основанія, побуждающія короля относиться ко всему, что предпринимаютъ всѣ эти политическіе и всякіе другіе союзы, съ такимъ недоувѣріемъ и безпокойствомъ, совершенно независимо отъ вопроса о парламентской реформѣ, которая выставляется ими, какъ ему кажется, скорѣе въ качествѣ предлога для чисто революціонныхъ цѣлей. Цѣли эти существовали у нихъ гораздо раньше, чѣмъ возникли какія либо ожиданія, связанныя съ проведеніемъ билля, и, вѣроятно, будутъ продолжать существовать и послѣ принятія его ¹».

Въ отвѣтъ на это письмо лордъ Грей писалъ, что министры вполне раздѣляютъ взгляды короля на характеръ и вліяніе политическихъ союзовъ, но далѣе онъ продолжалъ: «я конечно не могу отрицать, что политическіе союзы возникли первоначально не исключительно только въ цѣляхъ парламентской реформы и что многіе изъ лицъ, стоящихъ во главѣ ихъ, воспользовавшись вопросомъ о реформѣ, какъ весьма удобнымъ предлогомъ, желали бы сохранить эти общества и послѣ проведенія реформы, ради сохраненія своего значенія и власти. Въ

1. Lord Grey to Sir H. Taylor, 1831 г. т. I, стр. 407.

то же время нельзя не признать, что союзы получили громадный толчокъ и распространеніе вслѣдствіе неудачи билля о реформѣ и что очень многія лица, ранѣе совсѣмъ къ тому не расположенныя, примкнули къ нимъ изъ желанія поддержать билль. Нельзя также отрицать, что средніе классы, показавшіе въ настоящее время столь похвальную готовность поддерживать авторитетъ правительства, одушевлены сильнѣйшимъ и почти единодушнымъ рвеніемъ къ достиженію реформы.... Какъ только вопросъ о реформѣ будетъ окончательно разрѣшенъ, вся здравомыслящая часть общества не только отпадетъ отъ этихъ союзовъ, но станетъ въ прямую оппозицію къ нимъ, такъ какъ всякій разумный человѣкъ пойметъ, что постоянное существованіе такихъ сообществъ опасно для спокойствія страны. При такихъ условіяхъ эти союзы долго не просуществуютъ и все, что представляетъ собой дѣйствительную силу и вліяніе въ обществѣ, присоединится къ правительству для ихъ подавленія ¹».

Между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ ноябрь приходилъ къ концу, а правительство ничѣмъ не выказывало намѣренія ускорить открытіе парламента для вторичной передачи билля въ палату лордовъ, нетерпѣніе народа все возрастало и количество образуемыхъ политическихъ союзовъ и ассоціацій все увеличивалось. Митинги графствъ слѣдовали одинъ за другимъ и во многихъ изъ нихъ принимали участіе наиболѣе видныя лица въ графствахъ, усиливая своимъ вліяніемъ движеніе въ пользу билля. Въ *Morning Chronicle* отъ 19 ноября говорится: «Теперь только и слышишь всюду о политическихъ союзахъ. Они появляются повсемѣстно во всей Англии, Шотландіи и Ирландіи, но всего болѣе въ Шотландіи». *Glasgow Evening Post* сообщала о Шотландіи: «въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селѣ возникаютъ политическіе союзы и если такъ будетъ продолжаться еще нѣсколько недѣль,

1. Correspondence of William IV and Earl Grey, т. I, стр. 410.

то скоро тамъ не будетъ угла безъ какого нибудь союза или организаціи, имѣющей въ виду сначала возстановленіе правъ народа, а затѣмъ и обновленіе негодныхъ и устарѣвшихъ учрежденій страны».

Далѣе Chronicle пишетъ: «Цѣль политическихъ союзовъ—во что бы то ни стало обезпечить успѣхъ реформы. Если реформа будетъ проведена немедленно, то ничего лучшаго нельзя и желать, но если возникнетъ какое нибудь непредвидѣнное затрудненіе, то надо ожидать, что союзы дадутъ почувствовать представителямъ власти, чтò значитъ сила сплоченнаго народа».

Въ виду всеобщаго напряженнаго состоянія умовъ, вызваннаго недоувѣріемъ къ палатѣ лордовъ и ожиданіемъ еще большаго обостренія борьбы, Бирмингамскій Союзъ рѣшилъ усовершенствовать свою организацію.

15 ноября вожди Союза предложили составленный въ этомъ направленіи проектъ, по которому всѣ члены союза распредѣлялись по мѣстнымъ кадрамъ подѣвѣдѣніемъ начальниковъ самыхъ разнообразныхъ градацій и наименованій и подчинялись строгой дисциплинѣ, при помощи которой вся эта коллективная физическая сила могла бы быть при первой необходимости приведена въ дѣйствіе. Этотъ планъ долженъ былъ служить образцомъ для организаціи цѣлаго ряда политическихъ союзовъ во всей странѣ.

Такая организація, значительно опередившая все, что до сихъ поръ дѣлалось въ этомъ направленіи, тотчасъ же обратила на себя вниманіе правительства.

16 ноября лордъ Грей писалъ министру внутреннихъ дѣлъ, лорду Мельбурну: «Эта новая организація не имѣетъ въ виду ни обсужденія общественныхъ вопросовъ, ни подачи петицій. Она имѣетъ военный характеръ и предназначена для активныхъ цѣлей, которыя теперь выставляются, какъ необходимая охрана общественнаго спокойствія, но легко могутъ быть направлены на совершенно инныя цѣли. Хотя Союзы не представляютъ изъ

себя правильно вооруженной арміи, но такъ какъ каждый членъ ихъ имѣетъ при себѣ оружіе и такъ какъ всѣ члены заранѣе распределены по десяткамъ, составляя изъ себя отряды, полки и дивизіи, то во всякій моментъ они могутъ превратиться въ правильно вооруженную и дисциплинированную силу. Мнѣ нечего объяснять вамъ всю опасность такого положенія, и вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, какъ съ этимъ быть ¹».

18 ноября лордъ Грей писалъ сэру Тэйлору: «Весь планъ учрежденія и организациі Бирмингемскаго Союза намъ извѣстенъ и опасный и противоконституціонный характеръ его не подлежитъ сомнѣнію ²».

По этому случаю было спрошено мнѣніе коронныхъ юристовъ, которые самымъ рѣшительнымъ образомъ высказались за незаконность предложенной организациі.

Найдя себѣ въ этомъ заключеніи поддержку, король издалъ 22 ноября прокламацію, въ которой объявлялось, что союзы или общества съ подобной организацией несогласны съ долгомъ подданнаго, идутъ въ разрѣзъ съ признанными основами конституціи и подрываютъ авторитетъ короля, какъ верховнаго главы государства; поэтому всякіе такіе союзы объявлялись противоконституціонными и противозаконными, и всѣмъ подданнымъ вмѣнялось въ обязанность не принимать въ нихъ никакого участія.

Повинуясь прокламаціи, Бирмингемскій Союзъ отказался отъ своего плана новой организациі. «Эта прокламація, говоритъ Аттвудъ, была принята не только безъ всякой враждебности, но скорѣе какъ благожелательная, умная и полезная мѣра со стороны министровъ, направленная ко благу народа».

Однако уже одно предложеніе такой организациі являлось событіемъ, надъ которымъ слѣдовало задуматься противникамъ реформы. Несмотря на встрѣченное пре-

1. Lord Melbourne's Papers, стр. 136.

2. Correspondence, etc., т. I, стр. 424.

пятствіе, Союзъ, сохранивъ свою прежнюю форму, не прекращалъ агитаціи, въ чемъ его примѣру слѣдовали и другіе союзы. Признаки нетерпѣнія все возрастали среди населенія, пока не было объявлено, что парламентъ для проведенія билля о реформѣ будетъ созванъ до Рождества.

Парламентъ собрался 5 декабря. Билль съ нѣкоторыми измѣненіями былъ снова внесенъ ¹, и 16 декабря прошелъ во второмъ чтеніи еще болѣе значительнымъ большинствомъ, чѣмъ прежде, а именно 324 голосами противъ 162, т. е. большинствомъ ровно двухъ третей. Вслѣдъ за этимъ засѣданія парламента были отсрочены до 17 января 1832 г.

Въ теченіе всего января страна оставалась спокойною, такъ какъ не было другихъ животрепещущихъ политическихъ вопросовъ, а относительно билля царило общее убѣжденіе, что онъ пройдетъ и въ третьемъ чтеніи. Въ серединѣ февраля стали однако обнаруживаться признаки нѣкотораго волненія, вслѣдствіе чего первый министръ, воспользовавшись 18 февраля обѣдомъ въ Mansion House, счелъ нужнымъ успокоить возникающее возбужденіе и опасеніе, при чемъ сказалъ ²: «Никто не станетъ отрицать, что министры должны преодолѣть большія затрудненія, но вполне оцѣнить ихъ могутъ только тѣ, которые сами борются вмѣстѣ съ ними. Однако можно надѣяться, что все таки удастся восторжествовать.... Мнѣ извѣстно, съ какой тревогой общество ждетъ разрѣшенія этого вопроса, и я не допускаю сомнѣнія въ томъ, что это всеобщее желаніе получить удовлетвореніе, такъ какъ великая реформа очевидно близится къ своему осуществленію. Страна можетъ быть увѣрена, что и я, и мои товарищи министры, приложимъ всѣ усилія для содѣйствія этому великому дѣлу и всѣ мы по совѣсти можемъ

1. Самое серьезное измѣненіе заключалось въ отмѣнѣ прежняго предложенія объ уменьшеніи числа членовъ парламента.

2. The Times, 20 февраля 1832 г.

сказать, что не мы виновники его замедленія. Мы старались по возможности ускорить ходъ его въ парламентъ и я надѣюсь, что не далеко уже тотъ часъ, когда мы будемъ имѣть возможность поздравить другъ друга съ его окончаніемъ».

Плэсъ, говоря объ этомъ времени, пишетъ: «Народная масса выказывала твердую рѣшимость, что или билль о реформѣ пройдетъ въ парламентъ, или же, въ случаѣ вторичной неудачи, народъ самъ возьметъ за проведеніе его съ помощью физической силы и тогда получить гораздо больше того, что предлагалось биллемъ. Какъ мы увидимъ, такая рѣшимость дѣйствительно существовала, а потому было во всѣхъ отношеніяхъ желательно не доводить дѣла до такой крайности и, за исключеніемъ немногихъ, всѣ желали избѣгнуть этой необходимости¹».

23 марта снова проведенный черезъ нижнюю палату билль о реформѣ перешелъ въ палату лордовъ, при самомъ напряженномъ состояніи умовъ. Второе чтеніе было назначено на 9 апрѣля. Въ теченіе нѣсколькихъ дней судьба билля колебалась, и съ той и съ другой стороны высказывалось по поводу его все, что можно было сказать. Наконецъ пренія закончились и сцена, которою заключилась эта на вѣки памятная борьба, была поразительно эффектна. Пренія длились всю ночь на пролетъ, одинъ ораторъ смѣнялъ другого. Наконецъ всталъ первый министръ, лордъ Грей, ветеранъ реформы, отдавшій всѣ свои силы на ея защиту. Онъ долженъ былъ резюмировать пренія и закончить ихъ. Было очень поздно; онъ началъ свою рѣчь «при чуть брежжившей зарѣ» и кончилъ «когда солнце уже ярко сіяло», какъ бы знаменуя собою моментъ перехода великой націи къ полной возмужалости и силѣ. 14 апрѣля въ 7 часовъ утра верхняя палата приступила къ голосованію; насталъ рѣшительный моментъ и 184 голоса высказалось за второе чтеніе, а 175—противъ. Такимъ образомъ палата лордовъ только

1. Рукописи Плэса, стр. 291.

незначительнымъ большинствомъ девяти голосовъ приняла билль во второмъ чтеніи.

Нѣтъ возможности передать, какія чувства переживала вся страна въ эти рѣшающіе, критическіе дни. Боясь за участь билля, она зорко и ревниво слѣдила за всѣми его стадіями: рѣшеніе, правда, оказалось въ пользу билля, но при такомъ ничтожномъ перевѣсѣ въ голосахъ, что никоимъ образомъ нельзя было считать его судьбу обезпеченной; страна не могла успокоиться и, опасаясь малодушія со стороны министровъ или присоединившихся къ нимъ лордовъ, она снова заговорила.

Опять стали собираться митинги, чтобы произвести давленіе на лордовъ и побудить ихъ провести билль безъ измѣненій. Въ Единбургѣ 24 апрѣля собрался митингъ изъ 50.000 человекъ, отъ имени которыхъ была послана петиція лордамъ о томъ, чтобы они приняли билль. Было еще много и другихъ митинговъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ не безъ зловѣщаго сарказма требовали еще болѣе широкой реформы, чѣмъ то, что давалось биллемъ. У всѣхъ у нихъ былъ одинъ лозунгъ: «билль или нѣчто большее, чѣмъ билль!». Къ пасхальнымъ вакаціямъ билль оказался въ томъ же положеніи, что только усилило народныя демонстраціи въ пользу ускоренія дѣла.

Такъ какъ враги реформы стали увѣрять, что въ общественномъ мнѣніи успѣлъ уже произойти поворотъ и что наступило нѣкоторое охлажденіе къ участи билля, то Бирмингамскій Союзъ рѣшилъ сокрушить своимъ отвѣтомъ эту клевету и собралъ 7 мая въ Бирмингамѣ «такой митингъ сторонниковъ реформы, который по своей численности и силѣ, по своему единодушію и энтузіазму, по порядку, дисциплинѣ и рѣшительности превосходилъ все до сихъ поръ видѣнное въ Англійи и, можно сказать, въ цѣломъ свѣтѣ ¹».

«Митингъ имѣлъ въ виду опровергнуть всѣ лживыя

1. См. The Times, 9 мая 1832.

и ни на чемъ не основанныя заявленія о равнодушїи общественнаго мнѣнія къ великому дѣлу реформы» и вотировать петицію, чтобы убѣдить лордовъ принять билль. Съ самаго ранняго утра народъ сталъ собираться около подмостковъ, а къ десяти часамъ начали прибывать члены политическихъ союзовъ.

Великій Сѣверный Отдѣлъ Союза по минимальному исчисленію насчитывалъ до 100.000 участниковъ, такъ что процессія его растянулась больше чѣмъ на четыре мили; его сопровождало одинадцать оркестровъ и 150 знаменъ. Великій Западный Отдѣлъ занялъ двѣ мили и шелъ съ девятью оркестрами и семьюдесятью знаменами. Восточный—съ восемью оркестрами, тридцатью знаменами; онъ насчитывалъ около 5.000 человѣкъ. Великій Южный Отдѣлъ состоялъ изъ 20.000 человѣкъ, имѣлъ шесть оркестровъ и двѣнадцать знаменъ. Эти цифры не включаютъ въ себѣ населенія самого Бирмингама, въ которомъ было до 140.000 жителей. «Въ общемъ присутствовало до 200 оркестровъ и надъ всей массой народа развѣвалось отъ 700 до 1.000 знаменъ».

Аттвудъ былъ выбранъ предсѣдателемъ. «Враги народа, сказалъ онъ, увѣрили лордовъ, что страна равнодушна къ этому великому дѣлу. Когда мы не собираемъ митинговъ, намъ говорятъ, что мы равнодушны; когда собранные нами митинги малочисленны, намъ говорятъ, что такіе митинги не имѣютъ значенія; когда же мы сходимся массаами, намъ говорятъ, что мы бунтуемъ и хотимъ кого то устрасить....» Онъ тутъ же добавилъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ примирится съ отклоненіемъ билля о реформѣ или съ измѣненіемъ его основныхъ положеній. Эти слова были покрыты «криками восторга, долго не умолкавшими».—«Я утверждаю, воскликнулъ Аттвудъ»,—и эти слова его были совершенною правдою,—«что вся Англія въ эту минуту стоитъ въ ожиданіи, какъ стая борзыхъ на сворахъ», и что если нашъ возлюбленный монархъ только скажетъ слово самъ,

или если даже произнесетъ его нашъ Союзъ отъ имени или съ согласія короля, то произойдетъ такое зрѣлище, которое по своей грандіозности превзойдетъ все, что когда либо происходило....

«Дайте намъ такую палату общинъ, которая дѣйствительно представляла бы собой всѣ общины Англии и олицетворяла бы чувства и интересы этихъ общинъ,— тогда жизнь Англии потечетъ правильно. А теперь позвольте мнѣ разъяснить вамъ, какое громадное значеніе имѣли сдержанность, порядокъ и строгое подчиненіе закону, которыхъ до сихъ поръ вы неизмѣнно держались: безъ нихъ, безъ этихъ великихъ качествъ, мы бы навѣрное проиграли наше дѣло. Держась въ предѣлахъ закона, народъ обладаетъ силою великана, выступая же изъ этихъ предѣловъ, онъ становится слабъ, какъ младенецъ. Посмотрите, какія неимовѣрныя силы удалось собрать этому митингу совершенно мирнымъ и законнымъ путемъ....

«До сихъ поръ мы ограничивали нашу дѣятельность своимъ и сосѣдними съ нимъ городами. Предположите теперь, что мы рѣшились поднять знамя нашего Бирмингемскаго Союза въ Лондонѣ, и девять десятыхъ всего населенія великой столицы отвѣтитъ на нашъ зовъ во всякій моментъ, когда бы мы ни развернули это знамя именемъ короля и закона....

«Все ваше будущее и будущее страны въ данную минуту находится въ рукахъ палаты лордовъ, и сегодня мы собрались только для того, чтобы исполнить свой долгъ по отношенію къ судьбамъ нашей родины. Если это верховное собраніе не исполнитъ своего долга относительно насъ и нашей страны, то вся тяжелая отвѣтственность за тѣ ужасныя послѣдствія, которыя могутъ отсюда произойти, падетъ всецѣло на него».

Послѣ Аттууда говорили другіе ораторы. По окончаніи рѣчей всѣми присутствовавшими была громогласно произнесена клятва, начинавшаяся словами: «Съ ненару-

шимой вѣрностью, какія ни ожидали бы насъ опасности или лишенія, мы отдаемъ себя и нашихъ дѣтей на защиту нашего отечества»... Слова эти сопровождались восторженными криками и маханіемъ шляпъ, послѣ чего толпа спокойно разошлась по домамъ.

Какъ разъ въ этотъ день, 7 мая, въ верхнюю палату должно было быть внесено предложеніе о превращеніи палаты въ комитетъ для окончательнаго обсужденія билля. Силы обѣихъ сторонъ были почти равныя. Плэсъ рисуеть намъ захватывающую картину настроенія общества въ этотъ моментъ. «Въ тотъ день, пишетъ онъ, возбужденіе общества достигло наивысшей своей точки. Всѣ бросили свои обычныя занятія, какъ въ праздничный день, и озабоченность проявлялась, какъ на всѣхъ лицахъ, такъ и во всѣхъ словахъ и поступкахъ. Повседневныя дѣла и интересы были забыты и общее настроеніе какъ бы выражалось словами: подождемъ до завтра, нынѣшній день проведемъ какъ придется: все равно мы не въ состояніи ни думать, ни заниматься дѣломъ, пока не узнаемъ объ окончательной судьбѣ билля о реформѣ¹».

Жребій былъ брошенъ; наиболѣе близорукая и крѣпко державшаяся за свои привилегіи часть пэровъ оказалась слѣпа къ демонстраціямъ и глуха къ голосу народа. Въ комитетъ было внесено одно предложеніе, на которое правительство не могло согласиться и принятіе котораго оно объявило равносильнымъ отверженію билля. Несмотря на это заявленіе и какъ бы на зло ему, предложеніе было принято большинствомъ 35 голосовъ. Тогда министры, прибѣгнувъ къ послѣднему еще оставшемуся средству, посовѣтывали королю немедленно назначить столько новыхъ пэровъ, сколько нужно было, чтобы парализовать оппозицію верхней палаты. Король въ послѣднюю минуту отступилъ передъ этимъ шагомъ и лордъ Грей со всѣмъ кабинетомъ подалъ въ отставку.

1. Рукописи Плэса, стр. 203 и 204.

Подобно тому, какъ рѣзкій гулъ приближающагося землетрясенія выгоняетъ на улицы всѣхъ городскихъ жителей безпорядочными массами, такъ извѣстіе о томъ, что биллю о реформѣ грозитъ опасность, согнало почти все населеніе на публичные митинги. Снова собирались десятки и сотни тысячъ жителей, и не было города, не было такого мѣста, которое не примкнуло бы къ выраженію національнаго негодованія. Со всѣхъ сторонъ раздались рѣшительные голоса ораторовъ, и отовсюду сбѣгавшійся народъ встрѣчалъ съ все возрастающимъ восторгомъ и криками одобренія ихъ совѣты и увѣщанія твердо идти до конца. Дѣло принимало очень серьезный оборотъ; такого возбужденія никогда еще не было въ странѣ. Палата общинъ была завалена ходатайствами и совѣтами отказать правительству въ денежныхъ средствахъ. Всюду выражалась рѣшимость прекратить уплату податей. Движеніе формулировалось теперь въ краткомъ и многозначительномъ лозунгѣ—No bill, no taxes (нѣтъ билля, нѣтъ податей!) и явные, недвусмысленные намеки на необходимость запасаться оружіемъ встрѣчали зловѣщее одобреніе.

Плэсъ говоритъ: «Нельзя было ни минуты сомнѣваться, что по первому данному сигналу народъ возстанетъ ¹».

Къ счастью, оказалось достаточно демонстрацій платформы ². Вождь торіевъ, герцогъ Веллингтонъ, на просьбу короля сформировать кабинетъ, объявилъ, что онъ не въ состояніи сдѣлать этого и прежніе министры были снова призваны къ управленію. Вступая въ должность, они заявили, «что согласились остаться на своемъ посту,

1. Рукописи Плэса, стр. 142.

2. Съ 9 по 19 мая въ Times и Morning Chronicle упоминается о 201 митингѣ, но списокъ этотъ далеко не полонъ, какъ это видно изъ постоянныхъ заявленій этихъ же газетъ о физической невозможности доставлять читателямъ свѣдѣнія, или хотя бы даже упоминать, о всѣхъ происходящихъ митингахъ. 290 петицій было представлено палатѣ общинъ между 8 и 23 мая по вопросу о прекращеніи выдачи денежныхъ средствъ на управленіе. I b i d., стр. 317.

такъ какъ полагаютъ, что заручились всѣми необходимыми средствами для проведенія билля».

Вслѣдъ за симъ возобновилось и обсужденіе билля въ палатѣ лордовъ, а такъ какъ многіе изъ пэровъ торійской партіи рѣшили уклониться отъ дебатовъ и голосованія, то на этотъ разъ билль очень скоро былъ принятъ верхней палатой и 7 іюня, послѣ утвержденія его королемъ, получилъ силу закона. Побѣда была одержана, народъ торжествовалъ!

Мы можемъ закончить исторію этого великаго движенія описаніемъ одного эпизода. Когда извѣстіе о принятіи билля достигло Бирмингама, въ тотъ же день собрался экспромтомъ для празднованія этого событія громадный митингъ 40 или 50.000 человѣкъ. По обыкновению, предсѣдательствовалъ Атвудъ. Онъ всталъ среди оглушительныхъ и восторженныхъ криковъ толпы и, подойдя къ краю подмостковъ, обратился къ народу съ слѣдующими словами: «дорогіе друзья, я преисполненъ безконечной благодарности къ Всемогущему Богу за то, что мы избѣжали самой ужасной революціи, и не могу не выразить желанія, чтобы стоящее возлѣ меня духовное лицо публично воздало благодареніе нашему Милосердому Создателю за торжество нашего праваго дѣла».

Всѣ присутствовавшіе мгновенно обнажили головы, водворилась мертвая тишина, среди которой пасторъ Гуттонъ съ глубокимъ чувствомъ произнесъ слѣдующее: «Великій Боже, направляющій всѣ дѣла человѣческія, воззри на благодарный и ликующій народъ Твой, нынѣ преклоняющійся передъ Тобою, какъ передъ источникомъ всѣхъ благъ. Мы благодаримъ Тебя за дарованное намъ избавленіе и великую, безкровную побѣду. Дай Боже, чтобы мы вполнѣ воспользовались великими правами, которыя Ты даровалъ намъ, и чтобы мы обезпечили ихъ за собою и дѣтьми нашими къ Твоей славѣ и къ общему благу человечества».

ГЛАВА XVI.

ПЛАТФОРМА ПОСЛѢ АКТА О РЕФОРМѢ.

Въ краткомъ очеркѣ невозможно перечислить всѣ послѣдствія великой борьбы за реформу и всѣ перемѣны, созданныя актомъ 1832 г. о парламентской реформѣ.

Въ статьѣ, писанной въ то время, когда еще не утикли шумъ и пыль борьбы, *Times* говоритъ ¹: «Только что окончившаяся парламентская сессія совершила безъ общественныхъ смутъ и междоусобнаго кровопролитія величайшую политическую революцію. Она вырвала изъ рукъ наглой и властолюбивой олигархіи узурпированную ею власть и передала ее въ руки народа. Благодаря ей распоряженіе національными силами и богатствами страны и привилегія законодательной работы въ соотвѣтствіи съ ея интересами, которыя до сихъ поръ присвоивала себѣ кучка людей, исполненныхъ предразсудковъ и эгоизма, и продажныхъ торговцевъ гнилыми мѣстечками, перешли къ представителямъ собственности, знанія и ума. Она возстановила людей въ ихъ гражданскихъ правахъ и внушила имъ преданность конституціи, сдѣлавъ ихъ участниками ея благъ; эта реформа, давая возможность соглашенія противоположныхъ взглядовъ враждебныхъ партій законодательнымъ путемъ, сдѣлала почти невозможными внутреннія гражданскія неурядицы и открыла

¹. *Times*. 17 августа 1832 г.

путь всѣмъ соціальнымъ улучшеніямъ, на какія способенъ дѣятельный и предприимчивой народъ».

Однако много лѣтъ должно было пройти прежде чѣмъ эта громадная перемѣна могла быть оцѣнена во всемъ ея значеніи; можно сказать, что даже и въ настоящее время мы врядъ ли способны обнять всѣ ея послѣдствія.

Справедливо было сказано, что великій Актъ «былъ въ области политической жизни тѣмъ же, чѣмъ была Реформація въ области религіозной; онъ поставилъ въ основу ея разумъ вмѣсто авторитета ¹». Несомнѣнно, что съ момента парламентской реформы страна вступила на совершенно новый путь, и опытъ позднѣйшихъ лѣтъ вполне подтвердилъ всю мудрость и правильность этого великаго рѣшенія.

Я полагаю, не будетъ преувеличеніемъ сказать, что этотъ законодательный актъ совершилъ революцію, болѣе естественную по ея характеру и болѣе долговѣчную по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ всѣ революціи, совершавшіяся на континентѣ,—революцію не разрушенія, каковою была та, которая перевернула Францію, но величайшую и наиболѣе желательную изъ всѣхъ,—революцію прогресса.

Правительственная власть, столь долгое время находившаяся въ рукахъ короны и весьма ограниченнаго класса людей, перешла теперь къ многочисленному среднему классу Англіи и первый шагъ къ тому, чтобы поставить,—какъ оно и должно быть,—верховнымъ правителемъ страны народъ, былъ сдѣланъ. Участіе платформы въ дѣлѣ осуществленія этой великой революціи такъ громадно, что здѣсь не можетъ быть преувеличенія.

Со временъ Чатама вопросъ о реформѣ неизмѣнно поддерживался и проводился платформою, несмотря на многократныя пораженія даже со стороны народной палаты парламента. Платформа не давала ему замирать и передавала его отъ поколѣнія къ поколѣнію, несмотря на

¹. Edinburgh Review, апрѣль 1845 г., т. LXXXI, стр. 532.

всевозможные репрессивные законы противъ свободы собраній и слова, несмотря на пріостановку дѣйствія *Habeas Corpus Act'a* и на все, что только могла измыслить диктаторская власть правящей олигархіи.

При прежнихъ движеніяхъ къ платформѣ прибѣгала сначала одна часть общества, затѣмъ другая, но никогда еще она не служила всему народу въ его совокупности. Въ данномъ же случаѣ ею пользовался весь народъ, и она получила непреодолимую силу.

Сама по себѣ, палата общинъ, даже послѣ того, какъ она склонилась въ пользу реформы, никогда не была бы въ состояніи провести ее въ виду оппозиціи торійской партіи и палаты лордовъ. Только платформа могла заставить министровъ обратить вниманіе на требованія народа и, разъ что они это сдѣлали, только она одна своими внушительными митингами, своимъ рѣшительными заявленіями, могла заставить палату общинъ принять предложенія министерства и, когда это было сдѣлано, принудить къ тому же и еще болѣе упорную палату лордовъ.

Быть можетъ самымъ поразительнымъ въ этомъ великомъ переворотѣ является то, что онъ совершился мирно и безъ кровопролитія, такъ какъ бывшихъ при этомъ смертоубійствъ такъ мало, что о нихъ не стоитъ и упоминать. Хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и происходили беспорядки, но они не принимали крупныхъ размѣровъ; нигдѣ народъ не вооружался большими массами, не было ни кровавыхъ столкновеній съ военною силою, ни баррикадъ, какъ это происходило въ другихъ странахъ.

Это поразительное отсутствіе насилія и кровопролитія, это необычайное спокойствіе и самообладаніе конечно отчасти объясняются высокимъ развитіемъ чувства законности и любви къ порядку, которыя составляетъ отличительную черту характера англійскаго народа. Но въ еще большей стѣпени слѣдуетъ приписать это платформѣ, которая уже столько лѣтъ гласно и открыто обсуждала этотъ вопросъ, противопоставляя однимъ разсужденіямъ

другія, пока общество мало по малу не привыкло рѣшать спорные вопросы не кулачной расправой, а доводами разума, твердо уповая на конечное торжество истины, справедливости и права.

Плэсъ, мнѣніе котораго въ этомъ отношеніи достаточно авторитетно, вполне подтверждаетъ все вышесказанное объ удивительныхъ свойствахъ, проявленныхъ въ этомъ случаѣ англійскимъ народомъ. «Всякій, кто только потрудится вполне уяснить себѣ условія и обстоятельства дѣла, весь многообразный гнетъ церкви, государства, корпорацій, всѣ тѣ безчисленныя явленія общественной жизни, которыя неизбежно должны были дѣйствовать деморализующимъ образомъ на народъ, стоявшій въ зависимости отъ церкви, государства, корпорацій и иныхъ, по существу враждебныхъ всякому преобразованію, учреждений,—тотъ долженъ будетъ признать, что вынуждаемый къ самозащитѣ, какъ былъ вынуждаемъ англійскій народъ, встрѣчая то противодѣйствіе, которое онъ встрѣчалъ, рискуя тѣми опасностями, которыхъ дѣйствительно и не избѣгли очень многіе за свое участіе въ общественныхъ дѣлахъ и принимая во вниманіе его полное сознаніе своей силы,—этотъ народъ велъ свое дѣло такъ разумно и такъ цѣлесобразно, какъ этого не дѣлалъ ни одинъ народъ въ мірѣ поставленный въ подобныя же условія и столь же сознающій свое могущество, какъ сознавалъ его англійскій народъ во время борьбы за билль о реформѣ ¹».

Долгіе годы борьба велась между правомъ и силою; наконецъ, благодаря главнымъ образомъ платформѣ, и право и сила оказались на одной сторонѣ и борьба прекратилась, реформа была отвоевана и широко распахнула народу путь къ дальнѣйшему прогрессу.

Первымъ и важнѣйшимъ результатомъ агитаціи за реформу было формальное признаніе платформы, которая теперь заняла мѣсто среди основныхъ учрежденій Англии,

¹. Рукописи Плэса, 27,789, стр. 391.

явилась однимъ изъ факторовъ управленія. Она была испытана на дѣлѣ и оказалась могущественнымъ орудіемъ власти въ рукахъ народа, который имѣлъ полную возможность убѣдиться, насколько она ему полезна во всѣхъ его нуждахъ, какъ самое пригодное оружіе и нападенія и защиты. При этомъ она вполне отвѣчала основнымъ чертамъ характера англійскаго народа; она проникнута духомъ свободы и въ послѣдніе годы сильнѣйшей агитаціи она сдѣлалась неотъемлемою частью общественной жизни; она одержала побѣду надъ непобѣдимою до сихъ поръ властью торійской партіи и стала отнынѣ великою силою въ государствѣ.

Оглядываясь назадъ на эту знаменательную эпоху при свѣтѣ, бросаемомъ на нее всей послѣдующей исторіей, мы ясно видимъ, что задача, къ которой приступалъ въ то время англійскій народъ, состояла въ томъ, чтобы въ рамкахъ существующей конституціи выработать такую систему управленія, при которой желанія и мнѣнія народа преобладали бы надъ всѣмъ другимъ, т. е. систему, которая обезпечивала бы самое широкое самоуправленіе или, говоря иными словами, дѣлала бы народъ и законодателемъ и исполнителемъ закона. Брайсъ, въ своемъ обширномъ трудѣ, *Американская республика*, ясно показываетъ, что въ этомъ заключается основная идея американской конституціи ¹.

«Выраженіе Управленіе общественнаго мнѣнія», говоритъ онъ, всего болѣе примѣнимо къ такой системѣ, при которой воля народа непосредственно и непрестанно воздѣйствуетъ на законодательные и исполнительные ея органы. Правительство можетъ быть либеральнымъ и хорошимъ и безъ такого постоянного непосредственнаго контроля. И тѣмъ не менѣе, въ этомъ состоитъ та цѣль, къ которой неизбѣжно приводятъ всякій свободный народъ расширеніе избирательнаго права, облегченіе всякаго рода общенія и укрѣпленіе привычки къ самоуправленію.

¹. *The American Commonwealth*, Джемса Брайса, т. III, стр. 24.

Можно даже сказать, что одною изъ главныхъ задачъ ихъ является именно созданіе наилучшихъ способовъ возможно болѣе полного выраженія, болѣе быстрого выясненія народной воли и обезпеченіе того, чтобы она встрѣчала немедленное и вполнѣ добровольное повиновеніе. Когда вся нація сама слѣдитъ за движеніемъ механизма и направляетъ своихъ механиковъ, то этимъ самымъ предупреждаются всякія нежелательныя задержки и скачки, и проистекающая отсюда трата силы. Къ этой цѣли американцы всегда неуклонно шли твердыми шагами, и сознательно и безсознательно; и ни одинъ народъ въ мірѣ не подошелъ къ ней такъ близко, какъ они».

Къ этой же цѣли шелъ и англійскій народъ, также «и сознательно и безсознательно», и ясное пониманіе этого факта служить намъ ключемъ къ объясненію возникновенія, развитія и необыкновеннаго могущества и популярности платформы. Народъ хотѣлъ, и хочетъ понынѣ, не только самъ создавать для себя законы, но и имѣть непосредственный контроль надъ своими исполнительными органами. Онъ созналъ свое право на это и твердо вознамѣрился добиться его осуществленія. Но англійскому народу приходилось добиваться этой цѣли иными путями и при иныхъ условіяхъ, чѣмъ американцамъ. У послѣднихъ имѣлся чистый листъ пергамента, на которомъ они могли вписать любую систему, представлявшуюся имъ болѣе подходящею для осуществленія ихъ идей. Англичане же не имѣли подобнаго блага листа. Имъ приходилось вести борьбу противъ законовъ и учрежденій, унаслѣдованныхъ ими отъ далекаго прошлаго, противъ власти, которая не только связывала ихъ, но неустанно и неуклонно противоудѣйствовала ихъ стремленіямъ, и имъ волей не волей приходилось ограничивать свои старанія строго очерченными рамками существующей конституціи: короля, лордовъ и общинъ. Всякое уклоненіе отъ этого пути подвергало ихъ обвиненію

въ государственной измѣнѣ. Въ высшей степени замѣчательно, что во всѣхъ бывшихъ до настоящаго времени движеніяхъ не проявилось ни малѣйшаго стремленія измѣнить форму конституціи. Самыя крайнія желанія не шли дальше всеобщей подачи голосовъ и ежегодныхъ парламентовъ,—желанія, вызывавшія со стороны противниковъ обвиненія въ революціонныхъ стремленіяхъ. Теоретически, однако, какъ то, такъ и другое было вполне осуществимо и безъ ниспроверженія существующихъ конституціонныхъ формъ, хотя несомнѣнно это значительно измѣнило бы равновѣсіе между основными элементами управленія. Но именно такое измѣненіе и было необходимо для осуществленія народныхъ стремленій. Система равнаго и соразмѣрнаго раздѣленія власти между короной, палатой пэровъ и палатою общинъ была очень привлекательна и удобна для короны и пэровъ, но она не соотвѣтствовала интересамъ народа или общинъ. О насильственной революціи, однако же, не только никогда не помышляла сколько нибудь значительная партія, но она была дѣйствительно невозможна; сторонники реформы безошибочно и инстинктивно чувствовали, что единственный правильный и возможный путь для достиженія желаемой цѣли самоуправленія есть путь черезъ палату общинъ. Разъ они обезпечатъ себѣ абсолютное большинство въ палатѣ общинъ, они сдѣлаются хозяевами положенія и будутъ имѣть полную возможность идти къ своимъ дальнѣйшимъ цѣлямъ. Вникнувъ такимъ образомъ глубже въ истинный смыслъ и значеніе того великаго принципа, который вдохновлялъ агитацію въ пользу реформы, мы будемъ въ состояніи лучше понять и жаркій характеръ борьбы.

Въ *Quarterly Review* 1831 г. находимъ любопытную иллюстрацію того ужаса, который внушали новыя перспективы народнаго управленія въ тѣхъ слояхъ общества, въ рукахъ которыхъ была до сихъ поръ монополизирована власть.

«Какимъ образомъ, спрашиваетъ съ недоумѣніемъ и ужасомъ авторъ, возможно будетъ противустоять какимъ бы то ни было желаніямъ народа, т. е. избирателей, или хотя бы оспаривать ихъ, опираясь на устанавливаемые министрами и провозглашаемые именемъ монарха, принципы? Если голосъ народа, даже и при нынѣшней системѣ представительства, оказывается всемогущимъ по вопросу о реформѣ, если воля его является рѣшающею въ вопросѣ теоретическомъ,—то какимъ образомъ возможно противустоять ей въ какомъ бы то ни было практическомъ вопросѣ,—вопросѣ о хлѣбныхъ законахъ, о десятинномъ сборѣ, о положеніи церкви, о всевозможныхъ налогахъ, о равномерномъ распредѣленіи повинностей, объ общественномъ кредитѣ, о рабовладѣніи, о надобности или ненадобности сохраненія восточныхъ и западныхъ колоній, объ арміи, о флотѣ, о правѣ первородства, о раздѣленіи собственности, о выгодѣ или невыгодѣ Союзовъ, о баллотировкѣ, о всеобщей подачѣ голосовъ, о пользѣ наследственной пэри, и въ концѣ концовъ о необходимости наследственной монархіи? Съ пробужденіемъ идеи о реформѣ всѣ эти вопросы утратили свою незыблемость и волнуютъ умы ¹».

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ,—отвѣтомъ, становившимся съ годами все болѣе категорическимъ, было: «Воля или желаніе народа не должны встрѣчать сопротивленія». Голосъ народа во всѣхъ этихъ, какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ, вопросахъ долженъ несомнѣнно имѣть рѣшающее и безапелляціонное значеніе».

Англійскій народъ оказался на перепутьи 'двухъ дорогъ, которыя Каннингъ ² назвалъ «ограниченною монархіею» и «коронованною республикою», и выбралъ послѣднюю. Въ этомъ и заключалось главное значеніе агитации за реформу.

¹. The Quarterly Review, т. XLV, стр. 539, 1831 г.

². Рѣчь въ Манчестерѣ 31 октября 1812 г., см. сочиненіе К а у е'а Canning, стр. 78,79.

Самымъ простымъ и дѣйствительнымъ средствомъ къ достиженію желаемой цѣли было для народа воздѣйствіе на палату общинъ, а такъ какъ такое воздѣйствіе могло въ свою очередь быть достигнуто только воздѣйствіемъ на отдѣльныя составныя части ея, то главныя усилія его и были направлены на приобрѣтеніе контроля надъ тѣми, кто являлся его представителями.

Разсматривая этотъ вопросъ, необходимо имѣть ясное представленіе о томъ, въ чемъ собственно состоятъ истинные принципы и сущность «представительнаго правленія».

Лордъ Брумъ, въ своемъ сочиненіи объ англійской конституціи ¹, даетъ очень ясное опредѣленіе этихъ принциповъ. «Сущность представительства, говоритъ онъ, заключается въ томъ, что народъ отрѣшается отъ своей власти и передаетъ ее на опредѣленный срокъ представителю, избранному народомъ, и этотъ представитель долженъ выполнять тѣ функціи управленія, которыя безъ этой передачи выполнялись бы самимъ народомъ. Изъ совокупности всѣхъ этихъ элементовъ и образуется представительство». Затѣмъ онъ подробно говоритъ объ отдѣльныхъ частяхъ этого опредѣленія, какъ бы разсѣкая ихъ.

1. «Носитель власти долженъ отрѣшиться отъ нея и передать ее. Представительства не будетъ, если избиратели сохраняютъ за собою такой контроль, что они какъ бы дѣйствуютъ сами. Они могутъ сноситься съ своимъ делегатомъ, сообщать ему о своихъ желаніяхъ, мнѣніяхъ, нуждахъ; могутъ выражать свое сужденіе о его политическомъ образѣ дѣйствій; они могутъ даже требовать отъ него, чтобы онъ слѣдовалъ ихъ указаніямъ, предупреждая, что, если онъ будетъ противиться, то лишится ихъ довѣрія, и они не изберутъ его снова своимъ представителемъ. Но дѣйствовать долженъ онъ, а не они; онъ долженъ дѣйствовать за нихъ, а не они сами

¹. The British Constitution, гл. III.

за себя. Если же они вмѣшиваются непосредственно и берутъ власть въ свои руки, то этимъ не только уничтожается главный смыслъ представительства, но вводится такая смута, которая дѣлаетъ представительство скорѣе вреднымъ, нежели полезнымъ.

2. «Народная власть должна быть передаваема на ограниченное время. Это существенная сторона системы... Если полномочія делегатовъ будутъ даваться безсрочно, то собраніе представителей сдѣлается олигархією, правда, выборною, но тѣмъ не менѣе олигархією, а не представительнымъ органомъ.

3. «Власть должна быть передаваема на опредѣленный срокъ депутатамъ, избраннымъ народомъ. Это представляетъ собою наиболѣе существенное условіе. Если бы депутаты назначались кѣмъ нибудь, кромѣ самого народа, то это былъ бы конецъ представительства;—власть народа была бы узурпирована и отнята у него.

4. «Наконецъ, представители должны выполнять ту роль въ управленіи, которая иначе выполнялась бы самимъ народомъ».

Нѣсколько далѣе Брумъ дѣлаетъ еще добавленіе къ этому опредѣленію. Онъ снова высказываетъ положеніе, что представительство состоитъ въ томъ, что «народъ отрѣшается отъ своей власти и передаетъ ее на опредѣленный срокъ депутатамъ избраннымъ имъ самимъ» и прибавляетъ: «депутаты проявляютъ эту власть вмѣсто народа въ полной и неограниченной мѣрѣ».

Если такова дѣйствительно сущность представительнаго правленія, а я думаю, она въ главныхъ чертахъ такова и есть, то не подлежитъ сомнѣнію, что она во многомъ не согласуется съ требованіями демократіи.

Опасность этого положенія была прекрасно выражена въ 1812 г. въ превосходной статьѣ въ *The Edinburgh Review*¹: о «Правахъ и обязанностяхъ народа», и я не могу сдѣлать ничего лучше, какъ цитировать ее.

¹. *The Edinburgh Review*, т. VII, стр. 405, ноябрь 1812.

«Делегированіе величайшаго изъ полномочій—правительственной власти непременно подразумеваетъ передачу самой функціи управленія, а вмѣстѣ съ функціей и значительной доли власти, что предоставляетъ народъ въ извѣстной мѣрѣ на произволъ тѣхъ, кого онъ облакаетъ этими полномочіями, въ теченіе всего срока послѣднихъ. Отсюда проистекаетъ опасность злоупотребленія со стороны этихъ уполномоченныхъ ввѣренною имъ властью въ смыслѣ ослабленія народнаго контроля надъ ними и присвоенія ими себѣ такой силы и такой безотвѣтственности, при которыхъ лишеніе ихъ полномочій становится затруднительнымъ. Изъ этого вполне очевидно, что въ государствѣ, подобномъ Англии, конституція должна болѣе всего остерегаться всякаго шага къ независимости со стороны представителей, — всякой попытки ихъ къ приобрѣтенію самостоятельной власти».

Задача, которую теперь предстояло разрѣшить англійскому народу, была совершенно новою задачею во всей исторіи государственнаго управленія, а именно возможно ли для демократіи, и въ какой мѣрѣ, при сохраненіи представительной системы правленія, короны и верхней палаты, отвоевать себѣ абсолютное самоуправленіе и верховный контроль надъ управленіемъ страню какъ во внутреннихъ дѣлахъ, такъ и во енѣшнихъ отношеніяхъ.

Эта задача, казавшаяся почти неразрѣшимю, была рѣшена въ значительной мѣрѣ благодаря созданію контроля надъ представителями въ лицѣ платформы, контроля, выражающагося двойнымъ образомъ: во первыхъ, путемъ публичнаго требованія отъ нихъ обязательствъ передъ избраніемъ и вовторыхъ, путемъ воздѣйствія на нихъ во время самыхъ парламентскихъ сессій, если въ томъ оказывается надобность.

Я уже имѣлъ случай говорить о взглядахъ, господствовавшихъ въ разное время по вопросу объ обязательствахъ и объ отвѣтственности передъ избирателями, и какъ съ теченіемъ времени взгляды эти все болѣе и

болѣе измѣнялись въ пользу большей зависимости представителя отъ избирателей. Что принципъ отвѣтственности передъ избирателями 1829 г. сознавался въ гораздо болѣе мѣрѣ, чѣмъ когда-либо прежде, доказывается тѣмъ, что сэръ Робертъ Пиль, рѣшивъ внести въ парламентъ предложеніе объ эмансипаціи католиковъ, счелъ себя обязаннымъ отказаться отъ представительства Оксфордскаго университета. Онъ самъ слѣдующимъ образомъ изложилъ мотивы своего образа дѣйствій.

«Не могу не сознаться, что, отказываясь отъ званія представителя, я руководствовался болѣе моими личными чувствами, чѣмъ безпристрастнымъ сужденіемъ о конституціонныхъ отношеніяхъ между представителемъ и его избирателями. Я не буду пытаться оправдывать мое рѣшеніе доводами, вытекающими изъ особаго характера академическаго учрежденія или изъ особаго характера полномочій, которыми оно облакаетъ своихъ представителей. Еще менѣе буду я утверждать, что моему примѣру долженъ слѣдовать всякій, кому представится подобная же тягостная альтернатива поступить либо противъ велѣній собственной совѣсти, либо противъ мнѣнія своихъ избирателей и тѣмъ обмануть ихъ ожиданія. Скажу только, что положеніе мое было совершенно особаго рода, что я былъ поставленъ въ тягостную необходимость многое принести въ жертву и мнѣ было бы еще несравненно тяжелѣе, еслибы было основаніе говорить, что я пользуюсь властью, которую мнѣ довѣрилъ университетъ, для проведенія мѣръ противныхъ, по его убѣжденію, интересамъ его или интересамъ церкви ¹».

Въ письмѣ къ вице-канцлеру Оксфордскаго университета (отъ 4 февраля 1829 г.), отказываясь отъ своихъ полномочій и заявляя о своемъ намѣреніи предложить мѣру въ пользу католиковъ, онъ говоритъ: «Я не могу сомнѣваться въ томъ, что противодѣйствіе, которое я до сихъ поръ оказывалъ требованіямъ католиковъ, было

¹. См. Memoirs of Sir Robert Peel, т. I, стр. 34.

однимъ изъ главныхъ мотивовъ, на основаніи которыхъ я пользовался довѣріемъ и поддержкою очень многихъ моихъ избирателей, и хотя я теперь отказываюсь отъ этого противодѣйствія единственно только вслѣдствіе твердаго убѣжденія, что дальнѣйшее упорство въ немъ не только будетъ нецѣлесообразно, но повредитъ тѣмъ интересамъ, защищать которые моя прямая обязанность, я тѣмъ не менѣе считаю своимъ долгомъ немедленно возвратить полномочія, ввѣренныя мнѣ избирателями».

«Пиль», писалъ съ явнымъ неудовольствіемъ Крокеръ 31 января 1829 г., «написалъ въ Оксфордъ, предоставляя своимъ избирателямъ располагать его мѣстомъ въ парламентѣ. По моему мнѣнію, которое я и высказалъ ему, это крайне демократическій и неконституціонный поступокъ, являющійся опаснымъ прецедентомъ для независимости палаты общинъ¹».

Однако, какъ ни считалъ онъ это «опаснымъ», но болѣе выдающійся государственный человѣкъ, Каннингъ, заявилъ, что если бы между нимъ и его избирателями возникло несогласіе, то онъ вернулъ бы свои полномочія. Но гораздо болѣе печальнымъ было, съ точки зрѣнія Крокера, то, что происходило на общихъ выборахъ 1831 г., которые, какъ извѣстно, явились прямымъ призывомъ избирателей высказать свое мнѣніе по поводу опредѣленнаго вопроса, такъ какъ это было громаднымъ шагомъ въ смыслѣ установленія контроля избирателей надъ ихъ представителями или, иными словами, къ низведенію представителей до положенія простыхъ делегатовъ. *The Quarterly Review* писалъ объ этомъ въ іюль 1831 г.: «Послѣднее обращеніе къ народу, которое по-совѣтовали королю сдѣлать, существеннымъ и кореннымъ образомъ отличается по духу, по способу дѣйствій и по времени, когда оно было сдѣлано, отъ того, что понимаетъ конституція подъ этими словами. Виртуальное представительство сдѣлалось позорящимъ назва-

¹. Мемуары Крокера, т. II, стр. 7.

ніемъ, а прямое представительство превращается, какъ всякій видитъ, въ посылку простыхъ делегатовъ. Король обратился къ своему народу, спрашивая его мнѣніе по поводу билля о реформѣ; народъ на hustings'ахъ сдѣлалъ наставленія кандидатамъ и обязалъ ихъ, какъ, по ихъ мнѣнію, того требовало желаніе короля, поддерживать билль о реформѣ, что они и должны теперь считать своимъ прямымъ долгомъ, какія бы перемѣны ни произошли или могли произойти въ ихъ личныхъ мнѣніяхъ. И эти требованія его величеству совѣтуютъ считать голосомъ его народа, и министры утверждаютъ, что въ этихъ требованіяхъ выражается высшая власть и верховная воля въ государствѣ! ¹»

Можно привести также мнѣніе другого современнаго органа, Annual Register, по поводу этихъ выборовъ: «Для спасенія отъ поднявшейся бури кандидату недостаточно было выразить готовность содѣйствовать реформѣ представительства. Отъ него требовалось, чтобы онъ обязался во всемъ поддерживать именно данную мѣру. Кандидатъ посылался въ парламентъ не для того, чтобы дѣйствовать въ пользу реформы, рѣшая по своему разумѣнію, какіе принципы должны быть положены въ основу ея и какими путями проводить ее; его главнымъ образомъ обязывали отказаться отъ способности мышленія, если онъ таковою обладалъ, и сохранить за собою лишь способность говорить да на всякое предложеніе, которое могутъ сдѣлать министры для проведенія своихъ проектовъ. Новая палата общинъ уже не будетъ совѣщательнымъ собраніемъ, призваннымъ рѣшать крупныя политическія мѣры, а лишь собраніемъ делегатовъ, предназначеннымъ служить простымъ органомъ народнаго санкціонированія министерскихъ предположеній.

«Вопросъ, который былъ поднятъ на этихъ выборахъ, состоялъ не въ томъ, должна ли быть усилена власть

¹. The Quarterly Review, июль 1831 г., т. XLV, стр. 539.

демократіи, а въ томъ, должна ли она быть усилена именно такимъ образомъ, какъ предлагаютъ министры. Избирателей приглашали не выбирать законодателей, но быть самимъ законодателями, не выбирать людей, разуму которыхъ они довѣряютъ, но выбирать говорящія машины, на голосъ которыхъ они могутъ положиться ¹».

Этотъ вопросъ, повидимому, сильно занималъ умы политическихъ мыслителей того времени, и это весьма понятно,—потому что въ немъ заключалась самая сущность народнаго движенія, начавшагося семьдесятъ или восемьдесятъ лѣтъ назадъ, продолжавшагося до настоящаго времени и далеко еще не исчерпавшаго всю свою силу.

Я приведу еще одну выдержку изъ *Quarterly Review*, такъ какъ въ ней излагаются взгляды торіевъ того времени на этотъ въ высшей степени важный вопросъ. «Скажемъ кстати нѣсколько словъ о той конституціонной доктринѣ, которая утверждаетъ, что представители посылаются въ парламентъ не для того, чтобы дѣйствовать на основаніи собственнаго самостоятельнаго мнѣнія,—а для того, чтобы высказывать волю своихъ избирателей и подчиняться ихъ указаніямъ, и которая, будучи доведена до крайности, очевидно совершенно лишитъ парламентъ характера совѣщательнаго собранія,—доктринѣ, которая довольно давно уже пользуется популярностью на народныхъ собраніяхъ, но которую до сихъ поръ рѣдко отваживались провозглашать въ стѣнахъ самой палаты и которая, какъ мы полагаемъ, едигдушно отвергается всѣми сколько нибудь серьезными писателями. Этотъ вопросъ есть въ сущности вопросъ о власти и принципѣ и не можетъ находиться въ зависимости отъ взглядовъ кого бы то ни было на то, что полезно или желательно. Еще со временъ царствованія Елизаветы установлено, что каждый членъ палаты общинъ избирается для служенія на пользу не только

¹. *Annual Register*, 1831 г., стр. 151.

своихъ избирателей, но и всего королевства; и слѣдовательно онъ, отнюдь не служа простымъ орудіемъ воли своихъ избирателей, не въ правѣ даже и считаться съ ихъ интересами, если только они не согласны съ интересами всей страны. Указывая на первый пунктъ этого великаго принципа, Галламъ замѣчаетъ, что это и есть тотъ принципъ, который отличаетъ современный англійскій парламентъ отъ тѣхъ сословныхъ депутацій, какія собирались во многихъ континентальныхъ королевствахъ,—принципъ, которому палата общинъ обязана своимъ значеніемъ и своимъ достоинствомъ, точно также какъ и своими благотворными результатами, и возражать противъ котораго могутъ одни лишь раболѣпные поклонники черни ¹.

«Намъ незначѣмъ наполнять нашу статью всѣмъ и каждому извѣстными цитатами изъ сочиненій и рѣчей Борка, Фокса, Граттана и другихъ великихъ людей нашего времени, которые всѣ единодушно признаютъ этотъ принципъ основнымъ началомъ конституціи. И этотъ принципъ, какъ и все остальное въ нашихъ древнихъ учрежденіяхъ, имѣетъ совершенно разумное основаніе, такъ какъ утверждать, что воля избирателя должна быть закономъ для представителя, значитъ утверждать (вещь очевидно невозможная), что избиратель признается столь же компетентнымъ въ качествѣ законодателя, не только для себя, но и для всей страны, какъ и посылаемый имъ представитель; или же,—если такая компетентность не признается,—что желанія и капризы избирателя должны быть удовлетворяемы, хотя бы въ ущербъ не только его интересамъ, но и интересамъ всей страны. Мы полагаемъ, что никто не станетъ утверждать столь очевидныхъ нелѣпостей. И мы бы не считали нужнымъ удѣлять этимъ теоріямъ такое мѣсто, еслибы не распространялся все болѣе и болѣе обычай связывать свободу мнѣній членовъ парламента по отношенію

¹. The Quarterly Review, Апрель 1831 г., т. XLV, стр. 252.

къ извѣстнымъ мѣропріятіямъ обязательствами, испрашиваемыми и даваемыми либо во время самыхъ выборовъ, либо съ цѣлью обезпечить переизбраніе въ случаѣ распущенія парламента. Это—обычай, который мы считаемъ не только прямо противорѣчащимъ вышеуказанному конституціонному принципу, но и представляющимъ собою во всѣхъ отношеніяхъ въ высшей степени вредный примѣръ. Мы полагаемъ, что немного такихъ членовъ парламента, которые хотя бы до извѣстной степени не сознавали, что, соглашаясь давать такія обязательства, они уклоняются отъ прямого пути ихъ общественнаго долга.

«Но быть можетъ не всѣ они ясно представляютъ себѣ, что всякій шагъ къ всеобщему примѣненію такой доктрины есть въ сущности революціонный шагъ къ наихудшему виду республиканскаго образа правленія, а именно къ такого рода республикѣ, въ которой государственныя дѣла вершаются не депутатами, какъ это дѣлается въ Америкѣ, а самими народными массами».

Проницательность и рѣшительность англійскаго народа, проявленная имъ въ этомъ дѣлѣ, отъ котораго зависѣла вся его дальнѣйшая судьба, ясно характеризуются однимъ событіемъ, которое Гревилль, писавшій о немъ 20 іюля 1831 г., называетъ «однимъ изъ постыднѣйшихъ зрѣлищъ (вызванныхъ биллемъ о роформѣ), которыя когда либо происходили».

«По вопросу объ отмѣнѣ представительства отъ Эппльбая, нѣкій альдерменъ Томпсонъ,—членъ отъ этого города, обязавшійся стоять за реформу, подалъ свой голосъ за то, чтобы выслушать доводы въ защиту сохраненія представительства этого бурга, вслѣдствіе чего его избиратели собрали митингъ, для обсужденія его образа дѣйствій. Онъ долженъ былъ предстать предъ ними и, выслушавъ суровый выговоръ, сознаться въ томъ, что сдѣлалъ оплошность, принести изви-

ненія и обѣщать впредь подавать свой голосъ только согласно желанію министра ¹.

Проведеніе билля о реформѣ, явившееся первымъ доказательствомъ дѣйствительности принятаго обычая избирать людей, которые по своимъ функціямъ были бы скорѣе делегатами, чѣмъ представителями, разумѣется не послужило къ тому, чтобы этотъ обычай былъ оставленъ. Еще раньше, какъ только обезпечено было принятіе билля и до начала слѣдующихъ выборовъ, вопросъ о требованіи обязательствъ отъ кандидатовъ уже обсуждался съ большою живостью.

Плэсъ пишетъ: «Очевидно, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ народу впервые придется воспользоваться правомъ подавать голосъ за или противъ представителя, ему слѣдуетъ выяснитъ истинное значеніе обязательствъ и указать, какія именно обязательства благоразумно требовать отъ кандидата, заявляющаго себя сторонникомъ реформы. Билль является лишь средствомъ къ достиженію извѣстной цѣли, а совсѣмъ не конечною цѣлью, какъ это утверждали лордъ Грей и нѣкоторые изъ его товарищей.

«Поэтому необходимо, чтобы кто нибудь составилъ такое разъясненіе вопроса объ обязательствахъ, которое было бы пригодно для всѣхъ и вездѣ, и самое лучшее, если бы такое разъясненіе было составлено совѣтомъ Національнаго Политическаго Союза, который лучше всякаго другого учрежденія и съ наибольшей пользою могъ бы его распространить...

«Вопросъ объ обязательствахъ занималъ умы наиболѣе дѣятельныхъ реформистовъ; собирались митинги, постановлялись рѣшенія, но въ нихъ проявилось большое разномысліе ²».

Затѣмъ Плэсъ пытается суммировать различные взгляды на этотъ вопросъ: «Многіе поднимали вопросъ о томъ, хорошо или нѣтъ требовать отъ кандидатовъ обязательства;

¹. Гревиль, *Memoirs*, т. II, стр. 166.

². Рукописи П л э с а, 27,796, стр. 45.

другіе же совѣтъ не ставили этого вопроса, утверждая, что не слѣдуетъ ни брать, ни ожидать никакихъ обязательствъ; третьи — и послѣднихъ было больше всего — хотѣли требовать обязательствъ въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ, во всемъ, что только допускало различіе взглядовъ.

«Наиболѣе благоразумные и наиболѣе авторитетные въ этомъ вопросѣ находили, что отъ кандидатовъ должно требовать изложенія ихъ мнѣнія по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ и брать обязательства только по отношенію къ этимъ послѣднимъ ¹».

Для обсужденія этого вопроса собирались публичные митинги ². Первымъ такимъ митингомъ, о которомъ имѣется печатный отчетъ, былъ митингъ Лондонской Корпорации 19 іюня (1832 г.). Этотъ митингъ назначилъ комиссію для составленія доклада. Въ докладѣ говорилось, что «члены, избираемые въ качествѣ представителей въ парламентъ, должны поступать такъ, какъ желаютъ и указываютъ ихъ избиратели». Для того, чтобы избиратели имѣли основаніе довѣрять ему, онъ долженъ дать слѣдующее обязательство: «Начиная съ первой сессіи парламента, я обязуюсь употребить всѣ свои силы на то, чтобы добиться полной отмѣны десятиннаго сбора, прямыхъ налоговъ и налоговъ на муку и мыло. Когда это будетъ достигнуто, я обязуюсь немедленно же начать добиваться пересмотра хлѣбныхъ законовъ и дѣлать все, что отъ меня будетъ зависѣть для уничтоженія всѣхъ синекуръ и всѣхъ незаслуженныхъ пенсій, а также для отмѣны того грубаго нарушенія правъ, которое называется Семилѣтнимъ Актомъ. Всегда и во всемъ я буду дѣйствовать согласно свободно выраженнымъ желаніямъ большинства моихъ избирателей, или же верну имъ полномочія, которыми они меня почтили».

Национальный Политическій Союзъ выпустилъ 11 іюля

1. Рукописи Плэса, 27,796, стр. 46.

2. См. объ этомъ статьи въ *The Examiner* отъ 1 и 15 іюля 1832 г., приписываемыя Джону Миллю.

1832 г. листокъ (написанный Плэсомъ) съ изложениемъ своихъ взглядовъ по вопросу объ обязательствахъ:

«Каждый избиратель долженъ помнить, что его представитель избирается на чрезмѣрно долгій семилѣтній срокъ, въ теченіе котораго онъ, слѣдовательно, можетъ дѣйствовать несогласно съ желаніями своихъ избирателей.

«Въ высшей степени необходимо поэтому, чтобы какъ общественная, такъ и частная дѣятельность всякаго кандидата была предметомъ тщательнаго контроля и чтобы результаты его были доводимы до всеобщаго свѣдѣнія, а также, чтобы онъ давалъ самыя торжественныя обязательства своимъ избирателямъ...

«Эти обязательства должны быть даваемы кандидатами въ наивозможно болѣе общей формѣ. Ни отъ кого нѣтъ основанія ожидать такого образа дѣйствій, который могъ бы быть названъ безумнымъ; никого не слѣдуетъ связывать настолько, чтобы онъ могъ быть впослѣдствіи вынужденъ прибѣгать къ лицемѣрію, и многое должно быть предоставлено благоразумному усмотрѣнію представителя...

«Обязательства, которыхъ слѣдуетъ требовать отъ кандидатовъ, можно резюмировать слѣдующимъ образомъ:

і. Парламентская реформа.—Сокращеніе срока парламентскихъ полномочій.—Подача голосовъ посредствомъ закрытой баллотировки.

іі. Реформа судебныхъ законовъ.

ііі. Финансовая реформа.

іііі. Реформа промышленнаго законодательства.—Отмѣна всѣхъ монополій и въ особенности монополій, создаваемыхъ хлѣбнымъ закономъ.—Свобода торговли во всѣхъ отрасляхъ.

ііііі. Церковная реформа, со включеніемъ въ нее уравненія церквей, для того, чтобы никто не былъ принужденъ платить на поддержаніе того вѣроученія, которому онъ не сочувствуетъ,—и отмѣна десятинныхъ сборовъ.

vi. Уничтоженіе рабовладѣнія.

vii. Отмѣна налоговъ на просвѣщеніе ¹».

Министръ внутреннихъ дѣлъ писалъ сэру Ф. Ламбу: «Мнѣ самому не очень нравится это осложненіе въ видѣ публичныхъ митинговъ избирателей, о которыхъ я читаю въ газетахъ. По моему мнѣнію, они носятъ очень буйный характеръ, склонны заходить очень далеко и требовать самымъ положительнымъ образомъ обязательствъ, которыя даются съ слишкомъ большою готовностью и въ слишкомъ широкихъ размѣрахъ ²».

Интересно также мнѣніе герцога Веллингтона, который 6 марта 1833 г. писалъ Крокеру: «Печальная сторона реформы заключается въ томъ, что тогда какъ прежде демократія преобладала лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, теперь ея господство повсемѣстно. Нѣтъ мѣста свободнаго отъ нея и въ большинствѣ случаевъ она беретъ верхъ. Прибавьте къ этому обычай требовать отъ кандидатовъ обязательствъ по отношенію къ извѣстнымъ мѣрамъ, распространившійся теперь даже среди лучшей части избирателей, въ связи съ полною готовностью кандидатовъ давать эти обязательства, и вы не безъ основанія будете удивляться, что мы еще существуемъ, какъ нація ³».

Очень многимъ, конечно, не нравилось, когда давались обязательства отстаивать реформу. Никто не возражалъ, когда давались обязательства защищать существующій государственный и церковный строй.

Насколько сильно были связаны теперь представители, показываетъ случай съ сэромъ Дж. Гобгаузомъ, однимъ изъ членовъ отъ Вестминстера и главнымъ секретаремъ по дѣламъ Ирландіи, въ первый же годъ послѣ проведенія акта о реформѣ. Онъ во время выборовъ настолько связалъ себя своими обѣщаніями съ платформы противостоятъ налогамъ, которые вводило правительство,

¹, Рукописи Плэса, 27,796, стр. 144.

². См. Lord Melbourne's Papers, стр. 146.

³. Croker's Papers, т. II, стр. 206.

что былъ принужденъ отказаться, какъ отъ своей должности, такъ и отъ парламентскихъ полномочій,—при чемъ выступилъ снова для переизбранія. Но избиратели отказались вновь выбрать его и онъ былъ забаллотированъ.

Другимъ показателемъ направленія, принятаго общественнымъ мнѣніемъ, можетъ служить рѣчь, произнесенная, осенью 1833 г. м-ромъ Гиллемъ, членомъ парламента ¹, передъ многочисленнымъ собраніемъ избирателей въ Гуллѣ, въ которой онъ разъяснялъ имъ свой образъ дѣйствій въ парламентѣ и предлагалъ возвратить данныя ему полномочія, если этотъ образъ дѣйствій имъ не нравится. Онъ сказалъ при этомъ, что будетъ повторять это ежегодно, такъ чтобы дать имъ, поскольку это отъ него зависитъ, полную возможность контроля надъ своимъ представителемъ.

Актъ о реформѣ 1832 г. дѣйствительно положилъ конецъ фикціи управленія при помощи виртуальнаго представительства, которою такъ дорожили торіи, и въ значительной степени замѣнилъ ее дѣйствительнымъ представительствомъ.

Гревилль въ своемъ Дневникѣ показываетъ намъ, какъ отразился на новой палатѣ общинъ этотъ усилившійся контроль избирателей надъ представителями. Въ іюлѣ 1833 г. онъ пишетъ: «Говоря правду, палата общинъ находится теперь въ такомъ состояніи, что почти невозможно сказать, что могутъ или должны сдѣлать министры или какъ поступить палата. Нѣтъ большой партіи, связанной общностью мнѣній... Каждый думаетъ лишь о томъ, что ему придется сказать своимъ избирателямъ или какъ отнесутся послѣдніе къ его вотуму ²».

Другимъ средствомъ, при помощи котораго платформа до извѣстной степени восполняла недостатки представительства, были инструкціи, которыя она давала, а въ

¹. См. The Examiner, 3 ноября 1833 г., стр. 697.

². Greville, Memoirs, т. III, стр. 17.

случаѣ надобности и давленіе, которое она производила на представителей во время засѣданій парламента.

Не слѣдуетъ забывать, что актъ о реформѣ не измѣнилъ срока парламентскихъ полномочій и оставилъ такимъ образомъ избирателей лишенными возможности контроля надъ ихъ представителями въ теченіе всего долгаго промежутка между выборами. Этотъ вопросъ уже давно останавливался на себѣ вниманіе и подвергался обсужденію.

Авторъ статей въ *Edinburgh Review* въ 1812 г., уже цитированныхъ нами, указываетъ на это обстоятельство и на этомъ именно основаніи высказывается за обычай устройства публичныхъ митинговъ. «...Свобода и устойчивость нашей благодѣтельной конституціи, писалъ онъ¹, также какъ и надлежащее управленіе дѣлами требуютъ того, чтобы народъ часто собирался на публичные митинги, на которыхъ онъ могъ бы обсуждать все, что касается его интересовъ; смѣло, хотя и вполнѣ миролюбиво, обращаться къ парламенту и къ королевской власти и открыто заявлять свои мнѣнія и чувства. Такой образъ дѣйствій не только не идетъ въ разрѣзъ съ системою представительнаго правленія и не представляется несовмѣстимымъ съ нею,—но прямо вытекаетъ изъ нея, придавая ей жизнь и силу. Нельзя же утверждать, что англійскій народъ имѣетъ право вмѣшиваться въ управленіе его дѣлами только одинъ разъ въ теченіе семи лѣтъ и что это вмѣшательство его строго ограничивается единственною функціей—выборомъ делегатовъ. Еслибы это было такъ, то стоитъ только подумать, какъ велика власть, которою облакаются эти делегаты и какъ трудно было бы найти людей, достойныхъ столь широкихъ полномочій, и какъ нелѣпо было бы выбирать ихъ болѣе чѣмъ на нѣсколько мѣсяцевъ... Если бы политическія функціи народа ограничивались однимъ этимъ дѣйствіемъ, то это безъ со-

¹. *Edinburgh Review*, т. XX, стр. 411. 1812 г.

мнѣнія было бы извращеніемъ смысла избирательныхъ правъ и всей представительной системы...

«Даже если бы срокъ парламентскихъ полномочій былъ сокращенъ до трехъ лѣтъ, то въ столь измѣнчивой сферѣ, какъ политическія дѣла, все же случаются такія непредвидѣнныя событія, относительно которыхъ представитель не имѣлъ никакой возможности предварительно согласиться съ своими избирателями и долженъ оставаться въ совершенной неизвѣстности относительно ихъ стремлений и взглядовъ, а часто и интересовъ, если онъ не имѣетъ случая слышать ихъ свободное выраженіе отъ нихъ самихъ. Какое нибудь неожиданное столкновение съ иностранными державами, какая нибудь новая мѣра, касающаяся торговли, какое нибудь нововведеніе въ системѣ налоговъ, какое нибудь чрезвычайное проявленіе прерогативъ власти,—всякія такія случайности требуютъ общенія между парламентомъ и народомъ, общенія, которое въ надлежащей и полной мѣрѣ могутъ осуществить только публичные митинги».

Одинъ избирательный округъ—Лондонское Сити—держался обычая постоянно созывать митинги и давать «инструкціи» своимъ представителямъ относительно того, какъ вотировать по мѣропріятіямъ, неожиданно выступающимъ на сцену. Этому примѣру слѣдовали иногда, хотя и очень рѣдко, нѣкоторые другіе округа.

Въ Вестминстерѣ существовалъ обычай, по которому представители должны были ежегодно появляться передъ своими избирателями для отчета о своихъ дѣйствіяхъ и для полученія тѣхъ инструкцій относительно будущаго, въ которыхъ въ данное время представлялась надобность; подобный же обычай существовалъ и во многихъ другихъ крупныхъ избирательныхъ округахъ. Это давало возможность извѣстнаго контроля надъ представителемъ, а перспектива лишиться своихъ полномочій по окончаніи парламентскаго срока усиливала для послѣдняго значеніе этого контроля. Но подобный обычай существовалъ да-

леко не вездѣ, и во многихъ избирательныхъ округахъ, даже послѣ акта о реформѣ, царили всевозможные способы улаживанія отношеній представителей съ избирателями. Однако несомнѣнно, что послѣдствіемъ акта о реформѣ было усиленіе желанія со стороны избирателей проявлять контроль надъ своими представителями, а для этого не было лучшаго способа, какъ обращаться къ нимъ съ платформы и объявлять имъ резолюціи, постановленныя на публичныхъ митингахъ. Такимъ образомъ актъ о реформѣ далъ большой толчокъ для оживленія публичныхъ митинговъ, созываемыхъ съ этою цѣлью.

Мы увидимъ, какъ съ годами эта потребность контроля дѣлалась все сильнѣе и какъ постепенно принимались все большія мѣры къ тому, чтобы создать большую зависимость депутатовъ отъ возрѣвнѣй ихъ избирателей.

Другимъ чрезвычайно важнымъ практическимъ результатомъ акта о реформѣ по отношенію къ платформѣ было то, что онъ ввелъ ее какъ необходимое и постоянное явленіе во множествѣ такихъ мѣстъ, гдѣ она до этого была лишь случайнымъ явленіемъ,—т. е. въ тѣхъ избирательныхъ округахъ, которые были созданы этимъ актомъ.

Правда, что пятьдесятъ-шесть бурговъ были лишены избирательныхъ правъ, но это были по большей части такіе бурги, гдѣ платформы совсѣмъ не существовало, или если она и существовала, то чисто формально. Новые же избирательные округа были большіе города, изъ которыхъ ни въ одномъ не было менѣе 10.000 жителей. Такихъ округовъ актомъ о реформѣ было создано сорокъ одинъ, и съ этой поры каждый разъ, какъ въ нихъ производились парламентскіе выборы, платформы приходилось играть въ нихъ видную роль. Это одно уже имѣло большое значеніе, но если прибавить къ этому, что къ участию въ политической жизни страны теперь было призвано неизмѣримо большее количество людей,—то нельзя не видѣть, какой громадный толчокъ развитію платформы былъ данъ актомъ о реформѣ.

Что интересъ народа къ политическимъ дѣламъ значительно усилился, доказывалось чрезвычайно увеличившимся числомъ случаевъ избирательной борьбы на первыхъ же общихъ выборахъ послѣ акта. Старый парламентъ былъ распущенъ 3 декабря 1832 г. и вся страна находилась въ возбужденіи, готовясь воспользоваться своими новыми правами.

Въ англійскихъ и валлійскихъ графствахъ было 50 случаевъ избирательной борьбы и 144 въ англійскихъ и валлійскихъ бургахъ; въ Шотландіи было 17 случаевъ избирательной борьбы въ графствахъ и 16 въ бургахъ,— всего въ Великобританіи 227, болѣе чѣмъ вдвое сравнительно съ тѣмъ что было пятнадцать лѣтъ тому назадъ на общихъ выборахъ 1818 г.; ровно въ четыре раза болѣе противъ выборовъ 1790 г. (57) и болѣе чѣмъ въ десять разъ больше общихъ выборовъ 1761 г.. Такъ быстро прогрессировало возрастаніе въ народѣ интереса къ политическимъ дѣламъ.

Сокращеніе числа дней для производства голосованія почти не оказало никакого вліянія на платформу при этихъ выборахъ, такъ какъ между обнародованіемъ акта и выборами прошелъ довольно большой промежутокъ времени, дававшій полную возможность для подготовки ихъ.

Лордъ Кокбурнъ писалъ по поводу первыхъ выборовъ въ Эдинбургѣ (1832 г.): «Въ первый разъ народу приходилось осуществлять свои избирательные права.... Самый видъ подмоетковъ производилъ на него сильнѣйшее впечатлѣніе и всѣ смотрѣли на нихъ съ любопытствомъ, многіе съ восхищеніемъ, нѣкоторые съ неподдѣльнымъ ужасомъ. Одни видѣли въ этихъ сколоченныхъ доскахъ осуществленіе давно лелѣянной мечты, другіе—крушеніе порядка, который—какъ они надѣялись—не будетъ имѣть конца ¹».

Не подлежитъ сомнѣнію, что и послѣ акта о рефор-

¹. Life of Lord Jeffrey, лорда Кокбурна, т. I, стр. 339.

мѣ въ нѣкоторыхъ избирательныхъ округахъ дѣйствовали кромѣ платформы и инья вліянія.

Гревилль въ своихъ Мемуарахъ сообщаетъ такія свѣдѣнія, которыя, исходя отъ лица, непосредственно замѣшаннаго въ нихъ, не могутъ подлежать сомнѣнію. «Вчера, пишетъ онъ ¹, я обѣдалъ у Робартса и послѣ обѣда послѣдній рассказывалъ мнѣ о положеніи дѣлъ въ его бургѣ (Мэдстонѣ), а такъ какъ таково же вѣроятно и положеніе дѣлъ и въ большинствѣ бурговъ, и таковы же принципы и направленіе ихъ избирателей, то я и считаю полезнымъ передать, его рассказъ здѣсь. Избирателей въ Мэдстонѣ 1200, между ними много диссентеровъ всевозможныхъ сектъ и оттѣнковъ. Робартсъ былъ членомъ парламента семнадцать лѣтъ; въ округѣ этомъ всегда царилъ подкупъ. Въ прежнее время (до билля о реформѣ), когда составъ избирателей былъ гораздо малочисленнѣе, вся избирательная процедура совершалась очень легко и просто; цѣна избирательнымъ голосамъ была установлена съ такою же точностью, какъ цѣна на хлѣбъ: столько то за одинъ голосъ и столько то за нѣсколько голосовъ,—и кандидату приходилось уплачивать назначенную цѣну. Послѣ изданія билля о реформѣ Робартсъ рѣшилъ не платити болѣе денегъ, такъ какъ продажность должна была быть искоренена. Послѣдствіемъ этого было то, что во время подготовительной агитаціи никто изъ тѣхъ, кто прежде вотировалъ за него, теперь не хотѣлъ обѣщать своего голоса. Всѣ они имѣли недовольный видъ, не знали, на что рѣшиться, и очевидно ждали, что имъ предложатъ. Я спросилъ его, каковы новые избиратели. «Хуже прежнихъ, если это возможно». Большинство теперь живо интересуется общественными дѣлами, слѣдятъ за подачей голосовъ, читаютъ рѣчи кандидатовъ, высказываютъ свое мнѣніе,—но всѣ они продажны.... Главная забота у нихъ,—это получить

¹. Greville, Memoirs, т. III, стр. 184.—1 января 1835 г.

деньги за свои голоса и хотя, говоритъ онъ, и бываютъ исключенія, но они очень рѣдки».

Странно было бы, разумѣется, и ожидать, чтобы такъ долго допускаяшійся и поощрявшійся обычай прекратился сразу же послѣ изданія акта о реформѣ. Болѣзнь, проникшая такъ глубоко, могла быть уничтожена только долгимъ лѣченіемъ. Первый шагъ къ такому излѣченію былъ сдѣланъ и, несмотря на разныя злоупотребленія въ родѣ тѣхъ, что описываетъ Гревилль, избиратели, по видимому, смотрѣли на рѣчи, которыя произносили кандидаты и другія лица во время избирательной кампаніи, какъ на непремѣнную принадлежность выборовъ. Такимъ образомъ съ каждымъ выборомъ платформа получала все большее признаніе, становилась все болѣе необходимою и по мѣрѣ того, какъ тонъ платформы становился выше и лучше, это повышеніе отражалось и на принципахъ и настроеніи избирателей.

Другимъ вліяніемъ, которое оказала агитація въ пользу реформы на платформу, придавъ ей неизмѣримо большую силу и значеніе,—была организація. Изъ всего, что рассказано выше, я думаю, видно съ достаточною ясностью, что за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда возникали политическіе союзы,—вся агитація, съ начала и до конца, велась безъ всякой организаціи. Каждый избирательный округъ и каждый неимѣющій избирательныхъ правъ городъ дѣйствовалъ самостоятельно. Это происходило отчасти потому, что событія этой грандіозной драмы слѣдовали другъ за другомъ съ такою быстротою и самый кризисъ наступилъ такъ внезапно, что не было времени для какихъ бы то ни было совѣщаній и сношеній между различными мѣстностями. Взгляды населенія были одинаковы по всѣмъ существеннымъ пунктамъ и это обезпечивало достаточною связь для единства дѣйствій.

Но и та слабая мѣстная организація, какая существовала, прибѣгала къ платформѣ, создавая такимъ об-

разомъ новую почву для ея вліянія. Частыя собранія публичныхъ митинговъ, частое обсужденіе всѣхъ быстро смѣняющихся политическихъ событій дня, формулированіе своихъ заключеній въ видѣ резолюцій для представленія ихъ правительству съ признаніемъ, что этимъ заявленіямъ придается большое значеніе,—все это составляло опытъ, который не могъ нигдѣ и ни для кого пройти безслѣдно и не пустить глубокихъ и прочныхъ корней. Митинги пріучили народъ обращаться къ платформѣ и научили смотрѣть на нее съ тѣмъ уваженіемъ, которое подобаешь выраженію общественнаго мнѣнія.

Но въ тѣхъ частяхъ страны, гдѣ возникли обширные политическіе союзы, существовала могущественная организація, поддерживавшая платформу, и можно съ полною достовѣрностью утверждать, что агитація въ пользу реформы была первымъ движеніемъ въ Англіи, имѣвшимъ настоящую организацію. Въ предшествовавшихъ движеніяхъ опыты организаціи были совершенно незначительны по сравненію съ этими политическими союзами, и ничто такъ не свидѣтельствуетъ о громадномъ успѣхѣ платформы за это время, какъ образованіе этихъ крупныхъ политическихъ союзовъ.

До сихъ поръ, однакоже, не существовало еще общей организаціи, съ однимъ руководящимъ центромъ. Этой степени совершенства платформа, какъ орудіе политической силы, еще не достигла; въ разныхъ мѣстахъ были отдѣльные центры, которые имѣли большое значеніе въ сферѣ своего вліянія и которые были совершенно новымъ явленіемъ. Ирландія только что явила такой примѣръ политической организаціи, въ связи съ платформой, какового до тѣхъ поръ еще не знала исторія, и опытъ ея увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Англійскому народу долго не давалось то, чего онъ такъ сильно желалъ. Петиціи парламенту оказывались безуспѣшными и потому совершенно естественно, что идея организаціи активнаго выраженія своей силы должна была имѣть

въ средѣ его большой усцѣхъ, какъ средство принудить королевскую власть и правящіе классы къ тѣмъ уступкамъ, которыхъ они не хотѣли сдѣлать во имя справедливости и права. Это и придало политическимъ союзамъ огромное значеніе, которое они и направили всецѣло на поддержку платформы. Значеніе и дѣятельность Бирмингамскаго Политическаго Союза описаны однимъ изъ сыновей Аттвуда, основателя перваго такого Союза. «Услуги, оказанныя Политическимъ Союзомъ, пишетъ онъ, сводились къ слѣдующему: 1) онъ склонилъ общественное мнѣніе въ пользу реформы; 2) создалъ возможность этому общественному мнѣнію высказаться въ самой сильной и яркой формѣ безъ нарушенія закона и 3) поддерживалъ подъемъ духа въ обществѣ на точкѣ кипѣнія, предотвращая реакцію, наступающую въ большинствѣ случаевъ послѣ большихъ усилій и жертвъ».

Однако же это далеко не составляетъ всего, что сдѣлали политическіе союзы. Они сдѣлали гораздо больше. Они «научили народъ объединенію ради достиженія высокой общественной цѣли, не преступая спасительныхъ границъ закона и ни въ чемъ не нарушая своихъ обязанностей, какъ честныхъ гражданъ. Подъ ихъ воздѣйствіемъ физическая сила страны не представлялась чѣмъ то ужаснымъ и беззаконнымъ и была направлена на цѣли общественной пользы ¹».

Одинъ американскій писатель, Эл. Бурриттъ, проведеній нѣсколько лѣтъ въ промышленныхъ округахъ Англіи, въ еще болѣе яркихъ и живыхъ краскахъ описалъ дѣятельность платформы и Политическаго Союза въ Бирмингамѣ во время движенія въ пользу реформы ².

«Бирмингамъ, говоритъ онъ, отличается отъ всѣхъ городовъ христіанскаго міра тѣмъ, что онъ создалъ организацію той политической силы, которая до сихъ поръ проявляла себя, какъ гроза, смерчъ или землетрясеніе,

¹. См. рѣчь Грота въ честь Аттвуда.—Life of Attwood.

². Walks in the Black Country, Эл. Бурритта.

разрушительными взрывами. По инициативѣ и подъ руководствомъ Томаса Аттвуда общественное мнѣніе одержало наибольшую побѣду, какую ему когда либо удавалось одерживать безъ пролитія крови. Подъ его воздѣйствіемъ изъ бессмысленной грубой силы оно превратилось въ нравственную силу столь могущественную, что наиболѣе укоренившееся зло не могло противустоять ей. Англія переживала опасный кризисъ. Почти въ каждомъ городѣ, каждой деревнѣ, слышался трескъ огненныхъ искръ, свидѣтельствовавшихъ, до какой степени самая атмосфера, которой дышалъ народъ, переполнена электричествомъ возбужденныхъ страстей. Надвигавшаяся гроза окутывала мракомъ весь горизонтъ и въ сверкавшихъ въ ея тучахъ молніяхъ угадывались мечи, которые готовила злоба для дѣла разрушенія. Въ настоящее время врядъ ли кто нибудь изъ мыслящихъ людей можетъ сомнѣваться въ томъ, что буря, со всѣми ужасами междоусобной войны, неизбежно разразилась бы надъ страной, если бы Томасъ Аттвудъ съ бирмингамцами своею нравственною силою, не вырвалъ пламя изъ молніеносныхъ тучъ и не овладѣлъ имъ своею твердою рукою. Съ возвышающагося посреди города холма онъ поднялъ свое революціонное знамя съ новымъ девизомъ—Миръ, Законъ и Порядокъ. Этотъ бѣлый флагъ вмѣсто того кроваваго флага грубой силы и разнузданности, который нѣкогда поднимался и въ Англіи и въ иныхъ странахъ для борьбы за политическія права, сдѣлался знаменемъ Политическаго Союза, который онъ основалъ въ столицѣ черной страны и во главѣ котораго онъ всталъ.

«Въ великомъ шествіи по пути къ политическимъ правамъ и политической власти народныя массы шли плечо къ плечу со своими вождями. Это было великое товарищеское и братское единеніе общественныхъ классовъ. Оно явило всему европейскому христіанскому міру зрѣлище, которое никогда еще не было видано въ Ан-

гліи. Сзывались величественные массовые митинги, въ которыхъ участвовали десятки тысячъ людей, на девять десятыхъ принадлежавшихъ къ рабочимъ классамъ, — волнующееся море лицъ, сотни тысячъ жадныхъ взоровъ, обращенныхъ на оратора и читающихъ основныя положенія и резолюціи, которыя ни одинъ человѣческій голосъ не могъ бы провозгласить въ такой громадной толпѣ и которыя поэтому писались крупными буквами на доскахъ, поднимавшихся на каждомъ полъ-акрѣ пространства, покрытаго народомъ. Это было величественное, невиданное зрѣлище. Достоверно извѣстно, что на нѣкоторые такіе митинги собиралось болѣе 100.000 человѣкъ, преисполненныхъ чувствомъ негодованія и внимавшихъ съ гнѣвнымъ пламенемъ въ очахъ и съ сжатыми кулаками изложенію тѣхъ несправедливостей и бѣдствій, которыя они терпѣли, являя при этомъ полное подобіе войска, готоваго ринуться въ битву.

«Разсказываютъ, что на нѣкоторыхъ такихъ гигантскихъ митингахъ сильныхъ и энергичныхъ людей, съ свирѣпыми лицами, выпачканными угольной пылью фабрикъ, заводовъ и рудниковъ, Аттвудъ блѣднѣлъ при одной мысли о томъ погромѣ, который произведетъ взрывъ этой грубой силы, если она ускользнетъ изъ его власти и растопчетъ девизъ на его знамени—Миръ, Законъ и Порядокъ; но онъ удержалъ эту власть конца.

«Появленіе этихъ политическихъ союзовъ давно уже внушало безпокойство королю. Возможность того, что они сдѣлаются всесильными и будутъ стараться—вкусивъ власти—стать на мѣсто самого правительства, чрезвычайно страшила его и онъ желалъ во что бы то ни стало уничтожить ихъ. Къ счастью, у него былъ разумный первый министръ, который писалъ ему: „Вообще графъ Грей считаетъ своимъ долгомъ почтительно, но со всею рѣшительностью повторить свое неизмѣнное и глубокое убѣжденіе, что ничто не принесло бы такого

вреда интересамъ вашего величества, ничто не представило бы большей опасности для общественнаго спокойствія Англіи при нынѣшнихъ условіяхъ, какъ попытка подавить, путемъ новыхъ принудительныхъ мѣръ, учрежденія, которыя не воспрещаются существующими законами и которыя, въ случаѣ если бы онѣ перешли границы, обязательныя для всѣхъ вѣрноподанныхъ, могутъ, какъ онѣ вполне увѣренъ, быть съ полнымъ успѣхомъ подавлены авторитетною властью правительства ¹».

Это былъ мудрый совѣтъ и онъ былъ данъ во время; событія вскорѣ показали, насколько министръ былъ правъ.

Съ проведеніемъ акта о реформѣ и достиженіемъ той великой задачи, ради которой образовались союзы, устранялся главный смыслъ ихъ существованія,—дѣло ихъ было сдѣлано и порывалась связь, объединявшая ихъ членовъ. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ изданія акта о реформѣ, въ октябрѣ 1832 г., въ Бирмингемскомъ Союзѣ произошелъ крупный расколъ, выразившійся въ отдѣленіи бирмингемскихъ рабочихъ, при чемъ это отдѣленіе произошло публично на большомъ митингѣ, и въ образованіи ими другого, разумѣется, болѣе слабаго союза подъ названіемъ Мидльсекскій Союзъ Рабочихъ Классовъ. Одинъ изъ сторонниковъ этого отпаденія, м-ръ Массей, въ объясненіе его причинъ, высказалъ, что «виги безсовѣстно обманули ихъ своимъ биллемъ и тѣми реформами, которыя имъ вводились, а Союзъ обязался не волновать въ теченіе нѣкотораго времени общественное мнѣніе никакими проектами новыхъ реформъ; рабочіе же классы твердо рѣшили не оставаться въ бездѣйствіи въ столь важное и знаменательное время и продолжать борьбу до тѣхъ поръ, пока они не отвоятъ всѣхъ своихъ правъ ²».

¹. Correspondence between Grey and William IV, т. I, стр. 473. 19 іюня 1832 г.

². Рукописи П л э с а, 27:796, стр. 330.

Въ 1833 г. Лондонскій Политическій Союзъ фактически почти прекратилъ свое существованіе. Во многихъ другихъ мѣстахъ политическіе союзы точно также прекратили свои собранія, приходя въ постепенный упадокъ; ни одному изъ нихъ не удалось сохранить свое значеніе. Даже Бирмингамскій Политическій Союзъ, нѣкогда столь могущественный, не избѣжалъ общей участи; онъ утратилъ все свое вліяніе и въ концѣ концовъ окончательно угасъ.

Говоря объ упадкѣ политическихъ союзовъ, Плэсъ высказываетъ весьма основательныя соображенія: «Такія ассоціаціи, говоритъ онъ, могутъ процвѣтать только тогда, когда народъ, благодаря извѣстному образу дѣйствій правительства, находится въ состояніи сильнаго и вполне законнаго возбужденія, или же при наступленіи серьезной опасности, когда правительство, или по неспособности, или по нежеланію, остается въ бездѣйствіи. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, народъ иногда, хотя и не всегда, рѣшаетъ, что должна послѣдовать та или иная переменна». Далѣе онъ прибавляетъ: «Подобныя обстоятельства до сихъ поръ случались у насъ чрезвычайно рѣдко, но съ теченіемъ времени они будутъ случаться все чаще. Общественное мнѣніе народилось и выросло очень недавно, но оно будетъ расти все съ большей и большей быстротой и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ становиться все могущественнѣе. Только за послѣдніе годы народныя массы проявляютъ наклонность дѣйствовать сообща для достиженія намѣченной цѣли¹».

Въ настоящемъ случаѣ, народъ принялъ свое рѣшеніе, переменна была произведена, возбужденіе миновало и потому политическіе союзы не могли далѣе процвѣтать. Въ общемъ не подлежитъ сомнѣнію, что политическіе союзы дѣйствительно спасли страну отъ крупныхъ потрясеній, потому что, въ критическую минуту наибольшаго разгара народнаго негодованія, они сохраняли пол-

1. Рукописи Плэса, 27,796, стр. 205, 206.

ную власть надъ народомъ и удержали его отъ крайностей. Тѣмъ не менѣе, только благодаря имъ платформа одержала въ концѣ концовъ побѣду въ своей долгой борьбѣ за парламентскую реформу, оставивъ послѣдующимъ поколѣніямъ урокъ, что во всякой народной борьбѣ для успѣха платформы нужно, чтобы за нею стояла могущественная организація.

Національный союзъ рабочихъ классовъ, о которомъ мы говорили и который представлялъ собою организацію во всѣхъ отношеніяхъ болѣе слабую сравнительно съ другими политическими союзами, продержался довольно долго. Правда, онъ не пользовался никакимъ значеніемъ, но его существованіе представляетъ интересъ въ связи съ другими политическими ассоціаціями того времени, тѣмъ болѣе, что замѣчалась явная тенденція приписывать присущія ему крайности всѣмъ другимъ политическимъ ассоціаціямъ, народнымъ митингамъ и вообще проявленіямъ платформы. Этотъ союзъ возникъ изъ другого общества, которое было въ свою очередь отпрыскомъ попытки Роберта Оуэна относительно устройства «новаго общественнаго порядка». Онъ созывалъ еженедѣльные публичные митинги въ Rotunda, въ улицѣ Серрей-Родъ, на которые иногда собиралось довольно много народа.

Плэсъ пишетъ: «Многіе изъ вождей и главныхъ ораторовъ Союза были малопросвѣщенные люди съ очень узкими понятіями; нѣкоторые изъ нихъ были прямо люди недобросовѣстные, стремившіеся произвести смуту, при которой такъ удобно грабить, а такъ какъ эти стремленія почти открыто высказывались публично и старательно распространялись частнымъ образомъ, то они и отталкивали лучшихъ людей рабочаго класса и препятствовали присоединенію къ союзу большихъ массъ ¹».

Объ отношеніи Союза къ реформѣ можно судить изъ слѣдующихъ словъ рѣчи, произнесенной на одномъ изъ

1. Рукописи Плэса, 27,791, стр. 281.

его митинговъ, 16 апрѣля 1832 г. «Что касается билля о реформѣ, то въ основу его положенъ имущественный цензъ, а не право, и поэтому онъ полонъ несправедливости, такъ какъ допускаетъ величайшихъ негодяевъ пользоваться тѣми правами, которые должны были бы принадлежать честному и трудящемуся человѣку, но которыхъ онъ не можетъ получить, потому что не обладаетъ тѣмъ, что отнято у него сплоченною группою тирановъ и властителей міра ¹».

Плэсъ, который рѣдко закрывалъ глаза на недостатки агитаторовъ и который постоянно знакомитъ насъ съ закулисною стороною движенія, пишетъ: «Вожди, подобно всякимъ фанатикамъ, воображали, что они обладаютъ большою властью, и, также какъ и всякіе фанатики, они, не имѣя ни малѣйшихъ шансовъ, даже въ отдаленномъ будущемъ, осуществить хотя бы одно изъ своихъ рѣшеній, дѣйствовали тѣмъ не менѣе все время такимъ образомъ, какъ будто бы они постоянно осуществляютъ свои цѣли и не перестаютъ дѣлать успѣхи въ этомъ направленіи. Такой характеръ носилъ Союзъ во все остальное время его существованія».

Въ средѣ этого общества возникла фанатическая идея созванія Національнаго Конвента и на 1 мая 1833 г. было объявлено созваніе митинга въ Cold Bath Fields «для принятія подготовительныхъ мѣръ къ учрежденію національнаго конвента,—единственнаго способа, которымъ можетъ народъ добиться своихъ правъ».

Резолюціи, которыя должны были быть предложены, заключали въ себѣ «декларацію правъ». «Всѣ люди рождены равно свободными и обладаютъ извѣстными естественными и неотъемлемыми правами, всякое посягательство на которыя является грубымъ нарушеніемъ прирожденныхъ правъ и не должно быть допускаемо».

Правительство обнародовало прокламацію, объявляющую назначенный митингъ незаконнымъ и опаснымъ для

¹. Рукописи Плэса, 27,791, стр. 303.

общественнаго спокойствія. Тѣмъ не менѣе была сдѣлана попытка къ тому, чтобы митингъ состоялся, но полиція приняла рѣшительныя мѣры и разогнала его въ двѣ или три минуты, при чемъ однако нѣсколько человекъ успѣли получить поврежденія, а одинъ полисменъ былъ убитъ. Полиція повидимому слишкомъ поспѣшила и употребила въ ходъ совершенно излишнюю суровость, такъ какъ судъ коронера постановилъ оправдательный приговоръ по дѣлу объ убійствѣ на томъ основаніи, что не былъ прочитанъ Актъ о бунтѣ, не было должнымъ порядкомъ объявлено народу приказаніе разойтись, правительство не приняло надлежащихъ мѣръ для предупрежденія сборища и что дѣйствія полиціи были жестоки, грубы и ничѣмъ не вызваны со стороны народа.

Всѣ эти событія не послужили на пользу Союзу.

По словамъ Плэса, 1833 годъ «закончился, оставивъ союзъ въ состояніи сильнѣйшей угнетенности. Неразумныя ученія, проповѣдуемыя Робертомъ Оуэномъ и другими, относительно общаго владѣнія имуществомъ и пользованія за четырехчасовую работу въ сутки всѣмъ, чего только можетъ желать человекъ, и права каждаго на свою долю общаго владѣнія землей и на то, что сработано его руками; относительно права хозяевъ при нынѣшней системѣ давать лишь ту заработную плату, какую они пожелаютъ назначить; права земледѣльца на такое вознагражденіе, которое обеспечивало бы жизнь и довольство ему и его семьѣ за восьми или десяти часовой рабочій день; права каждаго, не имѣющаго работы, на полученіе ея и на вознагражденіе, удовлетворяющее вышесказаннымъ требованіямъ, и разныя подобныя ученія, постоянно повторяясь въ памфлетахъ, издаваемыхъ политическими союзами рабочихъ... въ значительной степени отодвинули политическіе интересы рабочихъ классовъ на задній планъ...

«Весьма многіе въ средѣ рабочихъ въ Англіи и Шотландіи были убѣждены, что стоитъ имъ только объ-

единиться,—что весьма легко сдѣлать,—и они получаютъ не только повсемѣстное значительное увеличеніе заработной платы, но и работу для всѣхъ—мужчинъ и женщинъ—кто въ ней нуждается».

«Это убѣжденіе побуждало ихъ соединяться и образовывать рабочіе союзы (Trades-Unions) въ невиданныхъ до тѣхъ поръ размѣрахъ.... При такихъ обстоятельствахъ не только процвѣтаніе, но и самое существованіе Национальнаго Союза рабочихъ классовъ и вообще подобныхъ политическихъ союзовъ, было невозможно ¹».

Такимъ образомъ этотъ союзъ вскорѣ распался и съ нимъ покончилъ свое существованіе послѣдній изъ политическихъ союзовъ эпохи борьбы за реформу. Довольно долгое время союзы эти и совсѣмъ не возобновлялись, а когда была сдѣлана новая попытка организаціи, то она вылилась въ нѣсколько иную форму.

Помимо всего, уже сказаннаго здѣсь, движеніе за реформу было и еще въ одномъ отношеніи въ высшей степени крупнымъ успѣхомъ платформы. Онъ заключался въ признаніи ея министрами. Платформа получила значеніе настолько важное, что министры, впервые въ исторіи Англии, стали находить возможнымъ, даже нужнымъ, лично обращаться, внѣ парламента, не только къ своимъ избирателямъ, но и къ другимъ общественнымъ собраніямъ. Болѣе того, запросы политической жизни развились настолько, что рѣчи, произносимыя во время парламентской сессіи, не могли уже удовлетворять общество, желавшее быть освѣдомленнымъ въ политическихъ дѣлахъ, и страна уже не могла терпѣливо выносить долгіе промежутки между парламентскими сессіями безъ всякаго признака жизни со стороны тѣхъ, кто управляетъ ею.

До послѣдняго движенія въ пользу акта о реформѣ этого не было. Случайныя рѣчи Каннинга были совершенно исключительнымъ явленіемъ. Лордъ Ливерпуль,

1. Рукописи Плэса, 27,797, стр. 290, 291.

за все время, что онъ былъ первымъ министромъ, насколько я могъ удостовѣриться, ни разу не произнесъ политической рѣчи внѣ парламента. Герцогъ Веллингтонъ иногда, но очень рѣдко, говорилъ публичныя рѣчи и то обыкновенно не политическаго содержанія. Въ качествѣ перваго министра онъ говорилъ одинъ разъ во время парламентскихъ каникулъ 1828—29 г., когда страна волновалась и желала уяснить себѣ политику правительства относительно эмансипаціи католиковъ. Но вообще онъ избѣгалъ говорить о политикѣ. То же самое можно сказать и о Пилѣ. Въ продолженіе зимы 1829 г. и всего 1830 г. никто изъ министровъ не произнесъ ни одной рѣчи внѣ парламента. Передъ общими выборами въ іюль 1830 г. не было сдѣлано никакой министерской деклараціи внѣ парламента; во время самыхъ выборовъ не было произнесено ни одной сколько нибудь заслуживающей вниманія рѣчи кѣмъ либо изъ министровъ и въ *Times*'ѣ того времени я не нашелъ ни одной рѣчи даже кого либо изъ членовъ парламента къ своимъ избирателямъ, исключая времени самыхъ выборовъ.

Движеніе за реформу очень скоро измѣнило такое положеніе вещей. 24 сентября 1831 г. данъ былъ большой парламентскій обѣдъ въ честь канцлера казначейства лорда Альторпа и лорда Джона Росселля 300-ми членами палаты общинъ, стоявшими за реформу; обѣдъ этотъ явился демонстраціею въ пользу реформы и поводомъ для произнесенія вождями партіи нѣсколькихъ рѣчей. *Times* называетъ этотъ обѣдъ «новаго рода внушительнымъ собраніемъ, которое возбудитъ большой интересъ въ нынѣшнемъ поколѣніи и въ будущемъ будетъ признано въ высшей степени знаменательнымъ явленіемъ». 16 ноября 1831 г. былъ снова данъ обѣдъ сторонниками реформы въ Ультширѣ лорду Лэнсдауну, бывшему въ то время министромъ, при чемъ этотъ послѣдній произнесъ большую рѣчь, главнымъ образомъ о необходимости сохраненія

порядка. «Тѣ, кто подстрекаетъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ,—враги реформы».

11 іюля 1832 г., когда борьба была уже окончена, первому министру лорду Грею и лорду Альторпу было поднесено почетное гражданство лондонскаго Сити. Оба произнесли благодарственныя рѣчи. Лордъ Грей сказалъ: «Моя доля участія въ этой реформѣ сравнительно невелика. Мы обязаны нашимъ успѣхомъ ревностному и могущественному содѣйствію народа. Осуществленіе этого великаго дѣла должно быть всецѣло приписано усиліямъ народа при благосклонной санкціи короля». Затѣмъ, въ рѣчи, произнесенной имъ на обѣдѣ, данномъ въ его честь, онъ сказалъ: «Главными причинами успѣха реформы были твердая рѣшимость, спокойная умѣренность и стойкость, съ которыми ее отстаивалъ англійскій народъ», послѣ чего онъ распространился о благодѣтельномъ значеніи совершившейся перемѣны.

Насколько этотъ обычай сталъ быстро распространяться, видно изъ статьи въ *The Examiner* отъ 29 декабря 1833 г. подъ заглавіемъ «Рѣчи министровъ». «Обычный періодъ министерскихъ обѣдовъ только-что закончился, и мы спрашиваемъ себя, можетъ ли какой либо панегирикъ идти дальше того самовосхваленія, съ которымъ различные члены правительства излагали свой образъ дѣйствій и правительственную политику».

Лордъ Брумъ, министръ и лордъ-канцлеръ, говорилъ въ Іоркѣ. Лордъ Джонъ Россель, министръ, произнесъ политическую рѣчь на обѣдѣ въ Плимутѣ; министръ колоній, м-ръ Стэнли, произнесъ рѣчь въ Манчестерѣ. Менѣе видные члены правительства, какъ вице-президентъ бюро торговли, м-ръ Томсонъ, и секретарь бюро контроля, м-ръ Маколей, также выступали съ платформы.

Одна фраза въ рѣчи Маколея указываетъ на то, что обычай этотъ пошелъ еще дальше. «Я знаю, сказалъ онъ, что нѣкоторые члены парламента, при свиданіи съ своими избирателями послѣ истекшей знаменательной сессіи, на-

шли нужнымъ принять по отношенію къ нимъ униженный тонъ самооправданія ¹». Лордъ Дургамъ, бывший прежде министромъ, хотя теперь и находившійся не у дѣлъ, также произнесъ настоящую политическую рѣчь по поводу реформы на обѣдѣ въ Гэтсхедѣ, а нѣсколько дней спустя другую въ Сундерландѣ. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что всѣ эти рѣчи уже сильно приближались, хотя и въ уменьшенномъ видѣ, къ той осенней кампаніи, къ которой такъ привыкли теперь англичане и которая составляетъ столь неотъемлемую принадлежность общественной жизни и общественныхъ требованій въ Англіи.

Такимъ образомъ, главными результатами движенія въ пользу реформы по отношенію къ платформѣ были: формальное признаніе ея въ ряду политическихъ учрежденій страны; введеніе ея въ качествѣ постояннаго явленія во множествѣ такихъ мѣстъ, гдѣ она прежде представлялась лишь случайнымъ явленіемъ; приведеніе ея въ связь съ стройной и могущественной организаціей и, въ концѣ концовъ, привлеченіе даже самихъ министровъ къ принятію ея, какъ средства общенія съ народомъ.

Послѣ многихъ лѣтъ молчанія, въ теченіе которыхъ она какъ бы готовилась къ предстоявшему ей дѣлу, платформа вдругъ проявила большую активность. Въ теченіе почти цѣлыхъ двухъ лѣтъ, все населеніе Великобританіи пользовалось ею, какъ оружіемъ политической власти, и когда великая борьба была закончена, — и закончена побѣдою, — то вся честь и слава этой побѣды должны были быть приписаны ей. Подобно тому, какъ древній воинъ приписывалъ свои побѣды превосходству своего меча, такъ и англійскій народъ могъ приписать свою побѣду превосходству своего новаго оружія политической борьбы. Теперь оно было хорошо испытано. Имѣя за собою поддержку могущественной организаціи, оно преодолѣло всѣ препятствія, и народъ провозгласилъ его своимъ; министры, государственные люди и политики

1. The Examiner, 17 ноября 1833.

всѣхъ званій и партій, убѣдившись въ его силѣ, по собственному почину начали также пользоваться имъ безъ всякихъ ограниченій; отнынѣ его положеніе въ качествѣ могущественной силы было упрочено въ государствѣ; отнынѣ всякій зналъ о существованіи затаенной мощной народной силы, которая можетъ быть приведена въ дѣйствіе во всякій истинно критическій моментъ народной жизни.

Главный интересъ исторіи платформы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, непосредственно слѣдовавшихъ за реформою, заключается въ томъ, что все больше укоренялось обыкновеніе, въ силу котораго министры и ех-министры, а также другіе государственные дѣятели пользовались ею для защиты или разъясненія своей политики и своихъ взглядовъ. Къ этому именно періоду слѣдуетъ отнести возникновеніе этой, впоследствии столь характерной, особенности политической жизни Англіи.

Серія министерскихъ рѣчей осенью 1833 г. представляла много интереснаго въ этомъ отношеніи, но осень 1834 г. являетъ еще болѣе разительное доказательство громадной перемѣны, происшедшей въ умахъ крупныхъ политическихъ дѣятелей: я имѣю въ виду поѣздку по странѣ столь виднаго дѣятеля, какъ лордъ Брумъ, лордъ-канцлеръ Англіи и членъ кабинета.

Онъ предпринялъ поѣздку по Шотландіи, посѣтилъ многія мѣстности ея и въ каждомъ сколько нибудь значительномъ городѣ выступалъ съ платформы, совершенно такимъ же перипатетикомъ, какъ и ораторъ Гентъ и другія знаменитости платформы ¹.

«Въ одномъ мѣстѣ» пишетъ Annual Register ², «онъ смѣло доходилъ до самыхъ крайнихъ степеней ультра-радикализма; въ другомъ онъ говорилъ вещи, которыя могли бы побудить консерваторовъ признать его все-

1. Объ этой поѣздкѣ см. въ Lives of the Lord Chancellors, лорда Кэмпбелля, т. III, а также въ газетахъ того времени.

2. 1834 г., стр. 335.

цѣло своимъ; сегодня онъ перевозносилъ палату пэровъ, завтра онъ металъ въ нее громы и осыпалъ насмѣшками. Иногда приемы его доходили до смѣшного. Въ Инвернессѣ онъ увѣрялъ своихъ слушателей, что въ тотъ же вечеръ онъ будетъ писать королю, чтобы уведомить его величество объ ихъ вѣрноподданическихъ чувствахъ».

Такой образъ дѣйствій лорда Брума вызвалъ взрывъ единодушнаго порицанія. Times ¹ писалъ спустя нѣкоторое время: «Нельзя представить себѣ болѣе возмутительнаго зрѣлища, чѣмъ то, что должностное лицо, занимающее высшій судебный постъ въ имперіи, раздѣвается какъ какой нибудь шарлатанъ-докторъ по странѣ, расхваливая себя и свои якобы безошибочныя средства и компрометируя и унижая правительство, къ которому онъ имѣетъ честь принадлежать».

Гревилль также изображаетъ Брума играющимъ шутовскую роль въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ въ палатѣ лордовъ, и возбуждающимъ неудержимый смѣхъ въ своихъ противникахъ и непрерывный ужасъ въ своихъ друзьяхъ ².

Этой поѣздкѣ суждено было вызвать неожиданныя послѣдствія.

Независимо отъ нея, въ ту же осень произошло другое замѣчательное событіе, имѣющее отношеніе къ платформѣ. Во время парламентской сессіи 1834 г. лордъ Грей покинулъ постъ перваго министра и его мѣсто занялъ лордъ Мельбурнъ.

Шотландія чувствовала себя особенно обязанною лорду Грею, даровавшему ей болѣе широкія избирательныя права и поэтому рѣшила чествовать его. Ему было послано приглашеніе прибыть въ Шотландію и здѣсь устроенъ былъ въ честь его торжественный приемъ, закончившійся большимъ банкетомъ въ Единбургѣ, на ко-

¹. См. Times, 17 ноября 1834 г.

². Гревилль, Memoirs, т. III, стр. 133.

торомъ онъ, бывший премьеръ, самъ произнесъ политическую рѣчь. Приемъ начался отъ самой границы. По срединѣ моста черезъ рѣку Твидъ была устроена триумфальная арка. Здѣсь лордъ Грей былъ встрѣченъ громадными толпами народа, который процесіей сопровождалъ его до Кольдстрима, гдѣ ему былъ поднесенъ благодарственный адресъ, въ отвѣтъ на который онъ произнесъ свою рѣчь.

«Совершенно вѣрно сказано въ только-что прочитанномъ адресѣ, что эта великая реформа была необходима для дальнѣйшихъ преобразованій. Сдѣлано очень много, гораздо больше, чѣмъ можно было ожидать, принимая во вниманіе всѣ условія и всю трудность положенія даннаго времени, чтобы подвинуть впередъ великое дѣло реформы. Многое еще остается сдѣлать, но я чувствую увѣренность, что средства осуществленія всего, что требуется для созданія хорошаго управленія, находятся въ нашихъ рукахъ... Для осуществленія того, что необходимо еще совершить, мы должны стараться одинаково избѣгать поспѣшности, вызываемой общимъ увлеченіемъ, какъ и противоположной крайности, которая могла бы повредить важнѣйшимъ интересамъ страны».

Въ Кельсо лорду Грею былъ оказанъ великолѣпный приемъ и поднесено нѣсколько адресовъ. Онъ отвѣчалъ длинною рѣчью. И здѣсь онъ также настаивалъ на умѣренности. «Цѣль, которая имѣлась въ виду при осуществленіи этой великой реформы, заключается не въ колебаніи и нарушеніи, но въ укрѣпленіи и утвержденіи коренныхъ принциповъ и основныхъ формъ конституціи. Реформа является дѣломъ умиротворенія, а не революціи, какъ говорили нѣкоторые».

Въ Далькейтѣ ему поднесли адресъ и онъ отвѣчалъ на него; но самый блестящій приемъ имѣлъ мѣсто въ Единбургѣ. Здѣсь по всѣмъ улицамъ, переполненнымъ толпами народа, лорда Грея сопровождала многолюдная

процессія и ему поднесено почетное гражданство года, также какъ и почетное гражданство отъ Глазго и другихъ городовъ и множество адресовъ.

Вечеромъ былъ устроенъ большой банкетъ, на которомъ онъ произнесъ рѣчь,—настоящую политическую рѣчь. И здѣсь онъ снова проповѣдывалъ сдержанность. «Я надѣюсь, что мы будемъ продолжать идти по пути тѣхъ усовершенствованій, которыя вызываются успѣхами просвѣщенія въ средѣ народа и условіями времени. Въ собраніи, къ которому я теперь обращаюсь, мнѣ, конечно, нечего говорить, что мы должны всѣми силами воздерживаться отъ всякихъ крайнихъ или насильственныхъ перемѣнъ¹».

Въ общественной жизни Англій такая поѣздка по странѣ бывшего премьера и произнесеніе ряда политическихъ рѣчей съ платформы была совершенно новымъ явленіемъ.

Лордъ Брумъ, только-что возвращавшійся изъ своей поѣздки и присутствовавшій на банкетѣ, отвѣчалъ на тостъ въ честь министровъ: «Я принадлежу къ тѣмъ министрамъ, точно также, какъ и мой благородный другъ, которые никогда не боялись народа. Я радуюсь и горжусь всякимъ случаемъ, какъ въ официальной, такъ и въ не официальной сферѣ, встрѣчи съ народомъ для того, чтобы давать ему отчетъ о своей дѣятельности и лицомъ къ лицу выражать ему свое мнѣніе въ тѣхъ случаяхъ, когда оно расходится съ нимъ».

Лордъ Дургамъ, бывшій министръ, также произнесъ рѣчь: «Я принадлежу къ тѣмъ, которые сожалеютъ о каждомъ часѣ существованія разъ признаннаго, но еще не устраненнаго зла (восторженные выраженія одобренія). Я ничего не имѣю противъ осмотрительности, съ которою проводятся реформы, но я встаю противъ того, чтобы поступаться ихъ принципами. Я встаю противъ тѣхъ сокращеній, ограниченій и урѣзываній, которыя

1. См. «The Grey Festival» и т. д., Эдинбургъ, 1834.

неизбѣжно сопутствуютъ каждой попыткѣ примирить съ ними противниковъ, которыхъ нельзя склонить на свою сторону».

Король былъ крайне раздраженъ при видѣ того, что платформа начинаетъ приобрѣтать такое значеніе въ столь высокихъ сферахъ. 5 ноября 1834 г. его частный секретарь писалъ лорду Мельбурну: «Его величество не перестаетъ порицать особенно распространившійся въ послѣднее время обычай давать большіе обѣды, являющіеся въ нѣкоторомъ родѣ политическими собраніями, на которыхъ поднимаются вопросы, неизбѣжно вызывающіе взаимныя обвиненія въ такое время, когда, какъ теперь, существуетъ такое раздѣленіе партій. Онъ осуждаетъ произнесеніе рѣчей странствующими ораторами, въ особенности, когда они занимаютъ высокій постъ ¹».

Вскорѣ произошло обстоятельство, давшее возможность королю высказать свой гнѣвъ не одними только словами. Лордъ Спенсеръ умеръ; 12-го ноября лордъ Мельбурнъ писалъ королю, что вслѣдствіе смерти лорда Спенсера и вступленія въ палату пэровъ лорда Альторпа, король быть можетъ пожелаетъ сдѣлать какія либо распоряженія, и отправился въ Брайтонъ для представленія этого письма. Король отвѣчалъ 14 ноября: «Его величество находитъ, что значеніе и престижъ нынѣшняго министерства до такой степени умалены въ палатѣ общинъ и вообще въ странѣ, что за нимъ невозможно долѣе сохранить управленіе дѣлами ²».

«Ничто, пишетъ Гревилль, не могло быть безапелляционнѣе и рѣшительнѣе этого шага и не оставалось никакой возможности ни для объясненій, ни для какойнибудь иной попытки поправить дѣло ³». А нѣсколько далѣе онъ прибавляетъ: «Ихъ (виговъ) положеніе—со-

1. Сэръ Тэйлоръ лорду Мельбурну. См. Lord Melbourne's Papers, стр. 217.

2. См. Lord Melbourne's Papers, стр. 222.

3. Greville, Memoirs, т. III, стр. 144.

вершенно исключительное: имъ приходилось не покориться неизбѣжности послѣ неудавшихся переговоровъ и попытокъ соглашенія, но быть безцеремонно выгнанными самымъ рѣшительнымъ и безповоротнымъ образомъ среди полного, какъ имъ казалось, апогея своей силы, когда они меньше всего ожидали этого».

Перемѣна министерства произошла, по словамъ сэра Роберта Пиля, «вслѣдствіе прямого вмѣшательства короля ¹». «Городъ» имѣлъ полное основаніе быть «наэлектризованнымъ», какъ пишетъ Гревилль, извѣстіемъ о паденіи министерства Мельбурна. Чтобы менѣе, чѣмъ черезъ три года послѣ проведенія великаго акта о реформѣ либеральное министерство могло быть такъ неожиданно уволено и замѣнено торійскимъ министерствомъ, — этого никто не могъ предвидѣть.

Ораторская поѣздка лорда Брума сопровождалась изумительными результатами. Лордъ Мельбурнъ, перечисляя мотивы, заставившіе короля уволить его и его товарищей, упоминаетъ «о недавнихъ дѣйствіяхъ канцлера, вызвавшихъ рѣшительное осужденіе короля и охлажденіе его къ министерству», а въ письмѣ къ лорду Бруму, отъ 14 февраля 1835 г., онъ писалъ: «Я долженъ, однако, откровенно сказать вамъ, что ваше поведеніе является одною изъ главныхъ причинъ отставки министерства и что въ немъ именно большинство усматриваетъ оправданіе этого шага».

Покинувшій свой постъ первый министръ произнесъ по поводу своей отставки двѣ рѣчи внѣ парламента. Вскорѣ по возвращеніи въ свой округъ, 1-го декабря 1834 г., онъ получилъ отъ города Дерби адресъ и воспользовался этимъ, — случай еще небывалый до тѣхъ поръ, — чтобы при посредствѣ платформы объяснить причины увольненія его королемъ. Изобразивъ положеніе, въ которое были поставлены министры вслѣдствіе смерти лорда Спенсера, онъ сказалъ: «Послѣ этого я счелъ

1. Peel's Memoirs, т. II, стр. 32.

своимъ долгомъ спросить его величество, не пожелаетъ ли онъ сдѣлать какія либо распоряженія для замѣщенія открывшихся вакансій, и его величеству угодно было остановиться на рѣшеніи не возлагать на меня этой обязанности, а обратиться къ другимъ. Вотъ краткое изложеніе всего, что случилось.

«Говорили, что кабинетъ вышелъ въ отставку не вслѣдствіе рѣшенія его величества, а вслѣдствіе происшедшихъ въ немъ внутреннихъ разногласій; что между членами его существовало такое разномысліе, которое неизбежно должно было привести къ скорому, если не немедленному, распаденію его. Я пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы рѣшительно опровергнуть это. Въ кабинетѣ имѣлись различныя оттѣнки мнѣній, какъ это всегда должно быть между людьми, думающими и поступающими свободно и по совѣсти, но не было такого разномыслія по вопросамъ, затрогивающимъ крупныя общественныя интересы, которое препятствовало бы согласному веденію дѣла управленія ¹». Онъ воспользовался также этимъ случаемъ, чтобы высказать нѣкоторыя совѣты относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій различныхъ группъ либеральной партіи.

Гревилль называетъ эту рѣчь «крайне умѣренной и сдержанною ²», но онъ ничего не говоритъ о томъ, что она являлась безусловно первымъ примѣромъ объясненія внѣ парламента и съ платформы со стороны министра причинъ переменъ правительства. Но какимъ бы замѣчательнымъ и памятнымъ въ исторіи платформы ни являлось это событіе, то, что сдѣлалъ новый премьеръ, было—если только это возможно—еще удивительнѣе. Объ этомъ самъ Пиль рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ.

«Немедленно послѣ составленія кабинета я предложилъ своимъ товарищамъ воспользоваться предстояв-

¹. См. *The Derby and Chesterfield Reporter*, 4 декабря 1834.

². *Greville*, т. III, стр. 166.

шими выборами и въ письменномъ обращеніи къ моимъ избирателямъ изложить общіе принципы, на основаніи которыхъ будущее правительство намѣревается дѣйствовать. Мои товарищи вполне одобрили мои намѣренія¹».

Въ этомъ обращеніи онъ сказалъ: «Стремясь къ возобновленію политической связи съ вами, я считаю своимъ долгомъ высказать вамъ свои взгляды на политическія дѣла—со всею полнотою и откровенностью, какія допускаетъ мое положеніе короннаго министра.

«Вы имѣете на это полное право, порождаемое характеромъ тѣхъ полномочій, которыя я желаю снова получить отъ васъ, тѣми давними дружественными отношеніями, которыя связываютъ насъ, и вашею испытанною преданностью въ трудныя времена, когда выраженіе полного довѣрія было для меня особенно цѣнно. Я съ радостью пользуюсь также этимъ подходящимъ поводомъ для того, чтобы обратиться и къ болѣе широкимъ общественнымъ сферамъ, обратиться черезъ васъ къ тому обширному и просвѣщенному общественному классу, котораго вы являетесь истинными и превосходными представителями; къ тому классу, который гораздо менѣе заинтересованъ борьбою партій, чѣмъ сохраненіемъ порядка и установленіемъ хорошаго управленія. Я обращаюсь къ нему съ этимъ искреннимъ заявленіемъ общихъ принциповъ и взглядовъ, котораго повидимому ожидаютъ съ интересомъ и уклоненіе отъ котораго не должно входить въ намѣренія и не можетъ быть въ интересахъ англійскаго министра».

Значеніе этого обращенія хорошо выяснено въ статьѣ *Quarterly Review*: «Обращеніе сэра Роберта Пиля къ избирателямъ само по себѣ и независимо отъ того, что въ немъ говорится, есть доказательство того, что онъ признаетъ требованія времени и, не связанный старыми правительственными традиціями и обычаями, будетъ рѣшительно идти на встрѣчу имъ. Бывало ли

1. Peel's Memoirs, т. II, стр. 58.

когда нибудь прежде, чтобы первый министр находилъ и нужнымъ объявлять народу не только о своемъ вступленіи въ должность, но и принципы и даже подробности тѣхъ мѣръ, которыя онъ намѣренъ проводить, и просить не у парламента, а у народа, чтобы онъ „изъ уваженія къ прерогативамъ короля проявилъ къ его избранникамъ-министрамъ не слѣпое довѣріе, а справедливое отношеніе?“. Въ прежнее время такой поступокъ сочли бы унижающимъ власть и неконституціоннымъ; и онъ дѣйствительно былъ бы и тѣмъ и другимъ, но новое положеніе, созданное актомъ о реформѣ для коронной власти, поставивъ выборъ ея министровъ въ непосредственную и безусловную зависимость отъ выбора избирателей, сдѣлалъ подобный образъ дѣйствій не только цѣлесообразнымъ, но и неизбѣжнымъ ¹».

Не подлежитъ сомнѣнію, что это обращеніе собственно не входитъ въ область исторіи платформы, такъ какъ это была не рѣчь, а письменное обращеніе, но оно интересно тѣмъ, что показываетъ, какъ измѣнилось представленіе консервативнаго премьера объ отношеніи его къ избирателямъ.

Вскорѣ послѣ этого Пиль дополнилъ свои заявленія рѣчью 23-го декабря на обѣдѣ у лорда-мэра. «Я могу взять на себя смѣлость сказать отъ имени министровъ его величества, что нашею цѣлью будетъ пріобрѣтеніе и укрѣпленіе довѣрія со стороны народа не путемъ поспѣшно и необдуманно взятыхъ на себя обязательствъ объ измѣненіи всего, что съ перваго взгляда можетъ казаться зломъ; не путемъ согласія дѣлать всевозможныя уступки всякому необдуманному народному требованію; не путемъ неосновательныхъ обѣщаній облегчить все, на что жалуются, какъ на тягость; повторяю, не путемъ поспѣшныхъ и необдуманныхъ обязательствъ... но добросовѣстнымъ признаніемъ нашего долга тщательно изслѣдовать всякую причину недовольства, всякое предпола-

¹. Quarterly Review, т. LIII, стр. 265.

гаемое злоупотребленіе, и когда существованіе зла будетъ доказано и злоупотребленіе не отвергнуто, пытаться внести исправленіе, но лишь по зрѣломъ обсужденіи и по тщательномъ изученіи каждаго вопроса во всей его сложности, обусловливаемой интересами страны. Такой образъ дѣйствій необходимъ для того, чтобы принимаемыя мѣры были дѣйствительны для исправленія зла». Обращеніе Пия къ избирателямъ и эта рѣчь дали торійской партіи основную ноту для ея дѣйствій въ предстоявшей борьбѣ на общихъ выборахъ.

Тому, что лидеры политическихъ партій стали признавать значеніе внѣпарламентскаго выраженія своихъ взглядовъ, имѣется еще одно свидѣтельство въ дѣйствіяхъ лорда Джона Росселля, которому вскорѣ предстояло сдѣлаться лидеромъ оппозиціи. Прежде чѣмъ было объявлено о роспускѣ парламента, лордъ Росселль отправился въ Девонширъ и 2-го декабря присутствовалъ на большомъ митингѣ своихъ избирателей въ Тотнессѣ ¹, гдѣ старался доказать, что положеніе, въ какое становятся консерваторы, въ качествѣ сторонниковъ реформы, не согласуется съ ихъ прежнимъ образомъ дѣйствій. «Его рѣчь была принята всѣми какъ превосходное изложеніе взгляда виговъ того времени; она была перепечатана изъ мѣстныхъ газетъ и расклеена по всей странѣ ²». Черезъ двѣ недѣли, или около того, онъ снова произнесъ рѣчь передъ своими избирателями на митингѣ графства въ Девонширѣ. Другія рѣчи того времени также указываютъ на замѣтную перемѣну въ настроеніи и на громадную разницу во взаимныхъ отношеніяхъ между представителями и ихъ избирателями, а также на то, чѣмъ они обязаны передъ послѣдними. Такъ, лордъ Стэнли при полученіи полномочій отъ Ланкашира вошелъ въ подробное объясненіе причинъ своего отказа принять приглашеніе сэра Роберта Пия вступить въ новое министерство.

¹. Times, 8 декабря 1834 г.

². Russell, Вальполя; стр. 212.

«Я и мои друзья полагали, что мы лучше выполнимъ нашъ общественный долгъ, отклонивъ это предложеніе. Если бы мы согласились примкнуть къ новому правительству для того, чтобы содѣйствовать ему въ проведеніи тѣхъ либеральныхъ мѣръ, которыя оно, я полагаю, должно провести и проведетъ, то какой клеветѣ и какимъ ложнымъ толкованіямъ подверглись бы мотивы нашихъ дѣйствій и развѣ не сталъ бы народъ смотрѣть на насъ, какъ на людей, вышедшихъ въ отставку только для того, чтобы снова подняться на развалинахъ того правительства, которое мы оставили?».

Парламентъ былъ распущенъ 30 декабря 1834 г., а выборы происходили въ январѣ 1835 г. Случаи избирательной борьбы были далеко не такъ многочисленны, какъ въ 1832 г., а именно въ 145 бургахъ Великобританіи вмѣсто 160—въ 1832 г.; но еще значительнѣе они уменьшились въ графствахъ. Въ Великобританіи ихъ было всего 47 вмѣсто 67, бывшихъ въ 1832 г.; всего же было 192 случая избирательной борьбы вмѣсто 227 въ 1832 г. 7-го января 1835 г. Гревилль пишетъ: «Выборы, на сколько о нихъ можно судить теперь, скорѣе неблагопріятны для министерства: хотя они и не дали особенной разницы въ численномъ распредѣленіи партій, но уже достаточно очевидно, что декларация Пила не произвела никакого или очень малое дѣйствіе и что всѣ соображенія, развиваемыя передъ страной, и обращеніе къ ея здравому смыслу были напрасны ¹».

Прежде чѣмъ окончились выборы, а именно 16 января 1835 г., Пиль, на обѣдѣ, который онъ давалъ своимъ избирателямъ въ Тамвортѣ, произнесъ рѣчь ². Это былъ первый случай, что премьеръ воспользовался выборною платформою для подробнаго изложенія своей политики,—такъ высоко было теперь положеніе платформы.

¹ Greville, Memoirs, т. III, стр. 188.

² The Times, 26 янв. 1835 г. Извлеченіе изъ The Staffordshire Advertiser.

Онъ выразилъ сожалѣніе, что не имѣлъ возможности говорить передъ нимъ до выборовъ. «Теперь не такое время, когда политическіе дѣятели могли бы проявлять министерскую сдержанность и считать себя свободными отъ обязанности вступать въ прямое общеніе съ тѣми, кого они представляютъ. Именно потому, что я министръ короны, я не только не избѣгаю, но я ищу случая для подобнаго общенія. Какъ министръ, я надѣюсь при посредствѣ публичнаго обсужденія съ успѣхомъ разсѣять несправедливыя подозрѣнія, устранить неосновательныя предубѣжденія, опровергнуть все то, что выдвигается невѣжествомъ и недоброжелательствомъ. Только такимъ путемъ могутъ восторжествовать истина и справедливость, и я никогда не буду колебаться идти этимъ путемъ».

Затѣмъ онъ изложилъ свои намѣренія. «Англійскій народъ, сказалъ онъ, всего болѣе хочетъ, я полагаю, сохранить въ полной неприкосновенности прерогативы своей древней монархіи; онъ хочетъ также сохранить полную свободу и независимость дѣйствій каждаго изъ элементовъ законодательной власти; онъ хочетъ сохранить свою церковь и ея связь съ государствомъ... Я твердо намѣренъ поддерживать все это, но это нисколько не противорѣчитъ исправленію всякаго дѣйствительнаго зла и устраненію всякаго ограниченія гражданскихъ правъ, которому могутъ подвергаться тѣ, кто не раздѣляетъ ученія государственной церкви. Я полагаю, что такой образъ дѣйствій, на ряду съ искреннимъ желаніемъ проводить всякое разумное и своевременное улучшеніе, не только удовлетворитъ англійскій народъ, но даже болѣе того—заслужитъ его горячее одобреніе».

Результатъ общихъ выборовъ сказался въ первомъ же голосованіи палаты общинъ; онъ выразился въ пораженіи министерства большинствомъ десяти голосовъ (за него подали 306 голосовъ, противъ—316). Для консервативной партіи это было весьма значительнымъ ударомъ такъ скоро послѣ акта о реформѣ; но этого было недостаточно:

пораженія министерства въ парламентѣ слѣдовали одно за другимъ и сэръ Робертъ Пиль вскорѣ заявилъ королю о необходимости, несмотря на сильное нежеланіе короля, переменъ министерства.

25 марта онъ писалъ въ меморандумѣ кабинета: «По моему мнѣнію, правительство, остающееся во власти вопреки большинству, можетъ найти себѣ оправданіе только въ разумной и основательной надеждѣ получить новую поддержку и превратить меньшинство въ большинство ¹».

29 марта онъ писалъ королю, высказываясь противъ оставленія министерства во власти: «Вашему величеству надлежитъ имѣть въ виду, что вслѣдъ за этимъ голосованіемъ послѣдуетъ рядъ другихъ, неблагопріятныхъ взглядамъ министровъ вашего величества; что палата общинъ, дѣйствующая такъ на глазахъ всей страны, совершенно независимо отъ контроля исполнительной власти и узурпируя этимъ путемъ, за отсутствіемъ такого контроля, многія функции правительства, представляетъ собою крупное зло въ государственной жизни ²».

Король, наконецъ, уступилъ. Министерство сэра Роберта Пила вышло въ отставку 8 апрѣля и первымъ министромъ снова сдѣлался лордъ Мельбурнъ ³.

Со времени вторичнаго министерства лорда Мельбурна и до конца царствованія Вильгельма IV, среди министровъ и другихъ политическихъ дѣятелей обычай

1. Peel's Memoirs, т. II, стр. 89.

2. Ibid., стр. 91.

3. Здѣсь можно привести одинъ интересный фактъ, рассказанный Гревиллемъ въ его Memoirs. 15 февраля 1835 г. онъ пишетъ: «Вчера я былъ въ обѣихъ палатахъ парламента. Прежнее помѣщеніе палаты лордовъ (теперь палата общинъ) очень велико и удобно. Въ первый разъ въ палатѣ общинъ устроена галерея для репортеровъ, что совершенно не согласуется съ ея регламентомъ и съ формально существующимъ еще запрещеніемъ печатать сообщенія о преніяхъ. Это есть какъ бы открытое признаніе общественнаго мнѣнія и права народа знать черезъ посредство печати обо всемъ, что происходитъ въ этихъ стѣнахъ». Ibid., т. III, стр. 205.

пользоваться платформою распространяется все болѣе и болѣе.

Сэръ Робертъ Пиль, нисколько не считая свое положеніе перваго министра препятствіемъ, очень часто прибѣгалъ къ платформѣ и смотрѣлъ на нее, какъ на лучшее средство для широкаго распространенія своихъ мнѣній и привлеченія къ нимъ общественнаго вниманія. Такъ, на обѣдѣ въ Merchant's Tailor's Hall, 11 мая 1835 г., онъ произнесъ рѣчь, въ которой призывалъ къ поддержкѣ консервативныхъ принциповъ и заявлялъ о намѣреніи своей партіи устранять дѣйствительныя злоупотребленія и соблюдать надлежащую экономію. Онъ сказалъ: «Правительство страны и характеръ его управленія должны, позвольте это сказать вамъ, зависѣть главнымъ образомъ отъ состава палаты общинъ», и онъ настойчиво убѣждалъ въ необходимости пріобрѣтенія дѣйствительнаго вліянія на народную вѣтвь законодательнаго собранія.

«Мы не скрываемъ, что наше твердое намѣреніе— поддерживать всею силою своей власти ограниченную монархію нашей страны, уважать право каждаго изъ элементовъ законодательной власти, сохранять неприкосновенность соединенной церкви Англій и Ирландіи, какъ господствующаго учрежденія, съ удержаніемъ за ней всѣхъ ея имуществъ и всѣхъ ея справедливыхъ привилегій. Таково наше твердое намѣреніе. Мы не согласимся ни на какія уступки и воспользуемся всею властью, которую предоставляетъ намъ конституція, для поддержанія и упроченія существующаго строя въ области церкви и государства. Съ этимъ призывомъ мы и обращаемся къ среднимъ классамъ населенія страны, къ тѣмъ, которые являются носителями избирательныхъ правъ.

«Мы не допустимъ, поскольку это будетъ въ нашихъ силахъ, вторженія демократіи подъ какимъ бы то ни было благовиднымъ предлогомъ въ учрежденія нашей страны,—вторженія, которое существенно измѣнило бы ея внутренній строй и постепенно лишило бы насъ тѣхъ

благъ, которыми мы такъ долго пользовались подъ сѣнью нашей ограниченной монархіи и древнихъ учрежденій. Такъ я понимаю консервативные принципы и на основѣ ихъ мы обращаемся къ странѣ за поддержкою...

«Объявите странѣ, отсюда, изъ этого центра столицы, что, поддерживая принципы умѣренности, вы попрежнему будете стоять на стражѣ древней крѣпости, древнихъ устоевъ конституціи, что вы будете стоять на стражѣ монархіи и охранять ея справедливыя прерогативы; будете охранять независимость власти палаты лордовъ и право государственной церкви во всей ихъ неприкосновенности и ненарушимости. Опираясь на ясныя велѣнія парламентскихъ актовъ, вы охраните протестантское правительство и протестантскую религію нашей страны!»

На этомъ же обѣдѣ присутствовалъ другой бывшій премьеръ, герцогъ Веллингтонъ, который также произнесъ небольшую рѣчь. Къ платформѣ, однако, обращались не одни бывшіе премьеры. Осенью 1835 г. О'Коннель, слѣдуя прошлогоднему примѣру лорда Брума, совершилъ политическую поѣздку по сѣверу Англии и по Шотландіи, во время которой говорилъ на многихъ митингахъ, ратуя за реформу палаты лордовъ.

Рѣзкость его рѣчей скорѣе повредила министерству, которое, по его заявленію, онъ поддерживалъ, такъ какъ «вмѣсто того, чтобы дѣйствовать убѣдительно на благо-разумныхъ и умѣренныхъ людей, эти рѣчи производили непріятное впечатлѣніе и вызывали нѣкоторую тревогу».

Послѣдствія этого виги испытали на нѣкоторыхъ выборахъ, имѣвшихъ мѣсто вскорѣ послѣ закрытія парламентской сессіи. Въ Девайзѣ вмѣсто вига былъ выбранъ консерваторъ, а въ Нортгамптонширѣ потерпѣлъ поражение старшій сынъ лорда Фитцвилляма. Огорченный этимъ, лордъ Мельбурнъ сказалъ по этому поводу: «По моему мнѣнію, выдержать парламентскую сессію легко; гораздо труднѣе вакаціонное время ¹». Такое сужденіе

¹. См. Walpole, Russell, т. I, стр. 248.

въ устахъ перваго министра является самымъ яркимъ свидѣтельствомъ того, какъ измѣнилось отношеніе къ политическимъ рѣчамъ во время парламентскихъ каникулъ и къ пользованію платформой лидерами партій и выдающимися политическими дѣятелями.

Виги нашли нужнымъ отречься отъ соучастія въ планахъ и мнѣніяхъ, вызывавшихъ такое недовольство, и лордъ Джонъ Росселль, бывший министромъ внутреннихъ дѣлъ, воспользовался случаемъ при поднесеніи ему адреса въ Плимутѣ, чтобы высказать взгляды министерства.

Указывая на obstructивную политику палаты лордовъ, онъ сказалъ: «Та самая партія, которая оказывала это сопротивленіе, противилась и всякой предлагавшейся либеральной мѣрѣ въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ, а по проведеніи наиболѣе важной изъ этихъ мѣръ сопротивленіе ихъ завершилось признаніемъ безнадежности борьбы». При этомъ онъ прибавилъ: «Черпая новыя силы изъ прошлыхъ побѣдъ и твердо уповая на грядущій успѣхъ, я отъ всей души совѣтую вамъ въ достиженіи торжества дальнѣйшихъ преобразовательныхъ мѣръ полагаться болѣе на воздѣйствіе общественнаго мнѣнія, воспитываемаго и просвѣщаемаго развитіемъ гласности и свободы обсужденія, чѣмъ на коренныя перемѣны, которыя не могутъ быть предложены безъ того, чтобы не вызвать разногласія, и проведены безъ риска потрясенія всего строя и самое осуществленіе которыхъ было бы сомнительнымъ благомъ для народнаго дѣла и грозило бы несомнѣнною опасностью для монархіи... Я горячо преданъ основамъ нашей свободы; я съ восторгомъ преклоняюсь передъ принципами нашихъ древнихъ учрежденій; къ конституціи нашей страны во всѣхъ ея элементахъ я привязанъ и чувствомъ, и убѣжденіемъ, и долгомъ».

Было въ ту эпоху еще одно обстоятельство, побуждавшее членовъ парламента чаще обращаться къ платформѣ, а именно, равенство парламентскихъ силъ обѣихъ партій. Это равенство принуждало каждую изъ нихъ

дѣлать самыя энергическія усилія для пріобрѣтенія себѣ большинства, а для этого обѣ онѣ въ широкой мѣрѣ пользовались платформой.

Annual Register 1837 г. говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Собраніе парламента было назначено на послѣдній день января (1837 г.), но политическое возбужденіе началось значительно ранѣе этого срока. По всей странѣ происходили митинги, созываемые представителями партій, дѣлившихъ между собою общественное мнѣніе, для того, чтобы привести въ извѣстность свои силы и возвѣстить свои взгляды, приготавливаясь къ болѣе серьезной борьбѣ, предстоявшей въ парламентѣ.

«Эти митинги имѣютъ большое значеніе, какъ показатели настроенія общественнаго мнѣнія, не говоря уже о томъ, что политическіе дѣятели имѣютъ возможность высказывать на нихъ свои взгляды и стремленія съ болѣею ясностью и опредѣленностью, чѣмъ то допускаютъ рамки парламентскихъ дебатовъ».

5 января 1837 г. реформисты города Басъ дали своимъ представителямъ обѣдъ, на которомъ присутствовало большинство наиболѣе видныхъ членовъ радикальной партіи, воспользовавшихся этимъ случаемъ, чтобы снова публично высказать основные принципы своего политическаго ученія.

Сэръ Уилльямъ Молесвортъ слѣдующимъ образомъ выразилъ взгляды радикальной партіи: «Искренніе реформисты должны начать дѣйствовать самостоятельно. Имъ совѣтовали отказаться отъ нѣкоторыхъ мелочей, возбуждающихъ разногласіе. Но развѣ вопросъ о способѣ подачи голосовъ мелочь? Можно ли называть мелочью расширеніе избирательныхъ правъ, отмѣну церковныхъ налоговъ, хлѣбныхъ законовъ, упраздненіе государственной церкви въ Ирландіи, преобразование арміи, преобразование университетовъ»? Далѣе онъ «со многими вѣскими аргументами» настаивалъ на необходимости для народной

¹. Annual Register, 1837 г., стр. 11.

партіи дѣйствовать твердо и независимо. «Во всякомъ случаѣ народная партія имѣетъ передъ собою лишь одинъ путь; она должна пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы провозглашать свои принципы и неустанно работать надъ распространеніемъ своихъ убѣжденій въ массахъ. Такимъ способомъ явится возможность снова пробудить въ народѣ энтузіазмъ къ дѣлу реформы».

«Гораздо болѣе внушительный и по числу участниковъ и по сопровождавшимъ его обстоятельствамъ былъ митингъ», устроенный 29 января миддльсекскими реформистами въ видѣ банкета въ честь ихъ представителей въ парламентѣ, Бинга и Юма. Мѣстомъ этого политическаго чествованія былъ избранъ Друри-Лэнскій театръ. Въ партерѣ и на сценѣ были приготовлены столы на 1.100 человѣкъ, а ложи были переполнены нарядной публикой. Было произнесено множество рѣчей и въ числѣ тостовъ былъ одинъ за «верховную власть народа».

Что касается консерваторовъ, то по словамъ Annual Register, они также не оставались въ бездѣйствіи; «напротивъ того, именно ихъ необычайная дѣятельность въ приискиваніи всякихъ способовъ воздѣйствія на общественное мнѣніе и вызвала соотвѣтственный образъ дѣйствій со стороны министерской и народной партій». Они были увѣрены, что имъ не доставало лишь нѣсколько большей популярности, чтобы даже и теперь вернуться къ власти. Въ виду этого они дѣлали все, что могли, для приобрѣтенія этой популярности. Во всѣхъ частяхъ страны происходили собранія консерваторовъ, главнымъ образомъ по поводу разныхъ празднествъ, и организовывались союзы для защиты и распространенія ихъ принциповъ.

Далѣе мы читаемъ въ Annual Register: «Мы не видимъ, чтобы въ этихъ случаяхъ кто либо изъ министровъ лично выступалъ съ изложеніемъ или защитой своей политики. Единственное исключеніе представляетъ лордъ Морпетъ, секретарь по ирландскимъ дѣламъ. На обѣдѣ, данномъ въ честь его и его товаришей въ Лидсѣ, онъ восполь-

зовался случаемъ, чтобы довольно пространно изложить настоящее политическое положеніе и направленіе, котораго держалась до сихъ поръ его партія въ обсужденіи и рѣшеніи различныхъ вопросовъ ¹».

Но наиболѣе важнымъ и значительнымъ общественнымъ собраніемъ за это время былъ банкетъ, данный въ Гласго 13 января въ честь сэра Роберта Пила, на которомъ присутствовало болѣе 3400 лицъ и на которомъ сэръ Робертъ Пилъ произнесъ большую политическую рѣчь отъ имени всей партіи ². «Коснемся, сказалъ онъ, главной сути дѣла, потому что я не хочу пользоваться вашимъ довѣріемъ или вашей поддержкой, являясь предъ вами въ ложномъ свѣтѣ. Я намѣренъ поддерживать тѣ національныя учрежденія, которыя связуютъ протестантизмъ съ государствомъ во всѣхъ трехъ частяхъ нашего королевства. Кромѣ того, снова повторяю вамъ, я намѣренъ защищать во всей неприкосновенности палату лордовъ. Я защищаю ее, какъ существенное и неотъемлемое условіе сохраненія той конституціи, подъ которой мы живемъ. Раздѣляете ли вы это мнѣніе? Если да, то я высказалъ его въ надлежащее время. Настало время, когда мы, держащіеся такихъ убѣжденій, должны быть готовы поступать согласно съ ними».

Затѣмъ онъ подробно остановился на аргументаціи въ защиту палаты лордовъ.

«Если вы уничтожите авторитетность этого органа, опирающуюся на давность, и создадите преобладающее положеніе единого демократическаго собранія, то вамъ придется быть готовыми увидѣть у себя не государственныя учрежденія Соединенныхъ Штатовъ, а тѣ ужасныя и разрушительныя опыты, черезъ которые прошла Франція».

Послѣ горячаго восхваленія британской конституціи, онъ заключилъ свою рѣчь выраженіемъ надежды на то,

¹. Annual Register, 1837 г., стр. 31.

². Эта рѣчь заняла пять столбцовъ въ Times.

что «въ этихъ стѣнахъ возникнетъ тотъ духъ, который побудитъ народъ сплотиться для поддержки своей конституціи».

Съ началомъ парламентской сессіи платформная кампанія прекратилась. Прежде чѣмъ сессія закончилась, король умеръ (20 іюня 1837 г.). На этомъ моментѣ, съ окончаніемъ царствованія монарха, который своею мудрою осторожностью спасъ Англію отъ кровавой междоусобной распри, мы можемъ закончить исторію платформы въ этомъ періодѣ и перейти къ другому, въ теченіе котораго платформа получила еще болѣе важное значеніе.

Изъ всего предъидущаго, я думаю, достаточно ясно, что однимъ изъ непосредственныхъ результатовъ движенія въ пользу реформы и самаго акта о реформѣ, было то, что министры, вожди политическихъ партій и другіе политическіе дѣятели стали обращаться къ платформѣ, какъ къ орудію партійной и политической борьбы, — фактъ огромной важности въ исторіи платформы.

Все болѣе широкое пользованіе платформою было въ сущности совершенно естественно. Послѣ того, какъ агитація въ пользу реформы приучила народныя массы не только проявлять активный интересъ къ политическимъ дѣламъ, но и принимать дѣйствительное участіе въ осуществленіи политическихъ мѣропріятій, и послѣ того, какъ актъ о реформѣ привлекъ къ участію въ политической жизни новые слои населенія, являлась неизбежная потребность въ болѣе широкихъ способахъ выраженія политическихъ мнѣній и обсужденія политическихъ вопросовъ, чѣмъ тѣ, которые доставлялъ парламентъ.

Кромѣ того, съ увеличеніемъ населенія и развитіемъ благосостоянія, нарождались новые крупныя интересы, дѣлавшіе работу правительства гораздо болѣе сложною и придававшіе ей гораздо болѣе непрерывный характеръ, чѣмъ прежде. Жизнь страны не могла приостанавливаться на то время, когда парламентъ не засѣдалъ, и такимъ

образомъ явилась потребность въ внѣ-парламентскомъ публичномъ словѣ для запросовъ правительству, когда ихъ нельзя было дѣлать въ парламентѣ, для полученія указаній отъ лидеровъ, когда парламентъ не засѣдалъ, а для всего этого наилучшимъ способомъ являлась платформа. Разъ къ ея посредству обращалась одна изъ партій въ государствѣ, другая уже изъ самозащиты должна была сдѣлать то же самое и, такимъ образомъ, вначалѣ медленно, а съ теченіемъ времени все скорѣе, часть партійной борьбы стала переноситься изъ парламента на арену платформы, пока осенняя сессія платформы не сдѣлалась постепенно столь же неотъемлемою функціею государственной жизни, какъ зимняя и весенняя сессіи парламента.

Мы должны однако указать здѣсь еще одну рѣчь съ платформы, хотя и произнесенную нѣкоторое время спустя послѣ смерти Вильгельма IV, такъ какъ ей суждено было пріобрѣсти большую извѣстность, а одна фраза изъ нея получила даже значеніе политической аксіомы. Въ рѣчи на обѣдѣ 7 августа 1837 г. послѣ выборовъ въ Тамвортъ сэръ Робертъ Пиль, указывая на ростъ консервативной партіи, между прочимъ, сказалъ ¹: «Консерваторы не должны забывать своего долга. Весьма можетъ быть, что присутствовать на ежегодно происходящемъ во всей странѣ внесеніи въ реестры избирателей и неприятно и неудобно. Но какъ бы то ни было, повѣрьте мнѣ, лучше перенести эту неприятность, чѣмъ допустить, чтобы конституція сдѣлалась жертвой коварныхъ друзей или чтобы она была безжалостно поправа демократіей. Вамъ совѣтовали: „агитируйте, агитируйте, агитируйте“, я же совѣтую вамъ: „регистрайте, регистрируйте и регистрируйте“.

Его совѣтъ былъ принятъ и результаты показали, что при существовавшей въ то время избирательной системѣ «регистрація» была дѣйствительнѣе «агитациі».

1. См. The Morning Chronicle, 9 августа 1837 г.

188

THE HISTORY OF THE UNITED STATES OF AMERICA

CHAPTER I

THE EARLY HISTORY OF THE UNITED STATES

The first European settlement in North America was established by the Spanish in 1492. The English followed in 1607 with the Jamestown colony. The Pilgrims arrived in 1620 on the Mayflower. The American Revolution began in 1775 and ended in 1783. The Constitution was signed in 1787. The Civil War was fought from 1861 to 1865. The United States entered World War I in 1917 and World War II in 1941. The Vietnam War lasted from 1955 to 1975. The United States has been a leading power in the world since the end of World War II.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

JACOB PETERMAN.

ГЛАВА XVII.

ПЕРВАЯ АГИТАЦІЯ ЧАРТИСТОВЪ.

Прошло лишь нѣсколько лѣтъ со времени проведенія акта о реформѣ, какъ уже стали обнаруживаться признаки новаго общественнаго движенія и платформа снова была призвана играть значительную роль въ политической жизни. Въ теченіе этого, сравнительно недолгаго періода, низшіе классы успѣли почувствовать, что имъ эта великая реформа не принесла большихъ выгодъ. Они помогли среднимъ классамъ вырвать реформу отъ мало сочувствовавшей ей палаты общинъ и прямо враждебно относившейся къ ней палаты лордовъ; своею численностью они подкрѣпили нравственную силу этого движенія новымъ элементомъ физической силы, которую невозможно было игнорировать. Ихъ голоса усилили рѣшительность требованій реформы, побудившую парламентъ удовлетворить ихъ; но результатомъ всего этого было лишь то, что преобладающая роль въ государствѣ перешла въ руки средняго класса; сами же они выиграли очень немного, потому что, хотя съ одной стороны составъ парламента получилъ болѣе демократическій характеръ и онъ сдѣлался болѣе воспріимчивымъ къ воздѣйствію со стороны народа, однако, съ другой стороны, число людей, склонныхъ противодѣйствовать всякимъ дальнѣйшимъ перемѣнамъ и нововведеніямъ, значительно возросло.

Каждое новое движеніе въ Англіи въ теченіе всего времени перехода ея отъ феодальнаго строя къ демократіи все глубже и глубже захватывало человѣческія нужды и все ближе касалось нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ вопросовъ существованія. Начавшаяся теперь агитація въ пользу дальнѣйшихъ реформъ, вскорѣ ставшая извѣстною подъ именемъ Чартизма, поставила правительство и мыслящихъ людей Англіи лицомъ къ лицу съ вопросами, бывшими до сихъ поръ совершенно неизвѣстными или отодвигавшимися по возможности на задній планъ.

Ростъ населенія, о которомъ уже не разъ здѣсь говорилось, продолжался все съ тою же быстротою, при чемъ все болѣе возрастало городское промышленное населеніе: городское населеніе въ шесть разъ превышало сельское. Деревни превращались въ маленькіе города; маленькіе города—въ крупные. Мѣстности, бывшія прежде совершенно необитаемыми, превратились въ густо населенныя. Торговля и промышленность развивались такъ же быстро, открывались новые источники богатства, возникали новыя отрасли промышленности, устраивались новыя фабрики, а новыя усовершенствованія въ способахъ производства въ громаднѣхъ размѣрахъ увеличивали продуктивность труда. Но возрастаніе богатства страны приносило мало выгоды милліонамъ рабочаго населенія. Ихъ существованіе едва признавалось государствомъ; ихъ нравственные и религіозные интересы игнорировались государственною церковью; ихъ скудная пища была обложена чрезвычайно высокими пошлинами въ видахъ увеличенія средствъ богатѣйшаго и малочисленнаго класса общества.

«Массы нашихъ профессиональныхъ и простыхъ рабочихъ, писалъ около этого времени Плэсъ, пребываютъ въ бѣдности, если не въ совершенной нищетѣ; многіе изъ нихъ всю жизнь не выходятъ изъ нужды и лишеній. Они сознаютъ свое положеніе и далеко не мирятся съ

нимъ, живя среди другихъ людей, находящихся въ лучшихъ условіяхъ и съ которыми они не могутъ не сравнивать себя... Они пришли къ заключенію, что эта разница происходитъ единственно только отъ гнета,—гнета дурныхъ законовъ и алчности работодателей. Выйти изъ такого состоянія является для нихъ вопросомъ перво-степенной важности. Въ громадной массѣ этого народа не проходитъ дня, можно даже сказать часа, безъ того, чтобы какое нибудь новое обстоятельство или какая нибудь новая случайность не наводила ихъ на размышленіе, не напоминала имъ о ихъ тяжкомъ положеніи, которое, несмотря на то, что они терпятъ нужду съ самага рожденія, и на то, что по временамъ они могутъ чувствовать и довольство, — они никогда не перестаютъ и еще долгое время не перестанутъ сознавать съ чувствомъ глубокой горечи ¹».

И вотъ теперь эти массы, подъ вліяніемъ нужды и недовольства, начали приходить въ движеніе. Старшіе среди нихъ могли помнить движеніе, послѣдовавшее за прекращеніемъ войны съ Франціею, могли живо помнить Питерлоо и послѣдовавшія за этимъ репрессіи; но еще болѣе и у всѣхъ было свѣжо воспоминаніе о движеніи въ пользу реформы и такъ или иначе даже наиболѣе обездоленнымъ въ средѣ ихъ не было чуждо сознаніе того, что, при всей ихъ нищетѣ, невѣжествѣ и всевозможныхъ лишеніяхъ, и у нихъ есть «права».

Не удивительно поэтому, что погрязшія въ нищетѣ и невѣжествѣ массы обнаруживали недовольство и непокорность и искали средствъ для смягченія тѣхъ бѣдствій, выносить которыя они были не въ силахъ. Не удивительно, что въ своемъ глухомъ отчаяніи и озлобленіи, они часто обращали свою злобу на то, что казалось имъ непосредственною причиною ихъ страданія и униженія, и стремились измѣнить существующій государственный строй и стать самимъ во главѣ управленія.

¹. Рукописи П л э с а, 27,819, 1836, стр. 9.

Въ 1833 — 35 гг. въ средѣ этихъ классовъ народа происходило сильное движеніе. Разочарованные результатами политической агитаціи, они направили теперь свои усилія на достиженіе цѣлей, ближе касающихся ихъ собственной соціальной жизни; ихъ занимали теперь вопросы заработной платы, количества рабочихъ часовъ; образовались многочисленныя рабочіе союзы (Trades-Unions). Это движеніе приняло такіе размѣры и число трэдъ-юніоновъ было такъ велико, что, по свидѣтельству Плэса, внимательно слѣдившаго за ихъ дѣйствіями и лично знавшаго многихъ изъ руководителей, «вожди этихъ союзовъ были, за немногими исключеніями, убѣждены въ томъ, что недалеко то время, когда всѣ рабочіе будутъ готовы возстать всею массою и взять управленіе своими собственными дѣлами, т. е. управленіе всею страной, въ свои руки ¹».

Въ ожиданіи же этого, рабочее движеніе, путемъ естественнаго развитія, все болѣе переходило въ политическое, такъ какъ желаемые результаты, какъ это теперь ясно понимали руководители движенія, могли быть лучше достигнуты путемъ широкихъ политическихъ преобразованій. Но провозглашеніе столь крайнихъ и разрушительныхъ идеаловъ, какіе открыто выставлялись рабочимъ классомъ, не могло склонить на ихъ сторону только что получившіе свои права средніе классы и доставить имъ ту поддержку послѣднихъ, въ которой они нуждались. Къ тому же и сами они были въ то время далеко не благосклонно настроены по отношенію къ среднему классу, послѣ нѣкоторыхъ мѣропріятій реформированнаго парламента, отъ которыхъ они жестоко страдали.

«Они почувствовали, пишетъ Плэсъ, большое разочарованіе, когда оказались покинутыми тѣми, кого, по ихъ словамъ, они поддерживали всѣми силами и для кого они провели билли. Послѣдствіемъ этого было до такой степени полное недовѣріе къ среднимъ классамъ,

1. Рукописи Плэса, 27,819, стр. 24.

какого у нихъ раньше никогда не было. А это отдавало ихъ во власть всякихъ, хотя бы и благомыслящихъ, фантазеровъ и всевозможныхъ прожектеровъ,— и хорошихъ, и дурныхъ, и безразличныхъ ¹».

Прежнія агитаціи, а въ особенности агитація въ пользу реформы, приучили всѣ классы общества къ платформѣ и доказали силу и дѣйствительность послѣдней. Къ ней же теперь обратились и рабочія массы и въ ней нашли средство для выраженія горечи, наполнявшей ихъ сердца, и невыносимаго гнета, который имъ приходилось испытывать.

Теперь наступило время, когда особенно чувствовалась необходимость въ настоящемъ народномъ вождѣ, который вѣрно понялъ бы печальное положеніе народа и сумѣлъ бы ясно формулировать его нужды, голосъ котораго прозвучалъ бы въ ушахъ стоящихъ у власти, подобно голосу великаго израильскаго пророка, который сумѣлъ бы убѣдить ихъ и заставить дать необходимыя народу преобразованія. Но такого пророка не появилось и народъ, предоставленный самому себѣ, безъ всякаго руководства, сталъ добычею лжеучителей, безумные совѣты которыхъ слишкомъ часто только усиливали и усложняли зло вмѣсто того, чтобы устранять его. Эти вожди, къ несчастью, нашли теперь новый просторъ для своей дѣятельности.

«Большинство этого народа, писалъ около этого времени Плэсъ, находится на самомъ жалкомъ уровнѣ образованности, хотя распространеніе послѣдней замѣтно растетъ. Въ настоящее время среди рабочаго класса встрѣчается довольно много, хотя и удивительно мало по сравненію со всею остальною массою народа, людей, которыхъ знанія и общее развитіе далеко превосходитъ все то, что можно было встрѣтить въ этомъ классѣ въ прежнее время. Но даже и эти люди, за самыми малыми исключеніями, еще не достигли той ступени, когда

¹. Рукописи Плэса, 27,819, стр. 24.

человѣкъ опирается на самого себя. Они все еще слишкомъ легко поддаются всякому вліянію и ихъ слишкомъ не трудно увлечь съ прямого пути и ввести въ заблужденіе. Многіе же, еще менѣе образованные, чѣмъ эти, и въ большинствѣ случаевъ менѣе добросовѣстные, готовы при всякомъ случаѣ становиться во главѣ большихъ массъ и пользоваться своимъ вліяніемъ, чтобы производить то, что они называютъ демонстраціи, по большей части нелѣпныя и свидѣтельствующія только объ ихъ безуміи...»

«Массы рабочаго народа, принимающаго участіе въ политическихъ предпріятіяхъ, все еще слишкомъ доступны вліяніямъ мало просвѣщенныхъ и недобросовѣстныхъ агитаторовъ, поле дѣятельности которыхъ сильно расширилось въ послѣднее время. Эти неугомонные агитаторы— часто энтузіасты, сами одинаково заблуждающіеся, какъ и тѣ, которые слѣдуютъ за ними. Ученія, при помощи которыхъ народъ совращается на ложный путь, опираются на такъ называемыя прирожденныя и неотъемлемыя права, въ представленіе о которыхъ укладывается все то, чего желательно достигнуть, на идеи о равенствѣ въ отношеніи распредѣленія собственности и на доктрины, провозглашенныя Робертомъ Оуэномъ и извѣстныя подъ названіемъ социализма.

«Самая пагубная изъ проповѣдуемыхъ нелѣпостей состоитъ въ утвержденіи, что при помощи предлагаемыхъ мѣропріятій бѣдность будетъ совершенно уничтожена и что эти предсказанія исполнятся въ самомъ близкомъ времени. Эти печальныя обманчивыя заблужденія привели ихъ къ убѣжденію, что они могутъ соединить всѣхъ рабочихъ въ одну большую федерацію, которая въ самомъ близкомъ будущемъ завладѣетъ властью и всѣмъ имуществомъ страны и заставитъ всѣхъ подчиниться своему управленію, ни минуты не сомнѣваясь, что это управленіе будетъ самымъ мудрымъ и самымъ

благодѣтельнымъ, каксе только возможно, — золотымъ вѣнкомъ мира, благосостоянія и счастья ¹».

Впервые въ исторіи страны платформа явилась исключительно выразительницею чувствъ, мыслей и стремлений очень большой части населенія. Другого способа выраженія ихъ у нихъ совершенно не было, такъ какъ, за исключеніемъ одной или двухъ газетъ, тѣ немногія изъ послѣднихъ, которыя являлись выразительницами ихъ взглядовъ, имѣли очень эфемерное существованіе, очень ограниченное распространеніе и ни одна изъ нихъ не проникала въ тѣ классы, на которые надо было воздѣйствовать для достиженія преобразованій.

Къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ платформа явилась въ весьма непривлекательномъ видѣ, отъ времени до времени давая подтвержденія тѣмъ обвиненіямъ, которыя бросали ей самые отъявленные враги ея. На это имѣлись свои причины, объясненія и оправданія, но самый фактъ нельзя отрицать. Существованіе платформы, даже со всѣми сопровождающими ее дурными сторонами, было тѣмъ не менѣе большимъ счастьемъ, такъ какъ она давала выходъ чувствамъ народныхъ массъ, которыя въ противномъ случаѣ могли бы получать гораздо болѣе опасныя и разрушительныя формы выраженія; она давала также средство для распознанія тѣхъ золъ, чуткимъ симптомомъ которыхъ являлась она.

Гаммаджъ, написавшій хотя и довольно беспорядочную и даже невѣжественную, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно полезную Исторію чартистскаго движенія и самъ участвовавшій въ немъ въ качествѣ агитатора и лектора, отмѣчаетъ, что «не слѣдуетъ забывать, что вплоть до этого времени, за исключеніемъ только первыхъ дѣйствій Консолидированнаго рабочаго союза, даже наиболѣе просвѣщенные изъ рабочаго класса почти совсѣмъ не имѣли привычки къ публичной рѣчи.

¹. Рукописи П л э с а, 27,819, стр. 6.

Платформа ¹ была поприщемъ исключительно только высшихъ и среднихъ классовъ, а потому трудно было ожидать, чтобы рабочіе, по большей части лишенные всякаго образованія, въ одинъ день сдѣлались Цицеронами. Но первые же проблески чартистскаго движенія стали эрою въ развитіи ораторскаго искусства въ средѣ рабочаго класса. Самые обездоленные среди нихъ имѣли теперь случай возвысить свой голосъ на публичныхъ митингахъ, и они не только не пренебрегали этимъ случаемъ, но напротивъ жадно хватались за него ²».

Первымъ поводомъ для выраженія народнаго недовольства былъ законъ о бѣдныхъ 1834 г., бывшій по странной игрѣ случая однимъ изъ первыхъ актовъ реформированнаго парламента. Упраздненіе помощи бѣднымъ на дому, удаленіе отъ семьи въ рабочіе дома и многія другія постановленія этого закона возбудили въ народѣ всеобщее негодованіе.

«Рабочіе смотрѣли на отмену закона королевы Елизаветы (1601 г.), пишетъ Гаммаджъ, и замену его новымъ закономъ, какъ на уничтоженіе послѣдней связи и послѣдней тѣни сердечныхъ отношеній между ними и болѣе состоятельными классами. Повсюду появились громадныя, похожіе на тюрьмы, рабочіе дома, напоминавшіе бѣдному люду объ ожидавшей его участи. При скудномъ заработкѣ, часто совершенно недостаточномъ для поддержанія мало-мальски сносныхъ условій жизни, у нихъ не было ничего кромѣ нищеты въ настоящемъ и такой Бастиліи въ будущемъ, въ которой имъ предстояло быть заключенными, когда богатые притѣснители не будутъ болѣе нуждаться въ ихъ работѣ ³».

Но кромѣ этого имѣлись еще и другія, не менѣе

¹. Это было однимъ изъ первыхъ случаевъ употребленія слова «платформа» въ смыслѣ публичнаго слова вообще.

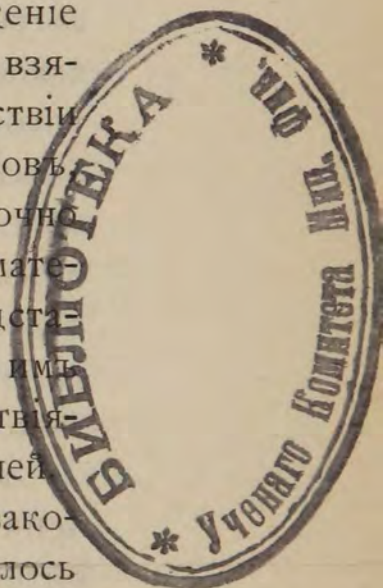
². The History of the Chartist Movement, Г а м м а д ж а, стр. 24. Лондонъ 1854 г.

³. Ibid., стр. 62.

важныя причины недовольства. «Въ то время, пишетъ Гаммаджъ, постановка фабричнаго дѣла была такова, что работа на фабрикахъ была въ высшей степени тягостна.... Заработная плата была настолько низка, что тысячи родителей принуждены были посылать на фабрики своихъ дѣтей, которыя должны были тамъ выполнять совершенно непосильныя для нихъ работы. Несчастныя существа возвращались оттуда въ свои непривѣтливя жилища совершенно измученными». Но еще въ худшихъ, если только это возможно, условіяхъ, чѣмъ работа на фабрикахъ, находилась работа въ копяхъ и положеніе рудокоповъ было еще тяжелѣе, чѣмъ положеніе остальныхъ рабочихъ. Такимъ образомъ все это вмѣстѣ взятое при введеніи новаго закона о бѣдныхъ, при отсутствіи фабричныхъ законовъ, дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ, всеобщей бѣдности и разореніи, представляло достаточный поводъ для недовольства и давало безконечный матеріалъ для страстныхъ рѣчей, какъ со стороны представителей самого народа, такъ и со стороны тѣхъ, кто имъ сочувствовалъ, а также и тѣхъ, кто пользовался его бѣдствіями для достиженія собственныхъ честолюбивыхъ цѣлей.

Въ очень скоромъ времени недовольство этимъ закономъ, громко выразившееся съ платформы, раздалось по всей странѣ. Съ самаго начала агитаціи противъ закона о бѣдныхъ, превратившейся съ теченіемъ времени въ чартизмъ, особенно выдвинулся Ричардъ Остлеръ. Онъ былъ «управляющимъ имѣніями одного джентльмена; это былъ человекъ, одаренный большими способностями, дѣятельный, настойчивый, обладавшій прекраснымъ даромъ слова, смѣлый, полный самыхъ искреннихъ намѣреній принести пользу фабричнымъ рабочимъ и въ особенности несчастнымъ беспомощнымъ дѣтямъ, работающимъ на фабрикахъ¹». Центромъ его дѣятельности былъ Йоркширъ, гдѣ онъ предпринялъ самую энергичную кампанію про-

¹. За его долгую и энергичную защиту этихъ дѣтей его называли «королемъ фабричныхъ дѣтей». P l a s e, Рукописи, 27,820, стр. 150.

тивъ закона о бѣдныхъ, появляясь на безчисленныхъ митингахъ, на которыхъ онъ громилъ его «въ пылкихъ, краснорѣчивыхъ рѣчахъ», часто заканчивавшихся словами: «вооружайтесь, вооружайтесь, вооружайтесь!»! Въ то же время начинало дѣлаться извѣстнымъ имя Дж. Р. Стифенса, удаленнаго веслеянскаго священника, которому также предстояло сдѣлаться въ послѣдствіи крупнымъ дѣятелемъ платформы. Фрэнсисъ Плэсъ, компетентность котораго признана біографами Стифенса, говоритъ о немъ, какъ о «фанатикѣ, обладавшемъ удивительнымъ даромъ слова и силою декламациі¹». Его дѣятельность всего болѣе сосредоточивалась въ Ланкаширѣ. Его біографъ² въ хвалебномъ, но далеко не точномъ, описаніи его жизни говоритъ: «Для его справедливаго и великодушнаго ума было невыносимо страданіе бѣдныхъ и онъ стремился облегчить ихъ; и разъ этого нельзя было достигнуть призывомъ къ челоуѣколюбію власть имущихъ, онъ пытался достигнуть этого путемъ объединенія, общественной агитациі и другими способами, какіе, по его убѣжденію, могутъ найти себѣ оправданіе предъ лицомъ Божіимъ».

Этими и другими, менѣе извѣстными, лицами въ фабричныхъ мѣстностяхъ организованы были многочисленныя митинги противъ закона о бѣдныхъ и за сокращеніе числа рабочихъ часовъ. Мало по малу митинги эти становились все болѣе частыми; зимою 1837—38 гг. ихъ было множество. Но но одни эти митинги противъ новаго закона о бѣдныхъ свидѣтельствовали о движеніи въ народѣ, не на нихъ однихъ повѣствовала платформа о бѣдственномъ положеніи его. Лѣтомъ 1836 г. появились первые признаки другого болѣе значительнаго движенія, извѣстнаго подъ именемъ Чартизма, названнаго такъ потому, что участвовавшіе въ немъ приняли въ качествѣ основы и наиболѣе полного выраженія своихъ требованій Хартію,

1. Рукописи Плэса, 27,820, стр. 150.

2. См. *Life of J. R. Stephens, Preacher and Political Orator*, by G. J. Holyoake, стр. 78.

подобно тому, какъ древніе бароны формулировали свои требованія въ представленной ими королю Іоанну Magna Charta.

«Чартизмъ,—писалъ Карлейль въ 1839 г., когда продолжавшаяся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ агитація дала уже достаточный матеріалъ, чтобы судить о ней,—является выраженіемъ глубокаго, доходящаго до безумія, недовольства рабочихъ классовъ, ихъ тяжкаго положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ ложныхъ стремленій... Хлѣба, крова, разумнаго руководства въ оплату за трудъ, — вотъ что по совѣсти означаетъ Чартизмъ и всякіе такіе измы».

По словамъ другого современнаго писателя, «Чартизмъ есть не болѣе, какъ вопль милліоновъ, страдающихъ отъ нездоровыхъ общественныхъ условій¹».

Но какое бы опредѣленіе ни давали чартизму, въ новѣйшей исторіи Англіи не было движенія болѣе знаменательнаго. Быть можетъ, по временамъ, его дѣлали и смѣшнымъ и безумнымъ образъ дѣйствій и личныя свойства нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, кто выдвигался впередъ и кого считали руководителями движенія. Дѣйствительно, путемъ выборки наиболѣе неудачныхъ выраженій изъ рѣчей, которыя произносились на народныхъ собраніяхъ, и односторонняго освѣщенія личныхъ качествъ большей части его лидеровъ, не трудно представить чартизмъ, какъ нѣчто достойное безусловнаго осужденія и требовавшее подавленія ради сохраненія общественнаго спокойствія и порядка въ странѣ. Много безумныхъ вещей говорилось съ платформы разными витіями, которые думали больше объ удовлетвореніи собственнаго тщеславія, чѣмъ объ улучшеніи положенія народа. Для возрожденія общества предлагались такіе дикіе планы, которые могли исходить только отъ совершенно безумныхъ людей; со стороны нѣкоторыхъ по временамъ проявлялись самыя грубыя и низкія страсти, но всѣ эти почти неизбѣжные спутники народнаго движенія не должны закрывать

1. См. The Monthly Chronicle о Чартизмѣ, 1840 г.

передъ нами истинный характеръ движенія и его громадное значеніе. Если отнять отъ него всѣ эти побочныя, сопутствовавшія ему явленія, чартизмъ представлялъ собою въ сущности то же, чѣмъ была, по словамъ Карлейля, французская революція, — «возмущеніе угнетенныхъ низшихъ классовъ противъ угнетающихъ или равнодушныхъ высшихъ классовъ».

Чартистское движеніе не только подняло политическіе вопросы величайшей важности, коснувшись коренныхъ основъ политики, но выдвинуло также и соціальные вопросы первостепеннаго значенія.

«Всѣ эти чартизмы, радикализмы, билль о реформѣ, билль о десятинномъ налогѣ и безконечное множество всякихъ иныхъ притязаній, какія еще появятся въ будущемъ, подавая поводъ къ жгучимъ спорамъ, писалъ Карлейль, составляютъ нашу французскую революцію. Дай Богъ, чтобы мы, съ нашими лучшими средствами, могли справиться съ ней при помощи только словесной борьбы».

Прекрасное желаніе, высказанное въ этихъ словахъ, сбылось только благодаря неограниченному праву публичной рѣчи и свободы слова, и платформа здѣсь снова, несмотря на всѣ свои нежелательныя или опасныя стороны, еще разъ оказала странѣ неоцѣнимую услугу.

Начало движенія было чрезвычайно скромно. Въ іюнѣ 1836 г. состоялось небольшое собраніе въ домѣ № 14, на Тавистокъ Стритѣ, въ Ковентъ-Гарденѣ, на которомъ Уилльямъ Ловеттъ предложилъ набросанный въ общихъ чертахъ проектъ ассоціаціи рабочихъ. Въ этомъ проектѣ между прочимъ говорилось, что «въ числѣ причинъ, наиболѣе содѣйствующихъ всякаго рода злоупотребленіямъ и беззаконію во всѣхъ отрасляхъ государственной жизни и полному равнодушію къ интересамъ милліоновъ, — ничто не было столь пагубнымъ, какъ раздоры и несогласія въ средѣ самихъ рабочихъ классахъ¹.

1. Рукописи П л э с а, 27, 189, стр. 35.

«Безконечное разногласіе мнѣній по всѣмъ важнѣйшимъ, политическимъ и социальнымъ вопросамъ, противорѣчивыя и невѣрныя свидѣтельства объ истинномъ положеніи трудящихся массъ, несогласимые между собою способы, предлагаемые для устраненія того, что тѣми или другими считается наибольшимъ зломъ, на ряду съ неустойчивостью и легкомысліемъ даже наиболѣе порядочныхъ и вліятельныхъ людей этой среды, уже давно вызываютъ горькое сожалѣніе и служатъ причиною досадныхъ разочарованій».

Въ своей автобіографіи Ловеттъ рассказываетъ о предпринятыхъ имъ и его единомышленниками усиліяхъ образовывать ассоціацію. «Намъ удалось сгруппировать порядочное число дѣятельныхъ и вліятельныхъ въ своей средѣ рабочихъ и у насъ возникъ вопросъ, нельзя ли образовывать и упрочить союзъ, состоящій исключительно изъ людей этого класса? Намъ тѣмъ болѣе казалось нужнымъ произвести подобный опытъ, что до сихъ поръ рабочіе классы совсѣмъ не проявляли той сознательности и независимости въ веденіи своихъ политическихъ дѣлъ, какія желательно было бы видѣть среди нихъ. Во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, для того, чтобы собрать ихъ и заставить отнестись съ полною внимательностью къ поднимаемому вопросу, до сихъ поръ всегда требовалась инициатива и руководящая роль какого нибудь лорда, члена парламента или сквайра, совершенно также какъ и у тѣхъ, кто ставилъ себя впереди ихъ. Имъ всегда былъ нуженъ предводитель, который велъ бы ихъ въ ту или иную сторону; такой избранный ими кумиръ пріобрѣталъ полную власть надъ ихъ взглядами и поступками и если случалось, что какой нибудь вихрь сметалъ этого кумира съ его пьедестала, то между ними тотчасъ же воцарялись раздоры. Въ сущности говоря, народныя массы въ своихъ

1. См. *The Life and Struggles of William Lovett in his Pursuit of Bread, Knowledge and Freedom*, написанную имъ самимъ (1876 г.), стр. 91.

политическихъ организаціяхъ болѣе вѣрили въ великихъ людей (или въ тѣхъ, кто выдавалъ себя за великихъ), чѣмъ въ великіе принципы. Поэтому намъ хотѣлось создать для нихъ политическую школу самообразованія, въ которой они пріучались бы вдумываться въ великіе политическіе и соціальные принципы для того, чтобы съ помощью широкой гласности и свободнаго обсужденія содѣйствовать образованію твердаго и здраваго общественнаго мнѣнія во всей странѣ.» Въ виду этого Ловеттъ и его единомышленники основали 16 іюня 1836 г. «Лондонскую ассоціацію рабочихъ». Главными задачами этого союза было: «Объединить интеллигентную и вліятельную часть городскихъ и сельскихъ рабочихъ; стремиться всѣми законными средствами къ надѣленію всѣхъ классовъ общества одинаковыми политическими и соціальными правами; добиваться всѣми силами, при помощи дешевой и честной прессы, отмѣны суровыхъ законовъ, препятствующихъ свободному развитію мысли, и всѣми возможными средствами работать надъ воспитаніемъ подрастающаго поколѣнія и искорененіемъ всего того, что порождаетъ рабское положеніе».

Но сама по себѣ Ассоціація не имѣла бы значенія, если бы не воспользовались платформою для того, чтобы оповѣстить о ней и выяснить ея задачи. Въ этихъ цѣляхъ Ассоціація организовала черезъ нѣсколько времени митингъ и въ одинъ февральскій день въ гостинницѣ Crown and Anchor Tavern, на Стрэндѣ, состоялось очень многолюдное собраніе. «На этомъ митингѣ говорили одиннадцать человѣкъ,—всѣ изъ рабочихъ и кромѣ того еще двое не изъ рабочаго класса, а именно Фергусъ О'Конноръ и Дж. Белль, къ которымъ отнеслись какъ къ людямъ, вмѣшавшимся не въ свое дѣло».

«Митингъ вотировалъ петицію жалобъ, проектъ которой былъ заранѣе составленъ Ловеттомъ. Въ этой петиціи говорилось о несправедливости и аномаліяхъ существующей системы представительства и предлагались

мѣры, ставшія извѣстными подѣ именемъ шести пунктовъ хартіи, а именно: всеобщая подача голосовъ, ежегодные парламенты, уравниеніе избирательныхъ округовъ по числу избирателей, отмѣна имущественнаго ценза, подача галосовъ посредствомъ закрытой баллотировки и вознагражденіе членовъ парламента.

«Просьба, выражаемая въ этой петиціи, пишетъ Ловеттъ ¹, представляла собою зародышъ знаменитой Народной Хартіи, которая, можно сказать, получила свое начало на этомъ собраніи. Этотъ публичный митингъ былъ самымъ многочисленнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ спокойнымъ изъ всѣхъ, на которыхъ я когда либо присутствовалъ. Всѣ наши резолюціи были приняты единогласно и подѣ петиціей подписалось около 3.000 лицъ». Было рѣшено составить билль, въ который будетъ включено содержаніе петиціи, и внести его въ парламентъ подѣ именемъ Народной Хартіи, но прежде чѣмъ Ассоціація успѣла что нибудь сдѣлать, король умеръ (20 іюня 1837 г.) и всякія дальнѣйшія дѣйствія пришлось отложить до собранія новаго парламента.

Между тѣмъ Ассоціація обратилась съ воззваніемъ къ сторонникамъ реформы въ надеждѣ повліять на избирателей. Содержаніе этого воззванія разъясняетъ многое въ причинахъ происхожденія чартистскаго движенія. «Прошло почти шесть лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ актъ о реформѣ вошелъ въ составъ законовъ страны. Для проведенія его вопреки защитникамъ системы продажности обратились къ содѣйствию милліонной народной массы и оно было оказано съ радостью и полною добросовѣстностью. Народъ положилъ въ эту борьбу свою душу и готовъ былъ рисковать жизнью для достиженія того, что, какъ его увѣряли, обезпечитъ всѣмъ пользованіе благами свободы. Увы! эти надежды основывались на обѣщаніяхъ, которыя не были сдержаны, и ожиданія свободы окончились горькимъ разочарованіемъ... Черезъ нѣсколько недѣль этотъ

1. Lovett's Life, стр. 102.

билль будетъ составленъ и напечатанъ для распространенія подъ именемъ Народной Хартіи; онъ явится почвою для объединенія всѣхъ радикальныхъ реформистовъ и послужитъ пробнымъ камнемъ для всѣхъ тѣхъ, кто называетъ себя друзьями народа... Пусть же всякій кандидатъ, выступающій на hustings'ахъ, дастъ обязательство держаться этихъ великихъ принциповъ... Вы образовывали общества, вы сходились цѣлыми тысячами на митинги и подавали петиціи о реформѣ, которая не коснулась васъ; покажите же подобными же демонстраціями, что вы не относитесь безучастно къ собственнымъ интересамъ... Правда, на ваши петиціи палаты парламента обращаютъ очень мало вниманія, но тѣмъ не менѣе мы знаемъ, что такія петиціи являются самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для образованія, направленія и укрѣпленія общественнаго мнѣнія ¹».

Судя по числу случаевъ избирательной борьбы, послѣдовавшихъ за смертью короля, общіе выборы указывали на значительное возростаніе интереса къ политическимъ дѣламъ во всей странѣ: избирательная борьба имѣла мѣсто въ 219 округахъ Великобританіи вмѣсто 192 бывшихъ въ 1835 году. Но результатъ этихъ выборовъ почти нисколько не измѣнилъ положенія лорда Мельбурна и его министерства въ парламентѣ, т. е. оно по прежнему не имѣло за собою достаточнаго большинства, чтобы проводить какія либо истинно либеральныя мѣры противъ торійской оппозиціи въ палатѣ общинъ и еще сильнѣйшей оппозиціи въ палатѣ лордовъ.

Выборы нисколько не измѣнили также настроенія и стремленій низшихъ классовъ; они вызывались слишкомъ глубокими причинами, чтобы на нихъ могли оказать какое нибудь вліяніе отдаленныя и весьма мало существенныя послѣдствія перехода нѣсколькихъ голосовъ въ палатѣ общинъ на ту или иную сторону. Но тѣмъ не менѣе эти выборы были поучительны въ одномъ отношеніи.

1. Lovett's Life, стр. 115.

«Послѣдніе выборы, говоритъ Плэсъ, показали ему (народу), что процедура избранія членовъ палаты общинъ состоитъ въ проявленіяхъ грубаго подкупа, незаконнаго вліянія и застрашиванія, единственнымъ средствомъ искорененія которыхъ можетъ служить лишь значительное расширение избирательныхъ правъ, которое уравнило бы всѣ классы избирателей и обезпечило бы имъ независимость посредствомъ тайной подачи голосовъ ¹».

Кромѣ воззванія къ избирателямъ Ассоціація Рабочихъ рѣшила также подать адресъ королевѣ ². Когда они выразили желаніе подать этотъ адресъ, имъ было объявлено, что, согласно традиціоннымъ правиламъ, адресъ можетъ быть подаваемъ коронованнымъ особамъ лично только при церемоніи выхода, на которую петиціонеры должны явиться въ парадномъ костюмѣ. Они отвѣтили, что «при всемъ уваженіи къ тѣмъ внѣшнимъ формамъ, которыя предписываютъ являться въ присутствіи ея величества въ изящномъ видѣ и съ соблюденіемъ требованій почтительности, они не имѣютъ, однако, ни средствъ, ни охоты подчиняться такимъ нелѣпостямъ, какъ одѣваніе въ парадные костюмы, съ шагами и париками», и послали свой адресъ для представленія министру внутреннихъ дѣлъ. «Большая часть населенія страны, говорилось въ адресѣ, находится въ положеніи неустанно, со дня рожденія и до самой смерти, работающихъ рабовъ; тысячи людей не имѣютъ чѣмъ питаться или живутъ впроголодь, не располагаютъ ни временемъ, ни средствами для пріобрѣтенія образованія и еще того меньше для развитія въ себѣ высшихъ способностей и свѣтлаго міросозерцанія, а обречены силою своего положенія питать лишь чувства вражды, зависти и возмущенія, и слишкомъ часто становятся жертвою порока и преступленія».

Еще болѣе яркую картину бѣдственнаго положенія

¹. Рукописи Плэса, 27,819, стр. 116.

². Въ сентябрѣ 1837 г.

народа дали Ловеттъ и Джонъ Коллинсъ въ книгѣ Чартизмъ, написанной ими въ тюрьмѣ въ 1840 г. ¹.

«Что еще худшее могутъ испытать на землѣ тѣ, кто съ ранняго утра и до поздней ночи не перестаютъ работать, умирая съ голоду; кто, обладая всѣми чувствами любящихъ родителей, не могутъ дать своимъ дѣтямъ хлѣба и, имѣя самыя сильныя семейныя привязанности, должны видѣть свой очагъ пустымъ, дѣтей заброшенными, тогда какъ жены ихъ кидаются на всякую работу и въ полѣ и въ мастерскихъ, чтобы прибавить хоть что нибудь къ скудному заработку, хватающему только на то, чтобы не умереть съ голоду. Люди, испытывающіе такую страшную нужду и едва поддерживающіе свое существованіе, не въ состояніи разсуждать о благоразуміи; они готовы рисковать своею жизнью изъ за всего, что обѣщаетъ имъ немедленное облегченіе ихъ участи, видя въ этомъ единственное средство сдѣлать свою жизнь сносною и избавиться отъ самой мучительной гибели».

Какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Гаммаджъ ², «сомнительно, чтобы когда нибудь происходило серьезное народное политическое движеніе безъ того, чтобы въ основаніи его не лежали социальныя причины. Главная цѣль, къ которой стремится человѣчество, заключается въ обладаніи социальными благами. Обеспечьте ему ихъ и оно будетъ очень мало заботиться о политическихъ абстракціяхъ. Только наличность крупныхъ социальныхъ бѣдствій научаетъ народныя массы цѣнить значеніе политическихъ правъ».

Къ несчастью низшіе классы англійскаго народа были въ то время слишкомъ знакомы съ социальными бѣдствіями, и вотъ снова началась усиленная дѣятельность платформы:—митинги въ защиту парламентской реформы, митинги въ защиту закрытой подачи голосовъ, митинги противъ новаго закона о бѣдныхъ, митинги противъ фа-

¹. Chartism, by William Lovett and J. Collins.

². G a m m a g e, стр. 14.

брикъ, митинги въ пользу введенія всеобщей подачи голосовъ. Едва ли даже въ самый разгаръ борьбы за реформу платформа была въ такомъ ходу, и никогда еще не проникала она въ такой степени въ низшіе слои народа, предоставленнаго средними и высшими классами самому себѣ, невѣжественнаго и не знающаго, куда ему обратиться, чтобы хоть сколько нибудь облегчить свое положеніе, и охотно внимавшаго всякимъ сомнительнымъ вожакамъ, которые, пользуясь платформой для того, чтобы пріобрѣтать вліяніе надъ нимъ, вели его все къ большей смутѣ и къ большимъ бѣдствіямъ.

Но чартистское движеніе было не таково, чтобы то или иное направленіе его могло опредѣляться воздѣйствіемъ какого либо одного человѣка или какой либо ассоціаціи. Подобно тому, какъ большая рѣка образуется отъ сліянія многихъ рѣчекъ, такъ чартистское движеніе было результатомъ дѣятельности многихъ людей и многихъ ассоціацій, изъ которыхъ каждая работала въ своемъ направленіи и независимо отъ другихъ.

Путь, избранный Ловеттомъ, не всѣ нашли вполне удовлетворительнымъ, и Фергусъ О'Конноръ съ нѣсколькими единомышленниками попытались основать другую ассоціацію, болѣе соответствовавшую ихъ собственнымъ воззрѣніямъ.

Фергусъ О'Конноръ, вскорѣ пріобрѣтшій большую извѣстность въ качествѣ вождя чартистовъ и игравшій въ движеніи очень большую роль, былъ племянникомъ Артура О'Коннора, эмигрировавшаго въ Соединенные Штаты послѣ ирландскаго возстанія 1798 г. Послѣ акта о реформѣ онъ былъ выбранъ членомъ парламента отъ одного ирландскаго округа и принадлежалъ къ партіи О'Коннелля, но, разойдясь съ послѣднимъ, перенесъ свою дѣятельность въ Англію, гдѣ присоединился къ агитировавшимъ противъ закона о бѣдныхъ, за фабричное законодательство и за другія реформы, «пользуясь, по словамъ Плэса, всѣми представлявшимися ему средствами,

чтобы вліять на рабочее населеніе, иногда завлекая его и на ложный путь». Въ 1837 г. онъ основалъ газету, подъ названіемъ Сѣверная Звѣзда (The Northern Star), которая вскорѣ сдѣлалась органомъ чартистовъ. Не обладая ни однимъ изъ тѣхъ качествъ, которыя дѣлаютъ человека великимъ, но одаренный тѣмъ не менѣе многими способностями, которыя помогаютъ выдвигаться впередъ, О'Конноръ быстро занялъ выдающееся положеніе, несмотря на то, что самъ онъ не былъ рабочимъ. Онъ былъ вліятельнымъ и популярнымъ ораторомъ. «На открытыхъ собраніяхъ, говорить Гаммаджъ, громъ его рѣчей возбуждалъ вниманіе самыхъ безпечныхъ и заставлялъ молчать самыхъ шумныхъ его слушателей¹», но рѣчи его сводились къ самой пустой и безсодержательной декламациі, онѣ были проникнуты однимъ тщеславіемъ и себялюбіемъ и совершенно лишены той серьезности и искренности, которыя проявлялись въ рѣчахъ столькихъ, даже самыхъ фразистыхъ и несдержанныхъ, чартистскихъ ораторовъ.

Стараясь поднять новое, независимое отъ Ассоціаціи движеніе, О'Конноръ и его сторонники созвали (19 іюня 1837 г.) въ тавернѣ Crown and Anchor, на Стрэндѣ, публичный митингъ для образованія «Центральной Національной Ассоціаціи» — «съ цѣлью добиться всеобщей подачи голосовъ, покровительства отечественной промышленности и безусловной отмѣны возмутительнаго закона о бѣдныхъ».

Одинъ изъ ораторовъ, по имени Бернардъ, заявилъ, что слѣдуетъ добиваться изданія такого закона, въ силу котораго десять шиллинговъ считались бы за фунтъ стерл., а шесть пенсовъ за шиллингъ.

Джэмсъ Бронтерръ О'Брайнъ сказалъ въ своей рѣчи, что населенію Іоркшира надоѣли рѣчи и оно ждетъ, чтобы было приступлено къ дѣлу. Онъ прямо и недвусмысленно заявилъ, что моральная сила не стоитъ гроша, если за ней не стоитъ иная сила, готовая во всякую

1. G a m m a g e, стр. 52.

минуту придти на помощь моральной, когда послѣдняя не достигаетъ желаемой цѣли. Онъ предлагалъ, чтобы во время слѣдующихъ общихъ выборовъ рабочіе являлись на всѣ избирательныя собранія во всѣхъ округахъ и такимъ образомъ добивались большинства при голосованіи посредствомъ поднятія рукъ; если же комиссаръ не согласится признать такое избраніе правильнымъ, то всетаки считать своими представителями только тѣхъ, кто избранъ этимъ путемъ. Если все это будетъ выполнено должнымъ образомъ, то, по его мнѣнію, можно смѣло рассчитывать на избраніе 400 демократовъ. Этимъ избраннымъ онъ совѣтуетъ затѣмъ отправиться въ парламентъ и занять тамъ мѣста, не насильно, но держа себя такъ, чтобы показать, что они въ правѣ сдѣлать это. Для оказанія почета этимъ людямъ было бы очень хорошо, еслибы ихъ сопровождало тысячъ двѣсти сильныхъ подданныхъ короля, не для того, чтобы вступать въ битву—ничего подобнаго—а лишь для доказательства того довѣрія и сочувствія, которымъ пользуются новые представители... Онъ противъ того, чтобы прибѣгать къ силѣ, во всякомъ случаѣ не теперь, пока они могутъ обойтись безъ этого, а обойтись они могутъ.

Другой ассоціаціей, также начавшей около этого времени принимать участіе въ движеніи, являлся Бирмингамскій Политическій Союзъ, возобновленный послѣ финансовой паники 1836 г. главнымъ образомъ усиліями Аттвуда, который, по словамъ Плэса, былъ «ревностнымъ сторонникомъ реформы денежной системы», но теперь эта ассоціація представляла собою нѣчто совершенно иное, чѣмъ союзъ, игравшій такую большую роль въ агитаціи въ пользу парламентской реформы. Первый митингъ Бирмингамскаго Политическаго Союза состоялся 19 іюня 1837 г., за нимъ въ теченіе осени послѣдовали другіе.

Поднятое О'Конноромъ движеніе ни мало не остановило дѣятельности Ассоціаціи Рабочихъ. Для содѣйствія

образованію въ провинціи подобныхъ же мѣстныхъ организацій, а также для возбужденія большей энергіи въ массахъ, Ассоціація избрала особыхъ лицъ въ качествѣ посланцевъ или уполномоченныхъ, на которыхъ и были возложены эти обязанности. Наиболѣе выдающимся изъ нихъ былъ Генри Винсентъ—«юный Демосфенъ англійской демократіи», какъ его называетъ Гаммаджъ. «Умѣнемъ говорить онъ превосходилъ всѣхъ остальныхъ своихъ соперниковъ... Онъ въ высшей степени обладалъ способностью возбуждать толпу, но совсѣмъ другое дѣло—вселять твердость въ нерѣшительныхъ. Такому человѣку, какъ онъ, не трудно было вызвать наружу страсти, но внушить и укрѣпить въ массахъ твердое убѣжденіе было выше его силъ... Гдѣ бы онъ ни появлялся, онъ вызывалъ самое восторженное сочувствіе. Въ населеніи Валлиса его пылкое краснорѣчіе пробудило самый искренній энтузіазмъ. Въ этомъ легко возбудимомъ населеніи, его за душу хватающее описаніе вопіющихъ несправедливостей, отъ которыхъ страдаютъ рабочіе классы, раздули страсти въ такой пламень, котораго послѣ того уже ничто не могло затушить ¹».

Плэсъ говоритъ объ этихъ эмиссарахъ, что они «заблуждались сами и вводили въ заблужденіе другихъ, рассчитывая, что наступилъ удобный моментъ и что поэтому имъ нужно только организовать и предъявить требованіе, чтобы получить желаемое. Это былъ совершенно ложный взглядъ, хотя онъ и проповѣдывался вполне искренно ². Результатомъ этого было образованіе многихъ мѣстныхъ союзовъ. Агитація продолжалась въ теченіе всей осени 1837 г. Къ концу этого года, Ассоціація Рабочихъ достигла такого положенія, котораго никогда еще не занимала ни одна рабочая организація... Однако они заблуждались относительно одного, весьма существеннаго, обстоятельства. Они увѣрили себя, что шесть

¹. G a m m a g e, стр. 17.

². Рукописи Плэса, 27,819, стр. 59.

пунктовъ преобразовательныхъ мѣръ, выставленные ими, будутъ быстро осуществлены; они ошибочно принимали тѣхъ, кто ихъ поддерживалъ, за всю націю и полагали, что они произведутъ столь устрашающее впечатлѣніе на парламентъ, что обѣ палаты немедленно же согласятся на всѣ ихъ требованія. Это убѣжденіе было такъ сильно, что ни одного изъ нихъ нельзя было заставить увидѣть свою ошибку. Поэтому они неизбежно должны были идти и вести другихъ по ложному пути ¹».

Новый парламентъ, первый въ царствованіе королевы Викторіи, собрался въ ноябрѣ. Открытіе его ожидалось съ волненіемъ и тревогой, и велико было разочарованіе, когда оказалось, что въ тронной рѣчи королевы не говорится ни слова о закрытой подачѣ голосовъ или о расширеніи избирательныхъ правъ, а тѣмъ болѣе когда лордъ Джонъ Росселль, лидеръ палаты общинъ и выразитель взглядовъ министерства, заявилъ, что правительство не будетъ поддерживать никакихъ перемѣнъ, а тѣмъ менѣе тѣхъ крупныхъ преобразовательныхъ мѣръ, о которыхъ говорится внѣ парламента и которыя по всей вѣроятности будутъ предложены и въ палатѣ. «Это заявленіе вызвало сильнѣйшее возбужденіе и образъ дѣйствій министровъ явился предметомъ оживленнаго обсужденія. Политическія ассоціаціи громко порицали его ²».

Бирмингамскій Политическій Союзъ, видя успѣхи радикальныхъ реформистовъ въ Лондонѣ, сталъ помышлять о томъ, чтобы стать во главѣ этого движенія.

Аттвудъ, «который проявлялъ все большую рѣзкость по мѣрѣ того, какъ осуществленіе его немѣжныхъ плановъ объ измѣненіи денежной системы становилось все невѣроятнѣе», говорилъ: «Средніе классы нельзя двинуть; они пропитаны гордостью, завистью и раболѣпствомъ. Народныя массы представляютъ единственную надежду страны и имъ должна быть ввѣрена ея участь. Безъ

¹. Рукописи П л э с а, стр. 63.

². Ibid., стр. 160.

нихъ всеобщая анархія неминуема... Союзъ долженъ сгруппировать вокругъ себя 2.000.000 людей, готовыхъ дѣйствовать по его приказанію. Онъ долженъ поднять народныя массы въ большихъ городахъ, чтобы одновременно сообща воздѣйствовать законными путями на парламентъ ¹».

Союзъ рѣшилъ разослать по всему королевству депутатовъ для организаціи политическихъ союзовъ. На митингъ 3 января 1838 г., созванномъ съ этою цѣлью въ Ковентри, одинъ изъ бирмингамскихъ вождей, Мюнцъ, говорилъ, что при вступленіи на престолъ королевы онъ «питалъ большія надежды на то, что система измѣнится къ лучшему. Онъ претерпѣлъ горькое разочарованіе и теперь не остается ничего иного, кромѣ агитаціи и такого проявленія народныхъ требованій и народной силы, которое обезпечило бы за народомъ голосъ въ законодательномъ собраніи, безъ чего онъ не можетъ ожидать улучшенія своего положенія».

Такимъ образомъ возникли двѣ организаціи, посылавшія своихъ эмиссаровъ или организаторовъ для пробужденія народа, да кромѣ того Стифенсъ и Остлеръ собирали митинги и высказывали на нихъ свои стремленія, а также Фергусъ О'Конноръ съ своими единомышленниками дѣлалъ съ своей стороны то же. Такимъ образомъ платформа дѣятельно работала по всей странѣ, внушая народу тѣ идеи, какія признавали нужнымъ распространять руководители движенія и народные ораторы.

По словамъ Плэса, «въ началѣ 1838 года обнаружилось сильнѣйшее возбужденіе. Оно охватило южныя и восточныя графства и Южный Валлисъ. Главнымъ пунктомъ центральныхъ графствъ былъ Бирмингамъ, центромъ сѣверныхъ — Манчестеръ и Ньюкэстль, а Эдинбургъ и Гласто — Шотландіи. Движеніе быстро распространялось по всѣмъ направленіямъ. Такъ называемые либеральные члены палаты общинъ, содѣйствовавшіе проведенію акта о реформѣ

¹. Рукописи Плэса, стр. 164.

въ 1832 г. и вызвавшіе въ средѣ народа ожиданіе многихъ важныхъ преобразованій въ пользу низшихъ слоевъ населенія, отвернулись отъ него и соединились для того, чтобы воспрепятствовать всякимъ дальнѣйшимъ политическимъ переменамъ... Средніе классы пришли въ состояніе неподвижности и малодушной покорности, въ которомъ парламентъ и поддерживалъ ихъ всѣми силами; рабочіе же классы были всецѣло предоставлены самимъ себѣ и до извѣстной степени вліянію своихъ предводителей, изъ которыхъ многіе оказались людьми невѣжественными и нечестными ¹».

Выдержки изъ рѣчей, произнесенныхъ въ то время нѣкоторыми вожаками движенія, покажутъ для какихъ цѣлей утилизировалась теперь платформа и до какихъ крайностей доходили иногда ораторы.

На митингѣ въ Ньюкэстлѣ 1 января 1838 г. Дж. Р. Стифенсъ говорилъ: «Народъ не можетъ вынести этого, и прежде чѣмъ допустить, чтобы жены и мужья, отцы и сыновья были разлучены и посажены въ заключеніе, гдѣ ихъ будутъ кормить «изъ котелка», прежде чѣмъ женъ и дочерей одѣнуть въ арестантское платье,—Ньюкэстль долженъ обратиться въ пламя, потушить которое могла бы только кровь всѣхъ тѣхъ, кто поддерживаетъ эту возмутительную мѣру. Онъ, ораторъ, стоитъ за революцію огнемъ, за революцію кровью, до ножа, до смерти... Каждый мужчина долженъ имѣть при себѣ свое ружье, тесакъ, пару пистолетовъ или пику, а каждая женщина пару ножницъ, ребенокъ—булавки и иголки (здѣсь слова оратора были заглушены криками одобренія) и пусть эти люди съ факеломъ въ одной рукѣ и кинжаломъ въ другой, убиваютъ всякаго и всѣхъ, кто покушается разлучать мужей и женъ ²».

На митингѣ въ Глазго въ томъ же мѣсяцѣ онъ говорилъ: «Если они не измѣнятъ этого путемъ преобра-

¹. Рукописи П л э с а, 27,820, стр. 4.

². G a m m a g e, стр. 65.

зованія, не уничтожатъ этого всего въ корнѣ, то они дождутся той революціи, которой они такъ боятся. Мы разрушимъ эту крѣпость неправды, воздвигнутую ими для поправія всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ. Если они не станутъ поступать такъ, какъ предписываетъ законъ и какъ повелѣваетъ Богъ, и не слѣлаютъ, чтобы каждый человѣкъ получалъ въ вознагражденіе за свой трудъ порядочную пищу и одежду не только для себя, но и для своей жены и дѣтей, то мы клянемся нашею любовью къ нашимъ братьямъ, нашимъ Богомъ, сотворившимъ насъ всѣхъ для счастья, землю, которую Онъ даровалъ намъ, небесами, которыя Онъ обѣщаетъ тѣмъ, кто любитъ другъ друга здѣсь на землѣ, и адомъ, ожидающимъ тѣхъ; кто, преступивъ Его законъ, обрекаетъ своихъ собратьевъ, образъ своего Бога, на голодъ, нищету и смерть; мы клянемся нашимъ Богомъ, небомъ, землею и адомъ, что мы превратимъ всю страну съ Востока и Запада, Сѣвера и Юга, въ одинъ ужасающій костеръ, котораго ничто не въ состояніи будетъ затушить, всѣ фабрики бумагопрядильныхъ тирановъ и дома тѣхъ, кто создалъ ихъ грабежомъ и убійствомъ, разоривъ милліоны тѣхъ, кого Богъ, нашъ Богъ, Богъ Шотландіи, сотворилъ для счастья».

«Въ такомъ родѣ», замѣчаетъ Гаммаджъ, были всѣ рѣчи м-ра Стифенса. Однажды, указывая на одну огромную фабрику, онъ воскликнулъ: «Вы видите эту фабрику съ ея поднимающеюся какъ башня трубою; каждый кирпичъ этой трубы связанъ съ другимъ кровью женщинъ и маленькихъ дѣтей!» Въ другой разъ онъ сказалъ: «Если права бѣдныхъ будутъ попираться, то долой тронъ, долой аристократію, долой епископовъ, долой духовенство, сожгите церковь, долой всѣ различія классовъ, всѣ титулы и всѣ отличія ¹!»

Другіе ораторы также мало уступали ему въ рѣзкости. Такъ, 8 января 1838 г. Ассоціация Рабочихъ созвала въ

1. G a m m a g e, стр. 66.

Лилдсѣ митингъ съ цѣлью вотированія петиціи о всеобщей подачѣ голосовъ. На митингѣ присутствовало отъ 1500 до 2000 человекъ. Бомонъ, о которомъ мы уже говорили, произнесъ рѣчь, въ которой упомянулъ о возстаніи въ Канадѣ и затѣмъ прибавилъ ¹: «Госфордъ и Кольборнъ должны быть повѣшены, но справедливость требуетъ, чтобы Росселль, Мельбурнъ и Пиль были также повѣшены. Друзья мои, вы здѣсь являетесь представителями британской справедливости; вы знаете, какъ защищаютъ себя министры черезъ своего наемнаго защитника—печать; вы слышали мои обвиненія противъ нихъ, что же вы скажете? виновны ли лордъ Джонъ Росселль и лордъ Мельбурнъ въ измѣнѣ, грабежѣ, подкупѣ и убійствѣ или не виновны? (крики — виновны). Тѣ изъ васъ, которые признаютъ ихъ виновными, пусть поднимутъ руки (всѣ присутствовавшіе подняли руки). Вникните въ вашъ приговоръ. Вы говорите: эти чудовища виновны въ убійствѣ, измѣнѣ, грабежѣ и подкупѣ, и это говорите вы всѣ (крики: да, да, мы говоримъ). О, какъ бы я хотѣлъ имѣть возможность поступить согласно вашему справедливому приговору и предать смертной казни, какъ того требуетъ законъ, этихъ ненавистныхъ нарушителей божескихъ и человѣческихъ законовъ (громкіе крики одобренія)!»

На обѣдѣ, устроенномъ послѣ митинга, д-ръ Тайлоръ сказалъ: «Настало время для проявленія физической силы... Давно пора положить лопату и взять въ руки мечъ ²».

Бомонъ также говорилъ на этомъ обѣдѣ и между прочимъ сказалъ: «Я стою за употребленіе физической силы. Не разговорами можно что нибудь сдѣлать, а надо взять въ руки молотъ и вышибить мозги у сборщиковъ налоговъ» и продолжалъ далѣе въ томъ же тонѣ, но на этотъ разъ, по словамъ Плэса, «онъ былъ прерванъ такимъ взрывомъ свистковъ и угрожающихъ криковъ, что не

¹. Рукописи Плэса, 27,820, стр. 18.

². Ibid., стр. 23—24.

могъ болѣе заставить себя слушать и прїидя въ состояніе полнѣйшей ярости, сжавъ кулаки и потерявъ всякое самообладаніе, онъ воскликнулъ...» но что онъ говорилъ дальше, здѣсь нѣтъ нужды приводить. Его поведеніе подтвердило, что онъ дѣйствительно былъ съумашедшій: печальный для платформы фактъ, что такихъ людей могли все таки слушать.

15 января 1838 г. Бирмингамскій Политическій Союзъ собралъ большой митингъ въ городской ратушѣ, на которомъ были провозглашены его принципы, выразившіеся въ резолюціи въ пользу всеобщей подачи голосовъ, трехгодоваго парламента и закрытой баллотировки ¹.

На этомъ митингѣ Атвудъ энергично настаивалъ на соблюденіи требованій закона. «Съ помощью мира, закона, порядка, лойяльности и единенія народъ всесилень для добра. Въ смутахъ и въ безпорядкѣ онъ становится слабъ, какъ ребенокъ. Толпа еще никогда не обладала властью, но оскорбленный и возмущенный народъ всесилень... Мы хорошо знаемъ и васъ, и свою страну, и мы знаемъ, что среди тѣхъ громаднхъ массъ людей, которыя мы должны привлечь къ политической дѣятельности, въ каждомъ городѣ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, не исключая самого Лондона, безуміе однихъ и нечестность другихъ легко могутъ увлечь массы на ложный путь. Въ одинъ часъ ошибка или преступленіе могутъ нанести нашему дѣлу и нашей странѣ громадное зло. Если только народъ допуститъ запятнать свое дѣло кровью, то противъ него вооружится законъ и раздавить его ²». Такіе совѣты, къ несчастью, слышались не часто.

5-го февраля 1838 г. въ Манчестерѣ состоялся митингъ делегатовъ различныхъ филиальныхъ обществъ «Южной Ланкаширской Ассоціаціи противъ закона о бѣдныхъ».

Стифенсъ, говорившій на этомъ митингѣ, сказалъ:

¹. Рукописи Плэса, стр. 44—45.

². См. The Times, января 1838.

«Если этотъ актъ будетъ примѣняемъ, то наступитъ господство принципа — око за око, зубъ за зубъ... (крики одобренія). Помоги Богъ намъ и нашей странѣ!» За нимъ слѣдовалъ Остлеръ. Онъ «серьезно предостерегалъ министровъ не подвергать народъ слишкомъ тяжкому испытанію (громкіе крики одобренія)... Онъ знаетъ, что ножъ убійцы будетъ отвѣтомъ на отнятіе у народа его правъ... Пора высказаться откровенно. Министры уже слишкомъ далеко зашли въ своихъ низкихъ, грязныхъ, темныхъ и насильственныхъ дѣйствіяхъ (громкіе крики), и если они полагаютъ, что жители этихъ холмовъ и долинъ безмолвно подчинятся тому, чтобы у нихъ, вопреки всѣмъ законамъ, отняли ихъ права, то они могутъ ожидать себѣ немедленной смерти, которая, онъ увѣренъ въ этомъ, непременно постигнетъ ихъ (возгласы одобренія). Ему очень непріятно говорить такія вещи; на него смотрятъ, какъ на кровожаднаго разжигателя, а между тѣмъ онъ лишь высказываетъ откровенно правду съ тѣмъ, чтобы предупредить то, что неминуемо должно случиться, если министры будутъ упорствовать въ своемъ образѣ дѣйствій».

Въ Рочделѣ, на подобномъ же митингѣ, Стифенсъ сказалъ: «Если справедливо отнять у народа его собственность отмѣною закона королевы Елисаветы (1601 года), то справедливо и для народа взять въ одну руку кинжалъ, а въ другую факелъ и отстаивать себя насколько это въ его силахъ¹».

На томъ же митингѣ Остлеръ снова повторилъ свои пламенные угрозы: «Говорю вамъ, члены нашей церкви, говорю вамъ, диссентеры, что прежде чѣмъ подчиниться такому закону, я предамъ пламени все королевство! Я не поджигатель, но мое сердце страдаетъ и я долженъ дать выходъ своему чувству!»

Итакъ агитація все усиливалась. Эти и подобныя имъ усилія возбудить народъ противъ новаго закона о

¹. The Examiner, 10 февраля 1838 г., стр. 88.

бѣдныхъ вскорѣ оказали то дѣйствіе, котораго отъ нихъ и слѣдовало ожидать, и «кровь была пролита—кровь невинныхъ и введенныхъ въ заблужденіе». Здѣсь проявились опасныя стороны платформы.

«Около 1833 года появился въ Кэнтербери, подъ вымышленнымъ именемъ Уилльяма Кортнея, какой то безумецъ, въ дѣйствительности называвшійся, какъ говорили, Томъ. Онъ отличался пріятными манерами обращенія и говорилъ легко и выразительно; онъ выступилъ кандидатомъ въ парламентъ сначала отъ Кэнтербери, потомъ отъ Ист-Кента, но въ обоихъ случаяхъ потерпѣлъ неудачу. Послѣ этого онъ былъ обвиненъ въ клятвopреступленіи, но его признали умалишеннымъ и помѣстили въ домъ умалишенныхъ, откуда онъ вскорѣ былъ освобожденъ. Очувившись на свободѣ, онъ возобновилъ свои старыя отношенія съ нѣкоторыми тунеядцами и негодьями изъ крестьянъ, въ послѣднее время сильно возбужденныхъ агитаціей противъ закона о бѣдныхъ, и образовалъ нѣчто въ родѣ шайки, состоявшей приблизительно изъ ста человекъ. Однажды фэрмеръ, рабочій котораго былъ вовлеченъ въ эту шайку, обратился къ властямъ съ просьбою о возвращеніи къ нему рабочаго. Томъ убилъ посланнаго констэбля; тогда былъ отправленъ военный отрядъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ магистратовъ, чтобы арестовать его. Онъ убилъ офицера и затѣмъ самъ былъ также убитъ; его сотоварищи напали на солдатъ, которые для самозащиты вынуждены были стрѣлять. Такимъ образомъ было убито около пятнадцати человекъ, послѣ чего банда разсѣялась ¹».

Между многочисленными митингами, собиравшимися въ теченіе весны 1838 г., одинъ заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ онъ являетъ собою начало новой фазы платформы. Это былъ митингъ женщинъ въ Бирмингамѣ; мысль о немъ по всей вѣроятности возникла первоначально у мистера Т. К. Сальта, члена Бирмингамскаго

¹. The Examiner, 3 іюня 1838, стр. 346.

Политическаго Союза, который оставилъ также и описаніе его въ письмѣ къ м-ру Эбенэзеру Элліотту ¹. «На прошлой недѣлѣ я послалъ вамъ Бирмингамскую Газету съ краткимъ описаніемъ митинга женщинъ. Я, единственный изъ бирмингамскихъ реформистовъ, осмѣлился созвать его и присутствовать на немъ. Тамъ собралось не менѣе 12000 женщинъ. Такого прекраснаго и внушительнаго зрѣлища еще не бывало; митингъ отличался необыкновеннымъ одушевленіемъ и образцовымъ порядкомъ. Видно, что рана коснулась самага сердца участницъ этого митинга и что съ религіозной твердостью онѣ рѣшили, что дѣти ихъ дѣтей не будутъ жить подъ такимъ гнетомъ, какой испытываютъ онѣ сами.

«Я пишу вамъ объ этомъ митингѣ, потому что онъ составляетъ часть моего общаго плана. Я полагаю (могу даже сказать, я знаю), что до сихъ поръ женщины такъ мало думали о политикѣ и до такой степени не имѣли понятія о всемъ нашемъ строѣ и о связи его съ ихъ бѣдностью и униженіемъ, что онѣ или совсѣмъ не вмѣшивались или удерживали своихъ мужей отъ вмѣшательства въ политическія дѣла, считая это совершенно бесполезнымъ. Мы не можемъ оставить ихъ въ этомъ нейтральномъ или враждебномъ положеніи: онѣ должны быть нашими горячими сторонницами ²».

Митингъ имѣлъ мѣсто 2 апрѣля въ залѣ городской ратуши. Сальтъ говорилъ: «Онъ, ораторъ, видитъ передъ собою зрѣлище, какого никогда еще не приходилось видѣть смертнымъ—митингъ женщинъ, превосходящій по многолюдству бывшія въ этомъ залѣ собранія мужчинъ... По его глубокому убѣжденію, все истинно хорошее дѣлается женщинами. Мужчины превратили билль о реформѣ 1832 г. въ грустную и грубую поддѣлку... Тогда дѣломъ руководили мужчины Англии; теперь женщины Бирмингама заслужатъ вѣчную славу, подавъ женщинамъ

¹. Апрѣль 1838 г.

². Рукописи П л э с а, 27,820, стр. 26.

Англіи такой примѣръ, который принесетъ собою безмѣрныя блага для всѣхъ ¹».

Въ этой рѣчи впервые была выражена мысль о «національной петиціи». Ораторъ сказалъ: «Путемъ организаци въ различныхъ мѣстахъ подобныхъ митинговъ можно собрать три милліона подписей къ національной петиціи, требующей возстановленія поправныхъ правъ; онъ предлагаетъ, чтобы день подачи этой петиціи былъ торжественно отпразднованъ всею Великобританіею и чтобы народъ воздержался въ этотъ день отъ употребленія всего, что оплачивается акцизомъ ²».

Были приняты резолюціи, изъ которыхъ одна порицала парламентъ за упорное сохраненіе хлѣбныхъ законовъ, ведущихъ къ дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ, и за сохраненіе промышленнаго законодательства, обуславливающаго дешевизну рабочаго труда; за то, что онъ создаетъ монополію для богатыхъ и конкуренцію для бѣдныхъ и за то, что, поддерживая интересы многочисленныхъ пенсіонеровъ, живущихъ на счетъ государства, онъ издалъ законы о бѣдныхъ, рассчитанные на то, чтобы лишить жертвы его несправедливости ихъ послѣдняго убѣжища. Другая резолюція гласила, что наступило время, когда всѣ здравомыслящіе люди пришли къ сознанию того, что интересы всѣхъ могутъ быть охраняемы только при условіи, если всѣ будутъ имѣть представителей въ законодательномъ собраніи. Въ заключеніе выражалась рѣшимость отстаивать всеобщую подачу голосовъ, ежегодные парламенты и другія преобразовательныя мѣры.

Еще болѣе значительный митингъ собрался 3 мая того же года въ Hunslet Moor'ѣ возлѣ Лидса съ цѣлью образованія большого Сѣвернаго Союза. На немъ присутствовалъ и говорилъ Фергусъ О'Конноръ, въ рѣчахъ котораго было много пустой декламаци. Образование

1. Рукописи П л э с а, стр. 69.

2. Ibid., стр. 70.

Союза было рѣшено. Одинъ изъ бирмингамскихъ депутатовъ, Коллинсъ, довель воодушевленіе присутствующихъ до высшей степени. Собраніе объявило, что оно, какъ и весь Сѣверъ, пойдетъ за Фергусомъ О'Конноромъ, хотя бы на смерть, и обязалось загладить свою прежнюю апатію усиленною энергіею.

«Съ этого времени, пишетъ Плэсъ, Ф. О'Конноръ сдѣлался апостоломъ Сѣвера, главнымъ, постоянно развѣзжающимъ вождемъ и, какъ увидимъ ниже, въ концѣ концовъ, въ своемъ самообольщеніи, сталъ считать себя главою радикаловъ ¹»:

. Ловеттъ, характеризуя политическихъ реформистовъ того времени, говоритъ, что они «не только разбились на многочисленныя партіи, но каждая изъ этихъ партій преслѣдовала свою политическую цѣль, нисколько не заботясь о цѣлесообразности своихъ дѣйствій. Одна партія громила законы о бѣдныхъ, другая ратовала за выпускъ большого количества бумажныхъ знаковъ, какъ за единственное дѣйствительное средство противъ національныхъ бѣдствій; третья обличала и изображала въ самыхъ мрачныхъ краскахъ ужасъ фабричной системы; четвертая требовала билля о сокращеніи рабочаго времени на фабрикахъ, пятая—,налога на машины“; шестая—предоставленія избирательныхъ правъ каждому главѣ семьи; седьмая—закрытой баллотировки».

Наконецъ, Ловетту ² съ Ассоціаціей Рабочихъ удалось опубликовать Народную Хартію ³. Она появи-

¹. Рукописи Плэса, 27,820, стр. 135.

². Lovett's Life, 172.

³. Названіе Народная Хартія было не ново. Въ 1832 г. одинъ докторъ написалъ памфлетъ, озаглавленный People's Charter, который продавался у Брукса на Оксфордской улицѣ. Въ немъ между прочимъ говорилось: «Народъ долженъ помнить, что борьба за свободу только началась и что ближайшія великія и священные цѣли ея теперь заключаются въ свободѣ печати, всеобщей подачѣ голосовъ, закрытой баллотировкѣ и ежегодныхъ парламентахъ. Онъ долженъ помнить, что лучшія средства для достиженія этихъ цѣ-

лась 8 мая 1838 г. вмѣстѣ съ Воззваніемъ къ радикаламъ-реформистамъ Великобританіи и Ирландіи.

Хартіи была придана мало подходящая форма билля—объ обеспеченіи надлежащаго представительства народа Великобританіи и Ирландіи въ палатѣ общинъ. Въ немъ предлагалось: 1) чтобы каждому мужчинѣ не моложе 21 года, за исключеніемъ иностранцевъ, умалишенныхъ и преступниковъ, предоставлены были избирательныя права при выборахъ членовъ парламента или, другими словами, чтобы установлена была всеобщая подача голосовъ; 2) чтобы Соединенное Королевство было раздѣлено на 300 равныхъ избирательныхъ округовъ; 3) чтобы подача голосовъ производилась закрытою баллотировкою; 4) чтобы парламентъ избирался на одинъ годъ; 5) чтобы для права быть членомъ парламента не требовалось ничего, кромѣ выбора избирателей и, наконецъ, 6) чтобы члены парламента получали вознагражденіе.

«Этотъ билль, говорилось въ воззваніи, имѣетъ своею задачею предоставить радикаламъ всего королевства возможность выразить свои принципы въ удобной формѣ, на почвѣ которой они могли бы объединиться и которая могла бы явиться для нихъ какъ бы Хартіею, которой они твердо рѣшили добиться¹».

Ловеттъ прибавляетъ, что Народная Хартія «вызвала со стороны рабочихъ классовъ такое общее и единодушное сочувствіе, какого не вызывалъ ни одинъ политическій документъ, оглашенный въ печати». После опубликованія ея большинство пререкавшихся изъ за различныхъ реформъ партій отказались отъ своихъ излюбленныхъ пунктовъ и рѣшили бороться за нее, видя въ

лей заключаются въ образованіи политическихъ союзовъ, въ постоянномъ созывѣ публичныхъ митинговъ и широкомъ распространеніи произведеній, подобныхъ настоящему». Рукописи Плэса, 27,796, стр. 26.

¹ См. Address from Working men's Association.—Lovett's Life, стр. 169.

ней первый дѣйствительный шагъ на пути къ политическимъ и социальнымъ улучшеніямъ. Бирмингамскій Политическій Союзъ за это время также обнаружилъ свою дѣятельность. Послѣ нѣсколькихъ собраній Союзнаго Совѣта, 14 мая 1838 г. былъ созванъ публичный митингъ въ городской ратушѣ, на которомъ послѣ многихъ рѣчей было принято нѣсколько важныхъ резолюцій. Первою изъ нихъ постановлялось отправить въ Глазго семь делегатовъ для устройства большой демонстраціи.

Затѣмъ постановлено было представить парламенту національную петицію, которая была прочитана на митингѣ. Въ этой петиціи заключалось пять пунктовъ, а не шесть, какъ въ Хартіи, такъ какъ требованіе равныхъ избирательныхъ округовъ было исключено.

Эта петиція была выработана Совѣтомъ незадолго до появленія Хартіи. Оба документа имѣли совершенно независимое происхожденіе и этимъ объясняется разногласіе историковъ относительно пяти или шести пунктовъ Хартіи, такъ какъ нѣкоторые считаютъ, что движеніе Чартизма получило свою формулу въ «Национальной Петиціи», другіе же—въ «Народной Хартіи».

Петиція была редактирована слѣдующимъ образомъ: «Мы, ваши петиціонеры, живемъ въ странѣ, въ которой коммерсанты славятся своею предприимчивостью, промышленники своимъ искусствомъ, а рабочіе—образцовымъ трудолюбіемъ. Страна сама по себѣ богата, почва—плодородна, климатъ—здоровый; она въ изобиліи обладаетъ всѣмъ, что нужно для развитія торговли и промышленности. У нея есть много хорошихъ портовъ, въ удобствахъ внутреннихъ сообщеній она превосходитъ всѣ другія страны. Въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ мы пользуемся прочнымъ миромъ. И однакоже, при наличности всѣхъ этихъ элементовъ народнаго благосостоянія и при всѣхъ стремленіяхъ и способности воспользоваться ими, мы испытываемъ разнообразныя бѣдствія. Мы изнываемъ подъ тяжестью налоговъ; наши промышленники испыты-

вають постоянную тревогу и находятся на краю банкротства; наши рабочіе терпятъ голодъ; капиталъ не приноситъ прибыли и трудъ недостаточно оплачивается; жилища ремесленниковъ пусты, а кладовыя закладчицовъ полны, рабочіе дома переполнены, а фабрики пустуютъ. Мы занялись всестороннимъ и внимательнымъ изученіемъ причинъ такого тяжкаго и продолжительнаго бѣдствія, и мы не можемъ найти этихъ причинъ ни въ природѣ, ни въ велѣніяхъ Провидѣнія; небо было милостиво къ народу, но безуміе нашихъ правителей сдѣлало то, что дары Божіи не могутъ служить ему на пользу... Немногіе управляютъ въ интересахъ немногихъ, между тѣмъ какъ интересы многихъ находятся въ пренебреженіи или же нагло и тиранически попираются.

«Народъ питалъ свѣтлыя надежды на то, что его бѣдствія, если не вполнѣ, то хоть отчасти, будутъ устранены Актомъ о Реформѣ 1832 г., его убѣждали видѣть въ этомъ актѣ мудрое средство достиженія благой цѣли, орудіе улучшенія законодательства, при которомъ воля народныхъ массъ получить наконецъ надлежащее выраженіе. Но онъ былъ жестоко и низко обманутъ. Плодъ, казавшійся съ виду такимъ прекраснымъ, рассыпался въ прахъ, когда былъ сорванъ. Актъ о Реформѣ вызвалъ переходъ власти отъ одной господствующей группы къ другой, а народъ оставилъ въ такомъ же безпомощномъ положеніи, какъ и прежде...

«Мы почтительно обращаемся къ уважаемой Палатѣ съ тѣмъ, чтобы заявить, что такое положеніе вещей не должно быть терпимо долѣе; что оно не можетъ болѣе продолжаться, не подвергая серьезной опасности прочность престола и спокойствіе королевства и что, если съ помощью Божіей и всѣми законными и конституціонными путями этому можетъ быть положенъ конецъ, — то мы твердо рѣшились, что онъ будетъ положенъ скоро»...

«Мы несемъ обязанности свободныхъ людей; мы должны обладать и ихъ правами. Мы требуемъ всеобщей

подачи голосовъ... Требуемъ закрытой баллотировки... Требуемъ ежегодныхъ парламентовъ... Всеобщая подача голосовъ дастъ, и она одна только можетъ дать, истинное и прочное спокойствіе странѣ; мы твердо увѣрены также, что она дастъ ей и благосостояніе.

«Да благоволитъ уважаемая Палата обратить на эту нашу петицію самое серьезное вниманіе и сдѣлать, съ помощью конституціонныхъ мѣръ, все возможное для изданія закона о томъ, чтобы каждый совершеннолѣтній мужчина, находящійся въ здоровомъ умѣ и не обвиненный въ преступленіи, былъ облеченъ правомъ участія въ выборѣ членовъ парламента и чтобы всѣ будущіе выборы членовъ парламента производились посредствомъ закрытой баллотировки, чтобы полномочія парламента никоимъ образомъ не превышали годичнаго срока, чтобы были отмѣнены всѣ требованія имущественнаго ценза для членовъ палаты и чтобы послѣдніе получали за все время исполненія своихъ обязанностей въ парламентахъ вознагражденіе¹».

Въ Бирмингамскомъ Политическомъ Союзѣ возникла и другая идея—о созывѣ Национальнаго или Общаго Конвента. Было предложено, чтобы сорокъ девять изъ наиболѣе крупныхъ городовъ избрали на публичныхъ митингахъ делегатовъ, которые съѣхались бы въ Лондонѣ и взяли бы на себя представленіе Национальной Петиціи парламенту. Этимъ, очевидно, имѣлось въ виду созданіе народнаго парламента, который оказывалъ бы могущественное вліяніе на законодательную власть.

Утромъ 21 мая (1838 г.) депутація, избранная въ Бирмингамѣ для устройства демонстраціи въ Глазго, прибыла въ этотъ городъ. Около Toll-Cross'a была устроена триумфальная арка, увѣшанная зеленью и имѣвшая надпись: «Моральная сила освободитъ міръ»; нѣсколько далѣе депутатовъ встрѣтила процессія сторонниковъ реформы, которая и сопровождала ихъ до мѣста собранія, «при

1. Рукописи П л э с а, 27,820, стр. 374.

чемъ по обѣимъ сторонамъ шли тысячи зрителей, оглашая воздухъ громкими привѣтствіями».

«Полагають, говоритъ Гаммаджъ, что въ этомъ грандіозномъ собраніи участвовало около 200,000 рабочихъ ¹. «Ихъ изнуренныя работою лица представляли собою поразительное и прекрасное зрѣлище, пробуждавшее самыя высокія чувства ²».

«Въ митингѣ участвовали исключительно рабочіе; не было никого изъ представителей высшаго или средняго классовъ, за исключеніемъ предсѣдателя». Послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ предсѣдателемъ, произнесъ рѣчь м-ръ Джиллеспай. Онъ сказалъ: «Мы переживаемъ великій и славный день. По истинѣ каменное сердце должно быть у того, въ комъ не пробудитъ энтузіазма зрѣлище, открывающееся передо мною. Передъ собравшимся здѣсь народомъ не тиранъ-король развертываетъ свои знамена, чтобы вести его на поле рѣзни; не политикъ-священникъ пятнаетъ свою священную одежду, выступая съ Библіею въ одной рукѣ и съ мечемъ въ другой, чтобы вести оболщенный народъ на дѣло убійства. Справедливость и милосердіе ярко выступаютъ на нашихъ щитахъ. Законъ, порядокъ, лойяльность и единодушіе написаны на нашихъ знаменахъ. Мы собрались здѣсь, чтобы требовать тѣхъ правъ, которыя, какъ мы вѣримъ, небо даровало намъ, но которыя люди у насъ отняли».

Митингъ вотировалъ нѣсколько резолюцій. Одна изъ нихъ гласила: «Въ виду того, что билль о реформѣ не осуществилъ того, чего въ правѣ былъ ожидать отъ него народъ, послѣднему снова приходится употреблять усилія для достиженія тѣхъ политическихъ правъ и въ частности того права участія въ избраніи представителей, которыя являются неотъемлемымъ наслѣдіемъ британцевъ и которыя одни только могутъ обезпечить справедливое вознагражденіе за трудъ и мирное обладаніе собственностью ³».

¹. G a m m a g e, стр. 27.

². См. Отчетъ, помѣщенный въ Birmingham Journal

³. Рукописи Плэса, 27,820, стр. 111.

Были также приняты резолюціи относительно закрытой баллотировки, вознагражденія членовъ парламента, отмѣны хлѣбныхъ законовъ и ограниченій свободы торговли, а также и относительно принятія Національной Петиціи. Кромѣ того рѣшено было отправить въ Лондонъ делегата для совмѣстнаго дѣйствія съ тѣми делегатами, которые будутъ присланы туда изъ другихъ мѣстъ.

Аттвудъ произнесъ длинную рѣчь. «Жители Гласго, говорилъ онъ, непобѣдимые сыны Шотландіи, я явился къ вамъ изъ самого сердца Англіи и принесъ вамъ благословеніе вашихъ англійскихъ соотечественниковъ, выраженіе ихъ глубокаго сочувствія вашимъ страданіямъ и твердой рѣшимости присоединиться къ вамъ, чтобы добиться облегченія страданій, торжества справедливости, благосостоянія и защиты свободы нашей общей родины...

«Меня упрекаютъ въ томъ, что я агитаторъ, но я агитировалъ всегда только на благо моихъ соотечественниковъ, агитаторомъ сдѣлали меня вопли и отчаяніе народа...

«Продолжите дѣло, такъ хорошо начатое сегодня и отправьте делегата въ Лондонъ; я знаю, что то же самое сдѣлаютъ сорокъ восемь другихъ городовъ, и когда эти делегаты соберутся въ Лондонъ и за ними явится петиція отъ двухъ милліоновъ человѣкъ, то я желалъ бы видѣть, какъ палата общинъ не послушаетъ ихъ! (Оглушительные крики одобренія). Но если она будетъ на столько безумна, что не обратитъ вниманія на вашу петицію, то я бы хотѣлъ, чтобы вы объявили торжественную, священную и всеобщую стачку не хозяевъ противъ рабочихъ и не рабочихъ противъ хозяевъ, но всѣхъ вмѣстѣ противъ общаго врага. Ваше дѣло—святое и справедливое дѣло и вамъ нужно только дѣйствовать съ твердостью, чтобы одержать побѣду¹».

¹. Плэсъ по поводу этого предложенія замѣчаетъ: «М-ръ Аттвудъ представляетъ собою печальный примѣръ неразсудительности и нелѣпой путаницы понятій, и онъ не былъ единичнымъ явленіемъ среди своихъ товарищей».

Послѣ него говорили еще другіе ораторы. Эдмондсъ, изъ Бирмингама, сказалъ: «Вы въ первый разъ призываетесь дѣйствовать сообща съ англичанами для блага обѣихъ странъ, и прежде всего вашего собственнаго—блага рабочихъ классовъ». Одобривъ ихъ лозунгъ—«Моральная сила», онъ въ то же время старался убѣдить ихъ, «что если заявленіе общественнаго мнѣнія не будетъ сопровождаться проявленіемъ физической силы, то одна моральная сила не будетъ достаточно дѣйствительною. Моральная сила только тѣнь; сущность же—физическая сила».

Д-ръ Уэдъ, депутатъ отъ Лондонскаго Союза рабочихъ и священникъ англиканской церкви, предложилъ собранію принять Хартію и произнесъ рѣчь, въ которой защищалъ ея шесть пунктовъ и рекомендовалъ единеніе и стойкость, какъ лучшія средства достиженія ихъ требованій.

Депутація не ограничилась Глазго, но посѣтила и другіе города Шотландіи. На слѣдующій день въ Эльдерсли, на родинѣ сэра Вильяма Уоллеса, былъ большой митингъ графства Ренфрю, на которомъ былъ избранъ делегатъ для участія въ предположенномъ Конвентѣ. Послѣ этого часть депутаціи направилась въ Кильманрокъ, гдѣ 30 мая состоялся большой митингъ, затѣмъ въ Стирлингъ, Пертъ и Денди; часть же отправилась на митинги въ Купаръ-Файдъ и Дунфермлайнъ. Въ честь ихъ давались также банкеты и вечера. На всѣхъ этихъ собраніяхъ постановлялись резолюціи, подобныя глазговскимъ, и, разумѣется, собирались подписи къ петиціи. Когда депутаты вернулись въ Бирмингамъ, имъ была устроена публичная встрѣча, при чемъ произнесены были рѣчи, въ которыхъ описывались успѣшныя поѣздки ихъ по Шотландіи.

27 іюня митингъ въ Нью-Кэстлѣ, «одно изъ самыхъ блестящихъ проявленій моральной и физической силы нашего народа»,—собралъ жителей Тайна и Уэра. Около полудня м-ръ Добльдэй, «маститый боець демократіи»,

занялъ предсѣдательское мѣсто. «Собраніе это враги прогресса назвали бы по истинѣ ужасающимъ зрѣлищемъ»,—такъ какъ на немъ несомнѣнно присутствовало до 80.000 человѣкъ. Среди говорившихъ былъ одинъ рабочій по имени Эйръ. Такъ какъ Гаммаджъ считаетъ его рѣчь «однимъ изъ лучшихъ образцовъ рѣчей рабочихъ того времени», то не лишнимъ будетъ привести изъ нея нѣкоторыя выдержки. Онъ говорилъ, что чувствуетъ гордость при видѣ тѣхъ тысячъ, которыя собрались сегодня на поклоненіе алтарю свободы. «Мечъ притѣснителей виситъ надъ ними, но, если будетъ нужно, они обнажатъ мечъ справедливости и не вложатъ его въ ножны, пока не будетъ оказана справедливость всему обиженному и угнетенному англійскому народу...»

Онъ находитъ нужнымъ обратиться къ тому мѣсту предлагаемой резолюціи, гдѣ говорится о томъ, чтобы добиваться всѣми средствами—замѣтьте: не всѣми легальными средствами, а именно всѣми средствами, всеобщей подачи голосовъ.—Онъ не можетъ не упомянуть о монархіи. До сихъ поръ королевская власть имѣла въ виду одни только собственные интересы, но теперь, передъ этимъ многочисленнымъ собраніемъ и отъ имени его, онъ объявляетъ, что если она не будетъ впредь служить благу миллионовъ, то она не будетъ существовать вовсе. «Голодные и безпомощные, вдовы и сироты и будущія поколѣнія ждутъ отъ васъ помощи. Неужели ихъ ожиданія останутся тщетными? Интересы рабочихъ вездѣ одни и тѣ же и притѣснители увидятъ, что рабочіе дѣйствуютъ вездѣ за одно. Просвѣщеніе—сила и единеніе—сила и въ широкомъ распространеніи просвѣщенія, замѣчаемомъ въ послѣднее время, и въ единеніи, которое все болѣе охватываетъ теперь народъ, онъ видитъ приближеніе—и притомъ въ недалекомъ будущемъ—повсемѣстнаго крушенія аристократіи ¹».

Въ Сундерландѣ также состоялся большой митингъ.

¹. G a m m a g e, стр. 32.

Одинъ изъ говорившихъ на немъ, упомянувъ о содѣйствіи народа среднимъ классамъ въ достиженіи парламентской реформы, сказалъ: «Мы были обмануты и недостойно покинуты, но мы снова выступаемъ впередъ во всей нашей силѣ и во всемъ нашемъ величїи, и мы снова восторжествуемъ». О'Конноръ также говорилъ на этомъ митингѣ и между прочимъ сказалъ: «Я скорѣе умру свободнымъ гражданиномъ, чѣмъ буду жить въ положеніи раба. Конституція моей страны говоритъ мнѣ, что я имѣю право носить оружіе, а мой собственный разумъ подскажетъ мнѣ, когда мнѣ надлежитъ взяться за него. Эти мысли—не мои, а величайшихъ государственныхъ людей. Если мнѣ суждено будетъ пасть, то на мое мѣсто встанутъ другіе».

Въ Ноттингамѣ была произведена 31 іюля большая демонстрація. Въ Нортгэмптонѣ въ началѣ августа происходилъ рядъ митинговъ, а 6-го августа состоялся большой митингъ въ Бирмингамѣ для избранія восьми делегатовъ въ предполагавшійся Конвентъ. На этомъ митингѣ собралось, по свѣдѣніямъ чартистскихъ отчетовъ, около 200.000 человѣкъ. Аттвудъ, въ очень длинной рѣчи¹, предложилъ устроить всенародную стачку на одну недѣлю. «Положимъ, что собравшіеся на конвентъ делегаты установятъ одну священную недѣлю, во время которой по всей Великобританіи не будетъ работать ни плугъ, ни ткацкій станокъ, ни наковальня,—священную недѣлю, когда ни одинъ человѣкъ не будетъ работать, трудиться. Въ эту великую недѣлю мы не примемся ни за какую работу, пока не совершимъ великой работы на благо страны. Пусть въ народѣ будетъ истинное единеніе и согласіе и тогда, если бы въ томъ встрѣтилась надобность, сорока девяти делегатамъ достаточно было бы топнуть ногою и два милліона людей отвѣтятъ на этотъ зовъ, а если этого мало, то за ними явятся еще пять милліоновъ. Но въ

1. Эта рѣчь въ передачѣ Birmingham Journal занимаетъ столбецъ мелкой печати шириною въ $2\frac{3}{4}$ дюйма и въ 21 футъ длиною. Рукописи П л э а, 27,820, стр. 172.

этомъ не будетъ надобности: мы добьемся всего, чего мы требуемъ, не прибѣгая къ такимъ мѣрамъ. Если же насъ вынудятъ къ этому, то пусть отвѣтственность падетъ на враговъ народа ¹».

Онъ хвалилъ поведеніе народа, предрекая, что онъ получитъ награду за свою настойчивость; затѣмъ прибавилъ, что «если правительство осмѣлится арестовать его во время его мирныхъ дѣйствій, то 100.000 человекъ потребуютъ его освобожденія».

Фергусъ О'Конноръ также былъ на митингѣ и произнесъ очень рѣзкую рѣчь. «При видѣ той могучей силы и тѣхъ добродѣтелей, которыми полонъ собравшійся здѣсь народъ, нельзя не признать, что этотъ митингъ знаменуетъ собою скрѣпленіе и торжественное возвѣщеніе того великаго нравственнаго договора, который заключаетъ сегодня народъ».

По словамъ Плэса, «онъ продолжалъ съ обычною для него многорѣчивостью, несдержанностью и пренебреженіемъ ко всему. Онъ отвергалъ всякое значеніе агитации въ пользу отмѣны хлѣбныхъ законовъ, считая ее пустою выдумкою; онъ являлся здѣсь представителемъ трехъ милліоновъ смѣлыхъ умовъ и сильныхъ рукъ; между ними нѣтъ ни одного, кто не вѣрилъ бы въ нравственную силу народа и не былъ бы готовъ на полное, можно сказать раболѣпное, подчиненіе, еслибы того потребовали обстоятельства. Они скорѣе согласны на это, чѣмъ на то, чтобы кинуться въ необдуманную борьбу; они могутъ быть увѣрены, что тотъ, кто зоветъ ихъ проявить физическую силу, первый откажется отъ этого, еслибы дѣйствительно пришлось прибѣгнуть къ ней; но пусть въ этомъ не видятъ его готовности оставаться въ рабскомъ положеніи. Когда же моральная сила будетъ исчерпана, когда, какъ говорилъ м-ръ Аттвудъ, одна сторона будетъ попрежнему творить зло другой, то будь проклятъ тотъ, кто тогда не отвѣтитъ силою на насиліе. Въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ

¹. Рукописи Плэса, 27,820, стр. 173.

онъ объѣздилъ около 2000 миль; онъ видѣлъ, какъ солдаты врывались въ народныя собранія, но никто изъ народа, какъ бы вѣря въ наступленіе лучшихъ временъ, не пугался этого. Онъ говорилъ солдатамъ, что если они пожелаютъ начать производить рѣзню, то пусть дадутъ ему время собрать свой батальоны, и если будетъ недостаточно двухъ милліоновъ, то онъ выставитъ пять, которые и отвѣтятъ имъ должнымъ образомъ».

Интересны замѣчанія, вызванныя этою рѣчью. Въ нихъ выступаетъ начало того раскола, который впоследствии оказался роковымъ для чартистскаго движенія. «Можно сказать, что это былъ первый чартистскій митингъ, писалъ Вилльямъ Ловеттъ, на которомъ О'Конноръ провозгласилъ свою доктрину о примѣненіи физической силы или, вѣрнѣе, выступилъ со своею хвастливою ирландскою болтовнею о вооруженіи и борьбѣ, потому что готовность драться самому не входила въ его патріотическій кодексъ».

«Такая несдержанность, писалъ Гаммаджъ¹, положила основаніе расколу, который могъ имѣть лишь самыя печальныя послѣдствія для успѣха движенія», но затѣмъ, какъ бы въ видѣ извиненія, онъ прибавляетъ: «самыя сильныя выраженія въ то время были самыми дѣйствительными».

Плэсъ, говоря объ этомъ митингѣ, замѣчаетъ: «Во всѣхъ рѣчахъ ясно проглядывало убѣжденіе ораторовъ, что шесть пунктовъ хартіи будутъ исторгнуты отъ правительства въ самомъ началѣ сессіи».

17 сентября состоялся первый митингъ чартистовъ въ Palace Yard'ѣ въ Вестминстерѣ. На немъ присутствовало отъ десяти до пятнадцати тысячъ человѣкъ. Были предложены и приняты резолюціи, въ пользу хартіи и національной петиціи, и народъ соединеннаго королевства приглашался созывать митинги и посылать депутаціи къ своимъ представителямъ, чтобы побудить ихъ поддер-

¹. G a m m a g e, стр. 51.

живать и вотировать народную хартію и національную петицію.

Было избрано восемь лицъ для того, «чтобы совмѣстно съ такими же делегатами изъ другихъ мѣстъ, слѣдить за судьбою хартіи и петиціи послѣ того, какъ онѣ будутъ представлены. Ловеттъ говорилъ первымъ. Онъ сказалъ: «Въ предупрежденіе какихъ либо недоразумѣній относительно цѣли этого митинга, союзъ рабочихъ поручилъ мнѣ заявить, что какихъ бы теоретическихъ взглядовъ мы ни держались, послѣдніе не играютъ никакой роли въ настоящей агитаціи. Мы искренно заявляемъ, что народная хартія заключаетъ въ себѣ все то, чего требуетъ политическая справедливость, все, что можетъ дать народу средство избавиться отъ угнетающихъ его золь и что съ Божіею помощью мы надѣемся получить ее. Національная петиція заключаетъ въ себѣ выраженіе тѣхъ же стремленій и принциповъ справедливаго представительства, какъ и Хартія. Она встрѣтила полное одобреніе тѣхъ сотенъ тысячъ, которые подписали ее, и, я увѣренъ, встрѣтитъ сочувствіе и въ этомъ собраніи».

Эбenezеръ Элліотъ, прославившійся впослѣдствіи своими стихами о хлѣбныхъ законахъ, также произнесъ рѣчь: «Ваши враги говорятъ вамъ, что митинги, подобные настоящему, не имѣютъ никакого значенія, но я говорю вамъ, что когда народъ при всей своей бѣдности съ радостью оплачиваетъ такіе митинги, то они имѣютъ очень большое значеніе, потому что это значитъ, что народъ взялся за дѣло серьезно, а въ такомъ случаѣ онъ непременно добьется своихъ правъ. Многіе изъ вашихъ друзей вамъ говорятъ тоже, что вы не должны теперь агитировать за расширеніе избирательныхъ правъ. Почему не должны? Потому что неимѣніе ихъ позволило отнять у васъ все. Станный аргументъ! Но для того, чтобы вы агитировали за эти права и получили ихъ, я хотѣлъ бы убѣдить васъ въ двухъ вещахъ: во первыхъ, въ томъ, что вы получите ихъ, если захотите; если же вы не бу-

дете спѣшить получить ихъ, то подъ тяжестью податей промышленное преобладаніе перейдетъ въ другія страны и вы останетесь на улицѣ, безъ заработка, безъ хлѣба и безъ возможности достать и то и другое иначе, какъ истребивъ сначала своихъ притѣснителей, а затѣмъ можетъ быть и другъ друга... Пусть же ничто не отвлекаетъ васъ отъ борьбы за избирательныя права, изъ которыхъ проистекутъ всякія иныя блага, подобно тому, какъ изъ желудя вырастаетъ дубъ».

Самою интересною рѣчью была рѣчь м-ра Дж. Т. Лидера, одного изъ членовъ парламента отъ Вестминстера. «Зрѣлище, которое онъ видитъ предъ собою, полно великаго значенія. Громадное множество рабочихъ людей сошлись, чтобы обсудить свои права и рѣшить употребить всѣ законныя средства къ тому, чтобы пріобрѣсти то нормальное вліяніе въ странѣ, которое помогло бы имъ укрѣпить и сохранить ихъ.

«Въ прежнія времена, когда происходили подобныя собранія многихъ тысячъ народа, они созывались нѣсколькими, стоявшими во главѣ движенія, лицами, не принадлежащими къ рабочему классу, которыя обращались къ народнымъ массамъ съ тѣмъ, чтобы добиться ихъ содѣйствія въ осуществленіи своихъ собственныхъ цѣлей. И что же получалось изъ этого? Народныя страсти пробуждались и вожди добивались того, къ чему они стремились, отворачиваясь отъ обманутаго ими народа. Народъ долженъ полагаться на самого себя; всякій среди него имѣетъ основаніе разсуждать и рѣшать самъ за себя и не долженъ допускать, чтобы его рѣшеніе страдало отъ посторонняго вліянія. Настоящій митингъ созванъ рабочими людьми, на немъ говорятъ рабочіе, которые, не взывая къ страстямъ своихъ слушателей, разсуждаютъ и аргументируютъ нисколько не хуже, чѣмъ въ палатѣ. Тѣмъ не менѣе намъ говорятъ, что народу не слѣдуетъ предоставлять избирательныхъ правъ, что онъ слишкомъ невѣжественъ и не сѣумѣетъ пользо-

ваться ими. Что касается меня, то я никогда не слыхалъ ни лучшихъ разсужденій, ни лучшаго англійскаго языка, чѣмъ сегодня. Поэтому я совѣтую рабочимъ полагаться на себя и только на себя. Я смотрю на этотъ митингъ и на то движеніе, котораго онъ является выразителемъ, какъ на знаменательный шагъ въ великой нравственной борьбѣ. Пусть народъ продолжаетъ идти по этому пути, судьба въ этой великой нравственной борьбѣ готовитъ ему побѣду». Затѣмъ онъ высказалъ нѣсколько разумныхъ и полезныхъ совѣтовъ:

«Дѣло, которое они начали,—не дѣтская игра; они взяли за трудную задачу. Въ выполненіи этой задачи они должны помнить всегда, что одержать побѣду они могутъ только путемъ того нравственнаго вліянія, которое должны пріобрѣсти народныя массы. Всегда и вездѣ протестуя противъ совѣтовъ прибѣгать къ насилію, отказываясь слушать воззванія къ насилію и участвовать въ насильственныхъ дѣйствіяхъ,—только въ этомъ они найдутъ вѣрный путь къ успѣху.»

«Рѣчь эта», пишетъ Гаммаджъ «была принята большинствомъ собранія довольно холодно»; гораздо большее сочувствіе вызвали рѣчи О'Коннора и Ричардсона изъ Манчестера, который, энергически призывая къ употребленію физической силы, заявилъ, что «еслибы Національная Петиція не имѣла успѣха, то онъ не беретъ предсказывать тѣ послѣдствія, которыя отъ этого произойдутъ. Ружья будутъ заряжены; такова несомнѣнно будетъ дальнѣйшая мѣра, и онъ не думаетъ, чтобы какая либо правительственная власть, или вооруженная бурбонская полиція могла не допустить этого».

Плэсъ, говоря объ этомъ митингѣ, называетъ его весьма замѣчательнымъ ¹. «Его значеніе очень велико тѣмъ, что онъ обнаружилъ такое возбужденное состояніе умовъ въ рабочемъ классѣ, какое никогда еще не проявлялось въ Вестминстерѣ. Дѣйствительно, въ этихъ

¹. Рукописи Плэса, 27,820, стр. 210.

митингахъ повсюду, за исключеніемъ развѣ одного только Бирмингама, лица средняго класса почти не принимали участія».

Онъ обращаетъ вниманіе на тѣ расходы, которые должны были вынести многіе рабочіе, прибывшіе изъ отдаленныхъ мѣстностей для участія въ этомъ митингѣ, а относительно рѣчей замѣчаетъ: «Можно съ полнымъ основаніемъ утверждать, что эти рѣчи вполнѣ выдерживаютъ сравненіе съ рѣчами на публичныхъ митингахъ болѣе образованныхъ классовъ».

Вслѣдъ за митингомъ въ Вестминстерѣ вскорѣ состоялись большіе митинги въ Батѣ, Шеффилдѣ и Ливерпулѣ, «гдѣ О'Конноръ давалъ полную волю своему языку».

24 сентября 1838 г. состоялся въ Керсальмурѣ большой митингъ радикаловъ Манчестера и его окрестностей. На немъ присутствовало отъ 200.000 до 300.000 человѣкъ и было до 200 знаменъ, на одномъ изъ которыхъ было изображеніе Питерлоосской рѣзни съ надписью: «убійство требуетъ возмездія». Гаммаджъ, описывая этотъ митингъ, говоритъ: «Суровъ былъ видъ людей, сошедшихся на это громадное собраніе. Ихъ исхудалыя, измученныя лица изобличали тяжкія страданія, достаточно объяснявшія ихъ ожесточеніе противъ своихъ притѣснителей».

Предсѣдательствовалъ м-ръ Джонъ Фильденъ, членъ парламента; главными ораторами были Стифенсъ и О'Конноръ. Сушность рѣчи Стифенса заключается въ слѣдующихъ его словахъ: «Я спрашиваю себя сегодня, видя предъ собою зрѣлище, подобнаго которому еще не видано нигдѣ въ мірѣ; я спрашиваю себя, что вызываетъ это могучее движеніе народныхъ массъ въ Англіи? Что потрясло такъ Англію до самой глубины и привело ея трудолюбивыхъ, мирныхъ, лойяльныхъ, дружныхъ и смѣлыхъ сыновъ на это торжественное собраніе? Я спрашиваю, что означаетъ это могучее движеніе? Велика

должна быть царящая неправда, чтобы сотни и тысячи пришли сюда требовать восстановления своих справедливых прав».

Вопросъ былъ поставленъ совершенно опредѣленно и отвѣтъ на него былъ также ясенъ. Неправда, собравшая сюда этихъ людей, была велика, но говорившій и подобные ему ораторы едва ли были тѣ люди, которые могли побѣдить ее.

Въ этой же рѣчи Стифенсъ разъяснилъ, что собственно онъ понимаетъ подъ всеобщую подачу голосовъ, и это разъясненіе представляетъ большой интересъ. «Если бы кто нибудь спросилъ меня, что значитъ всеобщая подача голосовъ, то я бы отвѣтилъ ему: это значитъ, что у каждаго рабочаго будетъ на плечахъ хорошее платье и на головѣ хорошая шляпа, хорошій кровъ для его семьи, хорошій обѣдъ на столѣ, работа, отъ которой не будетъ страдать его здоровье, и такое вознагражденіе за эту работу, которое обезпечитъ ему полный достатокъ и пользованіе всѣми благами жизни, какихъ можетъ желать благоразумный человѣкъ».

Въ заключеніе онъ сказалъ: «Прежде чѣмъ разстаться съ вами, скажу вамъ только, что, глядя на это одухотворенное, живое, движущееся море головъ, этотъ океанъ просвѣщеннаго патріотизма и религіозной рѣшимости, глядя на это многолюдное собраніе, въ которомъ участвуетъ цвѣтъ населенія Ланкашира, я имѣю предъ собою, или вѣрнѣе вашъ предсѣдатель имѣетъ предъ собою ту точку опоры для рычага, которая дастъ возможность сдвинуть гору гнета и сопротивленія, стоящую на вашемъ пути къ вашимъ цѣлямъ. Я буду продолжать поддерживать резолюцію (принятіе хартіи), такъ же какъ я поддерживалъ ее здѣсь, предъ вами, всѣми своими духовными и физическими силами, насколько хватитъ моихъ и вашихъ силъ. Мы зовоюемъ Народную Хартію! ¹».

Гаммаджъ свидѣтельствуетъ объ энтузіазмѣ, съ ко-

1. Рукописи П л э с а., 27,820, стр. 226.

торымъ слушатели отнеслись къ этой рѣчи. «Несмотря на то, что въ концѣ митинга пошелъ проливной дождь, это не произвело никакого впечатлѣнія на возбужденную и воодушевленную толпу. Густыя массы народа какъ бы слились во-едино, до такой степени переполненные однимъ чувствомъ, что ничто не могло отвлечь ихъ въ сторону отъ избраннаго ими пути. Митингъ носилъ крайне мирный характеръ и разошелся въ такомъ порядкѣ, въ какомъ расходятся только религіозныя собранія».

Таковы проявленія дѣятельности платформы того времени. Печальное впечатлѣніе производятъ эти собранія обреченныхъ на тяжкій трудъ людей, погрязшихъ въ нищетѣ и невѣжествѣ, ищущихъ помощи, просящихъ совѣта, взывающихъ, какъ прекрасно выразился Карлейль: «ведите насъ, управляйте нами, мы обезумѣли отъ отчаянія и сами не знаемъ куда идти», и получающихъ въ отвѣтъ только такіе плохіе совѣты, какіе мы видѣли въ вышеприведенной рѣчи,—и только такіе, потому что въ высшихъ сферахъ общества и въ парламентѣ врядъ ли имѣлся хоть одинъ человѣкъ, который счелъ бы нужнымъ вступить въ борьбу съ такою проповѣдью, иначе какъ съ помощью силы.

Невозможно перечислить всѣ митинги, собиравшіеся за это время. Чартистскія газеты полны описаніями такихъ собраній; они происходили почти всюду, гдѣ только имѣлись рабочіе; Валлисъ и Шотландія также присоединились къ движенію.

25 сентября въ Шеффилдѣ собрался митингъ, представлявшій особый интересъ. На немъ предсѣдательствовалъ Эбенезеръ Элліотъ, поэтъ эпохи борьбы противъ хлѣбныхъ законовъ. Въ своей рѣчи онъ, между прочимъ, сказалъ: «Развѣ ваши враги помогутъ вамъ? Со времени перваго убійцы, они были всегда такими же, какъ и теперь; они отравили Сократа, они распяли Христа, и вы думаете, что они помогутъ вамъ? Нѣтъ, вы должны сами позаботиться о себѣ».

Одинъ изъ ораторовъ, нѣкто м-ръ Айронсайдъ, произнесъ очень интересную рѣчь, которая, однако, слишкомъ длинна, чтобы передать ее всю; мы приведемъ только ея конецъ. «Въ заключеніе, сказалъ онъ, позвольте дать вамъ небольшой совѣтъ: будьте опрятны, будьте воздержны; этимъ вы много прибавите къ удобствамъ вашей жизни и къ своему счастью. Вы сдѣлаетесь болѣе вдумчивы и любознательны и такимъ образомъ лучше познакомитесь съ социальными и политическими условіями вашего положенія; вы вскорѣ пріобрѣтете большую силу, чѣмъ какую вамъ можетъ дать одна численность: грубая сила можетъ быть побѣждена силою, но разумъ — нѣтъ.

«Опираясь на вѣчныя и незыблемыя основы истины, разумъ, подобно Гималаямъ, величественно возвышается надъ всѣмъ міромъ, равнодушный ко всѣмъ бурямъ, въ безсильной ярости нападающимъ на него со всѣхъ сторонъ. Тучи невѣжества могутъ на время скрывать его отъ взоровъ людей; окутывающій его туманъ можетъ застилать очертанія его, но наступаетъ моментъ, когда мракъ внезапно разсѣвается и онъ предстаетъ во всемъ блескѣ, прекраснѣе, чѣмъ когда бы то ни было, во всемъ гордомъ величіи своей вѣковѣчной всепобѣждающей силы и несравненной красоты, уничтожая однимъ взглядомъ всѣ жалкія разсужденія самозванныхъ, рациональныхъ и практическихъ реформаторовъ».

Плэсъ очень подробно описываетъ этотъ митингъ съ тою цѣлью, говоритъ онъ, «чтобы показать, чего можно ожидать отъ рабочаго народа, когда онъ не находится подъ вліяніемъ странствующихъ демагоговъ, какими являются сумасброды, въ родѣ Бомона и О'Брайна, или люди, преслѣдующіе свои злонамѣренныя цѣли, какъ О'Конноръ или Бирмингамцы (подразумѣвается Аттвудъ и его единомышленники)... Рабочіе Шеффилда были предоставлены самимъ себѣ. Рѣчи ораторовъ всѣ до одной, свидѣтельствовали о томъ, что по

слѣдніе незнакомы съ основными принципами политической экономіи и не имѣютъ даже никакого понятія о прибыли и заработной платѣ, и потому полагали, что правительство обладаетъ властью всегда и во всякое время доставлять работу за хорошее вознагражденіе всѣмъ нуждающимся въ ней мужчинамъ и женщинамъ... Народъ держалъ себя благоразумно, какъ это всегда бываетъ, когда ему предоставляютъ идти своимъ путемъ къ достиженію своей настоящей цѣли. Онъ почти никогда не сходилъ съ истиннаго пути, когда его не сбивали съ него люди, выше его стоящіе, или неумѣстное вмѣшательство власти.

«Всѣ говорившіе прекрасно владѣли словомъ; ихъ рѣчи были не менѣе основательны, чѣмъ рѣчи людей высшаго класса, и часто много лучше тѣхъ, которыя иногда слышатся отъ такъ называемыхъ «образованныхъ» людей...

«Все, что происходило на этомъ митингѣ и всѣ произнесенныя рѣчи могутъ служить доказательствомъ того, какъ далеко подвинулось просвѣщеніе народа, и показателемъ дальнѣйшаго его развитія. Все это совершенно ново и если сравнить теперешнихъ рабочихъ съ тѣмъ, чѣмъ они были полстолѣтія, или даже четверть столѣтія тому назадъ, то этому нельзя не удивляться. Ихъ прогрессъ является главнымъ образомъ дѣломъ ихъ собственныхъ рукъ и потому тѣмъ болѣе можетъ быть поставленъ имъ въ заслугу. Путемъ разумныхъ мѣръ его можно быстро ускорить, но для этого нужна помощь, которой трудно ожидать въ настоящее время.

«Аристократія боится распространенія просвѣщенія въ народныхъ массахъ,—это ясно видно изъ ея дѣйствій. Это высказывали мнѣ много разъ совершенно откровенно... Сопѣйствовать открытію школъ (для дѣтей торговцевъ и небогатыхъ классовъ) отказываются на томъ основаніи, что „низшіе классы“ не должны получать образованія одинаковаго съ джентльменами; презрѣніе, съ

которымъ высшіе классы и тѣ, кто подражаетъ имъ, говорятъ не только о рабочемъ классѣ, но и о торговомъ, и причисляютъ ихъ также къ низшимъ классамъ, быть можетъ болѣе чѣмъ что либо другое ослабило уваженіе къ этимъ высшимъ классамъ¹».

Въ прежнее время при видѣ того вызывающаго характера, какой принимали эти митинги, и того волненія, которое они возбуждали, правительство не задумалось бы испросить у парламента экстраординарныя полномочія для запрещенія публичныхъ собраній или даже пріостановку дѣйствія Habeas Corpus Act'a, но теперь времена сильно измѣнились. Актъ о реформѣ былъ совершившимся фактомъ и правительство дѣйствовало иначе; теперь было иное правительство и совершенно иная палата, чѣмъ въ 1817—19 гг. Интересно, что первое заявленіе о новой политикѣ правительства было сдѣлано съ платформы. Министръ внутреннихъ дѣлъ лордъ Джонъ Росселль былъ 3-го октября на обѣдѣ у ливерпульскаго мэра; это не былъ собственно говоря публичный обѣдъ, но рѣчь, произнесенная министромъ, была оглашена въ газетахъ... «Онъ не хочетъ, говорилъ онъ, въ томъ обществѣ, гдѣ теперь находится, вдаваться въ область политики, но существуетъ одинъ вопросъ, близко касающійся его вѣдѣнія, о которомъ да будетъ ему позволено сказать нѣсколько словъ».

Онъ упомянулъ о публичныхъ митингахъ, происшедшихъ въ разныхъ частяхъ страны. «Нѣкоторые, вѣроятно, полагаютъ, что такіе митинги слѣдовало бы воспрещать. Но не таково убѣжденіе его и всего правительства, съ которымъ онъ дѣйствуетъ; свободное обсужденіе, изъ котораго познается истина, есть право народа. Ему принадлежитъ право собираться. Если у него есть неудовольствія, то онъ имѣетъ право заявлять о нихъ, чтобы они сдѣлались извѣстны и могли быть устранены; если же нѣтъ достаточныхъ поводовъ къ недовольству,

1. Рукописи П л э с а, 27,820 стр. 247.

то здравый смыслъ не замедлитъ явиться на выручку и положить конецъ такимъ митингамъ.

«Правительствамъ нечего опасаться свободнаго обсужденія, нечего бояться открытаго выраженія общественнаго мнѣнія; бояться приходится тогда, когда люди вынуждаются прибѣгать къ тайнымъ соединеніямъ. Вотъ гдѣ лежитъ опасность, а не въ свободномъ обсужденіи¹».

Какая громадная разница съ тою системою, которой держалось правительство въ 1817—19 гг. и въ еще болѣе отдаленный періодъ 1792—1801 гг.!

Митинги, при такомъ отношеніи къ нимъ правительства, продолжались безпрепятственно, но скоро обнаружались признаки разногласія между самими чартистами. Это отмѣчаетъ и Ловеттъ. «Хартія, пишетъ онъ, приобрѣтала все большее число сторонниковъ и искреннихъ защитниковъ, когда нѣсколько безумцевъ, возбуждая страсти толпы, пробудили въ ней демоновъ ненависти, предразсудковъ и несогласія, и это повредило дальнѣйшему развитію движенія». Гаммаджъ пишетъ: «Предметомъ распри являлся вопросъ о средствахъ, которыя надлежало употребить для достиженія намѣченныхъ цѣлей, потому что самыя цѣли повидимому не возбуждали разногласія. Чартисты раскололись на двѣ группы, представлявшія два различныхъ направленія. Къ одной принадлежали люди, полагавшіе, что народныя права должны быть добыты при помощи однѣхъ только моральныхъ средствъ. Другую составляли люди болѣе рѣшительные, которые не хотѣли допустить, чтобы правящіе классы могли преклониться передъ чѣмъ либо, кромѣ физической силы, и которые поэтому обыкновенно сопровождали свои рѣчи угрозами... Ничто не могло быть плачевнѣе этого раскола²».

Въ теченіе октября этого года было множество митинговъ; рѣчи платформы лились рѣкою; 18 октября собрался громадный митингъ въ Hartshead Moor близъ

1. The Liverpool Albion, 8 октября 1838 г.

2. G a m m a g e, стр. 93.

Брадфорда. По различнымъ свѣдѣніямъ на немъ присутствовало отъ тридцати до трехсотъ тысячъ чело-вѣкъ; рѣчи носили крайне рѣзкій характеръ. «Что помогло Америкѣ отвоевать себѣ независимость?—Здравый смыслъ и американскія ружья», говорилъ одинъ изъ ораторовъ. «Если англійскій народъ хочетъ также добиться независимости, если онъ рассчитываетъ уничтожить тиранию, которая угнетаетъ ея трудящійся классъ, то ему тоже придется запастись ружьями».

Съ наступленіемъ осени, когда вечера сдѣлались длиннѣе, а рабочіе не могли жертвовать дневнымъ заработкомъ, чтобы присутствовать на митингахъ, вошло въ обычай собираться на нихъ по вечерамъ, при свѣтѣ факеловъ. Первый изъ такихъ митинговъ состоялся 29-го октября въ Болтонѣ. «Носильщики факеловъ стояли на рыночной площади кольцомъ въ нѣсколько рядовъ, казавшихся на разстояніи огненными кругами, что представляло очень живописное и величественное зрѣлище».

Гаммаджъ описываетъ такіе «митинги при свѣтѣ факеловъ». Онъ пишетъ: «Осенью 1838 г. митинги начали принимать очень внушительные размѣры»... «Въ скоромъ времени фабричные округа представляли собою рядъ внушительныхъ народныхъ демонстрацій... Трудно себѣ представить, какое волненіе возбуждали эти манифестаціи; нужно было быть очевидцемъ всего этого, чтобы имѣть точное представленіе объ общемъ настроеніи. Народъ сходилъ на мѣсто собраній не по одиночкѣ, но собирался группами въ назначенномъ мѣстѣ, откуда шель большими толпами или процессіями по главнымъ улицамъ, оглашая воздухъ своими радостными возгласами при встрѣчѣ когонибудь изъ своихъ кумировъ, или же бранью и проклятіями, проходя мимо редакціи враждебной газеты или дома когонибудь изъ непопулярныхъ должностныхъ лицъ. Развѣвающіяся знамена съ грозными надписями при красномъ свѣтѣ пылающихъ факеловъ,—все это представляло зловѣщее и величественное зрѣлище. Мертвые

головы, изображенныя на нѣкоторыхъ знаменахъ, казались какъ бы привидѣніями; видъ тысячей рабочихъ, не имѣвшихъ времени зайти съ фабрики домой, чтобы хоть немного привести себя въ порядокъ, и лица которыхъ носили поэтому слѣды пота и грязи, усиливаль мрачное впечатлѣніе этихъ сценъ. Процессіи рабочихъ растягивались иногда на громадное пространство, такъ какъ случалось, что въ нихъ участвовало до 50.000 человѣкъ, и на всемъ протяженіи пылали огни, отражаясь какъ бы заревомъ горящаго города. Сами митинги носили еще болѣе грозный характеръ; уже одно появленіе такого громаднаго количества пылающихъ факеловъ казалось дѣйствовало воспламеняющимъ образомъ какъ на ораторовъ, такъ и на слушателей. О'Конноръ, Стифенсъ и Макъ Дуалль почти постоянно участвовали въ этихъ митингахъ, произнося самыя несдержанныя рѣзкія рѣчи. Два послѣдніе оратора неизмѣнно заканчивали призывомъ къ оружію... Стифенсъ не задумывался объявлять, что высшіе классы представляютъ не что иное, какъ шайку убійць, кровь которыхъ необходима для удовлетворенія общественной справедливости».

Поощряемые безнаказанностью, чартисты становились все болѣе и болѣе несдержанны въ своихъ рѣчахъ. 5 ноября происходилъ митингъ въ Норвичѣ. «Народъ выступилъ по собственному побужденію, цѣлыми тысячами, радостно спѣша присоединить свой голосъ къ голосу своихъ сѣверныхъ собратій въ требованіи своихъ справедливыхъ правъ». На митингѣ присутствовалъ Стифенсъ и произнесъ пламенную рѣчь: «Эти бѣдные люди имѣютъ дѣтей, которыя имъ дороги, и они должны сказать себѣ, что нѣтъ шансовъ на то, чтобы положеніе вещей стало лучше; ринемся въ бой, хотя бы это стоило намъ жизни... Я говорю вамъ, жители Норвича, что за существованіе большихъ сѣверныхъ городовъ нельзя ручаться и на двѣнадцать мѣсяцевъ,—не только на двѣнадцать мѣсяцевъ, но и на двадцать четыре часа: Англія стоитъ на вулканѣ,

подъ нею заложена мина. Можно плясать на поверхности, можно рвать цвѣты, но спокойствіе это только временное: фитиль подложенъ, спичка зажжена и если только добрыя чувства не возьмутъ верхъ и не произведутъ немедленнаго облегченія народнаго бѣдствія и горя, то никто не можетъ сказать, что можетъ быть черезъ день, черезъ часъ... До сихъ поръ народъ держали на привязи, но теперь это уже болѣе невозможно: онъ долженъ быть выпущенъ на волю».

Затѣмъ онъ обратился въ самомъ вызывающемъ тонѣ съ совѣтомъ взяться за оружіе. «Ни одно правительство не можетъ и не будетъ существовать въ нашей странѣ, если оно не отмѣнитъ новаго закона о бѣдныхъ. Мы не будемъ болѣе заботиться объ этомъ; мы конечно не будемъ болѣе просить этого, —мы получимъ это, потому что Богъ соединилъ мужа и жену и ни человекъ, ни дьяволъ не разлучатъ ихъ. Жители Норвича! возьмите ваши мечи, пистолеты, кинжалы, факелы; женщины, сражайтесь своими ногтями и зубами,— болѣе ничего не остается дѣлать! Каждый англичанинъ—мужъ будетъ сражаться до послѣдней капли крови за свою жену, и каждый англичанинъ—отецъ будетъ биться до послѣдняго издыханія за своихъ дѣтей. Матери не отстанутъ отъ нихъ; мужья и жены, братья и сестры возьмутся за ножи. Да поможетъ намъ Богъ!»

5 ноября происходилъ митингъ въ Престонѣ. На этомъ митингѣ произнесъ рѣчь одинъ изъ делегатовъ предстоявшаго Національнаго Конвента, при чемъ, говоря о министерствѣ виговъ, онъ сказалъ: «Я надѣюсь, мы скоро избавимся отъ него, надѣюсь, что скоро придетъ время, когда мы пошлемъ его на эшафотъ».

На обѣдѣ въ Манчестерѣ 6-го ноября въ память дня рожденія Генри Гента, умершаго въ 1835 г., О'Конноръ произнесъ возмутительную похвальную рѣчь въ честь послѣдняго, — «человѣка, о которомъ ни одинъ честный человекъ не можетъ сказать ни малѣйшей похвалы»,

говорить Плэсъ. Эта рѣчь замѣчательна тѣмъ, что въ ней ораторъ пытается установить время осуществленія чартистскихъ стремленій. «Настало время для введенія всеобщей подачи голосовъ; нація просить ея, справедливость требуетъ ея и Богъ даруетъ ее! Пусть они (слушатели) назначутъ срокъ, въ теченіе котораго они еще будутъ терпѣть существованіе несправедливости; пусть они скажутъ себѣ, что постараются достойно подготовиться во всѣхъ отношеніяхъ къ пользованію этимъ правомъ къ 29 сентября слѣдующаго года и скажутъ философамъ, разсуждающимъ о моральной силѣ, что если они не получаютъ его 29-го, то 30-го они угостятъ ихъ „Михайловскимъ гусемъ“ (т. е. покончатъ съ ними счеты)».

8 декабря въ Аштонѣ была сожжена фабрика,—прямое послѣдствіе мятежныхъ рѣчей Стифенса. Въ ту же ночь происходилъ при свѣтѣ факеловъ митингъ въ Бьюри, вопреки запрещенію мирового судьи, признавшаго его незаконнымъ. На митингѣ присутствовало нѣсколько тысячъ человѣкъ и Стифенсъ, Фергусъ О'Конноръ и другіе говорили зажигательныя рѣчи.

На одномъ митингѣ въ Рочделѣ О'Конноръ сказалъ, что онъ « всю свою жизнь проповѣдывалъ миръ, но въ то же время былъ всегда готовъ къ войнѣ. Одинъ изъ такихъ факеловъ—онъ указалъ на ближайшій къ нему—стоитъ тысячи рѣчей; онъ говоритъ настолько краснорѣчиво, что не найдется человѣка, который не понялъ бы его смысла», и прибавилъ затѣмъ своимъ слушателямъ, что «они будутъ въ своемъ правѣ, если возьмутъ эти факелы и сожгутъ безчеловѣчную Бастилію».

Эти факельные митинги пріобрѣтали характеръ не митинговъ для обсужденія положенія дѣлъ и вотированія петицій, а простыхъ манифестацій физической силы. Правительство, рѣшившее не препятствовать первымъ, не могло оставить безнаказанными вторыя и 12 декабря была издана прокламація о запрещеніи митинговъ съ факелами.

«Въ виду того, говорилось въ этой прокламаціи, что

въ послѣднее время во многихъ мѣстностяхъ Великобританіи стали собираться послѣ захода солнца и при свѣтѣ факеловъ большія толпы злонамѣренныхъ и безпокойныхъ людей, съ знаменами, флагами и другими эмблемами, и что собранія эти продолжались до глубокой ночи, сопровождаясь громкими криками и выстрѣлами, что вызывало большую тревогу среди окрестныхъ жителей и нарушало общественное спокойствіе и т. д.,—на основаніи этого мы предупреждаемъ и запрещаемъ всѣмъ принимать участіе въ подобныхъ собраніяхъ подъ страхомъ тяжелой отвѣтственности и приказываемъ всѣмъ судьямъ, констэблямъ и проч. принимать всѣ зависящія отъ нихъ мѣры для предупрежденія подобныхъ противозаконныхъ собраній и привлекать виновныхъ къ судебной отвѣтственности».

«Сказать, что появленіе этой прокламаціи вызвало сильное возбужденіе, пишетъ Гаммаджъ¹, значило бы дать очень слабое понятіе о настроеніи народа. Это настроеніе уже достигло такого крайняго напряженія, что теперь оно перешло въ состояніе прямо безумное, и многія тысячи людей открыто высказывали рѣшимость затоптать прокламацію ногами и бросить правительству прямой вызовъ». Однако они этого не сдѣлали и факельные митинги прекратились.

27 декабря правительство сдѣлало еще дальнѣйшій шагъ и арестовало Стифенса. Предметомъ обвиненія являлись произнесенныя имъ на одномъ митингѣ слова: «убить попечителя о бѣдныхъ, значитъ сдѣлать богоугодное дѣло»—при чемъ, говоря это, онъ имѣлъ въ виду опредѣленныхъ лицъ, имъ поименованныхъ. Онъ былъ заключенъ въ ливерпульскую тюрьму и преданъ суду,—но затѣмъ былъ отпущенъ на поруки. Одинъ изъ свидѣтелей рассказалъ о митингѣ, на которомъ Стифенсъ произнесъ указанныя слова. Это было въ Лейгѣ; на митингѣ присутствовало отъ 2000 до 3000 человекъ, на-

¹. G a m m a g e, стр. 108.

чавшихъ собираться около 9 часовъ утра. Стифенсъ прибылъ въ 12. Для него была приготовлена платформа, съ которой онъ и говорилъ въ продолженіе болѣе двухъ съ половиною часовъ, но какъ долго, въ точности не извѣстно, такъ какъ свидѣтель ушелъ до окончанія рѣчи.

Въ рѣчи своей Стифенсъ сказалъ также слѣдующее: «Я хочу сказать вамъ, что быть можетъ Богъ предназначилъ именно вамъ взорвать эти зданія (при этомъ онъ указалъ на сосѣдніе дома) и быть можетъ даже ту почтенную церковь, которая выстроена вашими предками».

«Волненіе, вызванное арестомъ Стифенса, было очень велико. Все, что принадлежало къ радикальнымъ элементамъ, почувствовало нанесенный ударъ, и въ Манчестерѣ и въ его окрестностяхъ можно было опасаться серьезныхъ беспорядковъ. Всѣ ассоціаціи собирали митинги и громадныя толпы народа стали сходиться въ Манчестеръ, готовые ко всякимъ насиліямъ¹». Но въ дѣйствительности ничего не случилось; тѣмъ не менѣе принятая правительствомъ мѣра имѣла серьезныя послѣдствія; это было первое предостереженіе чартистскимъ ораторамъ, что свобода слова имѣетъ границы и ею нельзя злоупотреблять.

Дѣлая обзоръ рѣчей, говорившихся на чартистскихъ митингахъ и стараясь вывести изъ нихъ точное понятіе о дѣятельности платформы въ теченіе этого періода, мы видимъ, что эти рѣчи дѣлятся на три категоріи. Къ первой принадлежатъ рѣчи неизвѣстныхъ, невоспитанныхъ и невѣжественныхъ людей, которые съ большимъ трудомъ и неумѣло пытались изобразить отчаянное положеніе ихъ самихъ и тысячей ихъ собратьевъ. Ко второй относятся рѣчи болѣе умѣренныхъ и развитыхъ рабочихъ, людей, которые, высказываясь даже за самыя коренныя реформы, напримѣръ, всеобщую подачу голосовъ, искренно

¹. Рукописи П л э с а, 27,820, стр. 360.

и честно убѣждали народъ держаться мирнаго образа дѣйствій: «собирайтесь и подавайте петиціи, не переставайте дѣлать это, пока парламентъ не исполнитъ вашихъ требованій». Третью категорію составляютъ рѣчи профессиональныхъ теоретиковъ-агитаторовъ, какъ Ф. О'Конноръ, Стифенсъ и другія названныя нами лица, которыя, увлекаясь легкостью, съ какою совершались революціи въ Европѣ, примѣняли ту же мѣрку и къ Великобританіи и, совершенно не принимая въ расчетъ силы централизованной и дисциплинированной исполнительной власти или той громадной, непреодолимой, хотя и пассивной, силы, на которую она опиралась, перешли всѣ границы и неудержимо взывали къ употребленію физической силы.

Среди говорившихъ на этихъ митингахъ не было никого, кто указалъ бы народу истинный путь, кто опровергъ бы всѣ тѣ нелѣпыя увѣренія, съ которыми выступали наиболѣе легковѣсныя изъ чартистскихъ ораторовъ. До сихъ поръ всѣ рѣчи отличались крайнею односторонностью.

«Грустныя размышленія вызываетъ, говоритъ одинъ изъ писателей того времени¹, сопоставленіе происходящихъ теперь демонстрацій съ поведеніемъ рабочихъ классовъ въ 1830 г. Насколько иными были тогда вожди, насколько иными—ихъ мнѣнія; сколько здраваго смысла, сколько умѣренности и твердости! Кто бы могъ подумать, что въ 1838 г. школьные учителя уступятъ свое мѣсто всякому сброду? Кто бы могъ предположить, что народная масса, считающая себя такою проникательною, можетъ быть настолько слѣпа, чтобы не видѣть того, что ясно [всѣмъ] остальнымъ, т. е. недостойнаго и себялюбиваго тщеславія избранныхъ ею Мазаниелло?...

«Мы не принадлежимъ къ тѣмъ, которые не хотѣли бы распространенія политической власти за предѣлы средняго класса; мы не думаемъ, чтобы власть въ рукахъ народной массы представляла сама по себѣ опасность. Положеніе рабочихъ классовъ, ихъ стремленія, надежды,

¹. См. The Monthly Chronicle, сентябрь 1838.

благосостояніе должны всегда входить въ задачи, преслѣдуемая просвѣщенной мыслью и благожелательною государственною дѣятельностью, и мы глубоко скорбимъ, видя, что въ настоящее время рабочіе классы отдались въ руки людей, такъ явно играющихъ на самыхъ дикихъ страстяхъ массы для достиженія своихъ недостойныхъ цѣлей или безумнаго тщеславія. Насколько иными могли бы быть эти митинги, если бы на нихъ царилъ иной духъ! Какъ велика была бы ихъ сила и ихъ нравственное вліяніе, если бы ихъ требованія были болѣе разумны, если бы ихъ ораторы лучше понимали, съ какою аудиторіею они имѣютъ дѣло; если бы они успокоили тѣ страхи, которые теперь вызваны ими, если бы они съ негодованіемъ отвергали призывъ къ насилію и не выдѣляли себя изъ другихъ классовъ согражданъ, а выступали бы сами въ качествѣ народа, а не особаго класса! Тогда какъ теперь, отрицая и низвергая все, что стоитъ выше ихъ, они сами ставятъ себя въ положеніе какой-то аристократіи:—они, и только они, должны управлять всѣмъ».

Интересенъ другой отзывъ о чартистскихъ митингахъ, исходящій изъ такого источника, который, казалось бы, долженъ былъ относиться къ нимъ вполне сочувственно¹. Чартисты послали адресъ обществу Precursor Society въ Ирландіи, основанному О'Коннеллемъ, и получили очень обстоятельный отвѣтъ, подписанный послѣднимъ, въ которомъ между прочимъ говорится слѣдующее: «Чувство справедливости и любви къ истинѣ заставляеть насъ высказать свое крайнее порицаніе тому характеру, какой принимаютъ многіе изъ вашихъ митинговъ. Мы рѣшительно не можемъ одобрить вашихъ приемовъ застраиванія и насилія, воззванія къ оружію и къ революціи; полнаго пренебреженія къ тѣмъ законнымъ и конституціоннымъ границамъ, изъ которыхъ не должна выходить политическая агитація; кровожадной ярости ва-

¹. См. The Examiner, 9 декабря 1838 г.

шихъ Остлеровъ, О'Конноровъ, Стифенсовъ, которымъ рукоплещуть и отдаются несчастныя жертвы безплоднаго и безумнаго декламаторства. Намъ не только отталкиваетъ противозаконный и преступный характеръ такихъ дѣйствій, но намъ глубоко противны ихъ безсмысліе и выражающееся въ нихъ самомнѣніе. Мы серьезно спрашиваемъ васъ: почему вы не отречетесь отъ связи съ людьми, которые такъ недостойно и такъ глупо вредятъ дѣлу реформы? Они вызываютъ совершенно основательную тревогу во всѣхъ порядочныхъ людяхъ и возстаиваютъ противъ васъ всю образованную массу, знающую изъ исторіи и по опыту, какія ужасныя послѣдствія влекутъ за собою бурные и кровавые перевороты въ политическомъ строѣ».

Дѣйствительно, достойно глубокаго сожалѣнія, что народное дѣло попало въ руки такихъ людей, какъ Ф. О'Конноръ и другіе, о которыхъ мы говорили выше; достойно сожалѣнія, что завладѣвъ платформой и пользоваться ею для совращенія народа на ложный путь дали такимъ людямъ, какъ Гарней¹, который, участвуя въ началѣ того же года на митингѣ въ Смитфильдѣ, появился на платформѣ въ красномъ колпакѣ въ подражаніе французскимъ революціонерамъ, желалъ, чтобы его считали «Маратомъ англійской революціи» и не совѣстился на публичныхъ митингахъ размахивать кинжаломъ для большаго эффекта своихъ разглагольствованій²; или такимъ, какъ Фростъ, который подвелъ въ Нью-Портѣ подъ солдатскія ружья тысячи валлійскихъ рудокоповъ, а самъ исчезъ немедленно послѣ первыхъ выстрѣловъ, когда увидѣлъ, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ,

¹. Гарней, говоритъ Плэсъ, былъ очень молодой человекъ; одно время онъ добывалъ себѣ средства къ жизни продавая на улицѣ газеты, не уплатившія штемпельнаго сбора, за что не разъ былъ заключаемъ въ тюрьму. Послѣ того онъ служилъ прикащикомъ въ магазинѣ Гетерингтона». Рукописи Плэса, 27,821, стр. 5.

². Lovett, стр. 203.

не имѣющій ничего общаго съ его вздорными и хвастливыми рѣчами.

Плэсъ, знавшій всѣхъ или почти всѣхъ этихъ людей, оставилъ намъ цѣлую галерею ихъ портретовъ. Винцента и Гартуэлла онъ характеризуетъ, какъ людей, «желавшихъ произвести во что бы то ни стало какую либо смуту въ надеждѣ, что это поведетъ къ революціи. Винцентъ имѣлъ наслѣдственное предрасположеніе къ помѣшательству, вслѣдствіе котораго его по временамъ неудержимо влекло къ совершенію преступленій. Въ остальное время онъ былъ мягокъ и добродушенъ и вообще былъ очень любимъ всѣми, знавшими его. Гартуэлль былъ человѣкъ хитрый и недобрый, который своими постоянными интригами и обманами въ концѣ концовъ возстановилъ противъ себя самыхъ близкихъ людей... Гетерингтонъ былъ честный, но крайне недалекій человѣкъ; преисполненный самыхъ благихъ цѣлей, онъ часто рѣшительно не понималъ, какъ идти къ ихъ достиженію». Бронтера О'Брайна онъ характеризуетъ, «какъ взбалмошнаго и полусумасшедшаго человѣка», Стифенса—какъ «злобнаго безумца, неистощимаго въ самыхъ дикихъ выходкахъ¹».

«Этотъ Стифенсъ приобрѣлъ навѣкъ говорить съ народомъ и научился подчинять его себѣ, дѣйствуя на его невѣжество, на его предрасудки, которые онъ отлично понималъ. Всюду, гдѣ онъ появлялся, онъ привлекалъ къ себѣ его симпатіи. Прежде чѣмъ онъ сталъ принимать активное участіе въ политическихъ митингахъ, главнымъ вождемъ и первымъ народнымъ ораторомъ былъ О'Конноръ, но Стифенсъ вскорѣ получилъ первенство надъ нимъ во многихъ, особенно въ наиболѣе населенныхъ мѣстахъ. Онъ сдѣлался кумиромъ народа, который ему поклонялся и, если бы онъ пожелалъ стать во главѣ рабочихъ Сѣвера, ему не стоило бы никакого труда совершенно отгѣснить О'Коннора. Преслѣдованіе, возбужденное противъ него правительствомъ, удалило его со

¹. Рукописи Плэса, 27,821, стр. 226.

сцены и оставило О'Коннора безспорнымъ и единственнымъ главою движенія ¹».

О'Коннора Плэсъ характеризуетъ, какъ «наиболѣе непокойнаго изъ всѣхъ агитаторовъ, который своею многорѣчивостью, пренебреженіемъ къ правдѣ, своею неимовѣрною беззастѣнчивостью и съ помощью своей газеты и тѣхъ вредныхъ говоруновъ, которымъ онъ платилъ или съ которыми состоялъ въ сообществѣ,— выдѣлялся надъ всѣми остальными агитаторами. Принятая имъ система дѣйствій могла доставить только удовлетвореніе его тщеславію и выгоду его карману, и такъ какъ изъ всѣхъ вождей онъ во всѣхъ отношеніяхъ наиболѣе подходилъ къ этой роли, то вскорѣ онъ оттѣснилъ всѣхъ своихъ соперниковъ и занялъ первое мѣсто... Онъ повидимому не обладалъ даже тѣнью того, что называется убѣжденіями, и былъ совершенно не знакомъ съ основными началами политической экономіи. Имъ всегда руководило недоброжелательство ко всякому лицу или группѣ лицъ, дѣйствовавшихъ несогласно съ его взглядами, другими словами, къ тѣмъ, которые не признавали его главенства и такимъ образомъ не удовлетворяли его ненасытное и ни на чемъ не основанное честолюбіе ². Онъ зналъ, что онъ можетъ властвовать надъ народомъ, только разжигая вражду между рабочимъ и другими классами, и потому усиленно дѣлалъ это; онъ никогда не останавливался передъ тѣмъ, чтобы отречься отъ того, что говорилъ раньше, если это ему было выгодно въ данную минуту, и снова повторять то же, и снова отказываться, и однако же онъ до сихъ поръ (сентябрь, 1841 г.) пользуется довѣріемъ огромныхъ массъ народа ³».

«Краснорѣчіе О'Коннора, пишетъ Плэсъ, отличалось пустотою, туманностью, отсутствіемъ опредѣленнаго на-

¹. Рукописи Плэса 27,820, стр. 267.

². Ibid., 27,821, стр. 3.

³. Ibid., 27,821, стр. 20.

правленія, но его манера говорить, и самыя его выраженія очень подходящи и умѣстны для тѣхъ разнородныхъ собраній, въ которыхъ онъ произноситъ свои рѣчи. Онъ высказываетъ свои утвержденія съ увѣренностью чело-вѣка, прекрасно знающаго, о чемъ онъ говоритъ. Видъ знатока, который онъ на себя принимаетъ, разчленя всякій вопросъ на отдѣльные элементы и потому говоря краткими положеніями, присущія ему горячность и добродушіе оказываютъ сильное вліяніе на малообразованную и неимѣющую привычки мыслить толпу и дѣлаютъ изъ него самаго искуснаго народнаго оратора настоящаго времени ¹».

«Многіе, полагаясь на то, что онъ и другіе говорили на публичныхъ митингахъ о всесиліи своемъ, отождествляя себя съ народомъ,—были убѣждены, что вся, или почти вся, масса рабочаго класса готова приступить къ дѣйствию. Они вѣрили также, что когда О'Конноръ говорилъ, что „всеобщая подача голосовъ станетъ въ извѣстный моментъ закономъ страны“, то это такъ и будетъ, и теперь съ удивительнымъ легковѣріемъ и полнымъ непониманіемъ положенія дѣлъ ожидали установленія всеобщей подачи голосовъ черезъ три мѣсяца послѣ собранія Конвента. Этихъ невѣжественныхъ людей, такъ легко поддающихся всякому вліянію, не трудно было собирать и внушать имъ тѣ дѣйствія, которыми они все это время проявляли себя, побуждаемые своими вожаками ²»...

«Всѣ эти лже-учители народа были до такой степени ослѣплены своимъ самоиѣніемъ, что они дѣйствительно были убѣждены въ томъ, что всѣ реформы, которыхъ они требуютъ, будутъ осуществлены въ самомъ скоромъ времени».

«Хотя главные вожди чартистовъ и были открытыми или очень плохо замаскированными проповѣдниками фи-

¹. Рукописи П л э с а, 27,820, стр. 163.

². I b i d., 27,821, стр. 20.

зическаго насилія, тѣмъ не менѣе на митингахъ отъ времени до времени появлялись ораторы, отвергавшіе всякую мысль о немъ. Въ Бирмингамѣ м-ръ Дугласъ и м-ръ Мѣнтцъ часто высказывали свое неодобреніе насильственному образу дѣйствій. На одномъ большомъ митингѣ въ Кольчестерѣ, 17 ноября, одинъ изъ ораторовъ, между прочимъ, сказалъ: «Говорятъ, что мы замышляемъ всеобщій грабежъ и кровопролитіе, но мы съ негодованіемъ отвергаемъ такую клевету. Мы заявляемъ, что мы любимъ нашихъ соотечественниковъ и перклоняемся передъ требованіями порядковъ благоустроенныхъ обществъ, что намъ ненавистна самая мысль о грабежѣ и мы совершенно неспособны помышлять объ убійствѣ. Мы хотимъ хорошаго управленія, мира, признанія за нами нашихъ правъ, а не кровопролитія».

Еще болѣе значительное заявленіе было сдѣлано на одномъ митингѣ при свѣтѣ факеловъ въ Единбургѣ, собравшемся для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ резолюцій, принятыхъ делегатами ассоціацій радикаловъ въ Шотландіи. «Эти резолюціи, сказалъ предсѣдатель, самымъ рѣшительныхъ образомъ порицаютъ всякія воззванія къ употребленію физической силы и требуютъ отъ насъ, чтобы мы отказались отъ всякой связи и всякаго соучастія съ тѣми, кто прибѣгаетъ къ такимъ воззваніямъ или сочувствуетъ имъ». Резолюціи были приняты безъ всякихъ возраженій.

Ловеттъ также протестовалъ противъ «крайне несправедливаго» причисленія всѣхъ радикаловъ въ Англіи къ сторонникамъ О'Коннора, Стифенса и подобныхъ имъ людей. Но эти протесты заглушались гораздо болѣе громкими и шумными заявленіями сторонниковъ насильственнаго образа дѣйствій.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію дѣйствій Конвента, который къ этому времени былъ уже выбранъ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о вопросѣ, который насколько было возможно долго игнорировался чарти-

стами, но которому тѣмъ не менѣе предстояло оказать значительное вліяніе на будущее чартистскаго движенія.

Само по себѣ уже одно раздѣленіе чартистовъ на двѣ партіи — сторонниковъ и противниковъ насильственнаго образа дѣйствій, успѣвшее проявить себя съ такою очевидностью, въ концѣ концовъ непременно подорвало бы успѣхъ ихъ дѣла. Но существовало еще одно, гораздо болѣе серьезное и могучее, препятствіе для торжества чартизма, начинавшее теперь все болѣе заявлять о себѣ, а именно движеніе въ пользу отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Вопросъ о хлѣбныхъ законахъ и агитація противъ нихъ явятся предметомъ дальнѣйшей главы и мы ихъ теперь не будемъ касаться болѣе, чѣмъ того требуетъ необходимость, но важно отмѣтить теперь же, что вторженіе вопроса о хлѣбныхъ законахъ въ кругъ политическихъ интересовъ того времени было поворотнымъ пунктомъ чартистской агитаціи.

До сихъ поръ народъ, предоставленный самому себѣ, являлся жертвою въ рукахъ кучки шумныхъ, болѣе или менѣе невѣжественныхъ, ничѣмъ несдерживаемыхъ людей и, будучи доведенъ почти до отчаянія своею нищетою и страданіями, онъ сочувственно откликался на всѣ безумные призывы людей, поставившихъ себя во главѣ его. Съ этого же времени нѣсколько наиболѣе просвѣщенныхъ и талантливыхъ дѣятелей взяли въ свои руки заботу объ устраненіи тѣхъ бѣдствій, существованіе которыхъ придавало главную силу чартистскому движенію, и этимъ людямъ вскорѣ удалось отвлечь большую часть народа отъ прежней агитаціи, носившей мятежный характеръ.

Чрезвычайно трудно съ точностью опредѣлить время, когда агитація противъ хлѣбныхъ законовъ (*Anti-Corn Law agitation*) выступила въ качествѣ движенія, соперничающаго съ чартизмомъ. Достоверно одно, — и это одно намъ нужно установить теперь, — что къ концу 1838 г. о ней заговорили уже и среди чартистовъ. Такъ Ловеттъ,

описывая чартистскій митингъ въ Вестминстерѣ въ сентябрѣ 1838 г., пишетъ: «Еще одно обстоятельство, клонящееся къ тому, чтобы поселить между среднимъ и рабочимъ классами недоброжелательство, раздоръ и недоверіе, является въ видѣ предлагаемой агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ», такъ какъ нѣкоторые изъ рабочихъ полагаютъ, что «цѣлью этой агитаціи служить не столько отмѣна вышеназванныхъ несправедливыхъ законовъ, сколько желаніе подорвать ихъ агитацію въ пользу политической реформы».

Въ началѣ чартисты не хотѣли и слышать объ агитаціи за отмѣну хлѣбныхъ законовъ, хотя въ Національной Петиціи ими и было заявлено, что «законы, дѣлающіе хлѣбъ дорогимъ, и законы, затрудняющіе денежное обращеніе, должны быть отмѣнены». Они держались того мнѣнія, что добиться отмѣны хлѣбныхъ законовъ въ парламентѣ, въ которомъ преобладаютъ интересы землевладѣльцевъ, представляется настолько же труднымъ, какъ и добиться шести пунктовъ Хартіи и что послѣднее гораздо важнѣе, такъ какъ обезпечиваетъ имъ отмѣну въ самомъ скоромъ времени не только хлѣбныхъ законовъ, но и всѣхъ тѣхъ законовъ, которые лежатъ на нихъ такимъ тяжелымъ гнетомъ и дѣлаютъ ихъ существованіе невыносимымъ. Кромѣ того они относились подозрительно къ тѣмъ кругамъ, откуда исходило предложеніе объ агитаціи.

У Гаммаджа мы находимъ объясненіе такой подозрительности. Онъ пишетъ: «Какъ только средній промышленный классъ убѣдился, что народное движеніе за избирательныя права принимаетъ серьезный характеръ, онъ началъ употреблять всѣ усилія, чтобы отвлечь народъ отъ его стремленій; онъ понималъ, что осуществленіе хартіи означаетъ конецъ царства его соціального преобладанія и онъ самъ сталъ анти-монополистомъ, но выступилъ лишь противъ одной монополіи землевладѣльцевъ. Онъ выставилъ хлѣбные законы единственнымъ источ-

никомъ всѣхъ бѣдствій рабочихъ классовъ и отмѣну ихъ объявлялъ панацеею противъ всѣхъ бѣдъ¹».

«Но эта ловушка не всегда имѣла желанный успѣхъ». Причины, по которымъ различныя группы чартистовъ уклонялись отъ совмѣстнаго дѣйствія съ Лигою, были весьма разнообразны. Очень многіе изъ нихъ поступали такъ изъ ненависти къ соціальному преобладанію крупнаго промышленнаго класса,—ненависти, которая заставляла ихъ относиться подозрительно ко всему, что исходитъ изъ этого класса; многими безъ сомнѣнія руководило опасеніе потерять свою популярность. Въ Бирмингамѣ агитація за отмѣну хлѣбныхъ законовъ встрѣтила отпоръ со стороны подавляющаго большинства чартистовъ, но въ Шеффилдѣ они потерпѣли пораженіе. Здѣсь на сторону Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ сталъ чартистъ Эбenezеръ Элліотъ. «Я стою за вашу Хартію, говорилъ онъ, но я не хочу, чтобы васъ прежде уморили голодомъ».

Въ теченіе декабря 1838 г. и января 1839 г. митинги Лиги много разъ были разстраиваемы чартистами. Какъ видно изъ нижеслѣдующихъ заглавій статей газеты О'Коннора *The Northern Star*,—«Пораженіе сторонниковъ отмѣны хлѣбныхъ законовъ въ Рочделѣ», «Славное пораженіе борцовъ противъ хлѣбныхъ законовъ въ Бадфордѣ», «Агитація противъ хлѣбныхъ законовъ», «Торжественное пораженіе виговъ въ Гуддерсфилдѣ»,—О'Конноръ тоже относился къ нимъ враждебно.

Когда чартистскій Конвентъ собрался, онъ постановилъ резолюцію въ смыслѣ отрицанія и противодѣйствія всякой агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ до тѣхъ поръ, пока не рѣшится въ парламентѣ судьба Национальной Петиціи и Хартіи.

На митингахъ противъ хлѣбныхъ законовъ участвовали многіе изъ наиболее богатыхъ, просвѣщенныхъ и почтенныхъ представителей торговаго и промышленнаго

¹. G a m m a g e, стр. 112.

класса, и такъ какъ въ то время уже повидимому ясно сознавали, что безъ центрального органа или конвента нельзя вести никакой агитаціи, то въ Лондонъ были присланы делегаты отъ крупныхъ торговыхъ и промышленныхъ городовъ, которые и образовали изъ себя центральный органъ, долженствовавшій руководить борьбою противъ хлѣбныхъ законовъ.

Такимъ образомъ выходило, что въ Лондонѣ въ то время существовало одновременно два конвента: одинъ, требовавшій полной отмѣны хлѣбныхъ законовъ, и другой, требовавшій всеобщей подачи голосовъ, ежегодныхъ парламентовъ и еще многого другого. При этомъ нельзя не перенестись мысленно къ тому, сравнительно недавнему періоду, не болѣе пятидесяти лѣтъ назадъ, когда одна мысль о созваніи конвента повергла правительство въ состояніе полнѣйшей паники, выразившейся въ политическихъ процессахъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ, въ приостановкѣ дѣйствія Habeas-Corpus Act'a и въ другихъ репрессивныхъ мѣрахъ; теперь же оба конвента собирались совершенно свободно и парламентъ относился къ нимъ болѣе или менѣе равнодушно.

Національный или общій Конвентъ, члены котораго «были избраны» или делегированы такими народными собраніями, подобныхъ которымъ никогда не вызывали парламентскіе выборы, собрался въ понедѣльникъ 4 февраля 1839 г. въ Британской Кофейнѣ, въ Коқспурстритѣ, въ Лондонѣ, — «собраніе это, за неимѣніемъ болѣе широкаго парламентскаго представительства, должно было быть выразителемъ чувствъ, мнѣній и стремленій политическихъ илотовъ общества ¹». Въ составъ его входили 53 делегата, изъ которыхъ многіе явились представителями отъ нѣсколькихъ мѣстъ. Первоначально предполагалось ограничить это число 49 въ виду существовавшаго мнѣнія, что законъ позволяетъ собираться делегатамъ только

¹. G a m m a g e, стр. 116.

именно въ этомъ числѣ. Секретаремъ былъ назначенъ Ловеттъ.

Плэсъ дѣлаетъ нѣсколько очень интересныхъ замѣчаній по поводу того, какимъ образомъ создалось это собраніе, привлекавшее къ себѣ общее вниманіе. «Выборъ политическихъ делегатовъ, пишетъ онъ, былъ вещью совершенно новою и дѣлался въ торопяхъ, во время бурныхъ митинговъ, при чемъ большая часть, а во многихъ случаяхъ и всѣ участники ихъ, не имѣли понятія о кандидатѣ, который имъ будетъ предложенъ. При такихъ обстоятельствахъ люди, для которыхъ такіе выборы являлись дѣломъ не только новымъ, но и мало понятнымъ, и искреннее воодушевленіе которыхъ было доведено ораторами до высшей степени возбужденія прежде чѣмъ назывался кандидатъ, могли конечно подавать за него голоса, но было бы совершенно невѣрно говорить, что они при этомъ выбрали, и при ихъ возбужденномъ состояніи имъ было все равно, хорошій или дурной человекъ ихъ избранникъ, уменъ онъ или нѣтъ, честный ли человекъ или негодяй. Прибавьте къ этому, что почти ни разу не случалось, чтобы предлагали къ избранію болѣе лицъ, чѣмъ сколько требовалось избрать, и отсутствіе сознательной воли при такихъ выборахъ будетъ совершенно понятно. Къ довершенію всего нерѣдко случалось, что уже избранное лицо вступало въ соглашеніе съ другими лицами и вліяло на избраніе этихъ послѣднихъ. Такими и подобными имъ пріемами было достигнуто, что избранными оказались исключительно только намѣченные по предварительному соглашенію¹.

«Конвентъ имѣлъ очень преувеличенное мнѣніе о своемъ значеніи; онъ полагалъ, что въ его рукахъ находится вся власть въ странѣ и что весь народъ въ его распоряженіи; что ему нужно только дѣйствовать рѣшительно и онъ подчинитъ себѣ правительство... Нѣкоторымъ изъ болѣе умѣренныхъ членовъ его не разъ пы-

1. Рукописи Плэса, 27,821, стр. 87.

тались доказать, что у нихъ нѣтъ никакой власти, но ни одного изъ нихъ не удавалось убѣдить въ этомъ».

Нѣкоторые называли это собраніе народнымъ парламентомъ и имѣются свѣдѣнія о томъ, что на одномъ публичномъ митингѣ было постановлено послать адресъ «истинно достойному уваженія общему собранію представителей милліоновъ рабочихъ» (To the really Honorable the Representatives of the Working Millions in General Convention assembled). Въ самомъ началѣ своихъ собраній Конвентъ испыталъ большое разочарованіе, когда оказалось, что вмѣсто трехъ милліоновъ подъ Національною Петиціею подписалось только 500.000 чело-вѣкъ, въ томъ числѣ 100.000 женщинъ, что грандіозный планъ національнаго сбора завершился полученіемъ суммы въ 967 фунтовъ стерлинговъ и что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, приславшихъ депутатовъ, не собрано вовсе денегъ на ихъ расходы.

Вскорѣ послѣ перваго митинга Конвента мѣсто собраній было перенесено въ гостинницу д-ра Джонсона, на Флитстритѣ.

Собранія Конвента были публичны и отчеты о нихъ помѣщались въ нѣкоторыхъ газетахъ. Вскорѣ они приняли не совсѣмъ мирный характеръ, при чемъ не замедлилъ обнаружиться расколъ. Коббеттъ внесъ резолюціи въ томъ смыслѣ, что Конвентъ не прибѣгнетъ ни къ какимъ мѣрамъ, свидѣтельствующимъ о неуваженіи къ закону, и что цѣлью его служить лишь наблюденіе за надлежащимъ представленіемъ народныхъ петицій. Собраніемъ была однако принята поправка, въ силу которой «разсмотрѣніе резолюцій было отложено впредь до того, когда парламентъ отклонитъ Народную Хартію»; при чемъ Фростъ замѣтилъ: «если отвергнуть всѣ иные способы воздѣйствія, кромѣ разсужденія, то ничего нельзя будетъ добиться для народа». Тогда Коббеттъ вышелъ изъ Конвента.

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль происходили засѣ-

данія Конвента, при чемъ произносились рѣчи самаго крайняго характера, въ которыхъ многіе члены постоянно упоминали о «послѣдующихъ дѣйствіяхъ», доказывая необходимость послѣднихъ въ томъ случаѣ, если парламентъ откажется удовлетворить требованія, выраженные въ Національной Петиціи. Какое высокое мнѣніе члены Конвента имѣли о своемъ значеніи, видно изъ происшедшаго на собраніи 13 февраля, когда О'Брайнь предложилъ, «чтобы Конвентъ потребовалъ свиданія съ Палатою Общинъ 23 февраля въ гостинницѣ Короны и Якоря съ цѣлью разубѣдить джентльменовъ этой палаты въ томъ плохомъ мнѣніи, какое они могли составить себѣ относительно принциповъ чартизма, и сообщить имъ о задачахъ, для которыхъ собрался Конвентъ¹».

Какъ ни смѣшно было это предложеніе, оно было принято всѣми, за исключеніемъ лишь двухъ голосовъ. Плэсъ замѣчаетъ: «Нельзя себѣ представить ничего нелѣпѣе этого рѣшенія, которое было принято, однако, послѣ обсуждения, длившагося въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Оно показываетъ, какъ плохо понимали делегаты свое положеніе, какъ мало были они знакомы съ самыми очевидными условіями. И вотъ люди серьезные, благомыслящіе и почтенные, которыхъ избравшіе ихъ считали за людей разумныхъ, совершаютъ такую нелѣпость, которой не сдѣлалъ бы ни одинъ клубъ рабочихъ, предоставленныхъ самимъ себѣ».

3 апрѣля трое изъ делегатовъ отъ Бирмингама, Гадлей, Сальтъ и Дугласъ, вышли изъ Конвента, ссылаясь на то, что данное ими обязательство сохранять миръ, законность и порядокъ нарушено и по формѣ и по существу. «То, что говорилось на митингѣ въ гостинницѣ Корона и Якорь 11-го числа, ясно показываетъ, что Общій Конвентъ, заявляя себя врагомъ тираніи и гнета во всѣхъ его видахъ, готовъ самъ подвергнуться опасности успѣхъ радикальной

1. Рукописи Плэса, 27,821, стр. 33.

реформы, прибѣгая къ послѣднему и худшему оружію тирановъ и притѣснителей¹».

Трое вышедшихъ изъ Конвента лицъ принадлежали къ числу тѣхъ, которые первыми предложили подачу Национальной Петиціи и образованіе Конвента. Въ Бирмингамѣ былъ созванъ митингъ, на которомъ присутствовало до 40.000 человекъ и было вотировано порицаніе поступку отказавшихся делегатовъ. Плэсъ также находить ихъ поведеніе недостойнымъ. «Образъ дѣйствій бирмингамскаго средняго класса, пишетъ онъ, изъ котораго главнымъ образомъ состоялъ совѣтъ Союза, причинилъ не мало вреда. Подъ предлогомъ улучшенія положенія народа эти люди соврашали его съ пути; они овладѣли его довѣріемъ постоянными увѣреніями въ томъ, что пока онъ будетъ держаться твердо, они не покинутъ его. Своимъ дальнѣйшимъ поведеніемъ и въ особенности своимъ выходомъ изъ Конвента они лишній разъ доказали рабочему населенію, что всегда, когда оно довѣрится кому нибудь изъ этого класса, оно навѣрное будетъ обмануто и предано. Такое положеніе вещей въ высшей степени печально, вмѣстѣ съ тѣмъ оно болѣе чѣмъ несомнѣнно, такъ какъ не было кажется ни одного человекъ изъ средняго класса, который искренно и дѣятельно заботился бы о благѣ рабочихъ, что и было главною причиною того еще болѣе вреднаго вліянія, которое пріобрѣтали такіе люди какъ Бомонъ, О'Конноръ, О'Брайнъ и другіе».

Правительство, такъ долго воздерживавшееся отъ всякаго вмѣшательства, наконецъ было вынуждено всѣмъ этимъ выйти изъ своего бездѣйствія. Первымъ шагомъ его было принятіе мѣръ противъ Ф. О'Коннора; по предложенію генеральнаго атторнея, противъ него возбуждено было преслѣдованіе за клевету по отношенію къ попечителямъ о бѣдныхъ въ Варминстерѣ, въ Уильт-

1. Рукописи Плэса, 27,821, стр. 71.

ширѣ, напечатанную въ издаваемой имъ Сѣверной Звѣздѣ.

На ряду съ этимъ до Конвента доходили и другія неблагопріятныя свѣдѣнія. Д-ръ Флетчеръ, одинъ изъ делегатовъ, отправившійся въ Бирмингамъ, сообщалъ оттуда, что «въ общемъ въ народѣ замѣчается большой упадокъ политическаго возбужденія. Народъ занятъ на работахъ вслѣдствіе большого спроса со стороны желѣзныхъ дорогъ на желѣзо, рельсы и т. п. и повидимому пожинаетъ плоды, обѣщанные ему актомъ о реформѣ. Тѣмъ не менѣе Конвентъ пользуется всеобщимъ сочувствіемъ».

Изъ Валлиса отъ Гетерингтона, который отправился туда по порученію Конвента, приходили болѣе утѣшительныя вѣсти. «Во многихъ мѣстахъ народъ вооружается и полонъ воодушевленія».

Первый шагъ репрессивнаго вмѣшательства правительства не остался безъ послѣдствій и многіе изъ членовъ Конвента сдѣлались замѣтно осторожнѣе. 30-го апрѣля О'Конноръ внесъ предложеніе, чтобы послѣ представленія Петиціи Конвентъ былъ перенесенъ въ Бирмингамъ, «гдѣ онъ засѣдалъ бы, окруженный 15—20000 рабочихъ, а по вечерамъ собиралъ бы многолюдные митинги въ Bull-Ring'ѣ». Ловеттъ заявилъ, что такое перемѣщеніе походило бы на трусость, но его доводы не имѣли успѣха. Перемѣщеніе должно было совершиться не ранѣе какъ послѣ подачи Національной Петиціи.

Занятія Конвента отчасти состояли въ собираніи подписей къ Національной Петиціи. Въ различные округа были посланы комиссары, созывались митинги, и къ началу мая Петиція была готова. Представить ее долженъ былъ Атгвудъ, но въ первыхъ числахъ мая онъ обратился къ Конвенту съ письмомъ, въ которомъ говорилось, что тонъ рѣчей и поступки членовъ Конвента «возбудили сильную тревогу въ среднихъ классахъ, безъ помощи и дружественнаго содѣйствія которыхъ надежды рабочихъ

неосуществимы; что не менѣе встревожены и недовольны болѣе обеспеченные и во многихъ отношеніяхъ лучшіе элементы среди самихъ рабочихъ».

По его мнѣнію, прежде чѣмъ представить Национальную Петицію, Конвенту слѣдовало бы «постановить резолюціи», въ которыхъ была бы выражена полная рѣшимость не прибѣгать къ насилію для достиженія справедливыхъ и законныхъ цѣлей Петиціи, отвергалось бы всякое желаніе создавать раздоры и несогласія въ отношеніяхъ между хозяевами и рабочими и всякое намѣреніе посягать на справедливыя права, привилегіи и интересы народа. Конвентъ послѣ очень продолжительныхъ преній по поводу этого письма отклонилъ предложенныя резолюціи.

По этому поводу Плэсъ пишетъ: «Это было одно изъ самыхъ необыкновенныхъ засѣданій этого необыкновеннаго собранія. Конвентъ выказалъ при этомъ случаѣ большее, чѣмъ когда нибудь, непониманіе дѣла. Предложеніе было совершенно разумно и должно было бы быть принято немедленно. Отклоненіе его показало и парламенту и народу, что у Конвента дѣйствительно существовало намѣреніе, какъ оно ни было безумно, вызвать смуту съ цѣлью низверженія правительства, и это со стороны небольшой горсти людей, которые не могли не сознавать, что рабочее населеніе столицы не пойдетъ за одно съ ними и притомъ тогда, когда посланцы Конвента доносили, что громадное большинство рабочихъ во всей странѣ тоже не идетъ за ними; въ то время, когда сами члены Конвента находились въ постоянномъ страхѣ, какъ бы генеральный атторней не возбудилъ противъ нихъ преслѣдованія и готовились бѣжать изъ Лондона въ Бирмингамъ въ отчаянной надеждѣ, что правительство не станетъ преслѣдовать ихъ въ виду поддержки народныхъ массъ, которыми они тамъ будутъ окружены. На самомъ дѣлѣ Конвентъ никогда не пользовался широкимъ вліяніемъ, а теперь утрачивалъ и то, которое имѣлъ».

Конвентъ продолжалъ свои приготовленія къ подачѣ

Національной Петиціи, которая наконецъ была признана готовою, насколько то позволяло время.

«Петиція готова, воскликнулъ Коллинсъ на собраніи Конвента 6 мая. Она имѣеть 2 мили 1504 ярда длины или почти три мили и покрыта громаднѣмъ числомъ въ милліонъ съ четвертью подписей».

«Наступилъ день, говорилъ Ф. О'Конноръ, священный день, въ который должны были быть представлены жалобы, желанія и стремленія бездомныхъ, голодныхъ, притѣсненныхъ, лишенныхъ свободы тѣмъ немногимъ, которые присвоили себѣ право издавать дурные законы и недобросовѣстно примѣнять ихъ».

На другой день члены Конвента процессіей сопровождали Петицію «среди громкихъ возгласовъ собравшихся тысячъ народа» до дома м-ра Фильдена, гдѣ ее ожидалъ Аттвудъ.

Предсѣдатель Конвента, вручая Петицію Аттвуду, сказалъ: «если ходатайство, выраженное въ Петиціи, встрѣтитъ отказъ, то рабочіе классы имѣютъ въ своихъ рукахъ средство добиться всего того, что заключается въ ней. Онъ знаетъ не только изъ переписки съ разными мѣстностями страны, но и изъ прямыхъ и совершенно точныхъ сообщеній, что рабочіе классы найдутъ средство добиться тѣхъ благъ, о которыхъ они просятъ въ Петиціи, еслибы палата общинъ отказалась удовлетворить ихъ».

Въ то время, какъ Петиція такъ торжественно вручалась Аттвуду для представленія въ парламентъ, въ другой части страны произошло событіе, имѣвшее не меньшее значеніе для чартизма. Винцентъ былъ арестованъ за слова, сказанныя имъ въ Валлисѣ.

На другой день О'Конноръ, въ паническомъ страхѣ, предложилъ на собраніи Конвента перенести Конвентъ въ Бирмингамъ, «гдѣ онъ находился бы въ безопасности».

«Первымъ актомъ торіевъ, говорилъ онъ, было арестовать одного изъ насъ, и они арестуютъ всѣхъ чле-

новъ Конвента, если делегаты не поставятъ себя въ безопасное положеніе, а такое положеніе будетъ найдено въ Бирмингамѣ. Противодѣйствіе торіевъ торжеству принциповъ чартизма вполнѣ оправдало бы революцію и первый выстрѣлъ былъ бы принятъ какъ объявленіе войны народу. Онъ предлагалъ делегатамъ укрыться за тѣми сотнями тысячъ людей въ Бирмингамѣ, которые готовы защищать ихъ».

Конвентъ видимо находился въ сильнѣйшемъ безпокойствѣ и этотъ страхъ доходилъ во многихъ рѣчахъ его членовъ до смѣшного; такъ, одинъ изъ нихъ заявилъ, что «десять тысячъ мужественныхъ сердецъ и сильныхъ рукъ соорудятъ славную могильную насыпь надъ ихъ искалѣченными трупами».

Предложеніе О'Коннора было принято значительнымъ большинствомъ.

Внесеніе Петиціи въ парламентъ было отложено вслѣдствіе пораженія министерства и выхода его 7 мая въ отставку.

Министерскій кризисъ, однако, продолжался недолго и 11 мая виги снова возвратились къ власти. Сдѣлавъ первый шагъ, правительство пошло дальше по пути репрессіи и издало прокламацію, воспрещающую носить оружіе. Фростъ, одинъ изъ видныхъ дѣятелей чартизма въ Валлисѣ, былъ устраненъ отъ должности мирового судьи, при чемъ заявилъ, что если министры осмѣлятся вычеркнуть его изъ списковъ, то англійскій народъ въ очень скоромъ времени снова внесетъ его туда». Эдвардсъ, Дональдсонъ и Тоунсендъ также были арестованы въ Ньюпортѣ по обвиненію въ собираніи противозаконныхъ и мятежныхъ сборищъ и въ составленіи сообщества съ цѣлью возбужденія въ народѣ недовольства и неповиновенія законамъ и правительству и за участіе въ митингахъ, объявленныхъ мировыми судьями незаконными.

Дѣйствительно, часто повторяемые призывы къ насильственному образу дѣйствій начинали оказывать свое дѣй-

ствіе. Въ серединѣ мая на гончарныхъ заводахъ произошли беспорядки настолько серьезные, что вызвали вмѣшательство вооруженной силы.

Конвентъ, не дожидаясь подачи Національной Петиціи парламенту, 13 мая перебрался въ Бирмингамъ, гдѣ, чувствуя себя, какъ имъ казалось, въ безопасности, члены его страшно подняли тонъ своихъ рѣчей. Немедленно по прибытіи Конвента въ Бирмингамъ состоялось большое засѣданіе.

О'Брайнь, говорившій первымъ, сказалъ, что если правительство управляетъ ими мечемъ, то они съ Божьей помощью справятся съ нимъ копьемъ. За нимъ говорили многіе другіе ораторы, въ числѣ которыхъ былъ и О'Конноръ, вообще всѣ рѣчи отличались самою крайнею рѣзкостью. Вечеромъ состоялся обѣдъ въ честь прибытія Конвента и снова говорились рѣчи.

Ихъ заблужденіе, что здѣсь они находятся въ безопасности, было очень скоро разсѣяно и правительство показало, что оно можетъ дѣйствовать и въ Бирмингамѣ. 17 мая Браунъ и Фусселль (послѣдній, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ правительственнымъ шпиономъ) были арестованы за произнесенныя ими рѣчи.

Тѣ немногіе дни, которые Конвентъ засѣдалъ въ Бирмингамѣ, онъ посвятилъ приготовленіямъ къ осуществленію задуманнаго имъ широкаго плана созыва «одновременныхъ митинговъ», номинально съ цѣлью подачи петицій королевѣ о лучшемъ выборѣ ея совѣтниковъ, въ сущности же для публичнаго обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ, а именно: готовъ ли народъ по призыву Конвента взять золото изъ банковъ; согласенъ ли онъ въ теченіе мѣсяца отказаться отъ употребленія всѣхъ предметовъ, обложенныхъ акцизомъ, имѣть дѣло исключительно только съ чартистами, прекратить всякія работы на одинъ мѣсяць, который будетъ названъ «Священнымъ мѣсяцемъ» и заготовлено ли имъ оружіе;—программа, не свидѣтельствующая въ пользу ума ея составителей, такъ

какъ, разумѣется, лишь немногіе чартисты имѣли средства, позволявшія имъ потребовать золото изъ банковъ; воздержаніе отъ потребленія предметовъ, обложенныхъ акцизомъ, было бы почти равносильно голодной смерти; очень немногіе имѣли средства для покупки оружія и такъ какъ всѣ они всего болѣе страдали отъ недостатка работы, то прекращеніе ея на цѣлый мѣсяцъ являлось болѣе чѣмъ страннымъ способомъ облегчить ихъ положеніе. Но отъ такихъ вожаковъ народа трудно было ожидать проявленія здраваго смысла.

Одновременные митинги должны были быть созваны на недѣль, предшествовавшей Троицѣ, и послѣ сдѣланныхъ распоряженій относительно того, чтобы всѣ силы платформы были направлены на поддержку дѣла, Конвентъ 17 мая разошелся до 1 іюля. Въ означенное время, между 20 и 25 мая, дѣйствительно имѣлъ мѣсто рядъ «одновременныхъ» митинговъ и краснорѣчіе чартистовъ лилось рѣкой. «Самою внушительною изъ всѣхъ демонстрацій» былъ митингъ въ Kersall Moor'ѣ, на которомъ, какъ говорили, присутствовало до 300,000 народу, что, однако, «въ высшей степени невѣроятно». Затѣмъ слѣдуетъ митингъ въ Peep-Green'н, на которомъ, какъ говорили, было 200,000 народу. Въ этомъ митингѣ участвовали Ф. О'Конноръ и О'Брайнь. Послѣдній изложилъ планы чартистовъ. «На слѣдующихъ общихъ выборахъ, сказалъ онъ, мы должны имѣть своими представителями чартистовъ и когда они будутъ избраны посредствомъ поднятія рукъ, то мы потребуемъ формальнаго признанія ихъ выборовъ. Такимъ образомъ мы будемъ имѣть парламентъ, законно избранный по королевскому приказу, и тогда мы покажемъ нашимъ тиранамъ разницу между парламентомъ, выбраннымъ девятью или десятью милліонами, и парламентомъ, выбраннымъ тремя или четырьмястами тысячъ монополистовъ. Народный парламентъ соберется въ Бирмингамѣ и быть можетъ явится необходимость, чтобы туда же отправилось тысячъ пятьдесятъ

избирателей для охраны ихъ во время исполненія ими своихъ обязанностей, и когда все это совершится я скажу вамъ, что я думаю дѣлать, но не ранѣе. Я не сдѣлаю шага дальше, пока не почувствую себя сильнѣе закона и конституціи».

Происходили также митинги въ Ливерпулѣ, Нью-Кэстлѣ на Тайнѣ, Шеффилдѣ, Карлейлѣ, Сундерландѣ, Батѣ, Престонѣ, Гуллѣ, Нортгамптонѣ, Гласго, Блэквудѣ, въ Монмутширѣ и во множествѣ другихъ мѣстъ, или, какъ говоритъ Гаммаджъ, «во всѣхъ городахъ и селахъ Великобританіи, гдѣ голосъ народа находилъ себѣ откликъ». На митингѣ въ Нью-Кэстлѣ предсѣдатель, сказавъ, что торжествомъ этого дня они быть можетъ всего болѣе обязаны печати, продолжалъ: «если бы они (представители печати) и въ прежнихъ случаяхъ говорили правду относительно численности и образа дѣйствій нашихъ собраній, то правительство не пребывало бы въ невѣдѣніи и давно обратило бы вниманіе на наши требованія».

Плэсъ обращаетъ особое вниманіе на это замѣчаніе и говоритъ: «это служитъ очень вѣрнымъ выраженіемъ мнѣній массъ; ихъ понятія вездѣ одинаковы. Каждый изъ этихъ людей, взятый отдѣльно, полагаетъ, что нужно только, чтобы ихъ поняли, чтобы имъ было даровано все, чего они требуютъ. Не имѣя представленія объ истинныхъ размѣрахъ и объ истинномъ значеніи тѣхъ вопросовъ, которые они поднимаютъ, они считаютъ, что вполне понимаютъ ихъ; не сомнѣваются въ томъ, что рѣшаютъ ихъ наилучшимъ образомъ и заключаютъ изъ этого, что «если бы правительство понимало насъ такъ же, какъ мы понимаемъ себя и наши задачи, то оно немедленно ввело бы Хартію». Это-то убѣжденіе, при всей его неосновательности, и объединяло ихъ¹».

За этими митингами слѣдовало еще множество другихъ. Такъ какъ собранія Конвента на это время пре-

¹. Рукописи Плэса, 27,821.

кратились, то члены его имѣли полную возможность разъѣзжать по странѣ, собирая митинги, и рѣчи, которыя они произносили, являлись рядомъ замаскированныхъ или открытыхъ призывовъ населенія къ вооруженію и угрозъ, обращенныхъ къ правительству.

Въ то время, какъ лидеры разъѣзжали и дѣйствовали посредствомъ платформы, Національная Петиція 14 іюня была наконецъ представлена Аттвудомъ палатѣ общинъ, въ которую ее пришлось ввезти на колесахъ, такъ какъ внести ее не было возможности. «Петиція эта, сказалъ онъ, является результатомъ не менѣе 5000 митинговъ, которые собирались для поддержки ея¹». Она была принята 214 городами и селами и когда всѣ отдѣльныя части этого огромныхъ размѣровъ документа были собраны, то онъ оказался длиною въ три мили и имѣлъ подъ собою подписи 1.283,000 человекъ².

Теперь, когда петиція была представлена и «одновременные» митинги имѣли мѣсто, Конвентъ вновь собрался 1-го іюля въ Бирмингамъ и приступилъ къ обсужденію «дальнѣйшихъ дѣйствій», т. е. тѣхъ дѣйствій, къ которымъ надлежало перейти, если бы парламентъ не принялъ во вниманіе петиціи. Многіе изъ членовъ Конвента сообщили о своей дѣятельности за время перерыва засѣданій; изъ нихъ самыми удивительными были сообщенія О'Коннора. Онъ говорилъ, что «на тѣхъ трехъ митингахъ, на которыхъ онъ присутствовалъ, было свыше милліона людей, твердо рѣшившихся добиться всеобщей подачи голосовъ, если возможно — путемъ нравственнаго воздѣйствія, если же иначе нельзя, — то съ помощью физической силы. Онъ полагалъ, что они достигли послѣдней ступени агитаціи; первая ступень это — созданіе общественнаго мнѣнія, вторая — организація его, а третья — направленіе. Они создали общественное мнѣніе, его организація почти завершена, но, по его убѣжденію, нельзя

¹. Parliamentary Debates, т. XLVIII, стр. 222.

². См. Lovett's Lite, стр. 206.

браться за направленіе его, пока они не могутъ дѣлать этого безпрепятственно ¹».

Несмотря на всѣ эти митинги и рѣчи, Гаммаджъ жа-
луется на поразительное невѣжество народа. «Мѣры,
принимавшіяся до сихъ поръ къ просвѣщенію народа,
пишетъ онъ, были ничтожны. Правда, въ нѣкоторыхъ
округахъ публичные митинги были довольно многочис-
ленны, но нужно было кромѣ нихъ нѣчто большее; по-
меньше краснорѣчія и побольше книжнаго просвѣщенія
для народа было гораздо полезнѣе — обстоятельство,
мало обращавшее на себя вниманіе лидеровъ, въ глазахъ
которыхъ простая болтовня представлялась вполне под-
ходящимъ средствомъ для поднятія народа до желатель-
наго имъ уровня ²».

Вскорѣ послѣ прибытія Конвента въ Бирмингамъ
тамъ произошли беспорядки, являшіеся болѣе или ме-
нѣе прямымъ послѣдствіемъ рѣчей чартистскихъ вож-
дей. Мѣстной полиціи оказалось недостаточно для воз-
становленія порядка и была вытребована помощь изъ
Лондона. По прибытіи ста человекъ изъ состава лон-
донской полиціи 4 іюля произошли серьезные беспорядки.
Въ Bull Ring'ѣ собрался митингъ; полиція получила при-
казаніе разсѣять его. Произошла схватка, въ которой по-
лиція была побѣждена, но вызванная войска скорѣ
обратили толпу въ бѣгство. Послѣ этого было аресто-
вано нѣсколько лицъ, въ числѣ которыхъ былъ и одинъ
изъ выдающихся чартистовъ, д-ръ Тэйлоръ.

На слѣдующій день Конвентъ опубликовалъ, за под-
писью Ловетта, нѣсколько рѣшительныхъ резолюцій,
принятыхъ Конвентомъ. На другой день Ловеттъ и Кол-
линзъ были арестованы и преданы суду по обвиненію въ
напечатаніи и распространеніи возмутительной клеветы.
Гарлей былъ также арестованъ за рѣчь, произнесенную
имъ 14 или 15 мая въ Holloway Head. Ясно было, что

¹. Рукописи П л э с а, 27,821, стр. 280.

². G a m m a g e, стр. 122.

Конвентъ не получилъ той гарантіи противъ арестовъ или преслѣдованій, которую онъ рассчитывалъ найти въ Бирмингамѣ.

Въ то время, какъ въ этомъ городѣ еще царило сильнѣйшее возбужденіе, вызванное бывшими безпорядками и арестами, Національная Петиція была представлена палатѣ общинъ 12 іюля Аттвудомъ, который при этомъ внесъ предложеніе, чтобы палата въ полномъ составѣ образовала изъ себя комитетъ для обсужденія Національной Петиціи. «Эта великая петиція, не имѣющая себѣ ничего подобнаго въ парламентской исторіи Англій ¹, вызвана, говорилъ онъ, долговременными страданіями, обидами, несправедливостями и бѣдствіями, претерпѣваемыми рабочими классами, и не только рабочими, но и торговцами, промышленниками, фермерами, однимъ словомъ всѣми трудящимися классами Англій... Онъ не знаетъ другого средства исправленія, какъ дальнѣйшее слѣдованіе по пути реформъ. Бирмингамъ ждалъ до 1837 г., когда многіе пожелали, чтобы онъ сталъ во главѣ движенія для достиженія этихъ реформъ... По его мнѣнію, петиція свидѣтельствуетъ о томъ, какъ велико то зло, отъ котораго страдаетъ англійскій народъ и которое требуетъ исправленія».

Предложеніе Аттвуда было поддержано м-ромъ Фильденъ. Лордъ Джонъ Росселль, говоря отъ имени правительства, порицалъ чартистовъ за многія ихъ рѣчи, утверждая, что онѣ своими крайностями не уступаютъ тому, что говорилось въ худшія времена французской революціи. Онъ полагалъ, что наименованіе этой петиціи Національною не имѣетъ достаточныхъ основаній и высказался противъ предложенія. Въ палатѣ оно, также какъ и петиція, не встрѣтило большого сочувствія, и при голосованіи противъ него оказалось 235, а за него только 46, т. е. предложеніе было отклонено большинствомъ 189 голосовъ. Такова была судьба первой Великой На-

¹. Parliamentary Debates, т. XLIX, стр. 220.

ціональной петиціи, отъ которой ожидалось такъ много и возможность отклоненія которой вызывала столько страшныхъ угрозъ!

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого рѣшенія палаты, а именно 15 іюля, въ Бирмингамѣ царило всеобщее возбужденіе, вызванное ожиданіемъ Аттвуда для произнесенія рѣчи передъ избирателями. Народъ собирался большими толпами и, когда Аттвудъ не явился, произошли беспорядки. Такъ какъ вблизи не было полиціи для водворенія порядка, то начались нападенія на дома, разгромы лавокъ, при чемъ все находившееся въ нихъ выбрасывалось на улицу, растаскивалось или сожигалось. Многіе дома были подожжены и два изъ нихъ сгорѣли совершенно. Полицейское бюро также подверглось нападенію. Наконецъ появилась полиція въ сопровожденіи военной силы; толпа была немедленно разсѣяна; произведено много арестовъ и порядокъ былъ, наконецъ, восстановленъ. Этотъ случай является однимъ изъ печальныхъ проявленій дѣятельности платформы, на которой не слѣдуетъ закрывать себѣ глаза; напротивъ того, эти пылающіе дома должны служить поучительнымъ урокомъ и говорить не противъ разумнаго пользованія платформою, а противъ злоупотребленія ею.

Въ виду всего происшедшаго и крайне возбужденнаго состоянія въ другихъ мѣстностяхъ страны лордъ Джонъ Росселль объявилъ 22-го числа о намѣреніи правительства принять надлежащія мѣры для водворенія спокойствія. Министерство предложило уполномочить мѣстныя власти образовывать мѣстную полицію, а также предполагало усилить армію; но въ отношеніи рѣчей и митинговъ оно намѣревалось довольствоваться существующими законами.

Вступивъ однажды на путь активной дѣятельности, правительство пошло далѣе съ возрастающей энергіей. Теорія насилій перешла отъ словъ къ дѣлу, потому яви-

лась необходимость укрѣпить силу закона; послѣдовали одинъ за другимъ аресты главныхъ чартистовъ.

2 августа лордъ Джонъ Росселль, внося предложеніе объ образованіи комитета для обсужденія смѣты и описавъ состояніе страны и дѣйствія чартистовъ, сказалъ ¹: «Въ послѣднее время эти общества, повидимому, получили болѣе правильную организацію. Общій Конвентъ издалъ декларацію, заключающую въ себѣ призывъ къ народу, направленный къ тому, чтобы путемъ всеобщаго объединенія добиться измѣненія конституціонныхъ законовъ. Они поставили себѣ задачею посредствомъ террора и смуты вызвать рѣшительное измѣненіе учрежденій нашей страны... Я полагаю, что, согласно ихъ собственнымъ утвержденіямъ, палата безсильна помочь; имъ мнѣ кажется, что всѣ жалобы, которыми наполнены ихъ прокламаціи и рѣчи, направлены противъ самаго общественнаго строя. Они жалуются на то, что при существующемъ общественномъ устройствѣ, они не имѣютъ достаточно средствъ для того, чтобы поддерживать свое положеніе въ этомъ обществѣ, и утверждаютъ, что измѣненіемъ законовъ можно создать такой общественный строй, при которомъ ихъ довольство возрастетъ и причины недовольства будутъ устранены. Я не думаю, чтобы было возможно провести такой законъ, который улучшилъ бы ихъ положеніе...

«Тогда какъ наши законы, говоря вообще, достаточно удовлетворяютъ требованіямъ охраненія свободы и общественнаго спокойствія, средства, при помощи которыхъ должны достигаться эти двѣ цѣли, не удовлетворительны при увеличившемся населеніи страны...» Онъ надѣется, что за обществомъ будетъ сохранена полная свобода обсужденія всего, касающагося учрежденій страны; «если же эти учрежденія не могутъ вынести свободной критики, то отъ нихъ слѣдуетъ отказаться».

Я выпустилъ изъ этой рѣчи одно мѣсто и приведу

¹. Parliamentary Debates, т. XLIX (1839 г.), стр. 1157.

его отдѣльно, чтобы оно могло произвести болѣе сильное впечатлѣніе, независимо отъ всего остальнаго, такъ какъ оно въ сущности является полнымъ оправданіемъ всего чартистскаго движенія; оно равносильно признанію виновности правящихъ классовъ Англіи во всемъ, что они до сихъ поръ дѣлали, какъ въ области церковнаго, такъ и въ области государственнаго управленія.

Въ одномъ адресѣ ассоціаціи рабочихъ, поданномъ незадолго передъ тѣмъ, говорится: «Пусть наши правители, видя, что наши тюрьмы переполнены заключенными въ нихъ, страна покрыта нищими, улицы оскверняются сценами невоздержанности и проституціи, пусть спросятъ себя, какая доля этого ужаснаго зла имѣетъ своимъ источникомъ невѣжество, т. е. слѣдствіе ихъ собственной бездѣятельности... Мы требуемъ просвѣщенія, какъ права, исходящаго изъ самаго понятія объ обществѣ».

А вотъ что сказалъ лордъ Джонъ Росселль не въ отвѣтъ на ихъ жалобы, а о томъ положеніи вещей, которыми эти жалобы вызваны. «Во многихъ мѣстностяхъ, особенно въ промышленныхъ, огромныя массы народа выросли при такихъ общественныхъ условіяхъ, которыя могутъ быть названы въ высшей степени плачевными, если не вопіющими. Это не есть общество, вырастающее подъ благотворнымъ вліяніемъ ранняго школьнаго обученія, имѣющее возможность посѣщать мѣсто богослуженія,—общество, понятія котораго о собственности создавались бы подъ впечатлѣніями того, что эта собственность служить соціальнымъ и общепольнымъ цѣлямъ, и въ которомъ существуетъ справедливое распредѣленіе классовъ. вмѣсто того, во многихъ случаяхъ это—общество, состоящее цѣликомъ изъ рабочихъ классовъ и немногихъ предпринимателей, на которыхъ они работаютъ, съ которыми у нихъ мало связи, къ которымъ они не чувствуютъ уваженія или покорности, и къ несчастью не получающее ни въ школахъ, ни въ храмахъ того религіознаго и нравственнаго воспитанія, которое необходимо

для установленія прочной связи между жителями и классами обширной страны ¹».

Это признаніе Росселя, повидимому, не вызвало въ палатѣ никакихъ выраженій неудовольствія, потому-ли, что парламентъ самъ сознавалъ свою вину, или же потому, что въ государственныхъ дѣятеляхъ того времени еще не пробудилось сознаніе ихъ долга по отношенію къ народу; но, читая эти слова теперь, невозможно удержаться отъ чувства глубокаго негодованія, вызываемаго этимъ признаніемъ,—признаніемъ, покрывающимъ позоромъ и министровъ, и оппозицію, и цѣлую серію парламентовъ. Какое болѣе жестокое и болѣе ужасающее обвиненіе противъ правительства и парламента могло быть высказано къмъ нибудь изъ фанатиковъ чартизма? Самый злѣйшій врагъ государственной церкви врядъ ли могъ бросить ей болѣе страшное и выраженное къ тому же въ такой формѣ обвиненіе, какое заключается въ словахъ: выросшее въ общественныхъ условіяхъ, которыя могутъ быть названы въ высшей степени плачевными, если не вопіющими, выросавшее безъ всякаго вниманія,—въ этомъ и заключается вся жестокость признанія,—со стороны государственной церкви, на обязанности которой лежало пещись о его религіозномъ и нравственномъ воспитаніи, безъ всякаго воздѣйствія со стороны дореформнаго парламента и, до момента этого рѣшительнаго признанія, даже и со стороны реформированнаго парламента.

«При наличности такого отношенія низшихъ классовъ къ высшимъ не создаются счастливыя націи», писалъ Карлейль въ 1839 г., прибавляя затѣмъ: «отъ какихъ бы иныхъ бѣдствій ни страдали низшіе классы, къ нимъ прибавляется еще и это, наиболѣе тяжкое изъ всѣхъ. Невыносимо убѣжденіе въ томъ, что къ нимъ относятся несправедливо, что ихъ участь въ этомъ мірѣ основана не на правѣ, ни даже не на необходимости и что она

1. Parliamentary Debates, т. XLIX (1839 г.), стр. 1156.

не такова и никогда не будетъ такою, какою она должна была бы быть».

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что были люди, думавшіе, что интересы народа будутъ должнымъ образомъ охраняемы, когда управленіе странюю будетъ въ его собственныхъ рукахъ. Неудивительно, что требовали всеобщей подачи голосовъ. Для чего существовалъ парламентъ, если не для того, чтобы соблюдать и охранять интересы народа? Лордъ Джонъ Росселль, разъясняя смыслъ чартизма, безсознательно, не иначе какъ безсознательно, призналъ его полную справедливость.

Помимо мѣръ, принятыхъ въ видахъ усиленія исполнительной власти, правительство не прибѣгло ни къ какимъ инымъ репрессивнымъ мѣрамъ, положившись на достаточность существующихъ законовъ. Эти послѣдніе были энергично приведены въ дѣйствіе, было возбуждено много преслѣдованій и присяжные во всѣхъ случаяхъ выносили рѣшенія, осуждавшія нарушеніе законовъ.

Национальный Конвентъ, послѣ ареста многихъ его членовъ и другихъ болѣе или менѣе тяжкихъ испытаній, перенесенныхъ имъ въ Бирмингамѣ, снова возвратился въ Лондонъ. Пять изъ наиболѣе выдающихся шотландскихъ делегатовъ вышли изъ него, а оставшіеся до такой степени утратили всякое мужество, что былъ поднятъ вопросъ о распушеніи этого Конвента и о созывѣ новаго. Слышались также жалобы на недостатокъ средствъ; тѣмъ не менѣе наличные члены Конвента приступили къ обсужденію самаго безумнаго изъ ихъ плановъ—установленія «священнаго мѣсяца», которое долгое время считалось самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для обезпеченія полнаго успѣха. Бронтеръ О'Брайнъ слѣдующимъ образомъ излагалъ этотъ планъ на митингѣ въ Стокпортѣ (15 іюля):

«Пусть во всей странѣ ни одинъ молотъ не ударитъ по наковальнѣ, пусть никто не беретъ ни за какое орудіе, исключая того, когда нужно будетъ рыть могилу кому

нибудь изъ тирановъ; пусть всякій челнокъ остается неподвижнымъ на станкѣ, если только не для того, чтобы соткать саванъ комунибудь изъ тѣхъ грабителей, которые осмѣливаются нападать на народный парламентъ (Национальный Конвентъ). Тогда скоро все придетъ къ концу». Отстаивая этотъ планъ въ Конвентѣ, тотъ же О'Брайнь говорилъ: «чему онъ придаетъ значеніе,—это празднику, объявленному парламентомъ, избраннымъ всеобщими выборами, прямыми общими выборами,—парламентомъ чартистовъ, и чтобы праздникъ этотъ длился не недѣлю и не мѣсяцъ, а все время, пока полная справедливость не будетъ воздана народу».

Въ концѣ концовъ Конвентъ, убѣдившись, что народъ не въ состояніи осуществить этого плана, оставилъ его, какъ невыполнимый.

Тѣмъ временемъ существующіе законы были приведены въ дѣйствіе во всей ихъ строгости. Народъ явно преступилъ законъ, принимая участіе въ собраніяхъ безспорно противозаконныхъ, присоединяясь къ тому, что именовалось въ законѣ «преступнымъ заговоромъ», и многими другими дѣйствіями. И законъ, съ которымъ шутить оказывалось легко только на словахъ, былъ теперь примѣнена на дѣлѣ и оказался сильнѣе тѣхъ, кто нарушалъ его.

Въ августѣ на чартистовъ градомъ посыпались преслѣдованія и одинъ за другимъ слѣдовали аресты. Трое изъ участниковъ въ бирмингемскихъ беспорядкахъ были обвинены въ разрушеніи домовъ, а такъ какъ это уже составляло уголовное преступленіе, наказуемое смертною казнью, то они и были приговорены къ ней, но впоследствии помилованы. Въ Барнслеѣ десять чартистовъ были арестованы и преданы суду за участіе въ противозаконныхъ собраніяхъ, на которыхъ говорились возмутительныя и зажигательныя рѣчи. Въ Шеффилдѣ за участіе въ беспорядкахъ были арестованы 71 человекъ.

Въ Ливерпулѣ судилось 70 или 80 чартистовъ, въ томъ числѣ Дж. Гольмсъ, преданный суду за участіе въ

мятежномъ заговорѣ и бунтѣ 12 августа. Было установлено, что онъ шелъ во главѣ толпы народа, неся надѣтый на палку красный колпакъ и знамя съ надписями.

5 августа Коллинсъ былъ обвиненъ въ изданіи мятежнаго памфлета, а на другой день въ томъ же самомъ былъ обвиненъ Ловеттъ и оба были приговорены къ тюремному заключенію на одинъ годъ. Но въ отношеніи къ исторіи платформы всего интереснѣе, какъ поступило правительство съ людьми, произносившими публичныя рѣчи мятежнаго характера.

Винцентъ, «юный Демосфенъ» англійской демократіи, безчисленное множество разъ говорившій въ Валлисѣ и въ западной Англии, произнесъ, между прочимъ, нѣсколько очень возбуждающихъ рѣчей. Какъ уже было сказано, онъ былъ арестованъ въ маѣ и 2-го августа предсталъ на судѣ вмѣстѣ съ тремя другими чартистами. Обвиненіе, выставленное противъ нихъ, заключалось въ томъ, что они вмѣстѣ съ другими злонамѣренными лицами составили мятежный заговоръ, собираясь съ цѣлью возбужденія недовольства и проч. и проч... и своими рѣчами (тамъ-то и тамъ-то) возбудили вышесказанное недовольство¹. Винцентъ былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ къ тюремному заключенію на одинъ годъ, остальные же на меньшіе сроки. Дж. Стифенсъ былъ также преданъ суду въ августѣ по обвиненію «въ противозаконномъ и злостномъ намѣреніи нарушить общественное спокойствіе, подвергая опасности личность и имущество многихъ мирныхъ вѣрноподданныхъ ея величества, нарушая тѣмъ ихъ спокойствіе и вселяя въ нихъ тревогу, — а также въ возбужденіи въ умахъ вѣрноподданныхъ недовольства существующимъ строемъ и въ побужденіи ихъ къ смутамъ и неповиновенію законамъ». Онъ былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ къ заключенію на восемнадцать мѣсяцевъ съ тѣмъ, что по истеченіи этого срока онъ можетъ быть выпущенъ на поруки на пять лѣтъ съ

1. State Trials, New Series, т. III, стр. 1037.

залогомъ отъ него 500 фунтовъ ст., а отъ его двухъ поручителей отъ каждаго по 250 ф. ст.

На судебныхъ ассизахъ въ Честерѣ судилось четыре человѣка за мятежъ, возбужденіе къ смутамъ и участіе въ противозаконныхъ сборищахъ, и всѣ они были признаны виновными. Въ Манчестерѣ пять человѣкъ были арестованы по обвиненію въ произнесеніи мятежныхъ рѣчей.

«Терроръ виговъ, писалъ *The Northern Liberator*, отъ 26 августа, дѣйствуетъ во всей своей силѣ». Немного времени спустя издатель этой газеты Батчелоръ былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что на одномъ митингѣ въ Дарлингтонѣ онъ призывалъ народъ вооружаться и кромѣ того произнесъ много другихъ зажигательныхъ рѣчей. Изъ всего этого видно, что по существующимъ законамъ не представлялось никакихъ затрудненій находить основанія для обвиненія за мятежныя рѣчи.

Въ парламентскихъ документахъ за 1840 г. имѣется въ высшей степени интересная записъ «числа лицъ, преданныхъ суду за печатаніе и распространеніе мятежныхъ и кощунственныхъ изданій и проч., или вообще за политическія преступленія съ 1 января 1839 г. по 1 іюня 1840 г.». Такихъ лицъ было 444, изъ нихъ 380—въ Англіи, 63—въ Валлисѣ и 1—въ Шотландіи; но самая интересная часть этого документа заключается въ классификаціи преступленій, въ которыхъ обвинялись эти лица, показывающей, сколько существовало различныхъ способовъ для того, чтобы подводить рѣчи платформы подъ кару закона. Эти преступленія заключались: въ «произнесеніи возмутительныхъ рѣчей на мятежныхъ собраніяхъ»; въ произнесеніи «возмутительныхъ словъ»; въ «заговорѣ съ цѣлью призыва къ вооруженію»; въ «возмутительныхъ и зажигательныхъ рѣчахъ»; въ «мятежномъ заговорѣ, противозаконномъ сборищѣ и въ возмутительныхъ рѣчахъ»; въ «произнесеніи злонамѣренныхъ и возмутитель-

ныхъ словъ»); въ «возмутительной клеветѣ»; въ «возбужденіи въ народѣ ненависти къ правительству и конституціи»; въ «измѣнническомъ заговорѣ», — списокъ достаточно длинный.

Между лицами, подвергшимися обвиненію, было нѣсколько членовъ Національнаго Конвента, что значительно уменьшило и безъ того небольшой составъ его. Болѣе двадцати человекъ отказались отъ участія въ немъ, изъ нихъ восемь ни разу не присутствовало, и 6 сентября 1839 г. «Великій Конвентъ» прекратилъ свое существованіе. Гаммаджъ, говоря о его дѣятельности, пишетъ:

«Таковъ, говоритъ онъ, былъ конецъ перваго конвента, имѣвшаго среди своихъ членовъ многихъ людей, одаренныхъ не заурядными способностями, но до такой степени расходившихся въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ, что они не могли привести взятую ими на себя славную миссію ни къ чему иному, какъ къ самымъ печальнымъ результатамъ. Самая крупная ошибка Конвента состояла въ томъ, что онъ непремѣнно хотѣлъ приступить къ дѣйствию, еще не приобрѣтя той силы, которая обезпечивала бы ему успѣхъ».

Противники платформы постоянно ставили ей въ вину, что она порождала преступленія и насилія, и въ этомъ же году осенью совершилось событіе, которое очевидно являлось результатомъ тѣхъ призывовъ къ насилію, которые все это время обращались къ народу.

Гаммаджъ, стоя на точкѣ зрѣнія чартистовъ, приписываетъ его подавленію платформы и свободы собраній, къ которымъ привели преслѣдованія правительства.

Мы уже говорили, что Винцентъ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся ораторовъ среди чартистовъ, занимался «пробужденіемъ» народа въ Валлисѣ. Этотъ впечатлительный народъ принялъ Винцента съ отверстыми объятіями. Онъ былъ именно такимъ человекомъ, который былъ способенъ вызвать подъемъ духа въ массахъ, положеніе которыхъ было не изъ лучшихъ, и брошенная имъ искра

очень скоро зажгла всѣ сердца, угрожая превратиться въ неугасимое пламя¹».

Въ числѣ другихъ мѣстностей ареною его дѣятельности былъ также Ньюпортъ, довольно значительный городъ въ южномъ Валлисѣ, одинъ изъ жителей котораго, торговецъ и мировой судья, м-ръ Джонъ Фростъ, о которомъ мы уже упоминали, вскорѣ слѣлался горячимъ приверженцемъ Винцента. Окрестности Ньюпорта представляли собою дикую и гористую мѣстность, густое населеніе которой состояло изъ рудокоповъ, народа бѣднаго и невѣжественнаго. Повидимому тамъ уже существовала организація и были учреждены отдѣленія ассоціаціи, такъ что въ случаѣ надобности можно было сдѣлать распоряженіе и рассчитывать на возстаніе народа.

Въ теченіе недѣли, предшествовавшей воскресенію, 3 ноября, былъ составленъ планъ общаго возстанія въ этотъ день всего рабочаго населенія округа. Въ Блэквудѣ, гдѣ жили многіе чартисты, происходили въ одномъ трактирѣ митинги и частыя совѣщанія. Былъ отданъ приказъ, чтобы народъ, вооружась, собрался въ ночь на 5 ноября. Онъ долженъ былъ быть раздѣленъ на три главныхъ отряда, которымъ надлежало сойтись въ назначенномъ мѣстѣ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Ньюпорта и идти на этотъ городъ такъ, чтобы напасть на него въ 2 часа ночи, когда всѣ спятъ, «безоружные и не подозрѣвая объ опасности». По прибытіи въ Ньюпортъ, предполагалось напасть на стоявшія тамъ войска и овладѣть городомъ; затѣмъ должно было произойти возстаніе всего Ланкашира, а затѣмъ и всего королевства, послѣ чего немедленно были бы осуществлены требованія, выраженные въ Хартіи.

Эта ночь была одною изъ самыхъ бурныхъ и темныхъ, какую могли запомнить за многіе годы. Шель проливной дождь, нѣкоторые запоздали; тѣмъ не менѣе около 5000 болѣе или менѣе вооруженныхъ людей, подъ

1. G a m m a g e, стр. 77.

командою Фроста, выступили противъ Ньюпорта. Мэръ и магистраты города уже получили свѣдѣнія о предстоящемъ нападеніи и подготовили для встрѣчи его тотъ небольшой отрядъ войска, который былъ въ ихъ распоряженіи, и всѣ средства защиты, какія имѣлись на лицо. Придя въ Ньюпортъ, чартисты напали на гостинницу, въ которой были размѣщены войска и констэбли; произошелъ обмѣнъ выстрѣловъ. Нѣсколько человѣкъ¹, какъ говорили 20, было убито, очень многіе ранены и затѣмъ народъ въ паникѣ разбѣжался.

Лордъ Мельбурнъ въ письмѣ къ лорду Росселлю по поводу этого событія писалъ: «Я надѣюсь теперь, что дѣло не пойдетъ дальше; но во всемъ этомъ меня огорчаетъ то, что цѣлый округъ готовился къ возстанію и это было совершенно неизвѣстно и даже не подозрѣвалось до самаго момента, когда планъ уже долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе. Если бы нѣчто подобное случилось во многихъ мѣстахъ, то это могло бы породить серьезныя послѣдствія. Такого рода дѣйствія въ тысячу разъ опаснѣе союзовъ и большихъ митинговъ, о которыхъ всегда извѣстно заранѣе и относительно которыхъ могутъ быть приняты мѣры²».

Это уже былъ серьезный взрывъ возмущенія. Правительство немедленно приняло мѣры къ преданію суду арестованныхъ за участіе въ немъ. 31 декабря Фростъ съ 11 другими лицами были преданы суду въ качествѣ «измѣнниковъ, которые 4 ноября 1839 г. въ Ньюпортѣ, вмѣстѣ со множествомъ другихъ измѣнниковъ, числомъ до двухъ тысячъ и болѣе, вооруженныхъ ружьями, пистолетами и проч., умышленно и злонамѣренно подняли возстаніе противъ королевы». Они обвинялись въ томъ, что насильственно завладѣли большимъ количествомъ оружія, произвели нападеніе на домъ, въ которомъ помѣ-

1. См. Отчетъ объ этомъ событіи въ The Morning Herald. Тамъ говорится, что было убито 17 человѣкъ.

2. Lord Melbourn's Papers, стр. 407.

щались солдаты и констебли королевы и стрѣляли по нимъ, и въ томъ, что они злонамѣренно и измѣннически пытались силою оружія низвергнуть и уничтожить правительство и конституцію королевства, установленныя закономъ.

Фростъ и двое другихъ—Вильямсъ и Джонсъ—были признаны виновными. Главный судья Тиндаль, обращаясь къ подсудимымъ послѣ предъявленія противъ нихъ обвиненія, сказалъ: «Доказано, что вы имѣли умыселъ привести съ горъ въ глухой ночной часъ въ г. Ньюпортъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, частью вооруженныхъ опаснымъ оружіемъ, съ тѣмъ, чтобы они завладѣли городомъ и свергли законныхъ представителей королевской власти, какъ предварительное дѣйствіе ко всеобщему возстанію всего королевства». Они были приговорены къ смертной казни, а также и 5 другихъ соучастниковъ, тоже признанныхъ виновными. Многія другія лица были приговорены къ тюремному заключенію на различные сроки. Смертная казнь была однако замѣнена пожизненной ссылкой.

Неудача Ньюпортскаго «возстанія» и кара, постигшая его главныхъ вождей, нанесли Чартизму такой ударъ, отъ котораго онъ долго не могъ оправиться и который оставилъ по себѣ неизгладимые слѣды. Въ теченіе нѣкотораго времени въ разныхъ мѣстахъ еще вспыхивали беспорядки, не заслуживающіе названія серьезныхъ, но въ большинствѣ случаевъ нарушители общественнаго спокойствія были схвачены, преданы суду и подвергнуты наказаніямъ. Неуклонное примѣненіе закона во всей его строгости парализовало всякое мужество у чартистовъ и внушало имъ большую осторожность. Объ этомъ свидѣтельствуется одно письмо члена конвента Флетчера, помѣченное сентябремъ 1839 г., въ которомъ онъ писалъ: «Профессиональное агитаторство повидимому приходитъ въ упадокъ; наступаетъ время, когда людямъ для того, чтобы пріобрѣсти довѣріе народа, нужно болѣе работать

мозгомъ, чѣмъ языкомъ,—время, когда здравый смыслъ и образованіе будутъ цѣниться болѣе хвастовства и интригъ». Гаммаджъ не могъ сказать объ этомъ времени ничего иного, кромѣ того, что «духъ (чартизма) не исчезъ совершенно». Невѣроятное самообольщеніе, до котораго доходили нѣкоторые чартисты, всего лучше иллюстрируется однимъ случаемъ на іоркскихъ ассизахъ въ 1840 году, когда одинъ чартистъ, котораго признали виновнымъ, выслушавъ приговоръ о семимѣсячномъ тюремномъ заключеніи, воскликнулъ, ударивъ кулакомъ по столу: «Прекрасно; если чѣмъ нибудь можно вызвать революцію, то это вызоветъ ее!»

Наконецъ, преслѣдованіе коснулось самого главы чартистовъ, Фергуса О'Коннора. Въ день св. Патрика онъ былъ преданъ суду за «возмутительную клевету». Любопытно, что его не судили ни за одну изъ тѣхъ многихъ рѣчей, которыя онъ говорилъ и которыя могли дать такъ много основаній для обвиненій, а судили за напечатаніе нѣсколькихъ рѣчей,—изъ которыхъ только одна принадлежала ему,—въ его газетѣ *The Northern Star*.

Обвинявшій его генеральный атторней сказалъ¹: «Около двухъ лѣтъ тому назадъ возникла новая политическая секта, именующая себя чартистами, которая проповѣдуетъ насильственный образъ дѣйствій. Что касается теоретическихъ воззрѣній, въ которыхъ каждый человѣкъ совершенно свободенъ, то, пока онъ распространяетъ и поддерживаеъ эти воззрѣнія законными и конституціонными средствами, никто не имѣетъ права препятствовать ему въ этомъ; но секта, о которой я говорю, приняла рѣшеніе осуществить свои намѣренія путемъ насилій. Чартисты держатся того мнѣнія, что собственность не слѣдуетъ уважать и что она должна подвергнуться новому распредѣленію, при которомъ они станутъ непремѣнными участниками ея. Такія доктрины

¹. Полный отчетъ объ этомъ дѣлѣ см. въ собственной газетѣ О'Коннора *The Northern Star*, 21 марта 1844 г.

подрываютъ общественный порядокъ и не могутъ быть терпимы ни въ какой странѣ. Я обвиняю подсудимаго въ печатаніи въ газетѣ, собственникомъ и издателемъ которой онъ является, статей, явно имѣющихъ эту тенденцію. Система, которой онъ держался въ веденіи своей газеты, заключается въ томъ, чтобы печатать отчеты или якобы отчеты о рѣчахъ, произносимыхъ на публичныхъ митингахъ этими чартистами,—рѣчахъ самаго опаснаго и преступнаго свойства,—сопровождая ихъ похвалами и одобреніемъ и призывами къ тому, чтобы идеи и чувства, высказанныя въ этихъ рѣчахъ, принимались сочувственно и влекли за собою соотвѣтствующій образъ дѣйствій».

Послѣ десятиминутнаго совѣщанія присяжные признали О'Коннора виновнымъ. Определеніе мѣры наказанія было отложено до 11 мая; когда О'Конноръ въ длинномъ заявленіи утверждалъ подъ присягою, что онъ всегда стоялъ за воздѣйствіе путемъ нравственной силы, судья возразилъ ему, что по его собственнымъ показаніямъ его нравственная сила была очень близка къ физической и приговорилъ его къ полутора-годовому тюремному заключенію.

На этомъ мы можемъ закончить исторію перваго періода чартистскаго движенія, въ которомъ платформа сыграла такую значительную роль. Законъ—не «два акта», не «четыре акта» и не «шесть актовъ»—но обыкновенный законъ оказался сильнѣе платформы, когда ея стали злоупотреблять.

Процессы чартистовъ совершенно и естественно послужили поводомъ для многихъ толкованій закона по отношенію къ публичнымъ митингамъ и къ платформѣ, и слѣдуетъ замѣтить, что эти новыя толкованія его допускали большую свободу публичнаго слова и отличались большою терпимостью. Такъ, судья Эрскинъ, обвиняя передъ большимъ жюри на Ньюкестльскихъ ассизахъ въ 1840 г., говорилъ: «По законамъ Англіи ни отдѣль-

ному человѣку, ни какой-либо группѣ людей, не возбраняется обсуждать какіе бы то ни было важные вопросы. Всякому предоставляется умѣренно и добросовѣстно, съ полною свободою, безъ всякихъ ограниченій, и, если онъ хочетъ, съ самою крайнею суровостью, разбирать образъ дѣйствій всякаго человѣка, каково бы ни было положеніе и власть послѣдняго. Тоже самое онъ можетъ дѣлать и въ отношеніи каждаго государственнаго учрежденія; никому не возбраняется также собираться для миролюбиваго обсужденія того, что они считаютъ дѣйствительнымъ зломъ, требующимъ исправленія». Въ другой обвинительной рѣчи онъ сказалъ: «Каждый человѣкъ имѣетъ полное право свободно обсуждать образъ дѣйствій тѣхъ, кто имъ управляетъ. Если собраніе не проявляетъ никакихъ признаковъ перехода къ насилію; если собравшіеся пришли не вооруженными, то въ какихъ бы рѣзкихъ формахъ они ни выразили свое недовольство, — несправедливо было бы относиться слишкомъ строго къ рѣчамъ, служащимъ искреннимъ выраженіемъ мнѣнія».

Тѣмъ не менѣе онъ нашелъ нужнымъ указать также на существующую при этомъ опасность, прибавивъ, «что если бы у него спросили совѣта, то онъ конечно посовѣтовалъ бы имъ избѣгать собираться на такихъ бурныхъ собраніяхъ, гдѣ опасность увеличивается отъ большого скопленія народа. Возбужденіе, вызываемое ими, часто очень велико, тогда какъ польза отъ нихъ ничтожна; большія собранія имѣютъ склонность возбуждать людей, чувства которыхъ поддаются увлеченію и разогрѣваются шумнымъ проявленіемъ настроенія присутствующихъ¹⁾».

Независимо отъ обезкураживающаго дѣйствія Ньюпортскаго фіаско и многочисленныхъ преслѣдованій чартистовъ были еще и другія причины, оказывавшія неблагоприятное вліяніе на дальнѣйшее развитіе чартизма. Народъ постепенно приходилъ къ сознанію, что хлѣбные

1. См. *The Northern Liberator*, февраль 1840.

законы составляютъ главную причину угнетающей его нищеты и мало по малу все большія массы его примыкали къ агитаціи въ пользу отмѣны хлѣбныхъ законовъ и все съ большею готовностью подчинялись руководительству среднихъ классовъ, работавшихъ надъ этой великой реформой.

Парламентская реформа не въ такой крайней формѣ, въ какой ее предлагали чартисты, но тѣмъ не менѣе реформа, пріобрѣтала все большее и большее количество сторонниковъ, такъ какъ разочарованіе въ результатахъ Акта о реформѣ становилось все болѣе всеобщимъ и по всей странѣ собирались многочисленные митинги для обсужденія тѣхъ дальнѣйшихъ реформъ, которыя необходимы для достиженія надлежащаго представительства собственности и умственныхъ силъ страны.

Кромѣ того очень многихъ оттолкнули отъ чартистскаго движенія крайняя несдержанность его ораторовъ, часто ихъ ребяческое непониманіе положенія дѣлъ и вещей, но всего болѣе часто повторявшіеся безпорядки и стремленіе превратить митинги изъ средства моральнаго воздѣйствія и убѣжденія въ средство устрашенія физической силою.

Всѣ эти условія, взятыя вмѣстѣ, содѣйствовали ослабленію чартистскаго движенія и съ наступленіемъ общихъ выборовъ 1841 года и образованіемъ новаго министерства чартизмъ на время пересталъ занимать то первенствующее положеніе, которое онъ занималъ раньше. Такъ закончился первый взрывъ чартизма.

ГЛАВА XVIII.

АГИТАЦІЯ ПРОТИВЪ ХЛѢБНЫХЪ ЗАКОНОВЪ.

Въ предъидущей главѣ намъ уже приходилось говорить объ агитаціи за отмѣну «хлѣбныхъ законовъ». Одно время эта агитація велась параллельно съ агитаціей въ пользу Хартіи и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣла съ послѣднею такъ много общаго, что, описывая одну, невозможно не говорить о различныхъ проявленіяхъ другой. Поэтому, при изложеніи участія платформы въ движеніи противъ хлѣбныхъ законовъ, мы неизбежно должны будемъ возвращаться къ описаннымъ уже нами событіямъ.

Агитація противъ хлѣбныхъ законовъ являетъ собою въ исторіи Англій наиболѣе разительный примѣръ дѣйствія платформы въ качествѣ орудія политической борьбы.

Законы, регулировавшіе ввозъ иностраннаго хлѣба, составляли зло, отъ котораго населеніе Великобританіи страдало уже давно. Какъ мы знаемъ, въ 1815 году, правительство и парламентъ, одна палата котораго состояла всецѣло, а другая почти всецѣло изъ землевладѣльцевъ, пользовавшихся своею политическою властью исключительно въ эгоистическихъ интересахъ, даровали народу въ награду за всѣ жертвы, понесенныя имъ въ войнѣ съ Франціею, такъ называемые Хлѣбные Законы и издали актъ, воспрещавшій ввозъ иностраннаго хлѣба, пока цѣна собственнаго хлѣба не поднимется до 80 шилл. квартеръ, — протекціонистская цѣна достаточно высокая, хотя и ниже тѣхъ

105 шилл., которые имѣла безсовѣстность предлагать комисія палаты общинъ въ 1813 г. Въ то время земледѣльческіе интересы, въ глазахъ правящихъ классовъ, стояли впереди всего и, по ихъ мнѣнію, имъ надлежало приносить въ жертву всѣ другіе интересы страны. Изданный актъ конечно не могъ обезпечить, чтобы цѣна на хлѣбъ стояла на высотѣ 80 шилл. за кварталъ, хотя было не мало лицъ, желавшихъ, чтобы это было фиксировано законодательнымъ путемъ; но воспрещая ввозъ до тѣхъ поръ, пока эта цѣна не достигнетъ указаннаго уровня, онъ являлся достаточной гарантіей того, что хлѣбъ будетъ держаться въ такой цѣнѣ, которая не дастъ упасть доходамъ съ земель ниже того уровня, къ какому привыкли лэндлорды при высокихъ цѣнахъ во время войны.

Цѣны на хлѣбъ разумѣется подвергались значительнымъ колебаніямъ; такъ, въ 1821 г. цѣна на пшеницу упала до 50 шилл. за кварталъ, и тогда, какъ мы видѣли, поднялся цѣлый вопль о кризисѣ и парламентъ былъ наводненъ петиціями о принятіи новыхъ покровительственныхъ мѣръ.

Въ 1828 году законъ 1815 года подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ и была введена такъ называемая подвижная скала пошлинъ. Когда въ Англіи цѣна хлѣба достигала 62 шилл., то можно было ввозить иностранный, при чемъ импортеры должны были платить пошлины 24 ш. 8 пенс. за кварталъ, такъ что цѣна поднималась до 86 шилл. 8 пенс. Единственною выгодою этого новаго закона было то, что, когда цѣна на хлѣбъ доходила до 72 шилл. кварталъ, то пошлины приходилось платить всего 2 шилл. 8 пенс., и такимъ образомъ цѣна опредѣлялась уже въ 74 шилл. 8 п., т. е. на нѣсколько шиллинговъ менѣе 80 шилл., плюсъ пошлина; въ сущности же, эта подвижная скала являлась такою же покровительственною мѣрою, какъ и тотъ законъ, который былъ замѣненъ ею.

Эти хлѣбные законы повлекли за собою безчисленное множество самыхъ печальныхъ послѣдствій. «Мы про-

тестуемъ», говорилъ одинъ ораторъ на одномъ изъ митинговъ противъ хлѣбныхъ законовъ, «противъ законовъ, которые изданы съ цѣлью лишить людей здѣсь, гдѣ Богъ былъ особенно щедръ, пользованія тѣмъ, въ чемъ Онъ не отказывается даже тамъ, гдѣ дары Его наиболѣе скудны. Люди умираютъ съ голоду, между тѣмъ брилліанты свободны отъ пошлинъ; хлѣбъ обложенъ пошлиною, тогда какъ черепаха ввозится беспошлинно; хлѣбъ обложенъ, а картины беспошлинны; трудъ обложенъ, но все, въ чемъ нуждаются только одни богатые, свободно отъ пошлинъ; то, безъ чего бѣднякъ не можетъ существовать и что Богъ въ своей щедрости вложилъ въ землю на благо всѣмъ—то отнимается у массъ законодательными махинаціями горсти ловкихъ людей, которымъ ихъ земельный доходъ священнѣе первородныхъ правъ человѣка на землю и Божьяго велѣнія, чтобы земля вознаграждала земледѣльца за трудъ».

По справедливому замѣчанію Кобдена, «этотъ законъ отнималъ отъ бѣднѣйшаго изъ бѣдныхъ, чтобы дать больше богатѣйшимъ изъ богатыхъ». Единственный классъ, которому онъ приносилъ выгоду, былъ классъ землевладѣльцевъ; онъ обогащалъ ихъ на счетъ остального населенія. Всѣ другіе классы и интересы болѣе или менѣе страдали отъ него. Фермеры долго льстили себя надеждою, что онъ выгоденъ для нихъ, но и они должны были въ концѣ концовъ увидать свою ошибку. Но болѣе всего терпѣли отъ этого закона промышленные и рабочіе классы. Этотъ законъ «уничтожилъ нашу торговлю, разорилъ нашихъ торговцевъ, довелъ до нищеты населеніе». Повысивъ цѣны на хлѣбъ, онъ обрекъ на голодную смерть тысячи людей и цѣлые милліоны на полуголодное существованіе; онъ послужилъ прямою или косвенною причиною значительной части всѣхъ преступленій, народныхъ волненій и проявленій произвола, которые имѣли мѣсто въ Англіи въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія.

«Хлѣбный законъ, сказалъ Брайтъ въ одной изъ своихъ рѣчей, есть законъ въ высшей степени зловредный. Самая дьявольская изобрѣтательность не могла бы измыслить мѣры, болѣе цѣлесообразной для доведенія миллионовъ рабочаго населенія этой страны до полной нищеты, тяжелаго страданія и недовольства ¹».

Карлейль, со свойственной ему пылкою страстностью, негодуетъ на другія стороны этого закона. «Что всего болѣе нелѣпо и гнусно въ этихъ нелѣпыхъ и гнусныхъ хлѣбныхъ законахъ,—независимо отъ ихъ «воздѣйствія на заработную плату», на «оживленіе торговли» и другіе тому подобные факторы,—это непрестанное предъ всѣми прискорбное доказательство того, что нашъ правящій классъ, Богомъ и природой призванный къ тому, чтобы дѣлать что нибудь на пользу управленія, или же прекратить свое существованіе, не можетъ даже оставаться въ покоѣ и не дѣлать зла. Лига противъ хлѣбныхъ законовъ и не требуетъ отъ нихъ ничего болѣе того, что природа и жизнь настоятельно требуютъ отъ нихъ. Лига не говоритъ: дѣлайте что нибудь положительное; она говоритъ только: прекратите вашъ разорительный образъ дѣйствій,—не дѣлайте ничего ²».

Законъ, которому долго подчинялись, наконецъ сдѣлался невыносимымъ. Неоднократно дѣлались попытки обратить общественное вниманіе на приносимый имъ вредъ, но всѣ онѣ оканчивались неудачей: торговые классы слишкомъ полагались на парламентъ, рабочіе же классы, ошибочно объясняя себѣ причину испытываемыхъ ими бѣдствій,—искали выхода въ чартизмѣ. Къ концу 1836 г., когда цѣна на хлѣбъ поднялась до такой высоты, какой она уже давно не достигала, и когда бѣдствія, вызванныя дороговизною хлѣба, усилились еще болѣе, въ Лондонѣ образовалась Ассоціація противъ хлѣбныхъ законовъ, поставившая себѣ цѣлью употребить всѣ усилія

¹. Bright's Speeches, стр. 284, 19 декабря 1845 г.

². Past and Present, книга III, гл. VIII.

для того, чтобы добиться отмены этихъ законовъ. Въ слѣдующемъ году была сдѣлана попытка воздѣйствія на парламентъ и въ палату общинъ было внесено предложеніе о замѣнѣ подвижной скалы пошлины на хлѣбъ постоянною пошлиною въ 10 шилл. за кварталъ. Это предложеніе было однако отвергнуто очень значительнымъ большинствомъ¹. Въ 1838 г. вопросъ получилъ дальнѣйшее развитіе.

Парламенту была представлена петиція отъ Глазго объ отменѣ хлѣбныхъ законовъ, и въ палатѣ возникли по этому поводу пренія, закончившіяся заявленіемъ со стороны перваго министра, лорда Мельбурна, что правительство не можетъ стать на ту или иную сторону, пока оно не убѣдится въ томъ, что большинство народа стоитъ за измѣненіе закона. Было ли принято это заявленіе за поощреніе агитаціи или нѣтъ, но достовѣрно то, что вскорѣ послѣ этого, а именно въ концѣ сентября, въ Манчестерѣ была организована Ассоціація противъ хлѣбныхъ законовъ². Въ небольшой комнаткѣ, надъ конюшнями отеля Юркъ, собралось семь человекъ для обсужденія вопроса о хлѣбныхъ законахъ. Это обсужденіе привело ихъ къ рѣшенію образовать ассоціацію для содѣйствія ихъ отменѣ. Вскорѣ къ нимъ присоединилось еще нѣсколько членовъ и ассоціація естественнымъ образомъ прибѣгла къ платформѣ. Начиная съ этого времени, для того, чтобы составить себѣ надлежащее понятіе объ этой величайшей платформной агитаціи, мы должны шагъ за шагомъ прослѣдить во всѣхъ подробностяхъ дѣятельность этой ассоціаціи и ея преемницы, Лиги. Имѣя за собою опытъ прежнихъ агитацій и такой примѣръ, какъ ирландская римско-католическая ассоціація, — эта агитація платформы была организована въ высшей степени умѣло. Отъ частныхъ собраній ассоціація вскорѣ перешла къ публичнымъ митингамъ и при открытіи перваго изъ

¹. 2 іюля 1837 г.; большинствомъ 229 голосовъ противъ 89.

². Prentice, т. II, стр. 57.

нихъ предсѣдатель публично заявилъ о цѣляхъ ассоціаціи. «Цѣль наша состоитъ въ томъ, чтобы добиться для народа свободнаго права обмѣнивать свой трудъ на такое количество хлѣба, какое можно получить за него; добиться того, чтобы законъ не принуждалъ насъ покупать хлѣбъ въ извѣстной лавкѣ, и именно въ самой дорогой, но чтобы мы могли свободно обращаться туда, гдѣ его можно купить дешевле. Эта цѣль такова, что въ стремленіи къ ней могутъ соединиться люди всякихъ политическихъ убѣжденій, ни въ чемъ не измѣняя своимъ принципамъ, и ассоціація поставила себѣ основнымъ правиломъ, чтобы обсужденіе вопроса совершалось внѣ партійныхъ политическихъ интересовъ ¹».

Платформа выступила и въ видѣ публичныхъ лекцій, и въ формѣ другихъ митинговъ. Интересъ къ вопросу все болѣе возрасталъ въ обществѣ и въ декабрѣ значеніе ассоціаціи сильно увеличилось присоединеніемъ къ ней столь крупнаго вліятельнаго учрежденія, какъ Манчестерская торговая палата, которая рѣшила представить петицію палатѣ общинъ. Въ этой петиціи говорилось: «Считая однимъ изъ самыхъ незыблемыхъ принциповъ (торговой справедливости) неотъемлемое право каждаго человѣка свободно обмѣнивать продукты своего труда на произведенія другихъ людей и признавая покровительство одной части населенія на счетъ всѣхъ остальныхъ классовъ дѣломъ несправедливымъ, петиціонеры убѣдительно просятъ вашу достопочтенную палату отмѣнить всѣ законы, касающіеся ввоза иностраннаго хлѣба и другихъ предметовъ первой необходимости, и установить во всемъ, что касается земледѣлія и промышленности, истинные и мирные принципы свободной торговли, уничтоживъ всѣ существующія препятствія къ неограниченной свободѣ пользованія трудомъ и капиталомъ».

Въ самомъ началѣ января 1839 г. ассоціація открыла подписку для образованія денежнаго фонда на выпол-

¹. Prentice, т. I, стр. 75.

неніе своихъ плановъ, такъ какъ денежныя средства являлись однимъ изъ наиболѣе существенныхъ элементовъ въ дѣлѣ организаци, необходимой для агитаціи путемъ платформы. Подписка быстро дала нѣсколько тысячъ, при чемъ многіе крупныя торговцы подписывали по 100 ф. ст. Затѣмъ, 22 января былъ устроенъ въ зданіи Манчестерской хлѣбной биржи громаднй банкетъ, на которомъ присутствовало до 800 человекъ и было собрано еще 600 ф. с. На слѣдующій день собрался митингъ делегатовъ отъ различныхъ вновь образовавшихся мѣстныхъ ассоціацій противъ хлѣбныхъ законовъ, на которомъ послѣ многихъ рѣчей была постановлена резолюція, гласившая, что «пока законодательные акты будутъ лишать народъ обильнаго снабженія предметами первой необходимости, правительство и страна будутъ обречены на всѣ бѣдствія, возникающія вслѣдствіе народнаго недовольства»; затѣмъ, обращаясь къ дальнѣйшимъ намѣреніямъ ассоціаціи, резолюція гласила, что «въ видахъ предотвращенія столь серьезной опасности, собравшіеся на митингѣ обязуются единодушными и энергичными усиліями добиваться полной и немедленной отмѣны всѣхъ законовъ, ограничивающихъ свободный ввозъ хлѣба¹».

Между тѣмъ дѣятельность платформы принимала все болѣе широкіе размѣры и весь сложный механизмъ организованной агитаціи, теперь уже хорошо знакомый руководителямъ движенія, быстро былъ приведенъ въ дѣйствіе. Собирались многочисленныя митинги для отмѣны хлѣбныхъ законовъ и избирались делегаты, отправляемые въ Лондонъ для того, чтобы слѣдить за подачею петицій, посылаемыхъ этими митингами. Въ началѣ февраля эти делегаты съѣхались въ Лондонъ, петиціи были представлены парламенту и м-ръ Вилльерсъ внесъ предложеніе о томъ, чтобы палата выслушала свидѣтельства, могущія подтвердить эти петиціи. Предложеніе было отклонено²

¹. Prentice, т. I, стр. 102.

². Большинствомъ 361 противъ 172.

значительнымъ большинствомъ. Дѣятельность Ассоціаціи противъ хлѣбныхъ законовъ къ этому времени настолько привлекла къ себѣ общественное вниманіе, что возбудила противъ себя оппозицію со стороны чартистовъ, изъ которыхъ многіе начали повидимому опасаться, что она явится опасною соперницею движенія чартизма.

28 февраля въ Манчестерѣ чартисты сорвали митингъ противъ хлѣбныхъ законовъ. Такой поступокъ вызвалъ негодующій протестъ со стороны Кобдена. «Я ничего такъ не уважаю, сказалъ онъ, какъ свободное обсужденіе общественныхъ вопросовъ и выясненіе истины путемъ провѣрки и обмѣна мнѣній. Я никогда не изгоню изъ собранія человѣка или группу людей, которые захотѣли бы, какъ разумныя существа, выступить въ защиту хлѣбныхъ законовъ. Но я долженъ протестовать отъ имени рабочихъ классовъ Манчестера противъ поведенія людей, препятствующихъ свободному обмѣну взглядовъ по этому важному вопросу¹»... Затѣмъ онъ сталъ разъяснять, что вопросъ объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ есть по преимуществу вопросъ бѣдняковъ и сказалъ: «Мы опираемся на опредѣленный твердый принципъ; мы говоримъ, что мы не хотимъ пошлечь, мы хотимъ полной, немедленной и безусловной отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Мы пойдемъ впередъ къ нашей цѣли, не сворачивая съ пути для того, чтобы разбивать другихъ, каковы бы ни были ихъ цѣли, но требуя себѣ права, въ качествѣ свободныхъ гражданъ, собираться и обсуждать эти вопросы во всякое время».

20 марта 1839 г. былъ предпринятъ знаменательный шагъ. На большомъ митингѣ делегатовъ отъ различныхъ ассоціацій было рѣшено образовать постоянный союзъ подъ названіемъ «Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ». Въ видахъ обезпеченія единства дѣйствій рѣшено было учредить въ Манчестерѣ центральное бюро, на обязанности котораго лежали бы приглашеніе и предложеніе лекторовъ, заботы о привлеченіи содѣйствія печати, изданіе печат-

¹. Prentice, т. I, стр. 118.

ныхъ циркулярныхъ листовъ въ цѣляхъ поддержанія постоянныхъ сношеній съ мѣстными ассоціаціями.

Такъ возникла Лига для отмены хлѣбныхъ законовъ. «Послѣ этого делегаты разъѣхались для того, чтобы предпринять агитацію по этому предмету каждый въ своей мѣстности..... Немедленно же послѣ этого стали собираться митинги почти во всѣхъ городахъ, пославшихъ представителей на лондонскую конференцію, и делегаты превратились въ миссіонеровъ, распространявшихъ рѣшенія, принятыя въ столицѣ. Многочисленные памфлеты были разосланы повсюду въ 10.000 экземплярахъ, было предпринято изданіе газеты, расходившейся въ 15.000 экземплярахъ, не доставало только устныхъ обличеній хлѣбныхъ законовъ въ самой твердынѣ протекціонизма, чтобы поднять всеобщую тревогу¹», и вотъ вскорѣ за брошюрами и газетою появились и публичные лекторы. Вся эта дѣятельность Лиги вначалѣ почти не встрѣчала себѣ противодѣйствія съ платформы со стороны торійской партіи: одна изъ торійскихъ газетъ *The Morning Herald*, горько жалуется на то, что «наемные лекторы разъѣзжаютъ по странѣ и разглагольствуютъ объ ужасахъ земельной монополіи. Что за дѣло, что эти люди сплошь пустыя самомнящія тупицы! И имъ предоставляютъ говорить свое, день за днемъ, не предъявляя противъ нихъ возраженій, и ихъ никѣмъ не опровергаемая ложь въ концѣ концовъ принимается за правду²».

Къ іюню 1839 г. «Лига была вполне организована и находилась уже въ самомъ разгарѣ дѣятельности, не представляя собою уже болѣе лондонское, манчестерское, ливерпульское, бирмингамское, лидское или гласговское, но національное движеніе³». Такимъ образомъ уже съ самаго начала движенія было ясно, какую большую роль будетъ играть въ немъ платформа и съ какою увѣ-

¹. Prentice; т. I, стр. 128.

². Ibid., стр. 130.

³. Ibid., т. I, стр. 130.

ренностью полагались на ея силу его руководители. Начиная съ этого времени, въ продолженіе многихъ лѣтъ агитація въ пользу отмѣны хлѣбныхъ законовъ не прекращалась и платформа почти не умолкала.

Прентайсъ, въ своей Исторіи Лиги за отмѣну хлѣбныхъ законовъ, отдѣльныя главы книги обозначаетъ заголовками «Кампанія» такого-то года. Такое заглавіе вполне уместно, потому что образъ дѣйствій Лиги, ея организація, подготовительныя мѣры, экскурсіи во враждебно настроенные округа, — все это въ значительной мѣрѣ носило характеръ военной кампаніи.

Кампанія 1840 г. открылась собраніемъ въ Манчестерѣ митинга делегатовъ отъ различныхъ мѣстныхъ ассоціацій и двумя большими банкетами въ томъ же городѣ, на которыхъ участвовало по нѣскольку тысячъ человѣкъ и произнесено было много рѣчей въ пользу стремленій лиги. Въ мартѣ делегаты собрались въ Лондонѣ. Чувствуя подъ собою уже достаточно твердую почву, они постановили резолюцію, въ которой ихъ намѣренія были высказаны съ гораздо большею опредѣленностью, чѣмъ до сихъ поръ. «Не ставя себя въ связь съ какими-либо политическими партіями», говорилось въ резолюціи, «мы заявляемъ, что будемъ употреблять всѣ усилія для содѣйствія выбору въ члены парламента только такихъ лицъ, которыя будутъ стоять за отмѣну хлѣбныхъ законовъ». Это рѣшеніе имѣло очень важное значеніе, и Лига твердо держалась его. Насколько велико было теперь участіе платформы въ этомъ дѣлѣ, можно заключить изъ того, что въ этомъ году палатѣ общинъ было представлено 763 петиціи и 22 палатѣ лордовъ; было также прочитано 800 публичныхъ лекцій въ главныхъ городахъ 32 графствъ, въ 49 мѣстахъ въ Шотландіи и въ 32 въ Валлисѣ. Кобденъ и другіе члены совѣта Лиги собирали митинги для пропаганды задачъ ея. Во многихъ городахъ, какъ крупныхъ, такъ и малыхъ, возникли ассоціаціи, и

каждая изъ нихъ широко пользовалась платформой для проведенія идей и стремленій Лиги.

Повинуясь косвенному давленію всего этого политическаго движенія, лидеры виговъ рѣшились высказаться въ пользу установленія умѣренной постоянной пошлыны вмѣсто подвижной скалы. Торіи же оставались глухи ко всему и повидимому не было надежды воздѣйствовать на нихъ, пока они будутъ твердо вѣрить, что хлѣбные законы¹ «необходимы для спасенія ихъ существованія».

Но ни уступка виговъ, ни упорное сопротивленіе торіевъ не побуждали Лигу хотя бы на іоту уклониться отъ своего пути. Руководители ея продолжали совершенствовать и расширять ея организацію, митинги становились все болѣе многочисленными и вліяніе платформы распространялось на болѣе и болѣе широкіе круги.

Мы должны отмѣтить здѣсь характерную черту платформы въ эпоху этого движенія. Какъ я уже имѣлъ случай говорить раньше, дѣятельность платформы имѣетъ двѣ стороны: съ одной стороны она—выраженіе общественнаго мнѣнія, съ другой—средство поученія и убѣжденія общества.

Іеремія Бентамъ въ 1820 г., не имѣя передъ собою еще того историческаго опыта, который имѣемъ мы, писалъ: «Митинги для обсужденія политическихъ вопросовъ могутъ носить самый разнообразный характеръ. Всѣ они болѣе или менѣе служатъ одновременно двумъ цѣлямъ—поученія и возбужденія,—но нѣкоторые изъ нихъ болѣе приурочены для одной изъ этихъ цѣлей, другіе для другой».

Онъ не сознавалъ еще того, что истинная сила платформы заключается въ томъ, что она служитъ «выраженіемъ» общественнаго мнѣнія и что это гораздо важнѣе «возбужденія». Агитація въ пользу парламентской ре-

¹. См. письмо лорда Уестернъ, цитируемое въ книгѣ Вальпола Russell, т. I, стр. 367.

формы доказала разъ навсегда силу платформы, какъ органа выраженія общественнаго мнѣнія. Точно также и въ чартистскомъ движеніи вся сила платформы сказалась именно въ качествѣ выразительницы общественнаго мнѣнія. Но теперь, въ агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ, и въ особенности въ первое время этой агитаціи, платформа носить по преимуществу характеръ дидактической.

Руководители движенія гораздо болѣе пользовались теперь платформою въ цѣляхъ поученія, убѣжденія и разсужденія, чѣмъ когда либо раньше. Ни разу еще въ теченіе всей исторіи не выступала платформа въ такой исключительно дидактической роли. Принятая Лигою система публичныхъ лекцій, посылки такъ называемыхъ «депутаций» Лиги въ разные города и округа для обсужденія вопроса и состязанія съ противниками ея взглядовъ,—все это указываетъ на то, что Лига смотрѣла на платформу прежде всего какъ на самое могущественное и дѣйствительное средство для поученія народа и приданія общественному мнѣнію того направленія, котораго желала Лига. Митинги Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ конечно не могли отчасти не служить и выраженіемъ общественнаго мнѣнія, но въ теченіе многихъ лѣтъ это являлось лишь второстепенною ихъ задачею.

1841 годъ ознаменовался событіями чрезвычайно важными для Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ. Первымъ такимъ событіемъ было пораженіе, понесенное министерствомъ виговъ, вторымъ—его выходъ въ отставку. Кабинетъ лорда Мельбурна, который уже въ теченіе многихъ лѣтъ едва сохранялъ свою власть, наконецъ палъ. 4 іюня сэръ Робертъ Пиль большинствомъ одного голоса¹ одержалъ побѣду въ выраженіи недовѣрія министерству и 22-го іюня королева отсрочила засѣданія парламента, заявивъ при этомъ о своемъ намѣреніи «прибѣгнуть къ предоставляемымъ ей конституціей средствамъ для того,

¹. 312 противъ 311.

чтобы узнать мнѣніе своего народа»; на слѣдующій день парламентъ былъ распущенъ.

Мнѣ придется на время прервать изложеніе исторіи агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ, чтобы вкратцѣ описать эти общіе выборы. Это были шестые общіе выборы въ теченіе одиннадцати лѣтъ (1830, 1831, 1832, 1835, 1837, 1841), что могло почти удовлетворить даже чартистовъ, требовавшихъ ежегодныхъ парламентовъ.

Согласно съ новымъ установившимся обычаемъ со стороны министровъ объявлять при посредствѣ платформы передъ выборами свою политику, лидеръ виговъ въ палатѣ общинъ, лордъ Джонъ Росселль, произнесъ (за двѣ недѣли до роспуска парламента) рѣчь на публичномъ митингѣ своихъ избирателей, либеральной группы лондонскаго Сити, заявивъ такимъ образомъ черезъ нихъ всей странѣ о томъ, что составитъ предметъ предстоящей избирательной борьбы ¹.

«Главный вопросъ,—тотъ вопросъ, который, по его мнѣнію, лондонскому Сити, а также и всѣмъ избирателямъ Соединеннаго Королевства, придется рѣшать въ недалекомъ будущемъ,—заключается въ томъ, намѣрены ли они освободить промышленность страны отъ связывающихъ ее стѣсненій? Это и есть тотъ вопросъ, по которому онъ ожидаетъ отвѣта отъ избирателей лондонскаго Сити». Кромѣ того онъ сказалъ еще, что вопросъ, за отвѣтомъ на который вскорѣ обратятся къ странѣ, состоитъ въ томъ, будетъ ли она поддерживать или отвергнетъ недавнее рѣшеніе большинства палаты общинъ.

Въ день производства выборовъ онъ снова произнесъ длинную рѣчь въ своемъ округѣ. «Цѣль наша, говорилъ онъ, заключается въ томъ, чтобы, поскольку это позволяетъ благоразуміе, сдѣлать хлѣбъ болѣе дешевымъ, обезпечить за народомъ лучшій заработокъ и по-

¹. 15 іюня 1841 г. См. The Times.

ставить страну на ту высоту, которая принадлежит ей по праву среди всѣхъ другихъ странъ земного шара.

«Министры ея величества предлагаютъ планъ уменьшенія налагаемыхъ на торговлю и промышленность ограничений, облегченія лежащихъ на народѣ тягостей и обезпеченія общественныхъ нуждъ страны. Отъ васъ теперь ждутъ отвѣта, согласны ли вы принять этотъ планъ ¹».

Лидеръ консервативной партіи, сэръ Робертъ Пиль, съ своей стороны также говорилъ съ платформы о своей политикѣ. Несмотря на весь свой консерватизмъ, онъ вскорѣ же послѣ изданія Акта о реформѣ сталъ очень часто обращаться къ платформѣ и пользоваться ею, какъ средствомъ для «возсозданія» консервативной партіи послѣ ея распадения въ 1832 г., какъ онъ выразился на одномъ банкетѣ, данномъ въ честь его, въ маѣ 1838 г. «Цѣль, которую я преслѣдую уже много лѣтъ, сказалъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы положить основаніе крупной политической партіи, которая уменьшала бы рискъ и ослабляла бы ударъ отъ столкновенія между двумя вѣтвями законодательнаго органа, которая могла бы сдерживать нетерпѣливое рвеніе желающихъ добра, но слишкомъ поспѣшно стремящихся къ переменамъ въ конституціи и законахъ Англіи, и которая могла бы авторитетнымъ голосомъ сказать этому безпокойному

¹. Чрезвычайно интересно сравнить положеніе, которое занимали министры по отношенію къ избирателямъ при этихъ выборахъ, съ ихъ положеніемъ въ 1818 г. Тогда въ составъ кабинета входило шесть членовъ палаты общинъ, изъ которыхъ только одинъ по дѣйствительному избранію—Каннингъ отъ Ливерпуля,—трое являлись назначаемыми представителями бурговъ, одинъ былъ представителемъ «карманнаго» графства въ Ирландіи и одинъ также отъ одного ирландскаго графства. Въ кабинетѣ лорда Мельбурна было девять членовъ палаты общинъ. Шесть изъ нихъ имѣли при выборахъ соперниковъ и были избраны большинствомъ 12,031, 6221, 932, 784, 527, 430 голосовъ. Трое были избраны безъ соперниковъ при количествѣ избирательныхъ голосовъ:—6000, 2000, 460.

духу революціонныхъ попытокъ: «Вотъ предѣль, далѣе котораго ты не можешь идти» ¹.

Общіе выборы представляли чрезвычайно удобную почву для агитаціи въ этомъ направленіи и 28 іюня сэръ Робертъ Пиль, по поводу своего избранія представителемъ отъ Тамворта, произнесъ длинную рѣчь, которая во многомъ являлась повтореніемъ того, что онъ говорилъ въ послѣднее время въ парламентѣ. «Я нахожу, что съ моей стороны будетъ почтительнѣе по отношенію къ моимъ избирателямъ, когда я нахожусь предъ ними въ такомъ собраніи, повторить передъ ними изложеніе взглядовъ, высказанныхъ мною въ парламентѣ (о пошлинахъ на хлѣбъ и на сахаръ), чѣмъ только ссылаться на то, что я говорилъ тамъ».

Онъ очень опредѣленно высказался по животрепещущему вопросу о хлѣбныхъ законахъ: «Я не могу согласиться съ замѣною теперешней повышающейя и понижающейя пошлины постоянною пошлиною въ 8 шилл. и не думаю, чтобы эта пошлина достаточно охраняла земельные интересы страны».

Затѣмъ, переходя къ другимъ, болѣе общимъ вопросамъ, онъ сказалъ: «По моему мнѣнію, правительству не слѣдовало оставаться у власти, разъ оно лишилось довѣрія палаты общинъ. Когда я выступилъ съ этимъ вопросомъ въ палатѣ общинъ, палата, хотя и большинствомъ лишь одного голоса, но все же большинствомъ, заявила, что она не имѣетъ довѣрія къ правительству. Въ настоящее время англійскій народъ долженъ рѣшить, соглашается ли онъ въ этомъ случаѣ съ большинствомъ послѣдняго парламента, или же выразить нынѣшнему правительству довѣріе, въ которомъ ему отказала палата общинъ».

Такимъ образомъ политическое положеніе выяснялось избирателямъ рѣчами платформы съ большою опредѣлен-

¹. См. The Times, 14 мая 1838 г.

ностью, и вожди обѣихъ главныхъ партій указывали имъ одинъ и тотъ же путь.

Выборы оказались неблагопріятны для министерства. Вначалѣ прошли выборы въ бургахъ и многіе члены парламента потеряли свои мѣста. Въ графствахъ министерская партія потерпѣла самое полное пораженіе. Даже въ городахъ и въ промышленныхъ округахъ всеобщее требованіе «дешеваго хлѣба» встрѣчало себѣ отпоръ въ тѣхъ, кто опасался дешевой заработной платы, какъ неизбѣжнаго послѣдствія удешевленія продуктовъ первой необходимости¹. Землевладѣльцы и все еще плохо понимавшіе положеніе фермеры были сильно встревожены успѣхами Лиги и примкнули къ партіи, готовой всѣми силами сопротивляться ей, а въ то время соединенія этихъ двухъ классовъ было вполне достаточно для того, чтобы сторонники Лиги остались въ меньшинствѣ. Количество случаевъ избирательной борьбы указывало на нѣкоторое пониженіе политическаго интереса въ обществѣ, такъ какъ ихъ было во всей Великобританіи всего 170, вмѣсто 219 въ 1837 г. и 227 въ 1832 г., но ихъ было достаточно, чтобы завершить пораженіе министерства.

По окончаніи выборовъ, когда уже сдѣлалось вполне очевидно, что министерство виговъ должно подать въ отставку или же быть свержено, какъ только парламентъ соберется, сэръ Робертъ Пиль произнесъ рѣчь въ Тамвортѣ на банкетѣ, которымъ были отпразднованы выборы. «Меня постоянно спрашиваютъ о томъ, что я намѣренъ предложить, если я снова буду призванъ къ управленію дѣлами страны; я отвѣчу на этотъ вопросъ тогда, когда я займу это положеніе. Теперь же я совѣтую удалить тѣхъ, кто находится у власти въ настоящее время. Они не пользовались и не пользуются довѣріемъ парламента и не пользуются довѣріемъ страны. Перемѣните врача. Больной не имѣетъ къ нему довѣрія, такъ какъ врачъ находитъ его здоровымъ и не лѣчитъ его болѣзни. Спра-

¹. Annual Register, 1841 г.

шиваютъ: что же предпишете вы? Я подожду отвѣчать на это, пока не буду формально призванъ».

И онъ вскорѣ «былъ призванъ». Какъ только парламентъ собрался, онъ воспользовался первымъ же случаемъ для нападенія на министерство, которое и оказалось пораженнымъ большинствомъ 91 голоса; это раздѣленіе голосовъ ясно обнаруживало результатъ общихъ выборовъ. Министерство подало въ отставку и власть перешла въ руки торійскаго министерства съ сэромъ Робертомъ Пилемъ во главѣ¹. Для Лиги наиболѣе важнымъ событіемъ этихъ выборовъ было избраніе ея руководителя, Ричарда Кобдена, членомъ отъ Стокпорта.

Пока происходили всѣ эти событія, Лига противъ хлѣбныхъ законовъ придала своей дѣятельности новое направленіе. Она обратилась къ новому и чрезвычайно плодотворному виду платформы — конференціямъ. Въ Манчестерѣ собралась 17 августа большая конференція служителей церкви, большинство которыхъ, понятно, принадлежало не къ государственной церкви. Съѣхалось всего до 70 духовныхъ лицъ. Конференція продолжалась четыре дня и имѣла утреннія засѣданія по четыре часа и вечернія по пяти часовъ. Все время этихъ засѣданій было посвящено рѣчамъ, которыя имѣли то значеніе, что каждый слушатель дѣлался въ свою очередь новымъ миссіонеромъ, готовымъ работать при помощи платформы на пользу дѣла. Свидѣтельства людей, столь авторитетныхъ въ дѣлѣ знакомства съ бѣдственнымъ положеніемъ народныхъ массъ, произвели большое дѣйствіе и готовность этихъ людей принять активное участіе въ агитаціи не могла не придать ей еще большей силы и убѣдить общество еще болѣе въ справедливости ея цѣлей. Конференція постановила нѣсколько резолюцій объ ужасныхъ послѣдствіяхъ хлѣбныхъ законовъ и выработала петицію палатѣ общинъ слѣдующаго содержанія:

«Ваши петиціонеры, убѣжденные въ пагубности этихъ

¹. 30 августа 1841 г.

законовъ, нарушающихъ верховный законъ Господа Бога и умаляющихъ щедрость Его даровъ;—въ губительности дѣйствія ихъ на домашнее благополучіе, на общественные, моральные и религіозные устои народа;—въ неизмѣримости зла, уже порожденнаго ими, и въ той ужасающей быстротѣ, съ которой они ведутъ свою измученную жертву—народъ—къ полному отчаянію, угрожая тѣмъ самымъ миру и спокойствію всей имперіи,—умоляютъ достопочтенную палату найти средство отмѣнить ихъ».

Однокоже новый парламентъ былъ совершенно глухъ ко всякимъ мольбамъ. Засѣданія его были отсрочены до октября. Но зло не могло исчезнуть потому только, что парламентъ не хотѣлъ знать о немъ, и народное бѣдствіе принимало все большіе размѣры. Какъ трудно передать истинное значеніе словъ: народное бѣдствіе принимало все большіе размѣры. Однѣхъ цифръ недостаточно для этого. 20.000 человекъ зарабатывающихъ только по 11³/₄ пенс. въ недѣлю въ одномъ мѣстѣ; 10.000 человекъ, почти умирающихъ съ голоду въ другомъ, еще тысячи, живущіе лишь пособіемъ для бѣдныхъ,—все это мало рисуетъ истинную картину всеобщей нужды. Описание же какого нибудь одного или нѣсколькихъ случаевъ нищеты, какъ примѣровъ тѣхъ условій, въ которыхъ жили сотни и тысячи,—даетъ еще менѣ понятія объ истинномъ положеніи вещей. Карлейль даетъ намъ возможность до нѣкоторой степени составить себѣ представленіе о немъ. «Многія сотни тысячъ людей сидятъ въ рабочихъ домахъ, другія же сотни тысячъ не имѣютъ даже и рабочихъ домовъ. Въ самой Шотландіи, этой странѣ достатка,—въ Глазго, въ Эдинбургѣ, въ ихъ мрачныхъ переулкахъ, куда не заглядываетъ ничей взоръ, кромѣ всевидящаго ока Господа Бога и въ нѣкоторыхъ счастливыхъ случаяхъ священника, встрѣчаются такія картины нищеты и отчаянія, какія, надо надѣяться, не встрѣчаются подъ солнцемъ ни въ какихъ, самыхъ суровыхъ мѣстахъ, обитаемыхъ человекомъ... Спуститесь гдѣ

хотите въ среду низшихъ классовъ, въ городѣ ли, въ деревнѣ ли, въ какой угодно улицѣ, наведите справки въ отчетахъ фабричныхъ изслѣдованій, земледѣльческихъ изслѣдованій, въ отчетахъ по сбору налоговъ въ комитетахъ рабочихъ рудокоповъ,—откройте только глаза и смотрите, и вы вездѣ увидите одну и ту же печальную картину. Вы должны будете признать, что рабочее населеніе богатой англійской націи опустилось или быстро опускается до такого состоянія, равнаго которому, если принять во вниманіе всѣ обстоятельства, положительно еще не было ¹».

Читая все это, нельзя не удивляться терпѣнію народа, такія поразительныя доказательства котораго онъ уже столько разъ давалъ въ теченіе прошлой исторіи Англии. Къ счастью, для выхода теперь уже былъ найденъ путь,—путь не очень близкій, но все же такой, который подавалъ надежду на избавленіе,—потому что платформа не прекращала своей работы, и днемъ и вечеромъ она дѣйствовала, учила, убѣждала и доказывала всѣмъ, кто только былъ способенъ понимать правду, всю несправедливость и все зло этихъ хлѣбныхъ законовъ. 700 служителей церкви разѣхались по своимъ домамъ, чтобы съ новой энергіей работать надъ созданіемъ того все-сильнаго общественнаго мнѣнія, которое въ концѣ концовъ всегда одерживаетъ побѣду надъ классовыми стремленіями, и митинги собирались въ такомъ количествѣ, что «одни названія тѣхъ мѣстъ, гдѣ они собирались, покрыли бы цѣлыя страницы».

Къ наступленію 1842 г. «вся страна, отъ Корнваллисса до Кэтнесса, находилась въ движеніи. Даже самое краткое описаніе собиравшихся митинговъ составило бы цѣлый томъ».

Для приобрѣтенія денежныхъ средствъ Лига устроила большой базаръ, давшій чистой выручки 10.000 ф. ст.

3 февраля открыта была сессія парламента, а въ на-

¹. Past and Present, кн. I, гл. I.

чалъ слѣдующаго мѣсяца (8 марта) въ Лондонѣ состоялся большой съѣздъ депутатовъ отъ конференцій и ассоціацій противъ хлѣбныхъ законовъ, въ которомъ участвовало до 400 лицъ, явившихся съ инструкціями не соглашаться ни на какіе компромиссы. Это собраніе имѣло нѣсколько болѣе внушительный видъ, чѣмъ собранія делегатовъ въ Лондонѣ во время экономической агитаціи въ 1779—80 гг., когда м-ръ Уивилль съ нѣсколькими единомышленниками заставляли трепетать министерство того времени.

Теперешнее министерство, хотя и не трепетало, чувствовало однакоже нѣкоторое смущеніе, и вожди его сознавали необходимость сдѣлать нѣкоторыя уступки, подать хотя маленькую надежду для того, чтобы тверже удержать то, что ему было всего нужнѣе. Первый министръ, все еще отстаивая существующій законъ, предложилъ нѣкоторыя измѣненія въ подвижной скалѣ¹. «Эта новая пошлина, сказалъ онъ, значительно ослабитъ ту покровительственную поддержку, которую оказываетъ внутреннему производству хлѣба теперешняя пошлина». Далѣе этого правительство не хотѣло идти.

Лига, однакоже, твердо рѣшила не мириться ни съ чѣмъ, кромѣ полной отмѣны пошлины, и съѣздъ депутатовъ постановилъ резолюцію о томъ, что предлагаемое измѣненіе, отнюдь не принося ни малѣйшаго облегченія населенію, является оскорбительною насмѣшкою надъ терпѣливымъ и многострадальнымъ народомъ и они торжественно выражаютъ свой протестъ противъ нея. Послѣ

¹. Слѣдующая таблица поясняетъ предложенное измѣненіе: —

Когда цѣна хлѣба равняется:	Существующая пошлина:	Предлагаемая пошлина:
50 шилл.	36 шилл. 8 п.	20 шилл.
56 »	30 » 8 »	16 »
60 »	26 » 8 »	12 »
63 »	23 » 8 »	9 »
64 »	22 » 8 »	8 »
70 »	10 » 8 »	4 »
73 » и выше		1 » за квар.

того состоялось еще нѣсколько собраній депутатовъ и затѣмъ послѣдніе «разъѣхались, каждый въ свое мѣсто-жительство, чтобы съ удвоенной энергіей возобновить агитацію».

Непремѣннымъ элементомъ агитаціи было также внесеніе въ палату общинъ предложенія въ смыслѣ требованій Лиги, и поэтому м-ръ Вилльерсъ снова выступилъ съ предложеніемъ объ отмѣнѣ пошлинъ на всякаго рода хлѣбъ и муку; но при данномъ составѣ парламента, надежды на успѣхъ было мало и за его предложеніе вотировали въ палатѣ общинъ только девяносто голосовъ, въ палатѣ же лордовъ за подобное же предложеніе подали голоса всего пять членовъ.

Снова стали собираться безчисленные митинги для протеста противъ предложенія министерства, но, несмотря на то, составленный въ этомъ смыслѣ билль былъ принятъ парламентомъ въ апрѣлѣ и получилъ силу закона.

Насколько ушла впередъ эта агитація со всѣми ея петиціями, митингами и рѣчами отъ того, что было предпринимается въ этомъ отношеніи въ эпоху экономической агитаціи, видно съ перваго взгляда изъ цифръ, приводимыхъ Прентайсомъ¹. «Въ теченіе парламентской сессіи, до 2 марта, было представлено петицій противъ хлѣбныхъ законовъ: за отмѣну—630; за отмѣну и свободу торговли—410; за отмѣну пошлинъ на хлѣбъ и покровительственныхъ законовъ—1718; противъ предложенія министерства—123; всего—2881 петиція съ 1.540.755 подписями».

Сравнивая эти цифры съ числомъ петицій, представленныхъ въ 1780 г. м-ромъ Доннингомъ, слѣдуетъ помнить, что эти петиціи не имѣли ничего общаго съ митингами и петиціями чартистской агитаціи, которая какъ разъ въ это время переживала знаменательный моментъ по представленію второй большой петиціи.

Несмотря на новый законъ, цѣна на хлѣбъ продолжала

¹. Prentice, т. I, стр. 328.

подниматься и нужда усиливалась. Въ Лондонѣ собралась новая конференція Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ и отправила депутацію къ первому министру. Предсѣдатель конференціи заявилъ сэру Роберту Пилю, что съ февраля нужда все растетъ, капиталъ терпитъ все большіе убытки, заработокъ уменьшается и промышленность испытываетъ все большее угнетеніе. «Народъ въ точномъ смыслѣ слова гибнетъ тысячами; онъ положительно умираетъ съ голоду, терпѣніе его почти истощилась и онъ начинаетъ проявлять чувства и настроеніе, принимающія въ высшей степени угрожающій характеръ».

Однако, министерство осталось глухо къ этому заявленію; оно не предприняло никакихъ дальнѣйшихъ дѣйствій и 12 августа засѣданія парламента были отсрочены. Около недѣли спустя (20 августа) совѣтъ Лиги собрался въ особое засѣданіе и составилъ воззваніе къ народу Соединеннаго Королевства, въ которомъ онъ, обрисовавъ вкратцѣ дѣятельность Лиги за послѣдніе годы, изложилъ принципы, проповѣдуемые Лигой съ платформы: «Мы заявляемъ о своемъ непоколебимомъ убѣжденіи въ томъ, что несправедливые и безчеловѣчные хлѣбные законы составляютъ главную причину бѣдствій, угнетающихъ рабочее промышленное населеніе, лишая фабричное производство прибыли, сокращая заработокъ рабочихъ и доводя до нищеты и разоренія огромныя массы нашихъ согражданъ; мы желаемъ во всеуслышаніе объявить наше твердо установившееся убѣжденіе, что уже столь густое и все возрастающее въ численности населеніе этой страны не можетъ обезпечить себѣ хорошихъ или хотя бы сносныхъ условій существованія до тѣхъ поръ, пока оно будетъ находиться подъ гнетомъ хлѣбныхъ законовъ и что общественное спокойствіе, даже самая сохранность жизни и собственности не могутъ считаться обезпеченными, когда громадныя массы народа впадаютъ въ такую нищету ¹».

¹. См. Cobden and the League, Henry Ashworth, стр. 101.

Требованіе Лиги о созывѣ парламента, разумѣется, не имѣло надежды на успѣхъ, а при такомъ парламентѣ оно даже и при успѣхѣ не принесло бы пользы. Въ это самое время въ Ланкаширѣ и въ другихъ мѣстахъ королевства произошли крупныя стачки рабочихъ изъ за требованія увеличить заработную плату, но, какъ эти стачки, такъ и послѣдовавшіе за ними весьма серьезные беспорядки, возникли на почвѣ собственно чартистскаго движенія, а не въ связи съ дѣятельностью Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ. Эти событія вызвали въ дѣятеляхъ Лиги «сознаніе необходимости широко популяризировать доктрины ея среди народа и она еще энергичнѣе принялась за распространеніе въ немъ принциповъ свободной торговли».

До сихъ поръ агитация Лиги болѣе или менѣе ограничивалась среднимъ классомъ, что отмѣтилъ и Кобденъ ¹. «Я не отрицаю, говорилъ онъ, того, что рабочіе обыкновенно посѣщали наши лекціи и подписывались подъ нашими петиціями; но поскольку рѣчь идетъ о горячности и дѣйствительности нашей агитаціи, я долженъ признать ее прежде всего движеніемъ средняго класса. Мы и вели ее тѣми путями, какими обыкновенно пользуется средній классъ для своихъ движеній».

Теперь Лига удвоила свои усилія. «Съ окончанія стачекъ и до конца этого года, вся дѣятельность Лиги была одною непрестанною проповѣдью. Было рѣшено сдѣлать до наступленія слѣдующей парламентской кампаніи все, что только возможно, чтобы внушить народу принципы свободной торговли, и это дѣлалось съ большою настойчивостью и энергіей ²».

Передъ вопросомъ о денежныхъ средствахъ для агитации Лига никогда не останавливалась. Въ теченіе октября понадобилось сдѣлать расходовъ на 100.000 ф. ст. и они были покрыты; теперь нужно было открыть подписку еще

¹. На одномъ митингѣ въ Манчестерѣ 25 августа 1842 г.

². Prentice, т. I, стр. 390.

на 50.000 ф. Эта подписка также не встрѣтила затрудненій, для этой цѣли устраивались многочисленныя митинги и вскорѣ были собраны очень крупныя суммы. Не подлежало сомнѣнію, что агитація встрѣчала все большую поддержку все въ большихъ кругахъ общества и къ концу этого года Брайтъ могъ утверждать, что Лига охватила «почти весь средній и рабочій классы Великобританіи ¹».

Въ самомъ началѣ слѣдующаго года (1843) платформа впервые обрѣла себѣ собственное, исключительно ей присвоенное мѣсто, — Free Trade Hall въ Манчестерѣ, гдѣ въ продолженіе почти четырехъ лѣтъ собирался непрерывный рядъ митинговъ, «не имѣющихъ себѣ ничего подобнаго ни въ какой исторіи по количеству участниковъ, единству цѣлей, рѣшимости, воодушевленію и неослабѣвающей вѣрѣ въ успѣхъ, основанной на глубокомъ убѣжденіи въ справедливости того дѣла, которое вызывало эту агитацію и требовало такой неутомимой пропаганды въ обществѣ».

Одно письмо, напечатанное въ The Morning Chronicle, заключаетъ въ себѣ интересное описаніе самой Лиги и раскрываетъ предъ нами внутреннюю работу этой организаціи, заправлявшей проявленіями платформы.

«Въ совѣтѣ Лиги участвовали съ Кобденомъ другіе богатые люди, ничѣмъ особенно не выдѣлявшіеся въ обществѣ, но богатство и торговое значеніе которыхъ извѣстно всему міру. Многіе изъ нихъ хозяева предприятий, на которыхъ работаетъ ежедневно отъ 500 до 2000 рабочихъ... Всѣ члены совѣта, какъ люди дѣловые, относятся къ агитаціи съ тою же точностью и исполнительностью, съ которой они привыкли относиться къ своимъ торговымъ дѣламъ...

«По желѣзнымъ дорогамъ изъ Манчестера ежедневно ѣдутъ, или возвращаются туда, десятки людей для участія въ публичныхъ митингахъ. Почта ежедневно привозитъ

¹. Prentice, т. II, стр. 8.

въ Манчестеръ и увозить изъ него тысячи писемъ, которыя никогда не были бы написаны, еслибы не было Лиги. Печатаются и рассылаются всѣмъ избирателямъ въ королевствѣ брошюры, количество которыхъ доходитъ до трехъ съ половиною тоннъ въ недѣлю, и все это вмѣстѣ представляетъ собою такую громадную духовную силу, исходящую изъ одного центра, какой не только никогда еще не было видано, но которая не могла даже считаться возможною».

Лондонъ, который до сихъ поръ оставался въ сторонѣ, теперь явился ареною усиленной дѣятельности Лиги. Съ декабря 1842 года и до марта 1843 тамъ состоялось 136 митинговъ. Въ театрѣ Друри-Лэнъ былъ устроенъ цѣлый рядъ еженедѣльныхъ митинговъ, на первомъ изъ которыхъ Брайтъ произнесъ рѣчь¹. «Нѣтъ ни одного учрежденія въ этой странѣ, сказалъ онъ,—монархія, аристократія, церковь, или будь это что угодно,—участь котораго я бы не предсказалъ, если только оно признаетъ себя нераздѣльнымъ съ хлѣбными законами. Эта страна имѣетъ въ себѣ все, что наиболее дорого чело-вѣку. Въ сосѣднихъ странахъ мы видѣли, какъ гибли государственныя учрежденія, какъ исчезали съ лица земли престолы, касты, сословія, партіи, но нѣчто всегда переживало общую погибель, и это нѣчто—народъ. Точно также, что бы ни случилось въ этой странѣ, какіе бы перевороты ни свершились, какіе бы порядки ни были уничтожены, народъ всегда останется... Онъ спрашиваетъ теперь у присутствующихъ, въ чемъ состоитъ ихъ долгъ? Въ чемъ состоитъ долгъ всѣхъ ихъ согражданъ? Онъ полагаетъ, что вопросъ, который придется рѣшать теперь, заключается въ томъ: принадлежитъ ли эта страна народу, или же только монополистамъ? Представляютъ ли собою всѣ остальные только простыхъ обитателей этого острова, живущихъ на немъ по снисходительности монополистовъ и землевладѣльцевъ?

¹. 15 марта.

«Возможно ли, чтобы народъ проливалъ потъ на работѣ и не имѣлъ бы чѣмъ питаться? Монополисты говорятъ «да». Онъ, ораторъ, присутствовалъ на митингахъ въ провинціи и провинціи высказали свое мнѣніе и дѣйствуютъ согласно съ нимъ... Собравшіеся здѣсь (жители Лондона) являются центромъ обширной имперіи, судьба которой теперь виситъ на вѣсахъ и которая уже давно ведетъ борьбу съ этою несправедливостью,—борьбу, доведшую ее до истощенія. Провинція, безъ которой Лондонъ не могъ бы существовать, отъ которой онъ получаетъ все свое богатство и которою онъ только и держится,—сдѣлала то, что должны были сдѣлать жители Лондона. Онъ говоритъ отъ имени множества митинговъ, на которыхъ онъ присутствовалъ въ разныхъ мѣстностяхъ страны, и убѣждаетъ ихъ присоединить свой голосъ къ голосу этихъ митинговъ и не переставать взывать къ законодательной власти, пока не наступитъ тотъ счастливый день, когда эта монополія будетъ уничтожена и даръ Божій, ниспосланный для всѣхъ, станетъ дѣйствительно достояніемъ всего народа ¹».

Обычное ежегодное обращеніе къ парламенту было сдѣлано въ палатѣ Вилльерсомъ, который внесъ предложеніе о томъ ², чтобы палата образовала изъ себя комитетъ для пересмотра ввозныхъ пошлинъ на иностранный хлѣбъ съ цѣлью немедленнаго уничтоженія ихъ.

Гладстонъ отвѣтилъ на это предложеніе безусловнымъ несогласіемъ и послѣ пятидневныхъ преній вопросъ былъ рѣшенъ большинствомъ 256 голосовъ, какъ того желало министерство, на сторонѣ котораго оказалось 381 голосъ, а противъ 125. Это раздѣленіе голосовъ указывало на нѣкоторый прогрессъ въ развитіи вопроса о свободной торговлѣ хлѣбомъ, но враждебное ей большинство было однако такъ значительно, что самымъ рьянымъ сторонникамъ Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ было отъ чего

¹. League, Prentice, т. II, стр. 54.

². Parliamentary Debates, т. LXIX, стр. 26, 9 мая.

насть духомъ. Лига, однакоже, отнюдь не падая духомъ, еще съ большей энергіей вооружилась для дальнѣйшей борьбы. Она усиленнѣе, чѣмъ прежде, направила теперь свою дѣятельность на земледѣльческіе округа Англіи и приложила всевозможныя старанія къ тому, чтобы привлечь на свою сторону фермеровъ и земледѣльческихъ рабочихъ. Депутаты Лиги, по большей части члены совѣта, отправлялись по различнымъ торговымъ городамъ и другимъ земледѣльческимъ центрамъ и устраивали тамъ митинги. Кобденъ, Брайтъ и многіе другіе были все время заняты этимъ, не переставая обращаться со своею проповѣдью ко всѣмъ, кто только приходилъ слушать ихъ. Эти митинги имѣли одну особенность, которая чрезвычайно достойна вниманія, а именно ту, что платформою пользовалась на нихъ не только одна сторона для произнесенія своихъ рѣчей, какъ это такъ часто случается въ настоящее время, но она въ полномъ смыслѣ служила для обсужденія вопроса. На этихъ митингахъ сторонники и противники Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ сходились вмѣстѣ, внимательно и терпѣливо выслушивали ораторовъ той и другой стороны, выражая свои чувства и мнѣнія только аплодисментами, согласіемъ или несогласіемъ присоединиться къ той или иной резолюціи.

Въ настоящее время установился обычай, что митинги состояются исключительно изъ сочувствующихъ дѣлу лицъ, и рѣчи оппонентовъ почти не выслушиваются. Въ агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ господствовала, напротивъ того, большая терпимость къ самымъ различнымъ мнѣніямъ и многіе митинги были созываемы спеціально для преній.

Такъ въ Девонпортѣ, въ апрѣлѣ, состоялся митингъ для выслушанія преній по вопросу о хлѣбныхъ законахъ между депутатами Лиги и защитниками монополіи, избранными въ качествѣ представителей отъ мѣстной консервативной ассоціаціи. Одинъ священникъ говорилъ въ

продолженіе двухъ часовъ въ защиту покровительственной системы. Брайтъ отвѣчалъ ему тоже въ продолженіе двухъ часовъ, послѣ чего была вотирована резолюція противъ хлѣбныхъ законовъ, принятая огромнымъ большинствомъ въ пропорціи 20:1.

Въ Оксбриджѣ состоялся подобный же митингъ. Здѣсь Кобденъ говорилъ первымъ и ему возражали защитники хлѣбныхъ законовъ; въ результатѣ митингъ вотировалъ резолюціи противъ этихъ законовъ.

На митингѣ въ Бедфордѣ, въ которомъ участвовали Кобденъ и Муръ, говорили также ораторы противной стороны. Послѣ рѣчей послѣдними была предложена резолюція, «что покровительство національной промышленности, въ особенности же земледѣлію, существенно для благосостоянія страны». Эта резолюція была отвергнута собраніемъ и вмѣсто нея была принята другая объ уничтоженіи всякихъ монополій.

Въ Рейѣ противъ Кобдена и Мура выступилъ съ платформы членъ парламента м-ръ Куртисъ, сказавшій, что онъ «смѣло беретъ состязаться съ Кобденомъ».

На митингѣ въ Гунтингдонѣ съ одной стороны говорили Брайтъ и Муръ, съ другой—нѣсколько землевладѣльцевъ, и затѣмъ собранію были предложены резолюціи.

На большомъ митингѣ графства въ Эссексѣ, въ которомъ участвовало до 6.000 человѣкъ, Кобденъ говорилъ въ теченіе двухъ часовъ, послѣ чего ему возражали нѣкоторые изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, и въ концѣ концовъ митингъ высказался противъ протекціонизма.

Этихъ примѣровъ вполне достаточно. Подобныхъ митинговъ было очень много, на нихъ дѣйствительно происходило настоящее обсужденіе вопроса; ораторовъ той и другой стороны выслушивали обыкновенно съ вниманіемъ и всѣмъ давалась возможность говорить; на нихъ не происходило никакихъ безпорядковъ и обѣ стороны подчинялись окончательному рѣшенію митинга съ боль-

шимъ безпристрастіемъ. Бывали даже митинги для споровъ между сторонниками Лиги и сторонниками хартіи, результатомъ которыхъ бывали резолюціи въ томъ или другомъ смыслѣ. Эти примѣры являются вполне достаточнымъ доказательствомъ того, что на публичныхъ митингахъ можетъ происходить совершенно правильное обсужденіе вопросовъ, что всегда упорно оспаривалось тѣми, кто во что бы то ни стало хотѣлъ отрицать полезность и силу вліянія платформы.

Іюль ознаменовался весьма важнымъ и плодотворнымъ для Лиги событіемъ—избраніемъ Брайта представителемъ отъ Дургама. Эти выборы были результатомъ самой ожесточенной борьбы, такъ какъ противъ Брайта были представители могущественнѣйшихъ интересовъ; но побѣда все же осталась на сторонѣ одного изъ двухъ главныхъ руководителей Лиги, и это было большимъ торжествомъ для послѣдней.

Засѣданія парламента были отсрочены 24 августа 1843 г., и разошелся онъ повидимому все съ тою же твердою рѣшимостью не соглашаться на отмѣну хлѣбныхъ законовъ.

Лига, ни мало не обезкураженная этимъ неуспѣхомъ, немедленно же принялась за дальнѣйшую агитацію. Изъ отчета о дѣятельности Лиги за годъ, оканчивающійся сентябремъ 1843 г.¹, видно, что въ теченіе этого года было прочитано 650 лекцій; делегаты Лиги объѣхали 140 городовъ, изъ которыхъ во многихъ они бывали по два и по три раза; израсходовано было 47.800 ф. ст. и издано безчисленное множество (болѣе 9.000.000 экз.) брошюръ и другихъ изданій.

28 сентября на большомъ митингѣ въ Ковентъ-Гарденѣ Кобденъ изложилъ планъ дѣятельности Лиги на слѣдующій годъ. Этотъ планъ заключалъ въ себѣ много чрезвычайно важныхъ намѣреній и можетъ служить доказательствомъ того, какъ хорошо понимали вожди

¹. Prentice, т. II, стр. 119.

Лиги, въ чемъ заключается единственный путь къ осуществленію ихъ цѣлей. «Лига предполагаетъ пойти еще дальше въ смыслѣ направленія законодательной власти страны по желаемому пути», сказалъ онъ ¹. «Мы намѣрены еще тѣснѣе связать Лигу съ избирателями. Мы убѣждены въ томъ, что избиратели имѣютъ въ своихъ рукахъ всесильную власть... Не наша вина, что составъ этихъ избирателей не совсѣмъ таковъ, какимъ бы мы его хотѣли видѣть,—мы должны считаться съ тѣмъ, что имѣемъ. Не мы виноваты въ томъ, что наша избирательная система такова, что разрозненность избирателей служитъ къ выгодѣ нашихъ враговъ, которые являются вмѣстѣ съ тѣмъ и врагами человечества, ведя борьбу съ нами. Лига проектируетъ связать тѣснымъ союзомъ наиболѣе сильныя группы избирателей съ самыми безпомощными частями населенія». Затѣмъ онъ изложилъ, что именно предполагаетъ предпринять Лига для регистраціи избирателей, чтобы имѣть на выборахъ большинство, и заявилъ при этомъ, что онъ и его товарищи объѣзжаютъ всѣ бурги въ королевствѣ и всѣми силами будутъ стараться убѣдить народъ посылать петиціи своимъ депутатамъ съ просьбою подавать голосъ за предложеніе м-ра Вилльерса въ началѣ будущей сессіи, противодѣйствовать на выборахъ всѣмъ монополистамъ и имѣть своего кандидата на каждое вакантное мѣсто. «Въ намѣреніе Лиги не входитъ рекомендовать дальнѣйшее обращеніе съ петиціями къ палатѣ общинъ... Совѣтъ Лиги рекомендуетъ, напротивъ, избирателямъ не обращаться болѣе съ петиціями къ парламенту—къ этой мѣрѣ уже достаточно обращались—но просить королеву распустить настоящій парламентъ... Для выполненія этихъ намѣреній совѣтъ намѣренъ открыть подписку на 100.000 ф. ст.».

Черезъ мѣсяць послѣ этого въ лондонскомъ Сити оказалось вакантное мѣсто члена парламента и Лига на-

¹. См. *Speeches of Richard Cobden*, edited by J. Bright and T. Rogers, т. I, стр. 71.

прягла всѣ силы, чтобы добиться избранія своего кандидата, м-ра Паттисона. Былъ созванъ большой митингъ въ театрѣ Ковентъ-Гарденъ; въ Манчестерѣ тоже былъ устроенъ большой сочувственный митингъ. Лига одержала побѣду, Паттисонъ былъ избранъ, хотя и очень незначительнымъ большинствомъ, но эта побѣда тѣмъ не менѣе имѣла громадное значеніе.

Тѣмъ временемъ подписка на 100.000 быстро подвигалась впередъ. «Подписка эта производилась всюду на публичныхъ митингахъ, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ былъ уже знаменательной агитаціей». На митингѣ въ Манчестерѣ 14 ноября подписка дала въ теченіе полутора часа 12.000 ф. ст., при чемъ нѣкоторые жертвовали по 500 ф. Въ Ливерпулѣ на митингѣ было собрано 4,600 ф. ст. Въ Глазго, Лидсѣ и Брадфордѣ было собрано въ каждомъ свыше 2.000 ф. ст., во многихъ другихъ городахъ болѣе чѣмъ по 1,000 ф. ст., ни въ одной агитаціи еще не собиралось такихъ крупныхъ пожертвованій.

Осенью этого года произошелъ случай, являющійся любопытнымъ свидѣтельствомъ того, съ какимъ упорствомъ держались нѣкоторыя мѣстныя власти прежнихъ порядковъ. Въ Ворчестерширѣ шерифъ отказался дать разрѣшеніе созвать митингъ по вопросу о хлѣбныхъ законахъ, когда ему была представлена просьба объ этомъ, подписанная лордомъ Соутвеллемъ, сэромъ Э. Блоунтомъ и м-ромъ Р. Скоттомъ, членомъ парламента¹. «Я отказываюсь разрѣшить митингъ съ подобною цѣлью», написалъ въ отвѣтъ шерифъ, какъ будто бы онъ еще могъ препятствовать публичному выраженію общественнаго мнѣнія, какъ это дѣлали его предшественники въ «доброе старое время», къ счастью давно канувшее въ вѣчность. Митингъ, однакоже, былъ созванъ другими лицами и на немъ были вотированы чрезвычайно рѣзко выраженныя резолюціи противъ хлѣбныхъ законовъ.

¹. The Examiner, стр. 633.

Сужденія современниковъ часто имѣютъ большую цѣну и въ этомъ отношеніи нѣкоторыя выдержки изъ статей The Examiner отъ декабря 1843 г.¹, касающіяся дѣятельности Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ, представляютъ не малый интересъ. «По мѣрѣ развитія дѣятельности Лиги, она сдѣлала большіе успѣхи въ приѣмахъ публичнаго обсужденія вопроса, которые сдѣлались выдержаннѣе, методичнѣе. Вмѣстѣ съ сознаниемъ своей силы, Лига приобрѣла и умѣніе направлять эту силу. Учители этой великой школы народной агитации сами вынесли изъ нея много полезныхъ уроковъ. Какъ превосходны воззванія м-ра Кобдена къ земледѣльцамъ, насколько они выше прежнихъ его сужденій, при всѣхъ достоинствахъ послѣднихъ; какъ только онъ вмѣсто нападокъ на ложныя мнѣнія сталъ прибѣгать къ доводамъ въ защиту истины, такъ тотчасъ же онъ поднялся на гораздо большую высоту. Онъ сразу же разсѣялъ пагубное заблужденіе, будто защитники свободной торговли являются врагами земледѣльческихъ интересовъ въ ихъ истинномъ смыслѣ».

Лига неуклонно приобрѣтала все болѣе твердую почву. «Собранія въ закрытыхъ помѣщеніяхъ могутъ не являться выраженіемъ общественнаго мнѣнія», говоритъ Кобденъ, «но собранія на открытомъ воздухѣ въ каждомъ графствѣ, на которыя сходятся люди совершенно посторонніе, въ количествѣ до 3000, 4000, и единодушно высказываются за свободу торговли хлѣбомъ, могутъ служить самымъ положительнымъ доказательствомъ того, что народныя массы стоятъ за отмѣну хлѣбныхъ законовъ».

На митингѣ въ Ковентъ-Гарденъ 30 ноября 1843 г. Кобденъ сказалъ: «Десять или двѣнадцать челоуѣкъ пять лѣтъ тому назадъ основали Лигу. Мы сами не представляемъ изъ себя чего нибудь особенно выдающагося; пусть мы даже невоспитанные, необразованные

¹. The Examiner, 2 ноября 1843 г.

люди, какими наши противники насъ считаютъ; но почему же десятокъ такихъ людей могли довести движеніе до тѣхъ размѣровъ, какихъ оно въ настоящее время достигло? Потому ли, что они агитировали за опредѣленную пошлину? Нѣтъ; если бы они дѣлали это, то все ихъ дѣло рушилось бы, не выдержавъ и шести мѣсяцевъ. Нашу настоящую силу мы пріобрѣли только благодаря тому, что мы держались принципа, что на хлѣбъ вовсе не должно быть пошлыны, не должно быть никакой пошлыны въ пользу какого либо одного класса»¹.

Таковы были мысли, распространявшіяся Лигою въ средѣ народа,—мысли простыя, справедливыя и вполне понятныя, которыя въ концѣ концовъ не могли не восторжествовать.

Наступилъ 1844 годъ и Лига продолжала проповѣдывать эти идеи съ платформы. Брайтъ и Кобденъ дѣятельно работали надъ этимъ въ Шотландіи. На одномъ митингѣ въ Единбургѣ, 11 января, предсѣдательствовавшій на митингѣ лордъ-провостъ слѣдующимъ образомъ описывалъ эту дѣятельность ихъ: «Борцы за свободу торговли, которыхъ мы имѣемъ честь видѣть среди насъ сегодня, пришли на борьбу съ непріателемъ на его собственной территоріи. Они съумѣли просто и дружески объяснить суть дѣла рабочимъ, фермерамъ и лэндлордамъ въ самыхъ отсталыхъ, самыхъ зависимыхъ отъ лэндлордовъ и духовенства, округахъ; они поучали и воодушевляли громадныя толпы народа въ Манчестерѣ, въ Ливерпулѣ, въ Лондонѣ и во всѣхъ большихъ городахъ. Однимъ словомъ, они какъ будто бы вездѣсущи. Газеты каждаго дня сообщаютъ объ ихъ успѣхахъ и въ городахъ и въ деревняхъ, и на югѣ и на сѣверѣ. Вчера они были въ главномъ торговомъ центрѣ Англіи на западѣ, сегодня они въ Единбургѣ, завтра они будутъ въ Пертѣ, послѣ завтра въ Эбердинѣ, и такъ по всей странѣ, съ одного конца ея до другого, проходитъ ихъ побѣдное шествіе.

¹. The Examiner, стр. 761, 1843 г.

Трудъ, который они несутъ, можно назвать геркулесовскимъ, но и успѣхъ его соотвѣтствуетъ его громадности».

Наканунѣ Брайтъ говорилъ на банкетѣ въ Гласго. «Я имѣю достаточно основаній говорить то, что я говорю. Мы присутствовали на сотняхъ митинговъ. Никому во всей Англіи не приходилось вступать въ общеніе со столькими изъ своихъ согражданъ, со сколькими видѣлись мы. Мы обмѣнялись самыми искренними и сердечными рукопожатіями съ сотнями тысячъ просвѣщенныхъ жителей страны и мы имѣемъ полное основаніе говорить, что средніе классы, которые и представляютъ собою наиболѣе просвѣщенную и наиболѣе могущественную часть населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и избирателей, находятъ этотъ законъ дурнымъ и несправедливымъ проявленіемъ власти»¹.

Въ концѣ января Кобденъ заявлялъ: «вопросъ, поднятый нами, мало по малу сдѣлался великимъ народнымъ и политическимъ вопросомъ. Дѣло, за которое мы боремся, занимаетъ теперь первое мѣсто въ государствѣ».

Интересную характеристику этого періода агитаціи мы имѣемъ въ статьѣ Tait's Magazine; мы приводимъ ее, какъ образчикъ современнаго сужденія о дѣятельности Лиги.

«А г и т а ц і я Л и г и.—Какое поразительное явленіе представляетъ собою эта Лига! Какъ она растетъ съ каждымъ днемъ, и несмотря ни на какія обстоятельства. Дороговизна и дешевизна продуктовъ, дурные урожаи и хорошіе урожаи, промышленные кризисы и оживленіе промышленной дѣятельности, бездѣйствіе противниковъ или самое активное противодѣйствіе со стороны ихъ,—все способствуетъ успѣху Лиги, ничто ей не мѣшаетъ, она перевариваетъ и ассимилируетъ всевозможные элементы, живетъ и разрастается на всякой почвѣ и продолжаетъ свою работу съ силою, неуклонностью, точностью и правильностью паровой машины, подчиняющими себѣ все кругомъ и дѣлающими уже недалекій полный успѣхъ столь

¹. См. The League, 20 января 1844 г.

же несомнѣннымъ, какъ еслибы полная и немедленная отмѣна хлѣбныхъ законовъ уже подготовлялась къ опубликованію. Эта лига дѣлаетъ великое и благородное дѣло. Она проповѣдуетъ ученіе Адама Смита съ подмостковъ театровъ, на базарныхъ площадяхъ городовъ, собираетъ во имя его большинство на лондонскихъ городскихъ выборахъ и встрѣчаетъ благодарное къ себѣ отношеніе со стороны митинговъ графствъ. Она спускаетъ великобританскую аристократію съ седьмого неба верхней палаты, на которомъ она возсѣдала подобно богамъ Эпикура, и приводитъ ее на скамью подсудимыхъ къ суду общественнаго мнѣнія, гдѣ она является только людьми; заставляетъ этихъ гордыхъ и изнѣженныхъ людей выслушать себѣ приговоръ и преклониться предъ нимъ».

Лига никогда не испытывала недостатка въ деньгахъ. Онѣ текли къ ней въ изобиліи. Подписка на 100.000 ф. ст. была быстро покрыта. «Теперь Лига встрѣчаетъ поддержку въ лучшей части прессы, какъ въ Лондонѣ, такъ и въ провинціи. Каждая рѣчь передается газетами и милліоны читателей слѣдятъ за рѣчами Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ съ большимъ интересомъ, чѣмъ за преніями въ парламентѣ». Въ Лондонѣ въ Ковентъ-Гарденѣ собирались еженедѣльные митинги. «Въ парламентѣ великій вопросъ являлся предметомъ обсужденія въ двухъ-трехъ засѣданіяхъ въ теченіе сессіи, но за тотъ же періодъ времени онъ могъ обсуждаться тридцать разъ передъ аудиторіей, въ десять разъ болѣе многолюдной¹». «Если эти митинги, къ голосу которыхъ прислушивается вся Европа, будутъ продолжаться», сказалъ Кобденъ на одномъ изъ нихъ, «и будутъ столь же многолюдны, сохраняя при этомъ все тотъ же приличный и спокойный характеръ, какъ и теперь, то неужели вы думаете, что ихъ вліяніе не почувствуется очень скоро и въ другомъ мѣстѣ, котораго я теперь не назову, но которое находится неподалеку отъ Parliamentary Street» (т. е. въ пар-

¹. Prentice, г. II, стр. 164,

ламентѣ)¹. Хотя успѣхъ Лиги и безъ того быстро возросъ, теперь найдено было нужнымъ обратиться къ новымъ приемамъ агитаціи, о которыхъ Кобденъ говорилъ въ сентябрѣ предъидущаго года. Платформа, какъ я замѣтилъ уже, можетъ, не прибѣгая къ активнымъ революціоннымъ средствамъ, оказывать политическое воздѣйствіе въ желательномъ направленіи двумя путями: одинъ путь заключается во вліяніи на самое образованіе состава палаты общинъ, другой въ давленіи, которое она можетъ оказывать на дѣятельность уже избранныхъ представителей.

Лига употребляла всѣ усилія, чтобы дѣйствовать вторымъ путемъ и всячески старалась вліять на членовъ парламента. Но митинги, созываемые Лигою, не носили столь вызывающаго характера, чтобы возбуждать страхъ въ членахъ парламента, да Лига и не стремилась внушать страхъ, какъ это было во время агитаціи за реформу. Она обращалась къ парламенту съ петиціями, но тщетны были всѣ формы обращенія къ законодательной власти: народныя петиціи оставались безъ всякаго вниманія, запросы въ палатѣ оставались безъ отвѣта, а вносившіяся въ нее предложенія отвергались².

Въ 1839 г. представленныя парламенту петиціи имѣли до 500,000 подписей; съ каждымъ годомъ это число увеличивалось, пока, наконецъ, въ 1843 г. оно не дошло до 1.700.000 и, когда все это не имѣло никакого результата, то было рѣшено прекратить эту бесплодную подачу петицій. Вожаки Лиги рѣшили попытаться теперь дѣйствовать инымъ путемъ. Какъ характерно выразился В. Фоксъ на митингѣ въ Ковентъ-Гарденѣ³: «Мы не будемъ обращаться къ законодательнымъ палатамъ въ эту сессію. Довольно петицій! Члены палаты общинъ! Члены

¹. Cobden's Speeches, стр. 130, 8 февраля.

². См. рѣчь м-ра Вилльерса, члена парламента. въ Аштонѣ, въ январѣ 1844 г.

³. 24 января 1844 г.

палаты лордовъ! Дѣлайте, что хотите, но мы обратимся теперь къ вашимъ повелителямъ. (Оглушительные крики одобренія, не прекращавшіеся въ теченіе довольно долгаго времени). Лига обратится теперь къ избирателямъ, къ тѣмъ, кто создаетъ законодателей, и скажетъ имъ, что ихъ созданіе неудовлетворительно, и научить ихъ, какъ исправить его при первомъ случаѣ. Мы вступаемъ въ бой, но оружіемъ нашимъ будетъ не клевета, обманъ или подкупъ, какъ это ложно распространяють о насъ; — нѣтъ, — мы обратимся къ свойствамъ, облагораживающимъ человѣчество — къ разуму и независимости тѣхъ, въ чьихъ рукахъ находится политическая власть».

Кобденъ говорилъ въ февралѣ въ Манчестерѣ: «Лэди и джентльмены, ваше дѣло еще не окончено, оно только начинается. Я не хочу этимъ сказать, чтобы и въ будущемъ была необходимость столько же говорить и шумѣть, какъ до сихъ поръ. Я не думаю, чтобы это было нужно. Настаетъ время, когда намъ, людямъ, выступавшимъ съ такимъ шумомъ и блескомъ, придется ступать, и когда настоящую жатву будутъ пожинать тѣ, кто удовольствуется тихою и незамѣтною, но упорною и настойчивою работою въ каждомъ избирательномъ округѣ. Дальнѣйшее развитіе вопросъ, изъ-за котораго мы боремся, долженъ получить въ регистраціонныхъ комитетахъ, составляющихъ списки избирателей, а не на публичныхъ митингахъ. Къ чему призывалъ свою партію сэръ Робертъ Пиль, и что дѣлала она? Десять лѣтъ тому назадъ, имѣя противъ себя громадное большинство и по видимому почти безъ всякой надежды на то, чтобы партія его снова могла вернуться къ власти, онъ провозгласилъ въ Merchant Taylor's Hall'ѣ: „регистрауйте, регистрируйте!“ Его сторонники принялись за дѣло; они обратили все свое вниманіе на процедуру составленія изби-

¹. Рѣчь, о которой здѣсь говорится, была произнесена въ Tamworth'ѣ, а не въ Merchant Taylor's Hall'ѣ. См. выше, стр. 187.

рательныхъ списковъ; они приложили всѣ старанія къ тому, чтобы люди, которымъ они могли довѣрять, приобрѣтали избирательныя права, и они выиграли свое дѣло, какъ оно ни казалось безнадежнымъ, не созвавъ ни одного митинга, не произведя ни одной демонстраціи. Будемъ же и мы, въ нашемъ правомъ дѣлѣ, дѣйствовать подобнымъ же образомъ, покажемъ, что и мы можемъ взять примѣръ съ нашихъ противниковъ и обратимся къ регистраціоннымъ комитетамъ; будемъ доставлять людямъ избирательныя права, будемъ стараться о томъ, чтобы этими правами обладалъ всякій сторонникъ свободной торговли и даже всякій честный человѣкъ, хотя бы онъ и не былъ сторонникомъ свободной торговли. Постарайтесь изучить всѣ пути, какими добываются избирательныя права, узнайте, какіе и когда нужно платить подати, научитесь, какъ отстаивать свои права въ регистраціонныхъ комитетахъ. Приложите къ этому всѣ свои силы, и дѣло наше будетъ навѣрное выиграно, какъ было выиграно дѣло нашихъ противниковъ, и если мы не выиграемъ его этимъ путемъ, то я твердо увѣренъ, что мы его совсѣмъ не выиграемъ».

Хотя Лига такимъ образомъ сосредоточила свою дѣятельность внѣ парламента, однако этотъ вопросъ, теперь всего сильнѣе занимавшій умы, неизбѣжно долженъ былъ быть поднятъ и въ парламентѣ въ эту же сессию, и 12 марта Кобденъ внесъ въ палату предложеніе о разслѣдованіи вліянія покровительственныхъ пошлинъ на интересы фермеровъ и земледѣльцевъ, но предложеніе было отвергнуто палатою ¹. 25 іюня м-ръ Вилльерсъ внесъ предложеніе объ образованіи комитета изъ всего состава палаты для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ вопросовъ, среди которыхъ однимъ изъ главныхъ былъ вопросъ объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ.

Сэръ Робертъ Пиль, защищая политику министерства, заявилъ, что «земледѣліе въ этой странѣ требуетъ покрови-

¹. 244 голосами противъ 153.

тельственой системы, какъ по соображеніямъ справедливости, такъ и по соображеніямъ цѣлесообразности. Министерство не предполагаетъ измѣнять хлѣбныхъ законовъ 1842 г.» Палата общинъ, раздѣляя его мнѣнія, отвергла и это предложеніе¹. Раздѣленіе голосовъ указывало на нѣкоторый шагъ впередъ, но разница оказалась болѣе въ уменьшеніи большинства, чѣмъ въ возрастаніи меньшинства.

Въ теченіе лѣта въ движеніи противъ хлѣбныхъ законовъ принялъ участіе новый элементъ—въ нѣкоторыхъ округахъ земледѣльческіе рабочіе начали обращаться къ платформѣ, устраивая митинги, на которыхъ громко выражалось недовольство существующей покровительственной системой². League, органъ Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ, совершенно вѣрно замѣтилъ, что «трудно оцѣнить достойнымъ образомъ все значеніе подобныхъ митинговъ; они представляютъ собою предохранительные клапаны во время народнаго бѣдствія; наше правительство должно бы было радоваться тому, что земледѣльческое населеніе выражаетъ свое недовольство въ такой мирной и конституціонной формѣ, такъ какъ это доказываетъ, что въ немъ еще не угасла вѣра въ возможность исправленія зла и что оно не склонно прибѣгать къ тѣмъ безумнымъ мѣрамъ, которыя могутъ быть подсказаны отчаяніемъ». Впрочемъ такіе митинги служили скорѣе лишь проявленіемъ успѣшнаго развитія платформы и не могли оказать дѣйствительной помощи движенію, такъ какъ рабочее

¹. 330 голосами противъ 142.

². Плэсъ въ своей Рукописи, 27,821, стр. I, говоря о чартизмѣ, пишетъ: «Въ январѣ 1839 г. въ Саксмундгамѣ состоялся митингъ, на которомъ участвовали по большей части земледѣльческіе рабочіе. Это былъ первый большой митингъ изъ этого класса людей. Предсѣдательствовалъ лавочникъ и митингъ начался съ длинной молитвы, на которую тысяча голосовъ отвѣчали аминь. Самымъ замѣчательнымъ въ этомъ митингѣ было всеобщее неодобреніе хлѣбныхъ законовъ и желаніе ихъ отмѣны».

земледѣльческое населеніе не пользовалось правомъ голоса и не могло вліять на парламентъ.

Гораздо болѣе значенія имѣло другое событіе, случившееся около того же времени, а именно митингъ, на которомъ рознь, существовавшая между лигѣрами и чартистами, разразилась наконецъ въ открытой формѣ и который, можно сказать, послужилъ поворотнымъ пунктомъ, опредѣлившимъ весь дальнѣйшій ходъ этихъ двухъ движеній. Это событіе прекрасно описано у Гаммаджа, который самъ былъ чартистомъ¹. «Лига противъ хлѣбныхъ законовъ, пишетъ онъ, въ послѣднее время одерживала верхъ надъ своими противниками (чартистами). О'Конноръ не одинъ разъ предлагалъ Кобдену вступить съ нимъ въ пренія по этимъ вопросамъ, но послѣдній всякій разъ отклонялъ предложеніе. Однакоже, однажды, въ Брэдфордѣ, Кобденъ самоувѣреннымъ тономъ произнесъ слѣдующее: „найдется ли такой человѣкъ, который согласился бы вступить въ споръ по этому поводу и утверждать, что хлѣбный законъ справедливъ?“ О'Конноръ тотчасъ же принялъ брошенный такимъ образомъ вызовъ; но Кобденъ уклонился на этотъ разъ отъ состязанія съ О'Конноромъ.

«Однакоже, обстоятельства сложились такъ, что въ скоромъ времени этимъ двумъ лидерамъ пришлось встрѣтиться на одной и той же платформѣ. Кобденъ и Брайтъ получили приглашеніе изъ Нортгамптона говорить на публичномъ митингѣ на базарной площади этого города. Чартисты съ своей стороны послали такое же предложеніе О'Коннору... Оба приглашенія были приняты. Въ часъ пополудни назначеннаго дня Кобденъ и Брайтъ, сопровождаемые своими друзьями и приверженцами, взошли на подмости и были встрѣчены громкими привѣтственными криками сторонниковъ Лиги... Вскорѣ послѣ этого прибыли О'Конноръ, Уилеръ, Клэркъ, Макъ Гратъ, въ сопровожденіи мѣстныхъ лидеровъ чартизма, и были

¹. G a m m a g e, стр. 272.

встрѣчены такими же привѣтствіями со стороны чартистской части собранія. Значительная же часть собранія, повидимому, не принадлежала ни къ той, ни къ другой партіи, но желала выслушать обѣ стороны и составить свои заключенія».

Предсѣдателемъ былъ избранъ м-ръ Грэнди, владѣлецъ чугунно-литейнаго завода. «Первымъ говорилъ Кобденъ. Онъ предложилъ резолюцію, гласившую, что „хлѣбные законы также какъ и всѣ другіе законы, ограничивающіе свободу торговли въ интересахъ одного класса, несправедливы и должны подлежать отмѣнѣ“. Въ развитіе этого положенія онъ постарался привести самые убѣдительные аргументы. Чувствовалось, однако, что онъ стоитъ не на твердой почвѣ, и что его доводы будутъ разбиты болѣе вѣскими фактами и болѣе убѣдительными аргументами О'Коннора; но тѣхъ, кто ожидалъ этого, должно было постигнуть полное разочарованіе. Что О'Конноръ произнесъ превосходную рѣчь, едвали не самую красно-рѣчивую изъ всѣхъ его рѣчей, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, но въ качествѣ возраженія Кобдену, она должна быть признана совершенно неудачною. Онъ коснулся всѣхъ вопросовъ лишь самымъ поверхностнымъ образомъ, ни разу не затронувъ самой сути дѣла. Все время, пока онъ говорилъ, сторонники его думали, что все это только предисловіе, когда же онъ, окончивъ рѣчь, длившуюся три четверти часа, сѣлъ на мѣсто, на лицахъ всѣхъ было выраженіе полнаго недоумѣнія. Когда онъ входилъ на подмости, чтобы говорить, его привѣтствовали громкими и продолжительными криками, когда же онъ возвращался на мѣсто, то выраженія одобренія были очень слабы и быстро замолкли. Неблагопріятное впечатлѣніе усиливалось тѣмъ, что рѣчь его была очевидно подготовлена заранее. Когда онъ кончилъ, на лицахъ вождей Лиги видно было нескрываемое торжество. Они чувствовали, что въ отношеніи къ О'Коннору дѣло ихъ выиграно».

Говорили также и другіе изъ наиболѣе выдающихся чартистовъ. Вслѣдъ за Макъ Гратомъ (одинъ изъ чартистовъ) выступилъ Брайтъ и «не пожалѣлъ самаго ѣдкаго сарказма по поводу рѣчи О'Коннора, что имѣло значительный успѣхъ. Послѣ того пробовалъ говорить Клэркъ, но слушатели были очевидно уже утомлены и предсѣдатель предложилъ голосовать поправку О'Коннора и первоначальное предложеніе, при чемъ оказалось, что послѣднее принято собраніемъ. Мы ясно видѣли», пишетъ Гаммаджъ (очевидно стараясь хоть этимъ утѣшить себя), «что большинство стояло за поправку, но большинство это было очень незначительно. Еслибы дѣло велось какъ слѣдуетъ, то получилось бы громадное большинство. Такимъ образомъ 15 августа 1844 г. О'Конноръ доставилъ Лигѣ величайшую побѣду, какую она когда либо одерживала».

Преслѣдуя свою новую политику, Лига въ теченіе всей осени не обращалась къ платформѣ и все свое вниманіе обратила на регистрацію избирателей. «Дѣло распространенія надлежащихъ понятій въ значительной мѣрѣ уже сдѣлано. Общественное мнѣніе не замедлило встать на правильную точку зрѣнія. Теперь главная цѣль заключается въ томъ, чтобы обезпечить реальные результаты ¹⁾».

Въ одной своей рѣчи въ Манчестерѣ Кобденъ сказалъ: «Вы не добьетесь отмены этой системы, если путемъ энергическихъ усилій не поставите себя въ положеніе, при которомъ вы будете въ состояніи проводить ваши принципы въ жизнь. Одни слова здѣсь не помогутъ сдѣлать этого. Мы можемъ доказать нашимъ противникамъ, что они не правы, но мы не можемъ заставить ихъ поступать такъ, какъ мы считаемъ нужнымъ, если у насъ нѣтъ на это силы» Отъ лозунга «регистраруйте» онъ рекомендовалъ перейти къ дальнѣйшему шагу: «пріобрѣтайте цензъ, дающій избирательныя права». «По всей странѣ, со всѣхъ подмостковъ,

¹⁾ Prentice, т. III, стр. 249.

на которые мы только можемъ взойти, мы неустанно будемъ провозглашать—„пріобрѣтайте цензъ“!

Разъясняя свой планъ, Кобденъ говорилъ: «контингентъ избирателей въ графствахъ можетъ быть увеличиваемъ до безконечности. Для того, чтобы человекъ пользовался правомъ голоса, онъ долженъ обладать фригольдомъ, оцѣненнымъ въ 40 шилл. ежегоднаго дохода». Этотъ цензъ онъ считаетъ совершенно номинальнымъ и вполне достижимымъ для каждаго, желающаго и умѣющаго взяться за дѣло, человека. «Для меня не подлежитъ сомнѣнію, что каждое графство, въ которомъ имѣется многочисленное городское населеніе, какъ на примѣръ въ Ланкаширѣ, въ западномъ Йоркширѣ, въ южномъ Стаффордширѣ, сѣверномъ Чеширѣ, Миддлсексѣ, Сѣрреѣ, Кентѣ и во многихъ другихъ, собственно говоря, каждое графство, лежащее по берегу моря или имѣющее много фабрикъ, можетъ дать громадное число избирателей, если только убѣдить населеніе, чтобы оно настойчиво и неуклонно старалось о пріобрѣтеніи требуемаго ценза, какъ это уже сдѣлало населеніе южнаго Ланкашира. Такимъ образомъ мы можемъ пріобрѣсти на свою сторону цѣлыя графства». И Кобденъ настойчиво убѣждалъ своихъ слушателей пріобрѣтать цензъ, а съ нимъ и право выбирать представителей. Онъ говорилъ имъ, что они не могутъ найти лучшаго употребленія своихъ сбереженій.

«Этотъ планъ, по словамъ одной статьи въ Tait's Magazine, несомнѣнно могъ быть выработанъ только такимъ опытнымъ и искуснымъ агитаторомъ, какъ Кобденъ, и долженъ былъ оказаться могущественнѣйшимъ средствомъ не только въ дѣлѣ достиженія свободы торговли, но и въ проведеніи всякихъ иныхъ вопросовъ, касающихся народныхъ правъ и упорядоченія правительственной системы».

Платформа однако не долго оставалась въ бездѣйствіи и въ началѣ 1845 г. мы снова видимъ ея оживленіе.

Она являлась слишкомъ цѣннымъ и могущественнымъ пособникомъ въ дѣлѣ, чтобы не пользоваться ею въ теченіе продолжительнаго времени.

Митинги въ Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ свидѣлствуютъ о громадной популярности платформы въ то время. Даже Кобденъ былъ пораженъ ею. Въ своей рѣчи 15 января, на одномъ изъ этихъ митинговъ, онъ сказалъ: «Увѣряю васъ, что я, который, можно сказать, послѣдніе три года жилъ на публичныхъ митингахъ, пораженъ тѣмъ, что я вижу... Но когда мы примемъ во вниманіе, что этотъ митингъ есть лишь одинъ изъ многихъ, и вспомнимъ о многихъ подобныхъ же многочисленныхъ собраніяхъ, при чемъ на нихъ не было ни одинаго случая какихъ либо недоразумѣній, нарушенія порядка или даже простого приличія,—то станетъ яснымъ, что митинги эти приобрѣли такую нравственную силу, противъ которой, я полагаю, не можетъ устоять никакой несправедливый законъ».

Агитація въ пользу прибрѣтенія фригольдовъ съ своей стороны дала новую пищу дѣятельности платформы, вызвавъ множество митинговъ, имѣвшихъ огромный успѣхъ, такъ что тысячи людей прибрѣтали фригольды для избирательнаго ценза.

В. Фоксъ въ рѣчи, произнесенной имъ на томъ же митингѣ, выяснилъ многочисленныя выгоды такого образа дѣйствій: «Этотъ планъ заключаетъ въ себѣ хорошую моральную сторону помимо даже той цѣли, которую онъ непосредственно преслѣдуетъ. Онъ имѣетъ въ виду оказать воздѣйствіе на настроеніе рабочаго населенія страны—на рабочіе классы—на трудящуюся часть среднихъ классовъ; онъ раскрываетъ передъ ними надежды, способныя поднять ихъ духъ. Онъ говоритъ имъ: „становитесь собственниками хотя бы какой нибудь маленькой частицы нашей англійской земли, прибрѣтайте себѣ почву въ странѣ; будьте въ ней чѣмъ нибудь“... Это даетъ имъ осязательную связь съ обществомъ,—со-

знаніе независимости и чувство справедливой гордости. Это ставитъ ихъ въ положеніе, которое считалось необходимымъ для гражданъ въ древнихъ республикахъ и ведетъ къ пробужденію въ нихъ чувствъ, всего болѣе содѣйствующихъ образованію ихъ характера въ смыслѣ твердости, порядочности и достоинства».

Для пріобрѣтенія средствъ на дальнѣйшее веденіе агитаціи былъ устроенъ другой большой базаръ, въ Лондонѣ, давшій самые благопріятные результаты.

Еще разъ, а именно 10 іюня, Вилльерсъ внесъ въ парламентъ предложеніе объ образованіи комитета изъ всего состава палаты для разсмотрѣнія резолюцій объ отмѣнѣ всѣхъ ограниченій ввоза иностраннаго хлѣба, и еще разъ потерпѣлъ пораженіе ¹.

Въ это время Кобденъ повидимому пришелъ къ сознанію, что онъ совершаетъ крупную ошибку, а именно въ томъ, что онъ мало пользуется своимъ положеніемъ въ парламентѣ для содѣйствія агитаціи. Агитація въ парламентѣ всегда служитъ хорошимъ средствомъ для возбужденія дѣятельности платформы; горячіе дебаты въ палатѣ всегда являются сильнымъ толчкомъ для публичнаго обсужденія этихъ вопросовъ внѣ парламента; какъ мы видѣли, петиціи часто посылались въ парламентъ именно въ такой формѣ, чтобы непременно возбудить пренія. Пренія въ парламентѣ во многихъ случаяхъ являлись поводомъ для обсужденія вопроса внѣ парламента; благопріятный исходъ голосованія дѣйствовалъ самымъ возбуждающимъ и поощряющимъ образомъ на платформу, по какому бы вопросу она ни поднимала агитаціи, тогда какъ неудача въ парламентѣ часто дѣйствовала на нее самымъ подавляющимъ образомъ. Оба эти института связаны до такой степени тѣсною и неразрывною связью, что всякое движеніе въ одномъ изъ

¹. При голосованіи за его предложеніе получилось . . . 122 гол.
Противъ . . . . . 254 »
Большинство противъ . . . . . 132 »

нихъ непремѣнно немедленно же отражается на другомъ. Быть можетъ Кобдену помогло придти къ сознанию ошибки то обстоятельство, что урожай въ этомъ году былъ очень хорошъ и чувствовалось нѣкоторое охлажденіе рвенія къ борьбѣ за отмѣну хлѣбныхъ законовъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ отклоненія палатою предложенія Вилльерса, Кобденъ сказалъ въ одной рѣчи, которую онъ произнесъ въ Лондонѣ: «Палата общинъ въ концѣ концовъ, вовсе уже не такое неподходящее мѣсто для агитаціи. Въ прошломъ году мы совершили крупную ошибку въ самомъ началѣ сессіи; по зрѣломъ размышленіи мы пришли къ заключенію, что мы можемъ лучше употребить свои силы внѣ парламента, посѣщая графства и сельскіе округа и агитируя въ странѣ; въ этомъ году мы измѣнили свою тактику и находимъ, что парламентъ, въ концѣ концовъ, представляетъ собою наилучшее мѣсто для агитаціи. Говоря въ палатѣ, вы говорите во всеуслышаніе, вамъ внимаютъ весь міръ, и если у васъ есть чѣмъ ударить, то ударъ вашъ почувствуется во всемъ королевствѣ». Однакоже на такое признаніе съ его стороны силы слова въ парламентѣ совсѣмъ не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на отрицаніе силы слова съ платформы и въ той же самой рѣчи онъ говоритъ: «Я полагаю, что мы должны чувствовать глубокую признательность митингамъ, подобнымъ настоящему, которые высказываются за наше дѣло, поощряютъ общественныхъ дѣятелей въ борьбѣ за него, способствуютъ распространенію понятій, провозглашавшихся въ этомъ зданіи, въ которомъ намъ удалось довести общество до такого уваженія къ общественному мнѣнію, которое заставило его признать справедливость нашихъ принциповъ¹».

Было бы интересно знать, сколько времени понадобилось бы Лигѣ для достиженія своей цѣли, если бы все шло такъ, какъ въ послѣдніе годы. Имѣли бы не-

¹. См. The League, 5 іюля, стр. 642.

устанные труды ея руководителей своимъ результатомъ на слѣдующихъ же общихъ выборахъ такое парламентское большинство, которое провело бы отмѣну хлѣбныхъ законовъ? Вопросъ этотъ долженъ остаться нерѣшеннымъ, такъ какъ прежде, чѣмъ наступили выборы, совершилось событіе, которое кореннымъ образомъ измѣнило положеніе дѣла. Съ самаго начала іюля уже стали возникать опасенія относительно результатовъ урожая. Въ продолженіе всего мѣсяца народъ не переставалъ колебаться между страхомъ и надеждой. Въ августѣ онъ уже былъ пріисполненъ тревоги. Еще до исхода этого мѣсяца не оставалось сомнѣнія, что урожай не можетъ быть удовлетворителенъ, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ стало ясно, что онъ будетъ отчаянно плохъ. Изъ Ирландіи, гдѣ изъ 8.500.000 населенія почти 5.000.000 жило исключительно однимъ картофелемъ, пришла ужасная вѣсть, что картофель совсѣмъ не уродился и что голодъ неизбеженъ. Вѣроятность, почти несомнѣнность того, что тысячи людей должны умереть съ голоду, поразила Англію, какъ грозная и неминуемая бѣда.

Съ приближеніемъ бѣдствія Лига удвоила свою дѣятельность. 28 октября былъ собранъ большой митингъ членовъ Лиги въ Trade Hall въ Манчестерѣ, на которомъ присутствовало до 8.000 человекъ.

«Какъ помочь?» спрашивалъ Кобденъ въ произнесенной имъ на этомъ митингѣ рѣчи. «Вы скажете—откройте порты и впустите хлѣбъ со всего міра, чтобы накормить народъ. Вотъ прямое и несомнѣнное средство помощи»... «Но, продолжалъ онъ, я бы желалъ убѣдить васъ, что намъ нужно не только то, чтобы порты были открыты, намъ нужно еще сдѣлать такъ, чтобы ихъ уже никогда потомъ нельзя было опять закрыть... Я убѣжденъ въ томъ, что часъ нашей побѣды близокъ. Но мы не должны прекращать нашей работы; напротивъ того, мы должны дѣйствовать еще съ большимъ рвеніемъ, съ боль-

шей энергіей, чѣмъ до сихъ поръ. Когда силы врага расшатаны, тогда и нужно наступать на него. И ко всѣмъ, кто сочувствуетъ нашему дѣлу, въ комъ живутъ человѣческія чувства и кто не остается равнодушнымъ ко благу своихъ собратьевъ, кто боится наступленія нужды или голода, я обращаюсь съ призывомъ употребить всѣ свои силы на то, чтобы предотвратить эту грозную и неминуемую бѣду».

Говорилъ также м-ръ Ашвортъ: «Умоляю васъ, если вы хотите избавить народъ отъ угрожающаго ему голода, сплотитесь во-едино, дѣйствуйте дружно и не жалѣя силъ, и какъ подвижная скала, такъ и постоянная пошлина будутъ уничтожены разъ навсегда».

Брайтъ также произнесъ длинную рѣчь: «Мы не предлагаемъ вамъ никакой перемѣны въ тактикѣ. Мы не предлагаемъ вамъ никакого новаго способа, которымъ мы надѣялись бы добиться отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Семь лѣтъ работы и результаты этой семилѣтней работы показали, насколько мы дѣйствовали правильно. Въ будущемъ не должно быть никакихъ колебаній. Все прошлое побуждаетъ насъ продолжать идти по тому же пути».

Мемуары сэра Роберта Пиля здѣсь снова раскрываютъ предъ нами сокровенныя мысли и намѣренія правительства. 27 октября сэръ Грэгамъ предупредилъ сэра Роберта Пиля: «Лига противъ хлѣбныхъ законовъ начинаетъ свой походъ, который обѣщаетъ быть самымъ могущественнымъ движеніемъ нашего времени. Все зависитъ отъ искусства, быстроты и рѣшительности, съ которыми оно будетъ встрѣчено ¹».

О намѣреніяхъ Пиля говоритъ его министерскій меморандумъ отъ 1 ноября этого года:

«Я не могу не видѣть, что созывъ парламента въ виду ожидаемаго голода, запрещеніе вывоза хлѣба за границу, отмѣна запретительныхъ пошлинъ на ввозъ

¹. Мемуары Пиля, т. II, стр. 136.

(санкціонированная, какъ это было въ Бельгіи, единогласнымъ постановленіемъ обѣихъ палатъ), ассигнованіе государственныхъ суммъ для поддержанія части населенія,—породитъ огромныя осложненія и что для правительства, послѣ созыва парламента, будетъ рисковано оказывать энергическое сопротивленіе существеннымъ измѣненіямъ хлѣбныхъ законовъ... Мы должны сдѣлать выборъ между непреклонною рѣшимостью настаивать на своемъ и между измѣненіемъ или отмѣною хлѣбныхъ законовъ ¹».

6 ноября Пиль предложилъ своимъ товарищамъ по кабинету «издать королевскій указъ о пониженіи пошлины на хлѣбъ до одного шиллинга и объ открытіи портовъ для ввоза всѣхъ сортовъ хлѣба по пониженной пошлинѣ впредь до назначеннаго въ указѣ дня». Но это предложеніе не встрѣтило сочувствія среди остальныхъ членовъ кабинета.

Въ это же время ему совѣтовали распустить парламентъ. «Но, говоритъ онъ въ своихъ Мемуарахъ, мнѣ казалось, что имѣются существенныя возраженія противъ того, чтобы наканунѣ общихъ выборовъ заявить избирателямъ о намѣреніи отмѣнить хлѣбные законы съ цѣлью вызвать выраженіе ихъ взглядовъ по этому вопросу. По моему мнѣнію, такое обращеніе къ нимъ могло бы породить нежелательный конфликтъ между различными общественными классами и явиться препятствіемъ для безпристрастнаго обсужденія вопроса въ парламентѣ, члены котораго по всей вѣроятности были бы заранѣе связаны опредѣленными заявленіями и взятыми на себя обязательствами, вслѣдствіе чего они внесли бы въ это обсужденіе, избѣжать котораго не было бы возможности, всю страстность и воинственность, которыя придадо вопросу внѣпарламентское движеніе ²».

13 ноября въ Бирмингамѣ былъ данъ публичный

¹. Мемуары Пила, т. II, стр. 146.

². Ibid., т. II, стр. 166.

обѣдъ въ честь м-ра Виллѣерса, послужившій поводомъ для большой демонстраціи въ пользу свободы торговли. М-ръ Виллѣерсъ произнесъ длинную рѣчь.

«Джентльмены,---правительство не пришло еще ни къ какому рѣшенію; оно ждетъ, чтобы вы подсказали ему это рѣшеніе. По моему мнѣнію, никогда еще не было момента, когда отъ страны такъ настоятельно требовалось, чтобы она высказалась, какъ теперь. По моему убѣжденію, предполагать, что въ такое время вы останетесь позади всего остального населенія страны и своимъ молчаніемъ проявите равнодушіе къ общественнымъ интересамъ, — значило бы клеветать на васъ. Въ дѣлѣ, гдѣ замѣшаны справедливость и гуманность, вы никогда не окажетесь позади другихъ и, я увѣряю, что вы никогда не обратили бы вниманія на поступки и слова такого малозначущаго лица, какъ я, если бы у васъ не было собственнаго опредѣленнаго намѣренія приняться за дѣло. Обрадуйте же сердца милліоновъ людей и оживите ихъ мужество, обратясь къ правительству съ требованіемъ немедленно же и навсегда уничтожить всѣ несправедливыя и жестокія преграды къ доставленію народу средствъ пропитанія. И если министерство откажется сдѣлать это и если парламентъ санкціонируетъ его отказъ, то потребуйте отъ нихъ, чтобы они обратились къ избирателямъ и провѣрили бы, дѣйствительно ли они имѣютъ право на свою власть и представляютъ ли они достаточную охрану интересовъ тѣхъ безгласныхъ милліоновъ, которые добываютъ себѣ хлѣбъ въ потѣ лица».

Чѣмъ дальше шло время и чѣмъ сильнѣе становились опасенія за будущее, тѣмъ многочисленнѣе становились и митинги. Всюду на нихъ раздавалось одно и то же требованіе: «откройте порты». Надвигавшаяся бѣда принимала все болѣе и болѣе грозный характеръ, и голосъ платформы становился вмѣстѣ съ тѣмъ настойчивѣе и внушительнѣе. Къ концу ноября, сознаніе необ-

ходимости открыть порты для свободнаго ввоза хлѣба, какъ единственнаго средства спасти страну,—сознаніе, которое уже раздѣлялъ первый министръ, было выражено и лидеромъ оппозиціи въ парламентѣ, лордомъ Джономъ Росселлемъ. Хотя это и совершилось, можно сказать, въ послѣднюю минуту, тѣмъ не менѣе Лига съ радостью встрѣтила это извѣстіе. «Я сознаю, говорилъ лордъ Росселль въ своемъ адресѣ къ избирателямъ лондонскаго Сити ¹, что взгляды мои на этотъ вопросъ (хлѣбныя пошлины) подверглись за двадцать лѣтъ сильной перемѣнѣ. Я держался того мнѣнія, что хлѣбъ представляетъ исключеніе изъ общихъ правилъ политической экономіи; но опытъ и наблюденія убѣдили меня въ томъ, что необходимо полное невмѣшательство въ дѣло снабженія хлѣбомъ. Ни правительственная, ни законодательная власть, никогда не въ состояніи регулировать цѣны хлѣбнаго рынка такъ хорошо, какъ это дѣлается само собою при полной свободѣ обмѣна. Я въ теченіе многихъ лѣтъ старался придти къ компромиссу... Теперь, я нахожу, что уже болѣе нѣтъ надобности отстаивать постоянную пошлину... Установленіе какой либо пошлины безъ опредѣленнаго указанія на полное уничтоженіе ея въ самомъ близкомъ будущемъ, могло бы въ настоящее время лишь продлить борьбу, уже и безъ того породившую достаточно недовольства и раздора... Соединимъ же наши усилія для того, чтобы прекратить систему, оказавшуюся помѣхою и для торговли и для земледѣлія, причиною раздоровъ между различными общественными классами, источникомъ нужды, болѣзней, смертности и преступленій среди народа. А если такова цѣль, къ которой слѣдуетъ стремиться, то она должна быть достигнута путемъ опредѣленнаго требованія со стороны общества... Правительство, повидимому, ждетъ лишь повода для отмѣны существующихъ нынѣ хлѣбныхъ законовъ.

¹. 22 Ноября 1845.

Пусть же общество своими петиціями, адресами и заявленіями дастъ ему этотъ желанный поводъ ¹».

Изъ сказаннаго въ этомъ посланіи можно было бы заключить, что общество не дѣлало того, что ему предлагалъ лордъ Росселль. Между тѣмъ оно подавало петиціи до тѣхъ поръ, пока не убѣдилось въ томъ, что это бесполезно; оно обращалось къ правительству съ своими адресами и заявленіями, насколько это допускалось закономъ. Если бы дѣло было только въ этомъ, то оно уже дало правительству вполне достаточный предлогъ для отмены хлѣбныхъ законовъ. Теперь, не дожидаясь приглашенія лидера виговъ, съ платформы не переставали раздаваться съ одного конца страны до другого, требованія, совѣты и мольбы, тѣмъ болѣе внушительныя и краснорѣчивыя, что ихъ внушало сознаніе большой и серьезной опасности. Ораторы Лиги проявляли неустанную дѣятельность, требовавшую почти геркулесовскихъ силъ. Въ продолженіе трехнедѣльнаго срока Кобденъ и Брайтъ говорили на митингахъ въ Шеффилдѣ, Лидсѣ, Уэкфильдѣ, Брэдфордѣ, Глостерѣ, Струдѣ, Батѣ, Бристолѣ, Ноттингамѣ, Дерби, Стокпортѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Созваны были также большіе митинги въ Лондонѣ, Эдинбургѣ, Глазго и другихъ большихъ городахъ. 6 декабря The League писала: «Мы не имѣемъ возможности говорить подробно о всѣхъ происходившихъ въ послѣднее время публичныхъ митингахъ. Услѣдить за ними нѣтъ возможности. Да и нѣтъ въ этомъ надобности. Эти выраженія національныхъ чувствъ и убѣжденій, за небольшими, чисто мѣстными или случайными отклоненіями, по существу своему до такой степени похожи одно на другое и, можно даже сказать, тождественны, что отмѣчать ихъ въ отдѣльности было бы бесполезно. Описаніе одного изъ нихъ служить описаніемъ всѣхъ...

«Движеніе, охватившее въ настоящее время страну,

¹. Мемуары Пиля т. II, стр. 177.

представляетъ собою совершенно новое явленіе въ исторіи общественныхъ движеній. Нигдѣ въ мірѣ еще не видано было ничего подобнаго. Движеніе, опирающееся на истины экономической науки; движеніе, направленное на то, чтобы предотвратить народное бѣдствіе въ самомъ началѣ его развитія, путемъ удаленія главной его причины; движеніе, цѣли и принципы котораго внушаютъ безусловное уваженіе, какъ съ точки зрѣнія нравственности, такъ и съ точки зрѣнія государственной мудрости,—явленіе дѣйствительно совершенно новое и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлающее великую честь тому народу, среди котораго оно проявило себя».

Въ то время какъ платформа такимъ образомъ не переставала дѣйствовать, глава кабинета снова предложилъ временную пріостановку дѣйствія хлѣбныхъ законовъ, и когда остальные члены кабинета снова не согласились съ нимъ, онъ отправился 5 декабря въ Осборнъ къ королевѣ и просилъ объ отставкѣ.

Королева приняла отставку и пригласила къ себѣ лорда Джона Росселля, но послѣдній не призналъ возможнымъ взять на себя сформированіе кабинета, и сэру Роберту Пилю, 20 декабря, предложено было взять свою отставку назадъ, что онъ и сдѣлалъ. Между тѣмъ, въ виду все болѣе усиливающейся грозной опасности, голосъ платформы сталъ принимать угрожающій тонъ.

19 декабря Брайтъ говорилъ въ своей рѣчи: «Два столѣтія тому назадъ народъ этой страны долженъ былъ выдержать страшную борьбу съ коронною властью. Коварный и самовластный монархъ присвоилъ себѣ право устанавливать налоги безъ согласія парламента и народа. Такое притязаніе съ его стороны встрѣтило должное сопротивленіе. Этотъ прекрасный островъ превратился въ одно громадное поле битвы, все королевство было потрясено, древній престолъ ниспровергнутъ. Если наши предки двѣсти лѣтъ тому назадъ воспротивились подобной попыткѣ, если они отказались сдѣлаться рабами ко-

роля, то неужели мы согласимся сдѣлаться рабами аристократіи, подобной нашей? Сразивши льва, неужели мы преклонимся передъ волкомъ? Неужели мы мужественнымъ и единодушнымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія не положимъ немедленно же и навсегда конецъ этой чудовищной несправедливости? Силы наши по меньшей мѣрѣ равны силамъ врага; мы находимся въ болѣе выгодномъ положеніи; на нашей сторонѣ больше богатства, ума, единодушія, знанія политическихъ правъ и пониманія истинныхъ интересовъ страны; и что всего важнѣе, мы обладаемъ оружіемъ, качествомъ и значеніемъ своимъ въ тысячу разъ лучшимъ, чѣмъ сила,—я говорю о регистраціи и особенно о 40 шиллинговыхъ фригольдахъ, такъ какъ это дѣйствительно могущественное конституціонное оружіе, которое мы намѣрены примѣнить и съ помощью котораго мы можемъ быть увѣрены въ побѣдѣ. Наши лавры будутъ завоеваны не на кровавыхъ поляхъ сраженія, но на подмосткахъ и въ регистраціонныхъ комитетахъ»¹.

15 декабря въ Гильдголлѣ собрался большой митингъ лондонскихъ гражданъ. «Никогда еще столица не видала столь значительнаго и столь воодушевленнаго публичнаго собранія». 17 декабря около 20.000 народу собралось въ Уэкфильдѣ для подачи петиціи королевѣ о созывѣ парламента съ цѣлью отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Въ Пертѣ, Брэдфордѣ, Райѣ, Гуллѣ и въ другихъ мѣстахъ,—вездѣ собирались митинги и отовсюду, съ сѣвера Шотландіи до юга Англіи, раздавалось съ платформы требованіе «открыть порты».

23 декабря въ городской ратушѣ Манчестера состоялся большой митингъ Лиги, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ самый замѣчательный какой когда либо состоялся въ Англіи или въ другихъ странахъ. На немъ присутствовали многіе изъ вліятельнѣйшихъ комерсантовъ и фабрикантовъ Манчестера и другихъ ближайшихъ горо-

¹. Bright's Speeches, т. II, стр. 287.

довъ. На этомъ митингѣ былъ сообщенъ отчетъ о расходованіи собранныхъ Лигою по подпискѣ 100.000 ф., постановлена резолюція, отмѣнявшая прежнюю резолюцію о прекращеніи подачи петицій и затѣмъ резолюція, гласившая, что «въ видахъ обезпеченія возможности Совѣту Лиги продолжать свою дѣятельность въ пользу отмѣны хлѣбныхъ законовъ, въ дополненіе имѣющагося основнаго фонда открывається новая подписка въ 250.000 ф.». Пока произносились рѣчи, потекли пожертвованія. Двадцать три отдѣльныхъ лица и торговыхъ фирмъ подписались каждое на 1000 ф. ст., двадцать по 500 ф. и къ концу митинга предсѣдатель объявилъ, что подписка дала 59.165 ф. ст.

Вскорѣ послѣ этого подписка на митингѣ въ Лидсѣ дала 34.000 ф. ст.; на митингѣ въ Ливерпулѣ — 12.000 ф. ст., въ Глазго — 10.000 ф. ст. Эти факты говорятъ сами за себя.

Нельзя не упомянуть еще объ одномъ митингѣ, совершенно иного характера, но не менѣе замѣчательномъ, тѣмъ болѣе, что онъ служитъ прекрасной иллюстраціей «экспрессивной» стороны дѣятельности платформы. Это былъ митингъ земледѣльческихъ рабочихъ въ Гоатакрѣ, въ Нортъ-Уилтсѣ.

Times отъ 7 января 1846 г. далъ подробное описаніе этого митинга: «Предсѣдателемъ былъ рабочій, ораторами, за исключеніемъ двухъ, были тоже земледѣльческіе рабочіе; цѣлью же митинга было обратить общественное вниманіе на настоящее положеніе земледѣльческаго населенія въ этой части страны и представить ея величеству и парламенту петиціи о принятіи рѣшительныхъ мѣръ для быстрой помощи въ виду столь крайняго бѣдствія. Митингъ предполагалось собрать въ обширномъ строеніи, которое имѣлось въ виду соорудить въ полѣ, но оказалось, что сооруженіе такой постройки превышаетъ скудныя средства, которыя эти бѣдные люди могли удѣлить на это дѣло; и вслѣдствіе этого они вы-

нуждены были собраться на перекресткѣ сельскихъ дорогъ и вести бесѣду о своихъ бѣдствіяхъ среди суровой непогоды зимняго вечера. Всѣ приспособленія этого митинга и сопровождавшія его обстоятельства въ высшей степени характерны. Плетень изъ прутьевъ, укрѣпленный на четырехъ столбахъ, вколоченныхъ въ землю у самой изгороди, образовалъ собою узенькую и неустойчивую платформу, на которой едва могли помѣститься предсѣдатель митинга и одинъ ораторъ. У подножія этого возвышенія былъ поставленъ небольшой еловый столъ и нѣсколько простыхъ камышевыхъ стульевъ, взятыхъ изъ сосѣдняго коттѣджа, для газетныхъ репортеровъ. Пять, шесть свѣчей, нѣкоторыя въ фонаряхъ, другія же, защищаемыя отъ вѣтра руками державшихъ ихъ, бросали тусклый мерцающій свѣтъ на близъ стоявшую группу, вокругъ которой толпилось до 1000 крестьянъ Уилтшира, при чемъ многіе пришли въ сопровожденіи женъ и дѣтей. Въ общемъ получалось чрезвычайно странное и тяжелое зрѣлище. Въ вечернемъ полумракѣ только по одеждѣ можно было распознать принадлежность присутствующихъ къ крестьянскому сословію, но когда луна, высвобождаясь изъ облаковъ, освѣщала ихъ лица, въ нихъ нельзя было не прочесть тревоги, мольбы, нужды и голода, выразительно отвѣчавшихъ на утвержденія ораторовъ, которые правдиво, безъ всякихъ прикрасъ изображали бѣдствія своихъ слушателей.

«Предсѣдатель открылъ митингъ словами: Всѣхъ здѣсь присутствующихъ и въ особенности моихъ бѣдныхъ собратьевъ-рабочихъ я призываю обратить вниманіе на вопросъ громадной важности, требующій самаго серьезнаго обсужденія. Вы знаете по горькому опыту, что мы жестоко страдаемъ отъ нужды, и сегодня мы собрались здѣсь съ намѣреніемъ довести до свѣдѣнія ея величества и ея министровъ о размѣрахъ этой нужды и просить ихъ открыть порты и отмѣнить несправедливые хлѣбные законы, для того чтобы мы и наши семьи могли

пользоваться дарами Провидѣнія... Соединимся же вмѣстѣ для дѣла защиты свободной торговли... Всемогущій Богъ въ Своей благодати повелѣлъ, чтобы земля въ изобиліи давала пищу людямъ и чтобы то, чего не можетъ производить одна страна, производила другая; поэтому все должно быть устроено такъ, чтобы въ мірѣ былъ свободный торговый обмѣнъ. (Слушайте, слушайте). Въ настоящее время рабочіе классы терпятъ сильнѣшую нужду. Тѣ, кто страдаетъ отъ этой нужды, должны выступить впередъ и мужественно заявить о ней; это укажетъ на необходимость свободной торговли, которая, по моему убѣжденію, является единственнымъ средствомъ устранить нужду. (Голосъ— „Хуже намъ уже не можетъ быть“).

«Чарльзъ Вайнсъ, поддерживая резолюцію, сказалъ:— Друзья, я хотѣлъ бы, чтобы луна свѣтила ярче, чѣмъ теперь, для того, чтобы лучше видѣть, кто здѣсь находится, но я и такъ достаточно вижу, что здѣсь не мало народу и что почти всѣ присутствующіе одѣты въ такія же простыя блузы и головы ихъ покрыты столь же ветхими шляпами, какъ и моя. Нѣкоторые изъ насъ слышали недавно съ церковной кафедры, что человѣку свойственно быть недовольнымъ. Я вѣрю этому. Вѣдь не что иное, какъ недовольство привело всѣхъ здѣсь присутствующихъ мужчинъ. (Женскій голосъ въ толпѣ— „и женщинъ также!“)... Я пришелъ сюда не для того, чтобы говорить о политикѣ; я ничего не понимаю въ ней. И въ хлѣбныхъ законахъ я не знаю многого, кромѣ только того, что намъ, рабочимъ, они не принесли добра. Вѣдь еще долго ждать до слѣдующаго іюля, когда уродится новый картофель, и если не случится что либо на пользу насъ, несчастныхъ, намъ грозитъ голодъ. Но я искренно надѣюсь, что „давно желанное“ наступитъ раньше слѣдующаго іюля. (Слушайте, слушайте). Для того, чтобы дѣйствительнымъ образомъ оградить наши права, мы должны всѣ, какъ одинъ человѣкъ, возвысить

нашъ голосъ и просить ея величество уничтожить стѣсненія, лежащія на торговлѣ, такъ, чтобы бѣдные рабочіе могли имѣть хлѣбъ и сыръ, и хорошее пиво и были въ состояніи выполнять ту работу, которая имъ теперь не по силамъ при недостаткѣ пищи. (Слушайте, слушайте). И пусть нашъ голосъ найдетъ себѣ откликъ въ сердцѣ нашей милостивой королевы. Боже, храни королеву! (Крики „аминь!“). Друзья, всякій кто родился и выросъ земледѣльцемъ, имѣетъ природное право жить плодами земли, добываемыми безъ всякихъ запретительныхъ законовъ, — несправедливыхъ законовъ, скажу я, — навязываемыхъ намъ законодательною властью. (Крики одобренія).

«Другой ораторъ говорилъ: Теперь нѣтъ другого выхода, какъ только голодная смерть или свободная торговля. По его убѣжденію, свобода торговли можетъ дать имъ хорошую пищу, мясо и хлѣбъ, вмѣсто одного картофеля безъ мяса и хлѣба. Плохая пища сдѣлала земледѣльческихъ рабочихъ слабѣе физически, теперь онъ надѣется, что она сдѣлаетъ ихъ умнѣе. Она уже сдѣлала то, что они сошлись на этотъ митингъ; пусть же они теперь громко заявятъ о своихъ бѣдствіяхъ, — иначе имъ нечего ждать помощи.

«Послѣ заключительной рѣчи предсѣдателя, въ которой онъ уговаривалъ собравшихся воздержаться отъ всякаго насилія или безпорядка, митингъ разошелся».

Я приведу еще выдержку изъ одной рѣчи, показывающую, какіе взгляды господствовали въ нѣкоторыхъ умахъ на принципы управленія. «Я увѣренъ, что настанетъ время, когда каждый домохозяинъ изъ рабочаго класса будетъ пользоваться правомъ участія въ избраніи представителей въ парламантъ. Если каждый человѣкъ подлежить дѣйствию всякаго устанавливаемого закона, то не слѣдуетъ ли, чтобы каждый и участвовалъ въ составленіи закона».

Въ продолженіе всего января мѣсяца (1846 г.) го-

лось платформы раздавался все сильнѣе. 15-го въ Манчестерѣ состоялся большой митингъ Лиги, а 19-го парламентъ былъ открытъ въ личномъ присутствіи королевы. Въ преніяхъ по вопросу объ адресѣ въ отвѣтъ на тронную рѣчь, сэръ Робертъ Пиль заявилъ, что по вопросу о хлѣбныхъ законахъ взгляды его сильно измѣнились, но подробное разъясненіе, въ чемъ именно состоялась эта перемѣна, онъ отложилъ до 27 числа. Въ этотъ день онъ изложилъ свой планъ относительно хлѣбныхъ законовъ и это оказалось новою побѣдою, одержанною платформою. Онъ предложилъ разрѣшить беспошлинный ввозъ кукурузы и гречи, а для ввоза пшеницы изъ всѣхъ великобританскихъ колоній установить номинальную пошлину. Что касается всякой другой пшеницы, то пошлину на нее предложено было значительно понизить и эта мѣра должна была быть осуществлена немедленно. По истеченіи трехъ лѣтъ, или, говоря точнѣе, съ 1 февраля 1849 г., устанавливался свободный ввозъ въ страну всѣхъ сортовъ хлѣба безъ всякой пошлины, исключая номинальной, устанавливаемой для цѣлей статистики.

Нѣтъ надобности описывать подробности преній по поводу этихъ предложеній.

М-ръ Вилльерсъ, послѣдовательный до конца, предложилъ сразу отмѣнить всякія пошлины на ввозимый хлѣбъ, но, въ виду министерскаго проекта, его предложеніе было конечно отвергнуто. Третье чтеніе правительственнаго билля состоялось 11 мая и билль прошелъ большинствомъ 327 голосовъ противъ 229. Палата лордовъ, помня опытъ, вынесенный ею во время агитации за реформу, приняла билль въ третьемъ чтеніи 26 іюня.

И такъ платформа еще разъ одержала побѣду; еще разъ добилась того, во имя чего она вела борьбу; еще разъ выиграла большое и славное дѣло.

Когда правительственный проектъ получилъ силу закона, дѣло Лиги было закончено. «Наша задача исполнена», писала газета The League въ прощальной статьѣ;

«наши труды окончены. Великія истины, за которыя мы въ теченіе семи лѣтъ съ непрерывнымъ трудомъ и тяжелыми сомнѣніями вели упорную борьбу, восторжествовали и заняли навсегда свое мѣсто въ законодательствѣ королевства. Парламентскіе протоколы свидѣтельствуютъ о томъ, что сдѣлано нами; свобода, о которой писали люди ученые, которой жаждали люди хорошіе, и за которую боролись храбрые, завоевана мирно, славно и безповоротно. Законы, порожденные завистью, себялюбіемъ и неблагодарностью съ цѣлью отнять у другихъ дары Провидѣнія и сковать силы трудолюбиваго, мужественнаго и лойальнаго народа, вычеркнуты изъ списка законовъ и остались лишь въ лѣтописяхъ безславной исторіи».

Вполнѣ естественно, что съ прекращеніемъ надобности въ платформѣ во имя этого дѣла, должна была прекратить свое существованіе и та организація, которая вызвала ея проявленія. Въ виду этого, 2 іюля, совѣтъ Лиги созвалъ митингъ, явившійся заключительнымъ митингомъ этой ассоціаціи. «Ей предстояло угаснуть въ полномъ разцвѣтѣ ея силъ, въ самый часъ ея торжества». Предсѣдательствовалъ на этомъ митингѣ м-ръ Джорджъ Уильсонъ, президентъ Лиги, который въ своей рѣчи изложилъ вкратцѣ ея исторію.

Бёрриттъ¹, который также присутствовалъ и впоследствии описалъ этотъ митингъ, говоритъ: «Предсѣдатель съ глубокимъ волненіемъ остановился на первыхъ моментахъ существованія Лиги. Въ нихъ было много общаго съ первыми шагами всякаго крупнаго духовнаго движенія, совершавшаго переворотъ въ условіяхъ существованія. Разсказъ объ этомъ времени начинался словами: „Они собрались въ небольшой комнаткѣ“. Всякое движеніе на благо человечества обыкновенно зарождалось въ какой нибудь „маленькой комнаткѣ“, гдѣ люди, стремившіеся послужить на пользу своихъ собратьевъ,

¹, См. The Last Hour of the League, Elihu Burritt.

собирались, чтобы молиться или установить планъ дѣйствій».

Затѣмъ, послѣ окончанія обзора дѣятельности Лиги, Кобденъ, поддержанный Брайтомъ, предложилъ резолюцію, гласящую, «что въ виду изданія парламентскаго акта, обѣщающаго въ февралѣ 1849 г. отмѣну хлѣбныхъ законовъ, признается нужнымъ прекратить дальнѣйшую дѣятельность Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ».

Дѣлая это предложеніе, Кобденъ упомянулъ о своихъ трудахъ и трудахъ своихъ товарищей, при чемъ сказалъ: «Многіе подумаютъ, что мы вознаграждены шумнымъ одобреніемъ и успѣхомъ публичныхъ митинговъ; но я заявляю, что это невѣрно, по крайней мѣрѣ что касается меня, потому что я до такой степени ненавижу говорить на публичныхъ собраніяхъ, что я даже не безъ усилій надъ собою встаю въ палатѣ общинъ для представленія какойнибудь петиціи».

Теперь его труды въ пользу отмѣны хлѣбныхъ законовъ были окончены, и послѣ вотированія резолюцій предсѣдатель объявилъ «Лигу противъ хлѣбныхъ законовъ распущенной».

Но хотя труды Лиги завершены, и хотя большинство людей, принимавшихъ въ нихъ участіе, сошли со сцены, однако исторія ея навсегда останется однимъ изъ самыхъ поучительныхъ эпизодовъ. Будучи послѣднимъ изъ народныхъ движеній, Лига воспользовалась полезными уроками предъидущихъ, избѣгла ихъ темныхъ сторонъ и поставила дѣло агитаціи, такъ сказать, на научную почву; и быть можетъ самымъ важнымъ изъ всего, что она сдѣлала, было то, что она выдвинула и поставила на такую высоту платформу. Успѣхомъ своей агитаціи она прежде всего обязана платформѣ. Правда, по всей странѣ распространились милліоны брошюръ, памфлетовъ и всякихъ печатныхъ изданій; не подлежитъ сомнѣнію, что печать во многихъ случаяхъ оказала движенію неогрѣненную помощь и что парламентскіе дебаты

много способствовали дѣлу, но прежде и болѣе всего несомнѣнно то, что главная тяжесть борьбы выпала на долю платформы и что конечному успѣху ея всего болѣе содѣйствовало живое слово, обращенное къ народнымъ массамъ, собиравшимся на митинги. Краснорѣчивые призывы талантливыхъ ораторовъ и ихъ непобѣдимая убѣдительная аргументація увлекали умы слушателей съ несравненно большею силою, чѣмъ все, что говорилось въ печати. «Только просвѣщеніе»—сказалъ однажды Кобденъ—«можетъ служить тою силою, съ помощью которой мы уничтожимъ эту негодную систему». А ничто такъ не распространяло просвѣщеніе, какъ платформа, и она не только просвѣщала: пылкія, убѣжденные слова ораторовъ и воодушевленіе, сопутствующее большимъ публичнымъ собраніямъ, зажигали огонь энтузіазма въ сердцахъ слушателей».

Однако платформа не могла бы сыграть той роли, которую она такъ блистательно сыграла въ агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ, если бы въ этомъ не помогли ей нѣкоторыя особыя условія, на которыя нельзя не обратить вниманія.

Прежде всего она опиралась на могущественную и въ высшей степени цѣлесообразную организацію,—центральное ядро которой состояло изъ людей, обладавшихъ большими средствами, положеніемъ и выдающимися практическими способностями,—людей, настолько преданныхъ своему дѣлу, что они, жертвуя всякими иными интересами, принимали участіе въ 600, 800, 1000 и даже 1300 собраніяхъ совѣта Лиги. Изъ этого центра, находившагося въ Манчестерѣ, направлялись въ разныя стороны для пронаганды идей Лиги лекторы и ораторы. Тамъ же обсуждались планы дѣйствій, поѣздки и избирательныя кампаніи.

По сравненію съ католической ассоціаціей она была слабѣе въ одномъ отношеніи, что было, впрочемъ, совершенно неизбѣжно,—а именно, ей недоставало той

готовой организованной сѣти, которую представляло собою католическое духовенство и которая съ самаго начала была къ услугамъ ирландскаго движенія; въ другихъ же отношеніяхъ она была не только не ниже, но во многомъ выше послѣдней. Въ мѣстныхъ ассоціаціяхъ, мѣстномъ сочувствіи и мѣстныхъ борцахъ за дѣло также не было недостатка, и хотя эти послѣдніе не находились подъ контролемъ Лиги, тѣмъ не менѣе они энергично и дѣятельно помогали дѣлу.

Другимъ важнымъ условіемъ успѣха Лиги было то, что совѣту ея никогда не приходилось нуждаться въ денежныхъ средствахъ для своей дѣятельности. Онъ всегда могъ расходовать на агитацію, нисколько не стѣсняясь, какія угодно суммы. Одна подписка дала единовременно 10.000 ф. ст., затѣмъ другая 50.000 ф. ст., затѣмъ 100.000 ф. ст., послѣдняя подписка, объявленная на сумму 250.000 ф. ст., была остановлена, такъ какъ уже не было надобности въ деньгахъ. Ни одно движеніе не пользовалось такою широкою финансовою помощью, безъ которой никакая агитація не можетъ вестись успѣшно. Если сравнить эти суммы съ тѣми нѣсколькими фунтами, которые имѣли въ своемъ распоряженіи Гарди и лондонское Corresponding Society, или съ тѣми 967 ф. ст., которые собралъ съ такимъ трудомъ Конвентъ чартистовъ, то станетъ понятнымъ, какую огромную поддержку Лига получала въ указанныхъ фондахъ. Деньги, которыя называютъ «нервомъ войны», оказываются также «нервомъ» и агитаціи.

Дальнѣйшимъ важнымъ условіемъ силы, которымъ обладала Лига, было единство ея цѣли. Въ хлѣбныхъ законахъ не было «шести пунктовъ», какъ въ хартіи, изъ которыхъ каждый требовалъ особой агитаціи и борьбы. Безусловная отмѣна хлѣбныхъ законовъ—вотъ въ чемъ заключалась единственная цѣль, твердо и неуклонно преслѣдуемая въ теченіе долгой семилѣтней агитаціи. Органъ Лиги, газета The League, высказала это съ боль-

шою ясностью: «Лига, сама по себѣ, не имѣетъ никакихъ мнѣній относительно какихъ либо вопросовъ кромѣ одного, основной принципъ ея заключается въ томъ, чтобы даже не думать ни о какихъ вопросахъ кромѣ этого одного. Немедленная и безусловная отмѣна хлѣбныхъ монополій—вотъ единственная цѣль нашей ассоціаціи, и во имя этой цѣли мы вызываемъ и принимаемъ содѣйствіе всякаго, кто, исходя изъ какихъ бы то ни было основаній, захочетъ оказать намъ это содѣйствіе, ни мало не заботясь о его взглядахъ на остальные вопросы ¹».

Въ январѣ 1844 г. В. Фоксъ говорилъ на одномъ митингѣ: «Никогда не лишне напоминать объ основномъ принципѣ Лиги, о той единственной цѣли, ради которой создавалась наша ассоціація и до достиженія которой мы не удовлетворимся ничѣмъ: цѣль эта заключается только въ свободѣ торговли и въ практическомъ осуществленіи этого основнаго принципа, въ немедленной и полной отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ. Такова наша путеводная звѣзда; къ этой единственной цѣли мы идемъ прямо, не обращая вниманія ни на какія другія соображенія. Для насъ не существуетъ партій, мы не дѣлаемъ никакихъ различій между политическими взглядами, ни старыми, ни новыми; намъ дѣла нѣтъ до послѣдовательности или непослѣдовательности того или иного члена или группы палаты общинъ. Полная, безусловная и немедленная отмѣна хлѣбныхъ законовъ,—вотъ все, чего мы требуемъ».

Кобденъ говорилъ: «Единственной и ничѣмъ не маскируемою цѣлью Лиги является уничтоженіе торговой монополіи ²». И позже, предвидя уже конецъ агитации, онъ говорилъ: «Я желалъ бы, чтобы мы не только были всѣ согласны въ этомъ вопросѣ, но чтобы и въ глазахъ другихъ мы занимали то же обособленное и вполнѣ самостоятельное положеніе, какое мы занимали въ первое

¹. См. The League, 26 апрѣля 1845 г.

². 2 сентября 1843 г.

время образованія нашей Лиги. Намъ нѣтъ дѣла ни до виговъ, ни до торіевъ, мы сильнѣе и тѣхъ и другихъ и, если мы будемъ вѣрны нашимъ принципамъ, то мы съумѣемъ, въ случаѣ надобности, побѣдить и тѣхъ и другихъ. И я надѣюсь, что всѣ вполнѣ признаютъ теперь, что въ борьбѣ за это великое дѣло мы не преслѣдовали никакихъ иныхъ побочныхъ цѣлей кромѣ той, о которой мы во всеуслышаніе заявили съ самаго начала ¹».

Но болѣе всего способствовало успѣху дѣла въ этомъ движеніи полное единодушіе его руководителей. Съ самаго начала основанія Лиги и до момента ея распушенія не было между ними ни одного недоразумѣнія или несогласія; не было соперничества изъ за первенствующей роли, не было распаденія на сторонниковъ физической и сторонниковъ нравственной силы, не было стремленія къ образованію той или другой группы съ цѣлью созданія отдѣльнаго общества, о которомъ никогда потомъ никто бы не слыхалъ. Было полное единодушіе. Подводные камни, о которые разбивалось не одно движеніе, и конечно еще будетъ разбиваться и въ будущемъ, были благополучно обойдены Лигою.

Но никакое единодушіе, ни единство цѣли, ни безграничныя средства, ни самая могущественная организація, не обеспечили бы побѣды, еслибы дѣло, во имя котораго велась борьба, не было справедливымъ дѣломъ. Въ этомъ лежитъ дѣйствительный секретъ успѣха агитаціи. Именно это дало платформѣ непобѣдимое оружіе и привлекало людей на сторону великаго дѣла, по мѣрѣ того какъ они узнавали, въ чемъ оно заключается.

Брайтъ, на одномъ митингѣ въ Манчестерѣ, въ октябрѣ 1844 г., говорилъ ²». «Если вы находитесь въ сомнѣніи, примыкать ли къ этому дѣлу, то подумайте только о томъ, за что вы будете вести борьбу. Вы будете бороться не ради суетнаго торжества какой либо партіи;

¹. Рѣчи Кобдена, т. I, стр. 362, 15 января 1846 г.

². См. The League, 26 октября 1844 г.

не ради возвышенія того или иного человѣка, или ради того, чтобы водрузить одно знамя и низвергнуть другое. Нѣтъ; вы будете бороться за одну изъ величайшихъ и благороднѣйшихъ задачъ, какія когда либо объединяли людей,—во имя освобожденія труда 27.000.000 вашихъ согражданъ и не только ради освобожденія ихъ труда, но, такъ какъ все, что устанавливается у насъ, вызываетъ подраженіе и въ другихъ народахъ, то и ради освобожденія труда всего человѣчества отъ той тираніи, подъ гнетомъ которой его всегда и повсемѣстно держала монополія».

Законъ, противъ котораго велась борьба, былъ явно и несомнѣнно несправедливый законъ, приносившій собою много зла ради выгоды, нельзя даже сказать блага, немногихъ.

Главный интересъ движенія, по отношенію къ исторіи платформы, заключается въ приемахъ, къ которымъ прибѣгали руководители агитаціи для достиженія своей цѣли.

Въ январѣ 1845 г. Брайтъ говорилъ на одномъ митингѣ въ Манчестерѣ ¹. «Наша цѣль заключается въ томъ, чтобы создать такое теченіе общественнаго мнѣнія по отношенію къ хлѣбнымъ законамъ, при которомъ отмѣна этихъ законовъ становилась бы неизбѣжною, и такимъ образомъ парламентскій актъ, простая санкція законодательной власти, явится лишь формальнымъ признаніемъ того, что уже предугазано общественнымъ мнѣніемъ». (Крики одобренія).

Но этого конечно нельзя было достигнуть сразу. Путь, долженствовавшій привести къ этому результату, былъ длиненъ и труденъ и тѣмъ не менѣе каждый шагъ его былъ приближеніемъ къ цѣли.

Платформа одна не могла довершить этого, но платформа призывала на этотъ путь и поддерживала работающихъ на немъ.

¹. См. The League, 25 января 1845 г.

«Такъ какъ Лига пользовалась исключительно конституціонными средствами борьбы, то, по мѣрѣ того, какъ послѣдняя становилась серьезнѣе, приходилось точно выяснять себѣ, какими именно средствами располагаетъ она¹», и такъ какъ о насильственныхъ мѣрахъ борьбы не возникало и мысли, то единственнымъ средствомъ являлось то, о которомъ я уже говорилъ—воздѣйствіе на членовъ палаты общинъ. Это была та же идея, которая руководила дѣятелями эмансипаціи католиковъ, и въ газетѣ The League отъ 8 іюня 1844 г. есть даже признаніе того, что она оттуда и позаимствована. «Средства, при помощи которыхъ были уничтожены политическія ограниченія католиковъ, являются прецедентомъ, которому мы будемъ слѣдовать въ нашей борьбѣ за уничтоженіе стѣсненій торговли». Но прецедентъ этотъ не могъ служить безусловнымъ примѣромъ и оба движенія не были тождественны. Агитація при помощи платформы въ Англіи и въ Ирландіи представляли собою совершенно различныя вещи и это различіе, по моему мнѣнію, въ значительной мѣрѣ объясняетъ тотъ крайній характеръ, который приняло ирландское движеніе. Въ Ирландіи агитація съ платформы никогда не представляла большихъ затрудненій,—это доказали и агитація за эмансипацію католиковъ и агитація въ пользу отмѣны уніи. Большую часть ирландскаго населенія не трудно было привлечь къ этимъ движеніямъ, задачамъ которыхъ большинство ирландцевъ уже раньше вполне сочувствовало; убѣждать ихъ не было надобности. Но дѣйствіе платформы въ отношеніи ирландскихъ вопросовъ ограничивалось Ирландіей. И это имѣетъ громадное значеніе. Все, что платформа могла сдѣлать въ Ирландіи,—это повліять на известное число избирательныхъ округовъ этой страны, а потому она не имѣла никакой возможности обезпечить въ свою пользу большинство палаты общинъ и, за весьма немногими исключеніями, вожаки ирландскихъ движеній

¹. The League, 4 іюля 1846 г.

не дѣлали и попытокъ воздѣйствовать на избирателей въ Великобританіи. При такомъ ограниченномъ кругѣ дѣйствій, платформа въ Ирландіи чрезвычайно быстро, почти немедленно, переходила къ демонстраціямъ физической силы, имѣя въ виду этимъ путемъ воздѣйствовать на правительство, такъ какъ иной путь для Ирландіи представлялся невозможнымъ. Эти демонстраціи физической силы, заключавшія въ себѣ угрозу возстанія въ Ирландіи, и заставили англійское правительство уступить въ дѣлѣ эмансипаціи католиковъ, а совѣмъ не создавшееся подъ вліяніемъ настойчивыхъ убѣжденій платформы большинство въ палатѣ общинъ, и единственная разница между результатами вліянія платформы въ этомъ движеніи, гдѣ оно одержало побѣду, и въ движеніи за отмену уніи, гдѣ оно не имѣло успѣха, заключается въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ англійское правительство рѣшилось идти на рискъ и не согласилось на уступку.

Въ Великобританіи мы находимъ инныя условія. Здѣсь платформа всегда имѣетъ возможность оказать рѣшительное воздѣйствіе на составъ законодательнаго органа, не прибѣгая къ демонстраціямъ физической силы и численности сторонниковъ даннаго дѣла. Ничто не можетъ препятствовать осуществленію того дѣла, которое достигается путемъ созданія такого большинства избирателей, которое обусловливаетъ въ представительномъ учрежденіи большинство, стоящее на сторонѣ этого дѣла. Это и есть тотъ путь для проведенія важныхъ реформъ, который обезпечиваетъ народу конституція. Путь этотъ однако же былъ едва ли возможенъ и для Англійи ранѣе реформы 1832 г.; съ каждою новою парламентскою реформою онъ дѣлался все легче.

Существенный принципъ, что для достиженія цѣли агитаціи слѣдуетъ болѣе всего воздѣйствовать на составъ палаты общинъ, ясно сознавался руководителями движенія противъ хлѣбныхъ законовъ. The League опре-

дѣленно высказываетъ это ¹. «Преобразование состава избирателей, а черезъ нихъ превращеніе парламентскаго меньшинства въ большинство,—вотъ главная и конечная цѣль всѣхъ нашихъ усилій». Этого пробовали достигнуть прежде всего путемъ дѣятельнаго участія въ регистраціи избирателей, которой Пиль придавалъ такое значеніе. Но, при существовавшей тогда системѣ, число избирателей было недостаточно велико, чтобы этимъ путемъ можно было достигнуть желательной перемѣны, и вотъ приняты были дальнѣйшія мѣры, имѣвшія цѣлью создать новыхъ избирателей, увеличить ихъ контингентъ. Многочисленные митинги созывались съ этою цѣлью, создавались тысячи новыхъ фригольдовъ, и во многихъ округахъ обезпеченъ былъ благопріятный составъ избирателей; между тѣмъ неурожай картофеля и хлѣба внесъ новые элементы въ развитіе и направленіе вопроса. Нельзя однако сомнѣваться въ томъ, что еслибы это ужасное бѣдствіе и не имѣло мѣста въ 1845 г., то все же агитація за отмену хлѣбныхъ законовъ несомнѣнно съ теченіемъ времени окончилась бы успѣхомъ.

Это знаменательное движеніе навсегда останется памятнымъ по тѣмъ приѣмамъ, съ помощью которыхъ оно велось. Оно, въ большей степени, чѣмъ всѣ другія движенія, отличалось удивительно миролюбивымъ характеромъ. По отношенію къ этой агитаціи не возникало даже вопроса о преслѣдованіяхъ за возбужденіе къ насилію. Ни разу ни одна рѣчь платформы не подала повода къ этому; ни разу агитація не нарушила и не преступила рамокъ самой строгой законности. Какъ справедливо высказала The League въ своемъ «Прощальномъ словѣ»,—«Нашъ путь не обагрился ни одною каплею крови, наше торжество не омрачилось ни одною слезою».

Было нѣсколько случаевъ въ самомъ началѣ существованія Лиги, когда порядокъ на ея митингахъ нарушался и самые митинги разстраивались благодаря вмѣ-

¹. The League, 17 августа 1844 г.

шателъству нѣкоторыхъ изъ наиболѣе крайнихъ чартистовъ, но это уже не была вина агитаторовъ противъ хлѣбныхъ законовъ.

Кобденъ справедливо сказалъ еще въ 1843 г.: «Не было примѣра, чтобы агитація по важному общественному вопросу, продолжающаяся въ теченіе четырехъ лѣтъ, сопровождалась такимъ незначительнымъ количествомъ проявленій насилія и беспорядковъ, которыми, по самой природѣ вещей, въ большей или меньшей степени неизбежно сопровождается всякое движеніе, вызывающее общественное возбужденіе ¹».

Ашвортъ, одинъ изъ историковъ Лиги, резюмируя весь ходъ агитаціи, пишетъ: «Мнѣ кажется, я смѣло могу утверждать, что ни въ Англіи, ни въ какой иной странѣ еще никогда не происходило столь широкаго, энергичнаго, продолжительнаго и мирнаго движенія по какому либо политическому вопросу ²».

Своимъ миролюбивымъ характеромъ агитація всецѣло обязана совѣтамъ и внушеніямъ главныхъ руководителей движенія, которые въ каждой своей рѣчи не переставали убѣждать въ настоятельной необходимости сохраненія порядка и благопристойности.

Брайтъ, въ декабрѣ 1844 г., съ большою энергіею остановился на томъ же въ своей рѣчи въ Ковентъ-Гарденѣ ³. «Вся наша дѣятельность носила вполнѣ миролюбивый характеръ. Клеветники и монополисты утверждали, что мы взываемъ къ мятежу и возстанію. Это утвержденіе ложно, какъ ложны всѣ тѣ основанія, которыя они приводятъ въ оправданіе своихъ стремленій къ сохраненію монополіи. Мы никогда не взывали къ мятежу или возстанію. Мы взывали къ разуму нашихъ согражданъ, къ ихъ чувству справедливости, и отвѣтомъ на это было полное и удиви-

¹. The Examiner, 1843 г., стр. 121.

². Cobden and The League, стр. 118.

³. См. The League, 14 декабря 1844 г.

тельное сочувствіе... Тѣми же нравственными средствами мы намѣрены дѣйствовать и впредь. Защитникамъ великихъ народныхъ правъ менѣе всего возможно поступать противъ справедливости. Мы смотримъ на себя, какъ на борцовъ за эти права, и мы завоюемъ ихъ тѣми мирными средствами, которыми мы пользовались до сихъ поръ. Помните, что только такимъ мирнымъ путемъ можетъ доброе дѣло пріобрѣсти твердую почву. Если вы въ такого рода дѣлѣ прибѣгаете къ силѣ, то успѣхъ и будетъ зависѣть отъ превосходства физической силы или же отъ случайности, и шансы обѣихъ сторонъ совершенно равны; но если вы будете бороться силою разума, обращаться къ чувству справедливости и къ совѣсти людей,—къ этому великому и всегда въ концѣ концовъ непогрѣшимому суду, то ваше доброе дѣло непременно восторжествуетъ. Каждый ударъ, который вы наносите, достигаетъ цѣли, каждая рѣчь, которую вы произносите, каждая статья, которую вы печатаете и каждый фактъ, который вы выставляете, есть такой ударъ, котораго ваши противники не могутъ ни отпарировать, ни вернуть вамъ, и вы съ каждымъ шагомъ приближаетесь къ побѣдѣ, которой ничто не можетъ предотвратить».

Рѣчь другого оратора Лиги¹ служитъ свидѣтельствомъ умѣренности ея требованій—никакой революціи она не замышляла: «Мы не понимаемъ, какъ можно мириться съ тѣмъ, что, какъ общество, такъ и отдѣльныя лица, подвергаются грабежу, несправедливости и притѣсненіямъ. Для насъ въ этомъ отношеніи существуетъ самое строгое различіе между правотою и неправотою и мы становимся на сторону защиты собственности всякаго рода—продукта человѣческаго ума и труда, пользующагося санкціей законовъ. Мы заявляемъ о нашемъ уваженіи къ священнымъ правамъ собственности того класса, который сильнѣе всего противодѣйствуетъ нашимъ тре-

¹. В. Дж. Фоксъ, см. The League, 27 января 1844 г.

бованіямъ. Громадныя поля землевладѣльца принадлежатъ ему; мы ихъ не намѣрены трогать и не хлопочемъ о раздѣлѣ ихъ. Мы не касаемся того, какъ онъ распоряжается тѣмъ, что принадлежитъ ему по праву наслѣдства или покупки. Пусть онъ дѣлаетъ что хочетъ съ своею собственностью; онъ возбудитъ противъ себя общественное мнѣніе, если онъ нарушитъ законы порядочности или нравственности, но пока онъ не выходитъ изъ границъ, предписываемыхъ законами общежитія, мы уважаемъ его права. Мы не вмѣшиваемся ни во что, что касается его правъ. Земля принадлежитъ ему, продукты земли тоже ему или тѣмъ, кому онъ сдаетъ свою землю; но есть одна вещь, которая не принадлежитъ ему, и это — трудъ другихъ людей и то, что они въ потѣ лица своего добываютъ этимъ трудомъ; этого онъ не имѣетъ права отнимать у нихъ при помощи налоговъ. Эти люди его сограждане, а не рабы. Трудовыя силы земледѣльца принадлежатъ ему самому, а не владѣльцу земли».

Слѣдуетъ далѣе замѣтить, что еще ни въ одной агитаціи борцы ея не выражались въ своихъ рѣчахъ съ такою умѣренностью. Въ наиболѣе рѣзкихъ рѣчахъ поборниковъ Лиги въ сущности нѣтъ ничего особенно предосудительнаго. Кобденъ называлъ своихъ противниковъ «самой ограниченной и тупой олигархіей», «ханжами и монополистами», «кучкой низкихъ и жестокихъ надсмотрщиковъ за работами», «обанкрутившимся и расточительнымъ элементомъ аристократіи». По всей вѣроятности наибольшую рѣзкостью отличается слѣдующее мѣсто изъ рѣчи его на митингѣ въ театрѣ Друри-Лэнъ, гдѣ онъ говорилъ о земельной аристократіи. «Пусть они продолжаютъ быть тѣмъ, что они есть, и въ скоромъ времени они окажутся въ положеніи французскаго дворянства передъ революціей — изолированнаго, беспомощнаго и безсильнаго класса, — класса, стоящаго въ духовномъ и умственномъ отношеніи гораздо ниже всѣхъ остальныхъ классовъ общества. Они не только стоятъ за

сохраненіе феодальнаго безправія, они не останавливаются даже передъ тѣмъ, чтобы ограничить средства пропитанія народа. Они встаютъ противъ требованій времени и воображаютъ, что ихъ феодальная система необходима для существованія общества, и однако эта самая феодальная система исчезла во Франціи, исчезла въ Германіи, а въ Америкѣ она никогда и не существовала. Теперь вопросъ въ томъ, будетъ ли у насъ процвѣтать феодальная система наряду съ быстрымъ развитіемъ промышленной и торговой жизни населенія? Промышленная и торговая жизнь существовала въ другихъ странахъ, гдѣ никогда не было феодализма. Въ Англіи она могла бы развиваться при феодализмѣ, если бы послѣдній допускалъ это; если же онъ этого не допускаетъ, то ему нельзя дать задерживать ходъ цивилизаціи, и торговые и промышленные интересы должны процвѣсти, если не при феодализмѣ, то на развалинахъ его».

Такія мѣста представляютъ собою однако лишь случайныя рѣдкія пятна на общемъ фонѣ рѣчей и только безпристрастіе требуетъ, чтобъ эти темныя пятна платформы были отмѣчены на ряду со свѣтлыми сторонами, къ числу которыхъ нельзя не отнести то, что несомнѣнно никогда еще въ исторіи общій тонъ рѣчей платформы не былъ полонъ такимъ высокимъ нравственнымъ благородствомъ, не былъ такъ далекъ отъ рѣзкости, преувеличеній или злобы. Въ качествѣ примѣра, прекрасно иллюстрирующаго этотъ высокій тонъ платформы, мы можемъ привести рѣчь Кобдена, произнесенную имъ въ Манчестерѣ въ январѣ 1844 г. «Меня упрекали, говорилъ онъ, въ томъ, что я слишкомъ забочусь о матеріальныхъ интересахъ. Между тѣмъ, я могу сказать, что я смотрю на послѣдствія этого принципа (свободной торговли) не менѣе широко, чѣмъ кто либо. Я считаю, что матеріальная выгода будетъ наименьшею выгодою для человѣчества отъ торжества этого принципа. Я смотрю глубже и вижу въ принципѣ свободы торговли нѣчто такое, что для духовной жизни

людей будетъ имѣть такое же значеніе, какое законъ тренія имѣетъ въ сферѣ физической. Онъ сблизитъ людей, уничтожитъ антагонизмъ расовыхъ отличій, вѣрованій, языка и объединитъ насъ всѣхъ во всеобщемъ союзѣ вѣчнаго мира. Я заглядываю даже еще глубже. Я размышлялъ или, вѣрнѣе, мечталъ о томъ, каково будетъ вліяніе торжества этого принципа въ далекомъ будущемъ, черезъ тысячу лѣтъ. Мнѣ кажется, что это вліяніе выразится въ коренной перемѣнѣ всѣхъ условій жизни народовъ и водвореніи совершенно иной системы управленія, чѣмъ которая господствуетъ нынѣ. Мнѣ кажется, что стремленіе къ созданію большихъ и могущественныхъ государствъ, громаднхъ армій и флотовъ, всѣхъ тѣхъ орудій, при помощи которыхъ люди уничтожаютъ другъ друга и разрушаютъ все, что создается трудами, — и самый смыслъ всего этого — должны исчезнуть. Мнѣ кажется, что это все сдѣлается ненужнымъ и даже невозможнымъ, когда всѣ люди будутъ составлять одну семью и свободно обмѣниваться между собою плодами своихъ трудовъ. Мнѣ кажется, что еслибы намъ было суждено снова появиться на свѣтъ и узрѣть это отдаленное время, то мы бы увидѣли, что система управленія въ этомъ мѣрѣ превратилась въ нѣчто подобное муниципальной системѣ и мнѣ кажется, что историкъ того времени будетъ считать величайшею революціею въ міровой исторіи именно это торжество принципа, во имя котораго мы собрались здѣсь¹».

Почти полстолѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ были произнесены эти слова; до сихъ поръ незамѣтно никакихъ признаковъ того, чтобы громадныя арміи и флоты дѣлались ненужными, и тѣмъ не менѣе нельзя не восхищаться прекрасной мечтою, которая выразилась въ этихъ словахъ; нельзя не чувствовать, какую великую нравственную силу внушала подобная вѣра. Сопоставьте эти слова съ тѣмъ, что говорилось съ платформы при пред-

¹. Cobden's Speeches, т. II, стр. 362, 363.

шествовавшихъ движеніяхъ, и вы увидите громадную, удивительную разницу. Сопоставьте ихъ съ тѣмъ, что говорилось при агитаціи, происходившей одновременно съ агитаціей противъ хлѣбныхъ законовъ, и вы увидите, какая пропасть раздѣляетъ ихъ. Какъ бурны и даже временами кровожадны рѣчи Стифенса, Остлера и другихъ вождей чартизма. Какъ злобны и ядовиты рѣчи Гента, а иногда и рѣчи Коббетта. Какъ напыщенны и даже смѣшны рѣчи Гэля Джонса и его современниковъ по сравненію съ рѣчами наиболѣе выдающихся дѣятелей Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ. Даже рѣчи агитаторовъ за реформу въ 1830 г. должны быть поставлены ниже.

Есть еще одна особенность, возвышающая эту агитацію надъ всѣми предшествовавшими, а именно личныя свойства ея руководителей. Всѣ они отличались полнымъ отсутствіемъ личнаго честолюбія или тщеславія, чего совсѣмъ нельзя сказать о другихъ движеніяхъ. У Фергюса О'Коннора главнымъ мотивомъ агитаціи служило удовлетвореніе его личнаго честолюбія, стремленіе играть первую роль на митингахъ, любовь къ поклоненію толпы.

Въ рѣчахъ Аттвуда точно также очень часто слышится нота личнаго самолюбія. Въ одной рѣчи онъ увѣрялъ своихъ слушателей, что «еслибы не ихъ крайнее благоразуміе, то ихъ всѣхъ постигла бы та же участь, какъ и прежнихъ борцовъ за реформу, ему же лично, по всей вѣроятности, грозило бы заключеніе въ темницу¹». Въ другой рѣчи онъ говорилъ: «Я чрезвычайно радъ тому, что я посвятилъ себя именно этому дѣлу и тѣмъ болѣе доволенъ этимъ, чѣмъ большія опасности угрожаютъ мнѣ. Я могу сказать лишь одно, что послѣ смерти я не желалъ бы иной надгробной надписи себѣ, какъ только: «Здѣсь покоится основатель Политическихъ Союзовъ²».

¹. Attwood's Life, стр. 140, 17 мая 1830 г.

². Ibid., стр. 152, 13 декабря 1830 г.

Для Гента одобрение толпы было необходимо какъ воздухъ, которымъ онъ дышалъ.

Въ рѣчахъ главныхъ ораторовъ Лиги напрасно было бы искать малѣйшей ноты личнаго самолюбія или тщеславія. Морлей въ своей біографіи Кобдена говоритъ¹: «Я не могъ найти ни въ одномъ словѣ кого-либо изъ главныхъ дѣятелей Лиги, даже въ самой интимной перепискѣ, ни малѣйшаго слѣда мелочнаго или недостойнаго самолюбія. Они были слишкомъ беззавѣтно преданы дѣлу для этого. Никогда еще тщеславіе не играло такъ мало роли на сценѣ, представлявшей столько искушенія для тщеславія»

Эта черта, характеризовавшая все движеніе, полна глубокаго значенія, какъ живое свидѣтельство того, какой высоты могутъ достигнуть проявленія платформы.

И такъ, въ отношеніяхъ личныхъ свойствъ руководителей движенія, умѣренности ихъ рѣчей, полного отсутствія подстрекательства къ насилію или безпорядкамъ,—эта агитація представляетъ собою явленіе, стоящее неизмѣримо выше всего того, что происходило до сихъ поръ при общественныхъ движеніяхъ, и указываетъ на такой прогрессъ въ этой сферѣ, который трудно было считать возможнымъ.

Много поучительныхъ уроковъ для общества заключается въ этой агитаціи. Одинъ изъ ораторовъ Лиги² слѣдующими словами высказалъ свой взглядъ на то, что въ глазахъ многихъ можетъ считаться особенно поучительнымъ проявленіемъ этого движенія для будущаго. «Когда впослѣдствіи люди будутъ задавать себѣ вопросъ, какимъ образомъ можно уничтожить какое нибудь вредное злоупотребленіе, поддерживаемое властью, охраняемое богатыми и вліятельными людьми, когда они будутъ спрашивать себя, возможно ли надѣяться уничтожить это зло

¹ Morley; Life of Cobden, т. I, стр. 279.

² Дж. Томсонъ въ Ковентъ—Гарденъ. См. The League, 22 февраля 1845 г.

путемъ упорныхъ усилій и жертвъ, то пусть они обратятся къ тѣмъ страницамъ исторіи, на которыхъ изложена исторія Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ; изъ нея они узнаютъ, что частная ассоціація можетъ совершить большія чудеса, чѣмъ руки тѣхъ, кто строилъ пирамиды; что безкровныя революціи могутъ совершаться путемъ воздѣйствія на умы людей; что существуетъ оружіе, которое не можетъ быть выбито изъ рукъ; что есть сила, которая хотя и невидима и неосязаема, тѣмъ не менѣе могуча и неодолима, что она переживаетъ министровъ, правительства, государства и управляетъ міромъ, когда человѣкъ дѣйствительно является человѣкомъ».

Брайтъ, въ своей рѣчи на послѣднемъ митингѣ Лиги, выяснилъ другой поучительный урокъ, который она дала обществу. «Еслибы мыслящему человѣку былъ заданъ вопросъ, что сдѣлала Лига, то я полагаю, что въ отвѣтъ своемъ онъ упомянулъ бы о многомъ другомъ помимо отмѣны извѣстнаго статута. Мы научили нашъ народъ цѣнить значеніе великаго принципа. Онъ узналъ отъ насъ, что ничто не въ состояніи такъ подвинуть просвѣщенныхъ людей нашей страны на дѣятельность, дѣятельность энергичную и упорную, какъ священный великій принципъ, подобный тому, какой мы положили въ основаніе Лиги. Онъ узналъ, что въ общественномъ мнѣніи заключается такая сила, которая неизмѣримо могущественнѣе всякаго правительства; что хотя въ нашей странѣ и господствуетъ система правленія, которая, несмотря на свое названіе «народной» и «представительной», дѣйствуетъ однако далеко не совершенно и подвержена частымъ сотрясеніямъ и толчкамъ, — но съ помощью высокаго принципа, большого труда и большихъ жертвъ, всѣ эти преграды могутъ быть преодолены и государственный механизмъ, какъ бы нарочно созданный для противнаго, можетъ работать на пользу и благо народа. Народъ узналъ и еще больше этого; онъ узналъ, что путь къ свободѣ лежитъ не черезъ кровопролитіе и

насиліе. Я полагаю, что народъ не можетъ вынести лучшаго урока изъ всего этого, какъ то, что упорною настойчивостью, не преступая законовъ нравственности, а строго повинуваясь ученію, преподанному намъ христіанствомъ, онъ можетъ одерживать великія и славныя побѣды, не запятнанныя никакимъ насиліемъ надъ побѣждаемыми — побѣды болѣе великія, чѣмъ какія-либо побѣды, одержанныя другими народами силою оружія».

Но не менѣе важное значеніе этого движенія заключается въ томъ, что съ самаго его возникновенія и до конца оно было непрерывнымъ источникомъ просвѣщенія для народа, долгою и прекрасною школою публичнаго обсуждения общественныхъ дѣлъ, продолжавшеюся семь лѣтъ, послѣ которыхъ платформа во всѣхъ отношеніяхъ поднялась на значительную высоту по сравненію съ прошлымъ: она освободилась отъ своихъ прежнихъ дефектовъ, показавъ, что это были лишь временные недостатки, а не присущія ей черты; она выработала такой образецъ достоинства, искренности и сдержанности въ обсужденіи общественныхъ вопросовъ, которому послѣдующія поколѣнія могли слѣдовать съ большою пользою для себя; она многихъ отвлекла отъ путей насилія, на которые толкали ихъ проповѣдники чартизма и тѣмъ направила на конституціонный путь движеніе, которое при иныхъ условіяхъ могло бы сдѣлаться революціоннымъ.

ГЛАВА XIX

ВТОРАЯ ВСПЫШКА ЧАРТИСТСКАГО ДВИЖЕНІЯ.

До какой степени сильно измѣнилось положеніе, занятое платформою въ жизни Англии, въ теченіе двадцатипятилѣтія, протекшаго со времени изданія «шести актовъ», ясно видно уже изъ того поразительнаго факта, что въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ при посредствѣ платформы одновременно велись двѣ агитаціи. Въ то время, какъ агитація противъ хлѣбныхъ законовъ все болѣе приближалась къ своему окончательному торжеству, при дѣятельномъ участіи въ ней платформы, чартистская агитація, еще далеко не закончившаяся, продолжала свое развитіе съ перемѣннымъ успѣхомъ и такъ же широко пользовалась платформой.

Въ предъидущей главѣ намъ уже приходилось упоминать о нѣкоторыхъ проявленіяхъ дѣятельности чартистовъ, но для полнаго выясненія роли платформы въ этомъ движеніи необходимо снова вернуться къ его исторіи, прерванной изложеніемъ исторіи агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ.

Возвращаясь къ проявленіямъ чартизма, мы вмѣстѣ съ тѣмъ возвращаемся къ платформѣ, преисполненной тѣми недостатками, которые были свойственны ей ранѣе 1840 г. Мы должны спустить ее съ того уровня, на который подняли ее руководители агитаціи противъ хлѣбныхъ за-

коновъ, и снова перейти къ платформѣ, лишенной тѣхъ достоинствъ, о которыхъ мы только что говорили съ такою похвалою, къ агитаціи съ неустойчивой, вѣчно мѣнявшейся организаціей и не прекращающимися раздорами между вожаками. Здѣсь мы слышимъ лишь звонкія, безсодержательныя фразы различныхъ авантюристовъ, дѣятельность которыхъ не имѣла иныхъ цѣлей кромѣ удовлетворенія личнаго тщеславія и которые не умѣли поступаться своими слабостями и личными чувствами въ пользу общаго дѣла.

Отсюда однако не слѣдуетъ выводить заключеніе, что дѣятельность платформы въ этой чартистской агитаціи не имѣетъ въ себѣ ничего поучительнаго. Напротивъ того, она чрезвычайно богата самыми цѣнными выводами и заключеніями.

Правда, эти выводы получаются, такъ сказать, отрицательнымъ путемъ, путемъ знакомства съ наиболѣе слабыми сторонами платформы, но значеніе ихъ тѣмъ не менѣе въ высшей степени цѣнно.

Приблизительно десять мѣсяцевъ спустя послѣ распадѣнія національнаго конвента въ сентябрѣ 1839 г., былъ составленъ новый планъ организаціи. Въ іюль 1840 г. въ Манчестерѣ былъ устроенъ митингъ, на которомъ было постановлено слить всѣ мѣстныя общества въ одну общую ассоціацію подъ названіемъ «Великобританская національная ассоціація хартіи»¹.

Вскорѣ послѣ этого были освобождены изъ заключенія многіе изъ главныхъ чартистовъ. Въ честь нѣкоторыхъ изъ нихъ были устроены торжества, на которыхъ произносились рѣчи и чартистское движеніе снова ожило. Такъ, 27 іюля² въ Бирмингамѣ была большая

¹. Въ маѣ 1842 г. м-ръ Дѣнкомбъ говорилъ въ своей рѣчи въ палатѣ общинъ: «Во всей Англіи и Шотландіи такихъ чартистскихъ ассоціацій около 600».—См. *Parliamentary Debates*, т. LXIII, стр. 20.

², 1840 г.

демонстрація въ честь Вилльяма Ловетта и Джона Коллинса; въ Глазго имѣла мѣсто «внушительная народная демонстрація», въ которой участвовало «не менѣе 200.000 человекъ», въ честь другихъ вождей чартистовъ.

Вскорѣ послѣ выхода изъ тюрьмы, Ловеттъ издалъ въ свѣтъ свое «Посланіе къ политическимъ и социальнымъ реформистамъ Соединеннаго Королевства», въ которомъ онъ изложилъ свои мысли, созрѣвшія въ немъ во время тюремнаго заключенія. «Братья, говорилъ онъ въ этомъ посланіи, обращаясь къ вамъ, какъ къ сотрудникамъ въ великомъ дѣлѣ борьбы за человѣческую свободу, мы бы хотѣли убѣдить васъ въ одной существенной истинѣ: если вы хотите достигнуть свободы, то вы должны сами позаботиться о своемъ социальномъ и политическомъ возрожденіи. Истинная свобода не можетъ быть дарована ни парламентскими актами, ни указами государей, она должна вытекать изъ просвѣщенія, нравственныхъ и общественныхъ добродѣтелей самого народа....

«Какія бы революціи ни переживала страна, какимъ бы измѣненіямъ ни подвергались наша конституція, наши законы и система правленія,—если въ основу политическаго и социальнаго строя не будутъ положены умственные и нравственные устои народа, то жизнь его будетъ лишь смѣною одного деспотизма другимъ, однихъ притѣснителей другими ¹».

Интересною въ этомъ посланіи Ловетта является его откровенная критика чартистскихъ митинговъ. «Наши публичные митинги, пишетъ онъ, слишкомъ часто являлись гораздо болѣе ареною партійныхъ страстей, яростной вражды или безсмысленнаго идолопоклонства, чѣмъ собраніями для спокойнаго и свободнаго обсужденія народныхъ нуждъ, или школою, двигающею наше великое дѣло путемъ распространенія идей и фактовъ; только посредствомъ такого просвѣщенія можетъ народъ быть

¹. The Life and Struggles of William Lovett, стр. 245.

подготовленъ къ разумному пользованію той политической властью, которой онъ теперь добивается».

Въ другомъ посланіи, изданномъ около того же времени, онъ говоритъ: «Однаго обладанія избирательными правами еще недостаточно для пользы нашей страны, они являются лишь средствомъ къ достиженію того, что нужно, а именно избранія лучшихъ и умнѣйшихъ людей для разрѣшенія задачи, не разрѣшенной еще ни однимъ законодательнымъ учрежденіемъ: какъ направить всѣ ресурсы нашей страны къ развитію духовнаго и соціального благополучія каждой отдѣльной личности?».

Но эти совѣты Ловетта остались безъ результата. Путь, который онъ предлагалъ, былъ слишкомъ медленъ для наиболѣе рьяныхъ чартистовъ.

Общіе выборы 1841 г. дали возможность чартистамъ показать свою силу. Ихъ образъ дѣйствій, однакоже, на этихъ выборахъ являлся совершенною противоположною образа дѣйствій Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ въ томъ, что касается воздѣйствія на составъ палаты общинъ и строгаго уклоненія отъ чисто партійной борьбы. Ихъ усилія повліять на составъ палаты общинъ сводились почти исключительно къ выдвиганію на избирательныхъ митингахъ кандидатовъ, которые разъясняли и защищали принципы чартизма, стараясь вызвать сочувствіе къ нимъ со стороны большинства присутствующихъ, причемъ однако они были далеки отъ осуществленія даже того своего плана, которымъ они такъ кичились—посылать избранныхъ такимъ образомъ лицъ требовать своего права участія въ парламентѣ. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда ихъ голоса могли имѣть рѣшающее значеніе, ихъ вождь Фергусъ О'Конноръ побуждалъ ихъ вотировать за торійскаго кандидата, чтобы показать всю свою ненависть къ вигамъ,—политика, которая, по словамъ Гаммаджа ¹, «вносила безконечные раздоры среди нихъ,

¹. G a m m a g e, стр. 210.

еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ пререканія о преимуществахъ моральнаго воздѣйствія и физической силы».

Эти «безконечные раздоры» и должны были въ концѣ концовъ погубить чартизмъ.

Гаммаджъ, въ своей Истории, откровенно указываетъ тѣ многочисленныя ошибки, которыя въ значительной степени подрывали значеніе чартистскаго движенія. Главный недостатокъ его заключался въ отсутствіи единодушія. Вожди движенія вели постоянную войну между собою. Ловеттъ и Коллинсъ, въ сочиненіи подъ названіемъ Чартизмъ, изложили планъ организациі партіи во всемъ королевствѣ. «Онъ былъ встрѣченъ цѣлымъ воємъ нападокъ». Винцентъ, по выходѣ своемъ изъ тюрьмы, выступилъ съ проповѣдью воздержанія отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ и возбудилъ вопросъ объ устройствѣ «чартистскихъ ассоціацій трезвости». И онъ также былъ встрѣченъ насмѣшками. Нѣкоторые изъ шотландскихъ чартистовъ учредили «христіанскіе чартистскіе храмы», въ которыхъ говорились политическія проповѣди. Это также не встрѣтило сочувствія. Всѣ и каждое изъ этихъ начинаній вызывали нападки со стороны О'Коннора, который, по словамъ Гаммаджа¹, «не дѣлалъ ничего для чартистской партіи въ смыслѣ поднятія умственнаго уровня среди ея членовъ; онъ хотѣлъ, чтобы она продолжала оставаться все тою же темною толпою, изъ среды которой послѣ каждаго митинга раздавались бы крики въ честь Фергуса О'Коннора и The Northern Star».

Въ концѣ осени 1841 г. О'Конноръ былъ освобожденъ изъ тюрьмы. Еще до выхода изъ нея онъ заявилъ, что послѣ освобожденія онъ появится въ простомъ бомазейномъ костюмѣ, чтобы показать, до какой степени онъ считаетъ себя принадлежащимъ къ рабочему классу, и дѣйствительно, когда онъ былъ выпущенъ, въ Йоркѣ устроена была торжественная процессія, при чемъ О'Кон-

¹. G a m m a g e, стр. 213.

нора въ его рабочемъ костюмѣ везли въ триумфальной колесницѣ нарочно для этого сдѣланной, а тысячная толпа, окружавшая его, оглашала воздухъ криками въ честь «Льва свободы».

Выйдя на свободу, онъ тотчасъ вступилъ въ пререканія съ различными группами чартистовъ. Раздоры и несогласія возникали безпрестанно. Не видя необходимости входить въ ихъ подробности, мы отмѣчаемъ ихъ лишь какъ одну изъ причинъ, подрывавшихъ значеніе чартизма. Раздоры между вождями естественно влекли за собою раздоры и между ихъ послѣдователями, доходившіе до того, что митинги одной группы чартистовъ разстраивались чартистами другихъ группъ. Описавъ такого рода шумныя собранія въ Лейчестерѣ, Гаммаджъ прибавляетъ: «Безуміе, проявленное чартистами въ Лейчестерѣ, было присуще больше или меньше и всей чартистской партіи. Разумъ попирался, не знавшія удержу страсти демагоговъ брали верхъ надъ всѣмъ и никто изъ тѣхъ, кто имѣлъ мужество отступить отъ пути, предначертаннаго О'Конноромъ и его органомъ *The Northern Star*, не имѣлъ ни малѣйшаго шанса на успѣхъ... Каждая изъ группъ чартистской партіи нетерпимо относилась ко всему, что расходилось съ ея политикой. Отсюда непрестанныя препирательства и ссоры и постепенное распаденіе сильной партіи на безконечное множество мелкихъ ничтожныхъ секцій.»

Въ продолженіе всего этого времени платформа проявляла кипучую дѣятельность. Повсюду устраивались митинги то одной группы чартистовъ, то другой. Въ одномъ мѣстѣ кто нибудь выступалъ съ рядомъ публичныхъ чтеній; въ другомъ устраивался рядъ торжественныхъ приемовъ въ честь кого нибудь. Но во всѣхъ этихъ проявленіяхъ платформы трудно разобрать при той разноголосицѣ, которая въ нихъ существовала. Изъ всего этого хаоса противорѣчій и пререканій выступаетъ однако одинъ положительный фактъ—рѣшеніе подать вто-

рую петицію о хартіи. Послѣ многочисленныхъ митинговъ, рѣчей и при содѣйствіи вновь избраннаго спеціально для этого конвента, петиція была, наконецъ, составлена и подписана, какъ говорили, «3.315.752 представителями рабочихъ классовъ».

2 мая 1842 г. эта петиція была отвезена въ сопровожденіи громадной процессіи рабочихъ въ зданіе парламента и представлена палатѣ общинъ. Размѣры ея были такъ значительны, что ее нельзя было пронести въ дверь въ свернутомъ видѣ и для этого пришлось развернуть ее ¹.

Въ этой петиціи ² совершенно не было того пафоса, которымъ преисполнена первая національная петиція. Она начиналась съ заявленія, что «правительство, исходящее отъ народа, призвано охранять его свободу, заботиться о его благополучіи и быть отвѣтственнымъ передъ нимъ». Далѣе петиціонеры оспаривали авторитетность палаты общинъ, протестовали противъ существующей системы представительства, выражали свое недовольство по поводу національнаго долга, жаловались на примѣненіе законовъ о бѣдныхъ, на «неравенство между заработкомъ милліоновъ производительнаго населенія и вознагражденіемъ тѣхъ, чья полезность подлежитъ большому сомнѣнію», указывая при этомъ, что ежедневный доходъ королевы составляетъ 164 фнт. 17 шил. 10 пенс., между тѣмъ какъ ежедневный доходъ тысячей рабочихъ составляетъ только $3\frac{3}{4}$ пенса. Затѣмъ они высказывали недовольство по поводу существованія неконституціонной полицейской силы, огромной и также неконституціонной арміи, на составъ палаты общинъ, на «монопольный характеръ избирательныхъ правъ, бумажныхъ денегъ, владѣнія орудіями производства, землею, монополию печати, церковныхъ привилегій, способовъ передвиженія и про-

¹. Parliamentary Debates, т. LXII, 1373.

². Текстъ этой петиціи см. въ Parliamentary Debates, 1842 г. т. LXII, стр. 1376.

воза и на множество другихъ золъ, слишкомъ многочисленныхъ, чтобы ихъ перечислять». Они заявляли о правѣ Ирландіи имѣть свой особый законодательный органъ и, въ заключеніе, «предлагали» палатѣ общинъ немедленно же, безъ всякихъ измѣненій, урѣзываній или прибавленій, дать силу закона документу, именуемому «Народная Хартія».

Петиція была представлена палатѣ Т. Дёнкомбомъ, который на слѣдующій день внесъ предложеніе о томъ, чтобы петиціонеры сами, или черезъ повѣренныхъ, или агентовъ были выслушаны палатою ¹. Правительство высказалось противъ этого предложенія, какъ могущаго подать поводъ къ возбужденію несбыточныхъ надеждъ, при чемъ министръ внутреннихъ дѣлъ выразилъ мнѣніе, что удовлетвореніе требованій петиціи болѣе, чѣмъ что либо другое ухудшило бы положеніе народа. Маколей высказался противъ предложенія въ томъ убѣжденіи, что «всеобщая подача голосовъ была бы губительна для всѣхъ тѣхъ задачъ, ради которыхъ существуетъ правительство, аристократія и все остальное, и что она совершенно несовмѣстима съ самымъ существованіемъ цивилизаціи ²».

М-ръ Рёбуккъ, поддерживая предложеніе, просилъ палату не судить объ англійскомъ народѣ по выраженіямъ, въ которыхъ составлена петиція писавшимъ ее безумнымъ, недоброжелательнымъ и малодушнымъ демагогомъ ³; а лордъ Росселль, изъявляя свое уваженіе къ петиціонерамъ, сказалъ, что доктрины, выраженные въ петиціи, вызываютъ въ немъ отвращеніе.

Сэръ Робертъ Пиль заявилъ о живѣйшемъ сочувствіи

¹. Parliamentary Debates, т. LXIII, стр. 32, 3 мая 1842 г.

². Ibid., стр. 46.

³. Сэръ Р. Пиль выразился во время преній о Фергусѣ О'Коннорѣ (не называя его по имени, но несомнѣнно имѣя въ виду его), какъ о человѣкѣ, «который во имя своихъ дурныхъ цѣлей совратилъ умы почтенныхъ, разумныхъ, трудолюбивыхъ, честныхъ рабочихъ классовъ страны».—Ibid., стр. 78.

къ бѣдственному положенію народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ и о твердой рѣшимости не соглашаться на столь существенныя измѣненія конституціи, которыя не только не принесли бы облегченія, но скорѣе значительно увеличили бы бѣдствія, на которыя жалуются. Петиція, говорилъ онъ, заключаетъ въ себѣ рѣзкое осужденіе всего политическаго и общественнаго строя; по его убѣжденію уступка требованіямъ петиціи была бы пагубна для самихъ петиціонеровъ. За предложеніе Денкомба высказалось сорокъ девять голосовъ, и 287—противъ, т. е. большинство въ 238 голосовъ и этимъ завершилась исторія второй національной петиціи.

Когда такимъ образомъ надежды на осуществленіе хартіи этимъ путемъ рушились, наиболѣе безпокойные изъ чартистовъ, пользуясь сильной нуждой, господствовавшей во многихъ промышленныхъ округахъ, принялись за устройство стачекъ съ требованіемъ повышенія заработной платы. Это движеніе возникло въ началѣ августа; въ Манчестерѣ и въ другихъ городахъ стали собираться большіе митинги, на которыхъ произнесены были самыя зажигательныя рѣчи. Проявленія дѣятельности платформы въ этомъ случаѣ показали еще разъ, какъ легко толкнуть невѣжественныя массы на путь насильственныхъ дѣйствій, когда онѣ находятся подъ гнетомъ нужды.

Несчастливая увѣренность въ близкомъ торжествѣ требованій хартіи ясно выступаетъ, на примѣръ, въ постановленіи, принятомъ на митингѣ въ Моттрамъ Мурѣ 7 августа, когда было рѣшено не возобновлять работъ до тѣхъ поръ, пока хартія не получитъ силы закона. Имѣются свѣдѣнія, что на этомъ митингѣ обсуждались и были одобрены всѣ тѣ буйства и насилія, которыя имѣли мѣсто въ ближайшіе послѣ него дни и которыя приняли очень широкіе размѣры. Въ Йоркширѣ и Ланкаширѣ громадныя массы народа оставили работы и ходили большими толпами съ мѣста на мѣсто, побуждая дру-

гихъ послѣдовать ихъ примѣру, при чемъ во многихъ случаяхъ происходили акты грубаго насилія и разрушенія чужой собственности.

Произведены были нападенія на фабрики, были оставлены и попорчены машины. Въ Аштонѣ собрался на открытомъ воздухѣ большой митингъ, съ котораго народъ прямо пошелъ гнать рабочихъ съ фабрикъ и ломать машины. Въ Престонѣ состоялся митингъ вечеромъ 12 августа. Въ пять часовъ утра на слѣдующій день на томъ же мѣстѣ собралась толпа народа и отправилась останавливать работу на фабрикахъ; это повело къ большимъ беспорядкамъ, потребовалось вмѣшательство военной силы, четыре человѣка были убиты выстрѣлами на мѣстѣ и многіе ранены. И это былъ не единственный случай, сопровождавшійся кровопролитіемъ. Во многихъ другихъ мѣстахъ также собирались митинги и о характерѣ произнесенныхъ на нихъ рѣчей можно судить по тому, что присутствовавшіе на митингахъ немедленно же приступали къ насиліямъ и угрозамъ... Въ Стафордширѣ Томасъ Куперъ, одинъ изъ извѣстныхъ чартистовъ, собиралъ митинги, на которые сходились тысячи участниковъ и на которыхъ онъ разжигалъ въ «рабочихъ сильнѣйшую ярость противъ имущихъ классовъ ¹», вскорѣ послѣ чего и тамъ возникли серьезные беспорядки.

Въ этихъ своихъ проявленіяхъ платформа упала до послѣдней степени. Избѣгая обсужденія, отвергая обращеніе къ парламенту или даже просто къ обществу, присутствовавшіе на митингахъ переходили прямо къ дѣлу. Они собирались и подъ впечатлѣніемъ обращенныхъ къ нимъ рѣчей приступали къ незаконнымъ дѣйствіямъ. Когда платформа служитъ подобнымъ цѣлямъ, то конечно нечего сказать въ защиту ея; можно лишь сожалѣть о такомъ злоупотребленіи ею, но къ счастью, надо сказать, что такіа злоупотребленія были рѣдки.

¹. G a m m a g e, стр. 243.

Волненія въ промышленныхъ округахъ приняли такіе размѣры, что правительство издало прокламацію, предостерегающую подъ угрозою наказанія отъ участія въ буйствахъ. Обычныя требованія закона примѣнялись со всею энергіей, было произведено множество арестовъ не только въ этихъ мѣстностяхъ, но также и въ Лондонѣ. Для суда надъ участниками въ беспорядкахъ были приняты особенно рѣшительныя мѣры и многіе были приговорены къ ссылкѣ и другимъ наказаніямъ. Фергусъ О'Конноръ и нѣсколько другихъ чартистскихъ вождей были также арестованы и преданы суду.

Поведеніе народа при этихъ стачкахъ вызвало со стороны Джона Брайта «Посланіе къ жителямъ Рочдэля», въ которомъ находится очень интересный отзывъ о чартистскихъ ораторахъ.

«Ваши ораторы очень громогласны... Они говорятъ вамъ о вашей численности и о вашей силѣ и сулятъ вамъ чудеса, если вы будете тверды. Они обманываютъ васъ; быть можетъ, они и сами обманываютъ себя. Нѣкоторые изъ нихъ извлекаютъ себѣ выгоду изъ этого обмана, другіе довольствуются славой вожаковъ движенія. Они грубо льстятъ вамъ и грубо клеветаютъ на вашихъ хозяевъ. По ихъ увѣреніямъ, они борются за вашу политическую свободу; они знаютъ, что эта свобода можетъ быть достигнута только при посредствѣ избирателей и содѣйствіи среднихъ классовъ, а между тѣмъ они не перестаютъ возстановлять васъ противъ тѣхъ, съ которыми въ вашихъ интересахъ вамъ необходимо быть въ согласіи. Въ продолженіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ они завлекали васъ цѣлью, которая оказалась недостижимой въ настоящее время, и безпрестанно мѣшали вамъ стремиться къ какому либо практическому цѣлямъ. Они постоянно старались возстановлять васъ противъ тѣхъ, кто только и можетъ помочь вамъ въ борьбѣ противъ узурпацій аристократіи. Имъ удалось поселить среди васъ не-

довѣріе и несогласіе и многіе сдѣлали себѣ изъ этого источникъ наживы ¹».

Чартисты были повергнуты въ большое смятеніе осужденіемъ нѣкоторыхъ своихъ вождей. Денежные фонды ихъ также были очень ограничены, и несмотря на энергическую пропаганду съ платформы О'Коннора и другихъ, дѣло нисколько не подвигалось впередъ. Неудача попытки устроить всеобщую стачку дискредитировала тѣхъ вожаковъ чартистской партіи, которые подняли и поощряли это движеніе,—многіе изъ рабочихъ были крайне раздражены тѣмъ, что ихъ ввели въ такое заблужденіе, и вообще все это «такъ подорвало чартизмъ, что результаты этого сказывались въ теченіе многихъ лѣтъ».

Ближайшіе послѣдующіе годы представляютъ мало интереснаго въ отношеніи исторіи движенія и платформы въ связи съ нимъ. Въ декабрѣ 1842 года въ Бирмингамѣ состоялся большой съѣздъ, въ которомъ участвовали 400 — 500 делегатовъ изъ разныхъ мѣстностей.

Вскорѣ однако изъ состава ихъ вышли сначала одна группа, потомъ другая. Оставшіеся рѣшили создать новую организацію съ ежегоднымъ конвентомъ, члены котораго должны были избираться на мѣстныхъ публичныхъ митингахъ. Слѣдующею весною (1843 г.) на ассизахъ въ Ланкаширѣ состоялся судъ надъ О'Конноромъ и другими чартистами, окончившійся ихъ обвиненіемъ; рѣшеніе это было обжаловано, при чемъ однако дѣло это такъ и не получило дальнѣйшаго движенія.

Конвентъ собрался въ сентябрѣ 1843 г. и, по внушенію О'Коннора, на немъ былъ принятъ планъ подъ названіемъ «Land Scheme», который долженъ былъ совершенно измѣнить весь общественный строй, обезпечивъ счастье каждаго человѣка; въ теченіе значитель-

¹. См. Cobden and the Anti-Corn-Law League, Henry Ashworth, стр. 108.

наго періода времени О'Конноръ всю свою энергію посвятилъ на осуществленіе этого плана.

Лѣтомъ 1844 года чартистское движеніе потерпѣло жестокое пораженіе, уже описанное нами, со стороны Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ. Кромѣ этого почти нечего отмѣтить за весь этотъ и ближайшіе годы. Раздоры среди партіи не прекращались. Гаммаджъ, съ обычною своею откровенностью, пишетъ: «Не весело вспоминать и передавать о той массѣ лжи, предательства и безумія, которая опутала одно изъ благороднѣйшихъ народныхъ движеній».

Одна форма организаціи смѣняла другую съ такою быстротою, что ни одна изъ нихъ не была проводима до конца и едва ли ктонибудь могъ съ увѣренностью сказать, какая именно организація существуетъ въ данную минуту. Платформа функционировала все время, въ разнообразныхъ видахъ—съѣздахъ, совѣщаніяхъ, всевозможныхъ митингахъ, не проявляя однако себя ни въ чемъ, что было бы достойно вниманія и говорило въ ея пользу. Такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ чартизмъ хотя и продолжалъ существовать, но болѣе по имени и памятью прежняго, нисколько не подвигая впередъ своего дѣла. Въ 1846 году ему былъ нанесенъ тяжкій ударъ успѣхомъ Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ и отмѣною послѣднихъ. Вожди чартизма съ самаго начала всѣми силами противодѣйствовали этой агитации, утверждая, что цѣль ея такъ же трудно достижима, какъ «шесть пунктовъ» Хартіи, но теперь эта цѣль была достигнута и ихъ предсказанія блестяще опровергнуты. Кромѣ того, успѣхъ веденія агитации противъ хлѣбныхъ законовъ представлялъ разительный контрастъ съ неуспѣшностью веденія чартистской агитации,—неуспѣшностью, сопровождавшеюся при этомъ гибелью множества людей, въ тюрьмахъ, отъ потери заработка и многихъ другихъ причинъ. Къ тому же уничтоженіе

¹. G a m m a g e, стр. 287.

хлѣбной монополіи значительно уменьшило ряды недовольныхъ и отняло сильное оружіе изъ рукъ чартистовъ.

Въ августѣ 1847 года происходили общіе выборы, — послѣ роспуска парламента, послѣдовавшаго 23 іюля, за истеченіемъ срока его полномочій. Эти выборы «были вѣроятно самыми спокойными ¹» изъ всѣхъ, какіе когда либо были. На долю чартизма выпало торжество въ избраніи Фергуса О'Коннора отъ Ноттингама, но исключая этого избранія и избранія еще нѣсколькихъ лицъ, которые скорѣе принадлежали къ радикаламъ, чѣмъ къ чартистамъ, чартизмъ ни въ чемъ не отразился на составѣ палаты общинъ.

Послѣ выборовъ чартисты дѣятельно принялись за собираніе подписей къ третьей большей національной петиціи, подать которую они рѣшили. На пропаганду большой петиціи О'Конноръ и другіе вожди чартизма смотрѣли, какъ на полезное времяпровожденіе для своихъ сторонниковъ, какъ на средство поддерживать въ народѣ интересъ къ движенію, между тѣмъ какъ имъ самимъ она давала поводъ безпрестанно выдвигать себя впередъ. Этой петиціи суждено было получить болѣе громкую извѣстность, чѣмъ предшествовавшимъ, такъ какъ пропаганда ея совпала съ революціоннымъ движеніемъ, которое происходило въ Европѣ и которое отразилось, какъ это всегда бывало, и на Соединенномъ Королевствѣ, вызвавъ въ народныхъ массахъ сильное политическое возбужденіе. Это было вторымъ громкимъ взрывомъ чартистскаго движенія, результатомъ или продуктомъ всѣхъ бывшихъ митинговъ и всѣхъ рѣчей, въ теченіе столькихъ лѣтъ лившихся шумнымъ потокомъ изъ устъ многорѣчивыхъ вождей движенія.

Новому парламенту вскорѣ пришлось заняться разрѣшеніемъ вопросовъ первостепенной важности, вслѣдствіе чего явилась необходимость созвать осеннюю сессію, которая и была открыта 18 ноября (1847 г.). Политиче-

¹. Annual Register, 1847 г., стр. 95.

ская атмосфера Европы была до крайней степени насыщена электричествомъ и первыя капли грозы уже падали на землю. Сама Англія все еще не освободилась отъ торговаго и финансоваго кризиса, который сказывался сильнѣйшею нуждою среди рабочаго населенія; состояніе Ирландіи было самое печальное, близкое къ полному разоренію, благодаря новому неурожаю картофеля, и къ поголовному возстанію вслѣдствіе господствовавшей въ народѣ нищеты и постоянно раздававшихся призывовъ къ возмущенію со стороны нѣкоторыхъ ирландскихъ агитаторовъ. Такимъ образомъ много было поводовъ для возбужденія въ народѣ, и чартисты успѣли воспользоваться ими.

«Въ концѣ декабря въ Лондонѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ происходили многолюдныя собранія ¹». «Шотландія начала приходить въ движеніе» и въ Эдинбургѣ собрался большой митингъ. Въ самомъ началѣ слѣдующаго, памятнаго, 1848-го года О'Конноръ посѣтилъ Бирмангамъ, гдѣ былъ созванъ большой митингъ, за которымъ послѣдовали другіе.

Во Франціи вспыхнула революція. Въ концѣ февраля Парижъ представлялъ картину народнаго возстанія. Чернь поднялась, возбужденіе все росло, между народомъ и наполовину стоящими на его сторонѣ войсками произошли кровавыя столкновенія, народъ одержалъ верхъ, король отрекся отъ престола и бѣжалъ, монархія пала и провозглашена была республика. «Вѣсть объ этихъ событіяхъ преисполнила демократовъ надеждами», пишетъ Гаммаджъ ². «Въ Шотландіи разъѣзжалъ, устраивая митинги, Макъ Дуалль, въ Йоркширѣ Кейдъ; Уестъ агитировалъ въ окрестностяхъ Ньюкэстля на Тайнѣ».

2 марта состоялось «громадное народное собраніе» въ Ламбетѣ. Такія же «громадныя собранія жителей сто-

¹. G a m m a g e, стр. 312.

². I b i d., стр. 313.

лицы» имѣли мѣсто въ Степней-Гринъ, Клеркенуэлль-Гринъ и Бетналь-Гринъ.

6 марта состоялся митингъ въ Трафальгаръ Скверъ, сопровождавшійся значительными беспорядками. Вспыхнули также беспорядки и въ нѣкоторыхъ большихъ промышленныхъ городахъ. Въ Гласго толпы народа ходили по улицамъ съ криками «хлѣба или революція»; во многихъ случаяхъ дѣло доходило до вмѣшательства военной силы, при чемъ были убиты. О'Конноръ отправился на гончарные заводы въ Ганлеъ и говорилъ тамъ на митингѣ, въ которомъ участвовало до 7000 человекъ.

«Въ Ньюкэстлѣ, Дѣмфри, Сундерландѣ и во множествѣ другихъ городовъ народъ призывался откликнуться на зовъ парижскаго населенія. Всюду собирались публичные митинги и демократическія чувства зажглись во всѣхъ сердцахъ».

12 марта состоялся митингъ въ Пипъ Гринъ, въ Йоркширѣ. На немъ «былъ поднятъ республиканскій флагъ и были постановлены резолюціи, которыми участники митинга обязывались стоять за хартію».

Происходили также митинги въ Манчестерѣ, Брадфордѣ, Ипсвичѣ, Шеффилдѣ и во многихъ другихъ городахъ. 13 марта состоялся въ Кеннингтонъ-Коммонѣ, по выраженію Гаммаджа, «большой митингъ», который, по отзыву *Annual Register*¹, представлялъ собою «возмутительное зрѣлище». 15-го происходилъ митингъ въ Блэкгетѣ, «многолюдный митингъ» въ Бирмингамѣ въ пользу хартіи. Въ субботу, 19-го былъ митингъ въ Ольдгамѣ Эджѣ, при чемъ «О'Конноръ полагаетъ, что число собравшихся доходило до 250,000».

«Нынѣ священный день, говорилъ О'Конноръ на митингѣ, и мы собрались ради священнаго дѣла. Пусть каждый, обнаживъ голову, поклянется здѣсь не прекращать борьбы, пока свобода не будетъ обезпечена», и всѣ присутствовавшіе обнажили головы.

¹. *Annual Register*, 1848 г., стр. 38.

Примѣръ Франціи дѣйствовалъ возбуждающимъ образомъ на всю Европу, заражая революціоннымъ духомъ всѣ страны. Въ половинѣ марта въ Австріи палъ Меттернихъ. Нѣсколько времени спустя баварскій король былъ принужденъ отказаться отъ престола. Въ Саксоніи, Ганноверѣ и въ герцогствѣ Баденскомъ у правительствъ были исторгнуты конституціи. Въ Италіи также происходило революціонное броженіе. Народъ захватилъ Миланъ въ свои руки и изгналъ изъ него австрійскія войска. Въ Сициліи возставшій народъ потребовалъ и добился важныхъ уступокъ отъ короля неаполитанскаго. Даже въ папскихъ владѣніяхъ царило сильное волненіе и папа былъ вынужденъ дать новую конституцію своимъ подданнымъ.

Всѣ эти событія, по мѣрѣ того какъ извѣстія о нихъ доходили до чартистовъ, «лишь усиливали ихъ рѣшимость добиться окончательнаго торжества тѣхъ принциповъ, за которые они такъ долго боролись». Митинги слѣдовали одинъ за другимъ, и платформою пользовались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, придавая ея проявленіямъ самый рѣзкій характеръ. Рѣчь Эрнеста Джонса на митингѣ въ Лондонѣ 27 марта служитъ прекрасной иллюстраціей общаго характера рѣчей того времени. «Я думаю, что народъ готовъ провозгласить свое мощное велѣніе учинить погребальный звонъ рабству! Я бы считалъ преступнымъ говорить это, не имѣя на то достаточныхъ основаній. Я долженъ былъ бы нести отвѣтственность за то зло, которое могло бы произойти. Вдовы и сироты въ правѣ были бы проклинать меня. Но, клянусь небомъ, я убѣжденъ, что мы стоимъ на порогѣ нашихъ правъ. Еще одинъ шагъ, хотя бы желѣзною пятой, и мы вступимъ въ обладаніе ими. Я по совѣсти твердо увѣренъ въ томъ, что народъ готовъ потребовать себѣ хартію. И я говорю, возьмите ее и пусть Господь поможетъ вамъ отстоять ее.... Мы пойдемъ правымъ путемъ. Мы не выйдемъ изъ границъ сдержанности и не потеряемъ

головы, но будемъ рѣшительны. Будемъ уважать законъ, если законодатели будутъ уважать насъ; если же нѣтъ, то вѣдь Франція сдѣлалась же республикою».

Вотъ какія рѣчи раздавались теперь съ платформы. Гаммаджъ, говоря объ этой эпохѣ, замѣчаетъ: «Изъ провинцій продолжали приходить извѣстія о все болѣе и болѣе разроставшемся демократическомъ движеніи. Въ Ньюаркѣ, Плимутѣ, Нортгэмптонѣ, Дедлеѣ, Денди, Эксетерѣ и въ другихъ мѣстахъ происходили народныя собранія, на которыхъ были избраны делегаты въ конвентъ, постановлено представить петицію и вотированы резолюціи объ осуществленіи хартіи». Въ Ноттингамѣ Макъ-Дуалль говорилъ передъ собраніемъ въ десять тысячъ человѣкъ. Въ Лафборо, Ковентри, Соутгэмптонѣ, Макльсфильдѣ также происходили собранія, «даже въ Ньюпортѣ, гдѣ чартизмъ совершенно заглохъ послѣ памятныхъ печальныхъ событій... Подписи къ петиціи притекали въ громадномъ количествѣ отовсюду. Митинги слѣдовали одинъ за другимъ, рѣчи лились рѣкою и всѣ средства были пущены въ ходъ, чтобы разжечь пламя возбужденія, которое, казалось, угрожало самому существованію правительства ¹».

Снова, именно 4 апрѣля, въ Лондонѣ собрался національный конвентъ, члены котораго были избраны обычнымъ путемъ, т. е. на публичныхъ митингахъ. Старый расколъ между сторонниками физическаго и моральнаго воздѣйствія тотчасъ обнаружился на немъ со всею прежнею силою. Засѣданія конвента начались съ сообщеній делегатовъ о настроеніи тѣхъ округовъ, отъ которыхъ они были избраны. Одинъ говорилъ, что «безполезно проповѣдывать терпѣніе массамъ, умирающимъ съ голоду». Другой сообщалъ, что его избиратели готовы попытаться подать еще одну петицію, но если она будетъ отклонена, то они «перейдутъ къ дѣлу», каковы бы ни были послѣдствія этого. Третій — что

¹. Gam m a g e, стр. 322

его избирателямъ надоѣли митинги. Еще одинъ говорилъ, что страданія народа продолжаются такъ долго, что народъ начинаетъ терять терпѣніе. Многіе заявляли, что ихъ избиратели желали бы достигнуть цѣли, не прибѣгая къ физической силѣ, но что они требуютъ хартіи во что бы то ни стало. Эрнестъ Джонсъ заявилъ, что его избиратели, всѣ до одинаго, готовы къ войнѣ, а одинъ изъ делегатовъ, Рейнольдсъ, сказалъ, что «нѣсколько капель крови не значатъ ничего и если моральные пути окажутся безуспѣшны, то народъ готовъ прибѣгнуть къ любымъ средствамъ».

Фергусъ О'Конноръ сказалъ, что онъ «считаетъ этотъ конвентъ настоящимъ представительствомъ народа. Чартизмъ растетъ и будетъ расти. По его убѣжденію, подъ петиціей соберется 5.400.000 подписей. Событія во Франціи дали новый толчокъ движенію. На континентѣ рушатся и колеблются престолы, неужели же Англія не освободится отъ рабства? Въ понедѣльникъ они отправятся въ палату. Онъ не хочетъ излишнею поспѣшностью погубить дѣло, надъ которымъ онъ трудился болѣе всѣхъ, но не хочетъ также и того, чтобы народъ оставался въ оковахъ хоть одною минутою дольше того, чѣмъ ему возможно ихъ сбросить.... Если петиція будетъ отвергнута, то онъ предлагаетъ одновременный созывъ митинговъ по всей странѣ для того, чтобы просить королеву удалить настоящее министерство и призвать такое, которое сдѣлало бы хартію кабинетнымъ вопросомъ. Если и это не удастся, то онъ все же не отступить и скорѣе умереть, чѣмъ откажется отъ хартіи.

«Онъ ждетъ только того времени, когда большинство народа ее потребуетъ и будетъ готово отстаивать свои права. Теперь, по его мнѣнію, народъ достаточно силенъ, чтобы добиться своего».

Гаммаджъ, говоря объ этихъ сообщеніяхъ, пишетъ: «Не подлежитъ сомнѣнію, что страна находилась подъ гнетомъ самой тяжкой нужды, что эта нужда поселила въ

народѣ чувство крайняго недовольства, которое на ряду съ возбужденіемъ, вызваннымъ европейскими событіями, создала положеніе самаго угрожающаго характера. Но однихъ этихъ элементовъ было еще недостаточно для того, чтобы революція могла имѣть успѣхъ. Они могли бы способствовать ей, еслибы главный основной элементъ былъ на лицо. Для революціи нужна была наличность твердаго сознательнаго убѣжденія въ народѣ, убѣжденія, которое создалось бы на основаніи разсужденій о правотѣ, справедливости, цѣнности и необходимости политическихъ и социальныхъ правъ народа. Такое убѣжденіе, несмотря на многолѣтнюю агитацію, еще не было создано».

Представленіе третьей и послѣдней большой народной петиціи было назначено на понедѣльникъ, 10-го апрѣля. Петиція эта имѣла много общаго съ предшествовавшими, но была недостаточно обработана. Послѣ выраженія своего недовольства дѣйствующею системою представительства, петиціонеры просили объ осуществленіи «шести пунктовъ» хартіи, всеобщей подачи голосовъ, уравненія избирательныхъ округовъ, закрытой баллотировки, установленія содержанія членамъ парламента, уничтоженія имущественнаго ценза и ограниченія срока полномочій каждаго парламента однимъ годомъ въ виду того, что при семилѣтнемъ срокѣ изъ каждыхъ семи лѣтъ въ теченіе шести лѣтъ лишаются возможности пользоваться своими избирательными правами всѣ тѣ, кто за эти годы достигаетъ совершеннолѣтія».

Для того, чтобы придать особенно торжественный и знаменательный характеръ этому событію, конвентъ рѣшилъ созвать большой митингъ въ Кеннингтонъ-Коммонъ и оттуда отправиться процессіей въ палату общинъ для представленія петиціи. Распространившіеся слухи о томъ, что на этомъ митингѣ соберется до полумилліона людей, побудили правительство и людей мирнаго и благонамѣреннаго образа мыслей позаботиться о принятіи

мѣръ для охраненія порядка и предупрежденія какихъ либо угрозъ по отношенію къ парламенту. 6-го августа правительство опубликовало черезъ полицію слѣдующее объявленіе:

«Въ виду того, что собраніе большого количества народа, при условіяхъ способныхъ возбудить тревогу въ умахъ вѣрноподданныхъ ея величества, преступно и противозаконно и въ виду того, что поступають противозаконно и подлежатъ отвѣтственности не только тѣ, кто активно участвуетъ въ такомъ собраніи, но также и тѣ, которые содѣйствуютъ ему своимъ присутствіемъ», объявленіе напоминало о законѣ Карла II противъ мятежнаго обращенія съ петиціями. «Въ виду этого, гласило объявленіе, всѣмъ и каждому предлагается не принимать какого либо участія и не присутствовать на подобномъ сборищѣ или процессіи. вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ благонамѣренные люди симъ приглашаются помочь въ исполненіи требованій закона и содѣйствовать охраненію общественнаго порядка и предотвращенію всякихъ попытокъ къ нарушенію послѣдняго».

Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ ¹ парламенту, что «правительство имѣло въ виду этимъ объявленіемъ выяснить обществу требованія, какъ обычнаго, такъ и статутнаго права по отношенію къ собраніямъ, съ какою бы цѣлью таковыя ни созывались, если они сопровождаются обстоятельствами, рассчитанными на возбужденіе смуты и тревоги въ умахъ мирныхъ и лойяльныхъ подданныхъ ея величества».

Въ Лондонѣ были сосредоточены значительныя военныя силы и сдѣланы приготовленія для подавленія всякой попытки къ чему либо подобному тому, что имѣло мѣсто въ другихъ столицахъ, но всего замѣчательнѣе было то, что около 170.000 лицъ выразили готовность дѣйствовать въ качествѣ «спеціальныхъ констэблей» для охраны порядка въ своихъ участкахъ или же составить

¹. Parliamentary Debates, т. ХСVIII, стр. 6., 1848 г.

изъ себя подвижные отряды въ помощь войскамъ и полиціи для охраны порядка и спокойствія. Подобной вооруженной милиціи изъ самого населенія для поддержанія порядка еще никогда не бывало въ Англіи.

Наступило памятное 10 апрѣля. Члены конвента, собравшись въ обычномъ мѣстѣ своихъ собраній, отправились оттуда въ Кеннингтонъ въ огромномъ ярко раскрашенномъ экипажѣ, запряженномъ шестернею лошадей; въ другомъ экипажѣ везли петицію. Кромѣ того изъ различныхъ мѣстъ столицы выступили еще другія процессіи и въ Кеннингтонѣ собрались, по разнымъ свѣдѣніямъ, отъ 15.000 до 150.000 чел.

Однако же планамъ чартистовъ не пришлось осуществиться на дѣлѣ и ихъ постигло быстрое и полное разочарованіе. Болѣе позорнаго конца для подобныхъ замысловъ трудно себѣ представить.

По прибытіи на мѣсто собранія Фергусъ О'Конноръ былъ вызванъ къ полицейскому комиссару, находившемуся въ сосѣдней гостинницѣ, который и сообщилъ ему, что хотя по отношенію къ митингу не будетъ принято никакихъ мѣръ, но никакой процессіи не будетъ допущено. Желая избѣжать какихъ либо столкновеній, О'Конноръ обѣщаль, что процессіи не будетъ. Послѣ того ему предстояла трудная задача убѣдить собравшихся на митингъ отказаться отъ предположеннаго триумфальнаго шествія къ палатѣ общинъ. Вернувшись на митингъ, онъ обратился къ присутствовавшимъ съ рѣчью. Онъ просилъ ихъ не губить дѣла какимъ либо безумнымъ поступкомъ, говоря, что онъ готовъ на колѣняхъ умолять ихъ объ этомъ. Онъ указаль, что подъ петиціей имѣется 5.700.000 подписей ихъ согражданъ, которые ждуть отъ нихъ разумнаго образа дѣйствій. Онъ сказаль, что петицію будетъ сопровождать исполнительный комитетъ, а оставшихся умоляль отказаться отъ этого. Всѣмъ желающимъ дѣйствовать разумно и увидѣть скорое осуществленіе въ законѣ требованій хартіи онъ пред-

ложилъ поднять руки,—и въ отвѣтъ на это поднялся цѣлый лѣсъ рукъ.

«Да поможетъ мнѣ Богъ, но я либо умру на порогѣ палаты, либо добьюсь признанія вашихъ правъ. Я люблю васъ больше собственной жизни, продолжалъ онъ, и если вы захотите отнять ее у меня, то я отдамъ ее въ ваше распоряженіе, другимъ же я не уступлю ее безъ борьбы. Въ настоящую минуту, я думаю, вамъ трудно было бы обойтись безъ меня. Я буду дѣйствовать быстро, миролюбиво, но рѣшительно и сегодня же ваша петиція будетъ представлена. Въ пятницу будутъ происходить пренія по поводу ея и ничто не въ состояніи будетъ помѣшать нашему успѣху, если самъ народъ не погубитъ дѣла своею несдержанностью и безразсудствомъ». Затѣмъ онъ обратился къ тѣмъ, кто находилъ, что конвентъ поступилъ правильно, предотвративъ возможное кровопролитіе, и просилъ ихъ поднять руки,— снова поднялся цѣлый лѣсъ рукъ. Послѣ многократныхъ выраженій увѣренности въ благоразуміи присутствующихъ, онъ снова просилъ ихъ отказаться отъ процессіи и заключилъ свою рѣчь увѣреніемъ, что «если бы его подвергли пыткамъ, то онъ своею твердостью и вѣрою въ побѣду смутилъ бы своихъ противниковъ. Будемъ же побѣдоносно идти впередъ и не отступимъ, пока народная хартія не сдѣлается закономъ страны».

Послѣ того произнесено было еще нѣсколько рѣчей и затѣмъ вмѣсто разукрашенной колесницы, сопровождаемой несмѣтной толпой, оглашающей воздухъ криками, петиція была повезена въ трехъ «жалкихъ кэбахъ» въ сопровожденіи Фергуса О'Коннора и членовъ исполнительнаго комитета.

Когда главная часть толпы чартистовъ повернула къ рѣкѣ, чтобы перейти на сѣверный берегъ, то на мостахъ и пристаняхъ оказалась полиція, которая и заградила ей путь. Произошла свалка, толпа старалась проложить себѣ дорогу, «вовсе однако,—пишетъ Гаммаджъ, не имѣя

въ виду вступать въ открытую борьбу съ полиціей». Столкновенія, однако же, были, сопровождаясь иногда тяжкими поврежденіями, но въ концѣ концовъ толпа была оттѣснена и затѣмъ раздѣлена, такъ что къ переходу черезъ рѣку допускались группы въ составѣ не болѣе десяти человѣкъ каждая. Къ тремъ часамъ дня толпа разсѣялась и всякая опасность какихъ либо дальнѣйшихъ безпорядковъ миновала.

«Таковъ былъ», по словамъ Annual Register, «печальный и смѣшной конецъ демонстраціи, долженствовавшей ниспровергнуть существующія въ государствѣ учрежденія и привести страну въ состояніе такой же анархіи, какая господствовала въ континентальныхъ государствахъ».

«Если принять во вниманіе степень предшествовавшаго возмущенія, — пишетъ Гаммаджъ, — то нельзя не признать, что день прошелъ необычайно спокойно». Всѣ, кромѣ самихъ чартистовъ, выражали искреннюю радость по поводу неудачи этого предпріятія.

Лордъ Лансдоунъ, говоря въ палатѣ лордовъ отъ имени министерства, сказалъ, что «правительство ея величества получило самое краснорѣчивое доказательство поддержки со стороны большинства населенія не только столицы, но и всѣхъ ближайшихъ къ ней мѣстъ страны. Всѣ выказали полную готовность понести величайшія жертвы ради поддержанія закона и порядка. И если было такое обстоятельство, которое въ особенно сильной степени сообщало правительству ту твердость, которую оно проявило и которая была необходима для того, чтобы дѣйствовать такъ, какъ оно дѣйствовало, — такъ это увѣренность, полученная имъ за послѣдніе двое сутокъ, въ томъ, что нѣтъ такого класса населенія, который не оказалъ бы ему въ случаѣ надобности своей поддержки ¹».

Результатъ этого послѣдняго рѣшительнаго усилія

¹. Parliamentary Debates, т. ХСVIII, стр. 72, 1848 г.

чартизма вызвать всенародное движеніе оказалъ свое дѣйствіе не только въ Великобританіи. «Событія этого дня, говорилъ Annual Register, имѣли огромное значеніе не только въ Англіи, но и во всей Европѣ¹». Необычайность ихъ заключалась въ томъ, что «представлявшее столь грозную опасность собраніе было разсѣяно не войсками и даже не полиціей, но самимъ народомъ — рѣшительнымъ и почти единодушнымъ нежеланіемъ всѣхъ классовъ общества допустить подобныя вещи».

Но если вникнуть въ дѣло глубже и поставить вопросъ, почему само общество приняло такое дѣятельное участіе въ предотвращеніи беспорядковъ, которыми угрожало чартистское движеніе, то нужно будетъ отвѣтить, что англійскій народъ, въ цѣломъ, уже переступилъ тотъ шагъ, который служитъ залогомъ устойчивости государственнаго строя, шагъ отдѣлявшій тѣхъ, для кого насильственный переворотъ въ конституціи представлялъ бы выгоды, отъ тѣхъ, кому онъ не былъ нуженъ. Главной массѣ англійскаго народа пришлось бы гораздо болѣе потерять отъ тѣхъ смуть, которыя неизбѣжно сопровождали бы чартистскую революцію, чѣмъ выиграть. Она уже обладала такими правами и привилегіями, которыми она не хотѣла рисковать. Тѣ великія права, за которыя платформа такъ упорно боролась въ прошломъ, — свобода слова, свобода публичнаго обсужденія и свобода критики правительства, все то, за что она подвергалась такимъ беспощаднымъ гоненіямъ и что ей въ концѣ концовъ удалось отвоевать, — это и спасло Англію въ критическую минуту. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что только актъ о реформѣ 1832 года и отмѣна хлѣбныхъ законовъ въ 1846 году и сдѣлали то, что оружіе гражданъ было въ этомъ случаѣ направлено противъ меньшинства ихъ соотечественниковъ, а не противъ правительственной власти. Если бы обѣ эти великія реформы еще не были осуществлены, то чартистское движеніе

¹. Annual Register, 1848 г., стр. 53.

имѣло бы совершенно иной исходъ ¹, такъ какъ эти реформы отвлекли изъ рядовъ противниковъ правительства очень многихъ, увеличивъ ими ряды заинтересованныхъ въ сохраненіи порядка въ странѣ и въ несокрушимости основныхъ устоевъ общества и системы управленія.

Сэръ Робертъ Пиль, говоря въ своихъ мемуарахъ объ этой эпохѣ, съ удовольствіемъ вспоминаетъ о своей политикѣ въ 1846 году: «Многіе изъ тѣхъ, которые громче всѣхъ порицали мѣропріятія 1846 г. и всего дальше заходили въ обвиненіяхъ въ нечестности и даже измѣнѣ тѣхъ, кто провелъ эти мѣропріятія, 10 апрѣля 1848 года открыто радовались тому, что хлѣбные законы подверглись полной отмѣнѣ ²».

Окончательный ударъ чартистской демонстраціи былъ нанесенъ докладомъ особой комиссіи для разсмотрѣнія петицій, представившей парламенту 13 апрѣля свое заключеніе о національной петиціи. Въ докладѣ говорилось: «Въ отношеніи числа подписей усматривается грубое злоупотребленіе правомъ петицій: вмѣсто 5.700.000 именъ, какъ утверждалъ Фергусъ ОКонноръ, дознано, что число ихъ не превышаетъ 1.975.496. Коммиссія обнаружила, что на многихъ листахъ встрѣчаются подписи, писанныя однимъ и тѣмъ же почеркомъ, что тамъ значатся самовольно вписанныя имена многихъ выдающихся лицъ, какъ напр. королевы Викторіи, герцога Веллингтона, сэра Роберта Пила; что многія подписи явно вымышленныя, какъ чаприм., «No Cheese», «Pug Nose»; обнаружено еще много другихъ неблаговидныхъ подробностей, о которыхъ комиссія умалчиваетъ изъ уваженія къ парламенту и къ своей задачѣ».

Столь суровое заключеніе доклада совершенно сразило составителей петиціи; какъ сильно почувствовали они этотъ ударъ, видно изъ того, что вопреки обычаю,

¹. См. рѣчи Дж. Юма и лорда Джона Росселля въ палатѣ общинъ 21 іюня 1848 г.

². Peel, Memoirs, т. II, стр. 313.

по которому въ случаѣ подобныхъ массовыхъ петицій парламентъ обыкновенно приступаетъ къ разсмотрѣнію ихъ, по возможности не откладывая на долго, на этотъ разъ никто изъ наиболѣе заинтересованныхъ въ томъ, чтобы поднять этотъ вопросъ въ парламентѣ, не внесъ никакого предложенія по этому поводу. Не одна пятница (обычный день для такихъ дебатовъ) прошла, а между тѣмъ никѣмъ не возбуждались дебаты, обѣщанные О'Конноромъ въ Кеннингтонѣ, и прошли многіе годы прежде чѣмъ осуществился хоть одинъ изъ шести пунктовъ «хартіи».

Короткіе дебаты въ палатѣ лордовъ вечеромъ въ день чартистскаго митинга въ Кеннингтонѣ заслуживаютъ вниманія въ виду двухъ различныхъ взглядовъ на публичные митинги и платформу, высказанныхъ герцогомъ Веллингтономъ и лордомъ Брумомъ.

Герцогъ Веллингтонъ говорилъ: «Я думаю, что ни одному большому общественному союзу не приходилось испытать столько неудовольствій, сколько выпало на долю нашей столицы въ теченіе послѣднихъ дней, благодаря этому нелѣпому большому митингу, въ которомъ ожидалось участіе, какъ говорили, до 200.000 человекъ. Одному Богу извѣстно, сколько въ немъ участвовало въ дѣйствительности, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что всѣ жители столицы испытывали сильную тревогу, что всевозможныя проявленія дѣловой жизни были парализованы и что многія лица нашли нужнымъ вооружиться для защиты своей личной безопасности и охраны своей собственности». Онъ выразилъ надежду, что митинги законодательнымъ путемъ будутъ ограничиваемы такимъ числомъ участниковъ, при которомъ возможно обсужденіе вопросовъ и надлежащее разсмотрѣніе ихъ тѣми, кто сочтетъ нужнымъ обсуждать ихъ ¹».

Другой взглядъ былъ выраженъ лордомъ Брумомъ,
1. Parliamentary Debates, т. ХСVIII, стр. 71, 1848 г.

который всегда былъ такимъ горячимъ защитникомъ свободы слова и публичнаго обсужденія. «Я считаю, говорилъ онъ, существенно важнымъ условіемъ пользова- нія правомъ публичныхъ собраній для обсужденія общественныхъ вопросовъ, какъ и для самаго существова- нія этого права, чтобы эти митинги посвящались только обсужденію. Когда же они принимаютъ характеръ простыхъ собраній народа, слишкомъ многочисленныхъ, чтобы было возможно какое либо обсужденіе, то они превращаются въ народныя скопища, имѣющія исключительною цѣлью проявленіе физической силы съ единственнымъ намѣреніемъ навести страхъ на правительство и оказать давленіе на него или на парламентъ....

«Я всегда считалъ, что такъ называемые монстръ-митинги какъ въ Англии, такъ и въ Ирландіи, по существу своему противозаконны. Они представляютъ простыя демонстраціи физической силы и называть ихъ митингами для публичнаго обсужденія общественныхъ вопросовъ—большое недоразумѣніе. Никто изъ присутствующихъ на такихъ собраніяхъ и не думаетъ объ обсужденіи, но всѣ, если даже и не думаютъ о дѣйстви, ставятъ себя въ такое положеніе, что они безъ всякаго съ своей стороны желанія или намѣренія, сами того не сознавая, могутъ всякую минуту перейти къ незаконнымъ дѣйствіямъ¹».

Въ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ вспышкѣ чартизма, принявшей столь острую форму, правительство не ограничилося принятіемъ предохранительныхъ мѣръ противъ нарушенія общественнаго спокойствія въ Лондонѣ. Оно снова,—и, поскольку это касалось Великобританіи, въ послѣдній разъ, сдѣлало попытку противодѣйствовать платформѣ законодательнымъ путемъ.

Предложеніе министерства было внесено въ палату общинъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, сэромъ Д. Гре-

1. Parliamentary Debates, т. ХСVIII, стр. 70.

емъ, за нѣсколько дней ¹ до Кеннингтонскаго митинга ². «Я глубоко сожалѣю, сказалъ онъ, что настроеніе, проявлявшееся въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ частяхъ Соединеннаго Королевства,—тѣ мятежные и измѣнническіе замыслы, которые открыто высказывались очень многими лицами, по крайней мѣрѣ въ одной части Соединеннаго Королевства, вынуждаютъ правительство ея величества возбудить въ парламентѣ вопросъ объ измѣненіи закона по отношенію къ столь чрезвычайнымъ обстоятельствамъ».... Министерство далеко отъ мысли налагать малѣйшее стѣсненіе на свободное, полное и безспорное право, которымъ обладаетъ и которымъ долженъ пользоваться нашъ народъ, въ отношеніи къ публичному обсужденію всякихъ политическихъ вопросовъ, и въ еще меньшей мѣрѣ на право обращаться съ петиціями къ парламенту. Эти права принадлежатъ ему уже давно и закономѣрное пользованіе ими болѣе, чѣмъ что либо иное, обезпечиваетъ устойчивость нашихъ учрежденій; этимъ правомъ обязаны мы обладаніемъ той конституціонной свободой, которой мы такъ дорожимъ и на которой зиждется величіе и благоденствіе нашей страны... Благодаря пользованію этими правами мы имѣемъ подъ ногами твердую почву и занимаемъ въ Европѣ столь блестящее положеніе, только благодаря имъ устояла Англія противъ той бури, которая пронеслась надъ континентальными государствами, пошатнувъ самые могущественные престолы и разрушивъ учрежденія, казавшіяся прочнѣе всего въ мірѣ....

«Но какъ бы высоко мы ни цѣнили эти права, я не сомнѣваюсь, что всякій согласится съ тѣмъ, что свобода пользованія ими должна имѣть свои границы, и что въ послѣднее время эти границы были перейдены; ни одинъ здравомыслящій и безпристрастный человѣкъ не станетъ отрицать того, что за эти границы зашли очень далеко,

¹. 7-го апрѣля.

². *Parliamentary Debates*, т. ХСVIII, стр. 20.

что подѣ предлогомъ обсужденія общественныхъ нуждъ раздавались рѣчи самаго мятежнаго характера и что наши законы, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, представляются недостаточными для репрессіи столь опасныхъ проявленій».

Въ доказательство этого сэръ Грей ссылался главнымъ образомъ на рѣчи, произнесенныя въ Ирландіи, которая была въ то время наканунѣ возстанія 1848 г. «Существуетъ, говорилъ онъ, нѣкоторая разница между законами о государственной измѣнѣ, дѣйствующими въ Англии и въ Ирландіи, и было бы желательно уничтожить эту разницу». Излишне входить здѣсь въ подробности его предложенія. Оно сводилось къ тому, чтобы перевести многія преступленія, разсматривавшіяся въ то время въ обѣихъ странахъ какъ государственная измѣна, въ разрядъ общихъ тяжкихъ уголовныхъ преступленій. Но въ предложенномъ министерствомъ биллѣ имѣлся другой пунктъ, касавшійся платформы. По существовавшимъ законамъ уличенный въ открытомъ и публичномъ призывѣ, въ рѣчи, къ какимъ либо мятежнымъ дѣйствіямъ могъ быть подвергнутъ преслѣдованію по обвиненію въ призывѣ къ бунту (sedition). Преступленіе это принадлежало къ разряду тѣхъ преступленій, по которымъ допускается освобожденіе на поруки, и такимъ образомъ лица, обвиняемыя въ немъ, получали возможность продолжать прежнюю свою дѣятельность. Въ виду этого и предложено было признать побужденіе къ извѣстнымъ мятежнымъ дѣйствіямъ, выразившееся въ открытомъ призывѣ на словахъ, видомъ тяжкаго уголовного преступленія (felony) и сдѣлать его такимъ образомъ преступленіемъ, при обвиненіи въ которомъ не допускается освобожденіе на поруки ¹.

¹. Такъ какъ предложеніе это получило силу закона, то мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь самый текстъ акта. Sec. 3, 11 и 12 Vict. cap. 12, 22 апр. 1848 г. «Всякое лицо, которое по вступленіи этого акта въ силу, окажется виновнымъ въ замыслахъ, намѣреніяхъ и т. д., какъ въ предѣлахъ Соединеннаго Королевства,

Предложенное измѣненіе закона являлось далеко не такимъ существеннымъ ограниченіемъ свободы публичнаго слова, какое предложено было Питтомъ въ 1795 г. или лордомъ Кэстльри въ 1817 и 1819 г.г., но тѣмъ не менѣе оно встрѣтило горячую оппозицію со стороны небольшой группы членовъ палаты общинъ. При первомъ чтеніи билля Юмъ заявилъ, что «всякое вмѣшательство въ область свободы слова по отношенію къ политическимъ вопросамъ является мѣрою столь же неразумною, сколько и несправедливою», и назвалъ билль «закономъ о намордникѣ».

В. Фоксъ, бывшій теперь также членомъ парламента, сказалъ: «Въ моихъ глазахъ этотъ билль носитъ совершенно особый характеръ, именно тѣмъ, что онъ является посягательствомъ на свободу слова, которая до сихъ поръ составляла гордость англичанъ и наилучшую охрану ихъ правъ. Если допустить введеніе такого закона, въ силу котораго произнесеніе словъ,—не только словъ, клонящихся къ низложенію монарха и возбужденію мятежа, но также и словъ, которыя могутъ быть истолкованы какъ попытка нарушить свободу обсужденія въ той или другой палатѣ парламента или запугать ихъ,—можетъ подвергнуть говорившаго такія слова семилѣтней или пожизненной ссылки, то ни для кого не будетъ безопасно говорить на публичныхъ митингахъ въ періоды потакъ и за предѣлами его, клонящихся къ лишенію ея величества или наслѣдниковъ ея, и т. д., сана, власти и короны Соед. Корол., или же къ возбужденію военныхъ дѣйствій противъ нея, съ цѣлью силою принудить ее къ тѣмъ или инымъ измѣненіямъ въ мѣропріятіяхъ или въ составѣ лицъ, совѣтами которыхъ она пользуется, а также произвести насильственное давленіе путемъ устрашенія на ту или другую палату парламента... и если эти вышеназванные замыслы или намѣренія будутъ выражены въ печатныхъ или рукописныхъ изданіяхъ, или же въ публично сказанныхъ рѣчахъ, или же въ какихъ бы то ни было открытыхъ поступкахъ, то такое лицо подвергается обвиненію въ уголовномъ преступленіи и подлежитъ наказанію въ видѣ пожизненной ссылки или же каторжнымъ работамъ не свыше двухъ лѣтъ».

литическаго возбужденія. Въ такіе моменты, когда общество взволновано какимъ либо посягательствомъ на его права или же охвачено желаніемъ расширить ихъ, когда собранія людей принимаютъ бурный характеръ, умы и сердца переполнены кипучими и пылкими стремленіями, — невозможно взвѣшивать каждое слово и оградить себя отъ всякой опасности ложнаго истолкованія со стороны невѣжественнаго репортера или намѣреннаго искаженія доносчиковъ ¹».

Первый министръ, лордъ Росселль, говорилъ въ защиту предложенія: «Я допускаю, что расширеніе уголовной отвѣтственности за произносимыя слова заключаетъ въ себѣ нѣкоторую опасность; но, съ другой стороны, мы должны имѣть въ виду, что обвиненіе въ государственной измѣнѣ не разъ сопровождало произнесеніе словъ, часто очень немногихъ словъ, когда въ нихъ усматривалось выраженіе измѣнническихъ замысловъ. Въ настоящее время, въ особенности въ самое послѣднее время, вмѣсто тайныхъ заговоровъ и подпольныхъ плановъ ниспроверженія монархической власти, государственная измѣна избрала иной путь и ввела въ обыкновеніе обращеніе къ большимъ народнымъ массамъ и произнесеніе рѣчей, возбуждающихъ эти массы къ возстанію и вооруженной борьбѣ противъ всякой законной власти въ странѣ, преслѣдуя этимъ самыя вредныя и гибельныя цѣли. Если измѣнился способъ борьбы съ правительствомъ, то необходимо измѣнить и способъ наказанія».

Совершенно въ духѣ старыхъ приемовъ, чтобы не терять много времени на такія мѣры, предложеніе подвергнуть билль второму чтенію было сдѣлано 10 апрѣля, въ день Кеннингтонскаго митинга. Юмъ снова выступилъ съ возраженіемъ: «Не находя ни законнымъ, ни приличнымъ существованіе конвента, который судилъ бы о дѣйствіяхъ палаты, онъ тѣмъ не менѣе всегда считалъ свободу слова на публичныхъ митингахъ наилучшею охра-

¹. Parliamentary Debates, т. ХСІІІ, стр. 51, 1848 г.

ною правъ населенія, такъ какъ именно на этихъ собраніяхъ устанавливается общность мнѣній и чувствъ и они же дѣлаютъ то, что духъ мятежнаго буйства получаетъ возможность вырваться наружу и испариться..... Всякая агитація, какъ бы конституціонно и миролюбиво она ни велась, въ большей или меньшей мѣрѣ имѣетъ цѣлью устрашеніе парламента».

М-ръ Уэкли высказалъ, что онъ считаетъ новый законъ «намордникомъ», не менѣе чѣмъ «шесть актовъ» 1819 г.

Во второмъ чтеніи билль прошелъ большинствомъ 452 голосовъ противъ 35. Но оппозиція, несмотря на свою малочисленность, высказывалась съ такою рѣшительностью, что сэръ Грей счелъ нужнымъ снова выступить въ защиту билля. Онъ заявилъ, что билль имѣетъ въ виду измѣненіе закона по отношенію лишь къ тѣмъ рѣчамъ, которыя прямо призываютъ къ возмущенію.

«Совершенно справедливо было сказано, что слова, которыя пишутся, отличаются гораздо большею обдуманностью, чѣмъ слова, которыя произносятся; но, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ это и можетъ служить извиненіемъ, тѣмъ не менѣе, когда мы видимъ людей, день за днемъ повторяющихъ тотъ же призывъ, обращающихся съ одними и тѣми же воззваніями и преслѣдующихъ все ту же преступную цѣль, то на такія рѣчи нельзя смотрѣть иначе какъ на вполне обдуманныя и сознательно направленные на совершеніе преступнаго замысла. Правительство находитъ, что такія вещи составляютъ нѣчто большее, чѣмъ проступокъ, и должны входить въ разрядъ уголовныхъ преступленій, такъ какъ въ такомъ случаѣ мятежники потеряютъ возможность продолжать свою дѣятельность. Виновный будетъ немедленно подвергаться аресту и не будетъ имѣть возможности получить свободу подъ условіемъ поручительства ¹».

Фергусъ О'Конноръ сказалъ: «Преслѣдованія, имѣв-

¹ Parliamentary Debates, т. ХСVIII, стр. 171.

шія мѣсто въ 1839—41 г.г., доказали съ достаточною ясностью, что существующіе законы не нуждаются въ усиленіи. Если пройдетъ этотъ билль и будетъ закрыто то, что всегда составляло предохранительный клапанъ для конституціи, недовольство не замедлитъ проявиться въ болѣе рѣзкой формѣ; выраженію общественнаго мнѣнія болѣе не будетъ свободнаго выхода... Пусть этотъ билль обратится въ законъ сегодня, и черезъ недѣлю по всему королевству будутъ организованы сотни тайныхъ обществъ, которыя рано или поздно разразятся бурей, и эта буря смететъ правительство и пошатнетъ имперію до основанія¹».

Лордъ Росселль также произнесъ рѣчь. «Я считаю, сказалъ онъ, что, по духу нашей конституціи, должна быть допускаема самая широкая свобода публичнаго сужденія, что должны быть допускаемы даже рѣчи, направленные къ отрицанію нашего государственнаго строя, нашей монархической конституціи, потому что я знаю, что безъ терпимаго отношенія къ такимъ крайностямъ не можетъ существовать широкая свобода слова.

«Въ нашемъ законодательствѣ существуетъ законъ, по которому всякій напечатавшій или огласившій какое либо произведеніе, направленное къ возбужденію вооруженнаго насилія, можетъ быть признанъ государственнымъ измѣнникомъ и приговоренъ къ смертной казни. Справедливо ли, спрошу я васъ, чтобы написавшій что либо подобное въ газетѣ былъ подвергнутъ обвиненію въ государственной измѣнѣ и приговоренъ къ смертной казни, между тѣмъ какъ другіе, его сообщники и единомышленники, будутъ обдуманно и преднамѣренно, въ присутствіи газетныхъ репортеровъ, которые, какъ имъ хорошо извѣстно, повторятъ затѣмъ каждое ихъ слово, день за днемъ произносить рѣчи, заключающія въ себѣ гораздо болѣе вредныя вещи, чѣмъ то, что пишется ихъ единомышленниками въ газетахъ; справедливо ли,

¹. Parliamentary Debates, стр. 230.

чтобы одинъ подвергался обвиненію въ измѣнѣ и смертной казни, тогда какъ другіе подлежали бы обвиненію въ легкомъ проступкѣ, допускающемъ освобожденіе на поруки? Справедливо ли это ¹»?

Въ возраженіе взглядамъ, высказаннымъ правительствомъ, оппозиція указывала, что новый билль является опаснымъ новшествомъ, такъ какъ имъ впервые и вопреки прецедентамъ уничтожается всякое различіе между словомъ сказаннымъ и словомъ написаннымъ. Въ подтвержденіе приводились слова судьи Фостера, писавшаго въ своемъ Разсужденіи о государственной измѣнѣ (Discourse on High Treason): «Слова произнесенныя всегда легко могутъ быть ложно истолкованы... Они летучи и неуловимы, какъ вѣтеръ; заключающійся въ нихъ ядъ въ худшемъ случаѣ распространяется лишь въ тѣсномъ кругу слышавшихъ ихъ; часто слова являются лишь плодомъ внезапнаго увлеченія и легко могутъ быть и ложно поняты, и ложно истолкованы».

Возражавшіе правительству ссылались также въ качествѣ авторитета и на слѣдующія замѣчанія Блэкстона: «Они (слова) могутъ быть произнесены въ горячности, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, или же быть ложно поняты, искажены или плохо запомнены слушателями; ихъ значеніе всегда въ зависимости отъ связи ихъ съ другими словами и понятіями и они могутъ имѣть различный смыслъ, смотря по тону голоса, которымъ они произносятся».

Эти аргументы не имѣли за собою серьезнаго основанія, такъ какъ по закону 1795 г. одинаковая отвѣтственность угрожала какъ за написаніе, напечатаніе, такъ и за произнесеніе и иные способы выраженія и оглашенія, и т. д.; такимъ образомъ законъ этотъ не проводилъ различія между письменной и устной формой выраженія. Оппозиція биллю была однако же достаточно сильна, чтобы поколебать правительство въ его намѣре-

¹. Parliamentary Debates, т. ХСVIII, стр. 236.

ніяхъ, и лордъ Росселль заявилъ, что правительство готово согласиться на то, чтобы тѣ части предлагаемаго билля, которыя являлись нововведеніемъ и которыя касались рѣчей, были введены лишь какъ временная мѣра и по истеченіи срока вновь предложены на обсужденіе парламента. Срокъ дѣйствія этихъ частей закона былъ ограниченъ двумя годами ¹.

Однакоже по истеченіи срока вопросъ этотъ не былъ предложенъ вновь на обсужденіе парламента и этимъ завершилась послѣдняя попытка установленія законодательныхъ ограниченій по отношенію къ платформѣ въ Великобританіи.

Выше я привелъ совершенно неосновательное заявленіе Уэкли, что предлагаемая мѣра не менѣе стѣснительна, чѣмъ «шесть актовъ» въ 1819 г., только для того, чтобы съ большею яркостью подчеркнуть различіе между законодательными мѣрами 1848 г. и предъидущей эпохи. Мѣропріятія Питта въ послѣднемъ десятилѣтіи прошлаго столѣтія заставили платформу умолкнуть; «шесть актовъ» министерства лорда Ливерпуля имѣли результатъ близкій къ этому; законъ же 1848 г. ни въ чемъ не повліялъ ни на пользованіе платформою, ни на характеръ рѣчей.

На другой день послѣ неудачи Кенингтонскаго митинга и представленія національной петиціи, конвентъ снова собрался. О'Конноръ, нисколько не обезкураженный неудачею, заявилъ, что наканунѣ на митингъ собралось 400.000—500.000 человѣкъ. Однако явныя преувеличенія съ его стороны не могли сгладить впечатлѣніе того пораженія, которое было нанесено чартизму.

Историкъ чартистскаго движенія Гаммаджъ, описывая эту послѣднюю вспышку, говоритъ: «О'Конноръ поступилъ вполне правильно, отказавшись отъ процессіи; народъ совершенно не былъ склоненъ къ открытому столк-

¹. Параграфъ съ этою поправкою былъ принятъ большинствомъ 242 голосовъ противъ 50.

новенію съ военной силой. О'Конноръ былъ неправъ не въ томъ, что онъ отказался отъ процессіи, а въ томъ, что въ тѣхъ пустыхъ фразерахъ и искренно увлекавшихся, но заблуждавшихся людяхъ, изъ которыхъ состоялъ конвентъ, онъ такъ долго, почти до послѣдняго момента, поддерживалъ убѣжденіе въ то, что онъ самъ станетъ во главѣ процессіи, долженствовавшей направиться къ палатѣ общинъ. Та претенціозность, съ которой подготовлялась эта демонстрація, и затѣмъ жалкій результатъ ея нанесли чартизму ударъ, отъ котораго онъ уже никогда не оправился. Вліяніе О'Коннора сильно поколебалось послѣ 10 апрѣля. Приверженцы его увидѣли, что онъ далеко не таковъ, какимъ они себѣ его представляли, и мало по малу отказались идти за нимъ».

Съ этого поворотнаго момента въ развитіи чартизма, движеніе стало приходить все въ большій и большій упадокъ, все болѣе превращаясь въ хаосъ разрозненныхъ стремленій, безцѣльныхъ и противорѣчащихъ одинъ другому митинговъ, пререканій, раздоровъ и пустыхъ напыщенныхъ рѣчей.

Конвентъ еще продолжалъ въ теченіе нѣкотораго времени свои засѣданія, предпринявъ устройство ряда одновременныхъ митинговъ, на которыхъ должны были быть избраны делегаты «Національнаго Собранія» и на которыхъ собирались подписи къ «Національной меморіи» для представленія ея королевѣ съ просьбою распустить парламентъ и составить новый кабинетъ лишь изъ такихъ лицъ, которыя согласились бы взять на себя проведеніе народной хартіи. Послѣ этого конвентъ разошелся.

Митинги продолжали еще собираться въ большомъ числѣ. Въ Эбердинѣ митингъ, на которомъ присутствовало 6000 человекъ, постановилъ резолюцію объ образованіи національной гвардіи. Въ Манчестерѣ состоялся митингъ для выраженія сочувствія хартіи, на которомъ, «какъ утверждали, присутствовало до 100.000 человекъ».

Во многихъ другихъ мѣстахъ также происходили «многочисленные и шумные митинги», съ проявленіями «самаго пылкаго энтузіазма». Затѣмъ наступила недѣля, особенно «памятная митингами». Въ понедѣльникъ на Пасхѣ О'Конноръ посѣтилъ Ноттингамъ, гдѣ его избиратели устроили ему триумфальный въѣздъ въ экипажѣ четверней, въ сопровожденіи постильоновъ, одѣтыхъ въ зеленныя шелковыя и бархатныя жакеты и шапочки. Въ Ливерпульѣ состоялось «громадное собраніе»; въ Глазго также; въ Скеркотъ Мурѣ, близъ Галифакса, было «громадное собраніе», и на всѣхъ этихъ и еще многихъ другихъ митингахъ безъ конца произносились рѣчи и вотиrowались различныя резолюціи.

Послѣ того какъ делегаты въ «Національное Собраніе» были избраны, собраніе это состоялось 1 мая, при чемъ вмѣсто ожидавшихся 100 человекъ на него съѣхалось не болѣе 60 членовъ; по открытіи собранія обнаружилось, что ни у кого изъ делегатовъ нѣтъ никакой опредѣленной программы. Прежде всего они сдѣлали сообщенія о настроеніи и желаніяхъ своихъ избирателей. «Изъ этихъ сообщеній было ясно, пишетъ Гаммаджъ, что большинство округовъ не сочувствуютъ обращенію къ физической силѣ». Были однако же и такіе, которые склонялись на сторону этого пути. Коренной вопросъ этотъ немедленно же подвергся обсужденію, но вызвалъ столько разногласія, что въ концѣ концовъ было сдѣлано постановленіе, что «всякія пренія по этому вопросу въ высшей степени неполитичны». Затѣмъ было рѣшено устроить сборъ по всей странѣ, который далъ бы 10.000 ф. ст. на цѣли агитаціи. О томъ, чтобы эта сумма, или хотя бы часть ея, была собрана, не имѣется никакихъ свѣдѣній, и гораздо болѣе вѣроятности въ томъ, что она не была собрана.

Собраніе избрало временный исполнительный комитетъ, нѣчто въ родѣ чартистскаго кабинета, члены котораго должны были получать вознагражденіе по 2 ф.

ст. еженедѣльно; въ случаяхъ разъѣздовъ имъ выдавалась стоимость билетовъ второго класса и суточные по 2 шил. 6 пенс. 10-го мая происходили горячіе споры о назначеніи платныхъ комиссаровъ для пропаганды, при чемъ «обнаружилось значительное недоброжелательство делегатовъ въ отношеніи другъ къ другу». Такъ, одинъ изъ нихъ выразилъ надежду, что когда этимъ комиссарамъ придется выступать съ публичными чтеніями, то они будутъ ограничиваться требованіями здраваго смысла, не напуская на себя неподобающей имъ важности; а тѣ, которые обладаютъ острымъ саркастическимъ умомъ, пусть позаботятся припрятать эти качества про себя». Было не мало и другихъ предметовъ обсужденія. Объ одномъ мы читаемъ: «здѣсь проявились не очень доброжелательныя чувства»; о другомъ: «это было одно сплошное разногласіе, при чемъ каждый изъ делегатовъ непременно оспаривалъ и порицалъ другихъ». Затѣмъ было предложено прервать засѣданія національнаго собранія на шесть недѣль. Одинъ изъ делегатовъ, Эрнестъ Джонсъ, поддерживая предложеніе, сказалъ, что онъ «дѣлаетъ это съ особеннымъ чувствомъ, такъ какъ въ этомъ предложеніи нельзя не услышать надгробнаго слова собранію изъ устъ самихъ его членовъ. Многіе изъ нихъ употребили на это дѣло все свое краснорѣчіе; среди нихъ проявилось разномысліе. Тотъ моментъ, когда это собраніе съѣхалось, былъ моментомъ наибольшей концентраціи элементовъ силы чартистской партіи. То былъ благопріятный моментъ, когда эта сила могла быть направлена на самыя важныя цѣли, но отпаденіе сторонниковъ и вторженіе враговъ сдѣлали то, что оружіе было выбито у насъ изъ рукъ и вся сила наша развѣяна по вѣтру¹». Предложеніе было принято и «такимъ образомъ, пишетъ Гаммаджъ, національное собраніе прекратило свое существованіе».

Только въ одномъ отношеніи это собраніе явилось

¹. G a m m a g e, стр. 353.

истиннымъ выразителемъ чартистской партіи, а именно въ отношеніи полнаго отсутствія единодушія. Помимо разногласія по вопросу о физической и моральной силѣ, возникъ теперь еще новый расколъ, отвлекшій отъ партіи многихъ ея вождей и имѣвшій въ своемъ основаніи движеніе въ пользу гораздо болѣе умѣренной парламентской реформы. По этому вопросу собиралось много митинговъ и въ палату общинъ было представлено нѣсколько петицій; въ іюнѣ 1848 г. Юмъ внесъ предложеніе о реформѣ въ смыслѣ распространенія избирательныхъ правъ на всѣхъ домохозяевъ, установленія закрытой подачи голосовъ, сокращенія срока парламентскихъ полномочій до трехъ лѣтъ и болѣе равномерности между числомъ представителей и количествомъ населенія. Предложеніе это было, разумѣется, отвергнуто¹, но оно принесло свою пользу тѣмъ, что на мѣсто совершенно неосуществимыхъ цѣлей оно выдвинуло реформу гораздо болѣе достижимую.

Была и другая причина, содѣйствовавшая распаденію чартистовъ. Правительство снова обратилось къ суровому примѣненію требованій закона. Одно за другимъ возбуждались преслѣдованія противъ чартистовъ, изъ которыхъ многіе, болѣе безпокойные или безумные, отъ платформы перешли къ физическому насилію или приготовленіямъ къ таковому. Агитація и возстаніе въ Ирландіи дѣйствовали на нихъ заразительно; въ сѣверной Англіи дѣло дошло до вооруженнаго возстанія, и въ одной схваткѣ былъ убитъ полицейскій констэбль. Начались аресты: за призывъ къ вооруженію, за мятежныя рѣчи, за участіе въ противузаконныхъ митингахъ, за вооруженное сопротивленіе или вооруженное нападеніе, за мятежные заговоры, съ цѣлью покушенія на неприкосновенность верховной власти; затѣмъ послѣдовали обвиненія и приговоры: къ заключенію въ тюрьмѣ на годъ, на восемнадцать мѣсяцевъ, на два года, къ по-

1. Большинствомъ 351 голоса противъ 84.

жизненной ссылкѣ. Такимъ образомъ частью неудачи, частью внутренніе раздоры, частью преслѣдованія мало по малу совершенно сразили чартистское движеніе.

Наконецъ, 3 іюля 1849 г., ровно годъ и три мѣсяца спустя послѣ представленія великой національной петиціи, О'Конноръ внесъ въ палату общинъ предложеніе о томъ, чтобы «палата приняла принципы, изложенные въ документѣ, носящемъ названіе Народной Хартіи». Лордъ Росселль возражалъ противъ предложенія, говоря, что «принятіе этихъ принциповъ повлекло бы за собою самыя пагубныя послѣдствія; между тѣмъ страна пользуется такимъ благоденствіемъ, что легкомысленно рисковать имъ значило бы справедливо заслужить репутацію самаго неразумнаго народа на землѣ». Въ парламентѣ чартисты имѣли столь слабую поддержку, что за предложеніе было подано только 15 голосовъ, включая сюда и счетчиковъ; противъ предложенія было подано 224. «Таковъ былъ результатъ этого предложенія послѣ всѣхъ шумныхъ эпизодовъ 1848 года».

Въ 1849 г. Юмъ снова внесъ свое предложеніе о парламентской реформѣ, и оно снова было отвергнуто. Послѣ дебатовъ, вызванныхъ этимъ предложеніемъ, и отклоненія предложенія 3 іюля о принятіи принциповъ хартіи, чартисты фактически лишились своего вождя, такъ какъ «О'Конноръ перешелъ къ Юмовской группѣ реформистовъ ¹».

Немного далѣе Гаммаджъ прибавляетъ: «Въ чартистской партіи воцарилось еще большее несогласіе чѣмъ прежде, вслѣдствіе предпринятой попытки вступить въ союзъ съ реформистами среднихъ классовъ ²».

Постепенно чартистское движеніе приходило все въ большій и большій упадокъ. Въ концѣ 1851 года «исполнительный комитетъ съ каждымъ днемъ становился все слабѣе»; затѣмъ былъ «избранъ» другой исполни-

1. G a m m a g e, стр. 372.

2. I b i d., стр. 376.

тельный комитетъ, который естественно пошелъ по стопамъ своего предшественника, и въ концѣ концовъ «ассоціація Народной Хартіи прекратила свое существованіе».

Остановливаясь на подробностяхъ послѣднихъ лѣтъ чартистскаго движенія, я имѣлъ въ виду яснѣе выставить причины, почему въ этомъ случаѣ платформѣ не удалось достигнуть торжества, какое увѣнчивало ея усилія въ другихъ движеніяхъ. Теперь, спустя много лѣтъ, не трудно найти объясненіе этой неудачи; къ тому же примѣръ агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ является превосходнымъ мѣриломъ для оцѣнки проявленій платформы въ чартистской агитаціи. Какъ мы уже говорили, успѣхъ агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ обуславливался единствомъ и опредѣленностью преслѣдуемой цѣли, высокими качествами и умомъ ея руководителей, совершенствомъ организаціи, фактически неограниченными денежными средствами и силою убѣжденія, которою обладала платформа, благодаря несомнѣнной и вполне доказанной справедливости дѣла. Чартистская агитація не обладала ни однимъ изъ этихъ условій.

«Шесть пунктовъ» хартіи, каждый изъ которыхъ представлялъ самъ по себѣ весьма крупную реформу, не могли конечно считаться «единою и опредѣленною цѣлью». Всеобщая подача голосовъ, ежегодные парламенты, уравниеніе избирательныхъ округовъ, закрытая баллотировка,—все это были вопросы крайне сложнаго характера, вызывавшіе широкое различіе во взглядахъ. И однако всѣ эти вопросы и кромѣ того еще нѣкоторые другіе были введены въ одну общую программу, которая должна была вызвать сочувствіе всего населенія Соединеннаго Королевства; выполненіе столь широкой программы было геркулесовскою задачею, которую взяли на себя вожаки движенія. Если бы между этими вожаками было больше согласія и еслибы вся та масса, во главѣ которой они стали, была болѣе проникнута духомъ еди-

ненія, то движеніе разумѣется могло бы принять гораздо болѣе внушительные размѣры, хотя результатъ его врядъ ли былъ бы иной. Но ни между вождями, ни между тѣми, кто слѣдовалъ за ними, не было единенія и въ этомъ обстоятельствѣ болѣе чѣмъ въ чемъ либо другомъ, заключалась главная причина неуспѣха агитаціи. Кромѣ того у нея не было настоящаго руководителя, лидера. Самый выдающійся изъ лидеров этого движенія, неустойчивый, эксцентричный Фергусъ О'Конноръ, «глава чартистовъ», «левъ свободы», «сѣверный левъ», занялъ одно время первенствующее положеніе, дававшее поводъ говорить, что «чартизмъ превратился въ О'Конноризмъ», но главенство его было все же далеко не безспорнымъ; онъ имѣлъ многихъ соперниковъ, которые либо не признавали его авторитета, либо вступали съ нимъ въ борьбу и затѣмъ расходились съ нимъ, уводя за собою ту или другую группу чартистовъ. Между другими самозванными вождями также царили безконечные раздоры, интриги и пререканія. Въ средѣ самой массы чартистовъ также совершенно не было единенія, котораго впрочемъ и трудно было бы ожидать при данныхъ условіяхъ. Еще въ 1837 г. Плэсъ писалъ: «Отъ чего происходитъ, что рабочіе классы, которые составляютъ огромное большинство населенія, не сдѣлали до сихъ поръ ничего для защиты своихъ интересовъ? Почему не выработали они никакого плана для того, чтобы добиться признанія своего значенія въ государствѣ? Отвѣтомъ на это служить отсутствіе единенія. Если спросятъ, почему же нѣтъ среди нихъ единенія, то придется отвѣтить: вслѣдствіе непониманія ими своего положенія въ обществѣ. Это непониманіе всегда было и до сихъ поръ является ихъ главнымъ несчастіемъ ¹».

Пока движеніе оставалось въ предѣлахъ устройства большихъ митинговъ, недостатокъ единодушія выступалъ не такъ ясно, но какъ только была сдѣлана попытка ор-

¹. Рукописи Плэса, 27,819, стр. 224.

ганизации движенія, такъ онъ немедленно сказался со всею силою. И такимъ образомъ, начиная съ учрежденія перваго изъ многочисленныхъ національныхъ конвентовъ и кончая послѣднимъ, они всѣ ознаменовали себя несогласіями и раздорами и лѣтопись ихъ дѣятельности представляетъ изъ себя лишь рядъ непрестанныхъ разногласій.

Другая причина неупѣха движенія также объясняется Плэсомъ, который высказалъ чрезвычайно вѣрное замѣчаніе относительно народныхъ движеній вообще. «Съ давнихъ поръ существовало, пишетъ онъ, и существуетъ до сихъ поръ, какъ у малыхъ, такъ и у большихъ группъ рабочаго населенія, находящихся въ постоянномъ общеніи другъ съ другомъ, въ высшей степени странное представленіе, что они то и составляютъ собою все рабочее населеніе. Они неизмѣнно убѣждаютъ себя въ томъ, что все, что бы они ни предприняли, встрѣтитъ сочувствіе всей рабочей массы, и никакія разочарованія до сихъ поръ не въ состояніи были поколебать въ нихъ это заблужденіе ¹».

Такое «странное представленіе» существовало и у членовъ всѣхъ бывшихъ конвентовъ. Они были убѣждены или держали себя въ томъ убѣжденіи, что именно они являются истинными представителями народа, готоваго поддерживать ихъ всѣми своими духовными и физическими силами. Они не видѣли или не хотѣли видѣть того, что даже въ той части народа, которая шла за ними, царило такое же разногласіе мнѣній и желаній, какъ и среди нихъ самихъ.

При такихъ условіяхъ сильная и сплоченная организация была совершенно невысказима. Самыя попытки организации были чрезвычайно слабы и сводились къ системѣ образованія конвентовъ, состоящихъ изъ лицъ, номинально избираемыхъ различными крупными городами;

¹. Рукописи Плэса, 27,791, стр. 343.

исключая же времени засѣданій этихъ конвентовъ, не существовало никакой центральной организаціи.

Денежными средствами агитація располагала также весьма небольшими, такъ какъ тѣ слои населенія, среди которыхъ она велась, по своей бѣдности не могли оказывать значительной поддержки въ этомъ отношеніи. Фергусъ О'Конноръ вложилъ въ нее много собственныхъ средствъ, но они шли гораздо болѣе на поддержаніе его личнаго положенія, чѣмъ на самое дѣло, и въ общемъ всетаки представляли изъ себя весьма незначительную сумму по сравненію съ тѣми, которыя находились въ распоряженіи Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ.

Такимъ образомъ, во всѣхъ этихъ существенныхъ отношеніяхъ чартистское движеніе находилось въ самыхъ невыгодныхъ для достиженія успѣха условіяхъ.

Однако, всѣ эти дефекты имѣли неважное значеніе сравнительно съ самымъ главнымъ условіемъ—справедливости и правоты самаго дѣла. Несмотря на то, что платформѣ приходилось ратовать за правое дѣло—за благосостояніе народныхъ массъ, чартисты, черезчуръ крайнимъ характеромъ своей программы, подрывали убѣдительность тѣхъ аргументовъ, которые могли быть приводимы въ пользу этой великой задачи. Главнымъ изъ «шести пунктовъ» хартіи являлась всеобщая подача голосовъ. При томъ состояніи невѣжества и полнаго отсутствія политическаго воспитанія, въ которомъ находились въ то время массы рабочаго населенія, всеобщая подача голосовъ была бы пагубна для страны. Въ самомъ дѣлѣ, примѣръ этихъ національных конвентовъ, являвшихся какъ бы результатомъ всеобщаго голосованія, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что при парламентѣ, который былъ бы избранъ всеобщею подачею голосовъ, не могло бы существовать ни малѣйшей надежды на то, что интересы страны будутъ обеспечены или что онъ можетъ содѣйствовать улучшенію положенія населенія.

Но при всей крайности этого требованія, очень мно-

гіе чартисты настаивали на необходимости осуществленія всеобщей подачи голосовъ, которая при данномъ состояніи народа была бы равносильна настоящей революціи, — революціи не прогресса, какою былъ актъ о реформѣ 1832 г., а революціи смуты, анархіи и регресса. Около 1843 года Плэсъ утверждаетъ въ своихъ Мемуарахъ, что сотни тысячъ простого народа открыто заявляютъ о своей враждѣ къ правительству и о рѣшимости свергнуть его при помощи физической силы. «Эти намѣренія, пишетъ онъ, высказываются въ очень прозрачной формѣ, и ни для кого не тайна, какой путь намѣчается ими и чего именно ожидаетъ народъ¹».

Съ теченіемъ времени характеръ движенія нисколько не измѣнился и платформа до самаго конца сохраняла все тотъ же вызывающій тонъ и была полна тѣхъ же крайностей, какъ и въ началѣ. Врядъ ли, дѣйствительно, можно сомнѣваться въ томъ, что чартисты ставили себѣ такія цѣли, которыя, будь онѣ осуществлены въ то время, неминуемо повлекли бы за собою опасную революцію. Другіе классы населенія, которые имѣли гораздо болѣе правильный взглядъ на вещи и которые въ сущности и представляли собою націю, не могли не сознавать, какою гибелью для страны было бы осуществленіе плановъ чартистовъ, и никакіе доводы послѣднихъ, никакое краснорѣчіе ораторовъ платформы не въ состояніи были убѣдить средніе, высшіе и правящіе классы согласиться на требованія чартистовъ. Они скорѣе согласились бы выдержать открытую борьбу, находя ее меньшимъ зломъ. Но, къ счастью, чартисты въ цѣломъ сами не были склонны къ такой борьбѣ. Часть ихъ, правда, была готова обратиться къ физической силѣ, — по крайней мѣрѣ объ этой готовности хвастливо заявляли наиболѣе крикливые изъ ихъ вождей, — но большинство, и особенно въ болѣе поздній періодъ агитаціи, держалось того мнѣнія, что побѣда должна быть одержана помощью

1. Рукописи Плэса, 27,820, стр. 2.

одной лишь моральной силы, и отказывалось прибѣгать къ инымъ средствамъ. При такомъ разногласіи въ средѣ чартистовъ, въ проявленіяхъ платформы также слышалась неувѣренность и раздвоенность.

Да и самыя проявленія платформы въ эту эпоху были далеко не таковы, чтобы она могла привлекать многихъ приверженцевъ. Въмѣсто тѣхъ ясныхъ, убѣдительныхъ рѣчей, которыя завоевали такъ много сторонниковъ Лигѣ противъ хлѣбныхъ законовъ, здѣсь она была полна самаго выпрѣннаго и самаго неопредѣленнаго фразерства; вмѣсто совѣта вести агитацію путемъ мирныхъ и конституціонныхъ средствъ, здѣсь постоянно раздавался скрытый, а часто даже и открытый призывъ къ насильственному образу дѣйствій. Такого рода рѣчи были въ состояніи скорѣе оттолкнуть отъ дѣла, чѣмъ вызвать сочувствіе къ нему.

Все это взятое вмѣстѣ и было причиною того, что платформѣ въ этомъ случаѣ не удалось вынудить парламентъ къ признанію хотя бы одного изъ «шести пунктовъ» хартіи.

Но, хотя съ внѣшней стороны это движеніе и потерпѣло неудачу, было бы однако ошибочно полагать, что оно оказалось совершенно безрезультатнымъ. Неудачу эту можно скорѣе уподобить тому зерну, которое, будучи брошено въ землю, на нѣкоторое время какъ бы гложетъ и умираетъ, но затѣмъ оживаетъ съ новою силою. Изъ «шести пунктовъ» хартіи три съ теченіемъ времени осуществились—закрытая подача голосовъ, созданіе равныхъ избирательныхъ округовъ, уничтоженіе имущественнаго ценза; дарованіе же избирательныхъ правъ каждому домохозяину очень близко къ самому главному изъ «шести пунктовъ»,—всеобщей подачѣ голосовъ.

Я долженъ, однако, остановиться на результатахъ этого движенія, поскольку они касаются платформы. При всей неблагоприятности многихъ ея проявленій, трескучихъ, безсодержательныхъ, а иногда и преступныхъ рѣчей, она

сослужила одну большую службу, все время выполняя функцію, которая должна имѣть особенно существенное значеніе въ глазахъ проницательныхъ государственныхъ людей,—функцію інформаціонную, раскрывающую положеніе дѣлъ.

Въ агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ наиболѣе характерною чертою платформы являлась ея дидактическая роль. Въ чартистскомъ движеніи столь же выдающеюся чертою была ея інформаціонная роль, такъ какъ она обнаруживала тѣ бѣдствія, отъ которыхъ народу приходилось страдать, и вмѣстѣ съ тѣмъ раскрывала, правда не вполне отчетливо и не полно, нѣкоторыя изъ тѣхъ идей, которыя циркулировали или начинали складываться въ народныхъ массахъ. Черезъ посредство ея неимѣвшій себѣ выраженія голосъ народныхъ массъ нашелъ себѣ болѣе или менѣе ясное выраженіе; черезъ посредство ея могъ получиться отвѣтъ на вопросъ, всегда такъ затрудняющій правителей,—что думаетъ народъ? Черезъ нее стало извѣстно, какое направленіе принимаютъ мысли и стремленія народныхъ массъ.

Заслуги платформы въ этомъ отношеніи такъ велики, что трудно даже вполне оцѣнить ихъ по достоинству. Парламентъ, хотя и являвшійся номинально представителемъ народа, не выполнялъ этой задачи. Для этого система представительства была еще слишкомъ несовершенна. Никакіе королевскіе комитеты или комиссіи не могли бы выяснить съ такою полнотою истинныя стремленія и желанія народа, какъ это сдѣлала платформа, или съ такою точностью раскрыть его положеніе. Не могла бы сдѣлать это и печать, такъ какъ никакія свѣдѣнія, сообщаемыя въ газетныхъ корреспонденціяхъ и статьяхъ, не могли бы носить того отпечатка правдивости, какой они имѣли, когда ихъ высказывала платформа, и далеко не могли бы имѣть такого значенія.

Платформа въ чартистскомъ движеніи, несмотря на всѣ ея недостатки, оказала большую услугу народу. Она

снова дала выраженіе его чувствамъ и выяснила его положеніе съ такою полнотою, какъ этого не могъ бы сдѣлать никакой иной общественный органъ. Она, болѣе, чѣмъ въ какую либо изъ прежнихъ агитацій, привлекла общественное вниманіе къ соціальному и матеріальному положенію рабочаго населенія страны. Она, съ силою, подобною громкому колоколу, прогремѣла въ уши правящихъ классовъ королевства и съ ясностью показала имъ, что на аренѣ государственной жизни появился новый классъ съ нуждами, на которыя должно быть обращено вниманіе, съ потребностями, которыя не могутъ быть долѣе игнорируемы, съ чувствами, которыя не могутъ быть попираемы. Она заставила избранныхъ представителей и палату пэровъ заняться разсмотрѣніемъ и принятіемъ мѣръ къ улучшенію соціального и матеріального положенія народныхъ массъ, къ подъему ихъ моральнаго и интеллектуальнаго уровня. Она раскрыла передъ парламентомъ совершенно новую сферу обязанностей и дѣятельности, сферу, которая до тѣхъ поръ находилась въ рѣшительномъ пренебреженіи, а къ государственнымъ дѣятелямъ предъявила новые запросы, игнорированіе которыхъ сопряжено съ огромною опасностью для государства.

И голосъ платформы не остался безрезультатнымъ. Какъ въ дѣятельности парламента, такъ и въ образѣ дѣйствій лидеровъ партій по отношенію къ выдвинутымъ платформою вопросамъ, произошла замѣтная переменна. Было назначено нѣсколько комиссій для разслѣдованія вопросовъ, касающихся положенія народа. Въ 1842 г. былъ изданъ актъ, воспреещающій употребленіе на работы въ рудникахъ и угольныхъ копяхъ женщинъ и дѣтей. Въ 1843 г. палата общинъ вотировала адресъ къ королевѣ, прося ея величество обратить самое серьезное вниманіе на изысканіе средствъ для большаго распространенія благъ нравственнаго и религіознаго воспитанія

¹. По предложенію лорда Эшли.

среди рабочихъ классовъ, а въ слѣдующемъ году былъ изданъ актъ, регулирующий работу женщинъ и дѣтей на фабрикахъ. Система призрѣнія бѣдныхъ подверглась нѣкоторымъ смягчающимъ измѣненіямъ и были приняты мѣры для распространенія народнаго образованія. Затѣмъ въ 1846 году совершилась отмѣна хлѣбныхъ законовъ, а въ 1847 г. работа женщинъ и подростковъ на фабрикахъ была ограничена десятью часами. Простой перечень законодательныхъ мѣръ не можетъ дать надлежащаго понятія о той значительной перемѣнѣ, которая не замедлила обнаружиться во всемъ характерѣ дѣятельности парламента, въ рѣчахъ министровъ и членовъ палаты и въ томъ усиленномъ вниманіи, которое они начали оказывать интересамъ соціального и матеріальнаго развитія народа. Лидеръ оппозиціи, лордъ Джонъ Росселль, еще въ 1844 году открыто призналъ настоятельную необходимость заняться этими вопросами. «Передъ нами стоитъ, говорилъ онъ, еще другой вопросъ, который, какъ я твердо увѣренъ, въ самомъ недалекомъ будущемъ такъ или иначе заставитъ насъ обратить на него свое вниманіе. Я говорю о положеніи народа въ Англіи». Сэръ Робертъ Пиль говорилъ въ 1847 г.: «Я нахожу, что главная цѣль, къ которой мы всѣ должны стремиться, есть улучшеніе положенія и поднятіе уровня трудящихся классовъ. Могу васъ увѣрить, что съ этой стороны грозитъ большая опасность, если ничего не будетъ сдѣлано. Вы заботитесь объ умственномъ развитіи этихъ классовъ, но если вы вмѣстѣ съ тѣмъ не уничтожите законы, несовмѣстимые съ подобнымъ развитіемъ, то всѣ учрежденія страны подвергнутся опасности, особенно если насъ постигнетъ бѣдствіе, подобное тому, которое обрушилось въ настоящее время на Ирландію».

Какъ ни много было темныхъ сторонъ въ проявленіяхъ платформы въ теченіе долгихъ лѣтъ чартистской агитаціи, какъ ни многочисленны свидѣтельства того низкаго уровня, до котораго она иногда опускалась, одна-

ко было бы несправедливо утверждать, что всѣ рѣчи въ ту эпоху были одинаково дурны, что въ нихъ не высказывалось блестящихъ мыслей, что никто изъ чартистскихъ ораторовъ не указывалъ разумнаго пути и ни одинъ изъ лидеровъ не возвышался надъ уровнемъ трескучаго краснорѣчія демагога. Слѣдующая выдержка изъ рѣчи Винцента можетъ служить доказательствомъ того, что въ рѣчахъ чартистовъ бывало по временамъ и нѣчто лучшее. «Міръ возстаетъ, говоритъ онъ, противъ всякихъ привилегированныхъ учрежденій. Борьба противъ нихъ ведется повсюду. Сегодня она выражается въ борьбѣ диссентеровъ противъ господства установленной церкви, завтра она выступаетъ въ доблестныхъ усиліяхъ освободить черныхъ рабовъ или въ стараніяхъ нашихъ согражданъ католиковъ избавиться отъ тяготѣющаго надъ ними гнета. То она выражается въ протестѣ противъ хлѣбныхъ законовъ, то въ учрежденіи школы. Таковы проявленія великаго и благороднаго духа. Высокіе принципы являются источникомъ всей этой дѣятельности,—вѣра въ братство людей, стремленіе осуществить на землѣ христіанское ученіе. Это умственный и нравственный протестъ противъ вѣковыхъ предразсудковъ. Чего же страшиться вамъ, господа, этого предвѣстника новой силы? Я, съ своей стороны, только радуюсь его пришествію. вмѣстѣ съ Чаннингомъ я чувствую, что мы переживаемъ эпоху, чрезвычайную величайшими событіями. Съ радостью слѣжу я за ростомъ ума и пробужденіемъ духовныхъ силъ демократіи. Заклинаю васъ, господа, берегите ихъ, помогайте имъ расти и развиваться. Взгляните на эти народныя массы, и у васъ и у нихъ одинъ общій отецъ—Богъ, который сотворилъ ихъ, какъ и васъ, по образу своему. Грѣхъ и аристократическія учрежденія затемнили этотъ образъ и онъ можетъ проясниться и вернуться къ своей первоначальной красотѣ лишь постольку, поскольку будетъ обеспечена возможность религіознаго, умственного, нравственного, политическаго и соціальнаго развитія этихъ

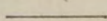
массъ. Пусть васъ не поражаетъ то, что толпа разсуждаетъ объ отвлеченныхъ правахъ вмѣсто того, чтобы требовать хлѣба; въ этомъ есть нѣчто въ высшей степени высокое и благородное. На мой взглядъ врядъ ли можно найти зрѣлище болѣе великое, чѣмъ этотъ оборванный, голодный народъ, занятый обсужденіемъ отвлеченныхъ вопросовъ и говорящій: да, у насъ нѣтъ хлѣба, но мы требуемъ правъ, которыхъ мы такъ долго были лишены! Въ этомъ сказывается истинное величіе души. Это показываетъ, что въ сердцахъ ихъ горитъ искра Божія. Это есть провозглашеніе христіанской истины, — «не единымъ хлѣбомъ живъ будетъ человекъ, но и всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Господнихъ».

Эта рѣчь является не единственнымъ примѣромъ выраженія высокихъ и благородныхъ идей. Во многихъ рѣчахъ встрѣчается проповѣдь хорошихъ и справедливыхъ принциповъ, мирнаго и законнаго образа дѣйствій; многія изъ нихъ свидѣтельствуютъ объ очень вѣрномъ пониманіи того, что дѣйствительно нужно народу; во многихъ говорится о самыхъ благодѣтельныхъ реформахъ. Но, въ общемъ, нельзя не признать, что проявленія платформы, въ эпоху чартистскаго движенія, являлись скорѣе — употребляя сравненіе Гаммаджа — коршунами, которые могли лишь отпугивать будущихъ дѣятелей отъ тѣхъ скалъ, къ которымъ была прикрѣплена конечная цѣль движенія. Тѣмъ не менѣе, несмотря на все это, за платформой остается та немалая заслуга, что она давала сравнительно безвредный выходъ многимъ опаснымъ страстямъ, которыя иначе нашли бы себѣ болѣе гибельную и печальную форму выраженія, и что она доводила до свѣдѣнія правящихъ органовъ и классовъ то, что происходило въ умахъ народа, и такимъ образомъ оказала неоцѣнимыя услуги странѣ въ одинъ изъ наиболѣе трудныхъ и критическихъ моментовъ ея развитія.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

PACTE UNTER

ГЛАВА XX.

АГИТАЦІЯ ПО ПОВОДУ ВТОРОЙ ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕ- ФОРМЫ.

Исторія платформы въ теченіе пятнадцати или шестнадцатилѣтняго періода послѣ 1848 года можетъ быть передана весьма кратко. За это время не было ни одного значительнаго движенія съ цѣлью повліять на направленіе правительственной политики или побудить правительство сдѣлать какую нибудь уступку народнымъ желаніямъ; въ средѣ рабочихъ классовъ также не произошло ни одного движенія подобнаго тому, которое завершилось знаменитой чартистской демонстраціей 10 апрѣля 1848 г.; этотъ періодъ не отмѣченъ какими либо выдающимися событіями. И тѣмъ не менѣе это было время непрерывнаго прогрессивнаго развитія платформы. Смѣнялись министерства и парламенты, одни общіе выборы слѣдовали за другими, и всякая такая перемѣна или событіе служили въ большей или меньшей степени къ упроченію положенія платформы, какъ важнаго политическаго учрежденія. Намъ уже не приходится описывать, какъ выдающіяся событія въ исторіи платформы, разглагольствованія такихъ личностей какъ Гэль Джонсъ и Генри Гентъ, или отмѣчать, какъ значительный фактъ, рѣчь какаго нибудь члена парламента внѣ парламента или, какъ нѣчто еще болѣе знаменательное, рѣчь единственнаго министра или ех-министра, выступавшаго внѣ пар-

ламента,—какимъ въ далекомъ прошломъ являлся Чарльзь Фоксъ. Эти времена давно прошли и, чѣмъ болѣе мы приближаемся къ нашему времени, тѣмъ труднѣе становится давать хотя бы простой перечень внѣпарламентскихъ рѣчей, произносимыхъ съ платформы премьерами и ех-премьерами, членами настоящихъ и прошлыхъ кабинетовъ. Все то, что вызывало противъ себя негодованіе и являлось предметомъ специальныхъ законодательныхъ мѣръ,—публичные митинги, громкія демонстраціи, пылкія ораторскія рѣчи и воззванія,—сдѣлалось съ теченіемъ времени самымъ обыденнымъ явленіемъ; даже наиболѣе выдающіеся изъ государственныхъ людей выходили изъ величавой уединенности парламентской обстановки, чтобы воспользоваться болѣе широкою и болѣе непринужденною публичною ареною, какую представляетъ собою платформа.

Что еще въ огромной степени способствовало усиленію значенія платформы, это то, что съ каждымъ шагомъ въ развитіи авторитетности палаты общинъ возрастало и значеніе платформы, которая съ теченіемъ времени оказывала все большее вліяніе на палату. Уже въ 1849 г. слышатся жалобы на ту перемѣну, которая произошла въ отношеніи между представителями и ихъ избирателями.

«Каждому, кто внимательно слѣдитъ, говорится въ одной статьѣ *Quarterly Review* въ 1849 г., за дѣйствіями отдѣльныхъ членовъ палаты, хорошо извѣстно, въ какомъ совершенно неконституціонномъ рабствѣ находятся многіе изъ нихъ передъ своими избирателями. Мы не станемъ возвращаться здѣсь къ давнему спору о пользѣ и вредѣ тѣсныхъ округовъ съ ограниченнымъ числомъ избирателей; мы хотимъ только отмѣтить, какъ сильно повліяло уменьшеніе числа такихъ округовъ на податливость общественныхъ дѣятелей демократическимъ вліяніямъ. Однимъ изъ благихъ послѣдствій, обѣщанныхъ поборниками билля о реформѣ, было то, что онъ поло-

жить конецъ незаконнымъ ассоціаціямъ и инымъ народнымъ демонстраціямъ, которыя, какъ это утверждали, являлись лишь послѣдствіемъ и неизбѣжнымъ, хотя бы неправильнымъ, возмѣщеніемъ несправедливостей старой системы представительства. Намъ говорили, что когда Манчестеръ и Бирмингамъ будутъ имѣть своихъ законныхъ представителей въ законодательномъ собраніи, то всякая мятежная агитація прекратится. Такъ ли случилось въ дѣйствительности? Не получили ли, напротивъ того, волненія по общественнымъ вопросамъ, шумныя демонстраціи въ наиболѣе населенныхъ округахъ, бунты, безпорядки и все то, что входитъ въ систему политической агитаціи, какъ средство давленія путемъ запугиванія,—гораздо болѣе постоянный и дерзкій характеръ, и всего болѣе въ тѣхъ именно округахъ, къ которымъ была при мѣнена панацея представительства,—т. е. Бирмингамъ, Манчестеръ, Стокпортъ, и т. д.? Не сдѣлалась ли политическая агитація у насъ чѣмъ то въ родѣ хронической болѣзни, подобной той, которая во Франціи принимаетъ острую форму *émiettes*? И та и другая—порожденіе демократическаго духа ¹».

Если частое общеніе избирателей съ ихъ представителями было хроническою болѣзью и если народные митинги и демонстраціи были «порожденіемъ демократическаго духа», то оба эти явленія несомнѣнно должны были превратиться въ явленія постоянныя.

Что избиратели стремились къ проявленію болѣе непосредственнаго контроля надъ своими представителями, ясно видно, я полагаю, уже изъ того факта, что м-ръ Брайтъ въ 1851 г. нашелъ нужнымъ протестовать противъ этого и отстаивать свою независимость. Въ посланіи къ своимъ избирателямъ (въ маѣ мѣсяцѣ) онъ говорилъ: «Несмотря на то, что нѣтъ чловѣка въ Англии, который такъ высоко, какъ я, цѣнилъ бы положеніе того, кто удостоился быть вашимъ представителемъ, тѣмъ

¹. Т. LXXXV, стр. 291.

не менѣе, когда я подаю свой голосъ въ парламентѣ, я стараюсь совершенно забыть о какомъ бы то ни было контролѣ надо мною. Я въ высшей степени доволенъ, когда я могу быть съ вами за одно; но я нахожу, что представитель долженъ имѣть передъ собою иное, высшее и лучшее мѣрило своихъ дѣйствій, чѣмъ даже одобреніе тѣхъ, кого онъ представляетъ, и этимъ мѣриломъ является его собственное сознаніе своего долга, основанное на убѣжденіи по данному вопросу».

Несмотря однако на такое заявленіе своей независимости, онъ послѣ того счелъ нужнымъ выразить увѣренность, что онъ поступалъ согласно тѣмъ принципамъ, во имя которыхъ былъ избранъ. Въ своемъ прощальномъ посланіи къ манчестерскимъ избирателямъ, въ мартѣ 1857 г., онъ говорилъ: «Я думаю, что никакое злословіе не осмѣлится меня обвинить въ томъ, чтобы я отступалъ отъ тѣхъ принциповъ, во имя защиты которыхъ я дважды былъ избираемъ вашимъ представителемъ».

Степень прогрессивнаго развитія платформы въ годы, слѣдовавшіе за 1848 г., можно всего лучше оцѣнить, познакомившись съ нѣкоторыми подробностями ея дѣятельности въ эпоху того движенія, которое завершилось изданіемъ второго акта о реформѣ въ 1867 г., такъ какъ въ теченіе того періода относительнаго спокойствія, который представляли собою эти промежуточные годы, трудно выдѣлить что либо особенно характерное для развитія платформы; и только сопоставляя платформу въ томъ видѣ, какою она была раньше, съ тѣмъ, чѣмъ она стала теперь, можно увидѣть, какая въ ней совершилась перемѣна, и уяснить положеніе, достигнутое ею съ годами.

Вопросъ о парламентской реформѣ затихъ и не вызывалъ серьезнаго къ себѣ отношенія со стороны парламентскихъ партій вплоть до осени 1858 года. Предложенія Юма въ парламентѣ и митинги, въ которыхъ проявлялась вся разрозненность чартистовъ, не оказыва-

ли существеннаго дѣйствія. Страна мало интересовалась этимъ вопросомъ. По этому предмету отъ времени до времени вносились различные билли, но безъ особаго рвенія, и ничего изъ нихъ не выходило.

Когда въ началѣ 1858 года ¹ власть перешла въ руки торійскаго министерства, Дизраэли, въ рѣчи къ буккингамширскимъ избирателямъ, произнесенной имъ по поводу переизбранія его послѣ принятія имъ должности министра, заявилъ, что пренебрегать этимъ вопросомъ долѣе совершенно невозможно; однако онъ тотчасъ самъ проявилъ пренебрежительное къ нему отношеніе, заявивъ, что вопросъ о времени, когда всего удобнѣе будетъ выдвинуть билль о реформѣ, представляетъ собою дѣло совершенно иного рода. Многое еще необходимо было сдѣлать прежде чѣмъ приняться за столь важный вопросъ внутренняго управленія.

«Мы должны, если это возможно, установить соглашеніе съ нашимъ главнымъ союзникомъ, Франціей; мы имѣемъ передъ собою еще и другія задачи, въ высшей степени трудныя; мы должны подавить возстаніе въ Индіи, провести въ парламентѣ билль объ управленіи этою странюю, позаботиться о проведеніи нѣкоторыхъ финансовыхъ мѣръ чрезвычайной важности». Эти вопросы, по его словамъ, должны быть улажены прежде всего, а затѣмъ правительство обратитъ самое серьезное вниманіе и на вопросъ о парламентской реформѣ.

Изъ этого ясно, что правительство не спѣшило съ этою реформою, но не всегда во власти правительства помѣшать тому, чтобы тотъ или иной вопросъ былъ выдвинутъ, и осенью 1858 года платформа снова заговорила о реформѣ и снова привела въ движеніе всю страну. Брайтъ, находившій желательнымъ оказывать нѣкоторое давленіе на правительство, дабы оно чувствовало на себѣ узду, поставилъ себѣ задачею пробудить страну съ помощью платформы.

¹. 8 марта 1858 г.

Первую рѣчь онъ произнесъ передъ своими бирмингемскими избирателями ¹. Главнымъ его аргументомъ было то, что палата общинъ неудовлетворительно представляетъ націю, которая, благодаря росту населенія и развитію его, снова выросла изъ рамокъ существующей конституціи; палата общинъ «не отвѣчаетъ болѣе требованіямъ равномѣрнаго представительства населенія страны».

«Въ настоящее время въ палатѣ общинъ имѣется 330 членовъ (болѣе половины всего состава палаты), число избирателей которыхъ въ цѣломъ не достигаетъ и 180.000, и въ то же время въ парламентѣ существуютъ 24 члена, число избирателей которыхъ превышаетъ 200.000 ²».

Кромѣ того «въ высшей степени знаменателенъ фактъ, что, куда бы вы ни направились, какъ въ Великобританіи, такъ и въ Ирландіи, всюду вы увидите, что изъ шести человѣкъ пять не имѣютъ права голоса». Онъ доказывалъ необходимость уменьшенія избирательнаго ценза, установленія закрытой баллотировки и измѣненія въ распредѣленіи парламентскихъ мѣстъ. «Вопросъ о парламентской реформѣ большой и серьезный вопросъ... Почему бы сторонникамъ реформы не представить своего новаго билля? Почему бы намъ съ помощью публичныхъ митинговъ, петицій, а когда настанетъ время и личнымъ участіемъ въ избирательныхъ собраніяхъ, не сдѣлать всего, что только въ нашихъ силахъ, для проведенія тако-го билля ³»?

Положеніе платформы было теперь совершенно иное, чѣмъ то, въ которомъ она находилась въ эпоху агитаціи за первую реформу. Теперь такой блестящій ораторъ, какъ Брайтъ, говорилъ не только передъ тѣми 5.000 или 10.000 чел., которые собирались его слушать, но говорилъ передъ всею націей. Рѣчи его были передаваемы

¹. 27 октября 1858 г.

². Рѣчи Брайта т. II, стр. 13.

³. Рѣчи Брайта, т. II, стр. 26.

всѣми газетами, а газеты, если число ихъ и не было въ десять разъ больше, чѣмъ въ 1832 г., то во всякомъ случаѣ читателей онѣ имѣли въ десять разъ больше. Брайтъ самъ высказалъ это въ своей рѣчи въ Манчестерѣ въ декабрѣ 1858 г. «Съ этой платформы, сказалъ онъ, обращаясь къ многолюдному митингу, я говорю не только съ вами, но говорю со всѣми моими согражданами». Затѣмъ онъ прибавилъ, превознося значеніе агитаціи съ помощью платформы: «Если они дѣйствительно хотятъ реформы и если они считаютъ меня искреннимъ, понимающимъ и достойнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ и сколько нибудь довѣряютъ тѣмъ, съ кѣми я дѣйствую за одно, то пусть они собираются въ своихъ городахъ, поселкахъ, деревняхъ, даже въ сельскихъ приходахъ, всюду, гдѣ не возбранено свободное слово, пусть они собираются и говорятъ, а придя къ извѣстному рѣшенію—обратятся съ петиціями. Если они будутъ поступать такимъ образомъ, то я отвѣчаю, что въ недалекомъ будущемъ они вступятъ въ полное обладаніе тѣми политическими правами, которыя столь необходимы для защиты ихъ интересовъ и которыя находятся въ полномъ согласіи съ основами нашей славной конституціи ¹».

Изъ Манчестера Брайтъ отправился въ Шотландію, гдѣ и произнесъ рѣчи въ Единбургѣ и въ Глазго ². «Взирая на всѣ эти многолюдные митинги, изъ коихъ я на многихъ лично присутствовалъ, не могу не спросить себя, что это за вопросъ, такъ глубоко волнующій умы моихъ согражданъ? Не безуміе ли это; не фанатическое ли увлеченіе, которое должно скорѣе огорчать, чѣмъ радовать людей благоразумныхъ? Судя по тому выраженію радостнаго ожиданія, надежды, даже увѣренности въ успѣхѣ, которое я вижу на столькихъ лицахъ передъ собою, я не могу сомнѣваться въ томъ, что мы собрались здѣсь во имя высокой и благородной цѣли. Я считаю, что

¹. Рѣчи Брайта, т. II, стр. 52.

². 21 декабря 1858 г.

болѣе достойной цѣли для собранія гражданъ свободной націи не можетъ и быть, такъ какъ мы собрались здѣсь для обсужденія важнѣйшаго вопроса о реформѣ конституціи и для рѣшенія того, въ какой мѣрѣ возможно укрѣпить, упрочить и обезпечить ту свободу, которую мы унаслѣдовали отъ нашихъ предковъ ¹».

Въ началѣ слѣдующаго года Брайтъ говорилъ на митингахъ въ Бранфордѣ и въ Рочдэлѣ, а затѣмъ послѣдовало открытіе парламента.

Въ тронной рѣчи королева объявляла парламенту, что онъ призывается обратить вниманіе «на состояніе законовъ, регулирующихъ представительство народа въ парламентѣ». 28 февраля (1859 года) Дизраэли внесъ билль торійскаго министерства. «Парламентская реформа, сказалъ онъ, постепенно изъ общественнаго вопроса превратилась въ вопросъ парламентскій, а изъ парламентскаго въ министерскій». Въ основаніе этого билля легло предложеніе полного уравниенія избирательной системы въ бургахъ и въ графствахъ и установленіе нѣкоторыхъ новыхъ категорій избирателей въ городскихъ округахъ. Билль былъ отвергнутъ во второмъ чтеніи большинствомъ 39 голосовъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе необоснованности билля, послѣ чего парламентъ былъ распущенъ (23 апрѣля).

Послѣдовавшіе затѣмъ общіе выборы не дали однакоже большинства консервативной партіи, и 12 іюня торійское министерство потерпѣло пораженіе въ палатѣ общинъ по вопросу о довѣрїи (большинствомъ 323 голосовъ противъ 310). Оно подало въ отставку и на его мѣсто вступило либеральное министерство.

Интересно, что формальное заявленіе о выходѣ министровъ въ отставку было прежде всего сдѣлано не въ парламентѣ, а съ платформы, а именно на банкетѣ 13 іюня въ Merchant Taylors' Hall. Первый министръ, лордъ Дерби, отвѣчая на тостъ за министровъ ея величества,

¹. Рѣчи Брайта, т II, стр 53.

сказалъ, что они утромъ представили королевѣ свои прошенія объ отставкѣ, и вкратцѣ изложилъ будущую политику консервативной партіи, когда она перейдетъ въ оппозицію.

Очевидно парламентскія засѣданія не давали подходящаго повода для заявленій о политикѣ партіи, такъ какъ около мѣсяца спустя фактическій лидеръ торійской партіи, канцлеръ казначейства, Дизраэли, присутствуя снова на банкетѣ въ томъ же Merchant Taylors' Hall, воспользовался этимъ случаемъ для произнесенія большой рѣчи, «формулирующей положеніе и политику консервативной партіи».

«Я могу по совѣсти сказать, что съ самаго начала моего вступленія въ общественную дѣятельность, одною изъ главныхъ моихъ задачъ было возстановленіе значенія и высокаго положенія той партіи, къ которой мы имѣемъ честь принадлежать и которая, въ моихъ глазахъ, неразрывно связана съ благоденствіемъ и славою нашей страны. Мои связи съ этой партіей возникли въ то время, когда она переживала невзгоды, но я никогда не переставалъ вѣрить въ предстоящую ей будущность, такъ какъ считаю, что она опирается на принципы, встрѣчающіе сочувствіе въ массѣ населенія. Въ моихъ скромныхъ стараніяхъ способствовать торжеству ея, я однако всегда старался дѣлать различіе между тѣми ея взглядами, которые должны быть вѣчно присущи ей, и тѣми, которые являются лишь временными. Я всегда старался содѣйствовать тому, чтобы она опиралась на широкое національномъ базисѣ, такъ какъ я считаю ее партією по преимуществу и по существу своему національною, стоящею за сохранность основныхъ учрежденій страны, какъ наилучшимъ образомъ воплощающихъ потребности націи и наилучшимъ образомъ обезпечивающихъ свободу, могущество и благоденствіе Англій».

Интересное доказательство того, насколько высоко цѣнила теперь платформу консервативная партія, мы

имѣемъ въ томъ, что бывшій первый министръ также прибѣгнулъ къ ней для объявленія политики партіи, которой онъ былъ лидеромъ.

29 октября 1859 г. консервативная партія давала большой банкетъ въ честь лорда Дерби и его товарищей по кабинету. Лордъ Дерби произнесъ большую политическую рѣчь, въ которой между прочимъ сказалъ: «Мы собрались здѣсь для того, чтобы засвидѣтельствовать и заявить о нашей неизмѣнной преданности принципамъ истиннаго консерватизма... того консерватизма, который высоко ставитъ общенародные интересы, но который не поддастся передъ крикливыми извѣтами буйныхъ демагоговъ, не остановится передъ угрозами и не выкажетъ робости, дѣлая уступки и соглашаясь дать права и привилегіи значительнымъ группамъ населенія ради обезпеченія за собою временной популярности, сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что дарованіе этихъ столь желаемыхъ правъ принесетъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, тѣмъ самымъ классамъ, которыхъ стремятся облагодѣтельствовать».

Онъ высказалъ, что образъ дѣйствій сэра Роберта Пиля въ 1845 г. «совершенно пошатнулъ консервативную партію въ странѣ» и что герцогъ Веллингтонъ тогда же убѣждалъ его взять на себя лидерство партіи. Онъ это и сдѣлалъ и излагаетъ теперь свою политику въ качествѣ лидера, при чемъ заявляетъ о томъ, что въ его планы не входитъ немедленное сверженіе теперешняго кабинета.

На этомъ же банкетѣ Дизраэли также произнесъ интересную рѣчь. Говоря о политикѣ руководителей партіи за минувшія десять лѣтъ, онъ сказалъ: «Нашимъ желаніемъ было положить конецъ тому, что можетъ быть названо монополіей либерализма и что, по нашему мнѣнію, оказало самое пагубное вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ и на характеръ общественныхъ дѣятелей. Благодаря этой монополіи либерализма, половина всѣхъ государственныхъ людей Англіи въ теченіе болѣе че-

тверти столѣтія признавались людьми неспособными и некомпетентными заботиться объ усовершенствованіи учрежденій страны и ея управленія; тогда какъ другая половина, въ видахъ поддержанія этой монополіи, не переставала давать обѣщанія относительно нововведеній и переменъ, почти безъ исключенія совершенно неосновательныхъ и часто неосуществимыхъ; находясь же у власти, они лишь изошрялись въ придумываніи предлоговъ, чтобы уклониться отъ выполненія данныхъ ими обѣщаній... Я полагаю, что мы возстановили нормальное положеніе политическихъ партій. Теперь будутъ судить людей на основаніи той политики, которой они слѣдуютъ, и тѣхъ мѣропріятій, которыя они дѣйствительно проводятъ, а не на основаніи традицій, большею частью невѣрныхъ, и обѣщаній, рѣдко исполняемыхъ».

Несмотря на вступленіе во власть либеральнаго министерства, агитація въ пользу реформы парламента оказалась въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Другія событія и обстоятельства отодвинули ее временно на задній планъ, и лишь въ 1865 году вопросъ этотъ снова сдѣлался животрепещущимъ. Въ парламентѣ онъ разумѣется поднимался неоднократно, но безъ всякаго результата, а то обстоятельство, что агитація по этому вопросу стихла, приводилось въ качествѣ аргумента противъ необходимости реформы.

Въ 1864 г. м-ръ Бэнсъ внесъ билль о пониженіи избирательнаго ценза въ бургахъ, при чемъ Гладстонъ высказалъ по этому поводу нѣсколько существенныхъ замѣчаній о народной агитаціи. «Намъ говорятъ, что рабочіе классы не агитируютъ за расширеніе избирательныхъ правъ; но желательно ли дожидаться того, чтобы они начали агитировать? По моему мнѣнію, агитація рабочихъ классовъ по какому бы то ни было политическому вопросу совсѣмъ не такая вещь, появленія которой нужно дожидаться, какъ предварительнаго условія для принятія парламентомъ извѣстныхъ мѣръ, а напро-

тивъ того—вещь, которой нужно опасаться и, по возможности, предотвращать при помощи разумныхъ предупредительныхъ мѣръ. Агитація среди рабочихъ классовъ дѣло совершенно иное, чѣмъ агитація среди другихъ, высшихъ классовъ, обладающихъ извѣстнымъ достаткомъ и досугомъ. Агитація среди людей этихъ классовъ возникаетъ сравнительно легко. У нихъ не оцѣненъ каждый часъ времени на деньги, существованіе ихъ женъ и дѣтей не зависитъ отъ точно вычисленнаго заработка этихъ рабочихъ часовъ. Когда же рабочій человекъ оказывается въ такомъ состояніи, что считаетъ нужнымъ оставить свою ежедневную работу и потерять тотъ заработокъ, отъ котораго зависитъ его насущный хлѣбъ, тогда это значитъ, что, говоря желѣзнодорожнымъ языкомъ, „тревожный сигналъ поданъ“, такъ какъ это указываетъ на то, что этотъ рабочій ощущаетъ крайнюю необходимость начать дѣйствовать и что онъ уже не питаетъ довѣрія къ тѣмъ правителямъ, которые довели его до этой необходимости. Настоящее положеніе дѣлъ, къ счастью могу сказать, еще не указываетъ на такую потерю довѣрія, но, признавая это, мы не должны видѣть въ отсутствіи агитаціи среди рабочихъ классовъ основательный поводъ для того, чтобы ни англійскій парламентъ, ни англійское общественное мнѣніе не взялись за обсужденіе этого вопроса».

Агитація въ пользу парламентской реформы возродилась зимою 1864—65 г. 18 января 1865 г. Брайтъ говорилъ рѣчь предъ своими бирмингамскими избирателями. Желая представить этотъ вопросъ въ самой простой наглядной формѣ, онъ сказалъ: «всякій англичанинъ, пріѣхавшій въ Капштадтъ, можетъ вотировать; если онъ поѣдетъ и еще дальше, въ Австралію, въ новорожденныя государства Новаго Свѣта, онъ и тамъ имѣетъ право голоса; поѣдетъ въ Канадскую конфедерацію,—онъ имѣетъ это право, въ тѣ величайшія колоніи Англій, которыя нынѣ независимы отъ англійской короны,— и тамъ, въ

двадцати свободныхъ, и всего въ тридцати пяти различныхъ штатахъ онъ вездѣ можетъ подавать свой свободный и независимый голосъ. Только въ собственной своей странѣ, на своей родной землѣ, гдѣ онъ родился, гдѣ самая почва воздѣлана его трудомъ и полита его потомъ, только здѣсь лишенъ онъ того права, которымъ во всякомъ другомъ государствѣ съ англійскимъ населеніемъ онъ пользовался бы совершенно свободно.... И я требую лишь того, на что наша конституція намъ даетъ право,—чтобы палата общинъ была свободною и дѣйствительною представительницею общинъ и народа Соединеннаго Королевства... Отъ имени тѣхъ милліоновъ, права которыхъ я въ настоящую минуту отстаиваю, я требую, чтобы имъ былъ открытъ, черезъ представителей, доступъ въ древнѣйшій и славнѣйшій парламентъ изъ всѣхъ, какіе только существуютъ; и только когда они получаютъ этотъ доступъ, только тогда, не раньше, будемъ мы имѣть право по справедливости сказать, что Англія, великая мать столькихъ свободныхъ народовъ, сама свободна ¹».

Однако вопросъ о реформѣ слабо подвигался впередъ, а въ началѣ іюля парламентъ, уже приближавшійся къ концу своего срока, былъ распущенъ; наступили общіе выборы. Въ избирательной компаніи вопросъ о реформѣ занялъ видное мѣсто. Правда, первый министръ, при избраніи своемъ въ Тивертонѣ, ничего не сказалъ по поводу его, но его примѣръ не встрѣтилъ подражанія и почти не было такого кандидата, который хотя вкратцѣ не упомянулъ бы о немъ, какъ о мѣрѣ, осуществленія которой не слѣдуетъ откладывать на долгое время.

Дизраэли былъ избранъ отъ Беккса, не имѣвъ себѣ соперника на выборахъ, и произнесъ послѣ того благодарственную рѣчь, которая являлась какъ бы манифестомъ партіи. Съ большимъ одобреніемъ упомянувъ о пред-

¹. Рѣчи Брайта, т. II, стр. 112.

ложеніяхъ лорда Дерби въ 1858 г., онъ выразилъ мысль о желательности того, чтобы народъ выработалъ свои убѣжденія по вопросу о распредѣленіи власти въ государствѣ. Онъ не давалъ однако обязательства относительно парламентской реформы, которую онъ опредѣлилъ, какъ вопросъ о распредѣленіи политической власти. Затѣмъ онъ упомянулъ о государственной церкви, объявивъ себя при этомъ «искреннимъ и убѣжденнымъ защитникомъ этого великаго учрежденія» и высказался въ пользу «консервативной иностранной политики».

Гладстонъ, потерпѣвъ поражение въ Оксфордѣ, выступилъ кандидатомъ въ Южномъ Ланкаширѣ. «Наконецъ я появился среди васъ, друзья мои, сказалъ онъ на большомъ митингѣ въ Free Trade Hall въ Манчестерѣ, и я явился передъ вами,—употребляя выраженіе, сдѣлавшееся столь извѣстнымъ—„безъ намордника“¹. Выразеніе это дѣйствительно характерно для платформы, которая привлекала къ себѣ столько государственныхъ людей именно свободою, отсутствіемъ стѣсненій. Въ парламентѣ всѣ безъ различія партіи болѣе или менѣе чувствуютъ на себѣ «намордникъ», связаны по необходимости формою парламентскихъ преній, ограничены тѣсными рамками обсуждаемаго вопроса, стѣснены правилами и традиціями парламента. На платформѣ же «намордникъ» съ нихъ снятъ и они могутъ свободно охватывать всю широкую область политической жизни, начиная отъ общегосударственныхъ вопросовъ первостепенной важности и кончая самыми мелкими вопросами чисто мѣстнаго характера. Эта фраза Гладстона интересна еще и по другой причинѣ, а именно—она является какъ бы пророчествомъ его будущей славы самаго выдающагося—быть можетъ за однимъ только исключеніемъ—оратора платформы нашего или даже какаго бы то ни было времени.

Со времени перваго акта о реформѣ избирательная

¹. См. Daily News, 19 июля.

платформа во время общихъ выборовъ получила громадное значеніе въ смыслѣ двигателя того или другаго вопроса, вызывавшаго къ себѣ вниманіе со стороны избирателей. Съ сотенъ платформъ, передъ которыми собираются тысячи народа, день за днемъ раздаются аргументы за и противъ извѣстнаго вопроса, и это не можетъ не содѣйствовать выясненію передъ народомъ истиннаго смысла дѣла, не можетъ не вызывать впечатлѣнія, глубоко западающія. Такъ было и на этихъ общихъ выборахъ съ вопросомъ о парламентской реформѣ, и въ результатѣ ихъ либеральная партія оказалась въ большомъ выигрышѣ.

Вскорѣ послѣ выборовъ первый министръ, лордъ Пальмерстонъ, умеръ; преемникомъ его явился графъ Росселль, а Гладстонъ сдѣлался лидеромъ палаты общинъ.

Новый парламентъ собрался 6 февраля 1866 г., а 12 марта Гладстонъ внесъ въ палату общинъ правительственный билль о парламентской реформѣ. Главнымъ основаніемъ билля являлось распространеніе избирательныхъ правъ въ городахъ на всѣхъ лицъ, занимающихъ дома, рента съ которыхъ достигаетъ 7 ф. ст.; въ графствахъ же для пріобрѣтенія избирательнаго права, вмѣсто прежнихъ 50 ф. ст. годового дохода съ имущества, предлагалось установить 14 ф. ст. годового дохода. Эти и еще нѣкоторыя другія мѣры должны были увеличить число избирателей по крайней мѣрѣ на 400.000 чело-вѣкъ.

Въ началѣ билль этотъ былъ встрѣченъ въ странѣ довольно равнодушно. Платформа безмолвствовала. «Ни откуда не слышится выраженій радости», пишетъ Times 20 марта, «ни одного сочувственнаго отклика. Мы тщетно ожидали услышать хоть одинъ голосъ одобренія или порицанія изъ провинцій».

Въ этотъ самый день, однакоже, раздался первый голосъ. Національный Союзъ реформы (National Reform

Union) въ Манчестерѣ, собравшись на митингѣ, постановилъ резолюцію, «что исполнительному комитету Союза поручается предложить всѣмъ филиальнымъ ассоціямъ созывать городскіе и иные публичные митинги для выраженія сочувствія биллю и подготовленія петицій въ пользу его».

26 марта въ Бирмингамѣ былъ созванъ городской митингъ для обсужденія билля и было постановлено «просить представителей бурга въ парламентѣ поддерживать билль».

27 марта состоялось совѣщаніе сторонниковъ реформы изъ различныхъ округовъ Манчестера, и съ этого времени митинги стали происходить все чаще и платформа выражала свое одобреніе предложенной мѣрѣ.

Въ Эдинбургѣ митингъ, постановляя резолюціи, выражавшія одобреніе билля, постановилъ также, «чтобы копіи вышесказанныхъ резолюцій были пересланы представителямъ отъ города въ парламентѣ съ просьбою оказать энергическую поддержку биллю».

Въ Лидсѣ лордомъ-лейтенантомъ западнаго округа Йоркшира былъ созванъ митингъ на открытомъ воздухѣ и на немъ говорили лордъ Гаутоъ и м-ръ Форстеръ.

Въ Рочдэлѣ состоялся большій митингъ, на которомъ присутствовало отъ 10.000 до 11.000 человекъ. Здѣсь говорилъ Брайтъ. «Мы стоимъ за миръ и за справедливость», сказалъ онъ, «а также за постепенное развитіе свободы. Мы полагаемъ, что наступило время, когда средніе классы, которые въ большинствѣ примыкаютъ къ либеральной партіи, могутъ соединиться съ значительною частью рабочихъ классовъ, которые стремятся улучшить свое теперешнее положеніе. И, соединившись такимъ образомъ въ одно, мы въ состояніи будемъ получить отъ правительства и парламента все, что намъ нужно».

Важнѣйшимъ изъ этихъ публичныхъ митинговъ былъ митингъ въ Ливерпулѣ, на которомъ присутствовали Гладстонъ и герцогъ Аргайль. Онъ состоялся въ амфи-

театрѣ (6 апрѣля 1866 г.) и на немъ была вотирована резолюція, «что этотъ митингъ признаетъ, что билль, предложенный министерствомъ и находящійся нынѣ на обсужденіи въ палатѣ общинъ, заслуживаетъ всеобщей горячей поддержки, какъ справедливая и вполне осуществимая мѣра, имѣющая въ виду исправленіе законовъ относительно народнаго представительства».

Гладстонъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать съ платформы заявленіе, котораго онъ не сдѣлалъ въ палатѣ общинъ. «Съ принятіемъ этого билля въ главныхъ его основаніяхъ мы связываемъ наше существованіе въ качествѣ министерства, дѣлаемъ изъ него вопросъ нашей политической чести. Вы имѣете право ожидать отъ насъ, чтобы мы высказались передъ вами съ полной прямою. Вы имѣете право требовать, чтобы тотъ трубный звукъ, который долженъ раздаться съ нашей стороны, звучалъ совершенно ясно и рѣшительно. Мы перешли Рубиконъ, разломали мостъ и сожгли за собою корабли. Мы заранѣе отрѣзали себѣ всѣ пути къ отступленію».

Второе чтеніе билля происходило 12 апрѣля и Гладстонъ, въ заключеніе преній, указалъ въ своей рѣчи на значеніе платформы. «Я сосчиталъ митинги»..., сказалъ онъ. Въ это время одинъ изъ членовъ оппозиціи прервалъ его возгласомъ: «подстроенные!» «Митинги были подстроены, да?» возразилъ Гладстонъ; «такъ у васъ есть въ рукахъ вѣрное средство. Подстройте митинги противъ предлагаемой мѣры. Тогда видно будетъ, легко ли подстроить такое выраженіе общественнаго мнѣнія, на которое можно было бы опираться въ своихъ дѣйствіяхъ¹. Я сосчиталъ петиціи, представленныя отъ публичныхъ митинговъ и подписанныя лично предсѣдателями этихъ митинговъ, и получилъ, за время отъ 11-го до 17-го сего апрѣля, 187 подобныхъ петицій, помимо 500.000 или

¹. Parliamentary Debates, т. CLXXXIII, стр. 144.

600.000 подписей отдѣльныхъ лицъ въ пользу этого билля».

Билль прошелъ во второмъ чтеніи большинствомъ только пяти голосовъ ¹. Тѣмъ не менѣе министерство представило палатѣ общинъ ² вторую половину своего плана реформы, билль о распредѣленіи парламентскихъ мѣсть. Этотъ билль также прошелъ во второмъ чтеніи, но третьяго чтенія не суждено было быть ни для него, ни для билля о народномъ представительствѣ, такъ какъ 18 іюля, вопреки министерству, была принята ³ внесенная лордомъ Дункеллиномъ поправка къ послѣднему, заключающаяся въ томъ, чтобы въ бургахъ въ основаніе избирательнаго права былъ положенъ размѣръ платимыхъ налоговъ, а не дохода, и кабинетъ подалъ въ отставку. Первымъ министромъ снова сдѣлался лордъ Дерби, а канцлеромъ казначейства Дизраэли.

Вступленіе новаго министерства вызвало необходимость производства нѣсколькихъ новыхъ выборовъ. Здѣсь не безъинтересно бросить бѣглый взглядъ назадъ на нѣкоторые прошлые выборы и сравнить отношеніе министровъ къ избирательной платформѣ въ прежнее время съ тѣмъ, чѣмъ оно стало въ описываемый нами періодъ; только такимъ образомъ можемъ мы получить ясное представленіе о громадномъ прогрессѣ платформы.

Возьмемъ выборы 1818 г., которые были мною описаны и на которыхъ всѣ главные члены кабинета, исключая одного, укрылись въ неприступной позиціи гнилыхъ мѣстечекъ; вспомнимъ характеръ того краснорѣчія, которое въ то время считалось вполне достаточнымъ для обращенія къ избирателямъ и лучшей образецъ котораго явилъ лордъ Кэстльри, вспоминая въ своей рѣчи, что пшеница на фермѣ его отца была тогда «занесена снѣгомъ» и заявившій, что ничто не можетъ сравниться съ

¹. 318 голосовъ за и 313 противъ билля.

². 7-го мая.

³. 315 голосами противъ 304.

красотою зелени Ирландіи. Возьмемъ еще болѣе отдаленное время, знаменитые выборы 1784 г.,—великая побѣда Питта,—когда восемь изъ девяти министровъ кабинета были пэрами, и Питтъ, единственный коммонеръ, выступилъ кандидатомъ въ Кэмбриджскомъ университетѣ, гдѣ произнесеніе рѣчей было воспрещено. Какая разница съ теперешними выборами 1866 г.!

Военный министръ произнесъ большую рѣчь въ Гунтингдонширѣ; первый лордъ адмиралтейства говорилъ въ Дройтвичѣ; главный секретарь по дѣламъ Ирландіи произнесъ въ Коккермоусѣ рѣчь, занявшую нѣсколько столбцовъ Times'a ¹; секретарь по дѣламъ Индіи говорилъ въ Стамфордѣ; министръ торговли—въ Девонширѣ; министръ иностранныхъ дѣлъ произнесъ большую и содержательную рѣчь передъ свсими избирателями въ Кингсъ-Линнѣ. Всѣ эти рѣчи печатались полностью почти во всѣхъ газетахъ и читались всей Англіей.

«Новый министръ иностранныхъ дѣлъ», писалъ Times, «едва успѣлъ вступить въ должность, какъ ему уже приходится участвовать въ передѣлкѣ карты Европы. (Это было какъ разъ послѣ побѣды Пруссіи надъ Австріей). Но онъ принужденъ однакоже отложить это дѣло, хотя въ настоящее время каждый часъ цѣнится цѣною цѣлыхъ армій и государствъ, и предварительно объясниться передъ торговцами небольшого порта гдѣ-то на нашемъ восточномъ берегу ²».

Дизраэли, новый канцлеръ казначейства и во всѣхъ отношеніяхъ, за исключеніемъ названія, лидеръ партіи, произнесъ рѣчь въ Эйльсбюри по случаю своего переизбранія отъ Беккса. Times по поводу этой рѣчи говорилъ: «Тотъ, кто упрекнулъ бы его въ излишней сдержанности, выказалъ бы чрезмѣрную требовательность. Хотя онъ и не снисходитъ до большихъ подробностей, но онъ высказываетъ свои взгляды по самымъ разнообраз-

¹. См. The Times, 12 іюля 1866 г.

². The Times, 13 іюля 1866.

нимъ предметамъ и точно указываетъ, какъ по его мнѣнію должны вестись дѣла въ области внутренней и внѣшней политики ¹). Онъ говорилъ: «Нѣкоторые упрекають насъ въ томъ, что у насъ нѣтъ своей политики... Но мы считаемъ, что наша политика очень ясна и опредѣлена. Она заключается въ томъ, чтобы охранять нашу конституцію въ сферѣ церковнаго и государственнаго управленія; въ томъ, чтобы всѣ наши мѣропріятія направлены были къ обезпеченію странѣ непрерывнаго благоденствія и мира».

По заявленію Times'a ², эти рѣчи «значительно разъяснили обществу принципы партіи», но самымъ замѣчательнымъ въ нихъ было то, что онѣ поразительнымъ образомъ свидѣтельствуютъ о той огромной перемѣнѣ, которая совершилась въ политической жизни со времени акта о реформѣ 1832 г.; онѣ являлись самымъ краснорѣчивымъ признаніемъ высокаго значенія и вліянія платформы. Тотъ фактъ, что каждый министръ, которому приходилось подвергнуться переизбранію, считалъ себя обязаннымъ предстать на платформѣ передъ своими избирателями и изложить передъ ними, а черезъ нихъ и передъ всею страной, свои взгляды, свидѣтельствовалъ о такомъ высокомъ уваженіи къ платформѣ, о которомъ въ прежнее время нельзя было и думать.

Паденіе либеральнаго министерства явно грозило судьбѣ вопроса о реформѣ и платформа тотчасъ обнаружила признаки возбужденія. И въ Лондонѣ, и во всей странѣ немедленно стали собираться митинги. Мы можемъ упомянуть лишь о нѣкоторыхъ изъ нихъ, и приведемъ выдержки изъ наиболѣе выдающихся рѣчей, съ указаніемъ того, что о нихъ писалось въ то время и что можетъ служить выраженіемъ взглядовъ на платформу, которыхъ держались наиболѣе видные государственные люди того времени.

1. The Times, 14 іюля 1866 г.

2. The Times, 16 іюля 1866.

Первый митингъ носилъ весьма печальный характеръ. Онъ имѣлъ мѣсто 2 іюля (1866 г.) въ Трафальгаръскверѣ, — при чемъ произошли беспорядки и возбужденныя толпы народа прослѣдовали по наиболѣе богатымъ и аристократическимъ улицамъ западной части города. Буйство и беспорядки вовсе не стоятъ въ тѣсной связи съ платформою и, тѣмъ не менѣе, именно ради того чтобы порочить платформу, всякій сопровождающійся беспорядками митингъ каждый разъ служитъ поводомъ для заявленій о вредѣ публичныхъ митинговъ вообще. Въ этомъ случаѣ отсутствовала всякая организація; собравшіеся желали иныхъ развлеченій кромѣ слушанія рѣчей; тѣ немногія лица, которыя пытались говорить, не въ состояніи были заставить себя слушать. Въ сущности это было не что иное, какъ народное скопище; лондонскихъ избирателей здѣсь не было; не было тѣхъ, кому билль о реформѣ долженъ былъ даровать права; не было и лондонскихъ рабочихъ. Собраніе состояло изъ нѣсколькихъ вожаковъ Лиги Реформы и случайнаго сброда бродягъ и бездѣльниковъ, всегда находящихся во множествѣ во всякомъ большомъ городѣ. Times высказался весьма сурово объ этомъ митингѣ¹.

«Публичный митингъ въ подобномъ мѣстѣ въ подобное время представляетъ самъ по себѣ нарушеніе спокойствія. Онъ беспокоитъ мирныхъ людей и нарушаетъ общественный порядокъ. Кромѣ того, подобные митинги прямо рассчитаны на устрашающее дѣйствіе. Это не собранія, цѣль которыхъ воспользоваться законными средствами убѣжденія и публичнаго обращенія съ разумнымъ словомъ къ рабочему классу; это — угроза, рассчитанная на то, чтобы по возможности запугать законодательную власть этими шумными проявленіями многотысячной толпы... Подобныя демонстраціи представляютъ злоупотребленіе, и чрезвычайно опасное злоупотребленіе, драгоцѣннымъ правомъ, и если онѣ не прекра-

1. The Times, 3 іюля 1866 г.

тятся сами собою, то имъ нужно будетъ положить конецъ. Право публичныхъ митинговъ не означаетъ право общественныхъ безпорядковъ и насилій надъ частными лицами».

Вскорѣ послѣ этого, — а именно 23 іюля, — вопросъ о публичныхъ митингахъ въ столицѣ еще болѣе обострился.

Комитетъ Лиги Реформы объявилъ объ устройствѣ въ Гайдъ-паркѣ большой демонстраціи въ пользу расширенія избирательныхъ правъ. Администрація, не одобряя подобнаго употребленія мѣста, предназначеннаго для общественнаго пользованія, и опасаясь безпорядковъ, рѣшила закрыть ворота въ паркѣ и не пропускать толпу на митингъ. Возлѣ парка собрались громадныя массы народа. Организаторы демонстраціи, прибывъ во главѣ многолюдной процессіи, пытались войти въ паркъ, но полиція не допустила ихъ. Они не настаивали, но обратились къ слѣдовавшимъ за ними съ предложеніемъ идти къ Трафальгарскому скверу. Толпа, между тѣмъ, разломала въ нѣсколькихъ мѣстахъ рѣшетку парка и ворвалась туда; произошло нѣсколько рукопашныхъ схватокъ между полиціей и наиболѣе буйными элементами толпы, была призвана военная помощь; произведено нѣсколько арестовъ; нѣсколько человѣкъ были ранены, но никто не былъ убитъ. Съ наступленіемъ темноты большинство собравшихся оставили паркъ.

Это событіе разумѣется вызвало на слѣдующій день дебаты въ парламентѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ отъ имени правительства заявилъ, что хотя оно вовсе не имѣетъ намѣренія препятствовать публичнымъ митингамъ, когда послѣдніе собираются въ надлежащемъ мѣстѣ и въ надлежащее время для свободнаго обсужденія какихъ бы то ни было вопросовъ, но полагаетъ, что парки не представляютъ собою надлежащаго мѣста для подобныхъ митинговъ... Онъ призналъ, что «безпорядки не слѣдуетъ приписывать устроителямъ митинга; они были произведены лицами, пришедшими въ паркъ съ со-

вершено иными цѣлями, а вовсе не для свободнаго и открытаго обсужденія вопроса ¹».

Джонъ Стюартъ Милль, напротивъ того, доказывалъ, что если народъ не имѣетъ права собирать митинги въ паркѣ, то онъ долженъ получить таковое, «потому что въ противномъ случаѣ какое же другое мѣсто можно признать подходящимъ для этого? ²».

Въ палатѣ лордовъ первый министръ лордъ Дерби высказалъ свое твердое убѣжденіе въ томъ, что «тѣ, которые желали устроить большую демонстрацію, не имѣли никакого намѣренія произвести нарушеніе порядка; но съ другой стороны, сказалъ онъ, я полагаю, едва ли можно признать, что имѣлись въ виду собственно интересы публичнаго обсужденія вопроса. При такихъ условіяхъ невозможно какое-либо обсужденіе, и я не могу не думать, что цѣлью ихъ въ сущности было устрашеніе законодательной власти, если не путемъ нарушенія спокойствія, то посредствомъ демонстраціи физической силы, а также стремленіе вызвать искусственное выраженіе общественнаго настроенія по вопросу о парламентской реформѣ ³».

Лордъ Гренвилль сказалъ: «я принадлежу къ самымъ рѣшительнымъ сторонникамъ права публичныхъ митинговъ... Но въ то же время я полагаю, что подобные монстръ митинги не могутъ служить для дѣйствительнаго публичнаго обсужденія вопроса... На этихъ громаднхъ митингахъ многолюдуство слушателей дѣлаетъ всякое обсужденіе почти невозможнымъ».

Беспорядки на митингахъ въ Трафальгарскомъ скверѣ и въ Гайдъ-паркѣ значительно подорвали въ то время сочувствіе къ платформѣ.

«Сторонники реформы, писалъ Times 24 іюля, на-

1. Рѣчь м-ра Вальполя. Parliamentary Debates, т. CLXXXIV, стр. 1395.

2. Parliamentary Debates, т. CLXXXIV, стр. 1414.

3. Ibid., 24 іюля 1866 года, т. CLXXXIV, стр. 1370—1371.

глядно показали, какъ непригодны подобные митинги для обсужденія политическихъ вопросовъ и какъ легко они вызываютъ серьезную опасность для общественнаго спокойствія». На слѣдующій день, возвращаясь къ тому же вопросу, та же газета писала: «Эти событія убѣдительно доказали, что подобныя собранія, не могущія служить никакимъ полезнымъ цѣлямъ, не могутъ не вызывать рѣшительнаго осужденія».

Послѣ такихъ печальныхъ результатовъ митинговъ на открытомъ воздухѣ въ Трафальгаръ-скверѣ и въ Гайдъ-паркѣ въ Лондонѣ, слѣдующій большой митингъ былъ созванъ въ закрытомъ помѣщеніи Agricultural Hall въ Ислингтонѣ, 30 іюля 1866 г. На немъ присутствовало около 20.000 человѣкъ; митингъ носилъ шумный характеръ, рѣчи постоянно прерывались и ораторамъ стоило большого труда заставить себя слушать. Самою выдающеюся рѣчью была рѣчь Дж. Ст. Милля, бывшаго въ то время членомъ парламента отъ Вестминстера. Между прочимъ, онъ сказалъ, что онъ явился сюда «не для того, чтобы говорить собравшимся о реформѣ; въ этомъ отношеніи ихъ рвеніе не нуждается въ поощреніи съ его стороны: ихъ присутствіе здѣсь сегодня служитъ достаточнымъ отвѣтомъ для тѣхъ, кто считалъ бы подобное поощреніе необходимымъ. На сторонниковъ реформы много нападали за эти большіе митинги, говоря, что они несовмѣстимы съ цѣлями обсужденія, но значеніе публичныхъ митинговъ заключается не въ одномъ только обсужденіи: одною изъ ихъ задачъ является именно демонстрація».

8 августа 1866 г. въ Лондонѣ въ Гильдголлѣ состоялся митингъ, созванный Лигою Реформы и Лондонскою Ассоціаціею рабочихъ. Здѣсь снова былъ затронутъ вопросъ о публичныхъ митингахъ. Предсѣдательствовавшій лордъ-мэръ сказалъ въ своей вступительной рѣчи: «Публичные митинги, подобные тому, на которомъ онъ имѣетъ честь говорить, созываются съ цѣлью свободнаго,

спокойнаго и независимаго выраженія извѣстныхъ взглядовъ и обмѣна мнѣній; но для успѣшнаго достиженія этихъ цѣлей необходимы три вещи: во первыхъ—благожелательное настроеніе, во вторыхъ—способность здраваго размышленія, въ третьихъ—сдержанность».

М-ръ Бэльсъ, одинъ изъ главныхъ ораторовъ, сказалъ: «Что привело къ подобнымъ демонстраціямъ (какъ только что происходившія)? Рабочимъ классамъ наносилась одна обида за другою. Ихъ считали столь невѣжественными, столь продажными и порочными, что ихъ не признавали достойными пользоваться избирательными правами. Рабочіе стали сначала собираться въ своихъ помѣщеніяхъ съ цѣлью протестовать противъ подобной клеветы, но эти собранія ихъ или вызывали насмѣшку или совершенно игнорировались, и тогда они сочли своимъ долгомъ устраивать болѣе многолюдныя собранія и на открытомъ воздухѣ. Въ этихъ видахъ они избрали Гайдъ-паркъ, какъ такое мѣсто, собраніе въ которомъ по крайней мѣрѣ обратитъ на себя вниманіе ихъ противниковъ. Поступая такимъ образомъ, они вовсе не намѣревались прибѣгать къ грубой силѣ». Это заявленіе было поддержано также и м-ромъ Конолли, который сказалъ: «Рабочій нынѣшняго времени, подъ руководствомъ О'Коннелля, Кобдена и Брайта, научился тому, что величайшія политическія реформы могутъ быть произведены безъ всякаго насилія и безъ пролитія капли крови»...

10 августа 1866 г. сессія парламента была отсрочена и платформа въ теченіе всей осени и зимы имѣла полную возможность безпрепятственно разрабатывать великій вопросъ о реформѣ.

Первый большой митингъ за это время собрался 27 августа въ Бирмингамѣ. «Если присутствіе громаднаго количества народа можетъ служить доказательствомъ воодушевленія и преданности дѣлу, то этотъ митингъ является несомнѣннымъ торжествомъ, писалъ Times. Притомъ эта демонстрація носила совершенно непосред-

ственный характеръ. Народъ самъ устроилъ и выполнилъ ее; она была всецѣло дѣломъ рабочихъ». Процессія состояла изъ шести отрядовъ и участвовавшіе вели себя въ высшей степени чинно и сами соблюдали строжайшій порядокъ. Процессія прошла до Брукфильда, что составляетъ около 2¹/₂ миль. Все это пространство и всѣ прилегавшія улицы представляли изъ себя одну сплошную толпу; окна, карнизы, балконы были переполнены народомъ, было множество знаменъ, играла музыка и все это вмѣстѣ дало зрѣлище, которое трудно поддается описанію.

На площади, назначенной для митинга, было устроено шесть платформъ; рѣчи заняли, однако, не много времени и были вотированы три резолюціи, изъ которыхъ главная гласила: «Обязуемся требовать и добиться путемъ агитаціи и имѣющихся у насъ законныхъ средствъ распространенія избирательныхъ правъ на всѣхъ домохозяевъ, какъ единственнаго справедливаго основанія представительства, и закрытой баллотировки, которая ограждала бы насъ отъ нежелательнаго давленія и застрашivanія на выборахъ». Послѣ этого громадная толпа спокойно разошлась.

Вечеромъ состоялся большой митингъ въ городской ратушѣ. Здѣсь главнымъ ораторомъ былъ Брайтъ. «Бываютъ минуты, сказалъ онъ, когда я почти прихожу въ отчаяніе отъ незначительности результатовъ столькихъ лѣтъ неустанной общественной дѣятельности; но при видѣ такого митинга, какъ настоящій, и того громаднаго митинга, который состоялся сегодня утромъ, исчезаетъ всякое чувство опасенія или горечи и набираешься новыхъ силъ для продолженія работы съ еще большею энергіей. Въ теченіе послѣдней парламентской сессіи, во время дебатовъ по поводу второго чтенія билля о реформѣ, я воспользовался случаемъ, чтобы высказать слово предостереженія и совѣтъ той могущественной партіи въ парламентѣ, которая возставала противъ билля. Я напо-

нилъ имъ, что если имъ удастся провалить билль и вмѣстѣ низвергнуть министерство, то передъ ними еще останется англійскій народъ, съ которымъ имъ придется имѣть дѣло и уладить вопросъ о требуемой имъ реформѣ. Того, что я предсказывалъ, недолго пришлось ждать.

«Въ Лондонѣ мы видѣли народныя собранія столь многолюдныя, какихъ не было на памяти цѣлаго поколѣнія. Во многихъ другихъ мѣстахъ происходили митинги въ такихъ размѣрахъ, какихъ не было уже лѣтъ тридцать, сегодня же, въ особенности, изъ самага центра и сердца Англїи раздался такой голосъ, который прозвучитъ до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ трехъ королевствъ.

«Въ настоящую минуту, какъ мнѣ сообщили, за стѣнами этого дома стоитъ толпа, неизмѣримо болѣе многочисленная, чѣмъ собраніе, къ которому я обращаюсь, а завтра утромъ на всемъ пространствѣ Соединеннаго Королевства цѣлые милліоны будутъ съ интересомъ внимать тому, что происходило и что говорилось въ Бирмингамѣ 27 августа....

«Въ Англїи 5.000.000 человѣкъ взрослыхъ людей, представляющіе собою болѣе 20.000.000 нашего населенія, лишены того, что составляетъ единственное различіе между деспотизмомъ и свободой. Я не опасаюсь сказать, что это не можетъ продолжаться такъ долгое время... Поступимъ же такъ, какъ поступили наши отцы тридцать пять лѣтъ тому назадъ,—будемъ образовывать ассоціаціи... Будемъ стараться возбудить въ народѣ чувство негодованія противъ клеветниковъ великой и благородной націи. Скоро наступятъ новые выборы. Рабочіе люди не могутъ подавать голоса, но они могутъ образовывать изъ себя могучую массу, которая будетъ въ каждомъ бургѣ употреблять свое вліяніе въ пользу тѣхъ кандидатовъ, которые обяжутся стоять за реформу. Если они сдѣлаютъ это, то будьте увѣрены, они окажутся въ состояніи перемѣнить многихъ представителей и создать

въ будущемъ парламентѣ надежное большинство въ пользу реформы ¹».

Гладстонъ, въ то время еще не бывший такимъ ревностнымъ приверженцемъ платформы, какимъ онъ сдѣлался впослѣдствіи, только одинъ разъ выступилъ на этой аренѣ во все это движеніе и произнесъ рѣчь на митингѣ въ Солсбери, 7-сентября. Онъ обѣщаль, что всякій разумный законопроектъ о реформѣ, предложенный его преемниками по министерству, получитъ съ его стороны безпристрастное отношеніе и основательное обсужденіе при условіи, если онъ будетъ предложенъ въ скоромъ времени.

Но главныя свои силы платформа развертывала не въ этомъ спокойномъ южномъ городкѣ Англійи и не подъ руководствомъ Гладстона.

24 сентября 1866 г. въ Манчестерѣ, въ Кампфильдѣ, былъ большой митингъ, на которомъ собралось отъ 80.000 до 100.000 рабочихъ и представителей среднихъ классовъ. Митингъ сопровождался процессіями съ оркестрами музыки, знаменами; въ разныхъ мѣстахъ было устроено шесть платформъ для ораторовъ; принято было нѣсколько резолюцій, изъ которыхъ главная гласила то же, что и Бирмингамская.

Вечеромъ того же дня происходилъ митингъ въ зданіи торговой палаты города, которая была переполнена народомъ. Пресѣдатель м-ръ Поттеръ, членъ парламента, сказалъ: «Этотъ митингъ и демонстрація сегодняшняго утра свидѣтельствуютъ о томъ, что жители Ланкашира готовы принять участіе въ предстоящей борьбѣ за реформу».

Брайтъ также говорилъ здѣсь: «Какъ ни велико настоящее собраніе и какъ ни поразительно многолюденъ былъ митингъ, имѣвшій мѣсто днемъ, но вопросъ, ради котораго мы собрались сюда, по своей важности достоинъ такихъ собраній и стоитъ всякихъ усилій съ нашей

¹. Рѣчи Брайта, т. II, стр. 185.

стороны. Мы собрались здѣсь съ тѣмъ, чтобы, поскольку это окажется въ нашихъ силахъ, расширить предѣлы и укрѣпить основы свободы въ нашемъ отечествѣ».

На слѣдующій день вечеромъ Брайтъ снова говорилъ на одномъ банкетѣ. «Я вовсе не стою непремѣнно за всеобщую подачу голосовъ предпочтительно передъ надѣленіемъ избирательными правами однихъ лишь домохозяевъ... Эти многочисленные митинги, какъ справедливо замѣтилъ м-ръ Милль, служатъ не столько для обсужденія вопроса, сколько заявленіемъ общественнаго мнѣнія и, если хотите, я прибавлю, демонстраціей его силы. Подобныя демонстраціи, если онѣ будутъ встрѣчать пренебрежительное отношеніе, могутъ превратиться въ демонстраціи силы иного рода...

«Я полагаю, что уже въ 1832 году получилъ разрѣшеніе вопросъ о томъ, могутъ ли измѣненія, необходимыя въ государственномъ строѣ Соединеннаго Королевства, быть осуществляемы мирными средствами, или же для этого нужна сила¹».

Здѣсь я считаю нелишнимъ привести нѣкоторыя выдержки изъ чрезвычайно интересной статьи въ Times, заключающей въ себѣ обстоятельный анализъ положенія и значенія платформы. Это единственная, за однимъ исключеніемъ, найденная мною въ печати того времени попытка выяснить положеніе платформы, какъ политическаго учрежденія, и провести параллель между нею и другими институтами, имѣющими соприкосновеніе съ общественнымъ мнѣніемъ. «Платформа, говорится въ этой статьѣ, имѣетъ свое собственное, ей одной свойственное призваніе, совершенно отличное отъ призванія государственныхъ людей, законодательнаго собранія, печати, кафедры или литературы... Публичный митингъ составляется изъ людей, которые, какъ ораторы, такъ и слушатели, объединены общимъ стремленіемъ и опредѣленнымъ одностороннимъ къ данному вопросу отношеніемъ, въ осно-

¹. The Times.

вѣ котораго лежать принципи, встрѣчающіе ихъ единодушное признаніе. Иначе какъ при такихъ условіяхъ публичные митинги невозможны, потому что какіе либо дебаты немислимы въ теченіе трехъ короткихъ часовъ и въ присутствіи многолюдной толпы. Ораторы принуждены даже поступаться нѣкоторыми второстепенными различіями во взглядахъ и высказывать только то, въ чемъ они всѣ согласны. Непосредственная задача состоитъ въ томъ, чтобы объединить въ общемъ убѣжденіи людей, которые могутъ быть вѣрны своимъ убѣжденіямъ, но которые не въ состояніи дѣлать что либо больше, кромѣ развѣ того, что имъ придется подать свой голосъ, что они часто дѣлали и раньше и что не будетъ имѣть существеннаго значенія...

«Публичный митингъ въ сущности имѣетъ гораздо болѣе общаго съ церковной кафедрой или съ писаніемъ книгъ и памфлетовъ, чѣмъ съ парламентомъ или ежедневной прессой или какимъ либо инымъ институтомъ, которому присущи элементы обсужденія или властвованія.

«Настоящія политическія сраженія («Battles of Constitution») происходятъ въ парламентѣ и, въ сравненіи съ ними, всѣ публичные митинги, какъ бы они ни были хороши и полезны въ своемъ родѣ, являются лишь праздничными парадами, представленіями на приготовленной сценѣ. Съ парламентомъ наша связь не можетъ не быть гораздо болѣе тѣсною, чѣмъ съ подобною системою одностороннихъ демонстрацій. Мы признаемъ за ними известное значеніе и надѣемся, что всегда будемъ отдавать имъ полную справедливость... Мы чтимъ ихъ, какъ національное учрежденіе. Но мы не можемъ видѣть въ нихъ больше того, на что они сами претендуютъ, а они претендуютъ лишь на роль одностороннихъ выразителей известныхъ стремленій или фактовъ, либо въ самой основѣ своей спорныхъ, либо только затрудняющихъ и осложняющихъ то, что подлежитъ разрѣшенію. Мы со-

мнѣваемся, можетъ ли платформа когда либо получить болѣе совѣщательный, болѣе парламентскій характеръ, да этого и не нужно. У насъ есть свободный парламентъ и свободная пресса, и мы вполне можемъ предоставить платформѣ сохранять ея старый односторонній характеръ. Въ той области, которую она себѣ избрала, она можетъ сдѣлать очень многое; она можетъ доставлять цѣнные матеріалы, воспитывать общественное мнѣніе и даже ускорить разрѣшеніе вопроса о реформѣ¹».

Эта характеристика платформы далеко не хвалебна, но она и не совсѣмъ вѣрна, потому что агитація противъ хлѣбныхъ законовъ убѣдительно доказала, что обсужденіе можетъ имѣть мѣсто на публичномъ митингѣ. Но, если и признать эту оцѣнку вполне справедливою для положенія платформы въ то время, когда писалась цитированная статья въ Times, то она только еще ярче свидѣтельствуетъ о томъ развитіи, какое съ тѣхъ поръ получила платформа. «Настоящія политическія сраженія» происходили въ то время въ парламентѣ,—теперь они происходятъ и на платформѣ; въ то время одностороннее отношеніе къ вопросу могло быть характерною чертою платформы,—но съ тѣхъ поръ платформа приобрѣла «болѣе совѣщательный и парламентскій характеръ», и въ настоящее время на аренѣ платформы вопросы получаютъ не одностороннее освѣщеніе, а по нимъ состязаются силы обѣихъ большихъ партій, и, что еще важнѣе, значеніе и сила платформы возросли до того, что она сдѣлалась орудіемъ подчиненія представителей волѣ избирателей.

Агитація въ пользу реформы продолжалась въ теченіе всей осени. 8 октября 1866 г. состоялся большой митингъ въ Лидсѣ; процессія, которой онъ сопровождался, заняла 4 мили и состояла по крайней мѣрѣ изъ 70,000 человекъ; для ораторовъ было воздвигнуто пять платформъ. «Безъ преувеличенія можно сказать, что все-

¹. Times, 25 сентября 1866 г.

го народа собралось не менѣе 200.000», включая женщинъ и дѣтей. На каждой платформѣ былъ свой предсѣдатель и свои ораторы.

«Трубнымъ сигналомъ собравшіеся были призваны къ молчанію и затѣмъ, послѣ краткаго обращенія съ приглашеніемъ къ порядку и вниманію, со всѣхъ пяти платформъ одновременно была предложена резолюція, гласившая: „что этотъ митингъ торжественно протестуетъ противъ обвиненій въ продажности, невѣжествѣ, пьянствѣ и равнодушій къ реформѣ, которыя были высказаны противъ рабочихъ классовъ въ прошлую парламентскую сессию, и обязуется впредь отстаивать распространеніе избирательныхъ правъ на всѣхъ домохозяевъ и закрытую подачу голосовъ; какъ единственныя справедливыя и цѣлесообразныя основанія представительства“.

«Послѣ новаго трубнаго сигнала резолюція была принята собравшимися посредствомъ поднятія рукъ, что являлось такимъ краснорѣчивымъ доказательствомъ единодушія, какого только могъ желать самый ярый поборникъ всеобщей подачи голосовъ».

Послѣ принятія еще нѣсколькихъ резолюцій громадное собраніе спокойно разошлось. «Митингъ прошелъ въ полномъ порядкѣ, несмотря на крайнюю степень воодушевленія».

Вечеромъ того же дня собрался большой митингъ въ городской ратушѣ, на которомъ говорилъ Брайтъ, заявившій между прочимъ въ своей рѣчи, что «тѣ немногіе митинги, которые имѣли мѣсто со времени закрытія послѣдней парламентской сессіи, произвели огромное впечатлѣніе ¹⁾».

16 октября состоялся большой митингъ въ Глазго и ему предшествовала большая процессія; всего собралось до 150,000 человекъ; было шесть платформъ и цѣлыя тысячи знаменъ и флаговъ. Въ главной резолюціи митингъ высказался въ пользу всеобщей подачи голосовъ;

1. The Times, 9 октября 1866 г.

а вечеромъ того же дня состоялся большой митингъ въ городской ратушѣ, на которомъ Брайтъ сказалъ: «Для собраній десятковъ тысячъ людей, которыя устраиваются по всей странѣ, отъ юга до сѣвера, должна существовать серьезная причина. Люди не покидаютъ ради такихъ собраній своихъ повседневныхъ занятій, лишаясь необходимаго для нихъ заработка, если они не убѣждены въ томъ, что имъ предстоитъ рѣшать вопросы крупной важности, имѣющіе для нихъ глубокой и всепоглощающей интересъ. Въ данномъ случаѣ вопросъ заключается въ томъ, должна ли и на будущее время политическая и законодательная власть въ этой странѣ оставаться въ рукахъ привилегированнаго класса или же, согласно съ принципами конституціи, она будетъ принадлежать представителямъ всего народа, надлежаще и свободно избраннымъ?»

«Недостатки дѣйствующей организаціи парламента заключаются въ томъ, что въ избраніи его участвуетъ незначительный контингентъ избирателей, что они не только не могутъ надлежащимъ образомъ представлять народъ, но, будучи весьма малочисленны, они поддаются дѣйствию подкупа и всякихъ другихъ вліяній, не имѣющихъ ничего общаго съ національными интересами... Изъ каждыхъ ста взрослыхъ людей въ Соединенномъ Королевствѣ восемьдесятъ четыре не располагаютъ избирательными правами».

Было бы излишне перечислять всѣ даже наиболѣе значительные митинги, состоявшіеся въ теченіе этой осени и зимы, съ наступленіемъ которой энергія платформы не ослабѣвала. 3 декабря въ Лондонѣ рабочіе сообща устроили большую демонстрацію въ пользу парламентской реформы, и «рабочее населеніе столицы, подобно рабочимъ другихъ мѣстъ страны, заявило свое мнѣніе по вопросу о реформѣ». Оно сдѣлало это, сохраняя совершенно мирное настроеніе и полный порядокъ.

Times въ передовой статьѣ отмѣтилъ, что «никогда

еще подобное собраніе не сопровождалось бѣльшимъ порядкомъ», и высказалъ затѣмъ, что «происходившее вчера доказало съ полною ясностью, что массы рабочаго населенія желаютъ получить избирательныя права и что нѣтъ основанія думать, чтобы онѣ употребили ихъ во зло».

Была устроена большая процессія представителей различныхъ рабочихъ союзовъ (около 30.000 человекъ) со знаменами и оркестрами музыки. Собравшись въ Сентъ-Джемскомъ паркѣ, они оттуда прошли къ Beaufort-Grounds, въ Бромптонѣ. Здѣсь было нѣсколько платформъ, произнесено было нѣсколько короткихъ рѣчей и затѣмъ митингъ разошелся. Не произошло ни малѣйшаго безпорядка.

Бильсъ, одинъ изъ ораторовъ, сказалъ: «Эта демонстрація есть достойное и славное продолженіе со стороны лондонскихъ рабочихъ сильнаго народнаго протеста противъ клеветническихъ обвиненій рабочихъ классовъ въ равнодушіи къ реформѣ и въ неподготовленности къ пользованію избирательными правами,—продолженіе національнаго движенія въ пользу всеобщей подачи голосовъ, подъ защитой закрытой баллотировки, какъ единственной избирательной системы, соотвѣтственной съ правами народа. Это національное движеніе началось въ іюль, въ Трафальгарскомъ скверѣ и въ Гайдъ-паркѣ, и съ тѣхъ поръ все болѣе развивалось въ размѣрахъ, интенсивности, въ пылкомъ единодушіи, распространяясь и вширь и вглубь по Англій, Шотландіи и Ирландіи».

Вечеромъ слѣдующаго дня (4 декабря 1866 г.) состоялся большой митингъ въ Сентъ-Джемсъ Голлѣ, въ Лондонѣ. Въ числѣ ораторовъ былъ Брайтъ. Рѣчь его, произнесенная уже въ исходѣ парламентскихъ вакацій, когда можно было уже предвидѣть завершеніе агитации по этому вопросу, носила ретроспективный характеръ; она знакомитъ насъ съ взглядами его на значеніе платформы въ этомъ дѣлѣ. Онъ говорилъ: «Прошло около

восьми лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ случай (въ публичной рѣчи) высказать благой, какъ мнѣ казалось, совѣтъ непредставленнымъ рабочимъ. Я говорилъ имъ, что монополисты, обладатели политической власти въ странѣ, не подѣлятся ею съ другими по собственному почину... Я говорилъ, что если рабочіе хотятъ добиться политической власти, то имъ нужно лишь выступить съ требованіемъ ея такъ, чтобы обнаружилось единодушіе желаній и сильная сплоченность ихъ въ стремленіи къ осуществленію этихъ желаній. И я очень хорошо помню, что высказалъ тогда мысль, которая вызвала противъ меня много нареканій, а именно, что, по моему мнѣнію, наступило или скоро наступитъ время, когда обязанностью рабочихъ классовъ будетъ воспользоваться ихъ обширною организаціею, разсѣянною по всей странѣ, организаціею рабочихъ союзовъ и товариществъ, для того, чтобы ясно показать правительству всю силу своихъ справедливыхъ требованій. Я сказалъ затѣмъ, что, по моему мнѣнію, достаточно и одного года дружныхъ усилій рабочаго класса при помощи существующей организаціи, чтобы вопросъ о реформѣ сталъ на совершенно иную почву. Въ настоящее время, повидимому, благой совѣтъ, данный мною восемь лѣтъ тому назадъ, сталъ убѣжденіемъ всѣхъ, сочувствующихъ надѣленію рабочихъ избирательными правами; въ послѣднее время совѣтомъ этимъ воспользовались въ широкой степени, такъ что по всеобщему сознанію положеніе вопроса о реформѣ глубоко измѣнилось». Затѣмъ въ своей рѣчи онъ упомянулъ о томъ «благородномъ, спокойномъ и величественномъ выраженіи, какое получили взгляды рабочихъ Англіи и Шотландіи въ теченіе трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ ¹».

Подобная, продолжавшаяся всю осень и зиму, агитация съ безчисленнымъ количествомъ митинговъ и рѣчей менѣе полустолѣтія тому назадъ, во времена лордовъ Ливерпуля, Сидмута и Кэстльри, неизбѣжно заверши-

¹. 14 декабря 1866 г.

лась бы королевскими посланіями, тайными комитетами обѣихъ палатъ парламента, приостановкою дѣйствія Habeas-Corpus Act'a, изданіемъ закона противъ мятежныхъ сборищъ, смертной казною за ихъ нарушеніе и обвиненіями въ государственной измѣнѣ; но времена измѣнились. Платформа стала слишкомъ могущественною, чтобы ее можно было парализовать; право свободнаго публичнаго обсужденія было безповоротно установлено и страна все болѣе и болѣе обнаруживала стремленіе обсуждать и рѣшать важныя національныя вопросы внѣ парламента, предоставляя послѣдному лишь выполненіе своихъ рѣшеній и требованій.

Митинги и демонстраціи продолжались до самаго открытія парламентской сессіи 5 февраля 1867 г., а что они оказали свое дѣйствіе даже на торійское правительство, видно уже изъ того, что главное мѣсто въ тронной рѣчи королевы занималъ вопросъ о реформѣ, и изъ того, какъ скоро заявили министры о своихъ намѣреніяхъ. Но что дѣйствіе это было все же не очень сильно, стало очевидно, когда правительство огласило свой первый планъ реформы. Здѣсь нѣтъ нужды передавать въ подробностяхъ этотъ планъ, состоявшій въ томъ, чтобы разрѣшить вопросъ о реформѣ путемъ проведенія нѣсколькихъ резолюцій. Въ биллѣ же, который былъ впоследствии предложенъ, имѣлось въ виду въ городскихъ округахъ предоставить избирательныя права каждому домохозяину, который занимаетъ помѣщеніе въ теченіе двухъ лѣтъ и уплачиваетъ налогъ въ пользу бѣдныхъ и свои личныя подати; въ графствахъ сумму арендной платы за пользованіе землей, дающую право на избирательный голосъ, предложено было понизить съ 50 ф. ст. до 15 ф. ст. Проектированы были и нѣкоторые новые виды избирательнаго ценза. Что касается новаго распредѣленія парламентскихъ мѣстъ, то имѣлось въ виду тридцать мѣстъ перевести изъ нѣкоторыхъ округовъ въ другіе.

Съ приостановкою парламентской сессіи по случаю

насхальныхъ каникулъ вопросъ снова перешель на обсужденіе платформы, и состоялось нѣсколько очень значительныхъ митинговъ по поводу предложеннаго проекта реформы. «Требованія, заявленныя на большей части этихъ митинговъ, заключались въ устраненіи или смягченіи ограниченій, предложенныхъ биллемъ въ отношеніи къ городскимъ избирателямъ, въ особенности условія уплаты личныхъ податей и двухлѣтняго жительства на мѣстѣ, а также въ дополненіи билля постановленіями о распространеніи избирательныхъ правъ на квартиронанимателей¹».

Самый большой изъ этихъ митинговъ имѣлъ мѣсто въ Бирмингамѣ 22-го апрѣля, на немъ присутствовало до 50.000 человекъ и были приняты резолюціи въ пользу распространенія избирательныхъ правъ на всѣхъ домохозяевъ. Вечеромъ того же дня состоялся большой митингъ въ городской ратушѣ, на которомъ говорилъ Брайтъ и была принята резолюція, гласившая, «что митингъ находитъ предлагаемая въ министерскомъ законопроектѣ ограниченія пользованія правомъ избирательнаго голоса въ бургахъ совершенно не отвѣчающими требованіямъ надлежащаго расширенія избирательныхъ правъ, и заявляетъ, что предложенный парламенту законопроектъ, требуя личной уплаты налоговъ каждымъ домовладѣльцемъ и двухлѣтняго жительства на мѣстѣ и не заключаая въ себѣ постановленія о распространеніи избирательныхъ правъ на квартиронанимателей, есть отрицаніе справедливыхъ требованій рабочихъ классовъ относительно принадлежащей имъ по праву доли политической власти».

23 апрѣля во вторникъ на Святой недѣлѣ, въ Лидсѣ состоялась большая демонстрація въ пользу реформы. Было устроено пять платформъ, каждая изъ нихъ имѣла особаго предсѣдателя и нѣсколькихъ ораторовъ. Содержаніе рѣчей главнымъ образомъ сводилось къ порицанію билля о реформѣ за его узкій характеръ; принятыя митин-

¹. Annual Register, 1867 г., стр. 64.

гомъ резолюціи виражали требованіе «права голоса каждому взрослому мужчине, внесенному въ списки по мѣсту жительства, а также закрытой баллотировки и такого распределенія парламентскихъ мѣстъ, которое обусловило бы представительство, соответствующее богатству, количеству населенія и умственному развитію націи».

Кромѣ этихъ митинговъ, въ Бирмингамѣ и въ Ньюкэстлѣ собирались конференціи. Подъ вліяніемъ ли митинговъ или нѣтъ, но фактъ тотъ, что билль, какъ мы сейчасъ увидимъ, подвергся значительнымъ измѣненіямъ.

Въ концѣ апрѣля 1867 г., Лига Реформы объявила о намѣреніи созвать публичный митингъ въ пользу реформы на запрещенной территоріи Гайдъ-парка.

Подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ событій 1866 г. правительство издало слѣдующее объявленіе или прокламацію:—«Въ виду того, что было публично объявлено о созваніи въ понедѣльникъ, 6 мая, въ Гайдъ-паркѣ митинга для обсужденія политическихъ вопросовъ, и въ виду того, что пользованіе паркомъ для подобныхъ собраній не дозволено и противорѣчитъ цѣлямъ, въ которыхъ ея величеству угодно было предоставить паркъ народу для общаго пользованія,—симъ дается предостереженіе не присутствовать на такомъ митингѣ, не содѣйствовать ему и не принимать въ немъ никакого участія и не входить въ паркъ съ цѣлью присутствія на подобномъ собраніи, содѣйствія ему или принятія участія въ немъ».

Не взирая на эту прокламацію, Лига Реформы рѣшила тѣмъ не менѣе созвать митингъ. Въ послѣдній моментъ правительство признало возможнымъ не противодействовать этому, но приняло предосторожности для сохраненія порядка. Въ назначенный день митингъ собрался и «прошелъ съ такимъ спокойствіемъ и такимъ порядкомъ, какіе свойственны только митингамъ трезвости»,—на митингѣ было 40.000 или 50.000 человекъ. Въ десяти пунктахъ скамьи были превращены въ платформы, съ кото-

рыхъ говорили ораторы, окруженные толпами собравшихся.

«Въ общемъ рѣчи были довольно „сильны“ и, что называется, обильно приправлены выраженіями восторга по поводу побѣды Лиги Реформы надъ правительствомъ въ вопросѣ о паркѣ. Во всѣхъ рѣчахъ, однако, болѣе или менѣе рѣшительно указывалось на необходимость соблюдать строжайшій порядокъ во все продолженіе митинга и даже до тѣхъ поръ, пока всѣ и каждый изъ присутствующихъ не вернутся домой¹».

Бильсъ, бывшій президентомъ Лиги Реформы, сказалъ, что можетъ поздравить и себя, и присутствующихъ съ тѣмъ, что они сдѣлали свое дѣло по вопросу о паркахъ и правѣ народа собираться на публичные митинги... Настоящій митингъ состоялся благодаря его настояніямъ и является рѣшительнымъ и достойнымъ опроверженіемъ безстыдно распространяемыхъ злостныхъ обвиненій и безпокойныхъ опасеній, что онъ не можетъ обойтись безъ бунта, безпорядковъ и насилій надъ личностью и собственностью. Подобныя нареканія недостойны страны и унизительны для ея національной чести.

Митингомъ принята была резолюція, убѣждавшая палату общинъ придать биллю характеръ болѣе полной реформы въ смыслѣ расширенія избирательныхъ правъ и уравненія этихъ правъ въ бургахъ и графствахъ на принципѣ признанія ихъ за каждымъ домохозяиномъ.

Къ этому времени относится въ высшей степени интересный эпизодъ въ развитіи этого движенія. Гладстонъ, въ виду отклоненія ряда поправокъ, имъ предложенныхъ, написалъ 18 апрѣля письмо, которое было понято въ томъ смыслѣ, что онъ рѣшилъ отказаться отъ всякихъ дальнѣйшихъ усилій къ исправленію билля. Послѣдствіемъ этого явился рядъ митинговъ, которыми были приняты резолюціи, выражавшія довѣріе ему и поощрявшія его къ дальнѣйшей оппозиціи. Между 22 апрѣля и 7

¹. The Times, 7 мая 1867 г.

мая такихъ митинговъ состоялось болѣе пятидесяти¹. 11 мая къ Гладстону явилась депутація, состоявшая изъ семнадцати членовъ парламента, многихъ богатыхъ фабрикантовъ и нѣсколькихъ священниковъ для врученія ему многочисленныхъ адресовъ и копій резолюцій, принятыхъ на этихъ митингахъ.

Гладстонъ, въ отвѣтъ на рѣчи депутатовъ, самъ произнесъ большую рѣчь, въ которой онъ сказалъ, что считаетъ «своимъ долгомъ приложить всѣ старанія и воспользоваться всѣмъ, что только возможно, чтобы не дать восторжествовать ненавистному принципу неравенства и несправедливости, заключающемуся въ предложенномъ законопроектѣ; если же мы потерпимъ поражение, а это вѣроятно такъ и будетъ..., то мы рѣшительно откажемся признать такое рѣшеніе вопроса или прицимать какое либо участіе въ немъ, а будемъ продолжать всѣми имѣющимися у насъ конституціонными способами отстаивать тѣ принципы, на основаніи которыхъ мы дѣйствовали».

Этотъ случай вызвалъ нѣсколько дней спустя очень рѣзкое порицаніе со стороны Дизраэли. «Меня очень огорчаетъ, что въ Лондонъ снова прибыли на парламентскомъ поѣздѣ подновленные и подкрашенные старинные подмостки вмѣстѣ со всей махинаціей общественной агитаціи, и что намъ угрожаетъ агитація самаго неопредѣленнаго и смутнаго характера, потому что я и до сихъ поръ не знаю, агитируютъ ли за всеобщую подачу голосовъ или за сокращеніе избирательнаго ценза до 5 ф. ст. Меня глубоко огорчаетъ, что эти глашатаи давно избитыхъ и выдохшихся мятежныхъ вѣяній рѣшились на то, что они недавно сдѣлали. Быть можетъ имъ и приличествуетъ выступать на шумныхъ собраніяхъ, но я глубоко сожалѣю о томъ, что они явились съ выраженіемъ своихъ чувствъ къ человѣку, который, гдѣ бы онъ ни

¹. Homersham Cox, M. A.—History of the Reform Bill of 1866 and 1867.

сидѣль, всегда останется гордостью и украшеніемъ этой палаты»).

При разсмотрѣніи билля въ комитетѣ, первоначальный проектъ постепенно подвергся многочисленнымъ измѣненіямъ въ смыслѣ ослабленія ограниченій. Первымъ важнымъ измѣненіемъ была замѣна «двухъ лѣтъ» жительства на мѣстѣ, требовавшихся для новыхъ избирателей въ бургахъ, «однимъ годомъ». Слѣдующая существенная поправка заключалась въ отмѣнѣ пункта о личной уплатѣ податей и правительство рѣшило согласиться на признаніе права голоса за каждымъ домохозяиномъ безъ всякихъ условій. Затѣмъ въ графствахъ предложенный цензъ въ 15 ф. ст. былъ пониженъ до 12 ф. ст., количество бурговъ, въ которыхъ число парламентскихъ мѣстъ убавлялось на одно мѣсто, было увеличено.

Наконецъ, 15 августа билль былъ утвержденъ королевою. Сущность его можетъ быть передана въ короткихъ словахъ. Въ графствахъ онъ понизилъ избирательный цензъ съ 15 ф. ст. уплачиваемой за землю ренты до 12 ф. ст. Въ бургахъ онъ отмѣнилъ прежній 10 ф. ст. цензъ, такъ что всѣ, владѣющіе домомъ или арендующіе дома въ городахъ и проживавшіе въ нихъ не менѣе года, получили право голоса, исключая тѣхъ случаевъ, когда они лишались его по какимъ либо инымъ основаніямъ.

Вслѣдствіе этихъ измѣненій, число избирателей въ графствахъ увеличивалось приблизительно на 300.000, а въ бургахъ на 850.000, т. е. всего въ Великобританіи на 1.150.000 человекъ¹. Что касается распредѣленія парламентскихъ мѣстъ, новый законъ лишалъ представительства 38 округовъ, а такъ какъ уже кромѣ того было 7 свободныхъ парламентскихъ мѣстъ, вслѣдствіе лишенія этихъ мѣстностей права представительства по другимъ причинамъ, то получилось 45 парламентскихъ мѣстъ для

¹. Число всѣхъ избирателей въ Великобританіи въ 1868 г. было 2.220.000.

распредѣленія. Изъ нихъ 25 были распредѣлены между графствами и 13 между городами съ значительнымъ населеніемъ, не имѣвшими до сихъ поръ представителей; 1 было предоставлено лондонскому университету, а остальные 6 были распредѣлены между нѣкоторыми большими городами.

Какая огромная перемѣна произошла со времени изданія перваго акта о реформѣ, видно изъ того, съ какимъ спокойствіемъ принять былъ новый актъ всѣми классами населенія. Въ 1832 г. было широко распространено опасеніе, что существующему строю грозитъ скорое крушеніе. Въ 1867 г. никто не опасался внезапныхъ перемѣнъ, а существовало всеобщее сознаніе того, что нѣкоторыя реформы получаютъ осуществленіе гораздо скорѣе, чѣмъ это возможно было прежде.

Намъ остается указать, въ какой мѣрѣ именно вліянію платформы на парламентъ обязана вторая парламентская реформа своимъ осуществленіемъ, а также каково было значеніе послѣдней для дальнѣйшаго развитія платформы.

При безпрестанномъ осложненіи политическихъ факторовъ и вліяній, выдѣленіе роли платформы въ проведеніи тѣхъ или другихъ крупныхъ мѣропріятій становится все труднѣе.

Дизраэли, соглашаясь на поправку, составляющую всю сущность билля о реформѣ—признаніе избирательныхъ правъ за каждымъ домохозяиномъ,—заявилъ, что платформа или, какъ онъ выразился, митинги не оказали никакого дѣйствія на правительство. «Каковы бы ни были, сказалъ онъ, вліянія, которыми руководствуются другіе, я могу завѣрить палату, что правительство ея величества въ своемъ образѣ дѣйствій не подчинялось вліянію страха передъ ужасами, которые ему сулили, и агитаціей, которою намъ угрожали». Но онъ и не могъ бы допустить этого вліянія.

Гладстонъ выразилъ противоположное мнѣніе. «Мнѣ,

сказалъ онъ, представляется внѣ всякаго сомнѣнія, что народныя собранія, организованныя для обсужденія и выраженія мнѣнія по вопросу о реформѣ, имѣли важное, скажу даже прямо, рѣшающее вліяніе и значеніе для приведенія вопроса въ его настоящее положеніе¹».

Достаточно бѣглаго взгляда на исторію различныхъ неудачныхъ попытокъ расширенія акта о реформѣ 1832 г., чтобы не оставалось сомнѣнія въ томъ, что платформа имѣла рѣшающее вліяніе на изданіе акта 1867 г. Платформа начала свою агитацію осенью 1858 г. и въ слѣдующую же парламентскую сессию торійское правительство сдѣлало попытку проведенія билля о реформѣ. Новую агитацію платформа начала осенью 1865 г. и сперва либеральное министерство, а затѣмъ торійское, уже серьезно должны были заняться вопросомъ и такъ или иначе рѣшить его при неустанномъ и дѣятельномъ участіи платформы. Несомнѣнно, что этому содѣйствовали и иные факторы, но дѣйствительно побуждающимъ и рѣшающимъ стимуломъ было то вліяніе, которое оказывали эти многолюдныя народныя собранія во всѣхъ частяхъ страны, высказывавшейся черезъ посредство платформы.

Вліяніе новаго акта на платформу можетъ быть выражено коротко.

• Въ отличіе отъ акта 1832 г. этотъ новый законъ не вызвалъ какой либо новой фазы въ развитіи платформы; онъ только усилилъ и развилъ уже существующее. Онъ расширилъ ея аудиторію и раздвинулъ сферу ея дѣятельности; онъ вызвалъ потребность еще большаго общенія между представителями и избирателями; сдѣлалъ тѣмъ самымъ связь между ними болѣе тѣсною и такимъ образомъ поставилъ представителей въ болѣшую зависимость отъ избирателей.

Прежде чѣмъ обратиться къ дальнѣйшей исторіи платформы, не лишнимъ будетъ вернуться къ биллю 1866 г., касающемуся устройства митинговъ въ королев-

¹. Parliamentary Debates, т. CLXXXVIII, стр. 1973.

скихъ паркахъ, такъ какъ онъ послужилъ поводомъ для выраженія взглядовъ на публичные митинги со стороны нѣкоторыхъ вліятельныхъ членовъ парламента,—взглядовъ, которые представляютъ большой интересъ и имѣютъ немаловажное значеніе.

3-го мая 1866 г., еще до митинга въ Гайдъ-паркѣ, Брайтъ обратилъ вниманіе палаты на этотъ вопросъ. Онъ сказалъ: «Можно утверждать, и до нѣкоторой степени основательно, что большія собранія среди многолюднаго населенія сопряжены или могутъ быть сопряжены съ опасностью нарушенія общественнаго порядка... У англичанъ, или людей англійскаго происхожденія или англійской культуры, въ нашихъ ли колоніяхъ, въ Соединенныхъ Штатахъ или въ Соединенномъ Королевствѣ, большіе митинги никогда не были источникомъ серьезнаго нарушенія общественнаго спокойствія. Пусть мнѣ приведутъ изъ прошлаго какія нибудь указанія на то, что многолюдныя публичныя собранія, какъ общее правило, сопровождались нарушеніемъ общественнаго спокойствія въ нашей странѣ». Онъ упомянулъ о Манчестерѣ, но тамъ беспорядки произошли по винѣ министровъ и войска. Обратившись къ вопросу о предположенномъ митингѣ, Брайтъ сказалъ: «Я беру на себя смѣлость утверждать, что митингъ подобнаго рода, будь то въ Лондонѣ или въ какомъ либо другомъ большомъ городѣ, въ эпоху такого общественнаго возбужденія, представляетъ собою событіе знаменательное и полезное».

Онъ вызывающе спрашивалъ, въ чемъ различіе между населеніемъ тѣхъ большихъ городовъ, гдѣ собирались большіе митинги, и населеніемъ Лондона, чтобы послѣднему запрещали устраивать свои собранія въ паркѣ? «Я утверждаю, что характеръ англійскаго народа служитъ достаточной гарантіей того, что порядокъ не будетъ нарушенъ въ этотъ день».

Дизраэли, нѣскольکو позднѣе, высказалъ свой взглядъ въ слѣдующихъ словахъ: «Имѣвъ не разъ случай на-

блюдать буйные элементы въ средѣ участвующихъ на митингахъ, я долженъ сказать, что они состояются не изъ рабочаго класса и участники ихъ не имѣютъ ничего общаго съ тѣми благоразумными и благонамѣренными подданными ея величества, которыхъ они позорятъ. Но такого рода митинги даютъ возможность различнымъ подонкамъ населенія большого города пользоваться ими, какъ удобнымъ поводомъ для тѣхъ безчинствъ, которыя къ сожалѣнію недавно имѣли мѣсто. Поэтому я отрицаю приписываемое намъ намѣреніе не допускать публичныхъ митинговъ рабочихъ классовъ для обсужденія интересующихъ ихъ вопросовъ. Напротивъ того, я считаю публичные митинги, созываемые въ надлежащемъ порядкѣ, въ надлежащемъ мѣстѣ и въ надлежащее время явленіемъ весьма желательнымъ. При такихъ условіяхъ они представляются мнѣ надежными предохранительными клапанами. Будучи далекъ отъ того, чтобы возставать противъ нихъ, я, напротивъ того, готовъ не допускать никакихъ препятствій для публичныхъ митинговъ рабочихъ классовъ по политическимъ вопросамъ, если они происходятъ въ надлежащемъ мѣстѣ и въ надлежащее время, такъ какъ я убѣжденъ въ томъ, что они въ высшей степени полезны для общества. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, я не менѣе глубоко убѣжденъ въ томъ, что, устраиваемые не въ надлежащемъ мѣстѣ и не въ надлежащее время, они подаютъ поводъ къ смутамъ и беспорядкамъ; недавнія же событія вполне подтверждаютъ мое мнѣніе¹».

Гладстонъ также высказалъ свое мнѣніе. «Я долженъ сказать, что если есть люди, сомнѣвающіеся въ законности или полезности, при данныхъ обстоятельствахъ, большихъ народныхъ собраній по поводу политическихъ вопросовъ, то я не изъ ихъ числа... Я считаю, что вообще нѣтъ ничего законнѣе принципа подобныхъ собраній²».

Правительство однако не удовлетворяли существу-

¹. Parliamentary Debates, т. CLXXXIV, стр. 1414.

². Ibid., т. CLXXXVI, стр. 1973.

ющіє закони по отношенію къ митингамъ въ паркахъ и 3-го мая министръ внутреннихъ дѣлъ (Вальполь) представилъ палатѣ билль о болѣе дѣйствительномъ огражденіи пользованія нѣкоторыми королевскими парками и садами для развлеченій и удовольствій подданныхъ ея величества. Онъ сказалъ, что билль этотъ имѣеть задачей обезпечить возможность лучшаго примѣненія дѣйствующихъ законовъ, не измѣняя ни въ чемъ ихъ существа. Въ биллѣ предлагалось постановить, чтобы ни въ одномъ изъ королевскихъ парковъ столицы не дозволялось устраивать митинги публичнаго характера безъ разрѣшенія ея величества и чтобы всякое лицо, созывающее или содѣйствующее созыву публичнаго митинга вопреки этому акту, или присутствующее или принимающее участіе въ немъ, подвергалось аресту и подлежало полицейскому суду, который могъ бы приговорить его къ штрафу не свыше десяти фун. ст. или тюремному заключенію не свыше двухъ мѣсяцевъ.

Этотъ билль вызвалъ оживленныя пренія. Во время дебатовъ по второму чтенію его, Джонъ Стюартъ Милль подробно изложилъ свои взгляды на платформу. «Я не вижу основанія, почему намъ слѣдуетъ вести обсужденіе вопроса о томъ, для какихъ цѣлей допускается или не допускается пользованіе парками. Я хлопочу лишь о томъ, чтобы было допущено устройство въ нихъ публичныхъ митинговъ. Почему я желаю этого? Потому что искони вѣковъ гордостью нашей страны и наиболѣе цѣннымъ отличіемъ ея отъ деспотическихъ континентальныхъ государствъ было право каждаго высказывать свои взгляды по политическимъ и всякимъ инымъ вопросамъ передъ тѣми, кто захочетъ его слушать, гдѣ и когда ему угодно. Онъ не имѣеть права насильно заставлять себя слушать, не имѣеть права вторгаться въ частныя жилища, но всюду, гдѣ онъ имѣеть право быть, онъ, на основаніи нашей конституціи, имѣеть право говорить о политикѣ одинаково, какъ передъ однимъ, такъ и передъ

пятьюдесятью или 50.000 слушателей. Я стою за право дѣлать это и въ паркахъ...

«Нельзя привести ни одного такого удовлетворительнаго довода въ пользу запрещенія политическихъ митинговъ въ паркѣ, который не вытекалъ бы изъ предположенія, что устройство митинговъ въ публичныхъ мѣстахъ противозаконно и что вообще желательно ставить имъ какъ можно больше препятствій.

«Почтенные джентльмены противной стороны утверждаютъ, что эти митинги созываются не съ цѣлью обсужденія, а въ цѣляхъ устрашенія. Сэръ, я полагаю, что публичные митинги, какъ многочисленные, такъ и немногочисленные, вообще рѣдко созываются для обсужденія; не такова ихъ функція. Они являются публичною манифестаціей силы тѣхъ, которые держатся извѣстныхъ убѣжденій по тому или другому вопросу. Легко придать этому явленію дурное наименованіе, но оно—одна изъ неотъемлемыхъ особенностей нашей конституціи. Не будемъ страшиться слова „устрашеніе“. Рѣшится ли ктонибудь утверждать, чтобы численность и одушевленіе тѣхъ, кто собирается на митинги для того, чтобы предъявить парламенту тѣ или иныя требованія, не являлись однимъ изъ тѣхъ элементовъ, съ которыми приходится считаться государственному дѣятелю и которые разумный государственный дѣятель приметъ въ соображеніе при рѣшеніи вопроса о томъ, слѣдуетъ ли удовлетворить эти требованія или отклонить ихъ? Намъ говорятъ, что на этихъ митингахъ раздаются угрожающія рѣчи. Въ эпохи общественнаго возбужденія всегда находятся люди, которые произносятъ угрожающія рѣчи. Но мы можемъ безбоязненно смотрѣть на подобныя вещи, не опасныя въ странѣ, унаслѣдовавшей отъ предковъ право политическихъ демонстрацій. Въ странахъ, гдѣ не существуетъ такого права, это сопряжено съ большою опасностью. Тамъ недовольство, не могущее получить выраженіе на публичныхъ митингахъ, проры-

вається возстаніями, которія, восторжествують ли они, или будуть подавлені, всегда оставляють за собою длинный рядъ прискорбныхъ послѣдствій».

Билль былъ принятъ во второмъ чтеніи, но правительство, въ теченіе двухъ недѣль само очевидно не установившее твердаго взгляда на этотъ вопросъ, внесло затѣмъ новый исправленный билль, въ которомъ мѣра наказанія была повышена и предлагалось квалифицировать уголовнымъ проступкомъ (misdemeanour) всякое участіе въ митингахъ, имѣющихъ цѣлью обсужденіе политическихъ, религіозныхъ или иныхъ общественныхъ вопросовъ, если они собираются въ какомъ либо изъ парковъ; нѣсколько времени спустя, оно внесло еще другія, новыя предложенія и, наконецъ, 15-го августа отказалось отъ всѣхъ этихъ проектовъ, оставивъ законъ въ его прежнемъ видѣ.

Во время дебатовъ Дизраэли еще разъ высказалъ свой взглядъ на публичные митинги. «Я нахожу, сказалъ онъ, что всякое правительство, враждебно относящееся къ публичнымъ митингамъ, въ особенности митингамъ по политическимъ вопросамъ, дѣйствуетъ неблаго разумно. Они представляютъ собою предохранительные клапаны свободной страны и мнѣ кажется, что никому не приносятъ они столько пользы, какъ тѣмъ, на комъ лежитъ отвѣтственность за управленіе страной.... Я не раздѣляю мнѣнія, что публичные митинги должны непременно происходить на открытомъ воздухѣ. Я допускаю, что митинги не всегда созываются для обсужденія. Часто они служатъ лишь въ качествѣ демонстрацій господствующихъ въ народѣ мнѣній... Я все таки нахожу, что настоящій способъ для такого выраженія общественнаго мнѣнія, въ высшей степени благотворнаго для общества подобнаго нашему, есть устройство митинговъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ».

Взятіемъ обратно билля объ ограниченіи права митинговъ въ паркахъ и проведеніемъ акта 1867 г. за-

канчивается исторія участія платформы въ агитаціи по поводу второй парламентской реформы. Но нельзя обойти молчаніемъ двухъ интересныхъ событій, имѣвшихъ мѣсто вскорѣ послѣ этого и живо иллюстрирующихъ, какъ все шире стали пользоваться платформою лидеры консервативной партіи, для того, чтобы изложить свою политику или объяснить свой образъ дѣйствій съ цѣлью вызвать общественное сочувствіе.

Въ актѣ о реформѣ 1867 г. торіи видѣли большое торжество своей партіи и во время парламентскихъ каникулъ, 17 октября 1867 г., консервативная партія въ Манчестерѣ устроила банкетъ въ честь перваго министра, лорда Дерби, на которомъ присутствовало до 900 человекъ и пять членовъ кабинета, не считая премьера. На этомъ торжествѣ первый министръ и вмѣстѣ съ тѣмъ глава партіи произнесъ большую политическую рѣчь. Признавая, что это собраніе являлось «въ сущности политическимъ митингомъ, онъ въ подробностяхъ коснулся акта о реформѣ и предшествовавшихъ ему неудачныхъ попытокъ, а затѣмъ сказалъ похвальное слово въ честь рабочихъ классовъ. Упомянувъ о своей неосторожной фразѣ во время преній въ палатѣ лордовъ, что билль этотъ есть «скачекъ въ неизвѣстность», лордъ Дерби сказалъ: «Такимъ онъ былъ и остается, но я полагаю, что въ данномъ случаѣ самая смѣлость дѣйствій явится залогомъ успѣха, и прибавлю къ этому, что все, что мнѣ пришлось наблюдать въ эпоху кризиса хлопчатобумажной промышленности, и главнымъ образомъ именно въ здѣшнемъ округѣ, внушило мнѣ такое высокое мнѣніе о степени развитія, благоразуміи, здоровомъ смыслѣ рабочихъ классовъ, о полномъ отсутствіи среди нихъ личныхъ или социальныхъ предразсудковъ, что я не сомнѣваюсь въ томъ, что имъ безъ всякаго опасенія можно дать ту широкую долю участія въ представительствѣ страны, которая признана за ними недавно изданнымъ актомъ. Я думаю, что можно вполнѣ положиться и на ихъ разумъ, и на ихъ

нравственныя качества. Я питаю величайшее довѣріе къ ихъ преданности престолу и учрежденіямъ страны».

Но еще болѣе выдающееся проявленіе торжества торійской партіи при посредствѣ платформы имѣло мѣсто въ Единбургѣ, гдѣ шотландскіе консерваторы дали 29 октября большой банкетъ въ честь Дизраэли, канцлера казначейства, который произнесъ памятную рѣчь¹. Предлагая тостъ въ честь Дизраэли, предсѣдатель банкета (сэръ В. С. Максвеллъ) сказалъ: «До тѣхъ поръ, пока дѣло реформы не было взято консерваторами въ свои руки, къ нему не относились серьезно». Дизраэли, въ своей отвѣтной рѣчи, изложивъ совершенно неправильно и съ крайне партійной точки зрѣнія исторію вопроса о реформѣ, заявилъ, что по его мнѣнію отъ торійской партіи вполнѣ зависѣло, заняться ли этимъ вопросомъ или нѣтъ; упомянувъ затѣмъ о неудачныхъ попыткахъ рѣшенія этого вопроса какъ торійскими, такъ и либеральными кабинетами, онъ присовокупилъ: «На меня выпала задача подготовить умы и воспитать,—если это выраженіе не покажется слишкомъ нескромнымъ,—воспитать нашу партію. Эта партія очень велика и для того, чтобы сосредоточить вниманіе ея на вопросахъ подобнаго рода, нужно нѣкоторое давленіе на нее. На мнѣ лежала задача подготовить парламентъ и страну къ этому вопросу о реформѣ». Далѣе онъ подробно разъяснилъ, что именно ему предстояло внушить парламенту. На это понадобилось «семь лѣтъ утомительнаго труда»... Затѣмъ произошла перемѣна министерства; лордъ Дерби вступилъ во власть; онъ былъ того мнѣнія, что необходимо внести билль о реформѣ. «И мы внесли билль о реформѣ. Мы провели этотъ билль... А теперь мнѣ говорятъ, что мы собственно не сдѣлали ничего, что реформа проведена нашими противниками».

Перейдя затѣмъ къ принципу «надѣленія избирательными правами всѣхъ домохозяевъ», — принципу, про-

¹. Она заняла $5\frac{3}{4}$ столбца въ Times.

тивъ котораго онъ, какъ извѣстно, возставалъ и который былъ принятъ имъ лишь послѣ того, какъ его предложили другіе, Дизраэли замѣтилъ: «Я скажу въ короткихъ словахъ, что лордъ Дерби не могъ остановиться ни на какомъ иномъ рѣшеніи вопроса объ избирательныхъ правахъ въ бургахъ, чѣмъ то, къ которому мы пришли... При рѣшеніи подобныхъ важныхъ вопросовъ государственный человѣкъ долженъ заботиться о двухъ вещахъ. Вопервыхъ,—чтобы рѣшеніе опиралось на извѣстномъ принципѣ, но этого еще недостаточно; нужно кромѣ того, чтобы предлагаемая мѣра находилась въ полномъ согласіи съ нравами и характеромъ даннаго народа... Въ признаніи того, что человѣкъ, который имѣетъ свое домохозяйство и, живя въ данной мѣстности и уплачивая налоги, показываетъ, что онъ дѣйствительно заинтересованъ въ благосостояніи данной общины, какъ членъ ея, и всего королевства, какъ его подданный—въ признаніи того, что на такого человѣка можно положить предпочтительно передъ скитающимся съ мѣста на мѣсто бѣднякомъ,—въ этомъ лежитъ извѣстный принципъ».

Такое утилизированіе платформы обоими лидерами консервативной партіи представляетъ собою фактъ въ высшей степени интересный. На другой день послѣ этого Единбургскаго банкета Дизраэли произнесъ большую рѣчь въ отвѣтъ на адресъ, представленный ему отъ рабочихъ Единбурга. «Если благоразумные министры не будутъ стараться вліять на рабочихъ, то послѣдніе будутъ падать подъ вліяніе демагоговъ», замѣчаетъ по этому поводу Times.

Съ проведеніемъ акта о реформѣ на сцену выступилъ вопросъ о государственной церкви въ Ирландіи. Повсюду стали собираться многолюдные митинги, заявлявшіе требованіе объ упраздненіи государственной церкви въ Ирландіи; хотя вопросъ этотъ и фигурировалъ въ ряду вопросовъ, выдвинутыхъ на общихъ выборахъ

1868 года г., но онъ ступшевывался передъ фактомъ осуществленія парламентской реформы на пространствѣ всего королевства.

Общіе выборы показали, какъ сильно измѣнилось положеніе платформъ. Гладстонъ, выставивъ свою кандидатуру въ юго-западномъ Ланкаширѣ, въ широкой мѣрѣ пользовался ею. 12 октября онъ говорилъ въ Уаррингтонѣ; 14-го въ Ливерпулѣ; 18-го въ Ньютонѣ; 20-го въ Лейгѣ; 22-го въ Ормскёркѣ и Соутпортѣ; 23-го въ Виганѣ¹.

Брайтъ также широко пользовался платформою. 26 и 30 октября онъ говорилъ въ Бирмингамѣ; 3-го ноября въ Единбургѣ, гдѣ ему поднесено было почетное гражданство города. Здѣсь онъ въ своей рѣчи далъ краснорѣчивую характеристику выборовъ, которую интересно привести здѣсь: «Въ настоящую минуту происходитъ великій бой, отголоски котораго разносятся, безъ преувеличенія можно сказать, по всей странѣ, отъ Джонъ О'Гроатса до Ландсенда. По всей площади Великобританіи и Ирландіи люди заняты обсужденіемъ важныхъ вопросовъ. Примемъ же и мы участіе въ этой битвѣ, въ этихъ обсужденіяхъ. Будемъ избѣгать насколько возможно жара страстей; постараемся устранить изъ этихъ обсужденій все, что не относится къ вопросамъ, и все вниманіе наше сосредоточимъ на ихъ сущности; будемъ честно и искренно стараться найти истинное разрѣшеніе тѣхъ затрудненій, которыя тяготятъ народъ».

Члены консервативнаго министерства были не столь энергичны. Первый министр хранилъ молчаніе. Дизраэли, увѣренный въ благосклонности своихъ избирателей въ Букингамширѣ, ограничился на первыхъ порахъ обычнымъ письменнымъ обращеніемъ къ избирателямъ и на-

¹. Насколько подробнѣе передавались теперь рѣчи въ газетахъ, видно изъ того, что Ливерпульская рѣчь заняла пять столбцовъ Times'a; Ньютонская—четыре столбца. Обѣ рѣчи, произнесенныя 22-го,—семь столбцовъ.

рушилъ свое молчаніе только 9 ноября, на банкетѣ лондонскаго лорда-мэра.

Это было наканунѣ роспуска парламента, и онъ сказалъ: «Роспускъ парламента при всякихъ обстоятельствахъ представляетъ собою высокознаменательный моментъ въ жизни англичанъ. Но въ настоящее время существуютъ особыя обстоятельства, придающія этому событію еще большее значеніе, такъ какъ нынѣ ея величество, распуская парламентъ, обращается къ тому значительно увеличившемуся контингенту избирателей, который созданъ послѣднею реформою... Мы вполне увѣрены, что народныя массы, призванныя къ осуществленію своихъ избирательныхъ правъ, выберутъ мудрый и патриотическій парламентъ... Министровъ упрекали въ томъ, что они не имѣютъ своей политики. Но ихъ политика очень проста,—она заключается въ томъ, чтобы защищать конституцію своей страны».

Парламентъ былъ распущенъ 11-го. На 19-е назначены были выборы представителя отъ Бѣкса. Никто не выступилъ въ качествѣ соперника Дизраэли, и онъ послѣ объявленія его надлежаще избраннымъ, произнесъ длинную рѣчь къ своимъ избирателямъ, «предъ которыми онъ находилъ возможнымъ проявлять большую откровенность, чѣмъ даже передъ самою палатою общинъ». Онъ сказалъ: «Никто не сознаетъ лучше меня, что въ теченіе моей бурной и, съ грустью долженъ сказать, теперь уже долгой политической жизни, я дѣлалъ многое, о чемъ я сожалѣю, и говорилъ много такого, въ чемъ я раскаиваюсь; но о дѣятельности челоѣка должно судить по общему ея характеру. Про себя я могу съ полною искренностью сказать, что я всегда заботился о величій моей родины; что я никогда не питалъ въ душѣ своей ни единой злобной, низкой или своекорыстной мысли и что я не желаю себѣ иной награды, кромѣ добраго мнѣнія обо мнѣ моихъ согражданъ, къ какой бы партіи они ни принадлежали.

«Я утверждаю, что то, чему мы были свидѣтелями въ первый періодъ происходящихъ нынѣ выборовъ, вполне обѣлило англійскій народъ отъ всѣхъ тѣхъ обвиненій, которыя взводились на него, и устранило всякую мысль о тѣхъ воображаемыхъ опасностяхъ, которыми пугали насъ въ эпоху проведенія великаго акта, о которомъ я только что говорилъ. И я нимало не сомнѣваюсь въ томъ, что каково бы ни было общее направленіе новаго парламента, это будетъ мудрый и патріотическій парламентъ, который выполнитъ свой долгъ передъ страной. Почему же англичане пользовались и всегда будутъ пользоваться своими избирательными правами такъ умѣло? Потому что англичане гордятся страной, къ которой они принадлежатъ; гордятся своей монархіей, которая, хотя и ограничена, все же есть настоящая монархія; гордятся своимъ парламентомъ, гордятся своими законами и особенно ихъ примѣненіемъ, которое отличается необыкновеннымъ совершенствомъ и чистотою; они гордятся тою личною свободою, которою пользуется каждый англичанинъ въ такой мѣрѣ, въ какой это невѣдомо никакой другой странѣ; гордятся дѣянiями своихъ предковъ и геройскими подвигами тѣхъ, кто раньше ихъ населялъ Англiю; гордятся своею принадлежностью къ древней и славной странѣ. Въ сознаниі той отвѣтственности, которую порождаютъ въ нихъ эти чувства, они осуществляютъ и будутъ осуществляютъ избирательныя права, дарованныя имъ великимъ актомъ прошлаго года».

Общiе выборы, однако, оказались совершенно неблагоприятными для консервативнаго министерства, и 2 декабря 1868 г. лордъ Дерби подалъ въ отставку.

ГЛАВА XXI.

АГИТАЦІЯ ПО ПОВОДУ БОЛГАРСКИХЪ ЗВѢРСТВЪ.

Послѣ проведенія парламентской реформы 1867 года протекло восемь лѣтъ прежде чѣмъ платформа проявила снова такую усиленную дѣятельность, которая заслуживала бы особаго вниманія. Эти годы также не были для нея годами полного затишья, но развитіе платформы приняло такіе размѣры и она уже была такъ неразрывно связана съ политической жизнью страны, что тѣ проявленія, которыя считались бы знаменательными пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, теперь сдѣлались столь обычными и естественными, что ихъ можно и не касаться.

Одно событіе за это время не можетъ однако не быть отмѣченнымъ, такъ какъ въ немъ получила осуществленіе задача, за которую долго ратовала платформа, такъ что это событіе представляло собою, хотя и позднее, торжество ея. Въ 1872 г. изданъ былъ актъ, устанавливавшій систему тайной подачи голосовъ на парламентскихъ выборахъ. Еще задолго до перваго акта о реформѣ происходило сильное движеніе въ пользу этой системы, какъ единственнаго способа уничтожить запугиваніе и давленіе, которыя имѣли возможность проявлять по отношенію къ избирателямъ землевладѣльцы и другія вліятельныя лица при системѣ открытой подачи голосовъ. Этотъ вопросъ по самому существу своему могъ быть поднятъ платформою, а не въ парламентѣ, такъ какъ

выгоды отъ открытаго голосованія получали члены парламента, а неудобства его терпѣли избиратели. Естественно, что избиратели первые возстали противъ этой системы и искали огражденія своихъ интересовъ въ системѣ закрытой баллотировки. Но дореформенный парламентъ, также вполне естественно, менѣе всего былъ склоненъ согласиться на какое бы то ни было преобразование, которое поставило бы избирателей въ большую независимость, и вопросъ о тайной подачѣ голосовъ не имѣлъ успѣха. Въ 1830 г., при третьемъ чтеніи билля объ Истѣ-Ретфордѣ, въ парламентѣ была сдѣлана первая попытка установить принципъ закрытой подачи голосовъ избирателями¹. Предложеніе было сдѣлано О'Коннеллемъ и за него было подано двадцать одинъ голосъ. Въ первоначальныхъ проектахъ билля о реформѣ 1831 г. имѣлось въ виду установить закрытую баллотировку, но затѣмъ это предположеніе было оставлено.

Давленіе на избирателей, которое оказывали тори на выборахъ, не давало этому вопросу заглухнуть. «Послѣдніе выборы», писалъ лордъ Джонъ Росселль² лорду Мельбурну въ сентябрѣ 1837 г., «создали многихъ новыхъ сторонниковъ закрытой подачи голосовъ». Однакоже, лордъ Мельбурнъ «не видѣлъ достаточныхъ основаній» прямо поставить этотъ вопросъ въ кабинетѣ. Почти каждый годъ вносились въ парламентъ предложенія о введеніи закрытой подачи голосовъ, но безъ результата.

Платформа поднимала этотъ вопросъ почти на каждомъ чартистскомъ митингѣ, какъ одинъ изъ пунктовъ чартистской программы. «Подача голоса, для того, чтобы быть свободною отъ подкупа людей богатыхъ и отъ давленія людей вліятельныхъ, должна быть тайною», говорилось въ первой большой національной петиціи. «Признаніе нашихъ правъ (избирательныхъ) необходимо дол-

¹ См. *Annual Register*, 1830 г., стр. 94.

² *Walpole, Russell*, т. I, стр. 286.

жно сопровождаться дарованіемъ возможности для насъ свободно пользоваться ими. Мы требуемъ дѣйствительныхъ правъ, а не призрачнаго подобія ихъ,—и поэтому мы требуемъ закрытой баллотировки». Но то обстоятельство, что требованіе это выставялось чартистами, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать его успѣху, только еще больше возстановляло противъ него, и когда чартизмъ окончилъ свое существованіе, то и вопросъ о тайной подачѣ голосовъ снова отошелъ на задній планъ. Даже реформированный парламентъ не былъ склоненъ установить ее. Во время агитаціи въ пользу реформы 1866 г., вопросъ этотъ снова былъ выдвинутъ и приуроченъ къ реформѣ.

Но прошло еще нѣсколько лѣтъ со времени второй реформы парламента прежде чѣмъ закрытая баллотировка была, наконецъ, введена, и вопросъ, за который такъ сильно и такъ долго агитировала платформа, получилъ благопріятное рѣшеніе. За этимъ исключеніемъ въ дѣятельности платформы за весь указанный періодъ не произошло ничего особенно интереснаго.

Въ 1874 г. парламентъ былъ совершенно неожиданно распущенъ и снова наступили общіе выборы. Платформа играла на нихъ очень большую роль; члены всѣхъ партій широко пользовались ею, начиная отъ премьера и бывшаго премьера и кончая любымъ изъ новыхъ кандидатовъ на званіе члена парламента. Выборы дали большинство въ пользу консервативной партіи, либеральное министерство вышло въ отставку и власть перешла въ руки консерваторовъ подъ предводительствомъ Дизраэли.

Въ продолженіе одного года мирное теченіе дѣлъ не нарушалось, но затѣмъ внезапно на восточномъ горизонтѣ появилась туча, сначала совсѣмъ маленькая. Въ Герцеговинѣ вспыхнуло возстаніе противъ турецкаго владычества,—возстаніе, которое вскорѣ распространилось и на Боснію. Какими бы чуждыми и отдаленными ни пред-

ставлялись эти событія, однако на почвѣ ихъ развилось одно изъ самыхъ грандіозныхъ проявленій дѣятельности платформы.

Инсуррекціонное движеніе, съ самаго начала, возбудило въ Англіи сочувствіе. По инициативѣ графа Росселля, 9 сентября 1875 г. въ Лондонѣ собрался митингъ, на которомъ были приняты резолюціи о содѣйствіи всѣми законными способами дѣлу освобожденія христіанъ Босніи и Герцеговины отъ претерпѣваемаго ими жестокаго гнета и объ оказаніи помощи несчастнымъ бѣглецамъ. Вспышка, «на первыхъ порахъ довольно слабая и не встрѣтившая поддержки со стороны иностранныхъ державъ,—вспышка, которая легко могла быть подавлена во время принятыми мѣрами, была оставлена безъ вниманія до тѣхъ поръ, пока она не разрослась въ возстаніе очень серьезнаго характера». Турція въ то время переживала тяжелый финансовый кризисъ, и это также сильно способствовало тому, что возмущеніе росло. Въ декабрѣ (15 декабря 1875 г.) министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Дерби, въ своей рѣчи на митингѣ консервативной рабочей партіи въ Эдинбургѣ, высказалъ, что «вѣчный восточный вопросъ снова всталъ передъ нами», и чѣмъ дальше, тѣмъ онъ принималъ все болѣе острую форму.

Отъ времени до времени въ Англіи получались извѣстія о турецкихъ жестокостяхъ, и 20 іюня газета Daily News писала въ передовой статьѣ: «Мусульманское населеніе Турціи повидимому обольщаетъ себя мыслью, что Англія на его сторонѣ, и увѣренность въ томъ, что при ея поддержкѣ оно можетъ не страшиться Россіи, все болѣе переходитъ въ убѣжденіе, что оно можетъ поступать какъ ему угодно съ инсургентами и вообще съ христіанами».

Черезъ три дня послѣ этого появилось въ той же газетѣ письмо корреспондента, помѣченное 16 іюня, передававшее первыя дѣствѣрныя свѣдѣнія о совершаю-

щихся въ Болгаріи звѣрствахъ: «Въ теченіе послѣдняго мѣсяца въ Константинополѣ ходили темные слухи объ ужасающихъ жестокостяхъ, совершающихся въ Болгаріи. Одна изъ плодороднѣйшихъ и богатѣйшихъ областей Турецкой имперіи предана опустошенію. Одинъ изъ просвѣщенныхъ турокъ передавалъ намъ, что число убитыхъ жертвъ доходитъ до 18.000, по словамъ же болгаръ,—до 30.000; разрушено болѣе 100 деревень. Въ одномъ городѣ было перерѣзано 1500 человекъ, большею частью женщинъ и дѣтей».

«Даже и теперь еще турки утверждаютъ, что Англія обѣщала турецкому правительству помощь въ подавленіи всѣхъ этихъ возмущеній. Англія, говорится въ одной турецкой газетѣ, будетъ защищать насъ отъ Россіи, пока мы займемся усмирениемъ бунтовщиковъ».

Въ концѣ іюня Сербія и Черногорія начали войну противъ Турціи. Къ тому времени значительная часть англійскаго общества стала опасаться, что правительство Англіи, питая традиціонныя чувства соперничества къ Россіи и держась того убѣжденія, что сохраненіе Оттоманской имперіи представляетъ единственную гарантію противъ захвата Россіей Дарданеллъ, будетъ настаивать на томъ, чтобы Турціи было предоставлено самой справляться съ своими внутренними затрудненіями и что такимъ образомъ страна можетъ быть вовлечена въ войну за сохраненіе цѣлости Оттоманской имперіи. Между тѣмъ мало по малу стали извѣстны всѣ ужасающія подробности звѣрствъ, совершенныхъ турками при усмирении возстанія въ Болгаріи.

8 іюля Daily News напечатала новое письмо о мусульманскихъ жестокостяхъ въ Болгаріи. 27 іюля Лигою помощи христіанамъ въ Турціи былъ созванъ митингъ въ Willis's Rooms. На митингѣ предсѣдательствовалъ лордъ Шефтсбюри, который сказалъ: «Мы собрались сюда сегодня, чтобы выработать планъ дѣйствій, который явился бы выраженіемъ тѣхъ чувствъ, которыя, какъ мы по-

лагаемъ, раздѣляетъ вся страна». Митингъ,—гласила принятая имъ резолюція,—желаетъ выразить свое горячее убѣжденіе, что турецкому правительству не должно быть оказано ни моральной, ни матеріальной поддержки въ его мѣрахъ противъ возставшихъ провинцій.

«Митингъ выражаетъ чувство глубочайшаго возмущенія передъ тѣми жестокостями, которыя совершаются турецкими иррегулярными войсками надъ женщинами, дѣтьми и безоружнымъ населеніемъ Болгаріи, и проситъ правительство употребить все свое вліяніе единолично или при участіи другихъ великихъ державъ, имѣющихъ договоры съ Портой, и потребовать отъ турецкаго правительства, чтобы оно положило конецъ дѣйствіямъ, возбуждающимъ негодованіе всѣхъ цивилизованныхъ націй.

«Возмутительныя злоупотребленія турецкаго управленія въ Европѣ и постоянное неисполненіе Блистательной Портой даваемыхъ ею торжественныхъ обязательствъ дѣлаютъ совершенно безнадежнымъ всякое иное разрѣшеніе восточнаго вопроса, кромѣ того, которое признало бы за возставшими провинціями права на полное самоуправленіе».

Парламентская сессія еще продолжалась и можно было ожидать, что парламентъ проявитъ активное отношеніе къ этому дѣлу, но правительство, по его словамъ, не могло сообщить ничего положительнаго и всѣми способами уклонялось отъ опредѣленнаго заявленія своей политики, а 15 августа парламентская сессія была закончена.

На слѣдующій же день въ Daily News появилась новая корреспонденція съ дальнѣйшими сообщеніями о совершающихся въ Болгаріи ужасахъ. Въ четыре дня было убито 15.000 человекъ. «Одними указаніями круглыхъ цифръ нельзя ни усилить, ни ослабить ужасъ положенія. Двадцать тысячъ злодѣяній, изъ которыхъ каждое безгранично, сами по себѣ, столь же ужасны, какъ и сто тысячъ».

«Человѣческія тѣла рѣжутся на части и кидаются собакамъ»; «беззащитныя дѣти рубятся на куски и накалываются на штыки»; «маленькія дѣти обоого пола истязуются до смерти»; «тысячи женщинъ подвергаются самымъ грубымъ и жестокимъ насиліямъ».

Этого было достаточно, чтобы возбудить страстное негодованіе въ англичанахъ и вызвать въ средѣ ихъ сильное движеніе, тѣмъ болѣе, что виновникомъ этихъ безчеловѣчныхъ дѣйствій являлось правительство, изъ котораго Англія пожертвовала многими жизнями и израсходовала около восьмидесяти милліоновъ денегъ. Чуткіе элементы страны воспылали негодованіемъ передъ этими ужасами, гнѣвомъ противъ турецкаго правительства, отъ имени и въ интересахъ котораго они совершались, и твердою рѣшимостью порвать всякую связь Англіи съ этимъ правительствомъ. Англійское общество, уже вполне освоившееся съ платформою, какъ наиболѣе пригоднымъ средствомъ агитаціи, и теперь прибѣгло къ этому старому, надежному и испытанному орудію. Начали собираться митинги, а въ то же время, какъ бы для того, чтобы еще болѣе раздуть пламя, появилось подробное сообщеніе о разрушеніи Батаки. Публичный митингъ въ Бэттерси-Фильдсъ выразилъ негодованіе противъ турецкихъ злодѣйствъ; другой митингъ, въ Дарлингтонѣ, выразилъ протестъ противъ всякой поддержки Турціи. 26-го августа собрался митингъ въ Ливерпулѣ. 29-го состоялся митингъ рабочихъ въ Гакнеѣ, на которомъ постановлено: «что на народѣ лежитъ долгъ немедленно отказаться отъ правительства, которое своей политикой роняетъ честь націи и дѣлаетъ Англію соучастницей въ злодѣяніяхъ, являющихся оскорбленіемъ всего человѣчества и позоромъ для цивилизаціи». На слѣдующій день былъ митингъ въ Глазго. 31-го состоялись большіе митинги въ шести большихъ городахъ. 1-го сентября также было нѣсколько митинговъ, между прочимъ въ Сундерландѣ, гдѣ одинъ изъ ораторовъ прекрасно охарак-

теризовалъ основную черту этого движенія. «Народъ долженъ заявить, сказалъ онъ, что Англія никогда не возьмется за оружіе въ защиту угнетателей, мучителей и убійць». Мало по малу число митинговъ все увеличивалось. На митингѣ въ Беркенхедѣ было высказано «сожалѣніе о томъ, что въ защиту Турціи пролито столько крови и истрчено столько денегъ, и настойчивое требованіе къ правительству, чтобы оно отказалось отъ всякой поддержки этого развращеннаго и умирающаго государства, которсе является позоромъ Европы и цивилизаціи». На митингѣ въ Рочдэлѣ постановлена резолюція «убѣдительно просить правительство ея величества, чтобы оно немедленно отказалось отъ какой либо поддержки турецкаго правительства и приняло мѣры къ тому, чтобы національная политика Англіи не связывалась съ образомъ турецкаго управленія и турецкимъ гнетомъ». «Всякій согласится, говорилъ одинъ ораторъ въ Шеффилдѣ, что эти христіанскія провинціи никогда не должны быть вновь отданы во власть Турціи».

4-го сентября состоялись митинги въ девяти большихъ городахъ въ различныхъ частяхъ страны; 5-го были митинги въ семнадцати городахъ; 6-го—въ двадцати.

Отзывы печати того времени объ этомъ движеніи могутъ служить интересной характеристикой его.

«Многолюдные публичные митинги, собирающіеся теперь по всей странѣ», пишетъ Daily News¹, являются безспорнымъ доказательствомъ того, что англійскій народъ не желаетъ болѣе обращать вниманіе на лживыя оправданія, которыми правительство мотивируетъ поддержку, оказываемую имъ гнусному правительству Турціи.

«Демонстраціи, о которыхъ мы сообщаемъ изо дня въ день, отличаются тою благородною особенностью, что въ нихъ принимаютъ участіе люди всевозможныхъ политическихъ стремленій и религіозныхъ взглядовъ... Въ продолженіе многихъ лѣтъ не было у насъ такого

¹. 6-го сентября.

могучаго и непреодолимаго движенія общественнаго мнѣнія съ рѣшимостью отстаивать права его противъ тѣхъ, кто выставяетъ его въ ложномъ свѣтѣ.

«Громче всего раздается требованіе, чтобы столько выстрадавшіе подъ властью турокъ народы Босніи, Герцеговины и Болгаріи получили собственное управленіе и, оставаясь вассалами Турецкой имперіи, были избавлены отъ всякаго административнаго вмѣшательства султана и его пашей. Это требованіе, достаточно опредѣленное для того, чтобы его нельзя было не понять, раздается на каждомъ митингѣ».

Лордъ Гартингтонъ, въ рѣчи на банкетѣ «The Cutler's Feast» въ Шеффилдѣ, сказалъ (7 сентября 1876 г.): «Со времени закрытія сессіи парламента въ странѣ возникло такое движеніе и такое возбужденіе, которое своею силою, внезапностью и рѣшительностью привело въ изумленіе всѣхъ насъ. Это движеніе совершенно непосредственное. Нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы оно было искусственно возбуждаемо вожаками той или другой партіи. Повидимому нѣтъ и рѣчи даже и отъ тѣхъ профессиональныхъ агитаторовъ, которымъ обыкновенно такъ много приписывается въ подобныхъ случаяхъ».

Times въ передовой статьѣ отъ 8 сентября писалъ: «Голось народа не ошибается, а голось народа говоритъ теперь всюду, на всевозможные лады, начиная отъ энергическихъ заявленій провинціальныхъ митинговъ и кончая всесторонней аргументаціей бывшаго перваго министра».

Гладстонъ, въ своемъ знаменитомъ памфлетѣ О Болгарскихъ звѣрствахъ¹ рассказалъ, какимъ образомъ дошло до того, «что нація, не встрѣчая помощи со стороны тѣхъ, кто призванъ оказывать ей законную и конституціонную поддержку, была поставлена въ необходимость,—и притомъ въ такое время, когда это при иныхъ обстоятельствахъ было бы совершенно невозможно,—вы-

¹. Памфлетъ помѣченъ 5 сентября 1876.

бирать—или чтобы ея наиболѣе священныя обязанности остались невыполненными, или же взять выполненіе ихъ въ свои собственныя руки».

Упомянувъ объ отказѣ правительства обсудить вопросъ о событіяхъ на востокѣ и сдѣлать какія либо сообщенія по этому поводу, онъ пишетъ: «Положеніе дѣла таково: палата общинъ въ сущности устранена отъ той законной доли вліянія, которая должна принадлежать ей и которую я назову ея юрисдикціей въ дѣлѣ. Вопросъ величайшей важности всталъ передъ народомъ въ то время, когда люди, обладающіе досугомъ и обыкновенно всего болѣе направляющіе общественное мнѣніе, разѣхались по разнымъ сторонамъ и разсѣялись по лицу земли. За отсутствіемъ парламента и общества въ его полномъ составѣ и обычной группировкѣ, мы должны дѣйствовать, какъ можемъ, и не имѣя къ тому надлежащихъ способовъ. Но чувства достоинства, долга, состраданія и, я долженъ добавить, стыда,—это такія чувства, которыя никогда не могутъ перестать говорить. Рабочіе люди, жизнь которыхъ меньше мѣняется отъ времени года, чѣмъ жизнь другихъ классовъ, къ чести своей выступили первыми и показали, что сердце Великобританіи не перестало биться. И большіе, и мелкіе города, одинъ за другимъ, отвѣчаютъ на этотъ голосъ, сливаясь въ одинъ общій крикъ ужаса, боли и негодованія.

«Пусть вѣдаютъ они, что значеніе ихъ митинговъ въ настоящемъ случаѣ имѣетъ величайшую цѣну. Какъ Инкерманъ былъ критическимъ моментомъ войны, такъ и это движеніе—критическій моментъ для націи. Вопросъ не въ томъ только, получаютъ ли безпримѣрныя злодѣянія и несправедливости заслуженное и дѣйствительное осужденіе, но въ томъ, будетъ ли принята единственная мѣра для обезпеченія невозможности ихъ повторенія. Для того, чтобы добиться этой мѣры, нація должна будетъ сказать свое слово черезъ посредство своего пра-

вительства, но мы ясно видимъ теперь, что она прежде должна научить говорить это правительство, какъ учать малое дитя. Тогда исчезнетъ у объединенной Европы единственное дѣйствительное препятствіе къ наказанію безмѣрнаго зла».

9 сентября Гладстонъ говорилъ на большомъ митингѣ на открытомъ воздухѣ въ Блэкхисѣ, на которомъ, несмотря на неблагоприятную погоду, присутствовало до 10.000 человекъ ¹. На митингѣ были предложены три резолюціи. Въ первой выражались чувства ужаса и негодованія передъ совершаемыми турками чудовищными злодѣяніями и мнѣніе, что Британское правительство не проявило достаточной поспѣшности въ раскрытіи этихъ злодѣяній и достаточной энергіи въ принятіи надлежащихъ мѣръ. Вторая заключала въ себѣ просьбу къ правительству, чтобы оно приняло сообща съ другими европейскими державами необходимыя мѣры для предотвращенія повторенія такихъ злодѣяній. Третья резолюція постановляла обратиться съ адресомъ къ королевѣ, прося ее принять вышеупомянутыя мѣры.

Гладстонъ произнесъ рѣчь съ крытыхъ подмостковъ. Онъ сказалъ: «Я давно принимаю участіе въ общественной жизни и былъ свидѣтелемъ многихъ оживленныхъ движеній общественнаго мнѣнія, но мнѣ никогда еще не приходилось видѣть движенія, подобнаго тому, которое возникло въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль и съ такою поразительною быстротою разлилось до размѣровъ національнаго движенія... Было бы бесполезно отрицать или умалять значеніе этого движенія. Нелѣпо было бы связывать его лишь съ дѣятельностью той или иной политической партіи, какъ бы ни была она могущественна... Это движеніе—національное, а не партійное, и притомъ истинно-народное, такъ какъ именно рабочіе классы съ самаго начала подняли знамя, подъ которымъ мы идемъ теперь».

¹. См. The Times, 11 сентября.

Но какъ ни ясно было выраженіе народнаго голоса, какъ ни опредѣленно звучало въ немъ отношеніе народа къ этому дѣлу, затрудненіе заключалось въ томъ, чтобы заставить правительство исполнить желанія народа. Правительство фактически было полнымъ хозяиномъ положенія. Парламентъ, исполнительный органъ платформы, не засѣдалъ; всякое воздѣйствіе на представителей было бесполезно, кромѣ развѣ того, чтобы заставить ихъ добиться отъ правительства созыва парламента; митинги могли постановлять резолюціи, но были безсильны приводить ихъ въ исполненіе. Оставалось единственное средство для прямого и формальнаго заявленія народныхъ требованій правительству — депутація къ министрамъ. 11 сентября къ лорду Дерби въ министерство иностранныхъ дѣлъ явились двѣ большія депутаціи, — одна отъ лондонскихъ рабочихъ союзовъ, другая отъ Ассоціаціи рабочихъ въ пользу мира. Въ отвѣтъ на заявленія этихъ депутацій онъ произнесъ двѣ рѣчи, которыя, по выраженію Гладстона, «несомнѣнно представляютъ собою манифестъ министерства¹».

Изъ этихъ рѣчей можно было заключить, что правительство до нѣкоторой степени измѣняло свою политику, склоняясь нѣсколько къ тому, чего хотѣлъ народъ. Но страна не могла довольствоваться такою незначительной переменой. Митинги съ выраженіемъ негодованія продолжались. 11-го числа было около тридцати митинговъ; 13-го болѣе двадцати пяти; 14-го болѣе двадцати восьми; 15-го болѣе пятнадцати, — всего болѣе ста митинговъ въ пять дней. Въ виду такихъ заявленій общественнаго мнѣнія правительство было вынуждено предпринять что нибудь.

16 сентября 1876 г. сэръ Норскотъ (канцлеръ казначейства) произнесъ рѣчь на митингѣ Консервативной Ассоціаціи рабочихъ въ Единбургѣ. «Я счелъ, что съ моей сто-

1. См. письмо Гладстона въ Daily News отъ 16 сентября 1876 г.

роны будетъ умѣстно высказать, какъ отъ себя лично, такъ, до нѣкоторой степени, и отъ лица остальныхъ членовъ министерства, наши взгляды на вопросы, такъ сильно интересующіе и волнующіе страну въ настоящее время...

«Митинги, которые собирались по всей странѣ, тѣ рѣшительныя заявленія, которыя на нихъ раздавались, быть можетъ и перешли извѣстныя границы, но они принесли свою пользу. Они дали доказательство того, что Англіей движетъ не одно чувство себялюбія. Эти митинги, если только значеніе ихъ будетъ вѣрно оцѣнено, непременно должны придать особую силу голосу Англіи на международныхъ европейскихъ совѣщаніяхъ по этому вопросу. Но, съ другой стороны, если раздававшіяся въ рѣчахъ рѣзкости,—быть можетъ просто результатъ возбужденія,—должны быть истолкованы какъ дѣйствительное выраженіе недовѣрія къ политикѣ вашего правительства, если онѣ имѣютъ въ виду ослабить его силы и затруднить его дѣйствія, то я боюсь, что, каковы бы ни были послѣдствія всего этого для англійскаго правительства или политическія послѣдствія для самой Англіи,—для европейскаго мира и для интересовъ человѣчества за границей они могутъ принести лишь вредъ¹».

18 сентября состоялся въ Гильдголлѣ «большой и внушительный митингъ гражданъ Лондона», по созыву и подъ предсѣдательствомъ лорда-мэра. На немъ было постановлено подать королевѣ адресъ съ просьбою, «чтобы правительство ея величества сдѣлало все, отъ него зависящее, дабы добиться отдѣленія отъ Турціи провинцій, населенныхъ славянскими народами, и освобожденія послѣднихъ отъ правительства, показавшаго себя недостойнымъ управлять ими»; кромѣ того митингъ просилъ ея величество соизволить «созвать парламентъ по возможности въ скоромъ времени для разсмотрѣнія этихъ важныхъ вопросовъ²».

¹. The Times.

². The Times, 19 сентября 1876 г.

Вечеромъ того же дня въ Экзетеръ Голлѣ собрались толпы рабочихъ, созванныхъ для «выраженія во имя человечества своего негодованія на дьявольскія злодѣйства турокъ въ Болгаріи и для заявленія передъ всѣмъ міромъ своего возмущенія тѣмъ, что англійское правительство, какъ оказывается, поддерживало столь недостойный образъ дѣйствій».

На этомъ собраніи предсѣдательствовалъ Фаусеттъ, членъ парламента, произнесшій очень сильную рѣчь: «Я полагаю, что вы собрались здѣсь не для того только, чтобы выразить ваше глубокое негодованіе передъ ужасными злодѣяніями, совершенными въ Болгаріи. У васъ есть другая, болѣе практическая цѣль. Вы исполнены твердой рѣшимости, что, поскольку отъ васъ зависитъ, никакое правительство не приметъ по отношенію къ восточному вопросу политики, недостойной англійскаго народа... Разумѣется, будутъ говорить, что восточный вопросъ— вопросъ до крайности сложный и что не среди возужденія публичныхъ митинговъ возможно выработать планъ политики въ столь трудномъ и сложномъ вопросѣ... Разумѣется, мы знаемъ все, что будутъ говорить въ извѣстныхъ сферахъ о подобныхъ митингахъ. О насъ будутъ говорить какъ о демагогахъ, но помните одно: подобнымъ же митингамъ Англія обязана нѣкоторыми величайшими изъ своихъ завоеваній и несомнѣнно избавленіемъ отъ нѣкоторыхъ величайшихъ опасностей. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, еслибы рабочіе не собирали митинговъ подобно тому, какъ теперь, Англія покрыла бы себя на-вѣки позоромъ сочувствія къ рабовладѣльцамъ Юга». Упомянувъ о томъ, что Гладстонъ уже указалъ планъ политики, Фаусеттъ прибавилъ: «на васъ теперь лежитъ долгъ на митингѣ, подобномъ настоящему, рѣшить, согласны ли вы принять ясную, опредѣленную и благородную политику Гладстона... Если вамъ угодно это и если митинги, подобные теперешнему, также захотятъ

того же, то вы рано или поздно, дадите ему возможность для осуществленія этой политики».

20 сентября первый министр самъ выступилъ въ Эйльс-бери и произнесъ тамъ очень важную рѣчь, которая ясно свидѣтельствовала о томъ, что народное движеніе вполне достигло своей цѣли. Онъ сказалъ, что на министрѣ иностранныхъ дѣлъ лежатъ въ настоящее время двѣ въ высшей степени важныя задачи: «ему приходится въ одно и тоже время обеспечивать крупнѣйшіе британскіе интересы и обеспечить прочность европейскаго мира. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ англійскій министръ, поставленный въ такое положеніе, какія бы затрудненія оно ни представляло, почерпалъ бы свои силы въ томъ, что его поддерживаетъ страна. Было бы неправдою съ моей стороны, если бы я утверждалъ, что правительство ея величества находится въ настоящее время въ такомъ положеніи. Не подлежитъ сомнѣнію, что существуетъ большая партія,—очень значительная часть подданныхъ ея величества,—которая преисполнена совсѣмъ иными мыслями и чувствами, чѣмъ забота объ охраненіи интересовъ нашей страны или о сохраненіи мира. Это такіе вопросы, которые требуютъ самаго серьезнаго и постояннаго вниманія со стороны правительства, но къ сожалѣнію значительная часть населенія, побуждаемая чувствами, заставившими ее принять къ сердцу интересы другихъ странъ, пришла къ такимъ рѣшеніямъ, выполненіе которыхъ на дѣлѣ, по мнѣнію правительства ея величества, одинаково нанесло бы ущербъ постояннымъ и въ высшей степени важнымъ интересамъ Англій, такъ и погубило бы всѣ шансы на сохраненіе мира въ Европѣ... Первое, что долженъ сдѣлать лордъ Дерби въ качествѣ члена правительства, это—вернуться къ тому положенію, которое онъ занималъ до сербской войны¹. Каково было это положеніе? Это была попытка уладить, при содѣйствіи всѣхъ европейскихъ державъ, отношенія,—будущія

¹. Война эта вспыхнула до избіеній въ Батакѣ.

отношенія,—между христіанскими подданными Порты и турецкимъ правительствомъ. Почему встрѣчаемъ мы такую оппозицію? Почему подвергаемся мы столькимъ нападкамъ, если цѣль наша заключается въ этомъ? Страна, въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ, перешла границы самыхъ удивительныхъ концепцій».

Эта рѣчь, говоритъ м-ръ Карслэкъ Томпсонъ въ своемъ превосходномъ и въ высшей степени интересномъ сочиненіи объ этой эпохѣ ¹, могла прямо считаться перчаткою, брошеною общественному мнѣнію... «Она являлась отрицаніемъ, какъ правильности его (общественнаго мнѣнія) сужденія, такъ и законности его вліянія, а между тѣмъ общество было увѣрено и въ томъ и въ другомъ... Впечатлѣніе, произведенное этою рѣчью, внесло новый элементъ въ положеніе вещей. Общественное мнѣніе, безусловно увѣренное въ своемъ правѣ рѣшить, какъ должна поступить страна въ данномъ случаѣ, т. е. увѣренное въ своей верховной власти, начало смутно сознавать, что, кромѣ вопросовъ иностранной политики, ему быть можетъ вскорѣ придется рѣшать и конституціонный вопросъ».

Митинги продолжались. 25-го сентября газета Daily News напечатала полный списокъ ихъ. «Со времени напечатанія въ Daily News телеграммы отъ 7 августа въ лондонскихъ газетахъ сообщено о 262 митингахъ различныхъ мѣстахъ, не считая повторныхъ митинговъ въ одномъ и томъ же городѣ, ни предварительныхъ или комитетскихъ собраній по поводу ихъ».

Въ передовой статьѣ отъ того же числа газета писала: «Сегодня мы печатаемъ полный списокъ, насколько это было возможно, тѣхъ мѣстъ, гдѣ собирались публичные митинги для выраженія народнаго негодованія по поводу продолжающихся въ Болгаріи злодѣйствъ... Мы печатаемъ эти свѣдѣнія для того, чтобы правительство и

¹ Public Opinion and Lord Beaconsfield, 1875—80, т. II, стр. 19, 25, by P. Carlslake Thompson.

общество могли составить себѣ болѣе ясное понятіе о значеніи движенія, внезапно охватившаго всю Англію.

«Это движеніе вдохновляется мотивами не личного и даже не просто національнаго характера... Хотя политическіе вожди приняли въ немъ участіе, но не они подняли его».

Times отъ 26 сентября писалъ: «Агитація оказала благодѣтельное вліяніе на перемѣну національнаго отношенія Англійи къ восточному вопросу».

27 сентября лордъ-мэръ Лондона, въ сопровожденіи внушительной депутаціи, явился въ министерство иностранныхъ дѣлъ къ лорду Дерби для представленія ему адреса отъ митинга въ Гильдголлѣ. «Мы желаемъ, сказалъ одинъ изъ членовъ депутаціи, получить отъ васъ ясное и откровенное разъясненіе политики министерства». Но именно этого министерство и не хотѣло дать. Правительство не желало признать за платформою право требовать такого разъясненія, и лордъ Дерби на отрѣзъ отказался исполнить ходатайство о немедленномъ созывѣ парламента.

«У правительства нѣтъ никакихъ спѣшныхъ дѣлъ для представленія парламенту». Что же касается того, чтобы созвать парламентъ для одобренія или порицанія уже сдѣланнаго министерствомъ, то лордъ Дерби находилъ, что это точно также можетъ быть сдѣлано въ январѣ или февралѣ, какъ и въ ноябрѣ; а если созывать парламентъ для того, чтобы онъ могъ повліять или дать на правленіе происходящимъ теперь переговорамъ, то какъ бы скоро его ни созвали, все равно будетъ поздно...

«Возможно, конечно, отстранивъ всякую мысль о политической автономіи, остановиться на мысли о мѣстной или административной автономіи. Мнѣ однако не нравится этотъ терминъ; я предпочитаю привычное англійское названіе „мѣстное самоуправленіе“, и думаю, что въ этомъ смыслѣ мы можемъ достигнуть практическаго разрѣшенія вопроса... Я вовсе не намѣренъ скрывать того

факта, что то, что случилось въ Болгаріи, измѣнить отношеніе не только нашего, но и любого изъ европейскихъ правительствъ, къ Турціи и къ востоку Европы».

Мало по малу въ теченіе сентября количество митинговъ стало уменьшаться. Въ послѣднюю недѣлю этого мѣсяца ихъ было около тридцати. Газета Daily News писала 2 октября въ передовой статьѣ: «Теперь стараются утверждать, что публичные митинги не выражали собою сознательныхъ и твердыхъ убѣжденій націи, а были только проявленіемъ преходящихъ чувствъ, пронесшихся въ средѣ ея.

«Намъ говорятъ, что это проявленіе народныхъ чувствъ получило должный отпоръ въ словахъ лорда Биконсфильда въ Эйльсбюри и что объ охлажденіи этихъ чувствъ въ ряду другихъ симптомовъ свидѣтельствуется уменьшеніе числа митинговъ. Такое разсужденіе, разумѣется, совершенно неосновательно. Когда публичные митинги собирались уже во всей странѣ, то нельзя ожидать, чтобы снова стали собирать ихъ; чѣмъ больше было ихъ, тѣмъ меньше ихъ можно ждаты въ будущемъ. Черезъ посредство своихъ мѣстныхъ организацій и корпорацій страна выразила совершенно опредѣленно свои убѣжденія и свои чувства; требовать большаго—значило бы требовать непрестанной агитаціи и продолжительной смуты.

«Есть люди, которыхъ ничто не можетъ убѣдить, кромѣ страха; на нихъ ничѣмъ нельзя дѣйствовать, кромѣ угрозы».

Однако до 12 октября митинги все еще продолжались; послѣ этого дня о нихъ уже мало слышно, по крайней мѣрѣ о митингахъ, созываемыхъ исключительно для выраженія негодованія. Они высказали то, что имѣли сказать, и потому прекратились.

Брайтъ въ рѣчи своей въ Манчестерѣ превосходно охарактеризовалъ положеніе дѣлъ¹. Онъ сказалъ: «Министерство осыпаетъ насмѣшками и презрѣніемъ заявленіе

¹. 2 октября 1876 г.

о перемѣнѣ настроенія и политики Англїи, о которой триста публичныхъ митинговъ заявили всему міру. Фактъ тотъ, что нація думаетъ одно, а министерство—другое. Ничего подобнаго не было въ нашей странѣ со времени билля о реформѣ, когда герцогъ Веллингтонъ пытался организовать движеніе противъ нея.

«Никогда не дѣлалось такой громкой демонстраціи противъ правительственной политики, какъ въ два послѣдніе мѣсяца... Годъ тому назадъ собирались десятки митинговъ для выраженія порицанія его образу дѣйствія по отношенію къ бѣглецамъ... И вотъ теперь, двѣнадцать мѣсяцевъ спустя, мы снова слышимъ цѣлую бурю негодованія противъ того же правительства».

Страна высказалась, но дальнѣйшее обсужденіе вопроса продолжалось членами настоящаго и прошлаго министерства, а также и членами парламента въ ихъ рѣчахъ къ избирателямъ.

«Въ настоящее время наступило молчаніе, писалъ Times въ слѣдующемъ мѣсяцѣ¹, потому что говорившіе сказали то, что имѣли сказать, и потому, что есть основаніе думать, что министерство принимаетъ серьезныя мѣры въ пользу мира».

Здѣсь можно остановиться для обзрѣнія перваго періода этого замѣчательнаго движенія платформы. Оно возникло совершенно независимо отъ какихъ либо партійныхъ побужденій; въ немъ приняли участіе люди всѣхъ партій. Это было движеніе совершенно непосредственное, вызванное «безпокойствомъ относительно политики министерства и опасеніемъ, какъ бы страна не была внезапно вовлечена въ большую войну»². На первыхъ порахъ движеніе это совершенно не имѣло руководителей; оно не имѣло никакой организаци, хотя къ тому и сдѣлана была попытка. Оно не получало никакого поощренія сверху; не было никакихъ сношеній между городами о созывѣ

¹. 25 ноября.

². Times, 25 ноября 1876 г.

митинговъ. Такъ какъ парламентъ не засѣдалъ, то движеніе это получило знаменательный и совершенно новый характеръ попытки воздѣйствовать на политику и мѣропріятія министерства или исполнительной власти непосредственно ¹. До сихъ поръ платформа оказывала свое вліяніе на правительство чрезъ палату общинъ; теперь, за отсутствіемъ парламента, она сдѣлала попытку повліять на него безъ этого посредства. Не было сдѣлано никакихъ усилій, чтобы свергнуть министерство; единственною цѣлью было заставить, принудить его измѣнить свою политику.

«Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія, это движеніе являлось попыткою проявить верховную власть народа независимо отъ партійнаго механизма ²».

Дальнѣйшею отличительною чертою этого движенія была его повсемѣстность. Митинги собирались повсюду, на сѣверѣ и на югѣ, на западѣ и на востокѣ, въ большихъ городскихъ центрахъ и въ отдаленныхъ приморскихъ мѣстечкахъ,—все сливалось въ одномъ хорѣ. Это было «настоящее возстаніе общественнаго мнѣнія», или, по выраженію м-ра Лоу ³, «англійскій народъ взялъ все дѣло въ свои собственныя руки».

Самые митинги отличались нѣкоторыми особенностями. Всѣ они носили чисто мѣстный характеръ, собирались обыкновенно въ закрытыхъ помѣщеніяхъ,—въ самой большой залѣ города,—и по большей части по созыву мэра или кого нибудь изъ наиболѣе вліятельныхъ мѣстныхъ жителей. И что всего замѣчательнѣе, между ними не было ни одного митинга графства. Эта старинная форма все болѣе исчезала съ развитіемъ политической жизни; вѣками освященная формула—«дворянство, джен-

¹. См. Public Opinion and Lord Beaconsfield, by G. C. Thompson, т. II, стр. 33.

². Ibid., стр. 35.

³. Въ Кройдонѣ, 13 сентября.

три, духовенство и фригольдеры графства» — повидимому совершенно вышла изъ употребленія.

Нужно сказать, кромѣ того, что эти митинги совсѣмъ не имѣли характера демонстрацій физической силы. Какъ ни единодушно и безусловно было высказываемое ими порицаніе политики правительства, ни разу нигдѣ не промелькнуло намѣреніе насильственно устранить его; это были совершенно мирные митинги, съ соблюденіемъ строгаго порядка, при участіи лицъ всѣхъ званій и состояній.

На такой способъ воздѣйствія на министерство или на исполнительную власть можно смотрѣть и смотрѣли весьма различно. Times 14 сентября писалъ: «Публичные митинги, которые собирались по всей странѣ, были хорошимъ урокомъ лорду Дерби, и, несмотря на всѣ опасенія, которыя намъ внушаютъ стремительность и неустойчивость подобныхъ народныхъ движеній, мы все же не можемъ сожалѣть объ этомъ... Мы не разъ высказывали, что мы не испытываемъ чувства безусловнаго удовольствія при видѣ распространенія въ странѣ публичныхъ митинговъ. Управление, руководствующееся порывомъ, не можетъ быть твердымъ и надежнымъ, и тѣ, кто хочетъ, чтобы наше управленіе опиралось на разумъ и нравственное чувство, непременно должны смотрѣть съ неудовольствіемъ на всякія явленія, клонящіяся къ тому, чтобы подчинить правящую власть случайностямъ народныхъ волненій. Но тѣ митинги, которые происходили въ такомъ большомъ числѣ въ послѣднее время, были и остаются явленіемъ, вызваннымъ необходимостью, такъ какъ политика правительства по отношенію къ Восточному вопросу была противна и разуму и нравственному чувству, и намъ приходится прибѣгнуть къ единственному имѣющемуся у насъ способу исправить сдѣланныя ошибки».

То обстоятельство, что Гладстонъ принималъ участіе въ этомъ выраженіи общественнаго мнѣнія, заставило нѣкоторыхъ отнести къ нему болѣе враждебно, чѣмъ они по всей вѣроятности отнеслись бы безъ этого. Такъ,

напримѣръ, авторъ статьи въ Blackwood's Magazine ¹, писалъ въ ноябрѣ 1876 г.: «Страна отдана на произволь самой погубной агитаціи, когда либо возникавшей на памяти самыхъ старыхъ людей... Въ нынѣшнемъ году, подъ флагомъ выдающагося государственнаго дѣятеля... съ публичныхъ подмостковъ говорили до 500 ораторовъ, возбуждая воинственныя страсти населенія, требуя удаленія цѣлаго народа съ территоріи, которую онъ занималъ много вѣковъ, обвиняя свое собственное правительство въ моральномъ и матеріальномъ, если не сознательно намѣренномъ, соучастіи въ рѣзнѣ, насиліяхъ, грабежахъ, и т. д. и т. д.»

Это движеніе имѣло въ себѣ еще ту особенность, — едва ли не самую замѣчательную, — что въ данномъ случаѣ платформа вступила въ такую сферу политики, отъ которой она до сихъ поръ стояла болѣе или менѣе въ сторонѣ. До этого времени ея дѣятельность касалась главнымъ образомъ сферы внутренней политики страны: реформа парламента, искорененіе злоупотребленій, усиленіе общественнаго контроля надъ правительствомъ, — вотъ что составляло ея главныя цѣли и стремленія. Правда, что въ вопросахъ о междоусобной войнѣ въ Соединенныхъ Штатахъ и о Крымской войнѣ она принимала нѣкоторое участіе и проявила большую проницательность, которою правительство могло бы съ выгодною воспользоваться; но никогда еще, до этого движенія по поводу Болгарскихъ звѣрствъ, платформа не проявляла такъ опредѣленно и открыто намѣренія воздѣйствовать на ходъ иностранной политики и переступить священныя границы области иностранной дипломатіи, составлявшей до сихъ поръ исключительное достояніе королей, государственныхъ людей и дипломатовъ. Въ этомъ заключается самая важная сторона этого движенія.

Сэръ Стаффордъ Норскотъ своею рѣчью въ Единбургѣ 16 сентября 1876 г. показалъ, что правительство

¹. Стр. 632.

поняло смыслъ и значеніе этой агитаціи. «Я хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ относился народъ нашей страны въ прежнія времена и какъ онъ вообще относится и какъ отнесся въ настоящее время къ вопросамъ иностранной политики. Я думаю, что, говоря вообще объ отношеніи народа нашей страны къ вопросамъ иностранной политики, я въ правѣ буду сказать, что онъ не понимаетъ ихъ. (Голосъ среди слушателей: въ тысячу разъ лучше, чѣмъ правительство). Я говорю это не въ видѣ упрека народу нашей страны, я просто констатирую фактъ и считаю, что иначе и не можетъ быть».

Такая аргументація хорошо знакома изучавшимъ политическую исторію Англіи. Когда впервые народъ сталъ предъявлять свои права на участіе въ управленіи своими дѣлами, торійскіе государственные люди и торійскіе парламенты постоянно твердили ему, что онъ ничего не понимаетъ въ дѣлахъ управленія, и отказывали ему въ его требованіяхъ. Время и платформа достаточно парализовали эту аргументацію по отношенію къ дѣламъ внутренняго управленія, и опытъ показалъ, что народъ можетъ управлять гораздо лучше, чѣмъ тѣ, кто устранялъ ихъ отъ управленія. Но этотъ аргументъ снова выплылъ, когда народъ, подвинувшись впередъ въ своемъ политическомъ развитіи, потребовалъ своего права на участіе и въ управленіи дѣлами, касающимися иностранной политики. Между тѣмъ, это требованіе его имѣло за собою столь же безспорное и законное основаніе, какъ и первое, потому что международныя отношенія страны имѣютъ для народа одинаково важное значеніе, какъ и внутреннія дѣла. Даже и въ настоящее время стремленіе держать народъ въ неизвѣстности относительно дѣйствительныхъ отношеній Англіи къ иностраннымъ державамъ еще заходитъ такъ далеко, что даже парламенту не сообщаютъ о производящихся переговорахъ, или о принимаемыхъ мѣрахъ, часто затрагивающихъ самые

существенные, самые животрепещущіе интересы страны. Быть можетъ такой образъ дѣйствій имѣетъ свои основанія, но въ такомъ случаѣ эти основанія должны быть разъяснены народу и его право быть освѣдомленнымъ о томъ, что дѣлается, должно быть признано. Иностранная политика государства имѣетъ такое существенное значеніе для народа, что онъ совершенно естественно и законно все болѣе и болѣе будетъ настаивать на участіи въ ней. Агитація по поводу болгарскихъ звѣрствъ была первымъ и очень нагляднымъ указаніемъ англійскому правительству и всему міру, что отнынѣ платформа будетъ все болѣе и болѣе касаться вопросовъ иностранной политики и, поскольку это въ ея власти, проявлять и здѣсь рѣшающій голосъ¹».

Мы дали бы слишкомъ узкое представленіе объ этой агитаціи, еслибы, говоря о ея результатахъ, ограничились предѣлами Англій. Значеніе проявленій платформы было гораздо шире. Съ живѣйшимъ интересомъ за ними слѣдили за границей, въ особенности въ тѣхъ странахъ, интересы, а быть можетъ и самая судьба которыхъ были замѣшаны въ этой борьбѣ. Когда парламентъ не заседалъ, свѣдѣнія о настроеніи Англій иностранныя государства черпали въ проявленіяхъ платформы, и не только тогда, когда ораторами выступали министры. М-ръ Форстеръ и лордъ Гартингтонъ, по возвращеніи изъ своей поѣздки на востокъ, передавали въ своихъ рѣчахъ, какъ внимательно слѣдитъ за выраженіемъ общественнаго мнѣнія турецкое правительство. Русскій же императоръ далъ прямое доказательство того, какую высокую цѣну онъ придаетъ общественному мнѣнію Англій, выразивъ англійскому правительству желаніе, что-

¹. «Внѣпарламентскія пренія сдѣлали больше для распространенія свѣдѣній и для развитія общественнаго мнѣнія, чѣмъ что либо, что происходило, какъ въ палатѣ общинъ, такъ и въ палатѣ лордовъ».—*Weekly Times*, 1-го апрѣля 1877 г.

бы подробности его разговора съ англійскимъ посломъ были оглашены во всеобщее свѣдѣніе англичанъ.

Результаты агитаціи въ самой Англии не были однако такъ опредѣленны и очевидны, какъ того можно было ожидать. Гладстонъ, говоря объ этой агитаціи впоследствии, сказалъ ¹: «Само правительство признавало ее выраженіемъ мнѣнія страны. Это проявленіе національнаго чувства произвело свое дѣйствіе; оно вызвало Константинопольскую конференцію».

Но оно сдѣлало больше этого, такъ какъ министерство, несмотря на свои туркофильскія и антирусскія тенденціи и имѣя за собою значительное и покорное большинство въ палатѣ общинъ, все же принуждено было прекратить свои воинственные замыслы ради сохраненія цѣлости турецкой имперіи и перейти къ политикѣ невмѣшательства въ отношенія между Турціей и Россіей до тѣхъ поръ, пока не будутъ дѣйствительно затронуты британскіе интересы.

Было бы излишне описывать въ подробностяхъ и послѣдовательно весь ходъ дѣятельности платформы въ многообразныхъ фазисахъ Восточнаго вопроса, такъ какъ за это время она не разъ то разгоралась сильнѣе, то затихала. Достаточно отмѣтить общій характеръ и смыслъ агитаціи.

Такъ какъ результаты платформы не вполне оправдывали возлагавшихся на нее надежды, то нашли нужнымъ по возможности придать ей дѣятельности нѣкоторую организацію и въ началѣ зимы 1876—77 г. была основана «Ассоціація по Восточному вопросу». 8-го декабря 1876 г. въ Сентъ Джемсъ-Голлѣ въ Лондонѣ была созвана Національная Конференція. «Это было представительное собраніе въ самомъ широкомъ смыслѣ». Предсѣдательствовавшій на немъ герцогъ Вестминстерскій выяснилъ цѣли Ассоціаціи. Онъ сказалъ: «Такъ какъ страна наша уже громко и рѣшительно заявила,

¹. См. его первую рѣчь въ Мидлошенѣ 25 ноября 1879 г.

что англійскій народъ ни въ какомъ случаѣ не желаетъ вступать въ войну ни съ Россіей, ни съ какою либо иной державой изъза Турціи, то намъ слѣдуетъ окончательно разубѣдить послѣднюю, чтобы она не рассчитывала ни на какую помощь со стороны нашего великаго государства».

Times, говоря въ передовой статьѣ объ этой конференціи, замѣтилъ: «Еслибы въ настоящее время парламентъ засѣдалъ, то истинное положеніе вещей и отношеніе Англии къ Портѣ было бы выяснено ей въ двадцать четыре часа самымъ прямымъ заявленіемъ націи. Въ отсутствіе парламента публичные митинги могутъ въ известной мѣрѣ выполнить ту же обязанность, и это является быть можетъ наилучшимъ оправданіемъ созыва этой конференціи».

Сессія парламента открылась 8 февраля 1877 г. и въ немъ теперь главнымъ образомъ сосредоточилось обсужденіе Восточнаго вопроса. Но консервативное большинство парламента склонялось болѣе къ политикѣ министерства, чѣмъ къ политикѣ, рекомендуемой съ платформы, такъ что общественное мнѣніе, высказавшееся съ такою силою, не нашло себѣ новой опоры отъ перенесенія обсужденія вопроса на другую арену. Однако правительство послѣ довольно продолжительныхъ дебатовъ заявило о своемъ намѣреніи не вмѣшиваться въ начавшуюся между Россіей и Турціей войну до тѣхъ поръ, пока въ ней затронуты одни только турецкіе интересы. При этомъ оно однако объявило, что еслибы эта война стала угрожать британскимъ интересамъ, то Англія не можетъ остаться пассивною. Это объявленіе «хартіи невмѣшательства» на время удовлетворило англійское общество и агитація затихла. Тѣмъ не менѣе, Восточный вопросъ не переставалъ быть «всепоглощающимъ интересомъ англійскаго общества и когда кто либо изъ общественныхъ дѣятелей выступалъ съ публичною рѣчью,

отъ него непремѣнно ожидали услышать упоминаніе о Восточномъ вопросѣ¹».

М-ръ Томпсонъ, въ своемъ сочиненіи, озаглавленномъ *Public Opinion and Lord Beaconsfield*, говоритъ объ этомъ времени: «Сравнивая лѣто 1877 г. съ положеніемъ вещей за годъ передъ тѣмъ, нельзя не замѣтить, что общественное мнѣніе потерпѣло неудачу въ смыслѣ воздѣйствія на парламентъ, во всякомъ случаѣ въ теченіе этой сессіи, и въ значительной степени утратило вѣру въ свое вліяніе на исполнительную власть²».

Въ теченіе всей осени 1877 г. происходили митинги и произносились рѣчи. Брайтъ, Гладстонъ, лордъ Солсбери, лордъ Биконсфильдъ (въ Гильдголлѣ), сэръ Норскотъ и нѣкоторые другіе министры и бывшіе министры выступали съ рѣчами, нѣкоторые по нѣскольку разъ. Паденіе Плевны въ декабрѣ снова возбудило опасенія вмѣшательства Англіи для спасенія Турціи и агитація опять приняла болѣе острый характеръ и митинги участились. Объ этой агитаціи *Times* писалъ 16 января 1878 г.: «Мы отовсюду получаемъ извѣстія о публичныхъ митингахъ, собирающихся въ виду тѣхъ важныхъ событій и ихъ возможныхъ послѣдствій, относительно которыхъ представители народа вѣроятно вскорѣ будутъ призваны сказать свое рѣшающее слово. Результаты этихъ митинговъ почти вездѣ одинаковы. Народъ высказывается въ пользу мира и довѣрчиво ожидаетъ, что представители его будутъ дѣйствовать согласно съ его несомнѣнными желаніями. Судя по внѣшнимъ признакамъ, трудно опредѣлить, откуда могло бы явиться противодѣйствіе волѣ народа. Въ своихъ заявленіяхъ и либералы и консерваторы въ существенномъ согласны между собою».

Но хотя митинги «вполнѣ выяснили мнѣніе страны», однако уже вскорѣ по открытіи засѣданій парламента, 17 января, министры, какъ бы игнорируя значеніе про-

¹. Thompson, т. II, стр. 247.

². Ibid., стр. 220.

явленій платформы, обратились къ мѣропріятіямъ, свидѣтельствовавшимъ о военныхъ приготовленіяхъ. У парламента испрошенъ былъ спеціальный кредитъ въ 6.000.000 фунтовъ ст. на морскія и военныя надобности и флоту былъ отданъ приказъ войти въ турецкія воды. Было ясно, что платформа не достигла своей цѣли и Гладстонъ призналъ это въ своей рѣчи въ Оксфордѣ ¹, сказавъ: «Благодаря энергичному выраженію общественнаго мнѣнія, начавшемуся съ осени 1876 г., мы въ значительной мѣрѣ проявляли контроль надъ дѣятельностью правительства, но намъ не удалось подорвать самый корень зла. Давленіемъ извнѣ мы сдерживали проявленіе той силы, которая внушаетъ намъ опасеніе, но эта сила продолжаетъ существовать; ея направленіе все то же и наилучшимъ доказательствомъ ея преобладанія въ кабинетѣ служить предложеніе, только что сдѣланное парламенту». Одобреніе парламентомъ кредитовъ на военныя нужды не безъ страха ожидалось нѣкоторыми сторонниками министерства, и они настаивали на неотложности рѣшенія этого вопроса, опасаясь полученія отъ своихъ избирателей инструкцій по этому поводу: «въ виду того, говорили они, что въ послѣднее время распространился отвратительный обычай по телеграфу собирать повсемѣстно митинги и присылать затѣмъ въ парламентъ резолюціи этихъ митинговъ».

Близость войны дѣлала агитацію противъ нея болѣе трудною. Когда правительство зашло уже такъ далеко, когда оно сдѣлало шаги, отъ которыхъ оно уже не могло отступить, нельзя было надѣяться остановить его путемъ агитаціи. Начали собираться митинги съ тѣмъ, чтобы объявить оппозицію не патріотическою, а сторонники правительства стали срывать оппозиціонные митинги. Такъ было съ однимъ митингомъ въ Гайдъ-Паркѣ.

«Не будетъ преувеличеніемъ сказать, замѣчаетъ Томп-

¹. 30 января 1878 г.

сонъ въ вышеуказанномъ своемъ сочиненіи, что общественная агитація была подавлена».

Имѣя теперь руки развязанными, правительство стало дѣйствовать болѣе рѣшительно. Кредиты были вотированы парламентомъ; были созваны резервныя войска; вспомогательныя войска изъ Индіи доставлены на о-въ Мальту, съ Турціею заключено тайное соглашеніе. Въ теченіе значительнаго періода времени Англія была на волосъ отъ войны, но въ концѣ концовъ дѣла приняли болѣе благопріятный оборотъ; подписанъ Берлинскій трактатъ; «миръ» былъ обезпеченъ «съ честью», какъ говорили тѣ, кто заключили его.

Если взглянуть въ политическую исторію Англіи въ теченіе этихъ критическихъ и безпокойныхъ годовъ, то прежде всего выступаетъ вопросъ, насколько удавалось платформѣ руководить правительствомъ или вліять на него? По этому вопросу конечно могутъ быть различныя сужденія. Что въ теченіе нѣкотораго времени и въ извѣстной мѣрѣ она вліяла на правительство,—это, я думаю, не подлежитъ спору, но несомнѣнно, что въ другихъ и наиболѣе важныхъ отношеніяхъ платформѣ не удалось обезпечить свой авторитетъ или даже вліяніе на парламентъ.

Если принять во вниманіе результаты общихъ выборовъ, имѣвшихъ мѣсто два года спустя, то нельзя не признать, что платформа въ то время выражала настроеніе большинства въ странѣ и была дѣйствительнымъ голосомъ народа, но ей не удалось оказать рѣшительное вліяніе на палату общинъ вслѣдствіе существованія въ послѣдней большинства, избраннаго при другихъ условіяхъ и вполнѣ покорнаго министру, который не былъ склоненъ придавать значеніе голосу платформы.

Эта неудача показала, что платформа не всемогуща; что не въ ея власти управлять политикою страны. Урокъ этотъ былъ въ высшей степени поучителенъ для народа, который болѣе всего стремился къ тому, чтобы ру-

ководить самому всѣмъ управленіемъ страны, какъ въ иностранныхъ, такъ и во внутреннихъ дѣлахъ. Причины этого не успѣха вполне ясны. Прежде всего платформа, хотя она и представляла большинство населенія страны, но это большинство было сравнительно незначительное; если бы оно было такое, какъ въ 1831—32 гг., во время агитаціи въ пользу реформы, то правительство было бы безсильно идти противъ него. Во вторыхъ, платформа потратила болѣе или менѣе напрасно много силъ на то, чтобы дѣйствовать непосредственно тамъ, гдѣ она могла бы сдѣлать больше, дѣйствуя косвеннымъ путемъ. Еслибы платформа вмѣсто того, чтобы постановлять резолюціи на митингахъ и препровождать ихъ министерству, которое не обращало на нихъ вниманія, старалась въ каждомъ округѣ производить сильное и настойчивое давленіе на представителей даннаго округа въ парламентѣ, то ея дѣйствія имѣли бы болѣе успѣха. Но и въ такомъ даже случаѣ, она вѣроятно не достигла бы полнаго успѣха, въ особенности въ то время, когда избирательная система была построена на болѣе узкихъ основаніяхъ, чѣмъ теперь. Очевидно здѣсь сказалось слабое мѣсто системы управленія платформою, но не слѣдуетъ забывать, что вліяніе на представителей въ палатѣ общинъ является для платформы только однимъ изъ способовъ заставлять чувствовать свою силу. Другой способъ состоитъ во вліяніи на самый составъ палаты общинъ посредствомъ воздѣйствія на составъ избирателей. Къ достиженію этой задачи въ скоромъ времени направили свои усилія руководители либеральной партіи и результаты общихъ выборовъ 1880 г. дали полное доказательство тому, что если платформа не можетъ во всякое время подчинять правительство своей власти, то она твердо рѣшила добиваться такой палаты общинъ, которая подчинялась бы этой власти, если бы въ этомъ встрѣтилась необходимость.

ГЛАВА XXII.

ПЛАТФОРМА И ОБЩИЕ ВЫБОРЫ 1880 Г.

Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій нашего времени заключается въ томъ, что принципы и стремленія, полагаемые въ основу борьбы на общихъ выборахъ, провозглашаются передъ народомъ за долго, иногда за цѣлые годы, и платформою въ большей мѣрѣ, чѣмъ парламентомъ; общіе выборы 1880 г. представляютъ чрезвычайно интересный примѣръ этого.

Въ первые годы, да и во все время царствованія Георга III, тронная рѣчь короля передъ роспускомъ парламента считалась совершенно достаточнымъ заявленіемъ программы, по которой избирателямъ предстоитъ высказаться. Министры очень мало беспокоились о выборахъ и были озабочены единственно только соображеніями объ утилизованіи имѣвшихся въ ихъ распоряженіи фондовъ и иныхъ премій для того, чтобы обезпечить за собою возможно большее количество парламентскихъ мѣстъ. Обсужденіе политическихъ вопросовъ на общихъ выборахъ производилось только оппозиціею. Актъ о реформѣ 1832 г. сильно, однако же, измѣнилъ, какъ мы видѣли, этотъ порядокъ вещей и заставилъ министровъ выйти изъ своего горделиваго спокойствія. Отъ правительства стали требоваться иныя заявленія своей программы, кромѣ тѣхъ, которыя дѣлались въ тронной рѣчи, и министрамъ приходилось самимъ обращаться къ изби-

рателямъ. Теперь же, полвѣка спустя, совершившейся переворотъ былъ еще полнѣе. Самъ парламентъ уже пересталъ быть ареною предварительной избирательной борьбы, и выясненіе предметовъ этой борьбы перешло къ платформѣ, которая оказалась болѣе могущественнымъ орудіемъ для вліянія на народъ, чѣмъ какія либо проявленія дѣятельности парламента.

Задолго до общихъ выборовъ 1880 г., еще въ іюлѣ 1878 г., Гладстонъ началъ подготавливать почву съ платформы въ Соутворкѣ. «Я долженъ сказать, что, насколько я могу судить, никогда еще различія во взглядахъ между обѣими партіями не выступали съ большею опредѣленностью и ясностью. Тотъ, кто не видитъ этого въ настоящее время, долженъ быть дѣйствительно слѣпъ... Пора воспользоваться первымъ подходящимъ случаемъ, чтобы обратиться къ народу и спросить его мнѣнія по политическимъ вопросамъ».

Въ ноябрѣ 1878 года Гладстонъ говорилъ въ Гринвичѣ: «На слѣдующихъ общихъ выборахъ народу придется рѣшать большой вопросъ, обнимающій собою всѣ остальные вопросы,—вопросъ о способѣ управленія въ странѣ. „Личное управленіе“ представляетъ собою неудачную формулу, и онъ протестуетъ противъ толкованія ея въ томъ смыслѣ, что монархія намѣрена порвать конституціонныя традиціи, но онъ обвиняетъ нынѣшнихъ совѣтниковъ королевы въ томъ, что они коварнымъ образомъ кладутъ начало системы, рассчитанной на ограниченіе правъ и вольностей англійскаго народа». Затѣмъ, коснувшись несправедливостей афганской войны, онъ съ поразительною ясностью и силою изложилъ передъ слушателями принципы и значеніе самоуправленія: «Но отвѣтственность за нее (за эту войну), лежащая теперь всецѣло на десяти или двѣнадцати лицахъ, будетъ черезъ недѣлю или двѣ раздѣлена между этими людьми и обѣими палатами парламента, а еще черезъ нѣкоторый, быть можетъ очень короткій срокъ, англійскій

народъ долженъ будетъ высказать, хочетъ ли онъ взять и на себя свою долю этой отвѣтственности. И помните, что если онъ выскажется утвердительно, то его доля будетъ наибольшею изъ всѣхъ. Онъ является судомъ послѣдней инстанціи. Вина и позоръ несправедливой войны падутъ на него, на каждый избирательный округъ, на каждаго избирателя этого округа, который санкціонируетъ эту войну».

Въ началѣ слѣдующаго года (6 февраля 1879 г.) официальный лидеръ оппозиціи, лордъ Гартингтонъ, произнесъ рѣчь въ Ливерпулѣ. «Дѣйствія, на основаніи которыхъ нынѣшній парламентъ и нынѣшнее правительство будутъ судимы, которыя будутъ предметомъ ихъ обращенія къ избирателямъ,—это ихъ иностранная политика, результаты этой политики въ смыслѣ охраненія безопасности нашей имперіи и вліяніе ея на чувства и настроеніе націи... До настоящаго времени не считали нужнымъ обращаться къ странѣ, но мы, оппозиція, не можемъ относиться къ столь важнымъ и жизненнымъ вопросамъ, какъ къ вопросамъ поконченнымъ. Мы не перестанемъ выдвигать ихъ для обсужденія; мы сдѣлаемъ все возможное, чтобы раскрыть скрывающуюся за громкими фразами истину и побудить народъ взглянуть этой истинѣ въ глаза и съ полнымъ сознаніемъ рѣшить, желаетъ ли онъ подчиняться такой иностранной политикѣ, какаѣ ведется въ послѣдніе годы».

Во все время пасхальныхъ, а затѣмъ и майскихъ парламентскихъ каникулъ не переставали раздаваться рѣчи наиболѣе выдающихся членовъ обѣихъ политическихъ партій на различныхъ митингахъ и вездѣ въ нихъ первое мѣсто занимали вопросы, по которымъ избирателямъ предстояло высказать свое рѣшеніе. Лордъ Сольсбери, лордъ Гартингтонъ, Гладстонъ, Чамберленъ, Смитъ, министры и нынѣшняго и прошлаго кабинета не одинъ разъ выступали съ рѣчами, заключавшими въ себѣ заявленія и возраженія, обвиненія и оправданія. Съ на-

ступленіемъ лѣтнихъ каникулъ эта кампанія возобнови-
лась съ еще большею силою, при участіи еще большаго
числа представителей обѣихъ сторонъ.

На митингѣ въ Ньюкэстль-на-Тайнѣ, 19 сентября
1879 г., лордъ Гартингтонъ выразилъ то, что такимъ
бременемъ лежало у многихъ на душѣ: «Мы собрались
сегодня сюда, сказалъ онъ, въ моментъ въ высшей сте-
пени критическій и важный; но я не могу не сказать,
что мы собрались съ гнетущимъ сознаниемъ нашего без-
силія».

Митинги и рѣчи дѣлались все многочисленнѣе. 9 ок-
тября говорилъ рѣчь сэръ Стаффордъ Норскотъ; 11-го—
министръ внутреннихъ дѣлъ; 17 и 18 лордъ Сольсбери
говорилъ рѣчи во время большой демонстраціи, устроен-
ной консерваторами въ Манчестерѣ. Въ рѣчи лорда Гар-
тингтона, произнесенной имъ въ Манчестерѣ вскорѣ по-
слѣ посѣщенія послѣдняго лордомъ Сольсбери, есть
одно интересное мѣсто, свидѣтельствующее о томъ, ка-
кого положенія достигла въ это время платформа.

Лордъ Гартингтонъ (24 октября 1879 г.) сказалъ:
«Я думаю, что для всякаго, кто мало мальски внима-
тельно слѣдитъ за ходомъ общественныхъ дѣлъ, не мо-
гла пройти незамѣченною громадная разница между
тѣмъ слабымъ интересомъ, который возбуждали послѣд-
нее время дебаты въ парламентѣ, и тѣмъ живымъ, го-
рячимъ интересомъ, который возбуждаютъ въ настоящее
время публичные митинги, подобные теперешнему, непре-
станно собирающіеся по всей странѣ для выраженія и за-
щиты взглядовъ той или другой политической партіи. Въ
чемъ же причина этой разницы? Нѣтъ основанія думать,
что интересъ къ политикѣ ослабѣлъ въ странѣ. Тотъ
живой интересъ, который вызываютъ публичные митинги,
служить доказательствомъ противнаго. Но не подлежитъ
сомнѣнію, что за время послѣднихъ двухъ или трехъ
парламентскихъ сессій интересъ къ парламентскимъ де-
батамъ значительно упалъ. Не слѣдуетъ ли искать при-

чину этого въ томъ, что страна начинаетъ сознать, что парламентъ фактически пересталъ руководить политикою? Долговременный опытъ—опытъ пяти лѣтъ—показалъ, что министерство одно рѣшаетъ и дѣйствуетъ и что, какъ бы оно ни рѣшило и ни поступило, можно быть увѣреннымъ въ томъ, что парламентъ дастъ свое одобреніе. И я думаю, что это перемѣщеніе интереса отъ того, что дѣлается въ парламентѣ, къ тому, что дѣлается въ странѣ, открываетъ передъ нами надежды и должно побудить насъ еще болѣе усилить наши старанія».

Наиболѣе выдающимся событіемъ этой осенней платформной кампаніи было посѣщеніе Гладстономъ Мидлошена, избирательнаго округа, въ которомъ онъ рѣшилъ выступить кандидатомъ на предстоявшихъ общихъ выборахъ. 24 ноября (1879 г.) онъ выѣхалъ изъ Ливерпуля въ Шотландію. На многихъ станціяхъ, гдѣ останавливался поѣздъ, онъ говорилъ рѣчи. Въ Карлейлѣ онъ сказалъ: «Я имѣлъ счастье принимать дѣятельное участіе въ одиннадцати роспускахъ палаты и общихъ выборахъ, но ни разу, во всѣхъ этихъ одиннадцати случаяхъ, несмотря на то, что они обнимаютъ собою почти цѣлое полстолѣтіе, не были такъ глубоко затронуты наиболѣе жизненные интересы страны, какъ при предстоящемъ роспускѣ парламента».

Во время этой первой избирательной кампаніи въ Мидлошенѣ Гладстонъ произнесъ свою первую рѣчь въ Эдинбургѣ 25 ноября. Эта и послѣдующія рѣчи его могутъ составить сами по себѣ довольно объемистый томъ и потому не могутъ быть приведены здѣсь въ цѣломъ, но изъ нихъ необходимо взять нѣсколько выдержекъ, которыя живо рисуютъ положеніе, достигнутое платформою. Въ этихъ рѣчахъ съ платформы не остался незатронутымъ ни одинъ изъ вопросовъ, обсуждавшихся въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ парламентѣ, словно обсужденіе ихъ составляло непремѣнную функцію платформы, какъ и самого парламента. Вопросы мира, войны, внутрен-

нихъ, иностранныхъ дѣлъ, колониальныхъ, управленія Индіей, прерогативъ короны,—всѣ они не только были затронуты, но и подвергнуты самому всестороннему обсужденію. Еще никогда не получала платформа такого полного признанія важности ея положенія, не только на словахъ, но и на дѣлѣ, въ качествѣ суда высшей инстанціи и окончательнаго надъ парламентомъ.

«Я явился въ это графство, чтобы повторить, съ вашего позволенія, то обвиненіе, которое я всюду много разъ высказывалъ противъ правительства ея величества. Это очень серьезное обвиненіе. Въ подобныхъ вещахъ люди должны строго держаться того, что они говорили, должны чувствовать, что они отвѣтственны за свои слова, а потому вы, можетъ быть, позвольте мнѣ прочесть вамъ здѣсь то, что я написалъ въ письмѣ, служившемъ отвѣтомъ на ваше въ высшей степени лестное для меня приглашеніе. Я писалъ слѣдующее: „Управленіе финансами, размѣры расходовъ, все болѣе и болѣе ощутимая отсталость законодательныхъ мѣръ, какъ ни серьезны они сами по себѣ, влекутъ за собою еще болѣе важныя послѣдствія. Я утверждаю передъ вами, какъ я утверждалъ это и въ палатѣ общинъ, что министерство своею иностранною политикою сильно поколебало довѣріе къ Англіи и компрометировало ея достоинство; что слѣдствіемъ этого нарушенія довѣрія, и въ концѣ концовъ даже вызваннаго ими нарушенія мира, было продленіе и усиленіе общественныхъ бѣдствій; что оно содѣйствовало лишь увеличенію могущества и вліянія Россійской имперіи и вмѣстѣ съ тѣмъ возстановленію противъ насъ ея населенія; что оно вовлекло корону и народъ въ несправедливую войну (Афганскую), грозившую большими затрудненіями, если не положительною опасностью для Индіи; что своимъ образомъ дѣйствій въ примѣненіи принадлежащихъ коронѣ правъ по заключенію трактатовъ и объявленію войны оно нарушило справедливыя права парламента и, дѣйствуя на основаніи неконституціонныхъ

прерогативъ, лишило страну ея важнѣйшей охраны. Ни одной фразы, ни одного слова изъ этихъ обвиненій я не беру назадъ. Господа, если въ моихъ рѣчахъ къ здѣшнимъ избирателямъ мнѣ не удастся доказать основательность моихъ утвержденій по какому либо изъ предметовъ обвиненія, предъявляемаго мною, то я съ радостью выслушаю всякое указаніе мнѣ на это и съ готовностью изложу всѣ, къ несчастью, слишкомъ многочисленные, доводы, которыми можетъ быть обосновано каждое изъ моихъ обвиненій».

Пожалуй, еще болѣе замѣчательнымъ, чѣмъ это, признаніемъ за платформую ея настоящей сферы, являлось то, какъ пользовались ею теперь для обвиненія парламента. «Меня страшитъ лишь одно. Наша страна—страна самоуправленія. Мы должны въ точности выяснить передъ народомъ все, что дѣлается въ настоящее время и, ради самого неба, пусть онъ рѣшаетъ, такого ли управленія онъ хочетъ. Теперешнее наше несогласіе съ правительствомъ нельзя смѣшивать съ прежними разногласіями между вигами и тори. Это совсѣмъ иное дѣло. Теперь мы споримъ не о какихъ либо второстепенныхъ вопросахъ; теперешній споръ нельзя даже сравнивать со спорами по вопросу объ ирландской церкви, какъ ни былъ серьезенъ послѣдній. Теперь дѣло идетъ о всей системѣ управленія; разъяснить и доказать это я поставилъ себѣ цѣлью во всѣхъ рѣчахъ, которыя будутъ произнесены мною въ этомъ графствѣ. Не съ министерствомъ однако приходится вамъ имѣть теперь дѣло, а съ большинствомъ палаты общинъ. Большинство палаты общинъ безусловно оправдало министерство. Всякій разъ, когда министерство обращалось за одобреніемъ къ палатѣ общинъ, ея большинство съ готовностью давало его. Среди этого большинства почти не было ни одного человѣка, который поколебался бы высказать то довѣріе, котораго желало министерство, какъ бы ни былъ возмутителенъ въ нашихъ глазахъ поводъ, по которому оно испраши-

валось. Большинство палаты общинъ безусловно и всецѣло взяло на себя всю отвѣтственность за дѣйствія министерства, и не только одно коллективное большинство. Если бы вы произнесли вотумъ порицанія всему этому большинству въ совокупности, то это былъ бы очень не дѣйствительный способъ. Необходимо дѣйствовать противъ каждаго изъ членовъ этого большинства въ отдельности. Оно состоитъ изъ единицъ и съ этими единицами вы должны имѣть дѣло. И скажу вамъ прямо, что это моментъ громадной важности, потому что какъ теперь я первый заявляю, что большинство палаты общинъ предъ лицомъ страны, своими многократными и добровольными дѣйствіями, всецѣло и безусловно взяло на себя всю отвѣтственность за всѣ тѣ дѣйствія министерства, о которыхъ я говорилъ, и за многіе другіе,— такъ точно предстоящіе общіе выборы должны будутъ рѣшить вопросъ, перенесется ли эта отвѣтственность, уже перенесенная съ правительства на парламентъ, съ парламента на цѣлый народъ. До сихъ поръ страна не имѣла случая высказаться; какъ я уже говорилъ, правительство далеко не проявляетъ склонности доставить ей такой случай. Насколько намъ извѣстно изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, оно до послѣдней минуты намѣрено не давать ей этой возможности. Поэтому до сихъ поръ народъ свободенъ отъ всякой отвѣтственности. Если Англія нарушила свое слово, если кровь проливалась безъ нужды; если самое имя Англіи опозорено передъ всѣмъ міромъ; если на страну безъ всякой нужды навлечены тяжкія бѣдствія, если финансы ея разстроены, если самое существованіе Индіи подвергнуто опасности,—то все это пока еще дѣло рукъ правительства и парламента; но приближается день, когда совершится событіе, долженствующее уяснить будущему историку, было ли все это дѣломъ рукъ не администраціи и не парламента, а великаго и свободного народа. Если этотъ великій, свободный и могущественный народъ по-

желаетъ приобщить себя къ подобнымъ дѣяніямъ, если онъ захочетъ взять на себя то, что нѣкоторые изъ насъ называютъ виною, а многіе должны признать тяжелымъ бременемъ, во всемъ, что происходило передъ нашими глазами, то онъ конечно воленъ сдѣлать это. Но, господа, пусть каждый изъ насъ рѣшитъ про себя, въ своей совѣсти, передъ Богомъ и передъ людьми, что онъ ни въ какомъ случаѣ не приметъ на себя никакой доли участія въ подобныхъ дѣйствіяхъ; что онъ сдѣлаетъ все для него возможное, не руководствуясь никакими сторонними соображеніями, чтобы исключить себя изъ участія въ томъ, что онъ считаетъ вреднымъ и гибельнымъ, и сдѣлаетъ все, что только въ его власти, чтобы отклонить своихъ согражданъ отъ рѣшенія, преисполненнаго опасности и позора. Вотъ, господа, вопросъ, по которому народъ долженъ будетъ высказаться».

26-го Гладстонъ говорилъ въ Далькейтѣ; 27-го въ Вестъ-Кальдерѣ; 29-го онъ произнесъ большую рѣчь въ Единбургѣ, въ зданіи Хлѣбной Биржи, а затѣмъ отправился на митингъ на Вэверлейскомъ рынкѣ, гдѣ собралось около 20.000 человѣкъ. «Ни я и никто изъ людей лучше и умнѣе меня не могъ бы сказать этому собранію, что хоть на половину было бы такъ важно, какъ самое это собраніе. Не ничтожны должны быть тѣ поводы, которые могли собрать сюда столькихъ людей, оторвавъ ихъ отъ обычныхъ занятій, и превратить въ одну сплоченную массу это громадное море человѣческихъ жизней»...

Въ дальнѣйшемъ своемъ путешествіи къ сѣверу, Гладстонъ 1 декабря говорилъ рѣчи на желѣзнодорожныхъ станціяхъ въ Дунфермлейнѣ, Пертѣ и Эберфильдѣ. 5-го декабря онъ говорилъ въ Гласго (6000). «И такъ, джентельмены, какой же будетъ общій выводъ изъ всѣхъ сужденій, высказанныхъ мною во время поѣздки по Шотландіи? Разсмотримъ ихъ сообща. Я постараюсь по возможности быть краткимъ. Наше положеніе таково: финансы

наши разстроены, законодательство нашей страны непроизволительно отстало, наша честь компрометирована нарушениемъ международнаго права, общественныя бѣдствія усилились вслѣдствіе потери довѣрія; Россія возвеличилась, но питаетъ къ намъ враждебныя чувства; Турція относится къ намъ дружественно, какъ у насъ говорятъ, но она урѣзана, истощена и съ каждымъ днемъ падаетъ все ниже; Европа преисполнена безпокойства и смуты, та Европа, которая послѣ Парижскаго трактата пользовалась въ теченіе почти двадцатилѣтняго періода,—по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается восточнаго вопроса,—относительнымъ спокойствіемъ, теперь, когда еще почти не успѣли высохнуть чернила на Берлинскомъ трактатѣ, уже вся, изъ конца въ конецъ, охвачена тревожными слухами и безпокойствомъ, до такой степени, что лишь 10-го истекшаго ноября намъ сообщили, что первый министръ считаетъ миръ обеспеченнымъ, тогда какъ 9-го ноября—т. е. только четыре мѣсяца послѣ заключенія трактата—это было болѣе чѣмъ сомнительно. Въ Африкѣ мы имѣемъ передъ собою воспоминаніе о пролитіи крови, о военныхъ неудачахъ, извѣстіе о 10.000 зулусовъ—по расчету епископа Колензо—убитыхъ безъ всякой иной вины съ ихъ стороны, кромѣ попытки защитить противъ вашей артиллеріи—безоружные—свои очаги и дома съ женами и семействами. Въ Трансваалѣ война съ свободнымъ народомъ и—я боюсь—вы имѣете, кромѣ того, предъ собою не здѣсь, такъ тамъ—я не стану входить въ подробности, чтобы не волновать общественное мнѣніе—перспективу новыхъ смутъ и новаго пролитія крови. Передъ вами разоренный Афганистанъ; Индія, управленіе которой не только не улучшилось, но напротивъ того стало гораздо хуже, которая обложена тяжкими и несправедливыми налогами и подчинена тому, что, по сравненію съ мягкимъ управленіемъ предшествующихъ лѣтъ, можетъ быть названо системою гнета, и ко всему этому у васъ, въ вашей собственной

странѣ,—въ чемъ именно, я не буду распространяться здѣсь,—нарушенъ законъ и нарушены права парламента. Господа, среди всей этой тлетворной дѣятельности—иначе я не могу назвать ее—среди всего этого разрушенія и кровопролитія, которыя мы либо производили или которымъ мы въ широкой мѣрѣ содѣйствовали, мы, не исключая самого Берлинскаго трактата и Афганистанской войны, не сдѣлали ни одного шага и не сказали ни одного слова въ пользу свободы. Вотъ, заключительный выводъ изъ всего этого печальнаго обзора.

«Я хочу кончить тѣмъ, съ чего началъ. Желаетъ ли или не желаетъ такого управленія свободный народъ, населяющій наши острова? Скрѣпитъ ли народъ—будь то теперь или черезъ нѣсколько мѣсяцевъ—своимъ одобреніемъ совершенныя дѣянія и возьметъ ли онъ на себя всю болѣе чѣмъ громадную отвѣтственность за нихъ? Скромная задача, которую я поставилъ себѣ, заключается въ томъ, чтобы выяснить—поскольку это въ моей власти—этотъ важный вопросъ передъ умомъ и совѣстью народа».

Въ продолженіе двухъ недѣль, проведенныхъ имъ по ту сторону Твида, Гладстонъ говорилъ по меньшей мѣрѣ передъ 75.000 чел., а если сосчитать всѣхъ, участвовавшихъ въ тѣхъ громадныхъ толпахъ, которыя собирались для чествованія его, то можно смѣло сказать, что число людей, принимавшихъ большее или меньшее участіе въ тѣхъ демонстраціяхъ, которыя вызывало одно только извѣстіе о его прибытіи, доходило до четверти милліона ¹.

Даже враждебно настроенный по отношенію къ Гладстону авторъ не могъ не засвидѣтельствовать того изумительнаго впечатлѣнія, какое произвела эта поѣздка ². «Все, что онъ совершилъ за это время, столь же замѣчательно, какъ и все въ его замѣчательной жизни. Духовная и физическая энергія, выносливость, неослабѣвающая сила краснорѣчія, проявленныя имъ во время этой

1. См. Собраніе рѣчей Гладстона — Midlothian Speeches.

2. См. Blackwood's Magazine, янв., 1880 г.

«кампаніи», вполне оправдывают восторженный энтузіазмъ его сторонниковъ; а если принять во вниманіе, что эти качества проявлены маститымъ почти 70-лѣтнимъ государственнымъ мужемъ, то они не могутъ не вызывать чувства глубокаго почтенія и удивленія даже у его противниковъ».

Съ наступленіемъ новаго года дѣятельность платформы уже снова была въ полномъ разгарѣ. Министры и ех-министры одинъ за другимъ выносили политическую борьбу на арену платформы. Это продолжалось до самаго открытія парламента.

«По сдѣланному расчету, въ эти парламентскіе каникулы членами кабинета произнесено больше рѣчей, чѣмъ въ теченіе всѣхъ парламентскихъ каникулъ взятыхъ вмѣстѣ».

Парламентскія засѣданія открылись 5 февраля. 8 марта совершенно неожиданно было сообщено, что ея величество, по совѣту своихъ министровъ, намѣрена распустить парламентъ и притомъ какъ можно скорѣе. Это чрезвычайно поразило всѣхъ и вызвало большое волненіе въ странѣ. Вопросы, давшіе правительству поводъ обратиться къ странѣ, были оповѣщены лордомъ Биконсфильдомъ не въ тронной рѣчи королевы, какъ это дѣлалось въ дореформенное время, не въ парламентѣ и не съ платформы, а въ письмѣ къ лорду - намѣстнику Ирландіи. Однимъ изъ этихъ вопросовъ былъ неизбѣжный ирландскій вопросъ, другимъ являлась иностранная политика министерства, пожелавшаго получить выраженіе довѣрія.

Первая рѣчь была произнесена Гладстономъ 12 марта въ Мэрильбонѣ, гдѣ онъ говорилъ «въ качествѣ избирателя». «Какъ я уже давно и настойчиво повторяю, сказалъ онъ, для насъ наступило время, когда всѣ остальные вопросы потонули въ одномъ, и этотъ единственный вопросъ заключается въ томъ, — одобряетъ ли или порицаетъ страна приемы правительственной политики за послѣдніе годы?»

Онъ заявилъ о присоединеніи къ либеральной партіи лорда Дерби... Выразилъ надежду, что отвѣтъ страны, каковъ бы онъ ни былъ, будетъ ясный и опредѣленный... «И я надѣюсь также, онъ будетъ справедливъ. Мы стоимъ за законъ—за свободу. Мы стоимъ за охрану учрежденій страны противъ людей, ложно именующихъ себя консерваторами, которые поступали съ ними хуже и подвергли ихъ большей опасности, чѣмъ когда либо во всей нашей исторіи. Мы отстаиваемъ законъ—свободу, порядокъ и благоразуміе во внутреннихъ дѣлахъ; честность и миролюбіе во внѣшнихъ отношеніяхъ».

Лордъ Гартингтонъ, официальный лидеръ оппозиціи, на слѣдующій день послѣ этого началъ свою кампанію въ сѣверовосточномъ Ланкаширѣ рѣчью на большомъ митингѣ въ Аккрингтонѣ. 16 мая Гладстонъ выѣхалъ изъ Лондона въ Шотландію и по пути произнесъ рѣчи въ Грантамѣ, Йоркѣ, Ньюкэстлѣ и Бэрвикѣ передъ многими тысячами слушателей.

«Можно считать, что избирательная борьба началась въ серьезъ, писалъ Times ¹, когда намъ приходится печатать пять столбцовъ вступительной рѣчи Гладстона и кромѣ того сообщать о множествѣ митинговъ въ другихъ округахъ, на которыхъ выступаютъ другія, меньшія, свѣтила обѣихъ партій.

«Быть можетъ для многихъ кандидатовъ это будетъ и непріятною истиною, но мы должны сказать, что въ настоящемъ положеніи дѣлъ, то, что будетъ сказано, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, имѣетъ сравнительно ничтожное значеніе. Фактически избирательная кампанія уже завершена заранѣе, въ теченіе прошлаго года».

Министры не были въ состояніи принимать дѣятельнаго участія въ платформѣ, такъ какъ они еще должны были присутствовать въ парламентѣ, чтобы закончить необходимыя дѣла до роспуска. Однако же нѣкоторые изъ

¹. 18 марта 1880 г.

нихъ тѣмъ не менѣе уже съ этого времени начали свою избирательную кампанію. 17-го произнесъ рѣчь Смитъ, а 18-го, въ Уаррингтонѣ, Кроссъ. Въ этотъ самый день Гладстонъ произнесъ двѣ большія рѣчи, а на слѣдующій день еще одну. 21-го онъ произнесъ три рѣчи, а 22-го двѣ. 22 говорили рѣчи два министра и лордъ Гартингтонъ. 23-го произнесены рѣчи ни болѣе ни менѣе какъ пятью министрами и тремя ех-министрами.

24-го парламентъ былъ распущенъ. На слѣдующій день канцлеръ казначейства, сэръ Стаффордъ Норскотъ на митингѣ въ Девонширѣ слѣдующимъ образомъ формулировалъ вопросъ, поставленный на рѣшеніе страны: «Я беру на себя смѣлость спросить васъ, сказалъ онъ, которой изъ двухъ партій лучше для васъ ввѣрить свои интересы,—той ли партіи, которая будетъ оправдываться тѣмъ, что произошло, стараться объяснить свое положеніе или же защищать его съ тѣмъ отсутвіемъ искренности и силы, которое неизбѣжно вызывается убѣжденіемъ, что защищаешь то, что дурно? Или же вы найдете лучшимъ ввѣрить свои интересы тѣмъ, кто твердо убѣжденъ, что во всемъ, что они дѣлали и во всемъ, что ихъ допускала дѣлать Англія, они поступали по чистой совѣсти и готовы поддерживать и защищать то положеніе, которое они отвоевали для Англіи, не только съ беззавѣтнымъ и неослабнымъ мужествомъ, но и съ беззавѣтною и неослабною вѣрою въ правоту этого положенія?»

Первыя заявленія кандидатовъ имѣли мѣсто 30 марта, и въ нѣсколькихъ округахъ, гдѣ не было соперниковъ, вакансіи были замѣщены. Баллотировка началась 31-го. Съ самаго начала успѣхъ оказался на сторонѣ либераловъ.

Констатировано ¹, что въ теченіе этой кампаніи Гладстонъ произнесъ не менѣе пятнадцати большихъ рѣчей,

¹. См. The New Parliament, 1880, by William Saunders, стр. 38.

лордъ Гартингтонъ — двадцать четыре, Брайтъ—шесть, Смитъ—шесть, сэръ Стаффордъ Норскоттъ—шесть, полковникъ Стэнли—девять и сэръ Уилльямъ Гаркортъ—шесть, не считая безчисленнаго множества рѣчей по мнѣе важнымъ случаямъ. Но, какъ ни внушительны эти цифры въ виду высокаго положенія ораторовъ, онѣ представляютъ собою лишь весьма ничтожную долю проявленій платформы. Изъ всѣхъ 658 избирательныхъ округовъ Соединеннаго Королевства не было ни одного, въ которомъ бы ихъ не было, какъ при спорныхъ выборахъ, такъ и при отсутствіи послѣднихъ. Въ тѣхъ округахъ, гдѣ происходила избирательная борьба, платформою пользовались почти ежедневно всѣ кандидаты, нѣкоторые по нѣскольку разъ въ день; случаевъ же избирательной борьбы было на этотъ разъ болѣе, чѣмъ когда либо. Болѣе тысячи кандидатовъ въ члены парламента, говорящіе рѣчи съ цѣлью утвержденія или опроверженія чеголибо, убѣжденія путемъ разсужденія или пылкаго воззванія къ чувствамъ, въ теченіе не только многихъ дней, но многихъ недѣль, передъ сотнями и тысячами слушателей, нѣкоторые даже путемъ печати передъ всей страной,—вотъ во что превратилась въ 1880 г. избирательная платформа изъ того скромнаго начала, о которомъ разсказывается въ первыхъ главахъ этой книги, когда на выборахъ въ первый парламентъ царствованія Георга III было всего 18 случаевъ избирательной борьбы.

Выборы дали либераламъ огромное большинство, и платформа такимъ образомъ отомстила за пренебреженіе исполнительной власти къ ея голосу. Претерпѣвъ неудачу въ попыткахъ воздѣйствовать въ желательномъ ей направленіи на членовъ парламента, она прибѣгла къ болѣе медленному и трудному, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе дѣйствительному способу воздѣйствія на самихъ избирателей. Что старанія ея въ этомъ отношеніи увѣнчались полнымъ успѣхомъ,—общіе выборы 1880 г. доказали самымъ неопровержимымъ образомъ.

ГЛАВА XXIII.

АГИТАЦІЯ ВЪ ПОЛЬЗУ ТРЕТЬЯГО АКТА О РЕФОРМЪ.

Торжество либеральной партіи на общихъ выборахъ 1880 г. повлекло за собою послѣднее крупное проявленіе дѣятельности платформы, которое намъ остается передать,—а именно, движеніе 1884 г. въ пользу распространенія избирательныхъ правъ на сельскихъ рабочихъ-домохозяевъ.

Чѣмъ ближе подходимъ мы къ нашему времени, тѣмъ труднѣе становится опредѣлить значеніе платформы, какъ исключительнаго или преобладающаго фактора въ дѣлѣ проведенія той или иной важной реформы. Силы, дѣйствующія въ сферѣ политической жизни, до такой степени тѣсно переплелись между собою и съ такою быстротою взаимно реагируютъ другъ на друга, что ихъ почти нѣтъ возможности разграничить.

Въ данномъ случаѣ, однако, всего интереснѣе и важнѣе не столько то, въ какой мѣрѣ платформѣ принадлежитъ руководящая роль въ отношеніи къ инициативѣ и осуществленію этой послѣдней великой конституціонной реформы, а то, что агитація эта свидѣтельствуетъ о полномъ и безповоротномъ признаніи величайшими государственными людьми платформы, какъ способа обсужденія мѣръ, предстоящихъ рѣшенію парламента, и что платформа окончательно заняла мѣсто въ системѣ институтовъ, регулирующихъ политическую жизнь страны.

Уже давно признано было желательнымъ уравнивать систему избирательныхъ правъ въ средѣ городского и сельскаго населенія. Актъ о реформѣ 1867 г. сдѣлалъ аномалію этого различія между ними еще болѣе ошутительною и уже черезъ нѣсколько лѣтъ вопросъ этотъ сталъ привлекать къ себѣ все большее вниманіе. Въ 1872 г. онъ былъ поднятъ въ парламентѣ м-ромъ Тревилльяномъ, который внесъ предложеніе: «что палата оказала бы несомнѣнно болѣе надлежащее вниманіе къ нуждамъ и интересамъ сельскаго населенія, еслибы домохозяевамъ, нынѣ не входящимъ въ составъ избирателей отъ бурговъ, предоставлены были избирательныя права, и что вполнѣ своевременно распространить на графства дѣйствующую въ бургахъ систему предоставленія избирательныхъ правъ домохозяевамъ и арендаторамъ». Но предложеніе это было отвергнуто.

Изъ году въ годъ вопросъ этотъ много разъ поднимался въ парламентѣ. Въ 1876 г. къ нему былъ присоединенъ вопросъ о перераспределеніи парламентскихъ мѣстъ—«такъ, чтобы достигнуть болѣе полного представительства всей совокупности избирателей»,—но опять-таки неудачно.

Въ 1877 году вопросъ этотъ началъ дебатироваться съ платформы уже болѣе рѣшительно. 16-го мая этого года собралась въ Эксетеръ-Голлѣ, въ Лондонѣ, конференція делегатовъ, съѣхавшихся со всей Англій. Брайтъ, предсѣдательствовавшій на этой конференціи, высказалъ, что за всю жизнь свою онъ не припомнитъ болѣе замѣчательнаго публичнаго митинга или конференціи. Съ платформы говорили болѣе тридцати членовъ парламента, а въ число слушателей входило болѣе 2500 представителей сельскихъ домохозяевъ различныхъ мѣстностей Англій, не надѣленныхъ избирательными правами.

Болѣе острый Восточный вопросъ помѣшалъ тогда дальнѣйшему развитію этого движенія, но вступленіе во власть либеральнаго министерства въ 1880 г. являлось

порукою тому, что вопросъ этотъ будетъ поднятъ. Платформа выжидала терпѣливо, но когда изъ года въ годъ правительство не проявляло признаковъ рѣшенія приступить къ нему, она снова выдвинула его впередъ.

Въ маѣ 1883 г. въ Лондонѣ собрался митингъ Национальной Либеральной Федерациі, на которомъ была постановлена резолюція, убѣждавшая министерство внести билль о распространеніи избирательныхъ правъ на сельскихъ домохозяевъ. Тогда же было рѣшено, что для болѣе точнаго выясненія и формулированія мнѣній либеральной партіи по этому вопросу будетъ созвана конференція представителей всѣхъ либеральныхъ организацій страны.

Конференція эта состоялась въ Лидсѣ 17-го октября 1883 г. Въ ней участвовали представители приблизительно 500 либеральныхъ ассоціацій. Предсѣдательствовалъ Джонъ Морлей. «Настоящая конференція, сказалъ онъ, является доказательствомъ все болѣе возрастающаго въ средѣ радикальной партіи убѣжденія, что ей недостаточно довольствоваться ролью безпомощнаго глашатая прекрасныхъ идей, но что она должна стремиться къ организаціи, объединенію и коопераціи. Ея исходная точка—необходимость реформы; теперь предстоитъ обсудить вопросъ о способахъ дѣйствій въ подробностяхъ».

Послѣ довольно продолжительнаго обсужденія вопроса о томъ, какую изъ реформъ слѣдуетъ раньше выдвинуть на очередь—реформу-ли парламента или реформу лондонскаго городского управленія, или реформу мѣстнаго управленія,—было рѣшено, оставляя за правительствомъ окончательный выборъ, рекомендовать ему дать первенство парламентской реформѣ. При этомъ была во-тирована слѣдующая резолюція: «конференція, полагая, что расширение избирательныхъ правъ есть дѣло перво-степенной и неотложной важности, находитъ, что пра-

вительство ея величества должно внести билль по этому вопросу въ ближайшую парламентскую сессию».

Была также принята резолюція о томъ, что, вслѣдъ за проведеніемъ билля о расширеніи избирательныхъ правъ, должна быть проведена новая система распредѣленія парламентскихъ мѣстъ въ видахъ возможно большаго равенства голосовъ въ каждомъ округѣ и обезпеченія болѣе истиннаго выраженія воли страны.

Вечеромъ 18-го собрался большой митингъ (5000) въ городской ратушѣ, на которомъ предсѣдательствовалъ Брайтъ. Митингъ постановилъ резолюцію, одобряющую дѣйствія конференціи.

Обсуждая спустя нѣкоторое время эту конференцію, Times писалъ ¹: «Она знаменуетъ собою эпоху въ развитіи происходящаго теперь движенія за реформу. Она впервые дала опредѣленный смыслъ и опредѣленную формулу народнымъ желаніямъ относительно расширенія избирательныхъ правъ и по всей вѣроятности въ немалой мѣрѣ опредѣлила направленіе дальнѣйшаго образа дѣйствій правительства по этому вопросу».

29 февраля 1884 г. Гладстонъ представилъ палатѣ общинъ билль объ уравниеніи избирательныхъ правъ въ графствахъ и бургахъ, иными словами, о предоставленіи избирательныхъ правъ всѣмъ домохозяевамъ въ графствахъ. Предложенная мѣра, по сдѣланному расчету, должна была увеличить число избирателей на 2.000.000 человекъ; билль же о новомъ распредѣленіи парламентскихъ мѣстъ долженъ былъ быть представленъ въ слѣдующую сессию. Билль прошелъ въ палатѣ общинъ очень значительнымъ большинствомъ; однако въ палатѣ лордовъ онъ былъ, по выраженію однихъ, «подвѣшенъ», а по словамъ другихъ—«отвергнутъ» принятіемъ резолюціи не приступать ко второму чтенію его до тѣхъ поръ, пока лорды не будутъ освѣдомлены о приготовляемомъ правительствомъ планѣ новаго распредѣленія парламентскихъ мѣстъ.

¹. 31 іюля 1884 года.

Лордъ Сольсбери, лидеръ консервативной партіи, въ рѣчи, сказанной въ палатѣ лордовъ, изложилъ политику своей партіи. «Въ виду столь важныхъ мѣропріятій, какія предложены правительствомъ, мы, сказалъ онъ, апеллируемъ къ народу... Мы не отказываемся подчиниться рѣшенію народа, каково бы оно ни было... Но теперь, когда мнѣніе народа въ дѣйствительности не было спрошено, когда, на послѣднихъ общихъ выборахъ, онъ не имѣлъ никакого понятія о томъ, что ему можетъ предстоять, я чувствую, что мы обязаны, какъ охранители его интересовъ, обратиться къ министерству съ просьбою апеллировать къ народу и результатъ покажетъ намъ, какъ поступать дальше».

Немедленно послѣ отклоненія билля палатою лордовъ платформа была призвана къ рѣшенію столкновенія между обѣими палатами. Уже въ теченіе зимнихъ и весеннихъ мѣсяцевъ она проявила значительную дѣятельность и лидеры консервативной партіи воспользовались ею въ широкой мѣрѣ, но эта дѣятельность еще не выходила изъ тѣхъ нормальныхъ границъ, къ которымъ мы привыкли въ послѣднее время. Теперь же она вступила въ одинъ изъ тѣхъ моментовъ необычайнаго подъема, которые являются доказательствомъ ея огромной пользы и поразительной силы ея значенія.

Нѣтъ никакой возможности передать въ подробности всѣ рѣчи во время этой агитаціи и нѣтъ нужды излагать, какимъ образомъ вопросъ этотъ былъ разработанъ до мельчайшихъ подробностей платформою. Я считаю болѣе интереснымъ остановиться на дѣйствіяхъ выдающихся политическихъ дѣятелей по отношенію къ платформѣ и привести изъ ихъ рѣчей тѣ мѣста, въ которыхъ выразились ихъ взгляды на нее.

Борьба началась 21 іюля большою демонстраціею въ пользу реформы въ Гайдъ-Паркѣ и для того, чтобы еще болѣе выдвинуть все значеніе ея, она была назначена въ будній день, когда для большинства участвующихъ въ

ней это участіе означало потерю дневного заработка. Къ Гайдъ-Парку по улицамъ Лондона направилась большая процессія изъ 25.000 или 30.000 человѣкъ, которая двигалась въ продолженіе трехъ часовъ. Въ ней участвовали представители безчисленнаго множества политическихъ и рабочихъ организацій, клубовъ и ассоціацій со своими знаменами и оркестрами музыки. На знаменахъ красовались надписи: «мы желаемъ билля»; «избирательныхъ правъ для всѣхъ рабочихъ»; «управленія для народа»; «дайте намъ право голоса»; «мы требуемъ права голоса»; «воля народа—билль объ избирательныхъ правахъ и преобразованіе палаты лордовъ»; «неужели лорды огнутъ у народа его право голоса»? Улицы были переполнены зрителями; толпы народа не были задержаны у входа въ Гайдъ-Паркъ, какъ въ 1866 г., и вошли туда безпрепятственно. Въ паркѣ собрались десятки тысячъ людей и было устроено семь платформъ. Со всѣхъ этихъ платформъ была предложена тождественная резолюція.

«Постановлено—что это многолюдное собраніе, состоящее изъ семи громадныхъ собраній,... всѣми силами протестуетъ противъ отклоненія билля о народномъ представительствѣ неотвѣтственной и невыборною палатою лордовъ вопреки почти единодушно выраженному желанію народа и его уполномоченныхъ представителей; собраніе одобряетъ дѣйствія м-ра Гладстона въ томъ, что онъ подалъ совѣтъ ея величеству созвать осеннюю сессию парламента и принялъ рѣшеніе снова представить билль палатѣ пэровъ; собраніе высказываетъ затѣмъ свое мнѣніе, что продолженіе существованія безапелляціонной власти, которою пользуется въ настоящее время палата пэровъ, препятствуя и задерживая осуществленіе воли народа, несогласно ни съ интересами народа, ни съ благоденствіемъ страны. Копію этой резолюціи постановляется препроводить первому министру».

На пяти платформахъ предсѣдательствовали члены парламента и со всѣхъ семи произнесено было много рѣ-

чей, большею частью заключавшихъ въ себѣ порицаніе образа дѣйствій палаты лордовъ. Когда все было окончено, огромный митингъ разошелся совершенно спокойно.

«Нѣкоторыми лицами предложено было произвести демонстраціи противъ консервативныхъ пэровъ передъ ихъ домами, но руководители собранія дали понять, что всѣ тѣ, которые сдѣлають это, явятся врагами общественного порядка и будутъ переданы въ распоряженіе полиціи¹».

Замѣчанія, высказанныя Times'омъ по поводу этой демонстраціи, заслуживаютъ особаго вниманія, какъ выраженіе господствовавшаго въ то время отношенія къ событіямъ подобнаго рода.

«Вчера Лондонъ былъ свидѣтелемъ великаго и внушительнаго зрѣлища.... Это была демонстрація, произведенная народомъ и за народъ, и она носила на себѣ всѣ признаки непосредственнаго воодушевленія... Это не были бродяги, нанятые для того, чтобы кричать по приказу, это не были тунеядцы, собравшіеся, чтобы шумно провести день безъ работы; эти люди собрались добровольно ради извѣстной и законной цѣли и они осуществили ее, не выйдя изъ границъ благопристойности и здраваго смысла, по возможности ни въ чемъ не нарушивъ спокойствіе своихъ согражданъ.... Разъ такую демонстрацію признано было нужнымъ допустить,—а послѣ опыта 1866 г. ни одинъ здравомыслящій человекъ не могъ бы помыслить о томъ, чтобы запретить ее,—то администраціи представлялся единственный разумный способъ дѣйствій, а именно дать ей полную свободу сганизоваться самой. Администрація такъ и поступила и разумность такого способа дѣйствій была совершенно оправдана результатами.

«Невозможно выразить достаточно похвалы достойному поведенію народа. Не было ни насилій, ни сумяти-

¹. The Times, 22 іюля 1884 г.

цы... Все дѣлалось совершенно добровольно, въ полномъ порядкѣ и благодушіи... Столь величественныя демонстраціи бывають не часто въ нашей странѣ; нельзя считать желательнымъ, чтобы онѣ повторялись часто или по ничтожнымъ поводамъ, но самая ихъ рѣдкость увеличиваетъ ихъ значеніе, свидѣтельствуесть объ ихъ неподдѣльности и такимъ образомъ моральное вліяніе ихъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ рѣже онѣ происходятъ... Во всемъ, что происходило вчера, не было абсолютно ничего революціоннаго, даже близкаго къ тому, что можетъ называться безпорядкомъ».

Засѣданія парламента все еще продолжались, но лидеръ торійской оппозиціи въ палатѣ лордовъ и всей консервативной партіи въ странѣ, намѣченный кандидатъ въ первые министры, лордъ Сольсбери, сошелъ съ олимпійскихъ высотъ, увлекаая за собою своихъ сотоварищей, чтобы начать борьбу на широкой аренѣ. Это было въ высшей степени знаменательнымъ событіемъ, громадной перемѣной по сравненію съ тѣмъ неуклоннымъ молчаніемъ, въ которомъ пребывали лидеры торіевъ еще не такъ давно передъ тѣмъ...

22 іюля въ Шеффилдѣ состоялась большая демонстрація консервативной партіи. Здѣсь выступилъ съ платформы лордъ Сольсбери. Онъ настаивалъ на томъ, что въ виду несогласія между обѣими палатами правительство должно распустить парламентъ и апеллировать къ странѣ. «Палата общинъ была избрана на почвѣ вопросовъ, которые въ настоящее время уже отошли въ сторону; ея существованіе уже близко къ своему концу. Она является наиболѣе раболѣпною палатою общинъ—раболѣпною по отношенію къ первому министру, податливою къ партійнымъ махинаціямъ,—какую когда либо видѣлъ Вестминстерскій дворець, и теперь насъ обвиняють за то, что мы не позволяемъ этой дискредитированной палатѣ, дискредитируемой каждымъ новымъ обстоятельствомъ, каждымъ дополнительными выборами,—что

мы не позволяемъ ей рѣшать на шаткихъ партійныхъ и несправедливыхъ основаніяхъ коренной вопросъ конституціи, которую мы призваны охранять.

«Министерство прибѣгаетъ къ разнаго рода обманамъ и ухищреніямъ, ищетъ поддержки у улицы, устраиваетъ процессіи, воображаетъ, что 30.000 радикаловъ, доставляющіе себѣ развлеченіе производить въ назначенный день демонстрацію въ Лондонѣ, выражаютъ мнѣніе страны. Не такимъ путемъ узнается мнѣніе народа въ прогрессивномъ, культурномъ и цивилизованномъ государствѣ. До сихъ поръ эти собранія ихъ сторонниковъ, которыхъ они созывали для оказанія поддержки себѣ, имѣли очень невинный характеръ. Но они взываютъ къ улицѣ, хотятъ рѣшать законодательные вопросы на пикникахъ. И это представляетъ большую опасность. Ничто не можетъ быть хуже того положенія, какъ то, когда политическіе интересы государства рѣшаются демонстраціями, происходящими на улицахъ столицы. А къ этому, я опасаюсь, придетъ настоящее правительство. Во всякомъ случаѣ оно будетъ противиться до послѣдней возможности законному способу апеллированія къ народу. Но мы должны опредѣленно уяснить себѣ положеніе дѣлъ. Если правительство не желаетъ узнать истинное мнѣніе народа, если оно предпочитаетъ и впредь опираться на обычныя конституціонныя полномочія обѣихъ палатъ парламента, то оно конечно вольно поступать такъ и я увѣренъ, что отъ этого интересы страны не пострадаютъ серьезно... Партія можетъ выражать свои мнѣнія путемъ процессій и демонстрацій, но нація можетъ высказываться только чрезъ посредство избирательныхъ голосовъ и какія либо попытки замѣнить ихъ поддѣльными голосами, при посредствѣ партійныхъ махинацій, конечно, не помогутъ удостовѣриться въ истинномъ настроеніи народа, который съ негодованіемъ осудитъ ихъ, какъ только получитъ возможность сказать свое слово».

«Мы, добавилъ онъ, во всякомъ случаѣ несогласны дѣйствовать подъ руководствомъ мнѣній улицы».

Въ то время, какъ это говорилось съ платформы лидеромъ оппозиціи въ палатѣ лордовъ, его ближайшій соратникъ, лидеръ оппозиціи въ палатѣ общинъ, также пользовался платформою въ другой части страны.

На слѣдующій день послѣ этой рѣчи Сольсбери въ Шеффилдѣ, Чемберленъ говорилъ въ Девонширскомъ клубѣ, при чемъ онъ разобралъ рѣчь Сольсбери пунктъ за пунктомъ. Лордъ Сольсбери разъяснилъ политику консервативной партіи въ этой борьбѣ; Чемберленъ—политику либераловъ. «Мы должны, говорилъ онъ, спокойно, съ полнымъ признаніемъ своей силы и съ полною увѣренностью въ успѣхѣ, продолжать идти по тому конституціонному пути, который былъ указанъ послѣдними выборами; мы должны устранить препятствія, которыя мѣшаютъ въ настоящее время огромной массѣ населенія пользоваться тѣми политическими правами, которыя по всеобщему признанію принадлежатъ имъ. На насъ лежитъ также долгъ—и мы не отступимъ отъ выполненія его—установить верховенство правъ народа и представительныхъ учреждений надъ личною властью и наследственными привилегіями».

Борьба становилась все болѣе горячею и рѣшительною. Не говоря уже о безчисленномъ множествѣ собиравшихся всюду митингахъ меньшихъ размѣровъ, министры настоящаго и прошлаго кабинетовъ не переставали одинъ за другимъ говорить публичныя рѣчи во всѣхъ частяхъ страны, утверждая, опровергая и оспаривая другъ друга. 25 іюля Смитъ говорилъ рѣчь въ Лондонѣ; на другой день въ Манчестерѣ состоялись два большихъ митинга либераловъ въ Pomona Gardens, на которыхъ лордъ Гартингтонъ и Брайтъ говорили въ защиту билля объ избирательной реформѣ. Лордъ Гартингтонъ сказалъ: «Я постараюсь по возможности кратко выяснитъ цѣли, ради которыхъ созванъ этотъ митингъ»

и организуются подобные ему митинги. Я не думаю, что я ошибусь, если скажу, что до наступленія октября слѣдующаго года, такіе же митинги, если и не столь значительныхъ размѣровъ, то съ тѣми же цѣлями, которыя собрали насъ здѣсь сегодня, будутъ имѣть мѣсто въ каждомъ городѣ, каждомъ округѣ, въ каждой деревнѣ сѣверной Англіи.

«Цѣль эта заключается, во-первыхъ, въ томъ, чтобы показать твердую рѣшимость, вдохновляющую всѣ классы населенія, какъ уже обладающіе избирательными правами, такъ и неимѣющіе ихъ,—добиться надѣленія избирательными правами домохозяевъ въ графствахъ. Во вторыхъ, цѣль наша заключается въ томъ, чтобы выразить наше довѣріе къ министерству м-ра Гладстона и къ тѣмъ способамъ, къ которымъ это министерство намѣрено прибѣгнуть для осуществленія указанной реформы; и въ третьихъ, нашею цѣлью служитъ выраженіе протеста противъ безпримѣрнаго и, по нашему убѣжденію, неконституціоннаго образа дѣйствій палаты лордовъ или большинства ея, заключающагося въ притязаніи указывать правительству, когда и при какихъ обстоятельствахъ долженъ быть распущенъ парламентъ».

На слѣдующій день сэръ Стаффордъ Норскотъ снова произнесъ рѣчь, а на другой день послѣ этого, т. е. 28 іюля, лордъ Сольсбери и сэръ Норскотъ говорили на большомъ митингѣ представителей консервативныхъ ассоціій столицы и англійскихъ графствъ, собравшемся въ отелѣ въ улицѣ Cannon Street. На митингѣ, подъ предсѣдательствомъ лорда-мэра, собралось около 1000 человекъ, представлявшіе собою почти 300 ассоціій.

Рѣчь лорда Сольсбери представляла собою возраженіе на рѣчи Чемберлэна, Брайта и лорда Гартингтона, какъ если бы онѣ были произнесены въ парламентѣ. Эта рѣчь интересна еще и тѣмъ, что она содержитъ въ себѣ признаніе выгодныхъ сторонъ публичнаго обсужденія политическихъ вопросовъ съ платформы,—признаніе,

которое было бы совершенно невысказаннымъ со стороны кого либо изъ его предшественниковъ, исключая сэра Роберта Пиля и Каннинга. «Одна изъ выгодъ того глубокаго всесторонняго обсужденія, которому, я надѣюсь, будетъ подвергнутъ этотъ вопросъ до ноября, заключается въ томъ, что оно устранитъ всѣ вымышленные предлоги и ложные аргументы и поставитъ дѣло на правильную логическую и конституціонную почву».

Еще интереснѣе рѣчь лорда Стаффорда Норскота. Онъ сказалъ:... «Намъ скажутъ, что мы повторяемъ все одно и то же. Но вопросъ не въ томъ, что говорится въ рѣчахъ, а въ томъ, передъ кѣмъ онѣ говорятся. Если одинаковыя рѣчи произносятся въ Манчестерѣ, и въ Шеффилдѣ, въ Ньюкэстлѣ и въ Ливерпулѣ, то вопросъ въ томъ, передъ какою аудиторіей говоримъ мы эти рѣчи и каковы ихъ результаты; удастся ли намъ этими рѣчами надлежащимъ образомъ выяснитъ передъ слушателями вопросъ и придать имъ силы для той борьбы, которая предстоитъ имъ?».

Но главный интересъ этой рѣчи заключается въ защитѣ той самой организаци предвыборныхъ митинговъ, которая вызвала столько нападокъ, когда ею пользовались либералы. «Митингъ, къ которому мы обращаемся, представляетъ собою нѣчто совершенно необыкновенное», сказалъ сэръ Норскотъ. «Это не есть простое собраніе одной или двухъ тысячъ человѣкъ извѣстнаго избирательнаго округа. Это есть собраніе людей, уполномоченныхъ явиться сюда отъ избирателей тѣхъ округовъ центральной Англии, которые, что бы ни говорили м-ръ Гладстонъ и его сторонники, представляютъ изъ себя центръ просвѣщенія и силы... Борьба, которую мы ведемъ, включаетъ въ себя также и борьбу за центральныя графства и мы будемъ бороться за нихъ самыми лучшими способами, какіе у насъ имѣются,—не съ помощью случайныхъ митинговъ, не устройствомъ процесій людей, нанятыхъ по 8 шилл., а посредствомъ созы-

ва лучшихъ силъ нашего организованнаго штаба, нашихъ исполнительныхъ комитетовъ, представителей всѣхъ нашихъ ассоціацій, чтобы дать имъ лозунгъ, который они, въ свою очередь, передадутъ другимъ».

30 іюля лордъ Норсбрукъ говорилъ въ Гуллѣ, сэръ Гиксъ-Бичъ въ Струдѣ, а Смитъ въ Шордитчѣ.

4 августа было также знаменательнымъ днемъ. Сэръ Стаффордъ Норскотъ и Смитъ говорили въ Гьюэнденѣ, а лордъ Гартингтонъ въ Бирмингамѣ послѣ большой демонстраціи въ пользу реформы, которая состоялась днемъ и о которой Times писалъ: «Есть полное основаніе сомнѣваться, чтобы когда нибудь происходила демонстрація, которую можно было бы сравнить по величественности, организованности и внушительности съ сегодняшними монстръ-процессією и митингомъ на открытомъ воздухѣ».

10 августа было произнесено еще больше рѣчей. Бывшій военный министръ говорилъ въ Ланкастерѣ, тогда какъ въ Манчестерѣ въ Romona-Gardens состоялся большой митингъ консерваторовъ въ видѣ контръ-демонстраціи демонстраціи либераловъ. Митингъ былъ созванъ, какъ было объявлено, съ цѣлью протеста противъ партійныхъ происковъ и для поддержанія требованія палаты лордовъ относительно представленія билля о реформѣ во всей его полнотѣ. Предсѣдательствовалъ сэръ Р. Кроссъ. На ряду съ этимъ митингомъ былъ собранъ и другой, и лордъ Сольсбери и сэръ Гиксъ-Бичъ говорили на обоихъ.

Лордъ Сольсбери, которому такъ не нравилось мнѣніе улицы, повидимому очень высоко цѣнилъ мнѣнія тѣхъ, кто собирается въ садахъ. «Какъ кажется число собравшихся здѣсь превосходитъ все, что мы когда либо видѣли въ этомъ родѣ, такъ какъ для участія въ этой демонстраціи разобрано 120.000 билетовъ». Рѣчь эта заключала подробныя возраженія на рѣчи лорда Гартингтона, Брайта и Чемберлена.

Въ особеннoсти достойно вниманiя то, что всѣ эти митинги и рѣчи, «Haranguing», какъ ихъ тогда называли, имѣли мѣсто во время самыхъ засѣданiй парламента, которыя были отсрочены лишь 14 августа. Никогда еще во всей исторiи Англiи не было примѣра, чтобы обсужденiе важной реформы въ такой полнотѣ перенесено было изъ парламента на платформу; никогда еще значенiе платформы для обсужденiя общественныхъ вопросовъ не было доказано такъ ошутительно и неоспоримо. Еще и теперь есть люди, которые держатся убѣжденiя, что платформа не должна обсуждать политическихъ вопросовъ; но гдѣ же и какимъ образомъ могъ бы быть обсужденъ вопросъ съ большею полнотою, чѣмъ онъ былъ обсужденъ платформою? Можно ли найти болѣе убѣдительное свидѣтельство того высокаго мнѣнiя о пригодности обсужденiя вопросовъ съ платформы, какого держались величайшiе англiйскiе государственные люди, чѣмъ то, что во время самыхъ засѣданiй парламента, они покидали его для платформы?

Черезъ недѣлю послѣ описанныхъ митинговъ засѣданiя парламента были отсрочены. Сэръ Гиксъ-Бичъ говорилъ въ Портсмутѣ, а нѣсколько дней спустя, 23 августа, состоялся большой консервативный митингъ въ Nostell-Priory, гдѣ сэръ Норскотъ говорилъ два раза.

Черезъ недѣлю послѣ этого первый министръ, освободясь отъ парламентскихъ трудовъ, предпринялъ поѣздку къ своимъ избирателямъ. Рѣчь его ожидали съ большимъ нетерпѣнiемъ. Имѣя много сходнаго съ агитацiею въ пользу реформы 1831—32 годовъ, настоящее движенiе теперь принимало все болѣе опредѣленный характеръ движенiя противъ палаты лордовъ. Вопросъ о расширенiи избирательныхъ правъ все болѣе отступалъ на заднiй планъ передъ болѣе важнымъ вопросомъ о продолженiи существованiя наслѣдственной верхней палаты парламента. Эта палата теперь снова являлась препятствiемъ на пути къ осуществленiю важной реформы во

имя справедливости и права, и уже отчетливо раздавались зловѣщіе голоса, требованія которыхъ точнѣе всего опредѣлялись формулою «подчините ихъ, исправьте ихъ или покончите съ ними» (Bend them, mend them, or end them), и каждая изъ этихъ альтернативъ имѣла безчисленное множество сторонниковъ, такъ какъ съ платформы выступали не одни только министры настоящаго и прошлаго кабинета, но весь составъ парламента произносилъ внѣ его по этому вопросу рѣчи, которыхъ было слишкомъ много, чтобы возможно было ихъ перечислить, и все это движеніе получало глубокое значеніе, невиданное со временъ агитаціи 1831—32 годовъ.

Рѣчь, произнесенная первымъ министромъ, сосредоточивала на себѣ всеобщее вниманіе. Едва ли въ новѣйшее время можно указать другую рѣчь, отъ которой зависѣло такъ много. Нѣсколько словъ оратора въ одномъ направленіи могли бы раздуть движеніе противъ палаты лордовъ во всепожирающее пламя; нѣсколько словъ въ другомъ направленіи могли смягчить и успокоить народное возбужденіе. Отъ того, что онъ скажетъ, зависѣло будущее. Совершенно такъ же, какъ въ 1832 г., когда Аттвудъ, характеризую настроеніе англійскаго народа, сравнивалъ его «съ борзыми, которыя рвутся, чтобы ихъ спустили со своры», такъ рвался онъ и теперь, но сигналъ не былъ данъ: рѣчь отличалась крайнею умѣренностью.

«Съ какою цѣлью явился я сегодня сюда?.. сказалъ первый министръ. Съ тою цѣлью, чтобы содѣйствовать всѣми законными способами возможно скорому проведенію билля объ избирательной реформѣ...

«Отклоненіе этого билля уже повлекло за собою возникновеніе другихъ вопросовъ громаднѣйшей важности и вселило въ умы значительной части народа мысль о томъ, не наступилъ ли надлежащій моментъ для разсмотрѣнія вопроса о коренномъ преобразованіи палаты лордовъ. Но и этого вопроса, господа, я не намѣренъ касаться

въ настоящее время; задача, предстоящая теперь въ отношеніи къ биллю о реформѣ, достаточно серьезна сама по себѣ и поле ея достаточно широко. Если мѣра эта будетъ отложена еще на долгій срокъ, то я увѣренъ, что эта борьба приметъ еще болѣе широкіе размѣры; но моя обязанность, какъ короннаго министра—я говорю за себя, но полагаю, что при этомъ достаточно вѣрно выражаю также и взгляды моихъ товарищей—моя обязанность, какъ короннаго министра, заключается не въ томъ, чтобы заглядывать въ далекое будущее въ то время, какъ неотложныя потребности дня требуютъ приложенія всѣхъ нашихъ силъ. Въ настоящую минуту намъ нуженъ отвѣтъ народа, высказанный въ присущей странѣ конституціонной формѣ, на вопросъ—должны ли быть допущены къ участию въ политической и парламентской власти два милліона вашихъ согражданъ? Для меня достаточно поставить передъ вами этотъ вопросъ; пусть другіе вдаются въ разсужденія о томъ, что можетъ или не можетъ случиться въ дальнѣйшемъ развитіи настоящаго конфликта; съ своей стороны, я стараюсь обойти эти вопросы. Быть можетъ вслѣдствіе робости, свойственной моему возрасту, быть можетъ вслѣдствіе безопасности, отъ которой никто изъ насъ не свободенъ вполне, но, признаюсь, я съ большою неохотою смотрю на возбужденіе вопросовъ объ органическихъ измѣненіяхъ въ конституціи нашей страны, пока не наступитъ моментъ, когда я не буду болѣе въ состояніи отрицать ихъ необходимость. Я думаю, что палата лордовъ еще не поставила себя въ положеніе, которое дѣлало бы непоправимой ея ошибку; я вѣрю въ возможность ея отступленія съ достоинствомъ и съ честью...

«Есть еще одинъ вопросъ, котораго я не хочу касаться сегодня, вопросъ о томъ, будто палата лордовъ не желаетъ уступить палатѣ общинъ, но согласна уступить волю народа. Быть можетъ я вернусь къ этому въ другой разъ; теперь же я скажу лишь одно: доктрина о

томъ, что палатѣ лордовъ принадлежитъ функція опредѣлять время распущенія парламента и указывать, когда слѣдуетъ обратиться къ странѣ, есть доктрина, не имѣющая мѣста ни въ нашей исторіи, ни въ нашей конституціи. Принять эту доктрину, сдѣлать ей хотя бы малѣйшую уступку, допустить хотя бы одну іоту ея—значило бы, по моему убѣжденію, измѣнить британской свободѣ. Скажу вамъ прямо, что я скорѣе откажусь отъ участія въ проведеніи избирательнаго билля и того, что связано съ нимъ,—моего участія въ политической жизни,—чѣмъ хотя бы на единый мигъ перестану протестовать всѣми силами противъ этого возмутительнѣйшаго и неслыханнаго притязанія со стороны большинства палаты лордовъ.

«Я сказалъ, что не буду касаться вопроса о возможномъ будущемъ устройствѣ палаты лордовъ; я пойду дальше и выражу надежду, что вы не усмотрите въ этомъ признака слабости. Я знаю, что политическіе дѣятели въ Шотландіи настолько же отличаются своею снисходительностью и терпимостью, насколько они известны своею твердостью, и я надѣюсь, что вы проявите въ отношеніи меня эту снисходительность, когда я скажу вамъ, что я совсѣмъ не противникъ внесенія наслѣдственнаго принципа въ устройство палаты лордовъ. Въ смѣшанномъ обществѣ, въ смѣшанной системѣ управленія, принципъ этотъ имѣетъ свои достоинства въ качествѣ регулятора многихъ другихъ принциповъ, которые безъ него могли бы не имѣть должныхъ границъ, но я считаю, что худшій врагъ наслѣдственнаго принципа есть тотъ, кто ставитъ его въ конфликтъ съ избирательнымъ и представительнымъ принципомъ. Если наслѣдственная палата добровольно вступаетъ въ подобный конфликтъ и не старается выйти изъ него, то она открываетъ дорогу такимъ послѣдствіямъ, которыхъ я не стану описывать, но которыя не могутъ служить къ ея чести и неприкосновенности».

Описывая подробности этого митинга, корреспондентъ газеты Times замѣчаетъ: «Заслуживаетъ вниманія, что заявленіе м-ра Гладстона о признаніи имъ принципа наслѣдственной палаты было выслушано въ молчаніи, нарушенномъ лишь немногими слабыми выраженіями протеста. Когда же онъ сталъ высказывать свои предостереженія пэрамъ, указывая имъ на то, что они подвергаются большой опасности наслѣдственный принципъ, вступая въ борьбу съ представительной палатою и волею народа, то это вызвало единодушные крики одобренія. Шумное одобреніе вызвали также его слова о томъ, что доктрина о правѣ палаты лордовъ опредѣлять время распущенія парламента не имѣетъ мѣста ни въ нашей исторіи, ни въ нашей конституціи, будучи чуждою традиціямъ британской свободы».

1 сентября Гладстонъ снова говорилъ на большомъ митингѣ передъ своими избирателями, а вечеромъ того же дня на митингѣ рабочихъ Эдинбурга на Вэверлейскомъ рынкѣ.

Здѣсь онъ сказалъ. «Въ переживаемый нами важный и трудный моментъ, для насъ, коронныхъ министровъ, въ высшей степени желательно услышать голосъ народа. Я благодарю васъ за то, что вы дали мнѣ возможность присутствовать на этомъ большомъ собраніи, которое меня въ особенности радуетъ тѣмъ, что оно собралось совершенно непринужденно, не по внушенію какой либо организациі, не при посредствѣ толстаго кошелька большой партіи, не посредствомъ раздачи даровыхъ желѣзнодорожныхъ билетовъ съ цѣлью собрать въ одно мѣсто населеніе или часть населенія нѣсколькихъ графствъ. Нѣтъ, господа, не такимъ образомъ собрались вы здѣсь! Собрались вы сюда по собственному желанію, внушившему вамъ и просьбу ко мнѣ принять вашъ адресъ...

«Вы видите, какъ велико несогласіе между нами и нашими противниками; но рѣшеніе вопроса зависитъ не отъ насъ. Оно всецѣло зависитъ отъ народа. Мы, корон-

ные министры, остерегались проявлять особенную активность въ цѣляхъ возбужденія народа, такъ какъ мы полагаемъ, что выраженіе народомъ своихъ желаній, ожидаемое нами, есть дѣло его, а не наше. Поэтому, хотя я и прибылъ сюда для того, чтобы говорить передъ моими Мидлошенскими друзьями и избирателями, но ни я, ни другіе министры, не разъѣзжали по странѣ съ цѣлью то тутъ, то тамъ заявлять о своей оппозиціи палатѣ лордовъ въ этомъ важномъ вопросѣ. Нѣтъ, господа, мы ждемъ отъ васъ поддержки, ждемъ полного свободнаго и непринужденнаго выраженія вашего мнѣнія и убѣжденія».

Консервативная партія принялась за дѣятельную агитацию нѣсколько поздне. Однако же 9 сентября сэръ Кроссъ говорилъ рѣчь близъ Ливерпуля, а на другой день въ Кильманрокѣ. 15 сэръ Стаффордъ Норскотъ произнесъ въ Единбургѣ двѣ рѣчи и бывший министръ почтъ одну, на другой день сэръ Норскотъ снова говорилъ тамъ же.

17 сентября Гладстонъ, продолжавшій еще свою поѣздку по Шотландіи, принялъ нѣсколько адресовъ и въ отвѣтъ на одинъ изъ нихъ, въ Монрозѣ, сказалъ: «Меня чрезвычайно радуютъ эти мѣстные манифестаціи, потому что въ настоящихъ обстоятельствахъ министрамъ чрезвычайно важно знать, дѣйствуютъ ли они согласно съ мнѣніями, убѣжденіями и разумными желаніями народа; но, хотя мы испытываемъ большое удовольствіе при видѣ такихъ громаднхъ собраній, какія происходили въ Манчестерѣ и въ Лондонѣ и на которыя рабочіе классы по собственному своему побужденію присылали изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей своихъ депутатовъ для участія въ этихъ знаменательныхъ демонстраціяхъ, тѣмъ не менѣе меня еще болѣе радуютъ эти чисто мѣстныя проявленія сочувствія».

Въ тотъ же день, въ отвѣтъ на привѣтственный адресъ отъ Либеральной Ассоціаціи въ Бричинѣ, онъ сказалъ:

«Мы, я увѣренъ, сдѣлаемъ то, что мы должны сдѣлать; но всѣ наши надежды мы полагаемъ на свободное, разсудительное проявленіе общественнаго мнѣнія страны. Вы, я долженъ сказать, дѣлаете свое дѣло. Именно въ такихъ мѣстныхъ выраженіяхъ чувствъ мы нуждаемся теперь; въ нихъ сказываются истинныя чувства народа; такія явленія не подготовлены какою либо центральной организаціею; они представляютъ собою не сборище людей, нарочно созванныхъ изъ далекихъ мѣстъ для специальной цѣли. То, что я вижу предъ собою, это—плодъ той самой земли, на которой я стою».

18 сентября съ платформы выступали два ех-министра консервативнаго кабинета. 21-го первый министръ съ своей стороны снова выступилъ съ рѣчью. «Я нахожу, говорилъ онъ въ Купаръ-Ангусъ, что такіе мѣстные митинги въ сравнительно небольшихъ городкахъ въ нѣкоторомъ отношеніи еще болѣе заслуживаютъ вниманія, чѣмъ большія собранія въ крупныхъ городахъ. Они являются доказательствомъ того, что настоящій вопросъ захватываетъ не только эти центры политической жизни, но всю страну».

23-го сэръ Стаффордъ Норскотъ произнесъ двѣ рѣчи въ Ньюкэстлѣ; 24-го Гладстонъ снова говорилъ въ Пертѣ. «Страна не можетъ жить постоянно въ атмосферѣ политической агитаціи. Она можетъ быть призываема къ дѣйствию только при такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, какъ настоящія. Вопросы и потребности вашей личной жизни слишкомъ серьезны для того, чтобы вы могли изо дня въ день внимательно слѣдить за тѣмъ, что дѣлается тою или иною палатою парламента, и составлять себѣ мнѣніе по тѣмъ или инымъ изъ тысячъ вопросовъ, которые возбуждаются въ парламентѣ. Только въ такіе важныя критическіе моменты, какъ настоящій, возможно обращеніе къ совѣсти и уму народа».

Два дня спустя послѣ этого, уже на обратномъ пути, Гладстонъ произнесъ еще одну рѣчь въ Карлайлѣ.

Но едва успѣли умолкнуть рѣчи перваго министра, какъ на мѣсто его выступилъ предполагаемый будущій консервативный премьеръ.

30 сентября лордъ Сольсбери прибылъ въ Шотландію. По примѣру Гладстона онъ во время путешествія нѣсколько разъ говорилъ рѣчи на различныхъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ,—вотъ до чего дошелъ будущій премьеръ консервативнаго кабинета.

Можно было бы кажется считать, что до сихъ поръ дѣятельность платформы въ этой агитаціи была уже достаточно замѣчательною, но это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что произошло въ октябрѣ 1884 г.

1-го октября Смитъ говорилъ рѣчь въ Ньюпортѣ на о-вѣ Уайтѣ, и въ тотъ же день лордъ Сольсбери говорилъ на собраніяхъ Консервативныхъ Ассоціацій западной Шотландіи въ Гласго. Онъ сказалъ: «Доктрина о томъ, что можно опредѣлять желаніе англійскаго народа на основаніи демонстрацій, процессій, митинговъ или рѣчей на желѣзнодорожныхъ платформахъ, совершенно нова и крайне несостоятельна... Не по этимъ демонстраціямъ можно узнать мнѣніе народа. Собственно говоря, нѣтъ никакой возможности съ точностью опредѣлить, кто держится однихъ взглядовъ и кто другихъ, иначе какъ самымъ элементарнымъ путемъ, т. е. посредствомъ счета голосовъ. Нѣтъ иного средства, какъ только созвать весь народъ къ подачѣ голосовъ, и тогда этотъ подсчетъ будетъ сдѣланъ вполне конституціоннымъ способомъ... Я безусловно отрицаю, какъ нѣчто совершенно новое и неконституціонное, чтобы мнѣніе народа могло быть узнаваемо изъ митинговъ и демонстрацій... Оставляя, такимъ образомъ, въ сторонѣ, что говорятъ намъ эти демонстраціи, польза которыхъ состоитъ въ томъ, что онѣ объединяютъ партіи, заставляють людей сознавать, что они дѣйствуютъ во имя одного общаго дѣла, но которыя не могутъ служить къ замѣнѣ конституціоннаго избирательнаго процесса, спросимъ теперь...» и т. д.

3 октября лордъ Сольсбери произнесъ другую большую рѣчь въ Глазго и еще одну, болѣе краткую, на дополнительномъ митингѣ въ томъ же городѣ. На слѣдующій день лордъ Гартингтонъ говорилъ на двухъ митингахъ своихъ избирателей въ сѣверо-восточной части Ланкашира.

6 октября Національная Либеральная Ассоціація собралась на свое годовое собраніе въ Стокѣ, на которомъ присутствовалъ министръ Чемберлэнъ. «Вопросъ, предъ которымъ мы стоимъ, сказалъ онъ, заключается въ томъ, должна ли наша страна быть управляема народомъ или цѣрами? Должны ли стоять на первомъ мѣстѣ права народа или произвольная власть и привилегіи?» Митингъ сопровождался большой процессіей, въ которой участвовало до 30.000 человекъ, при чемъ на мѣстѣ собранія было устроено пять платформъ для произнесения рѣчей. Вечеромъ же этого дня было болѣе двѣнадцати митинговъ въ сосѣднихъ городахъ.

На слѣдующій день Чемберлэнъ говорилъ на двухъ митингахъ въ Ганлеѣ. «Бываютъ моменты, повторяющіеся черезъ довольно долгіе промежутки времени, когда вся страна бываетъ охвачена однимъ общимъ сильнымъ движеніемъ. Голосъ народа поднимается и растетъ все больше, пока не заглушитъ всѣ слабые голоса отдѣльных партій и не выскажетъ прямо и опредѣленно воли страны. Нѣчто подобное происходило, когда вся Анлія была преисполнена ужасомъ и негодованіемъ по поводу того, что происходило въ Болгаріи... То же самое мы видѣли, когда м-ръ Плимсолль возмутилъ народную совѣсть, пожертвовавъ жизнью столькихъ людей во имя предполагаемой необходимости торговаго предпріятія. То движеніе, которое происходитъ теперь, принимаетъ подобный же характеръ. Вся страна охвачена громадною волною возбужденія и эта волна продолжаетъ расти. Вчера она подняла Шотландію, сегодня—округа средней Англии, завтра она подниметъ Валлисъ, и все это—не

агитація партій; это—настоящее народное возбужденіе... До сихъ поръ нашихъ митинговъ было по крайней мѣрѣ въ пять разъ болѣе, чѣмъ митинговъ нашихъ противниковъ, и на наши митинги собиралось въ десять разъ больше народа, чѣмъ на ихъ митинги. Но не въ этомъ заключается самое главное различіе въ нихъ: наши митинги, поскольку я знаю, были почти во всѣхъ случаяхъ собранія на открытомъ воздухѣ,—настоящія народныя собранія. Наши противники не осмѣливались въ теченіе всей этой агитаціи созвать ни одного свободного митинга на открытомъ воздухѣ, исключая одного митинга въ Дарлингтонѣ, гдѣ они потерпѣли пораженіе со стороны громаднаго большинства, и одного въ Борнемаусѣ, гдѣ они пытались устроить процессію, совершенно неудавшуюся... Какъ долго будетъ продолжаться такое состояніе возбужденія и волненія, начинающаго переходить въ раздраженіе? Постоянныя большія собранія такого рода представляютъ собою много неудобствъ; они нарушаютъ обычное теченіе жизни и требуютъ большихъ личныхъ жертвъ».

Въ тотъ же вечеръ сэръ Гиксъ-Бичъ говорилъ рѣчь въ Бристолѣ.

9-го министръ внутреннихъ дѣлъ говорилъ въ Дерби, а министръ внутреннихъ дѣлъ предшествующаго министерства на митингѣ близъ Ливерпуля.

11-го октября было днемъ особенно знаменательнымъ. Лордъ Гартингтонъ говорилъ на большомъ митингѣ или демонстраціи, въ которой участвовало до 15.000 человекъ въ Чатсъ-Вортѣ.

«Боюсь, долженъ признать, что мы собрались здѣсь сегодня совсѣмъ не для обсужденія вопроса. Обсужденіе гораздо удобнѣе на митингахъ менѣе многочисленныхъ, чѣмъ настоящій. Мы собрались главнымъ образомъ для того, чтобы произвести демонстрацію и показать, что по убѣжденію массы населенія необходимо распространить избирательныя права на сельскихъ рабочихъ-домохозяевъ».

Сэръ Вильямъ Гаркортъ также говорилъ на этомъ митингѣ. Въ этотъ же день лордъ Сольсбери говорилъ въ Кельсо, а сэръ Ричардъ Кроссъ въ Уиганѣ. Такимъ образомъ съ платформы выступили въ одинъ день два настоящихъ министра и два бывшихъ. Какой поразительный контрастъ съ тѣмъ временемъ, когда одна рѣчь Каннинга представляла изъ себя всю министерскую платформу за цѣлый годъ, или съ временами еще болѣе отдаленными, когда голосъ министра никогда не раздавался съ платформы!

13-го октября сэръ Стаффордъ Норскотъ говорилъ въ Бирмингамѣ на митингѣ, на которомъ къ сожалѣнію нѣсколько либераловъ произвели безпорядокъ, что вызвало большое волненіе. «Событіе въ высшей степени недостойное англійскихъ политическихъ дѣятелей, писалъ Times,—печальное нарушеніе общественной свободы».

Въ послѣдующіе три дня министры, настоящіе и бывшіе, произнесли съ платформы десять рѣчей. Сэръ Стаффордъ Норскотъ произнесъ двѣ рѣчи въ Бирмингамѣ, двѣ въ Уарингтонѣ и двѣ въ Ливерпулѣ; сэръ Чарльзъ Дилькъ говорилъ въ Ольдгамѣ, Манчестерѣ и Стокпортѣ, а сэръ Кроссъ—одну рѣчь въ Ливерпулѣ,—19-го сэръ Кроссъ говорилъ въ Честерѣ, а Чемберленъ произнесъ двѣ рѣчи въ Ньютаунѣ, въ Монгомериширѣ. «Эта демонстрація, сказалъ онъ, есть часть той сильной агитаціи, которая происходитъ въ настоящее время и которую нельзя сравнить ни съ какою другою. Она почти неизмѣнно носила характеръ строго серьезный, развиваясь постепенно, свидѣтельствуя о томъ просвѣщенномъ интересѣ, который народъ проявляетъ къ политическимъ дѣламъ, и являясь для каждаго безпристрастнаго, добросовѣстнаго человека неопровержимымъ доказательствомъ безспорной воли народа Соединеннаго Королевства, или во всякомъ случаѣ громадной массы его, чтобы основы свободы получили широкое распространеніе».

20-го говорили рѣчи три министра—сэръ Чарльсъ Дилккъ, Чайльдерсъ и Чемберлэнъ. На слѣдующій день платформа дѣйствовала еще болѣе энергично. Говорилъ одинъ министръ и три ех-министра, и среди послѣднихъ лордъ Сольсбери, который въ своей рѣчи сдѣлалъ чрезвычайно интересный обзоръ этой «осенней кампаніи».

«Она дала странѣ возможность, сказалъ онъ, услышать обѣ стороны и составить себѣ опредѣленное мнѣніе по вопросу». Упомянувъ затѣмъ объ обвиненіяхъ, которымъ подвергаются консерваторы со стороны либераловъ, онъ сказалъ: «Я ни на минуту не признаю, чтобы то, что они намъ ставятъ въ вину, было дѣйствительною виною, такъ какъ такое признаніе было бы равносильно признанію нашего народа безумнымъ и ознакомленіе его съ вопросами политической жизни опаснымъ, могущимъ навести его на путь пагубныхъ и разрушительныхъ идей. Я не сторонникъ политики уклоненія передъ затрудненіями и старанія обходить ихъ молчаніемъ. Самый лучший для насъ путь,—путь свободнаго, открытаго, прямого обсужденія, и если мнѣ скажутъ, что мы обратили вниманіе народа на вопросы, которые иначе остались бы неизвѣстными ему, то я скажу, что тѣмъ лучше. Чѣмъ скорѣе начнетъ онъ обсуждать эти вопросы, тѣмъ лучше будетъ онъ въ состояніи судить о нихъ. Опаснѣе всего поспѣшныя сужденія, основанныя на незнаніи дѣла, а чѣмъ дольше и всестороннѣе будутъ обсуждаться эти вопросы передъ народомъ, тѣмъ болѣе можно быть увѣреннымъ въ томъ, что онъ придетъ къ правильному рѣшенію».

Этимъ закончилась большая осенняя кампанія, такъ какъ парламентъ собрался 23 октября и министры и члены парламента должны были вернуться въ Лондонъ.

Я потому остановился на приведенныхъ деталяхъ, что хотѣлъ какъ можно рельефнѣе изобразить положеніе, которое занимала теперь платформа. Я приводилъ здѣсь только рѣчи министровъ бывшаго въ то время у власти

министерства и членовъ министерства лорда Биконсфильда, вышедшаго въ отставку въ 1880 году, потому что моею главною цѣлью было показать, въ какой мѣрѣ признавали платформу и пользовались ею вожди партій того времени. Я не могу сказать, чтобы я не пропустилъ ничего ¹, въ этомъ отношеніи, но и того, что приведено мною, во всякомъ случаѣ совершенно достаточно для того, чтобы показать всю громадность переменъ, которая произошла въ политической жизни страны съ тѣхъ поръ, какъ возникла платформа.

Какое возможно еще болѣе поразительное свидѣтельство громадности значенія, достигнутаго платформою, какъ не то, что въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ съ небольшимъ первый министръ Англіи произнесъ съ платформы девять большихъ и нѣсколько малыхъ рѣчей и что будущій первый министръ говорилъ восемь разъ, что другими членами министерства было произнесено тридцать рѣчей, а членами прежняго министерства тридцать восемь,—т. е. всего восемьдесятъ пять рѣчей?

Какъ странно звучать послѣ этого всѣ недавнія еще насмѣшки надъ «странствующими агитаторами». Какъ дико читать рѣчь Каннинга, въ которой говорится о «странствующихъ трибунахъ», разбивающихъ свои палатки то тамъ, то здѣсь. Какимъ именемъ назвали бы лордъ Ливерпуль и лордъ Сидмутъ теперешній образъ дѣйствій своихъ преемниковъ!

Впечатленіе получилось бы еще сильнѣйшее, еслибы я привелъ здѣсь также и рѣчи многихъ другихъ выдающихся и талантливыхъ государственныхъ дѣятелей того времени, принимавшихъ дѣятельное участіе въ агитаціи, а затѣмъ также и многихъ членовъ парламента, говорившихъ передъ своими избирателями для освѣдомленія

1. Здѣсь не приведены рѣчи бывшихъ либеральныхъ министровъ. Брайтъ говорилъ много разъ; Форстеръ также нѣсколько разъ.

ихъ съ дѣлами или для обезпеченія себѣ избранія,—но я не дѣлаю этого по недостатку мѣста.

Въ Annual Register въ 1884 г. помѣщенъ перечень состоявшихся митинговъ: «Судя по числу митинговъ партій, либералы имѣютъ громадный перевѣсъ; они имѣли 1277 публичныхъ митинговъ въ Англии и 235 въ Шотландіи (всего 1512), тогда какъ митинговъ въ защиту образа дѣйствій палаты лордовъ было 184 въ Англии и 11 въ Шотландіи (всего 195).

Такимъ образомъ по этому подсчету выходитъ, что во время этой агитаціи въ Великобританіи состоялось болѣе 1700 публичныхъ митинговъ. «Число людей, принимавшихъ участіе въ этихъ митингахъ, вычисляется весьма различно», пишетъ Annual Register. Тогда какъ одни считаютъ, что на либеральныхъ митингахъ участвовало 3.500.000 народа, а на митингахъ консерваторовъ только 300.000,—другіе утверждаютъ, что на этихъ послѣднихъ участвовало до 671.000, а на митингахъ либераловъ всего 1.500.000».

Результатъ агитаціи извѣстенъ. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ билль объ избирательной реформѣ сталъ закономъ, а въ слѣдующую парламентскую сессию была проведена не менѣе знаменательная мѣра о перераспредѣленіи парламентскихъ мѣстъ. Первый увеличилъ составъ избирателей болѣе чѣмъ на 2.000.000 человекъ; вторая осуществила фактически одинъ изъ «шести пунктовъ» хартіи—равенство избирательныхъ округовъ.

Косвеннымъ послѣдствіемъ этихъ мѣръ было то, что положеніе платформы, какъ политическаго учрежденія, упрочилось еще болѣе, такъ какъ увеличеніе числа избирательныхъ пунктовъ и числа избирателей предъявило по отношенію къ представителямъ и кандидатамъ такіе запросы, которые могли быть удовлетворены только при постоянномъ пользованіи платформою.

Остается указать еще одинъ фактъ, свидѣтельствующій о громадныхъ успѣхахъ избирательной платформы.

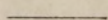
Въ 1761 г. на первыхъ выборахъ въ царствованіе Георга III, было только 18 случаевъ избирательной борьбы; въ 1885 г. на общихъ выборахъ, первыхъ послѣ новаго Акта о реформѣ, изъ 567 избирательныхъ округовъ, на которые раздѣлена Великобританія, избирательная борьба имѣла мѣсто въ 522.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

SAKHOPIE

ГЛАВА XXIV.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЯ СООБРАЖЕНІЯ.

Такова въ главнѣйшихъ чертахъ исторія платформы со времени возникновенія ея въ сферѣ англійской политической жизни,—исторія, характеризующаяся непрерывнымъ поступательнымъ движеніемъ и знаменательными успѣхами въ дѣлѣ борьбы за неопредѣлимые права свободы слова, публичныхъ собраній и самоуправленія.

Изъ представленнаго нами очерка послѣдовательнаго развитія платформы видно, какъ совершался ростъ этого важнаго института, съ каждой новой стадіей своего развитія получавшаго все большее значеніе.

Представляя собою естественный продуктъ основныхъ особенностей государственнаго строя и національнаго характера, этотъ институтъ на первыхъ порахъ вынужденъ былъ вынести долгую и отчаянную борьбу за свободу слова. Свободы слова не было, пока не было возможности подвергать критикѣ учрежденія страны, дѣйствія правительства или хотя бы даже злоупотребленія должностныхъ лицъ. Свободы слова не могло быть, пока указаніе на то, что парламентъ не является истиннымъ представителемъ интересовъ народа, квалифицировалось, какъ стремленіе подорвать довѣріе къ правительству въ лицѣ короля и парламента, и лицу, выражавшему такое мнѣніе, могло угрожать обвиненіе въ

государственной измѣнѣ. Къ свободѣ слова правящіе органы относились въ то время очень неблагоклонно.

Въ единственномъ мѣстѣ, гдѣ эта свобода существовала—въ парламентѣ,—она одна охраняла свободныя права народа отъ посягательствъ со стороны монархическихъ и деспотическихъ теченій. Ее терпѣли тамъ по необходимости, и она была предметомъ ненависти со стороны тѣхъ, которые стремились сосредоточить въ своихъ рукахъ всю полноту власти и всѣ выгоды, съ нею сопряженныя. Но если имъ приходилось терпѣть свободу слова въ парламентѣ, то допускать ее внѣ парламента не представляло для нихъ столь явной необходимости. Въ ихъ глазахъ, по крайней мѣрѣ, снисходительное отношеніе къ свободѣ слова на публичныхъ митингахъ могло только угрожать существующему порядку большою опасностью и поэтому представлялось несомнѣннымъ зломъ.

Однако, въ народныхъ массахъ все болѣе крѣпло стремленіе обезпечить право свободнаго выраженія своихъ взглядовъ. Мысль свободна, должно быть свободно и выраженіе ея—слово. Неужели же народъ долженъ терпѣть всякаго рода злоупотребленія, не выражая своихъ жалобъ. И какъ могутъ обнаружиться передъ страшною существующія злоупотребленія, если о нихъ нельзя говорить?

Возможны ли какія либо улучшенія въ механизмѣ управленія, при наличности постоянныхъ преградъ къ оцѣнкѣ его? И народъ упорно добивался свободы слова. Борьба длилась долго и была очень трудна, но она завершилась рѣшительною и окончательною побѣдою въ 1825 году, когда истекъ срокъ дѣйствія акта о предупрежденіи мятежныхъ сборищъ, изданнаго въ 1819 г. Разъ на всегда признано было за народомъ право устраивать собранія, гдѣ и когда онъ хочетъ; разъ на всегда былъ положенъ конецъ цензурѣ надъ платформою и народъ получилъ право свободнаго обсужденія всякихъ вопросовъ и предложеній, подъ условіемъ подчиненія

лишь тѣмъ умѣреннымъ ограниченіямъ общихъ законовъ, которыя не могутъ почитаться вторженіемъ въ свободу обсужденія. Это была блестящая побѣда; пали оковы съ свободнаго слова, и платформа съ тѣхъ поръ могла безпрепятственно направить всѣ свои силы на предстоявшее ей великое дѣло.

Исторія постепеннаго развитія платформы выясняетъ также ея различныя функціи и указываетъ, когда та или другая изъ нихъ стали проявляться. Самою раннею и въ то же время основною функціей или назначеніемъ платформы было то, что можетъ быть названо экспрессивною функціей ея¹, средствомъ выраженія мнѣнія, т. е., говоря другими словами, народъ прежде всего началъ пользоваться платформою съ цѣлью изображенія условій своего существованія и выраженія своихъ мнѣній и стремленій. Когда люди ощущаютъ вредныя послѣдствія какихъ либо законовъ или когда какія нибудь особенныя обстоятельства пагубно отражаются на ихъ положеніи, то самое первое естественное чувство заставляетъ ихъ искать выхода изъ этого положенія. Общество, находящееся на низшей ступени развитія, или невѣжественные классы общества обыкновенно ищутъ этого выхода, избирая насильственный путь.

Въ исторіи Англій, однако, насильственный путь всегда приводилъ лишь къ самымъ печальнымъ результатамъ для тѣхъ, кто избиралъ его, приводя ихъ къ тюремному заключенію, ссылкѣ, а часто и позорной смерти на эшафотѣ, при чемъ отъ нихъ съ негодованіемъ отворачивалось все общество. Въ новѣйшей исторіи Англій трудно дѣйствительно найти болѣе тяжелое зрѣлище, чѣмъ судебное преслѣдованіе этихъ многихъ, большею частью невѣжественныхъ и заблуждавшихся людей, искавшихъ спасенія въ насиліи, и горькая участь ихъ семей послѣ

¹. Это выраженіе употребляетъ Бэдждотъ въ своемъ сочиненіи *The British Constitution*, стр. 133, въ примѣненіи къ одной изъ функцій палаты общинъ.

ихъ ссылки или смерти. Но, по мѣрѣ развитія въ народѣ просвѣщенія и усвоенія имъ хотя бы самыхъ элементарныхъ понятій объ управленіи, онъ сталъ искать средства къ улучшенію своего положенія въ устройствѣ собраній, въ публичномъ выраженіи своихъ жалобъ и доведеніи до свѣдѣнія всего общества и правительства страны о своемъ положеніи.

Такимъ образомъ платформа прежде всего выступила съ функціею органа, освѣдомлявшаго правительство о положеніи и нуждахъ народа; и можно назвать счастливою страну, въ которой раздается этотъ голосъ, такъ какъ своевременное обнаруженіе и надлежащее уясненіе недостатковъ управленія есть вѣрнѣйшій залогъ устраненія этихъ недостатковъ.

Въ каждомъ изъ общественныхъ движеній, о которыхъ разсказывается въ этой книгѣ, мы встрѣчаемъ признаніе со стороны народа того, что цѣлью митинговъ служитъ освѣдомленіе правительственной и законодательной власти о его положеніи и нуждахъ. Типическимъ образчикомъ резолюцій, въ которыхъ особенно опредѣленно выражена указанная черта, можетъ служить слѣдующая резолюція: «Постановлено—что мы, собравшіеся на этомъ митингѣ, сошлись сюда для того, чтобы довести до всеобщаго свѣдѣнія о нашемъ бѣдственномъ положеніи и о нашихъ нуждахъ въ надеждѣ на то, что, когда они станутъ извѣстны, законодательная власть обратитъ на нихъ вниманіе и приметъ мѣры къ тому, чтобы трудовыя усилія получали должное вознагражденіе и чтобы такимъ образомъ улучшилось положеніе наше и нашихъ согражданъ».

Въ высшей степени утѣшительнымъ признакомъ, а не тревожнымъ, какъ это утверждали столь многіе государственные люди торійской партіи, могло служить то, что рабочія массы, до тѣхъ поръ безмолвныя по нежеланію или неумѣнію говорить, нашли себѣ выраженіе въ платформѣ и вzywали къ законодательной власти и общест-

венному мнѣнію вмѣсто того, чтобы самимъ браться за исправленіе зла. Это былъ несомнѣнный шагъ впередъ, первый къ устраненію тѣхъ бѣдствій, отъ которыхъ онѣ страдали. Насиліе могло вызвать только репрессію; обращеніе же къ разуму и гуманности не могло остаться совершенно безъ отвѣта.

Съ перваго взгляда можетъ казаться нѣсколько страннымъ, что платформа постоянно возвращалась къ выполненію этого перваго своего назначенія и въ послѣдующіе годы, когда развитіе народа подвинулось далеко впередъ и она сама перестала уже быть исключительно только «экспрессивнымъ органомъ»; но эта функція и должна была остаться за нею навсегда.

Съ теченіемъ времени нарождались все новыя народныя массы, которыя пользовались платформою въ этой первоначальной и наиболѣе примитивной ея функціи, въ то время, какъ другіе, болѣе просвѣщенные и болѣе испытанные въ политической жизни, классы уже перешли черезъ эту стадію и пользовались платформою для болѣе сложныхъ задачъ—обсужденія средствъ къ исправленію зла и указанія на нихъ законодательной власти. Со стороны государственныхъ людей дореформеннаго парламента было безуміемъ, почти преступленіемъ, мѣшать народу подавать петиціи и высказывать свои жалобы.

По мѣрѣ того, какъ одна народная волна за другою прилиwała къ промышленнымъ центрамъ, а промышленность переживала свои приливы и отливы въ отношеніи процвѣтанія и упадка и въ ней совершался великій переворотъ, благодаря примѣненію пара и постоянныхъ новыхъ изобрѣтеній въ сферѣ механическихъ улучшеній,—въ положеніи народа также совершался громадный переворотъ. Рабочее населеніе испытывало на себѣ малѣйшія колебанія въ общемъ положеніи дѣлъ промышленности и при всякомъ упадкѣ ея наиболѣе страдала самая бѣдная и самая безпомощная часть этого населенія. И конечно именно тѣ, которые наиболѣе испытывали на себѣ всю

тяжесть положенія, могли всего лучше,—не говорю на мѣтять средства устраненія бѣдствій, но изобразить свое положеніе и уяснить причины зла. Парламентъ дореформеннаго періода совершенно не былъ представителемъ интересовъ бѣднѣйшей части населенія и онъ не только не былъ представителемъ этого населенія, но игнорировалъ его и дѣйствовалъ противъ его интересовъ; парламентскіе представители того времени менѣе всего беспокоились или заботились о положеніи народа. Одной изъ самыхъ поразительныхъ особенностей парламентской исторіи начала XIX в. является царившее въ парламентѣ равнодушіе, а иногда и пренебрежительное отношеніе къ социальнымъ, матеріальнымъ, моральнымъ и интеллектуальнымъ условіямъ жизни народной массы.

Необходимо было поэтому, чтобы законодательный органъ былъ освѣдомляемъ о положеніи народа, и платформа многому научила парламентъ въ этомъ отношеніи. Но для того, чтобы даже и реформированный парламентъ сталъ дѣйствительно считаться съ великимъ вопросомъ «положенія Англіи» и вполне понялъ, что для Англіи и для него является вопросомъ первой и существенной важности,—нуженъ былъ інформаціонный голосъ чартистской платформы, который, грозно прозвуча, дошелъ до слуха правящихъ классовъ, и они увидѣли себя на краю бездны или передъ вулканомъ народнаго отчаянія и страстей.

Отъ функціи «экспрессивной»—отъ простого выраженія жалобъ населенія и его нуждъ—для платформы было совершенно естественнымъ шагомъ впередъ перейти къ обсужденію и разсмотрѣнію способовъ устраненія бѣдствій и эта новая «обсудительная» (discussing) функція ея должна быть разсматриваема, какъ вторая по времени возникновенія, но столь же постоянная ея функція, какъ и «экспрессивная». Переходъ людей отъ простого изложенія ихъ положенія и жалобъ къ обсужде-

нію средствъ устранения бѣдствій несомнѣнно свидѣтельствуе о высшей степени ихъ просвѣщенія и сознанія. Обсужденіе велось въ широкой мѣрѣ и печатью, какъ въ газетахъ, такъ и въ другихъ печатныхъ изданіяхъ, но оно было холодно и недѣйствительно по сравненію съ устнымъ обсужденіемъ платформы, гдѣ противникамъ часто приходилось лицомъ къ лицу защищать противоположныя мнѣнія въ присутствіи самого народа, который посредствомъ своего голосованія или резолюціи опредѣлялъ за кѣмъ остается побѣда. Кромѣ того, эта форма обсужденія являлась новымъ способомъ разсмотрѣнія общественныхъ вопросовъ, такъ какъ она дополняла обсужденіе ихъ въ прессѣ и въ парламентѣ. Она пробуждала умственную и политическую дѣятельность въ средѣ множества такихъ людей, которые безъ этого оставались бы пассивными или равнодушными, и такимъ образомъ открывала совершенно новые пути для возникновенія политическихъ взглядовъ и стремленій.

Совершенно справедливо, что первоначально обсужденіе политическихъ вопросовъ съ платформы не отличалось большими достоинствами и не имѣло большой цѣны. Странно было бы и ожидать, чтобы это было иначе. Платформа на первыхъ ступеняхъ своего развитія конечно не могла соперничать съ парламентомъ въ дѣлѣ обсужденія политическихъ вопросовъ. Народныя массы, собиравшіяся на митинги, состояли большею частью изъ людей мало образованныхъ и плохо освѣдомленныхъ; сами ораторы очень часто немногимъ отличались отъ нихъ. Рѣшенія, къ которымъ приходили собравшіеся на публичные митинги, были часто неразумны и свидѣтельствовали о самомъ грубомъ невѣжествѣ; но по мѣрѣ того какъ политическое развитіе народа подвигалось впередъ и въ этомъ отношеніи обнаруживался замѣтный прогрессъ.

Агитація противъ хлѣбныхъ законовъ представляетъ собою наиболѣе живой примѣръ дѣятельности платфор-

мы въ этой функціи ся, такъ какъ только детальное обсужденіе созданнаго хлѣбными законами положенія привело общественное мнѣніе къ убѣжденію въ необходимости отмѣны этихъ законовъ. Съ самыхъ первыхъ шаговъ этого движенія руководители его всего болѣе полагались на платформу и считали публичное обсужденіе наилучшимъ средствомъ для привлеченія сторонниковъ своему дѣлу. Митинги собирались по большей части спеціально съ цѣлью этого обсужденія, на нихъ приглашались убѣжденные сторонники хлѣбныхъ законовъ для защиты своихъ взглядовъ и такимъ образомъ получался цѣлый рядъ митинговъ, на которыхъ платформа въ рѣчахъ сторонниковъ противоположныхъ взглядовъ самымъ тщательнымъ образомъ разрабатывала вопросъ. Движеніе это, въ виду стоявшихъ на пути его препятствій, въ началѣ казалось совершенно безнадежнымъ, но въ концѣ концовъ всѣ эти препятствія были побѣждены съ помощью одного только публичнаго обсужденія вопроса, и актъ объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ остается въ собраніи статутовъ вѣчнымъ памятникомъ и самымъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ благотворнаго значенія платформы для цѣлей обсужденія и убѣжденія.

О непригодности платформы для цѣлей обсужденія говорили очень много. Всякій разъ, какъ гдѣ нибудь происходилъ особенно многолюдный митингъ или рядъ митинговъ, слышались снова подобныя заявленія. Лордъ Брумъ въ своемъ сочиненіи *Объ Англійской конституціи*¹ подробно развиваетъ такое мнѣніе: «Никогда не слѣдуетъ терять изъ виду, пишетъ онъ, что митинги², подобныя тѣмъ, о которыхъ мы говорили, какъ и всякія народныя собранія, созываются не для обсужденія вопроса, а для совершенно иныхъ цѣлей. На нихъ сходятся люди, держащіеся всѣ одного мнѣнія, всѣ серд-

¹. *The British Constitution*, гл. IX, отд. 2.

². Онъ имѣлъ въ виду ирландскіе митинги 1828 года, но обобщаетъ свою мысль, включая сюда и «всякія народныя собранія».

цемъ и душою преданные достиженію одной и той же цѣли; они сходятся для того, чтобы взаимно вліять другъ на друга, дать выходъ долго накопившимся въ нихъ чувствамъ или высказать мнѣнія, которыя уже ранѣе составлены ими самими или кѣмъ нибудь за нихъ. Они не терпятъ никакого противорѣчія и не слушаютъ никакихъ доводовъ. Это—масса людей, собравшихся для активнаго дѣйствія, а не для разсужденій; ихъ настоящая цѣль—подготовка какихъ либо насильственныхъ актовъ и устраненіе правительства».

Многіе другіе писатели выражали подобные же взгляды и въ нихъ нельзя не признать извѣстной доли справедливости. По большей части они совершенно вѣрны по отношенію къ тѣмъ многолюднымъ митингамъ, о которыхъ въ началѣ упоминаетъ лордъ Брумъ: они скорѣе являлись народными демонстраціями, чѣмъ собраніями для разсужденія. Это справедливо по отношенію къ большимъ митингамъ въ Ирландіи во время агитаціи за отмену Уніи; справедливо по отношенію къ большей части особенно многолюдныхъ митинговъ въ Англіи, происходившихъ въ разныя эпохи. Но ошибочность такого утвержденія заключается въ стремленіи ограничивать значеніе платформы этою ея «обсудительною» функціею; прилагать же его ко «всякимъ народнымъ собраніямъ» неправильно. Безчисленное множество митинговъ или, выражаясь словами лорда Брума, «народныхъ собраній» созывались и происходили съ цѣлями обсужденія и преній, имѣвшихъ весьма плодотворные результаты. Вся агитація за отмену хлѣбныхъ законовъ служитъ рѣшительнымъ опроверженіемъ того, что говоритъ лордъ Брумъ.

Но съ тѣхъ поръ успѣла совершиться громадная перемѣна. Лордъ Брумъ не могъ предвидѣть, какъ не видятъ этого и до сихъ поръ тѣ, которые держатся одинаковыхъ съ нимъ взглядовъ, той широкой постановки обсужденія вопросовъ, которая составляетъ столь характерную черту платформы настоящаго времени, яркую ил-

люстрацію которой мы дали въ предъидущей главѣ. Правда, что въ послѣднее время митинги снова приняли чрезвычайно односторонній характеръ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи произносимыхъ на нихъ рѣчей, и что теперь на митингѣ чрезвычайно трудно было бы говорить оратору, исповѣдывающему взгляды противоположные тѣмъ, для защиты которыхъ созванъ митингъ. Прежній обычай, когда кандидаты, являющіеся соперниками на выборахъ, выступали на одной платформѣ, вышелъ изъ употребленія: теперь каждый изъ нихъ созываетъ свои митинги. Точно также прекратился и существовавшій, какъ это мною описано, въ прежнія времена обычай, чтобы ораторы, держащіеся противоположныхъ мнѣній, высказывали ихъ на однихъ и тѣхъ же митингахъ графствъ или иныхъ, но отъ этого самое обсужденіе вопросовъ съ платформы не потерпѣло ни качественно, ни количественно; напротивъ того,—оно получило болѣе широкіе размѣры и сдѣлалось болѣе внушительнымъ. Кандидаты, соперничающіе на выборахъ, созываютъ каждый свои отдѣльные митинги и спорятъ и разсуждаютъ другъ съ другомъ совершенно такъ же, если не больше, чѣмъ когда они стояли на однихъ и тѣхъ же подмосткахъ. То же самое видимъ мы и въ отношеніи къ наиболѣе вліятельнымъ политическимъ дѣятелямъ. Первый министръ и бывшій первый министръ, министры настоящаго и прошлаго кабинетовъ оспариваютъ другъ друга и возражаютъ одинъ другому съ различныхъ платформъ съ такимъ же успѣхомъ, какъ если бы они стояли на однихъ подмосткахъ и предлагали свои противоположные политическіе взгляды на судъ собравшихся передъ ними слушателей.

Если бы рѣчи, произносимыя съ платформы, не передавались печатью, то конечно было бы основаніе для сожалѣнія объ исчезновеніи прежняго обычая, когда противники говорили на одномъ митингѣ, и прежнихъ митинговъ, созывавшихся для обсужденія; но въ настоящее

время всякая рѣчь лидера партіи почти дословно передается всѣми газетами Англій, а также и рѣчи мѣстныхъ вліятельныхъ лицъ обыкновенно печатаются въ мѣстныхъ газетахъ. Такимъ образомъ вопросъ обсуждается съ такою же полнотою, какъ еслибы это происходило на одномъ митингѣ, и всякій можетъ пользоваться полнымъ матеріаломъ для составленія своего мнѣнія по обсуждаемому вопросу.

Совершенно вѣрно, что такимъ образомъ платформа въ осуществленіи своей функции «обсужденія» находится въ зависимости отъ печати, но въ большей или меньшей степени зависимость эта существовала и всегда. То же самое, впрочемъ, можно сказать и о парламентѣ, потому что еслибы парламентскіе дебаты не сообщались въ печати, то вліяніе парламента значительно убавилось бы, такъ какъ лишь весьма немногіе стали бы читать тѣ томы парламентскихъ дебатовъ, которые выходятъ отъ времени до времени въ свѣтъ. Пригодность платформы для обсужденія вопросовъ теперь уже до такой степени очевидна и признана всѣми, что мнѣ нѣтъ надобности далѣе останавливаться на этой функции ея.

Переходъ платформы отъ роли органа обсужденія къ третьей важной функции ея также представляется совершенно естественнымъ. Отъ обсужденія способовъ устранения бѣдствій и выраженія желаній населенія было вполне естественно перейти къ принятію мѣръ для осуществленія желаемыхъ цѣлей или для проведенія въ жизнь принятыхъ рѣшеній. Эта новая роль платформы можетъ быть лучше всего названа ея «контролирующей» функцией. Такой контроль можетъ быть осуществляемъ двоякимъ способомъ. Первый состоитъ въ томъ, что кандидата подвергаютъ предварительному политическому испытанію при посредствѣ платформы и требуютъ отъ него извѣстныхъ обязательствъ въ отношеніи къ его будущему образу дѣйствій въ парламентѣ въ случаѣ, если

онъ будетъ избранъ; другой—въ воздѣйствіи на представителей, уже избранныхъ въ парламентъ.

Основная проблема, которую предстояло разрѣшить все болѣе развивавшейся демократіи Соединеннаго Королевства, заключалась, какъ я уже это говорилъ, въ томъ, какимъ образомъ, при существованіи коронной власти и верхней палаты парламента, можетъ она обезпечить за собою абсолютное самоуправленіе и верховный контроль надъ управленіемъ страны, какъ во внутреннихъ ея дѣлахъ, такъ и во внѣшнихъ отношеніяхъ. Невозможность непосредственнаго веденія всѣмъ народомъ дѣла управленія очевидно для всякаго мало мальски мыслящаго человѣка. Поэтому народъ или общество принуждены передавать свою власть, или по крайней мѣрѣ нѣкоторую долю ея, извѣстнымъ лицамъ или ряду лицъ, которые и должны осуществлять ее отъ его имени¹. Такимъ образомъ вся задача заключается въ томъ, какъ, на какихъ условіяхъ и кѣмъ должны быть избираемы тѣ люди, которые призываются управлять отъ имени народа. Въ современныхъ демократическихъ государствахъ эта задача разрѣшается установленіемъ системы представительнаго правленія, при чемъ однако каждая демократія избирала себѣ ту форму, которая являлась для нея наиболѣе желательною или подходящею. Та система, которая завѣщана Англіи ея прошлымъ, уже описана нами. Во многихъ отношеніяхъ эта система представительства была чисто номинальною. Вплоть до перваго Акта о Реформѣ наиболѣе значительная часть членовъ палаты общинъ была совершенно независима отъ народа, а изъ остальной части большинство являлось въ парламентъ не будучи связано никакими обязательствами или условіями относительно своего образа дѣйствій. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда были даваемы нѣкоторыя обязательства, они имѣли характеръ лишь

¹. См. Essay on Government, Джемса Милля.

нравственныхъ обязательствъ и мало кто относился къ нимъ серьезно.

Когда же англійская демократія сдѣлалась настолько могущественною, что оказалась въ состояніи принудить правительство къ пересмотру конституціи и когда проведенъ былъ первый Актъ о Реформѣ, необходимость установленія принципа отвѣтственности представителей передъ избирателями стала чувствоваться съ особою силою. Любопытно, съ какимъ упорствомъ отстаивали даже нѣкоторые изъ либераловъ самостоятельность дѣйствій представителей. Такъ, лордъ Брумъ въ вышеупомянутомъ своемъ сочиненіи ¹ находитъ возможнымъ установить положеніе, по которому «когда народная власть передана на извѣстный срокъ представителямъ, народъ уже не долженъ оказывать своего вліянія въ цѣляхъ контроля надъ дѣйствіями своихъ представителей, какъ учрежденія, въ тѣхъ различныхъ мѣропріятіяхъ, которыя имъ приходится проводить». Въ книгѣ же своей *Political Philosophy* онъ говоритъ: «Наибольшій рискъ, которому подвергается принципъ представительства въ демократическомъ государствѣ, лежитъ въ нетерпѣливости народа и его склонности брать обратно часть той власти, которую онъ ввѣрилъ своимъ депутатамъ путемъ контролированія ихъ дѣйствій въ вопросахъ управленія, представляющихъ наибольшій интересъ и наибольшую важность. Между тѣмъ степень важности какого либо мѣропріятія, какъ въ области законодательной, такъ и административной, не можетъ оправдывать подобнаго вмѣшательства ²».

Но едва ли можно было ожидать, что народъ будетъ оставаться пассивнымъ зрителемъ дѣйствій своихъ представителей и не будетъ принимать никакого участія въ государственныхъ дѣлахъ, исключая выборовъ черезъ каждыя семь лѣтъ. Долго терпѣлъ онъ отъ своихъ такъ

¹. *The British Constitution*, гл. VII.

². *Brougham, Political Philosophy*, т. III, гл. XII.

называемыхъ представителей и въ концѣ концовъ не могъ не озаботиться принятіемъ своихъ мѣръ—сдѣлать именно то, что, по мнѣнію лорда Брума, несовмѣстимо съ принципомъ представительства. И средства къ этому народъ нашелъ въ платформѣ, сдѣлавъ ее орудіемъ своего контроля.

Джонъ Стюартъ Милль въ своемъ сочиненіи о Представительномъ правленіи¹ съ большою ясностью изложилъ, какимъ образомъ сдѣлать этотъ контроль наиболѣе дѣйствительнымъ: «Какова бы ни была система представительства, ее легко превратить въ простую делегацію, если избиратели захотятъ этого. Разъ они свободны не подавать голосовъ или подавать ихъ какъ они хотятъ, ничто не можетъ помѣшать имъ поставить ихъ голоса въ зависимость отъ условій, которыя они пожелаютъ установить. Отказываясь избирать того, кто несогласенъ связать себя обязательствомъ отстаивать ихъ мнѣнія, даже спрашивать ихъ указанія прежде чѣмъ подавать голосъ по важнымъ и непредусмотрѣннымъ заранѣе вопросамъ, они могутъ свести своего представителя къ роли простого передатчика ихъ мнѣній или вынудить его, если онъ не хочетъ дѣйствовать въ согласіи съ ними, отказаться отъ званія представителя²».

Съ изданіемъ перваго Акта о Реформѣ число избирательныхъ округовъ, имѣвшихъ возможность предъявлять строгія требованія тѣмъ, кто искалъ быть ихъ представителемъ, значительно увеличилось. Кандидатъ былъ принужденъ являться предъ своими избирателями и публично исповѣдывать съ платформы свои политическія убѣжденія. Если онъ этого не дѣлалъ, къ нему могли обращаться съ вопросами относительно его взглядовъ и

¹. J. S. Mill, Representative Government, гл. XII.

². Милль высказывался противъ доведенія этого принципа до крайности: «Со стороны избирателей будетъ неблагоприятно настаивать на безусловномъ согласованіи съ ихъ мнѣніями, какъ на непремѣнномъ условіи для кандидата, чтобы быть ихъ представителемъ».

съ требованіями тѣхъ или иныхъ обязательствъ. Съ тѣхъ поръ обычай требовать отъ кандидатовъ обязательствъ укрѣплялся и распространялся все болѣе. Теперь кандидатамъ приходится подвергаться неоднократно испытанію по различнымъ вопросамъ; теперь избиратели стараются подробно ознакомиться со всѣми взглядами кандидата, ищущаго ихъ избранія, и уже не довольствуются неопредѣленными обѣщаніями и туманными заявленіями. Избранный представитель является въ настоящее время въ парламентъ связаннымъ обязательствами почти по всякому вопросу, какой только можно себѣ представить. Та полная независимость дѣйствій, на которую имѣли притязанія члены парламента въ дореформенное время, теперь совершенно отошла въ прошлое. Въ извѣстныхъ предѣлахъ и по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ, пользующимся особыми общественными симпатіями, нѣкоторая доля свободы допускается, но въ общемъ положеніи представителя произошла въ теченіе девятнадцатаго вѣка коренная перемѣна въ отношеніи независимости его образа дѣйствій.

Однако и этотъ способъ контроля далеко не вполне удовлетворяетъ избирателей. Часто совершаются событія, которыя требуютъ, чтобы послѣдніе давали своему избраннику указанія, или же возникаютъ новыя обстоятельства, поднимающія вопросы, которыхъ нельзя было предвидѣть во время выборовъ и по которымъ избиратели могутъ горячо желать осуществленія своихъ опредѣленныхъ мнѣній. Въ такихъ случаяхъ созываются митинги, на которыхъ, въ присутствіи представителей или въ ихъ отсутствіе, при посредствѣ платформы высказываются взгляды избирателей по данному политическому вопросу или даже только относительно образа дѣйствій ихъ представителей въ этомъ вопросѣ, и взгляды эти доводятся до свѣдѣнія представителя, если не какъ прямое указаніе, которому онъ долженъ слѣдовать, то во всякомъ случаѣ какъ предостереженіе, ко-

торое, какъ онъ прекрасно знаетъ, можетъ быть оставлено имъ безъ вниманія лишь подъ большимъ рискомъ или вслѣдствіе какихъ нибудь особенно вѣскихъ соображеній.

Не удовлетворяетъ также болѣе избирателей появленіе среди нихъ представителя только во время выборовъ или сообщеніе имъ отчета о своей дѣятельности только по окончаніи парламентскихъ полномочій, т. е. одинъ разъ въ шесть или семь лѣтъ. Теперь они ожидаютъ отъ своего представителя и требуютъ отъ него такого отчета по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ годъ. Платформа является лучшимъ и, собственно говоря, единственнымъ средствомъ такого отчета непосредственно самимъ избирателямъ, которые произносятъ свой приговоръ въ видѣ резолюціи одобренія или неодобренія, постановляемой митингами, на которыхъ онъ къ нимъ обращается.

Въ большихъ избирательныхъ округахъ одного митинга бываетъ недостаточно и представитель долженъ объѣхать свой округъ, говоря на митингахъ во всѣхъ густонаселенныхъ центрахъ и давая возможность услышать себя всѣмъ избирателямъ.

Въ настоящее время представитель находится все время подъ неослабнымъ наблюденіемъ своихъ избирателей и въ постоянномъ публичномъ общеніи съ ними. Такимъ образомъ вслѣдъ за избраніемъ представителей устанавливается непрестанный контроль надъ ними и власть народа проявляется непрерывно.

Эта система контроля надъ представителями не устраняетъ однако основного недостатка всякой системы представительнаго правленія, а именно дѣйствительной передачи власти при выборѣ представителя, но она обладаетъ нравственною силою, совершенно достаточною для того, чтобы ни одинъ представитель не считалъ возможнымъ пренебрегать такимъ контролемъ. Ограниченный срокъ, на который представитель получаетъ полномочія,

и неизбѣжность наступленія того дня, когда съ окончаніемъ срока парламентскихъ полномочій придется сводить счеты,—являются весьма достаточными ограниченіями самостоятельности представителя. Правда, что если бы всѣ представители могли согласиться между собою, они могли бы, какъ это однажды и имѣло мѣсто, продолжить существованіе парламента и отсрочить такимъ образомъ день сведенія счетовъ, но въ настоящее время этого нечего опасаться.

Напротивъ того, члены парламента не только не стараются удержатъ за собою свои мѣста вопреки желанію избирателей, но не разъ бывали примѣры тому, что они отказывались отъ своихъ полномочій вслѣдствіе существенныхъ въ ихъ глазахъ разногласій со своими избирателями. Сложеніе съ себя сэромъ Робертомъ Пилемъ званія представителя отъ Оксфорда въ 1829 г., о которомъ было мною рассказано, подало этому примѣру и съ тѣхъ поръ не разъ повторялись случаи, когда представители отказывались отъ своихъ полномочій, когда они находили, что не могутъ по совѣсти выполнить желанія своихъ избирателей.

Подобные случаи однакоже встрѣчаются не очень часто, потому что избираемые въ настоящее время представители обыкновенно находятся въ полномъ согласіи съ мнѣніями своихъ избирателей, держатся однихъ и тѣхъ же взглядовъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, имѣютъ одни и тѣ же интересы и исповѣдуютъ одинаковые принципы,—а потому есть полное вѣроятіе въ томъ, что какъ представители, такъ и избиратели отнесутся одинаково ко всякому вновь возникающему вопросу.

Все возраставшее стремленіе избирателей установить строгій контроль надъ представителями получило особенно замѣтное выраженіе, послѣ проведенія акта 1867 г., въ образованіи во многихъ избирательныхъ округахъ мѣстныхъ ассоціацій, съ цѣлью намѣчать кандидатовъ,

организовывать избирательную борьбу и объединять партию. Выборъ въ члены этихъ ассоціацій совершался при строгомъ соблюденіи принципа представительства; основная идея этихъ союзовъ заключалась въ томъ, что ассоціація, будучи избрана членами известной партіи, является представительницею послѣдней и что поэтому всѣ члены партіи въ интересахъ ея должны подавать голоса по указанію ассоціаціи согласно рѣшенію большинства послѣдней ¹.

Въ 1877 году былъ сдѣланъ дальнѣйшій шагъ въ этомъ направленіи и различныя либеральныя ассоціаціи соединились въ одну общую федерацію съ цѣлью формулировать политику, которой должна держаться вся либеральная партія, и это центральное учрежденіе получило названіе «Национальной Либеральной Федераціи». Первый съѣздъ делегатовъ имѣлъ мѣсто въ Бирмингамѣ и по этому случаю тамъ былъ устроенъ большой митингъ 31 мая. Въ 1880 г. Федерация объединяла болѣе 100 филиальныхъ ассоціацій. По словамъ Чемберлена, эта организація обнимала 67 бурговъ и 10 графствъ и на общихъ выборахъ въ 60-ти изъ этихъ округовъ выбраны были либеральные кандидаты ².

Противники этой организаціи указывали на возможность крайне нежелательныхъ послѣдствій ея, а именно, что въ результатѣ дѣятельности такого центрального учрежденія будетъ «переходъ власти отъ парламента къ этому самоучрежденному комитету», но этого не случилось. Сами избиратели слишкомъ дорожатъ своею независимостью, чтобы подчиняться предписаніямъ какого бы то ни было центрального учрежденія, да и нельзя желать, чтобы платформа въ этой сферѣ своей дѣятель-

1. См. *Public Opinion and Lord Beaconsfield*, т. I, стр. 21.

2. См. *A New Political Organisation*, J. Chamberlain, *Fortnightly Review*, июль 1877 г.; *The Nineteenth Century*, 1882 г., 959, *The Birmingham Caucus*, W. T. Marriott'а и тамъ же, въ маѣ 1882 г., *Town and Country Politics*, Rev J. Guinness Rogers'а.

ности управлялась какою либо центральной ассоціаціею, такъ какъ это было бы равносильно замѣнѣ той формы тиранической или личной власти, отъ которой народъ освободился съ такимъ трудомъ, другою и отразилось бы самымъ гибельнымъ образомъ на той свободѣ самоуправленія, которая обезпечивается независимою дѣятельностью платформы въ каждомъ избирательномъ округѣ.

Оцѣнивая общее значеніе платформы, я полагаю, не будетъ преувеличеніемъ сказать, что, осуществленіемъ этой «контролирующей» функціи, она совершила цѣлый переворотъ въ представительной системѣ правленія. Формально члены парламента и теперь столь же независимы, какъ они были и прежде; юридически народная власть переходитъ въ ихъ руки при выборахъ, на самомъ же дѣлѣ они безусловно связаны и, хотя эта новая система не имѣетъ силы закона, но она быстро пріобрѣтаетъ почти такую же устойчивость въ силу обычая. Безконтрольныя полномочія членовъ палаты общинъ фактически поставлены подъ прямой контроль избирателей. Теперь избиратели могутъ заставлятъ ихъ слѣдовать своимъ желаніямъ и члены палаты идутъ въ парламентъ не для того, чтобы, какъ прежде, поступать какъ имъ заблагоразсудится или, по принятой формулѣ, какъ подскажетъ имъ совѣсть, но скорѣе въ качествѣ делегатовъ отъ своихъ избирателей.

Съ болѣе общей точки зрѣнія, платформа, въ силу своей контролирующей функціи, въ тѣхъ случаяхъ, когда она получаетъ широкое осуществленіе, можетъ подчинять своей волѣ палату общинъ, а слѣдовательно и все управленіе страны. Обезпечивъ за собою такое вліяніе на палату общинъ, платформа, какъ я уже говорилъ, не могла не пріобрѣсти большаго значенія еще и благодаря все возрастающему преобладанію палаты общинъ надъ властью короны, надъ палатою лордовъ, и вообще надъ тою аристократическою феодальною властью, которая столь долгое время вершила судьбами страны.

Подобно тому, какъ палата общинъ все болѣе и болѣе превращалась въ исполнительный органъ конституціи, парламентъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе превращался въ исполнительный органъ платформы.

Бэдждготъ въ своемъ сочиненіи *The British Constitution* говоритъ: «Въ англійской конституціи верховная власть принадлежитъ каждой данной палатѣ общинъ. Каковъ бы ни былъ вопросъ, по которому она постановляетъ свое рѣшеніе, относится ли онъ къ сферѣ законодательной или административной, будетъ ли то вопросъ капитальной важности или одинъ изъ мелкихъ повседневныхъ вопросовъ, касается ли онъ объявленія войны или выпуска бумажныхъ денежныхъ знаковъ, касается ли онъ Индіи, Ирландіи или Лондона, — новая палата общинъ можетъ самовластно и безапелляціонно рѣшать его.

«Палата общинъ.... когда она увѣрена въ поддержкѣ народа, хотя бы только что избранная, обладаетъ абсолютною властью, она правитъ страню по своему усмотрѣнію. И у нея имѣется полная гарантія того, что ея рѣшенія будутъ выполняться, такъ какъ она сама, и только она, назначаетъ исполнителей ихъ: она можетъ подвергнуть самому тяжкому изъ наказаній за невыполненіе своихъ рѣшеній, такъ какъ она можетъ устранить исполнительные органы. Для выполненія своихъ желаній она можетъ назначить именно тѣхъ, кто раздѣляетъ ихъ; такимъ образомъ исполненіе ея воли обезпечено безусловно ¹».

Но власть внѣпарламентская, та, которая составляетъ и мѣняетъ составъ палаты общинъ, еще значительнѣе этой палаты. Народъ избралъ платформу главнымъ органомъ выраженія своихъ желаній. Она говоритъ отъ имени его во время выборовъ, она говоритъ отъ имени его представителямъ, когда они засѣдаютъ въ парламентѣ и

¹. Bagehot, стр. 227.

отъ нея и черезъ нея доходитъ голосъ народа до правительства и контролируетъ его.

Сдѣлавъ платформу органомъ контролирующей власти, англійская демократія разрѣшила задачу примиренія демократическаго начала съ существующей конституціонной формой и обезпеченія за народомъ верховнаго управленія странюю.

Платформа явилась для Англии тѣмъ орудіемъ, при помощи котораго ея свободолюбивый народъ завоевалъ свою свободу безъ кровопролитія и смутъ, омрачавшихъ революціи въ другихъ странахъ. Благодаря ей Англія «явила всему міру примѣръ великой націи, совершившей переходъ отъ владычества аристократіи къ совершенно демократическому образу правленія безъ гражданской войны¹». Эту побѣду она одержала силою разума и убѣжденія, и такая побѣда несравненно прочнѣе и жизненнѣе всякой побѣды, выигранной путемъ насильственнаго переворота.

Еще одна крупная заслуга платформы можетъ быть лучше всего выражена словами Де-Кинси, который въ сочиненіи, написанномъ около шестидесяти лѣтъ тому назадъ, далъ художественную картину, заключающую въ себѣ какъ бы пророчество того, во что должна превратиться система управленія подъ вліяніемъ платформы.

«Я всегда думалъ, — говоритъ онъ, — что въ представительной системѣ управленія, гдѣ большіе городскіе центры имѣютъ возможность, каждый соотвѣтственно своему значенію, оказывать столь сильное воздѣйствіе на столицу и центральныя государственныя учрежденія, нужно ожидать знаменательныхъ послѣдствій отъ конечныхъ усовершенствованій въ способахъ передвиженія и передачи свѣдѣній съ быстротою, которую нельзя съ точностью измѣрить за отсутствіемъ подобныхъ явленій въ прошломъ. Представьте себѣ такое состояніе сообщеній между центромъ и окраинами большого государства, при

¹. Рукописи П л э с а, 27,819.

которомъ эти сообщенія совершались бы съ регулярностью морскихъ приливовъ и отливовъ, или сжиманія и расширенія сердца, или смѣны дняи ночи, сна и пробужденія, слѣдующаго одно за другимъ съ такою же вѣрностью, съ какою за дѣйствіями, предпринимаемыми въ столицѣ, слѣдуютъ сочувственные или протестующіе отзвуки провинцій. Только при наличности такой совершенной и безстановочной смѣны акцій и реакцій между всѣми и каждою точкою окружности, мы получимъ возможность уяснить себѣ, что такое въ дѣйствительности представляетъ собою единство политическаго организма, и сдѣлать болѣе вѣрную оцѣнку силъ, таящихся въ такой организаціи. Вѣдь не надо упускать изъ вида, что до сихъ поръ, при чрезвычайно сложной организаціи, посильно достигавшей своихъ задачъ, національная воля не могла получить надлежащаго выраженія даже и по одному изъ тысячи государственныхъ актовъ, просто потому что голосъ націи разсѣвался въ пространствѣ, при невозможности вылиться въ единое выраженіе съ быстротою, достаточною для того, чтобы оно могло слѣдовать непосредственно за мѣропріятіемъ даннаго момента. Но по мѣрѣ того, какъ постепенно усовершенствуются средства сношенія, эти преграды разстоянія и времени соотвѣтственно уменьшаются и въ концѣ концовъ, можно ожидать, вполне исчезнутъ; и тогда каждая отдѣльная часть государства будетъ воздѣйствовать на цѣлое со всею силою и значеніемъ непосредственнаго соприкосновенія отдѣльныхъ элементовъ между собою. Тогда впервые выступитъ дѣйствительно органическая политическая система, въ которой каждый изъ элементовъ ея будетъ воздѣйствовать на всѣ и всѣ на каждыя; и въ результатѣ этой чисто физической революціи переродится сама жизнь ¹».

Но, при всей важности и пользѣ служенія платформы, въ ея разнообразныхъ функціяхъ, многіе находятъ возможнымъ сожалѣть о ея существованіи. Демагоги,

¹. De Quincey. Autobiographical Sketches (Travelling).

мятежные воззванія и подобные страшные эпитеты, столь знакомые намъ въ прошломъ, все еще тревожатъ ихъ умы. Скорбѣть о существованіи платформы, однако, совершенно бесполезно. Парламентъ, такъ долго бывшій единственною ареною обсужденія политическихъ мѣропріятій и событій, съ теченіемъ времени все менѣе и менѣе удовлетворялъ въ этомъ отношеніи потребностямъ страны; по мѣрѣ того, какъ народъ переходилъ отъ младенчества къ юности и отъ юности къ зрѣлому возрасту, развивалась потребность въ иныхъ способахъ выраженія его мыслей. Парламентъ не могъ удовлетворять этой потребности уже по одному тому обстоятельству, что онъ засѣдаетъ только часть года; за немногими исключеніями, шесть или семь мѣсяцевъ въ году парламентъ не засѣдаетъ. А въ эти періоды парламентскаго бездѣйствія нерѣдко происходятъ важныя событія, которыя не могутъ не вызывать въ народѣ желанія высказаться по ихъ поводу, и нельзя конечно ожидать, чтобы онъ при такихъ обстоятельствахъ оставался безмолвнымъ; иныхъ же способовъ выраженія своихъ взглядовъ, кромѣ платформы, у него нѣтъ. Другой органъ выраженія общественнаго мнѣнія— печать—хотя и давалъ нѣкоторый выходъ стремленіямъ народа, представлялся недостаточнымъ. Газеты были дороги и распространеніе ихъ не велико; къ тому же не всякій имѣлъ возможность высказывать въ нихъ свои мысли, а если бы даже эта возможность и существовала, газетное обсужденіе политическихъ вопросовъ все же не удовлетворяло бы потребностей общества. Взгляды его не доходили бы до правительства съ должною силою и вѣскостью.

Если потребность въ платформѣ чувствовалась уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ, когда Англія только начинала расширять границы своихъ владѣній и испытывать новыя нужды, то нѣтъ ничего естественнѣе, что съ годами, когда населеніе страны удвоилось и утроилось, и дѣло управленія постепенно переходило изъ рукъ немногочисленной феодальной аристократіи въ руки самого на-

рода, эта потребность стала гораздо болѣе ошутительной. Столько разъ испытанная несомнѣнность пользы и удобствъ платформы сдѣлала то, что она съ теченіемъ времени неразрывно сплелась со всею политическою жизнью народа. Поэтому неизбѣжность существованія платформы не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Сочувствуемъ ли мы ей, или не сочувствуемъ, одобряемъ ли мы ее или нѣтъ, радуется ли насъ сила ея вліянія, или вызываетъ въ насъ чувство тревоги,—платформа одинаково остается неизбѣжнымъ и ничѣмъ не предотвратимымъ явленіемъ. Какъ необходимъ людямъ языкъ для личнаго общенія другъ съ другомъ, такъ необходима платформа для политическаго общенія.

Что съ существованіемъ ея связаны также и нѣкоторыя опасности, этого не станетъ конечно оспаривать ни одинъ разумный человекъ. Уже давно была высказана мысль, что «благотворные результаты свободы печати неисчислимы и ради нихъ общество должно мириться съ нѣкоторыми сопутствующими ей нежелательными явленіями¹». То же самое и съ такимъ же основаніемъ можно сказать о платформѣ. Преимущества, представляемая платформою, неисчислимы. Ради нихъ общество должно мириться съ нѣкоторыми сопряженными съ нею опасностями. Эти опасныя стороны ея издавна составляли предметъ самыхъ страстныхъ обличеній со стороны всѣхъ, кто противился всякому возрастанію народной власти. Съ той самой поры, какъ миддльсекскіе избиратели устроили митингъ для выраженія протеста противъ палаты общинъ, которая лишала ихъ права избирать кого они хотятъ, ни одинъ вопросъ не давалъ повода къ такому сильному и открытому выраженію негодованія; начиная въ тронныхъ рѣчей монарха и его министровъ и кончая выходками самыхъ ничтожныхъ прихвостней торійской партіи,—люди самыхъ различныхъ общественныхъ слоевъ и политическихъ партій сливали свои голоса въ одинъ

¹. The Times, 12 января 1831 г.

общій хоръ порицанія платформы. Многимъ было чрезвычайно выгодно представлять платформу опаснѣйшимъ учрежденіемъ, ведущимъ самымъ прямымъ путемъ къ революціи, а когда упоминалось о революціи, то подъ нею всегда разумѣлись сентябрьская рѣзня, гильотинированіе, уничтоженіе аристократіи, обезглавленіе королей. Каждое выдающееся событіе, свидѣтельствовавшее объ успѣхахъ платформы, всякія незаконныя дѣйствія, которыя могли быть поставлены хотя бы въ отдаленную связь съ платформою, служили поводомъ для яростныхъ нападокъ на право народа собираться на митинги и говорить публичныя рѣчи. При такихъ условіяхъ болѣе робкіе люди предпочитали осторожное безучастіе, которое было такъ необходимо правящимъ классамъ для того, чтобы охранять режимъ всевозможныхъ привилегій, монополій и злоупотребленій.

Но большою ошибкою было бы дать вѣру тѣмъ преувеличеннымъ обвиненіямъ, которыя высказывались заинтересованными или враждебно настроенными лицами. Къ счастью, опытъ неоднократно уже доказалъ насколько эти нападки преувеличены и установилъ несравненно болѣе здравый и рациональный взглядъ на многолюдныя народныя собранія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что платформа имѣетъ свои опасныя стороны—и не малыя—но ихъ не надо преувеличивать. По моему мнѣнію, эти опасныя стороны заключаются: 1) въ непосредственной опасности безпорядковъ и насилій, вызываемой стеченіемъ большихъ народныхъ массъ; 2) въ болѣе отдаленной опасности введенія народа въ заблужденіе и направленія его на ложный путь; и 3) въ сильнѣйшей изъ всѣхъ опасностей, какая только можетъ грозить,—въ такой комбинаціи платформы и организаци, которая могла бы повлечь за собою низверженіе правительства.

Первая опасность заключается такимъ образомъ въ возможности безпорядковъ и насилія, вызываемой болѣшимъ скопленіемъ народа. Эта опасность далеко однако

не присуща платформѣ, какъ таковой, потому что люди могутъ собираться и не съ цѣлью утилизировать платформу. Эту опасность подробно анализировалъ лордъ главный судья Тиндалъ въ своей обвинительной рѣчи въ процессѣ по поводу Бристольскихъ беспорядковъ въ 1831 г.

Не слѣдуетъ забывать, что эти беспорядки вовсе не являлись результатомъ проявленій платформы, и я привожу здѣсь цитату изъ рѣчи Тиндаля только какъ характеристику опасныхъ сторонъ платформы, въ ихъ крайнемъ выраженіи. «Возбужденіе», о которомъ говоритъ лордъ главный судья, заключалось въ демонстраціи противъ судьи, сэра Уэтереля, когда онъ явился въ Бристоль. «Можно съ увѣренностью сказать, говорилъ лордъ главный судья, что еслибы не было того возбужденія, которое уже съ утра повело къ нарушенію закона, то не имѣли бы мѣста и послѣдующія болѣе тяжкія преступленія, совершенныя народомъ, и вотъ почему законы Англій всегда строго осуждали всякія беспорядочныя и мятежныя народныя собранія. Никто не можетъ предвидѣть въ началѣ ихъ, какое направленіе они могутъ принять и къ какимъ послѣдствіямъ придти. Бываютъ случаи, когда подобныя собранія, первоначально устроенныя съ самыми опредѣленными и умѣренными цѣлями, быстро принимаютъ совершенно иной характеръ; подъ естественнымъ вліяніемъ неизбежнаго при большихъ скопленіяхъ народа возбужденія первоначальная цѣль забывается, собраніе и люди неудержимо вовлекаются въ совершеніе преступленій, о которыхъ они вовсе не помышляли вначалѣ. Возникновеніе смуты подобно прорывающей плотины водѣ,—и если ея не остановить въ самомъ началѣ, то впоследствии сдѣлать это уже несравненно труднѣе; она растетъ и усиливается, пока не разрушитъ самыхъ цѣнныхъ созданій человѣческихъ усилій ¹».

Нельзя, разумѣется, оспаривать того, что всякое большое скопленіе народа въ большей или меньшей мѣрѣ со-

1. См. State Trials. New Series, т. III, стр. 3.

пряжено съ опасностью безпорядковъ или насилія; но можно съ увѣренностью утверждать, что тѣ собранія, которыя имѣютъ своею цѣлью задачи, осуществляемая платформою, представляютъ гораздо меньшій рискъ, чѣмъ всякія другія собранія. Въ послѣднемъ случаѣ собравшаяся толпа не имѣетъ передъ собою никакого опредѣленнаго порядка, которому она должна слѣдовать; у такого собранія нѣтъ ни начала, ни конца, который завершался бы какимъ либо опредѣленнымъ дѣйствіемъ, сосредоточивающимъ на себѣ вниманіе и ожиданіе собравшихся и удерживающимъ ихъ отъ нежелательныхъ проявленій. Тамъ же, гдѣ собраніе созвано для произнесения публичныхъ рѣчей, тамъ собравшаяся толпа всегда находится подъ вліяніемъ лидеровъ, которые чувствуютъ себя въ значительной степени отвѣтственными за все происходящее; слушаніе произносимыхъ рѣчей, выраженіе одобренія резолюціямъ,—все это достаточно занимаетъ вниманіе присутствующихъ, сознание же участія въ митингѣ обыкновенно само по себѣ даетъ достаточное удовлетвореніе накопившемуся чувству недовольства и предотвращаетъ проявленіе его въ актахъ насилія.

Плэсъ, видѣвшій въ своей жизни достаточно публичныхъ митинговъ, писалъ около 1840 г.: «Въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ не было примѣра, чтобы хоть одинъ публичный митингъ, созданный съ опредѣленною и открыто выраженною цѣлью, вышелъ изъ предѣловъ своей задачи ¹».

И то же самое, за весьма немногими исключеніями, можно сказать обо всѣхъ публичныхъ митингахъ, происходившихъ съ того времени. Что же касается опасности для государства отъ подобныхъ собраній, то если таковая и существуетъ, то, можно сказать, въ минимальной степени. Безпорядки, могущіе возникнуть на публичномъ митингѣ, носятъ мѣстный ограниченный характеръ, сила же, которою обладаетъ государство для подавленія такихъ безпорядковъ, громадна.

1. Рукописи Плэса, 27,797, стр. 23.

«Законы Англии, сообразно съ степенью опасности, которую они усматриваютъ въ безпорядочныхъ и мятежныхъ народныхъ собраніяхъ, приняли всѣ мѣры къ предотвращенію подобныхъ правонарушеній и къ быстрому и дѣйствительному подавленію ихъ въ томъ случаѣ, когда они успѣваютъ возникнуть ¹».

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что англійскіе законы чрезвычайно опредѣленны и неумолимы по отношенію ко всякимъ насильственнымъ поступкамъ, грабежу и возмущенію, и англичане до такой степени не терпятъ насилія и безпорядковъ, что виновные въ нихъ не только не пользуются общественнымъ сочувствіемъ, но, напротивъ того, вызываютъ сильнѣйшее негодованіе.

Народные агитаторы настолько ясно сознавали всю недѣйствительность и безсиліе мѣстныхъ и единичныхъ демонстрацій, какъ бы внушительны онѣ ни были сами по себѣ, что они не разъ дѣлали попытки единовременнаго устройства громаднаго числа митинговъ по всей странѣ, видя лишь въ этомъ средство произвести устрашающее дѣйствіе на правящіе классы. Въ Ирландіи, какъ извѣстно, Католическая Ассоціація устраивала единовременные митинги по всей странѣ въ заранѣе опредѣленный день. Вожаки чартистскаго движенія также пытались сдѣлать это, но съ гораздо меньшимъ успѣхомъ.

Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что законъ, къ счастью, съ большою терпимостью относящійся къ спокойнымъ и законнымъ собраніямъ народа и предоставляющій имъ такую широкую свободу, какую только возможно желать, съ большою строгостью относится къ тѣмъ собраніямъ, которыя выходятъ за опредѣленные границы.

Судья Бэйли сдѣлалъ подробное разъясненіе закона по отношенію къ митингамъ во время процесса Генри Гента въ мартѣ 1820 г.: «Я полагаю, сказалъ онъ, что

¹. Обвинительная рѣчь лорда главнаго судьи Тиндаля. См. State Trials, New Series, т. III, стр. 4.

митингъ, собирающійся въ такомъ числѣ и принимающій такіе размѣры, что онъ можетъ возбуждать тревогу въ умахъ мирныхъ подданныхъ,—противозаконенъ. При совершенно законной цѣли, съ которою собирается митингъ, онъ можетъ сдѣлаться противозаконнымъ, если средства, употребляемая для достиженія этой цѣли, незаконны. При совершенно законной цѣли митингъ можетъ сдѣлаться противозаконнымъ, если способъ веденія его возбуждаетъ тревогу въ непричастныхъ къ нему людяхъ¹». Въ обвинительной рѣчи, которую онъ говорилъ на судѣ, онъ далъ еще болѣе подробное толкованіе: «Едва ли есть надобность объяснять вамъ, что митингъ не дѣлается непременно противозаконнымъ только отъ того, что въ немъ участвуютъ 60.000 человекъ, мужчинъ, женщинъ, дѣтей, и что онъ представляетъ изъ себя смѣшанную толпу. Такая толпа можетъ совершенно безнаказанно собираться, не вызывая тревоги и никакихъ непріятныхъ чувствъ въ окрестномъ населеніи. Но еслибы въ подобномъ собраніи, устроенномъ съ совершенно законными цѣлями, незаконнымъ образомъ появились люди для того, чтобы вовлечь его въ дѣйствія, способныя возбудить тревогу въ вѣрноподданныхъ его величества, то, хотя 59.000 человекъ изъ этого собранія и будутъ ни въ чемъ не повинны, оно можетъ оказаться противозаконнымъ собраніемъ двухъ десятковъ людей и эти люди могли бы подлежать отвѣтственности по обвиненію въ незаконномъ собраніи, хотя самое собраніе и было совершенно законно въ отношеніи къ огромному большинству его участниковъ».

Затѣмъ онъ добавилъ: «Лица, составляющія заранѣе обдуманые планы относительно того, чтобы съ помощью воззванія или иными путями вовлечь массу въ поступки, могущіе грозить опасностью общественному спокойствію или вызвать тревогу и страхъ въ вѣрноподданныхъ его

¹. State Trials, New Series, т. I, стр. 231.

². Ibid, т. I, стр. 436.

величества, подлежатъ отвѣтственности по обвиненію въ противозаконномъ заговорѣ».

Это толкованіе, не утратившее своего значенія и до сихъ поръ, такъ какъ законы въ этомъ отношеніи не подверглись съ тѣхъ поръ никакимъ измѣненіямъ, достаточно показываютъ, какъ легко можетъ митингъ подлежать законной отвѣтственности и какъ ревниво относится законъ къ предотвращенію злоупотребленій великимъ правомъ публичныхъ митинговъ.

Окончательное рѣшеніе въ дѣлахъ по обвиненію въ нарушеніи закона принадлежитъ суду присяжныхъ; но самый тотъ фактъ, что, какъ зачинщики, такъ и участники всякой народной демонстраціи могутъ такъ легко подвергнуться карѣ закона, внушаетъ имъ такое сознаніе отвѣтственности, которое само по себѣ обезпечиваетъ большую осторожность и умѣренность; тамъ, гдѣ всѣ болѣе или менѣе озабочены тѣмъ, чтобы избѣжать непріятныхъ послѣдствій, опасность возможности безпорядковъ, при большихъ скопленіяхъ народа, значительно уменьшается. Уваженіе англійскаго народа къ законности съ поразительною ясностію выступаетъ въ томъ, что во всѣхъ народныхъ демонстраціяхъ послѣдняго времени сами демонстраторы прилагали всѣ старанія, назначая особыхъ надсмотрщиковъ и принимая разныя другія мѣры, чтобы предотвратить всякую возможность какого либо насилія и безпорядка.

Второй родъ опасности, которою можетъ грозить платформа, заключается въ томъ, что она можетъ послужить въ рукахъ людей дурныхъ или невѣжественныхъ орудіемъ для вовлеченія народа въ пагубныя заблужденія и совершеніе неопозволительныхъ дѣйствій. Этой опасности нельзя отрицать и она не разъ получала самыя печальныя подтвержденія.

«Одно неблагоразумное слово можетъ иногда имѣть своимъ послѣдствіемъ появленіе тысячи кинжаловъ» — это совершенно справедливо; но насколько значительнѣе

вѣроятность подобныхъ послѣдствій тамъ, гдѣ передъ невѣжественными изнемогающими отъ нужды людьми раздаются тысячи самыхъ безумныхъ рѣчей. Стоитъ только назвать имена Гэля Джонса, Гента, Стифенса, Фергуса О'Коннора, чтобы увидѣть, какъ въ разные періоды нашей исторіи народъ былъ увлекаемъ подобными безумными рѣчами на ложный путь. Серьезныя безпорядки въ Бирмингамѣ въ 1839 г. были прямымъ послѣдствіемъ воззваній къ насилію чартистскихъ вожаковъ и ораторовъ. Безпорядки въ Ньюпортѣ въ томъ же году представляютъ собою еще болѣе яркую иллюстрацію того, что могутъ сдѣлать пагубные совѣты, раздающіеся съ платформы; недовольство, выразившееся въ этомъ движеніи, несомнѣнно приняло столь бурный и насильственный характеръ только благодаря рѣчамъ нѣкоторыхъ изъ чартистскихъ агитаторовъ. Крупныя стачки 1842 г. также служатъ подтвержденіемъ опасности ложнаго направленія платформы.

Перечисленныя мною событія представляютъ наиболѣе рѣзкія проявленія опасности и краснорѣчиво рисуютъ тотъ гибельный характеръ, который можетъ принять платформа. Но и здѣсь нужно принять во вниманіе, что подобныя явленія возможны только при явномъ стремленіи нарушить законъ и при несомнѣнномъ рискѣ тяжелой отвѣтственности. Гарантіей противъ такихъ послѣдствій служитъ уголовное законодательство страны, отъ государственной измѣны до мелкихъ проступковъ включительно, когда люди переходятъ отъ словъ къ дѣйствию, а въ болѣе ранней стадіи гарантіею служатъ извѣстныя ограниченія, налагаемыя закономъ на свободу произнесенія рѣчей. Ибо, какъ ни велика свобода слова въ Англии, все же существуютъ предѣлы, далѣе которыхъ заходить не дозволено, или, вѣрнѣе, тотъ, кто ихъ переходитъ, подвергаетъ себя тяжелой отвѣтственности передъ закономъ.

Отмѣченные нами процессы вожаковъ чартистскаго

движенія избавляютъ насъ отъ необходимости вновь излагать законы, устанавливающіе извѣстные предѣлы свободы публичныхъ рѣчей. Но такъ какъ со времени этихъ процессовъ прошло уже болѣе полустолѣтія, то нелишними явятся нѣкоторыя добавочныя замѣчанія.

Современное положеніе платформы, съ точки зрѣнія юридическихъ ея ограниченій, съ большою ясностью изложено сэромъ Джемсомъ Фицджеромъ Стифеномъ въ его сочиненіи *History of the Criminal Law of England* ¹. Онъ подробно разъясняетъ, какимъ образомъ законы противъ «возмутительной клеветы» мало по малу вышли изъ употребленія. «Перемѣна, совершившаяся во взглядахъ общества на свободу обсужденія политическихъ вопросовъ, фактически лишила законы о политической клеветѣ ихъ прежняго значенія, сведя подводимыя подъ эти законы преступленія исключительно къ такимъ случаямъ, когда на лицо имѣются либо прямое подстрекательство къ преступнымъ дѣйствіямъ, либо ложное оклеветаніе кого нибудь въ позорныхъ поступкахъ какъ въ частной, такъ и въ политической жизни... Со времени Акта о Реформѣ 1832 г. преслѣдованія за клевету были такъ рѣдки въ Англіи, что ихъ можно считать совсѣмъ прекратившимися».

Это однако далеко не означаетъ, чтобы публичныя рѣчи платформы пользовались полной и безграничной свободой. Совершенно напротивъ. Сэръ Джемсъ Стифенъ слѣдующимъ образомъ толкуетъ настоящее отношеніе закона къ платформѣ: «Я полагаю, говоритъ онъ, что всякій, кто устно или инымъ образомъ публично высказываетъ сужденія, заключающія въ себѣ намѣреніе произвести возмущеніе (*a seditious intention*), виновенъ въ совершеніи недозволеннаго проступка». Намѣреніе же произвести возмущеніе онъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: «намѣреніе вселить чувства ненависти или презрѣнія противъ особы ея величества, ея наслѣдниковъ и преемниковъ

1. Т. II, стр. 301 и слѣд.

или закономъ установленнаго правительства и конституціи Соединеннаго Королевства, а также противъ той или другой палаты парламента, или судебной администраціи, или побудить подданныхъ ея величества къ совершенію попытокъ измѣнить въ чемъ бы то ни было существующій строй, какъ въ дѣлахъ церкви, такъ и въ дѣлахъ государства, или возбудить недовольство и вражду среди различныхъ классовъ подданныхъ ея величества¹».

Эти толкованія могутъ дать людямъ, даже не посвященнымъ во всѣ хитросплетенія юридической интерпретаціи, вполнѣ ясное представленіе о томъ, какими способами законъ ограждаетъ народъ отъ опасности быть введеннымъ въ заблужденія дурными или невѣжественными людьми и какія ограниченія налагаетъ онъ на свободу платформы.

1. Въ послѣднее время преслѣдованіе виновныхъ въ произнесеніи мятежныхъ рѣчей вмѣсто обвиненія въ возмутительной клеветѣ приняло форму обвиненія въ «мятежномъ соглашеніи». Приведя нѣсколько извѣстныхъ случаевъ подобнаго обвиненія, сэръ Фицджермъ Стифенъ говоритъ: «Эти преслѣдованія, и т. д., производятся на основаніяхъ весьма близкихъ къ тѣмъ, на которыхъ построено обвиненіе въ возмутительной клеветѣ. Обвиненіе въ большинствѣ случаевъ заключается въ томъ, что обвиняемые вошли въ соглашеніе съ цѣлями, несомѣстимыми съ сохраненіемъ общественнаго порядка и управленія въ странѣ, что эти намѣренія ихъ выразились въ рѣчахъ, произнесенныхъ на собраніяхъ, и въ другихъ поступкахъ, явно клонящихся къ тому же. Доказательствомъ виновности обыкновенно служитъ существованіе какой нибудь организаціи, въ которой участвовали обвиняемые, и то, что ими писались или говорились вещи, имѣющія въ виду вышеуказанныя цѣли». Затѣмъ, указавъ спеціально на знаменитый процессъ Даніэля О'Коннелля, онъ говоритъ: «Изъ этого рѣшенія видно, насколько широко понимаетъ законъ выраженіе: мятежное соглашеніе. Онъ подразумѣваетъ подъ этимъ всякую попытку при помощи произносимыхъ или печатаемыхъ рѣчей, или при помощи проявленія силы, рассчитаннаго на устрашеніе, произвести дѣйствіе, имѣющее злонамѣренный характеръ въ общественномъ отношеніи. Точнаго же и полнаго опредѣленія того, что слѣдуетъ считать цѣлями, имѣющими злонамѣренный характеръ, въ законѣ не имѣется».

Существуетъ однако еще одна опасность, наиболее неуловимая изъ всѣхъ, на которую также слѣдуетъ указать, такъ какъ она относится къ тому же разряду. Это — опасность того, чтобы народъ не былъ вовлеченъ на пагубный путь людьми не злонамѣренными, но заблуждающимися, и эта опасность становится особенно сильною, если такой человекъ успѣлъ оказать обществу большія услуги и заслужилъ совершенно основательно довѣріе къ себѣ. Яркій примѣръ подобной опасности мы видимъ въ лицѣ Аттвуда. Онъ съ большимъ тактомъ и умно руководилъ огромными народными массами въ движеніи, завершившемся блестящимъ завоеваніемъ парламентской реформы; онъ заслужилъ самую глубокую признательность со стороны своихъ согражданъ и поэтому нѣтъ ничего естественнѣе, что когда онъ выступилъ съ своимъ планомъ преобразованія денежной системы, а позднѣе съ доводами въ пользу большей части требованій хартіи, то онъ приобрѣлъ множество сторонниковъ. Въ данномъ случаѣ онъ увлекалъ ихъ на ложный путь, но прежнія заслуги его передъ народомъ ослѣпляли его сторонниковъ и заставляли ихъ слѣдовать за нимъ по этому губельному пути. Въ такихъ случаяхъ опасность проистекаетъ изъ отсутствія самостоятельности сужденія. Тѣмъ не менѣе она несомнѣнно существуетъ и ее нельзя пройти молчаніемъ, перечисляя опасныя стороны платформы.

Третья и наиболее грозная изъ опасностей, которыя могутъ быть приурочены къ платформѣ, заключается въ такомъ направленіи и такой организаціи ея, которыя могутъ угрожать, если не завершиться на самомъ дѣлѣ, ниспроверженіемъ правительства.

Въ продолженіе всей исторіи Англіи, съ тѣхъ поръ какъ платформа сдѣлалась политической силою, былъ только одинъ случай, когда подобная опасность дѣйствительно угрожала, а именно въ 1830—32 гг. во время агитаціи въ пользу реформы. Тогда былъ моментъ, когда государственный переворотъ дѣйствительно едва

не свершился, чтобы навсегда измѣнить всю дальнѣйшую судьбу Англіи. Надо обладать необычайнымъ хладнокровіемъ, чтобы безъ содроганія читать и переживать воображеніемъ все, что дѣлалось платформой въ это критическое время. Рисуя себѣ эти громаднѣйшіе митинги, чувствуя сдерживаемую, но тѣмъ не менѣе отчаянную рѣшительность, которой дышатъ рѣчи и резолюціи, съ энтузіазмомъ выслушиваемыя народными массами, исполненными самымъ страстнымъ и неподдѣльнымъ воодушевленіемъ,—нельзя безъ трепета слѣдить за всѣми перипетіями преобразовательнаго движенія—задержкою въ палатѣ общинъ, пораженіемъ въ верхней палатѣ и послѣдней критической задержкой въ палатѣ лордовъ.

Выдержитъ ли терпѣніе народа? Или же оно истощится и взрывъ народнаго возмущенія приведетъ къ насильственному перевороту въ государствѣ?

Чувство сильнѣйшаго облегченія охватываетъ при чтеніи дальнѣйшей исторіи преодоленія всѣхъ препятствій и благополучнаго окончанія кризиса. Но никогда не слѣдуетъ забывать, какъ близка была Англія къ насильственной, если не кровавой, революціи и нельзя не признавать этой опасной стороны платформы въ соединеніи съ организаціей.

Чартистская демонстрація 1848 г., при всей своей бурности, далеко не представляла такой опасности, какъ движеніе въ пользу реформы.

Съ тѣхъ поръ ни разу не дѣлалось попытки противопоставить палатѣ общинъ другое учрежденіе, и я полагаю, можно съ увѣренностью сказать, что съ проведеніемъ послѣдующихъ биллей о реформѣ опасность эта совсѣмъ миновала. Возможность насильственнаго переворота при посредствѣ платформы обусловливалась тѣмъ, что представительство народа въ парламентѣ совершенно не отвѣчало народнымъ интересамъ и что только путемъ проявленія своей силы передъ этимъ представительствомъ

народъ могъ склонить парламентъ къ выполненію своихъ требованій.

Въ настоящее время, когда избирательными правами пользуется огромная масса населенія, палата общинъ можетъ оказаться въ коллизіи съ платформою лишь въ теченіе незначительнаго періода времени. Заявляемые съ платформы взгляды и резолюціи митинговъ, если они дѣйствительно выражаютъ мнѣніе большинства страны, вскорѣ становятся и взглядами большинства палаты общинъ, а такъ какъ въ этой палатѣ въ сущности и сосредоточивается управленіе страной, то стремленія и желанія большинства народа получаютъ быстрое осуществленіе. Если же взгляды, выраженные съ платформы, не раздѣляются большинствомъ, то нѣтъ никакой опасности, чтобы платформа низвергла правительство.

Что тревожныя опасенія, которыя возбуждали прежде всякаго рода ассоціаціи или съѣзды делегатовъ, значительно утратили свою силу, видно уже изъ того равнодушія, съ какимъ относится парламентъ къ тѣмъ большимъ партійнымъ ассоціаціямъ, которыя не могли бы быть терпимы въ прежнее время. Теперь ежегодно устраиваются собранія многочисленныхъ делегатовъ, на которыхъ обсуждаются, составляются и устанавливаются программы различныхъ партій: либеральныя ассоціаціи, консервативныя ассоціаціи, рабочія ассоціаціи. Опытъ показалъ, что парламенту нечего опасаться ихъ. Гораздо болѣе крупныя и могущественныя ассоціаціи процвѣтали въ свое время и исчезли безслѣдно. Политическіе союзы 1830—32 гг., пожалуй наиболѣе опасныя изъ ассоціацій такого рода, сами собою прекратили свое существованіе. Лига противъ хлѣбныхъ законовъ, какъ ни была она могущественна, распалась, совершивъ свое дѣло. Конвентъ чартистовъ, подорванный преслѣдованіями многихъ членовъ его, а также и внутренними раздорами, пришелъ въ полный упадокъ и разсѣялся. Къ тому же, парламентъ теперь съ такою готовностью подчиняется мнѣніямъ и желаніямъ, господ-

ствующимъ въ обществѣ, что не можетъ быть никакого основанія опасаться какой либо попытки создать, съ помощью платформы и ассоціацій, такой новый органъ, который могъ бы стать опаснымъ соперникомъ палаты общинъ; еслибы даже случилось нѣчто подобное, то могъ ли бы этотъ новый органъ серьезно рассчитывать на успѣхъ, имѣя противъ себя большинство палаты общинъ и, слѣдовательно, всѣ тѣ громадныя силы, которыя представляетъ это большинство?

Изъ сказаннаго можно заключить, что изъ всѣхъ видовъ опасности, которую можетъ представить платформа, единственная настоящая и серьезная опасность заключается въ томъ, что народъ можетъ быть вводимъ въ заблужденіе и увлекаемъ на ложный путь злонамѣренными или невѣжественными людьми. Противъ этой опасности самымъ вѣрнымъ и, въ сущности, единственнымъ средствомъ, по моему мнѣнію, является воспитаніе въ широкомъ смыслѣ. Это средство не есть что либо новое и неизвѣстное. Оно уже имѣетъ за собою опытъ, вполне доказавшій его дѣйствительность. Было время, когда политическое воспитаніе народа нѣкоторые считали опаснымъ для государства, теперь же мы видимъ въ немъ якорь спасенія противъ самыхъ грозныхъ опасностей, которымъ можетъ подвергаться порядокъ и спокойствіе въ государствѣ.

Съ самыхъ раннихъ дней существованія платформы наиболѣе выдающіеся писатели по общественнымъ и политическимъ вопросамъ одинъ за другимъ проводили мысль о необходимости политическаго воспитанія народа. Бургъ въ своихъ Политическихъ изысканіяхъ (Political Disquisitions), написанныхъ болѣе ста лѣтъ тому назадъ, горячо настаиваетъ на свободѣ слова, какъ на необходимомъ условіи политическаго воспитанія. Эдмундъ Боркъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи *Thoughts on the Cause of the Present Discontents* слѣдующими словами рисуется тотъ высшій идеалъ, къ которому слѣ-

дуетъ стремиться: «На насъ лежитъ обязанность усердно культивировать въ себѣ и доводить до высшей степени развитія всѣ великодушныя и благородныя стороны нашей природы; качества, которыми мы наиболѣе дорожимъ въ частной жизни, мы должны проявлять и въ сферѣ общественнаго служенія, такъ чтобы быть патриотами, не забывая, что мы джентльмены».

Нѣкоторые изъ руководителей первой агитаціи городского рабочаго населенія въ 1792—95 гг.—Гарди, Плэсъ и другіе съ грустью отзывались о томъ невѣжественномъ состояніи, въ которомъ пребывалъ народъ, и той легкости, съ которой его вслѣдствіе этого можно было завлекать на ложные пути. Коббеттъ приходилъ въ отчаяніе отъ этого невѣжества и всѣми силами старался воспитать народныя массы и удержать ихъ отъ крайностей, которыя могли привести только къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ. Лучшіе изъ чартистскихъ лидеров—Ловеттъ, Коллинсъ и нѣкоторые другіе—смотрѣли на политическое воспитаніе, какъ на первую необходимость для народа, и воспитаніе не такое, которое, какъ скажутъ нѣкоторые, послужило бы средствомъ для совращенія его съ надлежащаго пути, а напротивъ такое, которое сдѣлало бы это невозможнымъ и помогло бы ему не быть послушною игрушкою сумасбродныхъ агитаторовъ.

«Какое лучшее средство», пишетъ лордъ Брумъ въ своемъ сочиненіи *On the Advantages of Political Science*, —«какое лучшее средство (чѣмъ здоровое и широкое образованіе) можно изобрѣсти противъ вліянія безумныхъ или злонамѣренныхъ людей? Чѣмъ инымъ можно успѣшнѣе бороться противъ искусныхъ измышленій всякихъ самозванныхъ политикановъ, естественною добычею которыхъ становится и всегда будетъ становиться непросвѣщенная чернь, но все оружіе которыхъ безсильно передъ людьми просвѣщенными и мыслящими?»

Макиннонъ въ своемъ превосходномъ сочиненіи объ

Общественномъ мнѣніи ¹ пишетъ: «Группы людей и даже цѣлыя общества могутъ находиться и часто находятся подъ вліяніемъ страстей, матеріальныхъ соображеній, энтузіазма; но настоящее и истинное отношеніе ко всякому данному вопросу, которому должно принадлежать вліяніе на большую часть просвѣщенныхъ людей въ странѣ,—то, что мы называемъ общественнымъ мнѣніемъ—должно имѣть своимъ основаніемъ нравственные принципы и широкое образованіе. Эти нравственные принципы, это широкое образованіе даются воспитаніемъ».

Рёбоккъ, который въ теченіе всей своей долгой политической жизни всегда былъ убѣжденнымъ защитникомъ народа, говоритъ то же самое въ одномъ изъ своихъ памфлетовъ. «Самъ по себѣ переходъ власти въ руки народа еще не гарантируетъ надлежащаго пользованія ею. Для этого нужны образованіе и твердые нравственные принципы».

Можно было бы и ограничиться приведенными сужденіями по этому предмету. Но я хочу указать еще на одного, болѣе современнаго намъ, автора, мнѣнія котораго по всѣмъ конституціоннымъ вопросамъ пользуются вполне заслуженнымъ всеобщимъ уваженіемъ,—Вальтера Бэджота.

Одною изъ основныхъ идей, проходящихъ черезъ всю его книгу *Англійская Конституція*, является признаніе огромнаго значенія образованія и воспитанія избирателей: «Массы англійскаго народа въ политическомъ отношеніи довольны и политически почтительны.... Почтительная страна, въ которой народныя массы пребываютъ въ невѣжествѣ, находится въ состояніи, которое въ механикѣ называется неустойчивымъ равновѣсіемъ. Какъ только это равновѣсіе нарушено, оно не стремится

¹. См. *On the Rise and Present State of Public Opinion in Great Britain and other Parts of the World.*—Сочиненіе, хотя и не подписанное именемъ G. A. Maskinpon'a, M. P., но принадлежащее ему. 1838 г., стр. 21.

возстановится, а напротивъ того падаетъ все болѣе... Въ обществѣ, гдѣ масса невѣжественна, но полна уваженія къ власти, какъ только эта власть перейдетъ въ руки невѣжественныхъ классовъ, навсегда исчезнетъ уваженіе. Ихъ демагоги будутъ проповѣдывать и ихъ газеты распространять, что правленіе этой династіи (народа) несравненно лучше правленія династіи павшей (аристократіи) ¹»/

Уже было высказано, что «коррелятивомъ всеобщей подачи голосовъ должно быть всеобщее образованіе», и къ этой конечной цѣли мы должны стремиться подойти какъ можно ближе.

«Мы дали политическія права, писалъ Бэдждотъ вскорѣ послѣ изданія Акта о Реформѣ въ 1867 г., классу, который не менѣе нуждается въ руководителствѣ людей, стоящихъ на высшемъ умственномъ уровнѣ, чѣмъ прежній классъ; напротивъ того, новый классъ нуждается въ этомъ еще болѣе»; эти слова еще съ большею справедливостью могутъ быть примѣнимы и къ акту о реформѣ 1885 г. Подтверждать это дальнѣйшими доводами я считаю излишнимъ, такъ какъ въ настоящее время не многіе стали бы это оспаривать.

Какую бы сторону жизни мы ни взяли, все указываетъ на желательность, я скажу необходимость, для народа, понимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ, изученія и пониманія основныхъ принциповъ, на которыхъ зиждется управленіе. Чѣмъ больше эти основные принципы подвергаются обсужденію, тѣмъ яснѣе и несомнѣннѣе выступитъ передъ народомъ ихъ разумность и тѣмъ менѣе податливо будетъ общество къ увлеченію фантастическими доктринами, какъ бы онѣ ни казались заманчивы.

Задачу такого политическаго воспитанія народа могутъ взять на себя съ успѣхомъ только самые лучшіе люди въ странѣ, сознающіе всю важность лежащей на

1. Вагеһот, English Constitution, стр. 270.

нихъ отвѣтственности и принимающіе на себя роль руководителей.

Боркъ, еще въ раннюю пору развитія платформы, указывалъ на неизбѣжныя печальныя послѣдствія уклоненія лучшихъ людей отъ той роли, которая имъ принадлежитъ по праву. Въ письмѣ къ лорду Рокингаму, которое онъ писалъ въ декабрѣ 1769 г. во время миддльсекскихъ выборовъ по поводу одной петиціи, онъ говоритъ: «Наглые люди берутъ на себя ту роль, которая по праву принадлежитъ другимъ, и пріобрѣтаютъ власть, которой они совсѣмъ не должны бы имѣть, только по небрежности тѣхъ, кто не хочетъ взять на себя трудъ быть дѣйствительными защитниками добраго дѣла или опасными противниками враговъ его¹».

Но эта потребность народа имѣть истинныхъ руководителей вмѣсто различныхъ совратителей сдѣлалась особенно настоятельною лишь въ послѣднемъ десятилѣтіи XVIII столѣтія, когда впервые стало приходиться въ движеніе городское рабочее населеніе. Тогда, къ несчастью, тѣ, кто должны были быть естественными руководителями народа, примкнули къ министерской партіи того времени и даже «Общество друзей народа» не приняло его сторону, предоставивъ его въ полное распоряженіе такихъ людей, какъ Гэль Джонсъ и подобные ему. Фоксъ ясно сознавалъ тогда всю важность положенія и дѣлалъ съ своей стороны все, что могъ.

Сохранилось одно письмо Фокса, написанное въ 1795 г., въ которомъ онъ кратко, но ясно выражаетъ свои мысли по поводу этого¹. «Говоря о тѣхъ опасностяхъ, которыя угрожаютъ намъ и которыхъ у насъ имѣется достаточный выборъ, для меня не подлежитъ сомнѣнію, что всякій желающій добра своей родинѣ долженъ прежде и болѣе всего стараться о томъ, чтобы воздѣйствовать на

¹. Burke's Works, т. I, стр. 40.

². См. его письмо къ его племяннику, лорду Голланду, въ 1795 г. Life of Lord Grey, Grey, стр. 110.

народъ, пока еще не слишкомъ поздно и пока на него можно воздѣйствовать не только силой. Необходимо дать народу руководителей, которые указали бы ему истинный путь и направили бы его на такой способъ борьбы противъ господствующаго нынѣ зла, который менѣе другихъ способенъ вызвать всеобщую смуту».

Время отъ времени среди самого народа раздавались выраженія глубокой скорби о томъ, что онъ предоставленъ самому себѣ и что тѣ, на комъ должна бы лежать обязанность учить его и помогать ему, держатъ себя въ сторонѣ. И съ каждою новою вспышкою движенія въ народѣ, необходимость въ умѣлыхъ руководителяхъ сказывалась все болѣе настоятельно.

Карлейль, глубокой знатокъ французской революціи, вѣрно понялъ смыслъ чартистскаго движенія и горячо настаивалъ на необходимости дать народу учителей и руководителей. «Что означаютъ „пять пунктовъ“, если мы вникнемъ въ смыслъ ихъ? Что такое всѣ эти народныя волненія, начиная отъ Питерлоо и кончая Place de Grève? Ревъ, невнятные крики ярости и страданія необладающаго членораздѣльною рѣчью существа. Для того, кто умѣетъ понимать смыслъ ихъ, они заключаютъ въ себѣ мольбу: „Укажите мнѣ путь, управляйте мною! Я обезумѣлъ и не могу самъ найти этотъ путь“!

«Нѣтъ сомнѣнія, что изъ всѣхъ „правъ человѣка“ это право невѣжественнаго человѣка на то, чтобы люди болѣе просвѣщенные руководили имъ, такъ или иначе, убѣжденіемъ или силою, указывали ему истинный путь, самое безспорное право. Сама природа установила его; общество напрягаетъ всѣ силы для утвержденія его и усовершенствованія его осуществленія. Если свобода имѣетъ какое нибудь значеніе, то оно именно и состоитъ въ пользованіи этимъ правомъ, которое включаетъ въ себя всѣ остальные права. Это есть священное право для одной стороны и священная обязанность для другой и всѣ общественныя обязанности лежатъ между этими двумя

конечными пунктами. Зачѣмъ одинъ работаетъ руками, если другой не трудится еще болѣе неустанно головою и всѣми душевными силами. Какъ для чернорабочаго его тяжелый трудъ надъ обработкою сырого матеріала не есть игрушка, такъ и трудъ управленія людьми не можетъ быть любительскою забавою; результаты подобнаго диллетантскаго отношенія къ нему у насъ передъ глазами ¹».

Лордъ Брумъ, въ своей статьѣ *On the Advantages of Political Science*, ставитъ вопросъ на нѣсколько иную почву. «Вопросъ о томъ, долженъ ли народъ быть знакомъ съ политическими дѣлами своей страны или нѣтъ, уже не есть вопросъ для насъ. Онъ долженъ быть знакомъ съ ними и весь вопросъ заключается въ томъ, будетъ ли онъ ознакомленъ съ ними какъ слѣдуетъ или будетъ получать лишь ложныя и извращенныя понятія. Что бы вы ни дѣлали, ктонибудь непременно возьметъ на себя роль его просвѣтителя, такъ какъ въ свободной странѣ всякій можетъ взять ее на себя и почти всякій считаетъ себя достаточно призваннымъ для этого. Если народу не будутъ сообщаться правильные взгляды на политическія дѣла людьми безпристрастными и спокойными, то онъ по необходимости долженъ будетъ внимать взглядамъ совсѣмъ иного рода и дѣлаться послушнымъ орудіемъ въ рукахъ политикановъ, агитаторовъ и проходимцевъ».

На первыхъ порахъ своего развитія платформа, какъ мы видѣли, находилась въ рукахъ просвѣщенныхъ и умныхъ людей болѣе или менѣе высокаго положенія подъ контролемъ вождей партій. Мало по малу ею завладѣли такіе люди, какъ Гэль Джонсъ, Биннсъ и подобные имъ. Затѣмъ, въ теченіе нѣкотораго періода времени сэръ Фрэнсисъ Бердеттъ и еще нѣкоторые члены парламента, принадлежавшіе къ народной партіи, прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы направить народъ на истинный путь.

1. Carlyle, Chartism, гл. VI.

Но они подвергались лишь насмѣшкамъ и презрѣнію со стороны остальныхъ членовъ парламента и наиболѣе вліятельными и видными дѣятелями платформы оставались Гентъ и Коббеттъ. Лордъ Ливерпуль и весь составъ его кабинета, за блестящимъ исключеніемъ одного только Каннинга, никогда не спускались до образа дѣйствій который они считали унижительнымъ и близкимъ къ революціонному. Даже виги относились къ платформѣ не сочувственно. Однако же мало по малу обстоятельства принудили ихъ обратиться къ ней.

Послѣ Питерлоосскихъ событій въ 1819 г. нѣкоторые изъ виговъ снова начали выступать съ платформы и мы видимъ Брума обсуждающаго въ перепискѣ съ лордомъ Греемъ въ 1820 г. желательность вырвать изъ рукъ Гента монополію проповѣди съ платформы, а десять лѣтъ спустя, виги уже во всей совокупности, какъ партія, сдѣлали платформу орудіемъ борьбы за парламентскую реформу.

Но еще гораздо большимъ шагомъ впередъ было то, что вскорѣ и торійская партія, чуждавшаяся до сихъ поръ платформы, какъ величайшаго зла, увидѣла, что она не можетъ безъ громаднаго ущерба для себя допустить, чтобы только противники пользовались столь могущественнымъ орудіемъ, и сама обратилась къ ней. И когда платформа была окончательно признана орудіемъ политической борьбы, когда споры между партіями стали вестись при помощи ея, то положеніе ея было упрочено навѣки. Торіи лишь медленнымъ путемъ пришли къ сознанію пользы и значенія платформы. Каннингъ подалъ имъ первый примѣръ, но лишь много лѣтъ спустя послѣ его смерти, послѣ проведенія перваго акта о реформѣ, нашелся другой государственный человѣкъ изъ числа торіевъ, сэръ Робертъ Пиль, который послѣдовалъ этому примѣру. Въ своемъ обращеніи къ Тамвортскимъ избирателямъ въ 1834 г. сэръ Робертъ Пиль высказалъ, какое высокое значеніе онъ придаетъ платфор-

мѣ; самъ онъ много разъ говорилъ на публичныхъ митингахъ и на нихъ произнесъ нѣкоторыя изъ наиболее замѣчательныхъ своихъ рѣчей¹.

Послѣ того платформа снова сдѣлалась исключительнымъ достояніемъ чартистскихъ агитаторовъ и орудіемъ зла въ рукахъ многихъ невѣжественныхъ и вредныхъ людей, которые сознательно или невольно совращали народъ на ложные пути. Изъ этой темной пучины извлекли платформу люди, имена которыхъ навсегда оставятъ по себѣ свѣтлую память въ ея исторіи,—Кобденъ, Брайтъ, Вилльерсъ, В. Дж. Фоксъ и многіе другіе члены Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ. Удивительно, до какой степени эти люди сразу подняли тонъ платформы и придали ей совершенно новую силу. Путемъ неустаннаго самоотверженнаго труда, постояннаго, настойчиваго повторенія высокихъ и благородныхъ истинъ политической морали и собственнаго примѣра безупречной честности и прямоты они обратили самые грубые общественные элементы на путь конституціоннаго образа дѣйствій; они сдумѣли внушить имъ великіе политическіе принципы и показали имъ воочию, чѣмъ должна быть платформа и какимъ образомъ можно съ помощью ея одержать побѣду въ дѣлѣ, казавшемся безнадежнымъ. Громадная заслуга Аттвуда заключается въ томъ умѣряющемъ и сдерживающемъ вліяніи, которое онъ оказывалъ въ самые критическіе и трудные моменты агитаціи за реформу. Заслуги Кобдена и Брайта могутъ считаться еще болѣе цѣнными. Они сдумѣли остановить движеніе народа по пути насилія и кровопролитія и показали всему міру, какимъ образомъ орудіе, служившее орудіемъ гибели для общества, можетъ и должно служить лишь на благо его.

1. Въ высшей степени достойно сожалѣнія, что внѣпарламентскія рѣчи сэра Роберта Пиля никогда не были изданы. Это указываетъ на тотъ удивительный недостатокъ вниманія, который оказывали до сихъ поръ историки внѣпарламентскимъ рѣчамъ вообще и какъ мало они придавали имъ значенія.

Къ счастью для государства, съ этихъ поръ лучшіе люди страны, все въ большемъ и большемъ количествѣ, не переставали выступать съ платформы, пользуясь ею какъ средствомъ для образованія общественнаго мнѣнія, поученія и просвѣщенія народныхъ массъ. А это и есть то, что слѣдуетъ дѣлать. Люди, стоящіе во главѣ умственной жизни, обладающіе всѣмъ что нужно для того, чтобы поучать народъ и могущіе дѣйствительно проливать свѣтъ на многіе сложныя вопросы и задачи данной эпохи,—должны это дѣлать въ самой широкой мѣрѣ. Теперь они, менѣе чѣмъ когда либо въ прошлые періоды нашей исторіи, могутъ оставаться въ сторонѣ. Могучимъ двигателемъ и поощреніемъ въ великомъ дѣлѣ непрерывнаго труда надъ просвѣщеніемъ народа и поднятіемъ его политическаго сознанія должны служить тѣ крупныя и высокоблагодѣтельные результаты, которые эти труды уже принесли. Плэсъ писалъ въ 1843 году или около этого времени: «Теперь гораздо больше пониманія политическихъ интересовъ, чѣмъ во времена моей молодости... Народъ сильно подвинулся впередъ въ своемъ развитіи и теперь его нельзя поднять и вызвать въ немъ движеніе ради цѣлей, которыхъ онъ ясно не понимаетъ, какъ это было прежде... Теперь, для того, чтобы заставить его стать на сторону такой или иной мѣры, нужно обращаться къ его разуму. Обращеніе къ его страстямъ по большей части вызываетъ въ немъ броженіе, но всѣ подобныя движенія въ высшей степени скоропреходящи. Изъ всѣхъ агитаторовъ покойному Генри Генту долѣе всего удавалось оказывать сильное вліяніе на простой народъ. Онъ много разъ вызывалъ въ немъ бурныя броженія, но все это были только вспышки, которыя не оканчивались ничѣмъ¹».

Но обратимся къ нашему времени. Достаточно самаго поверхностнаго сравненія умственнаго и духовнаго состоянія народа, какъ оно сказывалось въ платформѣ

1. Рукописи Плэса, 27, 827, 219, 220.

1839 г. съ его состояніемъ въ 1890 г., чтобы увидѣть какая пропасть лежитъ между тѣмъ и другимъ. Рѣчи, которыя встрѣчались въ то время восторженными криками одобренія, теперь, въ большинствѣ случаевъ, были бы встрѣчены и заглушены взрывами негодованія и порицанія. На ряду съ возрастаніемъ силы народа, возрасло въ немъ и сознаніе отвѣтственности; на публичныхъ митингахъ онъ проявляетъ несравненно большее пониманіе общественныхъ интересовъ, болѣе возвышенное отношеніе къ нимъ, болѣе здравое сужденіе и быстроту пониманія; нельзя не поражаться тѣмъ, какой горячій откликъ находятъ въ сердцахъ слушателей высокія и благородныя стремленія. Публичныя собранія нашего времени краснорѣчиво и убѣдительно свидѣтельствуютъ о томъ, какой неизмѣримый прогрессъ совершился въ народномъ сознаніи. Подобно тому, какъ увеличеніе богатства страны въ XIX столѣтіи вывело изъ нужды громадныя массы народа и обезпечило ихъ благосостояніе, такъ распространеніе знаній и просвѣщенія вывело народныя массы изъ мрака невѣжества и сдѣлало ихъ способными къ выполненію такихъ обязанностей, которыя, еще не такъ давно, были для нихъ совершенно недоступны.

Указать съ опредѣленностью долю участія платформы въ достиженіи этого прогресса невозможно. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что доля эта велика, такъ какъ и прогрессъ всего болѣе сказывается въ ея сферѣ. Кобленъ замѣтилъ однажды, незадолго до окончанія борьбы противъ хлѣбныхъ законовъ: «Это движеніе вызвало на свѣтъ новыхъ людей въ большихъ и малыхъ городахъ, которые я посѣщалъ,—людей совершенно новыхъ, не прежнихъ наемниковъ различныхъ партій, а людей съ твердыми и искренними убѣжденіями, исполненныхъ горячихъ стремленій къ справедливости и воцаренію правды въ этомъ дѣлѣ и усердно трудящихся на пользу его по всему ко-

ролевству ¹». То же можно сказать и о другихъ агитаціяхъ, даже о простой избирательной борьбѣ.

Громадную воспитательную роль играли и тѣ принципы, которые лежали въ основѣ главныхъ движеній. Эти движенія являлись борьбою за свободу, справедливость, равенство передъ закономъ, и непрестанное повтореніе этихъ великихъ принциповъ съ платформы все глубже и глубже укрѣпляло ихъ въ народномъ сознаніи.

Сила этого вліянія прекрасно описана американскимъ писателемъ, котораго намъ уже приходилось цитировать. «Задачи, во имя которыхъ дѣйствовали Политическій Союзъ, Общество противъ рабовладѣнія и Лига противъ хлѣбныхъ законовъ, и одержанные ими триумфы имѣли сами по себѣ неизмѣримо высокую цѣну, но и тѣ воспитательныя средства, которыя примѣнялись къ просвѣщенію народныхъ массъ, научая ихъ самостоятельно думать, рассуждать, дѣлать сравненія и наблюденія, имѣли не меньшее значеніе». Затѣмъ, примѣняя тѣ же выводы къ болѣе широкой сферѣ, онъ говоритъ: «Благотворныя послѣдствія этой организаціи высшихъ духовныхъ силъ народа не ограничивались предѣлами одной Англіи. Бирмингамское знамя—„Миръ, законъ и порядокъ“—подобно тому, что говорилъ Ламартинъ о трехцвѣтномъ знамени, обойдетъ весь міръ, вытѣсняя своими бѣлыми складками всѣ красные флаги грубой физической силы и собирая угнетенныя народныя массы вокругъ платформы вмѣсто баррикады ²».

Для настоящаго времени особенно знаменательна громадная популярность платформы, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ имѣется много причинъ по которымъ народъ дорожитъ ею. Еще въ 1818 г. ³ одинъ писатель въ *Edinburgh Review* указывалъ на эти

¹. Cobden's Speeches, т. I, стр. 132, 1844.

². См. Walks in the Black Country, Elihu Burritt.

³. *Edinburgh Review*, т. XXXI, «Universal Suffrage».

причины привлекательности платформы для народа: «На многолюдныхъ митингахъ каждый присутствующій заражается одушевленіемъ своего сосѣда и почерпаетъ мужество въ сознаниі силы собранія людей. Подобные митинги, и только они, при всѣхъ ихъ недостаткахъ и ошибкахъ, могутъ вселять во многихъ чувство полного, хотя бы и преходящаго безкорыстнаго самоотверженія, дѣлать самыхъ обыкновенныхъ людей способными забывать личные интересы и беззавѣтно служить общественному дѣлу. Самые недостатки ихъ являются коррективомъ произвола и себялюбія стоящихъ выше ихъ. Ихъ дурныя, равно какъ и хорошія качества, дѣлаютъ изъ нихъ наиболѣе впечатлительную часть общества, наиболѣе воспріимчивую къ общественнымъ интересамъ. Ими создается тотъ демократическій духъ, который, умѣряясь въ своемъ развитіи вліяніемъ другихъ общественныхъ классовъ, становится жизненнымъ принципомъ свободы».

Но имѣются еще и другія причины. Отдѣльные индивиды, какъ таковыя, не могутъ не сознавать своей слабости; публичное же собраніе сообщаетъ имъ сознание своей силы и до нѣкоторой степени также и отвѣтственности. Часто также съ платформы они слышатъ не только собственныя свои мысли, выраженные съ большею силою и послѣдовательностью, чѣмъ они сами могли бы это сдѣлать, но и новыя свѣдѣнія, пробуждающія въ нихъ новыя идеи. Кромѣ того, въ самомъ фактѣ принятія или отклоненія извѣстнаго предложенія заключается нѣчто такое, что заставляетъ человѣка чувствовать себя какъ бы участникомъ въ управленіи и тѣмъ возвышаетъ его въ собственныхъ глазахъ. Однимъ словомъ, платформа служитъ для народа виѣшнимъ и осязательнымъ признакомъ того значенія, какое принадлежитъ ему.

Есть еще одна, также очень важная причина популярности платформы—это возможность для народа лично узнать своихъ лидеровъ и другихъ выдающихся дѣя-

телей своей страны. Здѣсь входятъ въ личное общеніе съ ними люди, о которыхъ они много слышатъ и читаютъ.

«Чрезвычайно много значитъ слышать мнѣнія и взгляды, защищаемые самыми лучшими и наиболѣе способными къ тому людьми. Чрезвычайно много значитъ имѣть возможность связывать слово съ человѣкомъ, съ его личнымъ характеромъ и всею его жизнью... люди совершенно основательно желаютъ хоть немного лично узнать того человѣка, который беретъ ихъ ¹».

Слѣдуетъ добавить и еще одну причину—громадное удовольствіе, испытываемое, когда слышишь рѣчи дѣйствительно хорошаго оратора; между тѣмъ, многіе изъ великихъ людей нашего столѣтія были не только хорошими, но замѣчательными ораторами.

Соперниками платформы въ отношеніи къ вліянію на народъ являются парламентъ и печать. Ребоккъ, въ памфлетѣ, написанномъ въ 1835 г., прекрасно опредѣлилъ вліяніе прессы: «Тотъ, кто научаетъ народъ чрезъ посредство періодической печати, имѣетъ въ своихъ рукахъ гораздо болѣе могущественное и удобное орудіе, чѣмъ другіе. Его аудиторія громадна и постояннымъ повтореніемъ своихъ мыслей онъ можетъ достигать устойчивыхъ результатовъ. Новыя идеи не могутъ быть введены въ общественное сознаніе сразу или единоличнымъ усиленіемъ, какъ бы послѣднее ни было вѣрно направлено; лишь капля по каплѣ точитъ камень и лишь непрестанное повтореніе извѣстныхъ идей обезпечиваетъ ихъ вліяніе. Успѣшно воздѣйствовать на народъ можно только при помощи постояннаго обращенія къ нему». Въ 1844 г. Брайтъ въ слѣдующихъ словахъ выразилъ свое глубокое уваженіе къ печати ²: «По моему мнѣнію, нѣтъ ничего драгоцѣннѣе обладанія такимъ органомъ печати, какъ ежедневная газета, если она ведется честно. Едва ли

¹. См. The Times, 7 ноября 1898 г.

². См. The League, 1844 г. стр. 666.

для человека, преисполненного самого большого честолюбия, можетъ быть что либо привлекательнѣе возможности ежедневно высказывать передъ 10.000, или 20.000 читателей честныя, благородныя и просвѣщенныя мысли. Онъ такимъ образомъ вкладываетъ свою собственную душу въ души людей, среди которыхъ онъ живетъ, и хотя онъ не можетъ установить въ точности, сколько добра приноситъ онъ, но ему не можетъ не доставлять высокое удовлетвореніе сознание того, что онъ оглашаетъ истину, что онъ сообщаетъ міру и развиваетъ передъ нимъ великія мысли и что добрыя сѣмена, которыя онъ сѣетъ, будутъ неизмѣнно произрастать изъ поколѣнія въ поколѣніе и слѣды добра, сдѣланнаго имъ своимъ ближнимъ, будутъ жить вѣчно».

Сравнивая значеніе печати и платформы, какъ политическихъ институтовъ демократіи, я думаю, что преимущество должно быть признано за платформой, хотя нельзя отрицать того, что значительная доля ея вліянія зависитъ отъ печати. Ораторъ платформы имѣетъ такую же большую аудиторію, какъ и всякій органъ печати, а часто и гораздо большую, и путемъ постояннаго повторенія своихъ идей онъ можетъ, какъ это показали многочисленныя агитаціи, которыя велись при помощи платформы, производить рѣшительное и глубокое дѣйствіе. Статьи, появляющіяся въ печати, анонимны и ихъ достоинства и недостатки не приурочиваются къ какому либо определенному лицу. Рѣчи же платформы носятъ личный характеръ и личныя качества оратора усиливаютъ или ослабляютъ достоинства его рѣчи. Кромѣ того, рѣчь, встрѣчающая одобреніе въ большомъ собраніи, становится въ сущности голосомъ самого собранія и такимъ образомъ пріобрѣтаетъ гораздо большій вѣсъ, чѣмъ чьи либо личные взгляды. Талантливая рѣчь, произнесенная выдающимся политическимъ дѣятелемъ съ платформы, производитъ большее впечатлѣніе, чѣмъ талантливая статья въ самомъ вліятельномъ органѣ печати. Печать можетъ

представлять собою «общественное мнѣніе»; платформа представляетъ «общественное мнѣніе» плюсъ «физическая сила».

Другимъ соперникомъ платформы является парламентъ. Оба эти института въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ такъ тѣсно связаны между собою, что ихъ трудно отдѣлить другъ отъ друга для сравнительной оцѣнки вліянія того и другого. Въ настоящее время выдающіеся парламентскіе дѣятели, за самыми малыми исключеніями, являются вмѣстѣ съ тѣмъ и выдающимися дѣятелями платформы, такъ что члены парламента фигурируютъ въ двойной роли ораторовъ въ парламентѣ и ораторовъ съ платформы. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторая попытка сравненія можетъ быть сдѣлана.

Въ *Edinburgh Review*¹ въ 1866 г. была напечатана статья о «парламентской исторіи»—статья, въ которой обсуждается относительное значеніе рѣчей съ платформы и рѣчей въ парламентѣ и которая содержитъ въ себѣ оцѣнку сравнительнаго значенія платформы, парламентскихъ рѣчей и печати того времени. «Газеты и памфлеты, говорилъ авторъ,—могутъ вызвать большое возбужденіе по всякому вопросу, публичныя же собранія могутъ придать этому возбужденію особую силу. Но было бы большою ошибкою отрицать, что общество съ гораздо большимъ интересомъ относится къ парламентскимъ дебатамъ по тому же вопросу, и мы видимъ, что при открытіи парламентской сессіи иные способы обсужденія вопроса перестаютъ обращать на себя то вниманіе, которымъ они пользовались во время парламентскихъ каникулъ...

«Отчеты о рѣчахъ публичныхъ митинговъ ближе всего подходятъ къ отчетамъ о парламентскихъ дебатахъ, но они остаются позади послѣднихъ, даже въ отношеніи широты распространенія, а еще больше въ отношеніи того интереса, который они вызываютъ, а слѣдова-

1. *Edinburgh Review*, т. XLIV, стр. 458.

тельно и того впечатлѣнія, которое они производятъ... Но допустимъ даже, что какойнибудь митингъ возбудитъ такой интересъ, что печатные отчеты о немъ будутъ читаться всею читающею публикой съ такимъ же вниманіемъ, какъ и самые важные парламентскіе дебаты, — это все же будетъ впечатлѣніемъ преходящимъ, продолжающимся лишь весьма короткое время; то же самое можетъ быть, конечно, вѣрно и относительно дебатовъ въ парламентѣ, т. е. какихънибудь дебатовъ одного дня; но вся разница и заключается въ томъ, что парламентскіе дебаты продолжаются изо дня въ день, — вопросъ поднимается снова и снова, — одни и тѣ же лица изо дня въ день говорятъ передъ тѣми же читателями въ теченіе цѣлыхъ недѣль и мѣсяцевъ, и притомъ въ самой разнообразной формѣ, — въ самостоятельномъ обращеніи къ парламенту и въ возраженіи, въ законченной рѣчи и въ короткихъ замѣчаніяхъ по адресу другого оратора, въ серьезныхъ формальныхъ преніяхъ и въ мимолетныхъ замѣчаніяхъ, — такъ что въ концѣ концовъ читатели до такой степени осваиваются съ ораторами, какъ будто они присутствуютъ при самыхъ дебатахъ. Такимъ образомъ, заслуженно или незаслуженно, но тѣ, кто говоритъ въ парламентѣ, въ силу одной принадлежности своей къ органу, въ которомъ сосредоточивается законодательная власть и, прямо или косвенно, все управленіе страной, оказываютъ гораздо болѣе сильное вліяніе на направленіе общественнаго мнѣнія по каждому данному вопросу и на привлеченіе общественнаго вниманія къ вопросамъ политической жизни».

Безъ сомнѣнія, это было совершенно справедливо по отношенію къ тому времени, когда это писалось, и такой взглядъ въ высшей степени интересенъ для насъ, такъ какъ онъ показываетъ намъ, что тѣ возраженія, которыя дѣлались въ то время противъ платформы, нынѣ перестали существовать. Весь вопросъ сталъ теперь на совершенно иную почву. Теперь о вопросахъ, трак-

туемыхъ съ платформы, уже нельзя говорить, что они оставляютъ лишь «мимолетное, скоропреходящее впечатлѣніе». Теперь голосъ платформы, когда она агитируетъ по какому нибудь вопросу, звучитъ съ такою силою и такою продолжительностью, которыхъ парламентскіе дебаты не могутъ имѣть. Гдѣ дольше и съ большею горячностью обсуждались Болгарскія звѣрства,—въ парламентѣ или съ платформы? Что болѣе послужило къ пробужденію сознанія въ народѣ и болѣе повліяло во время выборовъ 1880 г.—двѣ ли Мидлошенскія кампаніи и рѣчи лидеровъ либеральной партіи съ платформы или рѣчи, произнесенныя въ парламентѣ? Гдѣ больше обсуждалось послѣднее движеніе въ пользу реформы представительства,—въ парламентѣ или съ платформы? На всѣ эти вопросы, я полагаю, отвѣтъ будетъ въ пользу платформы.

Парламентскіе дебаты, при всемъ своемъ значеніи, оказываютъ воздѣйствіе лишь на слушающихъ ихъ членовъ палаты и до нѣкоторой степени на главныхъ политическихъ дѣятелей даннаго времени; но для общества вообще, до котораго они обыкновенно доходятъ въ значительно сокращенной формѣ, они представляютъ гораздо меньшій интересъ и далеко не составляютъ единственнаго источника политическихъ свѣдѣній, какъ это было въ прежнее время. Въ этомъ отношеніи платформа въ значительной мѣрѣ заступила мѣсто парламента. Самые важныя и животрепещущія общественныя вопросы теперь дебатуются внѣ парламента и по большей части успѣваютъ получить вполне законченное и опредѣленное разрѣшеніе прежде чѣмъ перейдутъ въ парламентъ для законодательныхъ или исполнительныхъ цѣлей. Для платформы нѣтъ «закрытія» дебатовъ. Будучи подчинена только закономъ о клеветѣ и мятежныхъ заговорахъ или подстрекательствѣ къ преступленію, она не знаетъ иныхъ ограниченій, ни относительно времени, ни относительно продолжительности обсужденія вопросовъ. Въ

наше время телеграфовъ и почти моментальнаго воспроизведенія печатью дословныхъ отчетовъ пространство Соединеннаго Королевства сдѣлалось такъ невелико, что всякое обсужденіе крупныхъ вопросовъ, какъ внутренней, такъ и внѣшней политики, составляетъ принадлежность уже не одного парламента, а всей страны. Политическіе дѣятели говорятъ и отвѣчаютъ одинъ другому черезъ всю страну совершенно такъ же легко, какъ члены палаты другъ другу, и вся нація слушаетъ и принимаетъ участіе въ преніяхъ; при всякомъ же серьезномъ политическомъ кризисѣ, когда странѣ приходится рѣшать вопросъ большой важности, вмѣсто рѣшенія вопроса голосованіемъ въ четырехъ стѣнахъ палаты, громко звучитъ парламентскій колоколъ, парламентъ распускается и страна сама рѣшаетъ вопросъ при помощи бросаемыхъ въ урну избирательныхъ бюллетеней, которые сосчитываются и возвѣщаютъ это рѣшеніе при новомъ открытіи парламента. Въ этомъ есть нѣчто безспорно великое, плѣняющее воображеніе, вызывающее горделивое чувство. Это и есть истинное народное самоуправленіе, торжество демократіи.

Таково прошлое и настоящее платформы. Но есть область, къ которой часто и не безъ тревоги обращаются современники. Чего ожидать въ будущемъ? Насколько въ концѣ концовъ окажутся благотворными результаты этого признанія права публичнаго обсужденія политическихъ вопросовъ, свободнаго примѣненія права устройства публичныхъ митинговъ и того контроля надъ парламентомъ, который обеспечивается за народомъ этими правами? На это нельзя еще дать окончательнаго отвѣта, но уже и теперь можно утверждать, что, во первыхъ, поскольку дѣло управленія находится теперь, благодаря платформѣ, въ рукахъ самого народа, послѣдній имѣетъ самыя сильныя побужденія стремиться къ обезпеченію строгаго порядка и разумной системы управленія, потому что теперь вся судьба его и всей имперіи зависитъ уже

не отъ единоличнаго правителя и даже не отъ того или другого отдѣльнаго класса, а отъ него самого. Брайтъ въ одной изъ самыхъ краснорѣчивыхъ своихъ рѣчей, произнесенной имъ во время агитаціи за реформу 1866 г., сказалъ: «Если это не удалось одному классу (создать на землѣ рай), то пусть попытается это сдѣлать весь народъ—таковъ нашъ завѣтъ, такова наша конечная цѣль, таковъ нашъ громкій призывъ—пусть попытается это сдѣлать весь народъ. Вотъ, что побуждаетъ эти безчисленныя массы народа собираться вмѣстѣ для требованія реформы; и когда я думаю о ней и объ этихъ собраніяхъ, столь величественныхъ, какъ по ихъ многолюдству, такъ и по той рѣшительности, которой преисполнены собирающіеся, то мнѣ кажется, я вижу сквозь туманъ время, застилающій будущее, зарю новой, лучшей жизни для страны и народа, столь дорогихъ мнѣ».

Но эта заря можетъ померкнуть и свѣтлое будущее можетъ отдалиться по винѣ какогонибудь необдуманнаго поступка со стороны самого народа, въ рукахъ котораго теперь сосредоточивается вся власть. И потому народъ болѣе чѣмъ когданибудь нуждается въ образованіи и развитіи всѣхъ тѣхъ сторонъ его характера и способностей, которыя лучше всего могутъ помочь ему достойнымъ образомъ выполнять обязанности, налагающія на него такую громадную отвѣтственность. Это одно изъ самыхъ благотворныхъ послѣдствій, которыя созданы платформой и которыя не могутъ не принести благихъ результатовъ и въ будущемъ.

Нельзя также не указать и на то, что широкое обсужденіе политическихъ вопросовъ, сдѣлавшееся возможнымъ благодаря свободѣ слова, создало такое стремленіе къ лучшему, которое также не можетъ не имѣть самыхъ благотворныхъ послѣдствій. Только такимъ путемъ достигается распознаваніе истины отъ лжи и заблужденій, только такой путь ведетъ къ торжеству разума и правды. Разумная жизнь, какъ индивидуальная, такъ и

народная, есть стремленіе къ высшей, лучшей жизни, и въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ громадный шагъ впередъ, когда за народомъ обезпечено было свободное, безконтрольное и неотъемлемое право публичнаго обсуждения.

Такимъ образомъ платформа имѣетъ полное право на признаніе за нею того, что она послужила сильнѣйшимъ факторомъ въ дѣлѣ политическаго воспитанія и просвѣщенія народа, а также того, что она облегчила путь къ достиженію болѣе высокихъ формъ національной жизни. На трудномъ пути человѣческаго прогресса это высокознаменательные шаги впередъ и, хотя мы не можемъ прозрѣть тайну будущаго, но если мы взвѣсимъ все значеніе изложенныхъ фактовъ и примемъ во вниманіе благородныя свойства англійскаго народа, то мы, я полагаю, можемъ съ полнымъ спокойствіемъ и твердою вѣрою взирать на будущую судьбу этого великаго народа.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОГО ТОМА.

ЧАСТЬ III.

Главы:

- XIV. АГИТАЦІЯ ПО ВОПРОСУ ОБЪ ЭМАНСИПАЦИИ КАТОЛИКОВЪ.
- XV. АГИТАЦІЯ ВЪ ПОЛЬЗУ ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕФОРМЫ.
- XVI. ПЛАТФОРМА ПОСЛѢ АКТА О РЕФОРМѢ.

ЧАСТЬ IV.

- XVII. ПЕРВАЯ АГИТАЦІЯ ЧАРТИСТОВЪ.
- XVIII. АГИТАЦІЯ ПО ПОВОДУ ХЛѢБНЫХЪ ЗАКОНОВЪ.
- XIX. ВТОРАЯ ВСПЫШКА ЧАРТИСТСКАГО ДВИЖЕНІЯ.

ЧАСТЬ V.

- XX. АГИТАЦІЯ ПО ПОВОДУ ВТОРОЙ ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕФОРМЫ.
- XXI. АГИТАЦІЯ ПО ПОВОДУ БОЛГАРСКИХЪ ЗВѢРСТВЪ
- XXII. ПЛАТФОРМА И ОБЩЕ ВЫБОРЫ 1880 ГОДА.
- XXIII. АГИТАЦІЯ ПО ПОВОДУ ТРЕТЬЯГО АКТА О РЕФОРМѢ.

ЧАСТЬ VI.

- XXIV. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЯ СООБРАЖЕНІЯ.
-

ЧАСТЬ III.

ГЛАВА XIV.

Агитація по вопросу объ эмансипаціи католиковъ.

	стр.
Недостатки существовавшей до сихъ поръ организаціи глат- формы	3
Платформа въ Ирландіи	4
Общественное мнѣніе въ Англіи и въ Ирландіи	5
Католическая Ассоціація	7
Репрессивныя мѣры противъ Ассоціаціи	11
О'Коннелль и Шейль	12
Митинги въ Ирландіи	14
Выборы и митингъ въ Уотерфордѣ	15
Дальнѣйшіе успѣхи Ассоціаціи	17
Выборы въ Клэрѣ	18
Могущество Ассоціаціи и дѣйствіе агитаціи на правительство .	21
Сэръ Робертъ Пиль о католическомъ вопросѣ	22
Рѣчь м-ра Даусона въ Дерри	22
Прокламація противъ митинговъ	26
Митинги въ Англіи противъ эмансипаціи католиковъ	27
Отношеніе короля къ католическому вопросу	30
Распущеніе Ассоціаціи	31
Уступки англійскаго правительства	33
Лишеніе избирательныхъ правъ 40-шиллинговыхъ фриголь- деровъ	33
Уайзъ о Католической Ассоціаціи	34
Сэръ Парнелль объ ирландской агитаціи	36
Урокъ, данный Католическою Ассоціаціею Англіи	37

ГЛАВА XV.

Агитація въ пользу парламентской реформы.

Политическій принципъ, вытекающій изъ исторіи агитацій плат- формы	39
Безмолвіе платформы	40
Проповѣдь платформы о реформѣ	40
Народная нужда и пробужденіе платформы	45
Бирмингамскій политическій союзъ	48
Его первый митингъ	50

	стр.
Система представительства	53
Восшествіе на престолъ Вильгельма IV.	54
Общіе выборы 1830 года	57
Французская революція 1830 года	57
Какъ отразилась эта революція на выборахъ 1830 года	58
Результаты выборовъ	60
Вліяніе французской революціи въ Англіи	63
Сравненіе между 1830 г. и 1792 г.	64
Рѣчь герцога Веллингтона	66
Перемѣна министерства.	67
Митинги въ пользу реформы	69
Times о платформѣ.	71
Дѣйствіе платформы на правительство.	73
Митинги и петиціи	74
Критика платформы въ Annual Register	75
Билль о реформѣ	77
Печать и платформа о биллѣ.	78
Билль о реформѣ въ палатѣ общинъ	81
Опасенія короля	82
Отсрочка парламента	84
Первое заявленіе правительственной программы министромъ внѣ парламента.	85
Общіе выборы 1831 года	87
Конецъ стараго Сарума	88
Агитація въ Шотландіи	89
Билль о реформѣ снова вносится въ парламентъ	92
Платформа о палатѣ лордовъ	93
Митингъ въ Бирмингамѣ	96
Рѣчь Брума въ палатѣ лордовъ	98
Петиціи въ палатѣ лордовъ	99
Отклоненіе билля о реформѣ палатою лордовъ	100
Волненіе въ странѣ и платформа.	101
Ночная депутація къ лорду Грею.	105
Бристольскіе безпорядки	107
Политическіе союзы	109
Національный Политическій Союзъ	112
Отношеніе короля и министровъ къ политическимъ союзамъ.	115
Новая организація Бирмингамскаго союза	118
Королевская прокламація	119
Билль въ палатѣ лордовъ	121
Возобновленіе митинговъ и петицій	122
Бирмингамскій митингъ.	122
Отставка министерства.	125

Возвращеніе министерства	стр. 126
Окончателное торжество Акта о Реформѣ	127

ГЛАВА XVI.

Платформа послѣ Акта о Реформѣ.

Значеніе совершившейся перемѣны	128
Стремленіе англійскаго народа къ самоуправленію.	133
Понятіе о представительномъ управленіи	136
Перемѣна въ понятіи о представительствѣ	138
Обязательства, даваемыя кандидатами	145
Контроль надъ представителями	149
Общія выборы 1832 года	152
Платформа и ея организація	155
Бирмингамскій политическій союзъ	157
Распаденіе Бирмингамскаго союза.	160
Упадокъ политическихъ союзовъ.	161
Национальный союзъ рабочихъ классовъ.	162
Распаденіе національнаго союза	165
Признаніе необходимости платформы министрами.	165
Участіе министровъ въ платформѣ.	166
Рѣчи лорда Брума	169
Поѣздка лорда Грея въ Шотландію	170
Неудовольствіе короля противъ министровъ.	173
Увольненіе либеральнаго министерства.	173
Рѣчь Мельбуерна о причинахъ отставки министерства.	174
Обращенія Пиля къ своимъ избирателямъ	174
Перемѣна въ отношеніяхъ между представителями и избирателями	178
Общія выборы 1835 года	179
Пораженіе министерства	180
Возвращеніе министерства лорда Мельбуерна.	181
Рѣчь сэра Роберта Пиля	182
Взгляды радикальной партіи.	185
Дѣятельность консервативной партіи	186
Рѣчь Пиля въ Гласго	187
Общественное значеніе платформы	188
Новый лозунгъ въ рѣчи Пиля 7 августа 1837 года	193

ЧАСТЬ IV.

ГЛАВА XVII.

Первая агитація чартистовъ.

	стр.
Недовольство народныхъ массъ	189
Положеніе народа безъ руководителей.	197
Нежелательныя проявленія платформы.	199
Печальное положеніе рабочаго класса.	200
Причины, вызвавшія движеніе чартизма.	203
Усилія Ловетта организовать рабочихъ.	204
Лондонска Ассоціація рабочихъ	206
Шесть пунктовъ народной хартіи.	207
Попытка подачи адреса королевѣ.	209
Развитіе движенія среди народныхъ массъ	210
Агитація О'Коннора	212
Возобновленіе Бирмингамскаго политическаго союза	213
Дѣятельность ассоціаціи рабочихъ	214
Открытіе новаго парламента.	215
Чартистскіе ораторы платформы—Стифенсъ, Остлеръ, О'Кон- норъ	216
Образцы рѣчей чартистовъ	217
Митингъ женщинъ въ Бирмингамѣ	222
Первая мысль о національной петиціи.	225
Сѣверный союзъ.	224
Народная хартія	225
Національная петиція	227
Митингъ въ Гласго	229
Митингъ въ Ньюкэстлѣ	232
Рѣчь рабочаго Эйра	233
Митингъ въ Бирмингамѣ.	234
Рѣчь О'Коннора	235
Вестминстерскій митингъ	236
Рѣчь Стифенса на митингѣ въ Керсальмурѣ.	240
Всеобщая подача голосовъ.	241
Митингъ въ Шеффилдѣ	242
Уровень развитія рабочихъ массъ.	244
Новая политика правительства	245
Расколъ среди чартистовъ	246
Факельные митинги	247
Проповѣдь насилія въ рѣчахъ Стифенса	248

	стр.
Правительственная прокламація	250
Арестъ Стифенса.	251
Характеръ рѣчей чартистскихъ ораторовъ	252
Характеристика главныхъ чартистскихъ вожаковъ	255
Проповѣдь физическаго насилія и моральнаго воздѣйствія.	258
Агитація противъ хлѣбныхъ законовъ	260
Два конвента.	263
Чартистскій Національный Конвентъ	264
Національная петиція.	270
Одновременные митинги	273
Конвентъ въ Бирмингамѣ	275
Беспорядки въ Бирмингамѣ.	276
Подача петиціи парламенту	277
Еще беспорядки въ Бирмингамѣ	278
Лордъ Росселль о требованіяхъ чартистовъ.	276
Краснорѣчивое признаніе со стороны члена правительства	280
Преслѣдованія противъ чартистовъ	283
Законы и платформа	285
Прекращеніе Національнаго Конвента	286
Планъ возстанія въ Валлисѣ	287
Кары, постигшія чартистовъ.	289
Осужденіе О'Коннора.	291
Упадокъ чартизма	291

ГЛАВА XVIII.

Агитація противъ хлѣбныхъ законовъ.

Дороговизна хлѣба	294
Вредъ хлѣбныхъ законовъ	296
Манчестерская Ассоціація	298
Образованіе Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ	301
Дѣятельность Лиги	302
Дидактическій характеръ платформы	304
Общіе выборы и избирательная платформа 1841 года	306
Конференціи Лиги	310
Огромные размѣры народнаго бѣдствія	311
Резолюція съѣзда депутатовъ	313
Подача петицій въ 1842 году и въ 1780 году	314
Воззваніе Лиги къ народу	315
Удвоенная энергія Лиги	316
Внутренняя организація ея	317
Дѣятельность Лиги въ Лондонѣ	318

	стр.
Всесторонній характеръ платформы	320
Планъ дальнѣйшей дѣятельности Лиги	322
Современная характеристика этой дѣятельности	325
Агитація въ Шотландіи	326
Новый путь избранный Лигою	329
Привлеченіе новыхъ избирателей	330
Участіе въ движеніи земледѣльческихъ рабочихъ	332
Лига и чартисты	333
Новый лозунгъ Кобдена	335
Пріобрѣтеніе избирательныхъ цензовъ	337
Агитація въ парламентѣ	338
Неурожай и усиленная дѣятельность Лиги	340
Отношеніе министерства къ неурожаю	341
Рѣчь Вилльерса въ Бирмингамѣ	343
Лордъ Россель въ обращеніи къ избирателямъ	344
Усиленная дѣятельность Лиги	345
Отставка и возвращеніе министерства	346
Митинги въ Лондонѣ и Манчестерѣ	347
Митингъ рабочихъ	348
Открытіе парламента и предложеніе министерства объ отмѣ- нѣ хлѣбныхъ пошлинъ	352
Конецъ Лиги	353
Роль платформы въ успѣхѣ Лиги	354
Особенности характера агитаціи Лиги	356
Правота самого дѣла	358
Различіе условій платформы въ Англіи и въ Ирландіи	360
Мирный характеръ движенія	362
Возвышенныя личныя свойства вождей движенія	368
Великіе уроки Лиги	370

ГЛАВА XIX.

Вторая вспышка чартистскаго движенія.

Новая организація	373
Чартисты въ выборахъ 1841 года	375
Вторая большая національная петиція	377
Пониженіе характера платформы	380
Джонъ Брайтъ о чартистскихъ агитаторахъ	382
Раздоры среди чартистовъ	383
Третья большая національная петиція	385
Революція во Франціи	386
Волненія 1845 года	387

Кеннингтонъ-Коммонская демонстрація	стр. 391
Докладъ парламентской комисіи о третьей петиціи чарти- стовъ	397
Герцогъ Веллингтонъ и лордъ Брумъ о чартистскихъ митин- гахъ	398
Новыя мѣропріятія правительства противъ платформы	399
Правительственный билль охраны общественнаго спокойствія	401
Постепенный упадокъ чартизма	408
Національное собраніе чартистовъ	409
Причины распадёнія чартистской партіи	411
Причины неудачи движенія	413
Заслуги чартистской платформы	418

ЧАСТЬ V.

ГЛАВА XX.

Агитація по поводу второй парламентской ре- формы.

Прогрессъ платформы послѣ 1848 года	427
Независимость представителей	429
Затишье по вопросу о парламентской реформѣ	430
Дизраели о реформѣ	431
Брайтъ о реформѣ	432
Платформная поѣздка Брайта	433
Перемѣна министерства	434
Платформа консервативной партіи	435
Гладстонъ о народной агитаціи	437
Общіе выборы 1865 года	439
Билль о реформѣ 1866 года	441
Платформа о реформѣ	442
Новая перемѣна министерства	444
Платформа министровъ	445
Графальгарскій митингъ	447
Буйные безпорядки въ Гайдъ-Паркѣ	448
Послѣдствія безпорядковъ	449
Осенняя агитація	450
Брайтъ на митингѣ въ Бирмингамѣ	452
Times о положеніи платформы	455

	стр.
Продолженіе агитаціи	458
Правительственный проектъ реформы	462
Платформа о проектѣ билля	463
Митингъ Лиги реформы въ Гайдъ-Паркѣ	464
Рѣшеніе Гладстона	465
Актъ о реформѣ 1867 года	467
Реформа 1867 года и платформа	468
Билль о митингахъ въ королевскихъ паркахъ	471
Джонъ Стюартъ Милль о митингахъ	472
Торіи о реформѣ	475
Рѣчь Дизраели	476
Дизраели въ Эйлсбюри	478
Новый парламентъ и выходъ консервативнаго министерства	408

ГЛАВА XXI.

Агитація по поводу болгарскихъ звѣрствъ.

Актъ 1872 года о закрытой подачѣ голосовъ	482
Обшіе выборы 1874 года	483
Возстаніе Герцеговины и Босніи	483
Лига помощи христіанамъ въ Турціи	485
Турецкія звѣрства въ Болгаріи и митинги негодованія	486
Памфлетъ Гладстона	489
Рѣчь Гладстона	491
Рѣчь Норскота	493
Рѣчь Дизраели о политикѣ правительства	495
Перечень дальнѣйшихъ митинговъ	496
Постепенное прекращеніе митинговъ	498
Обзоръ дѣятельности платформы въ этомъ періодѣ агитаціи	499
Характеристика митинговъ	501
Вступленіе платформы въ новую сферу—иностранныю политику	502
Результаты агитаціи и „хартія невмѣшательства“	506
Осенняя кампанія 1877 года	507
Военныя приготовленія правительства и оппозиціонныя митинги	508
Невниманіе правительства къ платформѣ	509

ГЛАВА XXII.

Платформа и общіе выборы 1880 года.

	стр.
Предвыборная кампанія	513
Первая Мидлошенская кампанія Гладстона	515
Рѣчь Гладстона въ Гласго	519
Распушеніе парламента	522
Избирательная борьба передъ общими выборами 1880 года	522
Результаты общихъ выборовъ	525

ГЛАВА XXIII.

Агитація въ пользу третьяго Акта о Реформѣ.

Вопросъ о расширеніи избирательныхъ правъ послѣ 1880 г.	526
Конференція делегатовъ по вопросу о реформѣ	527
Конференція въ Лидсѣ въ 1883 году	528
Билль Гладстона	529
Митингъ въ Гайдъ-Паркѣ	530
Рѣчи лорда Сольсбери въ Шеффилдѣ	533
Рѣчи другихъ министровъ	535
Рѣчь лорда Норскота	537
Контръ-митингъ консерваторовъ	538
Гладстонъ передъ своими избирателями	539
Агитація консервативной партіи	544
Рѣчи Гладстона	545
Рѣчи лорда Сольсбери въ Шотландіи	546
Рѣчи Чемберлена	547
Рѣчи министровъ	594
Измѣнившееся отношеніе къ платформѣ	550
Результаты агитаціи	552

ЧАСТЬ VI.

ГЛАВА XXIV.

Заключительныя соображенія.

	стр.
Исторія послѣдовательнаго развитія платформы	557
Различныя функціи платформы	559
Пригодность платформы для обсужденія	564
Выполненіе платформою ея контролирующей функціи	567
Вопросъ о самостоятельности представителей	569
Мѣстныя Ассоціаціи въ дѣлѣ избранія кандидатовъ	573
Национальная Либеральная Федерация	574
Великое значеніе платформы	575
Де-Кинси о будущемъ платформы	577
Необходимость существованія платформы въ Англіи	579
Опасныя стороны платформы	580
Англіійскій законъ по отношенію къ народнымъ собраніямъ.	584
Гарантіи безопасности въ законѣ.	586
Законы о возмутительной клеветѣ	588
Наибольшая изъ опасностей платформы	590
Безопасность платформы въ настоящее время	592
Политическое воспитаніе народа.	592
Значеніе руководителей народа	596
Прогрессъ платформы	602
Обаятельная сила платформы	604
Печать и платформа	606
Парламентъ и платформа	608
Что обѣщаетъ платформа въ будущемъ	611
Великое дѣло платформы.	612

Поступили въ продажу:

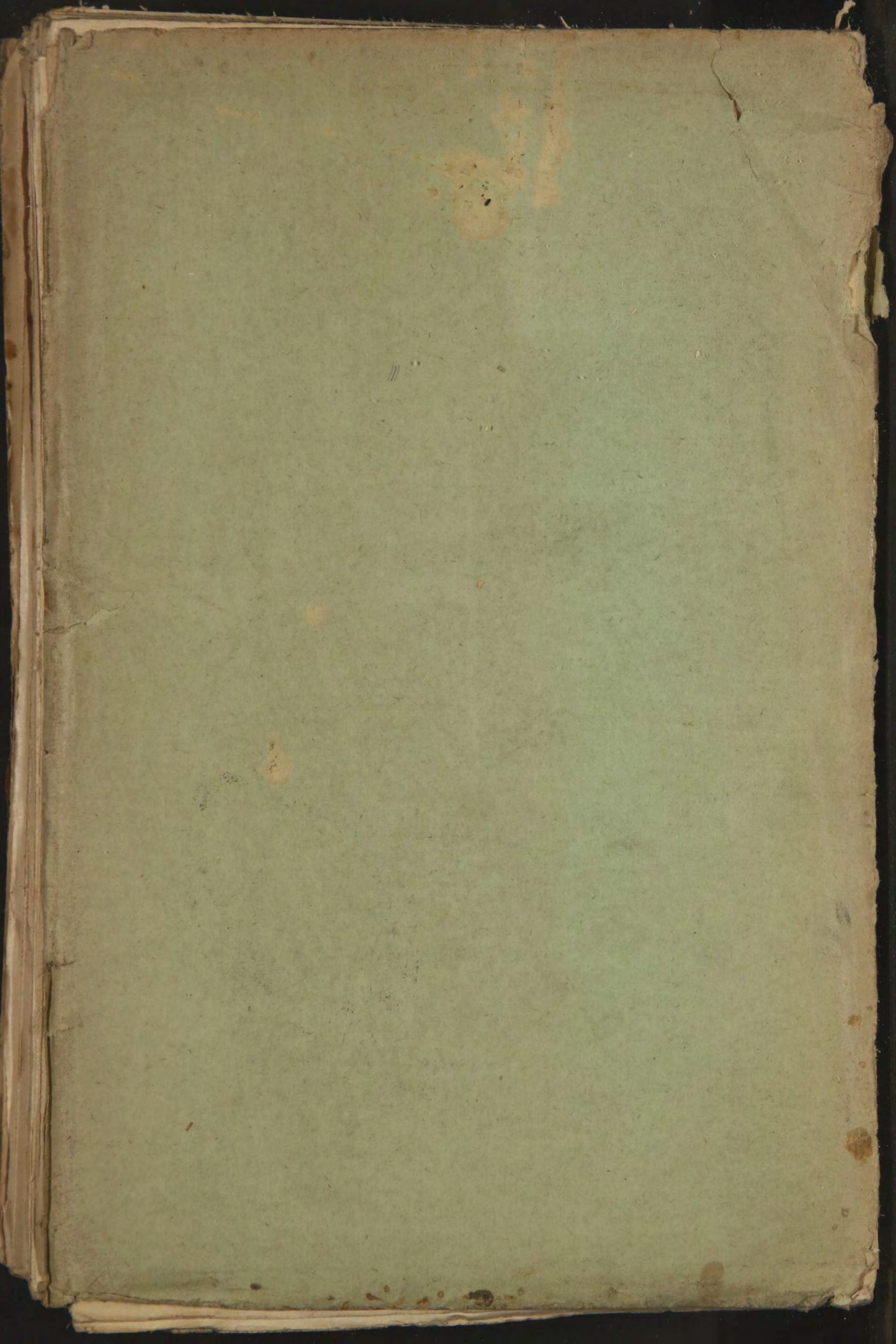
- А. Деберль.** ИСТОРИЯ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ отъ завоеванія до нашего времени. Пер. съ 3-го фр. изд. Съ картою Южной Америки. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.
- Э. Жебаръ.** НАЧАЛА ВОЗРОЖДЕНІЯ ВЪ ИТАЛИИ. Пер. съ фр. Спб. 1900. Цѣна въ перепл. 2 р.
- Э. Жебаръ.** МИСТИЧЕСКАЯ ИТАЛІЯ. Очеркъ изъ исторіи возрожденія религіи въ среднихъ вѣкахъ. Пер. съ фр. Спб. 1900 г. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 50 к.
- К. Бергеръ.** КУЛЬТУРНЫЯ ЗАДАЧИ РЕФОРМАЦИИ. Введеніе въ біографію Лютера. Пер. съ нѣмец. подъ ред. проф. *Г. В. Форстена*. Спб. 1901. Ц. въ пер. 2 р.
- Фюстель де Куланжъ.** ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННАГО СТРОЯ ДРЕВНЕЙ ФРАНЦИИ. Пер. подъ ред. *И. М. Гревса*. Т. 1-й. РИМСКАЯ ГАЛЛІЯ. Спб. 1901. Ц. въ перепл. 3 р.
- Г. Джефсонъ.** ПЛАТФОРМА, ея возникновеніе и развитіе. (Исторія публичныхъ митинговъ въ Англіи). Пер. со 2-го англ. изд. *Н. Н. Мордвиновой*, подъ ред. проф. *В. Θ. Дерюжинскаго*. Спб. 1901 г., 2 т. Цѣна каждаго тома въ пер. 3 р.; въ обложкѣ 2 р. 70 к.

Печатаются:

- Фюстель де Куланжъ.** ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННАГО СТРОЯ ДРЕВНЕЙ ФРАНЦИИ. Тт. II и III.
- Ог. Тьерри.** ГОРОДСКІЯ КОММУНЫ ФРАНЦИИ въ средніе вѣка. Пер. *Г. А. Лучинскаго*.
- М. Филиппсонъ.** РЕЛИГИОЗНАЯ КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІЯ XVI ВѢКА. Происхожденіе современнаго католицизма.
- Ракэнъ.** ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ ВО ФРАНЦИИ ВЪ XVIII вѣкѣ.
- А. Оларъ.** ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Происхожденіе и развитіе демократіи и республики (1789—1804).
- Грегоровіусъ.** ИСТОРИЯ ГОРОДА РИМА ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА. Тт. I и II.

ДЖЕФСО

ДАТФОР

ИСТОРИ

ПУБЛИЧН

МИТИНГС

ВЪ

АНГЛИ

ТОМЪ

Ц. 3 Р. 7

1901